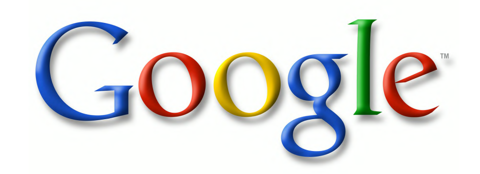
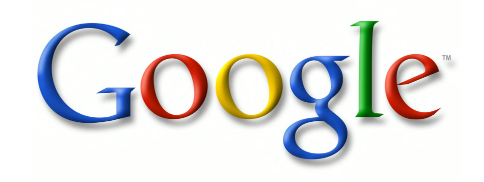
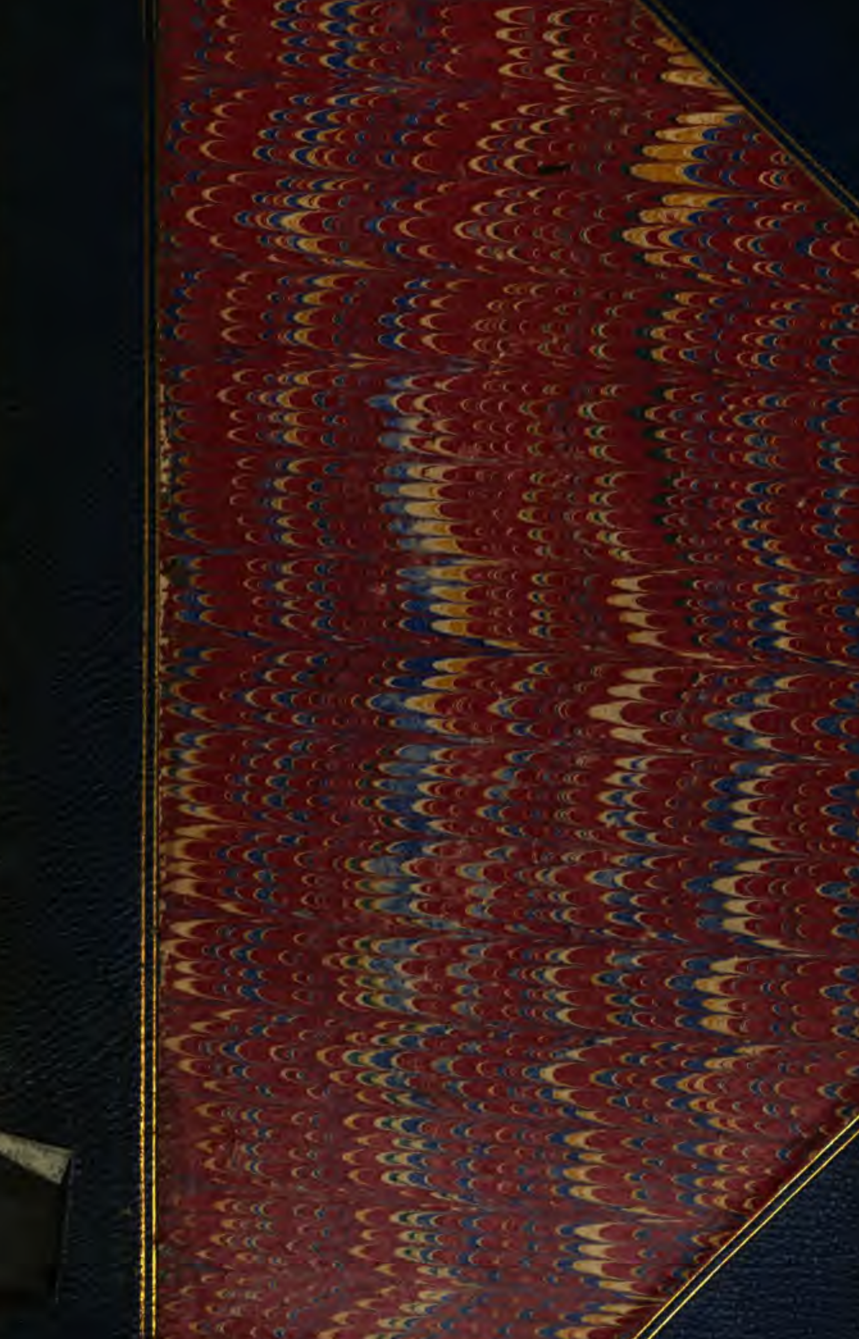
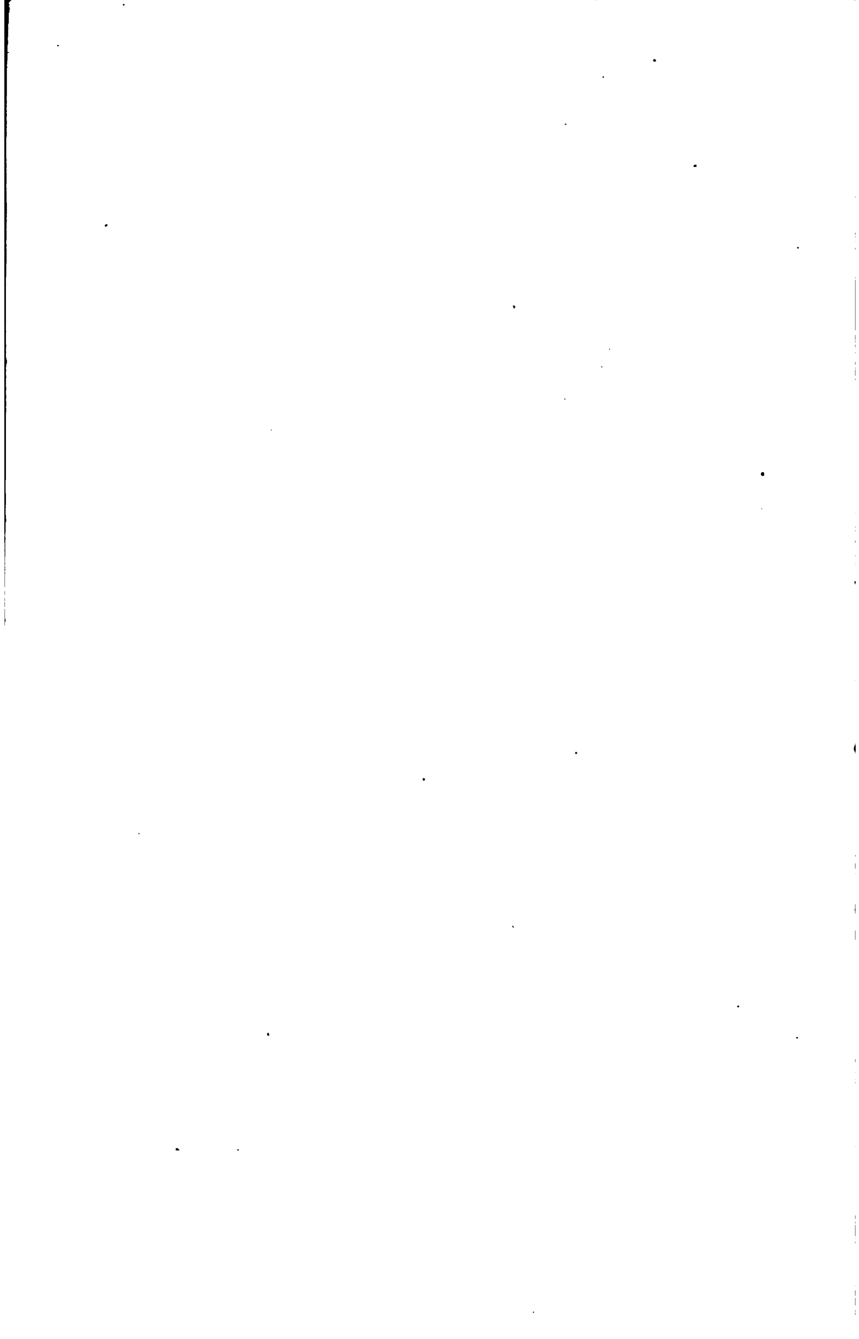

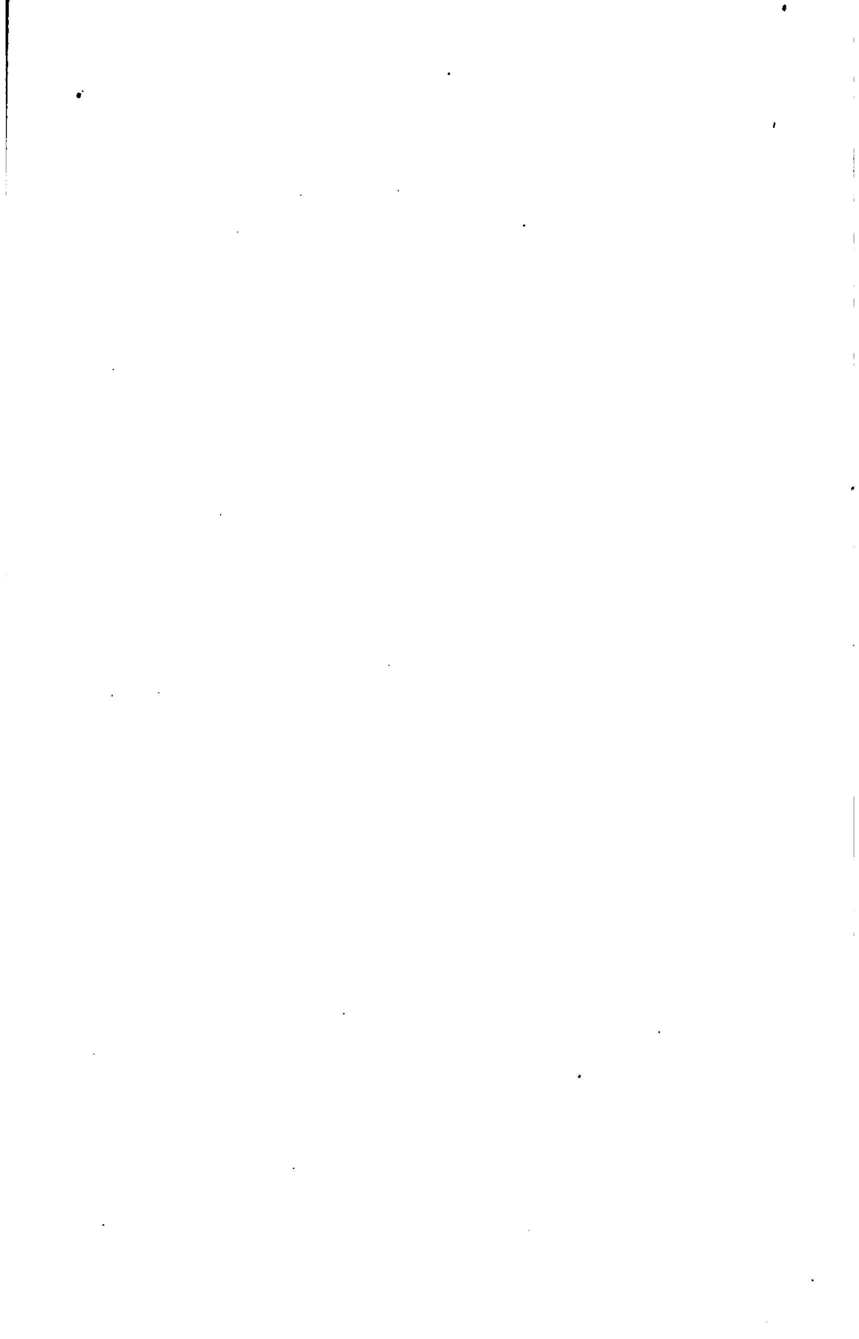

DOMI NUS ILLU
MINA TIO MEA
Taylor Institution.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

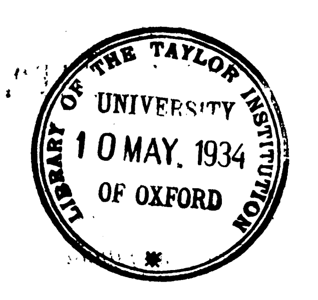
СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XI и XII.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1853.

Цѣна за 10 томовъ 10 рубл. сер.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XI.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1853.

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XI.

ГЛАВА I.

Царствованіе Бориса Годунова.

г. 1598—1604.

Москва встрѣчаетъ Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Дѣятельность Борисова. Торжественный входъ въ столицу. Знаменитое ополченіе. Ханское Посольство. Угощеніе войска. Рѣчь Патріарха. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной. Царское вѣнчаніе. Милости. Новый Царь Касимовскій. Происшествія въ Сибири. Гибель Кучюма. Дѣла внѣшней Политики. Судьба Шведскаго Принца, Густава, въ Россіи. Перемиріе съ Литвою. Сношенія съ Швеціею. Тѣсная связь съ Даніею. Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Переговоры съ Австріею. Посольство Персидское. Происшествія въ Грузіи. Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ. Дружество съ Англіею. Ганза. Посольство Римское и Флорентійское. Греки въ Москвѣ. Дѣла Ногайскія. Дѣла внутреннія. Жалованная грамота Патріарху. Законъ о крестьянахъ. Питейные домы. Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова къ сыну. Начало бѣдствій.

г. 1598.

Духовенство, Синклитъ и Чины Государственные, съ хоругвями Церкви и отече-

Москва встрѣчаетъ Царя.

ства, при звукѣ всѣхъ колоколовъ Московскихъ и восклицаніяхъ народа, упоеннаго радостію, возвратились въ Кремль, уже давъ Самодержца Россіи, но еще оставивъ его въ келліи. 26 Февраля, въ Недѣлю Сыропустную, Борисъ въѣхалъ въ столицу: встрѣченный, предъ стѣнами деревянной крѣпости, всѣми гостями Московскими съ хлѣбомъ, съ кубками серебряными, золотыми, соболями, жемчугомъ, и многими иными *дарами Царскими* (1), онъ ласково благодарилъ ихъ, но не хотѣлъ взять ничего, кромѣ хлѣба, сказавъ, что богатство въ рукахъ народа ему пріятнѣе, нежели въ Казнѣ. За гостями встрѣтили Царя Іовъ и все Духовенство; за Духовенствомъ Синклитъ и народъ. Въ храмѣ Успенія отпѣвъ молебенъ, Патріархъ *вторично* благословилъ Бориса на Государство, осѣнивъ крестомъ Животворящаго Древа, и клиросы пѣли многолѣтіе какъ Царю, такъ и всему Дому Державному: Царицѣ Маріи Григоріевнѣ, юному сыну ихъ Ѳеодору и дочери Ксеніи. Тогда *здравствовали* новому Монарху всѣ Россіяне; а Патріархъ, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: «Славимъ Тебя, «Господи: ибо Ты не презрѣлъ нашего «моленія, услышалъ вопль и рыданіе Христіанъ, преложилъ ихъ скорбь на веселіе, «и даровалъ намъ Царя, коего мы денно и «нощно просили у Тебя со слезами!» Послѣ

Литургіи Борисъ изъявилъ благодарность къ памяти двухъ главныхъ виновниковъ его величія: въ храмѣ Св. Михаила палъ ницъ предъ гробами Іоанновымъ (2) и Ѳеодоровымъ; молился и надъ прахомъ древнѣйшихъ знаменитыхъ Вѣнценосцевъ Россіи: Калиты, Донскаго, Іоанна III, да будутъ его небесными пособниками въ земныхъ дѣлахъ Царства; зашелъ во дворецъ (3); посѣтилъ Іова въ Обители Чудовской; долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ; сказалъ ему и всѣмъ Епископамъ, что не можетъ до Свѣтлаго Христова Воскресенія оставить Ирины въ ея скорби, и возвратился въ Новодѣвичій монастырь, предписавъ Думѣ Боярской, съ его вѣдома и разрѣшенія, управлять дѣлами Государственными.

Присяга Борису.

Между тѣмъ всѣ люди служивые съ усердіемъ цѣловали крестъ въ вѣрности къ Борису, одни предъ славною Владимірскою иконою Дѣвы Маріи, другіе у гроба Святыхъ Митрополитовъ, Петра и Іоны (4); клялися не измѣнять Царю ни дѣломъ, ни словомъ, не умышлять на жизнь или здравіе Державнаго, не вредить ему ни ядовитымъ зеліемъ, ни чародѣйствомъ (5); не думать о возведеніи на престолъ бывшаго Великаго Князя Тверскаго, Симеона Бекбулатовича, или сына его; не имѣть съ нимъ тайныхъ сношеній, ни переписки;

доносить о всякихъ *скопахъ* и *заговорахъ*, безъ жалости къ друзьямъ и ближнимъ въ семъ случаѣ; не уходить въ иныя земли, въ Литву, Германію, Испанію, Францію или Англію. Сверхъ того Бояре, чиновники Думные и Посольскіе обязывались быть скромными въ дѣлахъ и тайнахъ государственныхъ, судіи не кривить душею въ тяжбахъ, Казначеи не корыстоваться Царскимъ достояніемъ, Дьяки не лихоимствовать. Послали въ области грамоты извѣстительныя о счастливомъ избраніи Государя, велѣли читать ихъ всенародно, три дни звонить въ колокола, и молиться въ храмахъ *сперва* о Царицѣ-Инокинѣ Александрѣ, *послѣ* о Державномъ ея братѣ, семействѣ его, Боярахъ и воинствѣ. Патріархъ (9 Марта) Соборомъ уставилъ торжественно просить Бога, да сподобитъ Царя благословеннаго возложить на себя вѣнецъ и порфиру; уставилъ еще на вѣки вѣковъ праздновать въ Россіи 21 Февраля, день Борисова воцаренія; наконецъ предложилъ Думѣ Земской утвердить данную Монарху присягу Соборною Грамотою, съ обязательствомъ для всѣхъ чиновниковъ не уклоняться ни отъ какой службы, не требовать ничего свыше достоинства родовъ или заслуги [6], всегда и во всемъ слушаться *указа Царскаго и приговора Боярскаго*, чтобы *въ дѣлахъ Разрядныхъ и Земскихъ не доводить Государя до*

Соборная грамота.

кручины. Всѣ Члены Великой Думы отвѣтствовали единогласно: «даемъ обѣтъ положить свои души и головы за Царя, Царицу «и дѣтей ихъ!» Велѣли писать хартію, въ такомъ смыслѣ, первымъ грамотѣямъ Россіи.

Сіе дѣло чрезвычайное не мѣшало теченію обыкновенныхъ дѣлъ государственныхъ, коими занимался Борисъ съ отмѣнною ревностію, и въ келліяхъ монастыря и въ Думѣ, часто пріѣзжая въ Москву. Не знали, когда онъ находилъ время для успокоенія, для сна и трапезы (7): безпрестанно видѣли его въ совѣтѣ съ Боярами и съ Дьяками, или подлѣ несчастной Ирины, утѣшающаго и скорбящаго, днемъ и ночью. Казалось, что Ирина дѣйствительно имѣла нужду въ присутствіи единственнаго человѣка, еще милаго ея сердцу: сраженная кончиною супруга, искренно и нѣжно любимаго ею, она тосковала и плакала неутѣшно до изнуренія силъ, очевидно угасая и нося уже смерть въ груди, истерзанной рыданіями. Святители, Вельможи тщетно убѣждали Царя оставить печальную для него Обитель, переселиться съ супругою и съ дѣтьми въ Кремлевскія палаты, явить себя народу въ вѣнцѣ и на тронѣ: Борисъ отвѣтствовалъ: «не могу разлучиться съ Великою Государынею, моею сестрою злосчастною»—и даже снова, неутомимый въ лице-

Дѣятельность Борисова.

мѣріи, увѣрялъ, что не желаетъ быть Царемъ ([8]). Но Ирина вторично *велѣла* ему исполнить волю народа и Божію, пріять скипетръ и царствовать не въ келліи, а на престолѣ Мономаховомъ. Наконецъ, Апрѣля 30, подвиглась столица во срѣтеніе Государю!

Торжественный входъ въ столицу.

Сей день принадлежитъ къ торжественнѣйшимъ днямъ Россіи въ ея Исторіи. Въ часъ утра Духовенство съ крестами и съ иконами, Синклитъ, Дворъ, Приказы, воинство, всѣ граждане ждали Царя у каменнаго мосту, близъ церкви Св. Николая Зарайскаго. Борисъ ѣхалъ изъ Новодѣвичьяго монастыря съ своимъ семействомъ въ великолѣпной колесницѣ; увидѣвъ хоругви церковныя и народъ, вышелъ: поклонился святымъ иконамъ; милостиво привѣтствовалъ всѣхъ, и знатныхъ и незнатныхъ; представилъ имъ Царицу, давно извѣстную благочестіемъ и добродѣтелію искреннею, — девятилѣтняго сына и шестнадцатилѣтнюю дочь, Ангеловъ красотою. Слыша восклицанія народа: «Вы наши Го«судари, мы ваши подданные,» Ѳеодоръ и Ксенія вмѣстѣ съ отцемъ ласкали чиновниковъ и гражданъ; такъ же, какъ и онъ, взявъ у нихъ хлѣбъ-соль, отвергнули золото, серебро и жемчугъ, поднесенные имъ въ даръ, и звали всѣхъ обѣдать къ Царю. Невозбранно тѣснимый безчисленною тол-

пою людей, Борисъ шелъ за Духовенствомъ съ супругою и съ дѣтьми, какъ добрый отецъ семейства и народа, въ храмъ Успенія, гдѣ Патріархъ возложилъ ему на грудь Животворящій крестъ Св. Петра Митрополита (что было уже началомъ Царскаго вѣнчанія), и въ *третій разъ* благословилъ его на Великое Государство Московское. Отслушавъ Литургію, новый самодержецъ, провождаемый Боярами, обходилъ всѣ главныя церкви Кремлевскія, вездѣ молился съ теплыми слезами, вездѣ слышалъ радостный кликъ гражданъ, и держа за руку своего юнаго наслѣдника, а другою ведя прелестную Ксенію (9), вступилъ съ супругою въ палаты Царскія. Въ сей день народъ обѣдалъ у Царя: не знали числа гостямъ, но всѣ были званые, отъ Патріарха до нищаго. Москва не видала такой роскоши и въ Іоанново время.— Борисъ не хотѣлъ жить въ комнатахъ, гдѣ скончался Ѳеодоръ: занялъ ту часть Кремлевскихъ палатъ, гдѣ жила Ирина, и велѣлъ пристроить къ нимъ для себя новый дворецъ деревянный.

Онъ уже царствовалъ, но еще безъ короны и скиптра; еще не могъ назваться *Царемъ Боговѣнчаннымъ*, *Помазанникомъ Господнимъ*. Надлежало думать, что Борисъ немедленно возложитъ на себя вѣнецъ со всѣми торжественными обрядами, которые въ глазахъ народа освѣщаютъ лице Властителя: сего требовали Патріархъ и Синклитъ именемъ Россіи; сего безъ сомнѣнія хотѣлъ и Борисъ, чтобы важнымъ церковнымъ дѣйствіемъ утвердить престолъ за собою и

своимъ родомъ: но хитрымъ умомъ властвуя надъ движеніями сердца, вымыслилъ новое очарованіе; вмѣсто скиптра взялъ мечь въ десницу и спѣшилъ въ поле, доказать, что безопасность отечества ему дороже и короны и жизни. Такъ царствованіе самое миролюбивое началося ополченіемъ, которое приводило на память возстаніе Россіянъ для битвы съ Мамаемъ!

Знаменитое ополченіе.

Еще въ Мартѣ мѣсяцѣ, изъ келліи Новодѣвичьяго монастыря, отправивъ гонца къ Хану съ дружественнымъ письмомъ, Борисъ 1 Апрѣля свѣдалъ, по донесенію Воеводы Оскольскаго (10), что плѣнникъ, взятый козаками за Донцемъ въ сшибкѣ съ толпою Крымскихъ разбойниковъ, говоритъ о намѣреніи Казы-Гирея вступить въ предѣлы Московскіе со всею Ордою и съ семью тысячами Султанскихъ воиновъ. Борисъ не усомнился въ истинѣ столь мало достовѣрнаго извѣстія, и рѣшился, не теряя времени, двинуть всю громаду нашихъ силъ къ берегамъ Оки; писалъ о томъ къ Воеводамъ убѣдительно и ласково, требуя отъ нихъ ревности въ первой, важной опасности его царствованія, въ доказательство любви къ нему и къ Россіи. Сей указъ произвелъ удивительное дѣйствіе: не было ни ослушныхъ, ни лѣнивыхъ; всѣ Дѣти Боярскіе, юные и престарѣлые, охотно садились на коней; городскія и сельскія дружины

безъ отдыха спѣшили къ мѣстамъ сборнымъ. Главному стану назначено быть въ Серпуховѣ, Правой Рукѣ въ Алексинѣ, Лѣвой въ Коширѣ, Передовому Полку въ Калугѣ, Сторожевому въ Коломнѣ ([11]).—20 Апрѣля пришли новыя вѣсти: писали изъ Бѣлагорода, что Татаринъ, схваченный Донскими Козаками на перевозѣ, сказывалъ имъ о сильномъ вооруженіи Хана; что толпы Крымскія, хотя и малочисленныя, показались въ степяхъ и гонятъ вездѣ нашихъ стражей. Тогда Борисъ велѣлъ все изготовить для *похода Царскаго*, и 2 Мая выѣхалъ изъ Москвы въ ратномъ доспѣхѣ, взявъ съ собою пять Царевичей: Киргизскаго, Сибирскаго, Шамахинскаго, Хивинскаго и сына Кайбулина, Бояръ, Князей Мстиславскаго, Шуйскихъ, Годуновыхъ, Романовыхъ и другихъ, — многихъ знатныхъ сановниковъ, и между ими Богдана Бѣльскаго, — Печатника Василья Щелкалова, Дворянъ и Дьяковъ Думныхъ, 44 Стольника, 20 Стряпчихъ, 274 Жильца — однимъ словомъ, всѣхъ людей нужныхъ и для войны и для совѣта и для пышности Дворской. Въ Москвѣ остался, при Царицахъ Инокинѣ Александрѣ и Маріи, юный Ѳеодоръ съ Боярами Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ, Князьями Трубецкимъ, Глинскимъ, Черкасскимъ, Шестуновымъ и другими; а при Ѳеодорѣ *дядька* Иванъ Чемодановъ. Сдѣлали распоряженіе въ столицѣ и на случай осады ея: назначили Воеводъ для защиты стѣнъ и башенъ, для объѣздовъ, вылазокъ и битвъ внѣ

укрѣпленій. — 10 Мая, въ селѣ Кузминскомъ, представили Царю двухъ плѣнниковъ, Литовскаго и Цесарскаго, ушедшихъ изъ Крыма: они увѣряли, что Ханъ уже въ полѣ и дѣйствительно идетъ на Москву. Тогда Борисъ послалъ гонцевъ ко всѣмъ начальникамъ степныхъ крѣпостей *съ милостивымъ словомъ:* въ Тулу, Осколъ, Ливны, Елецъ, Курскъ, Воронежъ; симъ гонцамъ велѣно было *спросить о здравіи* какъ Воеводъ, такъ и Дворянъ, Сотниковъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ; вручить грамоты Царскія первымъ, и требовать, чтобы они читали ихъ всенародно. «Я стою на берегу Оки (писалъ «Борисъ) и смотрю на степи: гдѣ явятся непрія«тели, тамъ и меня увидите» ([12]). Въ Серпуховѣ, онъ распорядилъ Воеводство, давъ *почетное* Царевичамъ, а дѣйствительное пяти Князьямъ знатнѣйшимъ: въ главной рати Мстиславскому, въ Правой Рукѣ Василію Шуйскому, въ Лѣвой Ивану Голицыну, въ Передовомъ Полку Дмитрію Шуйскому, въ Сторожевомъ Тимоѳеею Трубецкому. Оградою древней Россіи, въ случаѣ Ханскихъ впаденій, служили, сверхъ крѣпостей, засѣки въ мѣстахъ трудныхъ для обхода: близъ Перемышля, Лихвина, Бѣлева, Тулы, Боровска, Рязани: Государь разсмотрѣлъ чертежи ихъ ([13]), и послалъ туда особенныхъ Воеводъ съ Мордвою и Стрѣльцами; устроилъ еще *плавную* или судовую рать на Окѣ, чтобы тѣмъ болѣе вредить непріятелю въ битвахъ на берегахъ ея. Видѣли, чего не видали до толѣ: *полмилліона войска,*

какъ увѣряютъ ([14]), въ движеніи стройномъ, быстромъ, съ усердіемъ несказаннымъ, съ довѣренностію безпредѣльною. Все дѣйствовало сильно на воображеніе людей: и новость царствованія, благопріятная для надежды, и высокое мнѣніе о Борисовой, уже долговременными опытами извѣданной мудрости. Исчезло самое мѣстничество: Воеводы спрашивали только, гдѣ имъ быть, и шли къ своимъ знаменамъ, не справляясь съ Розрядными Книгами о службѣ отцевъ и дѣдовъ: ибо Царь объявилъ, что Великій Соборъ билъ ему челомъ предписать Боярамъ и Дворянству *службу безъ мѣстъ* ([15]). Сія ревность, способствуя нужному повиновенію, имѣла и другое важное слѣдствіе: умножила число воиновъ, и воиновъ исправныхъ: Дворяне, Дѣти Боярскіе выѣхали въ поле на лучшихъ коняхъ, въ лучшихъ доспѣхахъ, со всѣми слугами, годными для ратнаго дѣла, къ живѣйшему удовольствію Царя, который не зналъ мѣры въ изъявленіяхъ милости: ежедневно смотрѣлъ полки и дружины, привѣтствовалъ начальниковъ и рядовыхъ, угощалъ обѣдами, и всякой разъ не менѣе десяти тысячь людей, на серебряныхъ блюдахъ, подъ шатрами ([16]). Сіи истинно Царскія угощенія продолжались шесть недѣль: ибо слухи о непріятелѣ вдругъ замолкли; разъѣзды наши уже не встрѣчали его; тишина царствовала на берегахъ Донца, и стражи, нигдѣ не видя пыли, нигдѣ не слыша конскаго топота, дремали въ безмолвіи степей. Ложные ли слухи обманули

2*

Бориса, или онъ притворнымъ легковѣріемъ обманулъ Россію, чтобы явить себя Царемъ не только Москвы, но и всего воинства, воспламенить любовь его къ новому Самодержцу, въ годину опасности предпочитающему бранный шлемъ вѣнцу Мономахову, и тѣмъ удвоить блескъ своего торжественнаго воцаренія? Хитрость достойная Бориса, и едва ли сомнительная.— Вмѣсто тучи враговъ, явились въ южныхъ предѣлахъ Россіи мирные Послы Казы-Гиреевы съ нашимъ гонцемъ: Елецкіе Воеводы, 18 Іюня, донесли о томъ Борису, который наградилъ вѣстника деньгами и чиномъ (17).

Ханское Посольство.

Слѣдственно ополченіе безпримѣрное, стоивъ великаго иждивенія и труда, оказалось напраснымъ? Увѣряли, что оно спасло Государство, поразивъ Хана ужасомъ; что Крымцы шли дѣйствительно, но узнавъ о возстаніи Россіи, бѣжали назадъ. По крайней мѣрѣ Царь хотѣлъ впечатлѣть ужасъ въ Пословъ Ханскихъ, изъ коихъ главнымъ былъ Мурза Алей: они въѣхали въ Россію какъ въ станъ воинскій; видѣли на пути блескъ мечей и копій, многолюдныя дружины всадниковъ, красиво одѣтыхъ, исправно вооруженныхъ (18); въ лѣсахъ, въ засѣкахъ слышали оклики и пальбу. Ихъ остановили близъ Серпухова, въ семи верстахъ отъ Царскихъ шатровъ, на лугахъ

Оки, гдѣ уже нѣсколько дней сходилась рать отовсюду. Тамъ, 29 Іюня, еще до разсвѣта загремѣло сто пушекъ, и первые лучи солнца освѣтили войско несмѣтное ([19]), готовое къ битвѣ. Велѣли Крымцамъ, изумленнымъ сею ужасною стрѣльбою и симъ зрѣлищемъ грознымъ, итти къ Царю, сквозь тѣсные ряды пѣхоты, вдали окруженной густыми толпами конницы. Введенные въ шатеръ Царскій, гдѣ все блистало оружіемъ и великолѣпіемъ — гдѣ Борисъ, вмѣсто короны увѣнчанный златымъ шлемомъ, первенствовалъ въ сонмѣ Царевичей и Князей не столько богатствомъ одежды, сколько видомъ повелительнымъ — Алей Мурза и товарищи его долго безмолвствовали, не находя словъ отъ удивленія и замѣшательства; наконецъ сказали, что Казы-Гирей желаетъ вѣчнаго союза съ Россіею, возобновляя договоръ, заключенный въ Ѳеодорово царствованіе: *будетъ въ волѣ* Борисовой и готовъ со всею Ордою итти на враговъ Москвы. Пословъ угостили пышно, и вмѣстѣ съ ними отправили нашихъ къ Хану, для утвержденія новой союзной грамоты его присягою.

Угощеніе войска.

Въ сей же день Св. Петра и Павла, Царь простился съ войскомъ, давъ ему роскошный обѣдъ въ полѣ ([20]): 500,000 гостей пировало на лугахъ Оки; явства, медъ и вино розвозили обозами; чиновниковъ

дарили бархатами, парчами и камками. Послѣднимъ словомъ Царя было: «люблю «воинство Христіанское и надѣюсь на него вѣрность.» Громкія благословенія провождали Бориса далеко по Московской дорогѣ. Воеводы, ратники были въ восхищеніи отъ Государя столь мудраго, ласковаго и счастливаго: ибо онъ безъ кровопролитія, одною угрозою, далъ отечеству вожделѣннѣйшій плодъ самой блестящей побѣды: тишину, безопасность и честь! Россіяне надѣялись, говоритъ Литописецъ, что все царствованіе Борисово будетъ подобно его началу, и славили Царя искренно. — Для наблюденія осталась часть войска на Окѣ; другая пошла къ границѣ Литовской и Шведской; большую часть распустили: но всѣ знатнѣйшіе чиновники спѣшили въ слѣдъ за Государемъ въ столицу.

Тамъ новое торжество ожидало Бориса: вся Москва встрѣтила его, какъ нѣкогда Іоанна, завоевателя Казани, и Патріархъ въ привѣтственной рѣчи сказалъ ему: «Богомъ избранный, Богомъ возлюбленный, «Великій Самодержецъ! мы видимъ славу «твою: ты благодаришь Всевышняго! Благодаримъ его вмѣстѣ съ тобою; но радуйся же и веселися съ нами, совершивъ «подвигъ безсмертный! Государство, жизнь «и достояніе людей цѣлы; а лютый врагъ, «преклонивъ колѣна, молитъ о мирѣ! *Ты*

Рѣчь Патріарха.

«не скрылъ, но умножилъ талантъ свой «въ семъ случаѣ удивительномъ, ознаменованномъ болѣе, нежели человѣческою «мудростію... Здравствуй о Господѣ, Царь «любезный Небу и народу! Отъ радости «плачемъ, и тебѣ кланяемся»(21). Патріархъ, Духовенство и народъ преклонились до земли. Изъявляя чувствительность и смиреніе, Государь спѣшилъ въ храмъ Успенія, славословить Всевышняго, и въ монастырь Новодѣвичій, къ печальной Иринѣ. Всѣ домы были украшены зеленью и цвѣтами.

Прибавленіе къ грамотѣ избирательной.

Но Борисъ еще отложилъ свое Царское вѣнчаніе до 1 Сентября, чтобы совершить сей важный обрядъ въ Новое Лѣто, въ день общаго доброжелательства и надеждъ, лестныхъ для сердца. Между тѣмъ грамота избирательная была написана отъ имени Земской Думы, съ такимъ прибавленіемъ: «Всѣмъ ослушникамъ Царской воли неблагословеніе и клятва отъ Церкви (22), «месть и казнь отъ Синклита и Государства; «клятва и казнь всякому мятежнику, *раскольнику любопрительному*, который дерзнетъ противорѣчить дѣянію Соборному и «колебать умы людей молвами злыми, кто «бы онъ ни былъ, Священнаго ли сана или «Боярскаго, Думнаго или воинскаго, гражданинъ или Вельможа: да погибнетъ и «память его вовѣки!» Сію грамоту утвер-

дили, 1 Августа, своими подписями и печатями Борисъ и юный Ѳеодоръ, Іовъ, всѣ Святители, Архимандриты, Игумены, Протопопы, Келари, Старцы чиновные, — Бояре, Окольничіе, знатные сановники Двора, Печатникъ Василій Щелкаловъ, Думные Дворяне и Дьяки, Стольники, Дьяки Приказовъ, Дворяне, Стряпчіе и Выборные изъ городовъ, Жильцы, Дьяки нижней степени, гости, Сотскіе, числомъ около пяти сотъ: одинъ списокъ ея былъ положенъ въ сокровищницу Царскую, гдѣ лежали государственные уставы прежнихъ Вѣнценосцевъ, а другій въ Патріаршую ризницу, въ храмѣ Успенія. — Казалось, что мудрость человѣческая сдѣлала все возможное для твердаго союза между Государемъ и Государствомъ!

Царское вѣнчаніе.

Наконецъ Борисъ вѣнчался на Царство, еще пышнѣе и торжественнѣе Ѳеодора, ибо пріялъ утварь Мономахову изъ рукъ Вселенскаго Патріарха. Народъ благоговѣлъ въ безмолвіи; но когда Царь, осѣненный десницею Первосвятителя, въ порывѣ живаго чувства какъ бы забывъ уставъ церковный, среди Литургіи воззвалъ громогласно (23): «Отче, Великій Патріархъ «Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ «Царствѣ не будетъ ни сираго, ни бѣд«наго» — и тряся верхъ своей рубашки, примолвилъ: «отдамъ и сію послѣднюю

«народу:» тогда единодушный восторгъ прервалъ священнодѣйствіе: слышны были только клики умиленія и благодарности въ храмѣ; Бояре славословили Монарха, народъ плакалъ. Увѣряютъ, что новый Вѣнценосецъ, тронутый знаками общей къ нему любви, тогда же произнесъ и другій важный обѣтъ: щадить жизнь и кровь самыхъ преступниковъ и единственно удалять ихъ въ пустыни сибирскія ([24]). Однимъ словомъ, никакое Царское вѣнчаніе въ Россіи не дѣйствовало сильнѣе Борисова на воображеніе и чувство людей. — Осыпанный въ дверяхъ церковныхъ золотомъ изъ рукъ Мстиславскаго, Борисъ въ коронѣ, съ державою и скиптромъ спѣшилъ въ Царскую палату, занять мѣсто Варяжскихъ Князей на тронѣ Россіи, чтобы милостями, щедротами и государственными благодѣяніями праздновать сей день великій.

Милости.

Началося съ Двора и Синклита: Борисъ пожаловалъ Царевича Киргизскаго, Уразъ-Магмета, въ Цари Касимовскіе ([25]); Дмитрія Ивановича Годунова въ Конюшіе, Степана Васильевича Годунова въ Дворецкіе (на мѣсто добраго Григорья Васильевича, который одинъ не радовался возвышенію своего рода ([26]), и въ тайной горести умеръ); Князей Катырева, Черкасскаго, Трубецкаго, Ноготкова и Александра Романова-Юрьева въ Бояре; Михайла Романова,

Новый Царь Касимовскій.

Бѣльскаго (любимца Іоаннова и своего бывшаго друга), Криваго-Салтыкова (также любимца Іоаннова) и четырехъ Годуновыхъ въ Окольничіе; многихъ въ стольники и въ иные чины. Всѣмъ людямъ служивымъ, воинскимъ и гражданскимъ, онъ указалъ выдать двойное жалованье ([27]), гостямъ Московскимъ и другимъ торговать безпошлинно два года, а земледѣльцевъ казенныхъ и самыхъ дикихъ жителей Сибирскихъ освободить отъ податей на годъ. Къ симъ милостямъ чрезвычайнымъ прибавилъ еще новую для крестьянъ господскихъ: уставилъ, сколько имъ работать и платить господамъ законно и безобидно ([28]).—Обнародовавъ съ престола сіи Царскія благодѣянія, Борисъ двѣнадцать дней угощалъ народъ пирами.

Казалось, что и Судьба благопріятствовала новому Монарху, ознаменовавъ начало его Державства и вожделеннымъ миромъ и счастливымъ успѣхомъ оружія, въ битвѣ маловажной числомъ воиновъ, но достопамятной своими обстоятельствами и слѣдствіями, мѣстомъ побѣды, на краю свѣта, и лицемъ побѣжденнаго. Мы оставили Царя-изгнанника Сибирскаго, Кучюма, въ степи Барабинской ([29]), непреклоннаго къ милостивымъ предложеніямъ Ѳеодоровымъ, неутомимаго въ набѣгахъ на отнятыя у него земли, и все еще для насъ опаснаго.

Происшествія въ Сибири.

Воевода Тарскій, Андрей Воейковъ, выступилъ (4 Августа 1598) съ 397 Козаками, Литовцами и людьми ясашными къ берегамъ Оби, гдѣ, среди полей, засѣянныхъ хлѣбомъ и вдали окруженныхъ болотами, гнѣздился Кучюмъ съ бѣдными остатками своего Царства, съ женами, съ дѣтьми, съ вѣрными ему князьями и воинами, числомъ до пяти сотъ (30). Онъ не ждалъ врага: бодрый Воейковъ шелъ день и ночь, кинувъ обозъ; имѣлъ лазутчиковъ, хваталъ непріятельскихъ, и 20 Августа, предъ восходомъ солнца, напалъ на укрѣпленный станъ Ханскій. Цѣлый день продолжалась битва, уже послѣдняя для Кучюма: его братъ и сынъ, Илитенъ и Канъ Царевичи, 6 Князей, 10 Мурзъ, 150 лучшихъ воиновъ пали отъ стрѣльбы нашихъ, которые около вечера вытѣснили Татаръ изъ укрѣпленія, прижали къ рѣкѣ, утопили ихъ болѣе ста и взяли 50 плѣнниковъ; не многіе спаслися на судахъ въ темнотѣ ночи. Такъ Воейковъ отмстилъ Кучюму за гибель Ермака неосторожнаго! Восемь женъ, пять сыновей и восемь дочерей Ханскихъ, пять Князей и не мало богатства остались въ рукахъ побѣдителя. Не зная о судьбѣ Кучюма, и думая, что онъ, подобно Ермаку, утонулъ во глубинѣ рѣки, Воейковъ не разсудилъ за благо итти далѣе: сжегъ, чего не могъ взять съ собою, и съ знатными своими плѣнниками возвратился въ Тару, донести Борису, что въ Сибири уже нѣтъ инаго Царя, кромѣ Россійскаго. Но Кучюмъ еще жилъ, двумя усердными слугами во время битвы увезен-

ный на лодкѣ внизъ по Оби, въ землю Чатскую. Еще Воеводы наши снова предлагали ему ѣхать въ Москву, соединиться съ его семействомъ и мирно прожить вѣкъ благодѣяніями Государя великодушнаго. Сеитъ, именемъ Тулъ-Мегметъ, посланный Воейковымъ, нашелъ Кучюма въ лѣсу, близъ того мѣста, гдѣ лежали тѣла убитыхъ Россіянами Татаръ, на берегу Оби: слѣпый старецъ, неодолимый бѣдствіями, сидѣлъ подъ деревомъ, окруженный тремя сыновьями и тридцатью вѣрными слугами; выслушалъ рѣчь Сеитову о милости Царя Московскаго, и спокойно отвѣтствовалъ: «Я не хотѣлъ къ нему и въ лучшее время, «доброю волею, цѣлый и богатый: теперь поѣду «ли за смертію? Я слѣпъ и глухъ, бѣденъ и сиръ. «Жалѣю не о богатствѣ, но только о миломъ сынѣ «Асманакѣ, взятомъ Россіянами: съ нимъ «однимъ, безъ Царства и богатства, безъ женъ и «другихъ сыновей, я могъ бы еще жить на свѣтѣ. «Теперь посылаю остальныхъ дѣтей въ Бухарію, «а самъ ѣду къ Ногаямъ» (31). Онъ не имѣлъ ни теплой одежды, ни коней, и просилъ ихъ изъ милости у своихъ бывшихъ подданныхъ, жителей Чатской волости, которые уже обѣщались быть данниками Россіи: они прислали ему одного коня и шубу. Кучюмъ возвратился на мѣсто битвы, и тамъ, въ присутствіи Сеита, занимался два дни погребеніемъ мертвыхъ тѣлъ; въ третій день сѣлъ на коня—и скрылся для Исторіи. Остались только невѣрные слухи о бѣдственной его кончинѣ: пишутъ, что онъ, скитаясь въ степяхъ

Верхняго Иртыша, въ землѣ Калмыцкой, и близъ озера Заисанъ-Нора похитивъ нѣсколько лошадей, былъ гонимъ жителями изъ пустыни въ пустыню, разбитъ на берегу озера Кургальчина, и почти одинъ явился въ Улусѣ Ногаевъ, которые безжалостно умертвили слѣпаго старца изгнанника, сказавъ: «Отецъ твой насъ грабилъ; а ты не «лучше отца» (32). Вѣсть о семъ происшествіи обрадовала Москву и Россію: Борисъ съ донесеніемъ Воейкова спѣшилъ ночью въ монастырь къ Иринѣ, любя дѣлить съ нею всѣ чистыя удовольствія Державнаго сана (33). Истребленіе Кучюма, перваго и послѣдняго Царя Сибирскаго, если не могуществомъ, то непреклонною твердостію въ злосчастіи достопамятнаго, какъ бы запечатлѣло для насъ господство надъ полунощною Азіею. Въ столицѣ и во всѣхъ городахъ снова праздновали завоеваніе сего неизмѣримаго края, звономъ колокольнымъ и молебнами. Воейкова наградили золотою медалью, а его сподвижниковъ деньгами; велѣли привезти знатныхъ плѣнниковъ въ Москву и дали народу удовольствіе видѣть ихъ торжественный въѣздъ (въ Генварѣ 1599). Жены, дочери, невѣстки и сыновья Кучюмовы (юноши Асманакъ и Шаимъ, отрокъ Бабадша, младенцы Кумушъ и Молла) ѣхали въ богатыхъ *рѣзныхъ* саняхъ: Царицы и Царевны въ шубахъ бархатныхъ,

Гибель Кучюма.

г. 1599.

атласныхъ и камчатныхъ, украшенныхъ золотомъ, серебромъ и кружевомъ; Царевичи въ ферезяхъ багряныхъ, на мѣхахъ драгоцѣнныхъ; впереди и за ними множество всадниковъ, Дѣтей Боярскихъ, по два въ рядъ, всѣ въ шубахъ собольихъ, съ пищалями. Улицы были наполнены зрителями, Россіянами и чужеземцами ([34]). Царицъ и Царевичей размѣстили въ особенныхъ домахъ, купеческихъ и Дворянскихъ; давали имъ содержаніе пристойное, но весьма умѣренное; наконецъ отпустили женъ и дочерей Ханскихъ въ Касимовъ и въ Бѣжецкій Верхъ, къ Царю Уразъ-Магмету и къ Царевичу Сибирскому Маметкулу, согласно съ желаніемъ тѣхъ и другихъ. Сынъ Кучюмовъ, Абдулъ-Хаиръ, взятый въ плѣнъ еще въ 1591 году, принялъ тогда Христіанскую Вѣру и былъ названъ Андреемъ.

Съ сего времени уже не имѣя войны, но единственно усмиряя, безъ важныхъ усилій, строптивость нашихъ данниковъ въ Сибири, и страхомъ или выгодами мирной, дѣятельной власти умножая число ихъ, мы спокойно занимались тамъ основаніемъ новыхъ городовъ: Верхотурья въ 1598, Мангазеи и Туринска въ 1600, Томска въ 1604 годахъ ([35]); населяли ихъ людьми воинскими, семейными, особенно Козаками Литовскими или Малороссійскими, и самыхъ коренныхъ жителей

г. 1598–1604.

Сибирскихъ употребляли на ратное дѣло, вселяя въ нихъ усердіе къ службѣ льготою и честію, такъ что они съ величайшею ревностію содѣйствовали намъ въ покореніи своихъ единоземцевъ. Однимъ словомъ, если случай далъ Іоанну Сибирь, то государственный умъ Борисовъ надежно и прочно вмѣстилъ ее въ составъ Россіи.

Дѣла внѣшней Политики.

Въ дѣлахъ внѣшней Политики Россійской ничто не перемѣнилось: ни духъ ея, ни виды. Мы вездѣ хотѣли мира или пріобрѣтеній безъ войны, готовясь единственно къ оборонительной; не вѣрили доброжелательству тѣхъ, коихъ польза была несовмѣстна съ нашею, и не упускали случая вредить имъ безъ явнаго нарушенія договоровъ.

Ханъ, увѣряя Россію въ своей дружбѣ, откладывалъ торжественное заключеніе новаго договора съ новымъ Царемъ: между тѣмъ Донскіе Козаки тревожили набѣгами Тавриду, а Крымскіе разбойники Бѣлогородскую область (36). Наконецъ, въ Іюнѣ 1602 года, Казы-Гирей, принявъ дары, оцѣненные въ 14,000 рублей, вручилъ Послу, Князю Григорію Волконскому, Шертную грамоту со всѣми торжественными обрядами, но еще хотѣлъ тридцати тысячь рублей и жаловался, что Россіяне стѣсняютъ Ханскіе улусы основаніемъ крѣпостей въ степяхъ, которыя были дотолѣ

привольемъ Татарскимъ. «Не видимъ ли» (говорилъ онъ) «вашего умысла, столь недружелюб-«наго? Вы хотите задушить насъ въ оградѣ. А «я вамъ другъ, какихъ мало. Султанъ живетъ «мыслію итти войною на Россію, но слышитъ «отъ меня всегда одно слово: *далеко! тамъ пу-«стыни, лѣса, воды, болота, грязи непроходи-«мыя.*» Царь отвѣтствовалъ, что казна его истощилась отъ милостей, оказанныхъ войску и народу; что крѣпости основаны единственно для безопасности нашихъ Посольствъ къ Хану и для обузданія хищныхъ Донскихъ Козаковъ; что мы, имѣя рать сильную, не боимся Султановой. Любимецъ Казы-Гиреевъ, Ахметъ-Челибей, присланный къ Царю съ союзною грамотою, требовалъ отъ него клятвы въ вѣрномъ исполненіи взаимныхъ условій: Борисъ взялъ въ руки *книгу* (безъ сомнѣнія не Евангеліе), и сказалъ: «обѣщаю искреннее дружество Казы-Ги-«рею: вотъ моя *большая присяга;*» не хотѣлъ ни цѣловать креста, ни показать сей книги Челибею, коего увѣряли, что Государь Россійскій изъ особенной любви къ Хану изустно произнесъ священное обязательство союза, и что договоры съ иными Вѣнценосцами утверждаются только Боярскимъ словомъ. Такъ Борисъ, вопреки древнему обыкновенію, уклонился отъ безполезнаго униженія святыни въ дѣлахъ съ варварами, уважающими одну корысть и силу; честилъ Хана умѣренными дарами, а всего болѣе надѣялся на войско, готовое для защиты

юговосточныхъ предѣловъ Россіи, и сохранилъ ихъ спокойствіе. Были взаимныя досады, однакожъ безъ всякихъ непріятельскихъ дѣйствій. Въ 1603 году Казы-Гирей съ гнѣвомъ выслалъ изъ Тавриды новаго Посла Государева, Князя Борятинскаго, за то, что онъ не хотѣлъ удержать Донскихъ Козаковъ отъ впаденія въ Карасанскій Улусъ, отвѣтствуя грубо: «у васъ есть «сабля; а мое дѣло сноситься только съ Ханомъ, «не съ ворами Козаками.» Но сей случай не произвелъ разрыва: Ханъ жаловался безъ угрозъ, и подтвердилъ обязательство умереть нашимъ другомъ, опасаясь тогда Султана и думая найти защитника въ Борисѣ.

Въ дѣлахъ съ Литвою и съ Швеціею Борисъ также старался возвысить достоинство России, пользуясь случаемъ и временемъ. Сигизмундъ, именемъ еще Король Швеціи, уже воевалъ съ ея Правителемъ, дядею своимъ Герцогомъ Карломъ, и склонилъ Вельможныхъ Пановъ къ участію въ семъ междоусобіи, уступивъ ихъ отечеству Эстонію. Въ такихъ благопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ Литва домогалась прочнаго мира, а Швеція союза съ Россіею: Борисъ же, изъявляя готовность къ тому и къ другому, вымышлялъ легкій способъ взять у нихъ, что было нашимъ, и что мы уступили имъ невольно: древнія Орденскія владѣнія, о коихъ столько жалѣлъ Іоаннъ, жалѣла и Россія, купивъ оныя долговременными, кровавыми трудами и за ничто отдавъ властолюбивымъ иноземцамъ.

Судьба Принца Шведскаго, Густава въ Россіи.

Мы упоминали о сынѣ Шведскаго Короля Эрика, изгнанникѣ Густавѣ ([37]). Скитаясь изъ земли въ землю, онъ жилъ нѣсколько времени въ Торнѣ, скуднымъ жалованьемъ брата своего, Сигизмунда, и рѣшился (въ 1599 году) искать счастія въ нашемъ отечествѣ, куда звали его и Ѳеодоръ и Борисъ, предлагая ему не только временное убѣжище, но и знатное помѣстье или Удѣлъ. На границѣ, въ Новѣгородѣ, въ Твери ждали Густава сановники Царскіе, съ привѣтствіями и дарами ([38]); одѣли въ золото и въ бархатъ; ввезли въ Москву на богатой колесницѣ; представили Государю въ самомъ пышномъ собраніи Двора. Поцѣловавъ руку у Бориса и юнаго Ѳеодора, Густавъ произнесъ рѣчь (зная Славянскій языкъ); сѣлъ на золотомъ изголовьѣ; обѣдалъ у Царя за столомъ особеннымъ, имѣя особеннаго Крайчаго и Чашника. Ему дали огромный домъ, чиновниковъ и слугъ, множество драгоцѣнныхъ сосудовъ и чашъ изъ кладовыхъ Царскихъ; наконецъ Удѣлъ Калужскій, три города съ волостями, для дохода ([39]). Однимъ словомъ, послѣ Борисова семейства Густавъ казался первымъ человѣкомъ въ Россіи, ежедневно ласкаемый и даримый. Онъ имѣлъ достоинства: душевное благородство, искренность, свѣдѣнія рѣдкія въ Наукахъ, особенно въ Химіи,

такъ что заслужилъ имя втораго Өеофраста Парацельса; зналъ языки, кромѣ Шведскаго и Славянскаго, Италіянскій, Нѣмецкій, Французскій (40); много видѣлъ въ свѣтѣ, съ умомъ любопытнымъ, и говорилъ пріятно. Но не сіи достоинства и знанія были виною Царской къ нему милости: Борисъ мыслилъ употребить его въ орудіе Политики, какъ втораго Магнуса, желая имѣть въ немъ страшилище для Сигизмунда и Карла; обольстилъ Густава надеждою быть Властителемъ Ливоніи съ помощію Россіи, и хитро приступилъ къ дѣлу, чтобы обольстить и Ливонію. Еще многіе сановники Дерптскіе и Нарвскіе жили въ Москвѣ съ женами и дѣтьми, въ неволѣ сносной, однакожь горестной для нихъ, лишенныхъ отечества и состоянія: Борисъ далъ имъ свободу, съ условіемъ, чтобы они присягнули ему въ вѣрности неизмѣнной; ѣздили, куда хотятъ: въ Ригу, въ Литву, въ Германію для торговли, но вездѣ были его усердными слугами, наблюдали, вывѣдывали важное для Россіи, и тайно доносили о томъ Печатнику Щелкалову. Сіи люди, нѣкогда купцы богатые, уже не имѣли денегъ: Царь велѣлъ имъ раздать до двадцати пяти тысячь нынѣшнихъ рублей серебряныхъ, чтобы они тѣмъ ревностнѣе служили Россіи и преклоняли къ ней своихъ единоземцевъ (41). Зная неудовольствіе жителей Рижскихъ и другихъ Ливонцевъ, утѣсняемыхъ Правительствомъ и въ гражданской жизни и въ богослуженіи, Царь велѣлъ тайно сказать имъ,

что если хотятъ они спасти вольность свою и Вѣру отцевъ; если ужасаются мысли рабствовать всегда подъ тяжкимъ игомъ Литвы и сдѣлаться *Папистами или Iезуитами:* то щитъ Россiи надъ ними, а мечь ея надъ ихъ утѣснителями; что сильнѣйшiй изъ Вѣнценосцевъ, равно славный и мудростiю и человѣколюбiемъ, желаетъ быть отцемъ болѣе, нежели Государемъ Ливонiи, и ждетъ Депутатовъ изъ Риги, Дерпта и Нарвы для заключенiя условiй, которыя будутъ утверждены присягою Бояръ; что свобода, законы и Вѣра останутся тамъ неприкосновенными подъ его верховною властiю (42). Въ то же время Воеводы Псковскiе должны были искусно разгласить въ Ливонiи, что Густавъ, столь милостиво принятый Царемъ, немедленно вступитъ въ ея предѣлы съ нашимъ войскомъ, дабы изгнать Поляковъ, Шведовъ, и господствовать въ ней съ правомъ наслѣдственнаго Державца, но съ обязанностiю Россiйскаго присяжника. Самъ Густавъ писалъ къ Герцогу Карлу: «Европѣ «извѣстна бѣдственная судьба моего родителя; а «тебѣ извѣстны ея виновники и мои гонители: «оставляю месть Богу. Нынѣ я въ *тихомъ* и *без-«боязненномъ пристанищѣ*, у великаго Монарха, «милостиваго къ несчастнымъ Державнаго пле-«мени. Здѣсь могу быть полезенъ нашему любез-«ному отечеству, если ты уступишь мнѣ Эсто-«нiю, угрожаемую Сигизмундовымъ властолю-«бiемъ: съ помощiю Божiею и Царскою буду не «только стоять за города ея, но возьму и всю

«Ливонію, мою законную отчизну.» Замѣтимъ, что о семъ письмѣ не упоминается въ нашихъ переговорахъ съ Швеціею; оно едва ли было доставлено Герцогу: сочиненное, какъ вѣроятно, въ Приказѣ Московскомъ, ходило единственно въ спискахъ изъ рукъ въ руки, между Ливонскими гражданами, чтобы волновать ихъ умы въ пользу Борисова замысла. Такъ мы хитрили, будучи въ перемиріи съ Литвою и въ мирѣ съ Швеціею!

Но сія хитрость, не чуждая коварства, осталась безплодною — отъ трехъ причинъ: 1) Ливонцы издревле страшились и не любили Россіи; помнили исторію Магнуса и видѣли еще слѣды Іоаннова свирѣпства въ ихъ отечествѣ; слушали наши обѣщанія и не вѣрили. Только нѣкоторые изъ Нарвскихъ жителей, тайно сносясь съ Борисомъ, умышляли сдать ему сей городъ; но, обличенные въ сей измѣнѣ, были казнены всенародно ([43]). 2) Мы имѣли лазутчиковъ, а Сигизмундъ и Карлъ войско въ Ливоніи: могла ли она, если бы и хотѣла, думать о Посольствѣ въ Москву? 3) Густавъ лишился милости Бориса, который думалъ женить его на Царевнѣ Ксеніи, съ условіемъ, чтобы онъ исповѣдывалъ одну Вѣру съ нею; но Густавъ не согласился измѣнить своему Закону, ни оставить любовницы, привезенной имъ съ собою изъ Данцига ([44]); не хотѣлъ быть, какъ пишутъ, и слѣпымъ орудіемъ нашей Политики ко вреду Швеціи; требовалъ отпуска, и, разгоряченный виномъ, въ

присутствіи Борисова Медика, Фидлера, грозился зажечь Москву, если не дадутъ ему свободы выѣхать изъ Россіи: Фидлеръ сказалъ о томъ Боярину Семену Годунову, а Бояринъ Царю, который, въ гнѣвѣ отнявъ у неблагодарнаго и сокровища и города, велѣлъ держать его подъ стражею въ домѣ; однакожъ скоро умилостивился и далъ ему, вмѣсто Калуги, разоренный Угличь. Уставъ (въ 1601 году) снова былъ у Царя, но уже не обѣдалъ съ нимъ (45); удалился въ свое помѣстье, и тамъ, среди печальныхъ развалинъ, спокойно занимался Химіею, до конца Борисовой жизни. Неволею перевезенный тогда въ Ярославль, а послѣ въ Кашинъ, сей несчастный Принцъ умеръ въ 1607 году, жалуясь на вѣтренность той женщины, которой онъ пожертвовалъ блестящею долею въ Россіи. Уединенную могилу его, въ прекрасной березовой рощѣ, на берегу Кашенки, видѣли знаменитый Шведскій Военачальникъ, Іаковъ де-ла-Гарди, и Посланникъ Карла IX, Петрей, въ царствованіе Шуйскаго (46).

Перемиріе съ Литвою.

Между тѣмъ мы имѣли случай гордостію отплатить Сигизмунду за уничиженіе, претерпѣнное Іоанномъ отъ Баторія. Великій Посолъ Литовскій, Канцлеръ Левъ Сапѣга, пріѣхавъ въ Москву, жилъ шесть недѣль въ праздности, для того, какъ ему сказы-

вали, что Царь мучился подагрою. Представленный Борису (16 Ноября 1600), Сапѣга явилъ условія, начертанныя Варшавскимъ Сеймомъ для заключенія вѣчнаго мира съ Россіею: ихъ выслушали, отвергнули и еще нѣсколько мѣсяцевъ держали Сапѣгу въ скучномъ уединеніи, такъ, что онъ грозился сѣсть на коня и безъ дѣла уѣхать изъ Москвы ([47]). Наконецъ, будто бы изъ уваженія къ милостивому ходатайству юнаго Борисова сына, Государь велѣлъ Думнымъ Совѣтникамъ заключить перемиріе съ Литвою на 20 лѣтъ. 11 Марта (1601 года) написали грамоту, но не хотѣли именовать въ ней Сигизмунда *Королемъ Швеціи*, подъ лукавымъ предлогомъ, что онъ не извѣстилъ ни Ѳеодора, ни Бориса о своемъ восшествіи на тронъ отцовскій: въ самомъ же дѣлѣ мы пользовались случаемъ мести, за старое упрямство Литвы называть Государей Россійскихъ единственно Великими Князьями, и тѣмъ еще давали себѣ право на благодарность Шведскаго Властителя — право входить съ нимъ въ договоры, какъ съ законнымъ Монархомъ. Тщетно Сапѣга возражалъ, требовалъ, молилъ, даже *съ слезами* ([48]), чтобы внести въ грамоту весь титулъ Королевскій: ее послали къ Сигизмунду для утвержденія съ Бояриномъ, Михаиломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, и съ Думнымъ Дьякомъ, Аѳонасіемъ Власьевымъ, которые, не взирая на худое гостепріимство въ Литвѣ, успѣли въ главномъ дѣлѣ, къ чести Двора Московскаго. Сигизмундъ пред-

водительствовалъ тогда войскомъ въ Ливоніи и звалъ ихъ къ себѣ въ Ригу: они сказали: «будемъ ждать Короля въ Вильнѣ» — и поставили на своемъ; въ глубокую осень жили нѣсколько времени на берегахъ Днѣпра, въ шатрахъ; терпѣли холодъ и недостатокъ ([49]), но принудили Короля ѣхать для нихъ въ Вильну, гдѣ начались жаркія пренія. Литовскіе вельможи говорили Салтыкову и Власьеву: «если дѣйствительно хотите мира, то признайте нашего Короля Шведскимъ, а Эстонію собственностію Польши.» Салтыковъ отвѣчалъ: «Миръ вамъ нужнѣе, нежели намъ. Эстонія и Ливонія собственность «Россіи отъ временъ Ярослава Великаго; а «Шведскимъ Королевствомъ владѣетъ нынѣ «Герцогъ Карлъ: Царь не даетъ никому пустыхъ титуловъ».... «Карлъ есть измѣнникъ и хищникъ,» возражали Паны: «Государь «вашъ перестанетъ ли называться въ титулѣ «*Астраханскимъ* или *Сибирскимъ*, если какой «нибудь разбойникъ на время завладѣетъ сими «землями? Знатная часть Венгріи нынѣ въ рукахъ Султана, но Цесарь именуется Венгерскимъ, а Король Испанскій Іерусалимскимъ.» Убѣжденія остались безъ дѣйствія; но Сигизмундъ, цѣлуя крестъ предъ нашими Послами (7 Генваря 1602) съ обѣщаніемъ свято хранить договоръ, примолвилъ: «клянуся именемъ Божіимъ умереть съ моимъ наслѣдственнымъ титуломъ Короля Шведскаго, не уступать никому Эстоніи и въ теченіе сего двадцатилѣтняго пе-

«ремирія добывать Нарвы, Ревеля и другихъ «городовъ ея, кѣмъ бы они ни были заняты.» Тутъ Салтыковъ выступилъ и сказалъ громко: «Король Сигизмундъ! цѣлуй крестъ къ Вели«кому Государю, Борису Θеодоровичу, по точ«нымъ словамъ грамоты, безъ всякаго прибав«ленія — или клятва не въ клятву!» Сигизмундъ долженъ былъ переговорить свою рѣчь, какъ требовалъ Бояринъ и смыслъ грамоты. Слѣдственно въ Москвѣ и въ Вильнѣ Политика Россійская одержала верхъ надъ Литовскою: Король уступилъ, ибо не хотѣлъ воевать въ одно время и съ Шведами и съ нами; устоялъ только въ отказѣ величать Бориса именемъ *Царя* и *Самодержца*: чего мы требовали и въ Москвѣ и въ Вильнѣ, но удовольствовались словомъ, что сей титулъ безспорно будетъ данъ Королемъ Борису при заключеніи мира вѣчнаго. «Хорошо» (говорили Паны) «и двадцать лѣтъ не лить Христіанской крови: еще лучше успокоить навсе«гда обѣ Державы. Двадцать лѣтъ пройдутъ «скоро; а кто будетъ тогда Государемъ и въ «Литвѣ и въ Россіи, неизвѣстно» ([50]). Замѣтимъ еще обстоятельство достопамятное: Послы Московскіе, въ день своего отпуска пируя во дворцѣ Королевскомъ, увидѣли юнаго Сигизмундова сына, Владислава, и какъ бы въ предчувствіи будущаго вызвались цѣловать у него руку: сей отрокъ семилѣтній, коему надлежало, въ возрастѣ юноши, явиться столь важнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ нашей Исторіи, привѣт-

ствовалъ ихъ умно и ласково; вставъ съ мѣста и снявъ съ себя шляпу, велѣлъ кланяться Царевичу Ѳеодору и сказать ему, что желаетъ быть съ нимъ въ искренней дружбѣ. Знатный Бояринъ Салтыковъ и Думный Дьякъ Власьевъ, который замѣнилъ Щелкалова въ дѣлахъ государственныхъ, могли, храня въ душѣ пріятное воспоминаніе о юномъ Владиславѣ, вселить во многихъ Россіянъ добрыя мысли о семъ, дѣйствительно любезномъ Королевичѣ. — Возвратясь, послы донесли Борису, что онъ можетъ быть увѣренъ въ безопасности и тишинѣ съ Литовской стороны на долгое время; что Король и Паны знаютъ, видятъ силу Россіи, управляемую столь мудрымъ Государемъ, и конечно не помыслятъ нарушить договора ни въ какомъ случаѣ, внутренно славя миролюбіе Царя какъ особенную милость Божію къ ихъ отечеству.

Сношенія съ Швеціею.

Мы сказали, что Правитель Швеціи искалъ союза Россіи: Борисъ, убѣждая Герцога не мириться съ Сигизмундомъ, дозволялъ Шведамъ итти изъ Финляндіи къ Дерпту чрезъ Новогородское владѣніе (51) и хотѣлъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними для изгнанія Поляковъ изъ Ливоніи. Королевскіе чиновники ѣздили въ Москву, наши въ Стокгольмъ съ изъявленіями взаимнаго дружества. Въ знакъ чрезвы-

чайнаго уваженія къ Борису, Герцогъ тайно спрашивалъ у него, *исполнить ли* ему волю Чиновъ Государственныхъ и назваться *ли Королемъ* Шведскимъ? Царь совѣтовалъ *исполнить, и немедленно, для истиннаго блага Швеціи*, и тѣмъ заслужилъ живѣйшую признательность Карлову ([52]); совѣтовалъ искренно, ибо безопасность Россіи требовала, чтобы Литва и Швеція имѣли разныхъ Властителей. Но мы желали Нарвы, и для того хитрый Царь (въ Февралѣ 1601) объявилъ Шведскимъ Посламъ, Карлу Гендрихсону и Георгію Клаусону, бывшимъ у насъ въ одно время съ Литовскимъ Канцлеромъ Сапѣгою, что должно еще снова разсмотрѣть и торжественно утвердить мирную грамоту 1597 года ([53]), писанную отъ имени Ѳеодорова и Сигизмундова; что она недѣйствительна, ибо Сигизмундъ не утвердилъ ее; что обстоятельства перемѣнились, и что сей Король готовъ уступить намъ часть Ливоніи, если будемъ помогать ему въ войнѣ съ Герцогомъ. Послы удивились. «Мы заключили миръ» (говорили они Боярамъ) «не между Ѳеодоромъ и Сигизмундомъ, а между «Швеціею и Россіею, до скончанія вѣковъ, име«немъ Божіимъ, и добросовѣстно исполнили «условія: отдали Кексгольмъ вопреки Сигизмун«дову несогласію. Нѣтъ, Герцогъ Карлъ не по«вѣритъ, чтобы Царь думалъ нарушить обѣтъ, «запечатлѣнный цѣлованіемъ креста на Святомъ «Евангеліи. Если Сигизмундъ уступаетъ вамъ «города въ Ливоніи, то уступаетъ не свое: по-

«ловина ея завоевана Герцогомъ. И союзъ «съ Литвою надеженъ ли для Царя? Пре-«кратились ли споры о Кіевѣ и Смоленскѣ? «Гораздо скорѣе можно согласить выгоды «Швеціи и Россіи: главная ихъ выгода «есть мирное, доброе сосѣдство. Не самъ «ли Царь убѣждалъ Карла не мириться съ «Сигизмундомъ? Мы воюемъ и беремъ го-«рода: что мѣшаетъ вамъ также опол-«читься и раздѣлить Ливонію съ нами?» Но Борисъ, съ удовольствіемъ видя пламя войны между Герцогомъ и Королемъ, не мыслилъ въ ней участвовать, по крайней мѣрѣ до времени; заключивъ перемиріе съ Литвою, медлилъ утвердить безкорыстный миръ съ Карломъ; отпустилъ его Пословъ ни съ чѣмъ, и тайно склоняя жителей Эстоніи измѣнить Шведамъ, чтобы присоединиться къ Россіи, досаждалъ ему симъ непрямодушіемъ — но въ то же время искренно доброхотствовалъ въ войнѣ Ливонской: ибо торжество Сигизмундово угрожало намъ соединеніемъ Шведской короны съ Польскою, а торжество Карлово раздѣляло ихъ навѣки. Борисъ первый изъ Государей Европейскихъ, и всѣхъ охотнѣе, призналъ Герцога Королемъ Швеціи, и въ сношеніяхъ съ нимъ уже давалъ ему сіе имя, когда и самъ Герцогъ еще назывался только Правителемъ.

Тѣсная Новая, важная связь Борисова съ на-

слѣдственнымъ врагомъ Швеція могла также безпокоить Карла. Извѣстивъ сосѣдственныхъ и другихъ Вѣнценосцевъ, Императора, Елисавету, о своемъ воцареніи, Борисъ долго медлилъ оказать сію учтивость Королю Датскому, Христіану; но съ 1601 года началися весьма дружелюбныя сношенія между ими ([54]). Въ одно время Послы Христіановы, Эске-Брокъ и Карлъ Бриске, отправились въ Москву, а наши, знатный Дворянинъ Ржевскій и Дьякъ Дмитріевъ, въ Копенгагенъ, для взаимнаго привѣтствія и для разрѣшенія старыхъ, безконечныхъ споровъ о Кольскихъ и Варгавскихъ пустыняхъ. Доказывая, что вся Лапландія принадлежала Норвегіи, Христіанъ ссылался на Исторію Саксона Грамматика и даже на Мюнстерову Космографію ([55]); говорилъ еще, что сами Россіяне издревле называютъ Лопландію *Мурманскою* или Норвежскою землею; а мы возражали, что она безъ сомнѣнія наша, ибо въ царствованіе Василія Іоанновича Новогородскій Священникъ Илія крестилъ ея дикихъ жителей, и еще утверждали сіе право собственности слѣдующею повѣстію, основанною на преданіи тамошнихъ старцевъ ([56]): «Жилъ нѣкогда въ Корелѣ или «Кексгольмѣ знаменитый *Владѣтель*, имянемъ *Валитъ* или Варентъ, данникъ Великаго Новагорода, мужъ не обычной храб-

Связь съ Даніею.

«рости и силы: воевалъ, побѣждалъ и хотѣлъ «господствовать надъ Лопью или *Мурманскою* «землею. Лопари требовали защиты сосѣдствен- «ныхъ *Норвежскихъ* Нѣмцевъ; но Валитъ раз- «билъ и Нѣмцевъ, тамъ гдѣ нынѣ *Лѣтній* по- «гостъ *Варенгскій*, и гдѣ онъ, въ память вѣкамъ, «положилъ своими руками огромный камень, въ «вышину болѣе сажени; сдѣлалъ вокругъ его «твердую ограду *въ двѣнадцать стѣнъ* и назвалъ «ее *Вавилономъ*: сей камень и теперь именуется «*Валитовымъ*. Такая же ограда существовала на «мѣстѣ Кольскаго острога. Извѣстны еще въ «землѣ Мурманской *губа Валитова* и *городище* «*Валитово* среди острова или высокой скалы, «гдѣ безопасно отдыхалъ витязь Корельскій. «Наконецъ побѣжденные Нѣмцы заключили съ «нимъ миръ, отдавъ ему всю Лопь до рѣки «Ивгея. Долго славный и счастливый, Валитъ, «именемъ Христіанскимъ Василій, умеръ и схо- «ронен въ Кексгольмѣ, въ церкви Спаса; Ло- «пари же съ того времени платили дань Нову- «городу и Царямъ Московскимъ.» Сіи истори- ческіе доводы съ обѣихъ сторонъ были не весь- ма убѣдительны, и Датчане въ знакъ миролюбія желали раздѣлить Лапландію съ нами, вдоль или поперегъ, на двѣ равныя части; а Борисъ, изъ любви къ Христіану, уступалъ ему всѣ земли за монастыремъ Печенскимъ къ Сѣверу, предо- ставляя Датскимъ и Россійскимъ чиновникамъ на будущемъ съѣздѣ близъ Колы означить гра- ницы обѣихъ Державъ. Между тѣмъ возобно-

вили договоръ о свободной торговлѣ Датскихъ купцевъ въ Россіи; условились и въ дѣлѣ важнѣйшемъ.

Борисъ искалъ достойнаго жениха для прелестной Царевны между Европейскими Принцами Державнаго племени, чтобы такимъ союзомъ возвысить блескъ своего Дому въ глазахъ Бояръ и Князей Россійскихъ, которые еще не давно видѣли Годуновыхъ ниже себя: не успѣвъ въ намѣреніи отдать руку дочери, вмѣстѣ съ Ливоніею, Густаву, сей нѣжный родитель и хитрый Политикъ надѣялся доставить счастіе Ксеніи и выгоды Государству супружествомъ ея съ Герцогомъ Іоанномъ, братомъ Христіановымъ, юношею умнымъ и пріятнымъ, который, подобно Густаву, могъ служить орудіемъ нашихъ властолюбивыхъ замысловъ на Эстонію, бывшую собственность Даніи. Царь предложилъ (57), и Король, не устрашенный судьбою Магнуса, обрадовался чести быть сватомъ знаменитаго Самодержца Московскаго, въ надеждѣ его усерднымъ вспоможеніемъ осилить враждебную Швецію. Къ сожалѣнію, любопытныя бумаги о семъ сватовствѣ утратились (58): не знаемъ условій о Вѣрѣ, о приданомъ, ни другихъ взаимныхъ обязательствъ; но знаемъ, что Іоаннъ согласился жертвовать Ксеніи отечествомъ и быть Удѣльнымъ Княземъ въ Россіи (59);

Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи.

не для того ли, чтобы въ случаѣ возможнаго несчастія, преждевременной кончины юнаго Царевича, тронъ Московскій имѣлъ наслѣдниковъ въ семействѣ Борисовомъ? о чемъ, вѣроятно, думалъ Царь дальновидный, съ горячностію любя сына, но любя и мысль о непрерывномъ наслѣдствѣ короны, въ теченіе вѣковъ, для своего рода. Женихъ воевалъ тогда въ Нидерландахъ подъ знаменами Испаніи: спѣшилъ возвратиться, сѣлъ на Адмиральскій корабль, и вмѣстѣ съ пятью другими приплылъ (10 Августа 1602) къ устью Наровы. Тамъ ожидала гостя ладія Царская, устланная бархатомъ (60) — и какъ скоро Герцогъ ступилъ на землю Русскую, загремѣли пушки: Бояринъ Михайло Глѣбовичь Салтыковъ и Думный Дьякъ Власьевъ привѣтствовали его, именемъ Царя, — ввели въ богатый шатеръ и поднесли ему 80 драгоцѣннѣйшихъ соболей. Въ каретѣ, блистающей золотомъ и серебромъ, Іоаннъ ѣхалъ въ Иваньгородъ, мимо Нарвы, гдѣ развѣвались знамена, на башняхъ и стѣнахъ, усѣянныхъ любопытными зрителями: такъ привѣтствовали его и Шведы, внутренно опасаясь сего путешествія, коего цѣль они уже знали или угадывали.

Гораздо искреннѣе честили Герцога въ Россіи. Съ нимъ были Послы Христіановы, три Сенатора (Гильденстернъ, Браге и Гólькъ), восемь знатныхъ сановниковъ, нѣсколько Дворянъ, два Медика, множество слугъ: на каждомъ стапѣ, въ самыхъ бѣдныхъ деревняхъ, угощали ихъ

какъ бы во дворцѣ Московскомъ; за обѣдомъ играла музыка. Въ городахъ стрѣляли изъ пушекъ; войско стояло въ ружьѣ и чиновники за чиновниками представлялись *Свѣтлѣйшему Королевичу*. Ѣхали медленно, въ день не болѣе тридцати верстъ, чрезъ Новгородъ, Валдай, Торжекъ и Старицу. Путешественникъ не скучалъ; въ часы роздыха гулялъ верхомъ или по рѣкамъ на лодкахъ; забавлялся охотою, стрѣлялъ птицъ; бесѣдовалъ съ Бояриномъ Салтыковымъ и Дьякомъ Власьевымъ о Россіи, желая знать ея государственные уставы и народныя обыкновенія. Послы Христіановы совѣтовали ему не вдругъ перенимать наши обычаи и держаться еще Нѣмецкихъ: «ѣду къ Царю (говорилъ онъ) за тѣмъ, «чтобы навыкать всему Русскому.» Будучи 1 Сентября въ Бронницахъ, Іоаннъ сказалъ Салтыкову: «Я знаю, что въ сей день вы празднуете «новый годъ; что Духовенство, Синклитъ и «Дворъ нынѣ торжественно желаютъ многолѣ«тія Государю: еще не имѣю счастія видѣть его «лице, но также усердно молюся, да здрав«ствуетъ» — спросилъ вина, и стоя пилъ *Царскія чаши*, вмѣстѣ съ Московскими сановниками и Датскими Послами. Однимъ словомъ, Іоаннъ хотѣлъ любви Борисовой и любви Россіянъ. Салтыковъ и Власьевъ писали къ Царю о здоровьѣ и веселомъ нравѣ Королевича; увѣдомляли обо всемъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ: даже о нарядахъ, о цвѣтѣ его атласныхъ кафтановъ, украшенныхъ золотыми или серебря-

ными кружевами! Царь требовалъ сихъ подробностей — и высылалъ новые дары путешественнику: богатыя ткани Азіатскія, шапки низанныя жемчугомъ, поясы и кушаки драгоцѣнные, золотыя цѣпи, сабли съ бирюзою и съ яхонтами. Наконецъ Іоаннъ изъявилъ нетерпѣніе быть въ Москвѣ: ему отвѣтствовали, что Государь боялся спѣшною ѣздою утомить его — и поѣхали скорѣе. 18 Сентября ночевали въ Тушинѣ, а 19 приближились къ столицѣ.

Не только воины и люди сановитые, отъ Членовъ Синклита до Приказныхъ Дьяковъ, но и граждане встрѣтили Герцога въ полѣ (61). Выслушавъ ласковую рѣчь Бояръ, онъ сѣлъ на коня, и ѣхалъ Москвою при звукѣ огромнаго Кремлевскаго колокола, съ Датскими и Россійскими чиновниками. Ему отвели въ Китаѣ-городѣ лучшій домъ — и на другой день прислали обѣдъ Царскій: сто тяжелыхъ золотыхъ блюдъ съ яствами, множество кубковъ и чашъ съ винами и медами (62). 28 Сентября было торжественное представленіе. Отъ дому Іоаннова до Краснаго крыльца стояли богато-одѣтые воины: на площади Кремлевской граждане, Нѣмцы, Литва, также въ лучшемъ нарядѣ. У крыльца встрѣтили Іоанна Князья Трубецкій и Черкасскій, на лѣстницѣ Василій Шуйскій и Голицынъ, въ сѣняхъ первый Вельможа Мстиславскій, съ Окольничими и Дьяками. Царь и Царевичь были въ Золотой палатѣ, въ бархатныхъ порфирахъ, унизанныхъ крупнымъ жемчугомъ;

въ ихъ коронахъ и на груди сіяли алмазы и яхонты величины необыкновенной. Увидѣвъ Герцога, Борисъ и Θеодоръ встали, обняли его съ нѣжностію, сѣли съ нимъ рядомъ и долго бесѣдовали, въ присутствіи Вельможъ и царедворцевъ. Всѣ смотрѣли на юнаго Іоанна съ любовію, плѣняясь его красотою: Борисъ уже видѣлъ въ немъ будущаго сына. Обѣдали въ Грановитой палатѣ: Царь сидѣлъ на золотомъ тронѣ, за серебрянымъ столомъ, подъ висящею надъ нимъ короною съ боевыми часами, между Θеодоромъ и Герцогомъ, уже причисленнымъ къ ихъ семейству. Угощеніе заключилось дарами: Борисъ и Θеодоръ сняли съ себя алмазныя цѣпи и надѣли на шею Іоанну; а царедворцы поднесли ему два ковша золотые, украшенные яхонтами, нѣсколько серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ тканей, Англійскихъ суконъ, Сибирскихъ мѣховъ и три одежды Русскія. Но женихъ не видалъ Ксеніи, вѣря только слуху о прелестяхъ ея, любезныхъ свойствахъ, достоинствахъ, и не обманываясь. Современники пишутъ, что она была средняго роста, полна тѣломъ и стройна; имѣла бѣлизну *млечную*, волосы черные, густые и длинные, *трубами лежащіе* на плечахъ, — лице свѣжее, румяное, брови *союзныя*, глаза большіе, черные, свѣтлые, красоты несказанной, особенно, когда блистали въ нихъ слезы умиленія и жалости; не менѣе плѣняла и душею, кротостію, *благорѣчіемъ*, умомъ и вкусомъ образованнымъ, любя

книги и сладкія пѣсни духовныя (63). Строгій обычай не дозволялъ показывать и *такой* невѣсты прежде времени; сама же Ксенія и Царица могли видѣть Іоанна скрытно, издали, какъ думали его спутники. Обрученіе и свадьбу отложили до зимы, готовясь къ тому, вмѣсто пировъ, молитвою: родители, невѣста и братъ ея поѣхали въ Лавру Троицкую... О семъ пышномъ выѣздѣ Царскаго семейства очевидцы говорятъ такъ (64):

«Впереди 600 всадниковъ и 25 заводныхъ коней, блистающихъ убранствомъ, серебромъ и «золотомъ; за ними двѣ кареты: пустая Царе-«вичева, обитая алымъ сукномъ, и другая, оби-«тая бархатомъ, гдѣ сидѣлъ Государь: обѣ въ 6 «лошадей; первую окружали всадники, вторую «пѣшіе царедворцы. Далѣе ѣхалъ верхомъ юный «Ѳеодоръ; коня его вели знатные чиновники. «Позади Бояре и Придворные. Многіе люди бѣ-«жали за Царемъ, держа на головѣ бумагу: у «нихъ взяли сіи челобитныя и вложили въ кра-«сный ящикъ, чтобы представить Государю. «Чрезъ полчаса выѣхала Царица, въ великолѣп-«ной каретѣ; въ другой, со всѣхъ сторонъ за-«крытой, сидѣла Царевна: первую везли десять «бѣлыхъ коней, вторую восемь. Впереди 40 за-«водныхъ лошадей и дружина всадниковъ, му-«жей престарѣлыхъ, съ длинными сѣдыми боро-«дами; сзади 24 Боярыни, на бѣлыхъ коняхъ. «Вокругъ шли 300 приставовъ съ жезлами.» — Тамъ, въ Обители тишины и святости, Борисъ

съ супругою и съ дѣтьми девять дней молился надъ гробомъ Св. Сергія, да благословитъ Небо союзъ Ксеніи съ Іоанномъ.

Между тѣмъ жениха ежедневно честили Царскими обѣдами въ его домѣ; присылали ему бархаты, объяри, кружева *для Русской одежды;* прислали и богатую постелю, бѣлье шитое серебромъ и золотомъ (65). Онъ съ ревностію хотѣлъ учиться нашему языку и даже перемѣнить Вѣру, какъ пишутъ (66), чтобы исповѣдывать одну съ будущею супругою; вообще велъ себя благоразумно, и всѣмъ нравился любезностію въ обхожденіи. Но чего искренно желали и Россіяне и Датчане — о чемъ молились родители и невѣста — то не было угодно Провидѣнію . . . На возвратномъ пути изъ Лавры, 16 Октября, въ селѣ Братовщинѣ (67) Государь узналъ о незапной болѣзни жениха. Іоаннъ еще могъ писать къ нему и прислалъ своего чиновника, чтобы его успокоить. Недугъ усиливался безпрестанно: открылась жестокая горячка; но Медики, Датскіе и Борисовы, не теряли надежды: Царь заклиналъ ихъ употребить все искусство, обѣщая имъ неслыханныя милости и награды. 19 Октября посѣтилъ Іоанна юный Ѳеодоръ, 27 самъ Государь, вмѣстѣ съ Патріархомъ и Боярами; увидѣлъ его слабаго, безгласнаго; ужаснулся, и съ гнѣвомъ винилъ тѣхъ, которые таили отъ него опасность. На другой день, ввечеру, онъ нашелъ Герцога уже при смерти; плакалъ, крушился; говорилъ: «Юноша несчастный! ты

«оставилъ мать, родныхъ, отечество, и пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы умереть безвременно» (68)! Еще желая надѣяться, Государь далъ клятву освободить 4000 узниковъ въ случаѣ Іоаннова выздоровленія, и просилъ Датчанъ молиться Богу съ усердіемъ. Но въ 6 часовъ сего же вечера, 28 Октября, пресѣклись цвѣтущіе дни Іоанновы, на двадцатомъ году жизни... Не только семейство Царское, Датчане, Нѣмцы, но и весь Дворъ, всѣ жители столицы были въ горести. Самъ Борисъ пришелъ къ Ксеніи и сказалъ ей: «любезная дочь! твое счастіе и мое «утѣшеніе погибло!» Она упала безъ чувства къ ногамъ его... Велѣли оказать всю должную честь умершему. Отворили казну Царскую для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ; питали нищихъ въ домѣ, гдѣ скончался Іоаннъ; къ тѣлу приставили знатныхъ чиновниковъ; запретили его анатомить и вложили въ деревянную гробницу, наполненную ароматами, а послѣ въ мѣдную, и еще въ дубовую, обитую чернымъ бархатомъ и серебромъ, съ изображеніемъ креста въ срединѣ и съ Латинскою надписью о достоинствахъ умершаго, о благоволеніи къ нему Царя и народа Россійскаго, объ ихъ печали неутѣшной. Въ день погребенія, 25 Ноября, Борисъ простился съ тѣломъ, обливаясь слезами, и ѣхалъ за нимъ въ саняхъ Китаемъ-городомъ до Бѣлаго. Гробъ везли на колесницѣ, подъ тремя черными знаменами, съ гербомъ Даніи, Мекленбургскимъ и Голштейнскимъ; на обѣихъ сторо-

нахъ шли воины Царской дружины, опустивъ внизъ остріе своихъ копій; за колесницею Бояре, сановники и граждане — до слободы Нѣмецкой, гдѣ, въ новой церкви Аугсбургскаго Исповѣданія, схоронили тѣло Іоанново въ присутствіи Московскихъ Вельможъ, которые плакали вмѣстѣ съ Датчанами, хотя и не разумѣли умилительной надгробной рѣчи, въ коей Герцоговъ Пасторъ благодарилъ ихъ за сію чувствительность (69) . . . .

Вѣроятно ли сказаніе нашего Лѣтописца, что Борисъ внутренно не жалѣлъ о смерти Іоанна, будто бы завидуя общей къ нему любви Россіянъ, и страшася оставить въ немъ совмѣстника для юнаго Ѳеодора; что Медики, узнавъ тайную мысль Царя, не смѣли излечить больнаго (70)? Но Царь хотѣлъ, чтобы Россіяне любили его нареченнаго зятя: для того совѣтовалъ ему быть привѣтливымъ и слѣдовать нашимъ обычаямъ (71); хотѣлъ безъ сомнѣнія и счастія Ксеніи; давалъ симъ бракомъ новый блескъ, новую твердость своему Дому, и не могъ перемѣнить мыслей въ три недѣли: устрашиться, чего желалъ; видѣть, чего не предвидѣлъ, и ввѣрить столь гнусную тайну зла придворнымъ врачамъ-иноземцамъ, коихъ онъ, по смерти Іоанновой, долго не пускалъ къ себѣ на глаза, и которые лечили Герцога вмѣстѣ съ его собственными, Датскими врачами. Свидѣтели сей болѣзни, чиновники Христіанова Двора, издали въ свѣтъ ея вѣрное описаніе (72), доказывая, что

всѣ способы искусства, хотя и безъ успѣха, были употреблены для спасенія Іоаннова. Царь Борисъ крушился тогда безъ лицемѣрія, и чувствовалъ, можетъ быть, казнь Небесную въ совѣсти, готовивъ счастіе для милой дочери и видя ее вдовою въ невѣстахъ; отвергнулъ украшенія Царскія, надѣлъ ризу печали и долго изъявлялъ глубокое уныніе ([73]) .... Все, чѣмъ дарили Герцога, было послано въ Копенгагенъ; всѣхъ Іоанновыхъ спутниковъ отпустили туда съ новыми, щедрыми дарами; не забыли и послѣдняго изъ служителей ([74]). Борисъ писалъ къ Христіану, что Россія остается въ неразрывномъ дружествѣ съ Даніею: оно дѣйствительно не разорвалося, какъ бы утверждаемое для обоихъ Государствъ печальнымъ воспоминаніемъ о судьбѣ юнаго Герцога, коего тѣло было перевезено въ Рошильдъ, долго лежавъ подъ сводомъ Московской Лютеранской церкви. Въ честь Іоанновой памяти Борисъ далъ колокола сей церкви и дозволилъ звонить въ нихъ по днямъ Воскреснымъ ([75]).

Но печаль не мѣшала Борису ни заниматься дѣлами государственными съ обыкновенною ревностію ([76]), ни думать о другомъ женихѣ для Ксеніи: около 1604 года Послы наши снова были въ Даніи, и содѣйствіемъ Христіановымъ условились съ Герцогомъ Шлезвигскимъ, Іоанномъ, чтобы одинъ изъ его сыновей, Филиппъ, ѣхалъ въ Москву жениться на Царевнѣ и быть тамъ Удѣльнымъ Княземъ ([77]). Сіе условіе не

исполнилось единственно отъ тогдашнихъ бѣдственныхъ обстоятельствъ нашего отечества.

Сношенія Россіи съ Австріею были, какъ и въ Θеодорово время, весьма дружелюбны и не безплодны. Думный Дьякъ Власьевъ, (въ Іюнѣ 1599 года) посланный къ Императору съ извѣстіемъ о Борисовомъ воцареніи, сѣлъ на Лондонскій корабль въ устьѣ Двины и вышелъ на берегъ въ Германіи: тамъ, въ Любекѣ и въ Гамбургѣ, знатнѣйшіе граждане встрѣтили его съ великою. ласкою, съ пушечною стрѣльбою и музыкою, славя уже извѣстную милость Борисову къ Нѣмцамъ и надѣясь пользоваться новыми выгодами торговли въ Россіи (78). Рудольфъ, изгнанный моровымъ повѣтріемъ изъ Праги, жилъ тогда въ Пильзенѣ, гдѣ Власьевъ имѣлъ переговоры съ Австрійскими Министрами, увѣряя ихъ, что наше войско уже шло на Турковъ, но что Сигизмундъ заградилъ оному въ Литовскихъ владѣніяхъ путь къ Дунаю; что Царь, какъ истинный братъ Христіанскихъ Монарховъ и вѣчный недругъ Оттомановъ, убѣждаетъ Шаха и многихъ иныхъ *Князей Азійскихъ* дѣйствовать усильно противъ Султана и готовъ *самолично* итти на Крымцевъ, если они будутъ помогать Туркамъ; что мы непрестанно внушаемъ Литовскимъ Панамъ утвердить союзъ съ Императо-

Переговоры съ Австріею.

ромъ и съ нами возведеніемъ Максимиліана на тронъ Ягеллоновъ; что миролюбивый Борисъ не усомнится даже и воевать для достиженія сей цѣли, если Императоръ когда нибудь рѣшится отмстить Сигизмунду за безчестіе своего брата ([79]). Рудольфъ изъявилъ благодарность, но требовалъ отъ насъ не людей, а золота для войны съ Магометомъ III, желая только, чтобы мы смирили Хана. «Императоръ» — говорили его Министры — «любя Царя, не хочетъ, чтобы онъ «подвергалъ себя опасности *личной* въ битвахъ «съ варварами ([80]): у васъ много Воеводъ му«жественныхъ, которые легко могутъ и безъ «Царя унять Крымцевъ: вотъ главное дѣло! «Если угодно Небу, то корона Польская, при «добромъ содѣйствіи великодушнаго Царя, не «уйдетъ отъ Максимиліана; но теперь не время «умножать число враговъ.» И мы конечно не думали дѣйствовать мечемъ для возведенія Максимиліана на тронъ Польскій: ибо Сигизмундъ, уже врагъ Швеціи, былъ для насъ не опаснѣе Австрійскаго Князя въ вѣнцѣ Ягеллоновъ; не думали, вопреки увѣреніямъ Власьева, ратоборствовать и съ Султаномъ безъ необходимости: но предвидя оную — зная, что Магометъ злобится на Россію и дѣйствительно велитъ Хану опустошать ея владѣнія ([81]) — Борисъ усердно доброхотствовалъ Австріи въ войнѣ съ симъ недругомъ Христіанства. Отъ 1598 до 1604 года были у насъ разные Австрійскіе чиновники и знатный Посолъ Баронъ Логау; а Думный Дьякъ

Власьевъ вторично ѣздилъ къ Императору въ 1603 году. Не имѣемъ свѣдѣнія объ ихъ переговорахъ; извѣстно только, что Царь вспомогалъ казною Рудольфу (82), удерживалъ Казы-Гирея отъ новыхъ впаденій въ Венгрію и старался утвердить дружество между Императоромъ и Шахомъ Персидскимъ, къ коему ѣздили Австрійскіе Посланники чрезъ Москву (83), и который славно мужествовалъ тогда противъ Оттомановъ. Но знаменитый Аббасъ, ласково поздравивъ Бориса Царемъ, изъявляя готовность заключить съ нимъ тѣсный союзъ, а *для него* и съ Императоромъ — отправивъ (въ 1600 году) Посланника Исеналея чрезъ Колмогоры въ Австрію, въ Римъ, къ Королю Испанскому (84) — и въ знакъ особенной любви приславъ къ своему *брату Московскому* съ Вельможею Лачинъ-Бекомъ (въ Августѣ 1603 года) *златый тронъ древнихъ Государей Персидскихъ* (85), вдругъ оказался нашимъ недругомъ за бѣдную Грузію: не споривъ съ Ѳеодоромъ, не споря и съ Борисомъ о правѣ именоваться ея верховнымъ Государемъ, хотѣлъ также безспорно властвовать надъ нею, и стиснулъ ее, какъ слабую жертву, въ своихъ рукахъ кровавыхъ.

Посольство Персидское.

Царь Александръ не переставалъ жаловаться въ Москвѣ на бѣдственную долю

Происшествія

въ Грузіи.

Иверіи. Послы его такъ говорили Боярамъ (86): «Мы плакали отъ невѣрныхъ, «и для того отдалися головами Царю пра«вославному, да защититъ насъ; но плачемъ и нынѣ. Наши домы, церкви и мо«настыри въ развалинахъ, семейства въ «плѣну, рамена подъ игомъ. То ли вы намъ «обѣщали? И невѣрные смѣются надъ Хри«стіанами, спрашивая: гдѣ же щитъ Царя «Бѣлаго? гдѣ вашъ заступникъ?» Борисъ велѣлъ напомнить имъ о походѣ Князя Хворостинина, съ коимъ должно было соединиться ихъ войско, и не соединилось (87); однакожь послалъ въ Иверію двухъ сановниковъ, Нащокина и Леонтьева, узнать всѣ обстоятельства на мѣстѣ и съ Терскими Воеводами условиться въ мѣрахъ для ея защиты. Тамъ сдѣлалась перемѣна. Во время тяжкой болѣзни Александровой сынъ его, Давидъ, объявилъ себя Властителемъ: отецъ выздоровѣлъ, но сынъ уже не хотѣлъ возвратить ему знаковъ Державства: *Царской хоругви, шапки и сабли съ поясомъ* (88). Сего мало: онъ злодѣйски умертвилъ всѣхъ ближнихъ людей Александровыхъ. Тогда несчастный отецъ, прибѣжавъ раздѣтый и босой въ церковь, рыдая, захлипаясь отъ слезъ, всенародно предалъ сына анаѳемѣ и гнѣву Божію, который дѣйствительно постигъ изверга: Давидъ въ незапной, мучительной болѣзни

испустилъ духъ, и Посланники наши возвратились съ извѣстіемъ, что Александръ снова царствуетъ въ Иверіи, но не достоинъ милости Государевой, будучи усерднымъ рабомъ Султана, и дерзая укорять Бориса алчностію къ дарамъ. «Мнѣ ли» — сказалъ Царь съ негодованіемъ — «мнѣ ли прельщаться дарами нищихъ, когда могу всю Иверію *наполнить серебромъ и засыпать золотомъ?»* Онъ не хотѣлъ-было видѣть новаго Посла Иверскаго, Архимандрита Кирилла; но сей умный старецъ ясно доказалъ, что Нащокинъ и Леонтьевъ оклеветали Александра; сдѣлалъ еще болѣе: умолилъ Государя не казнить ихъ (89); и далъ ему мысль, для будущаго вѣрнаго соединенія Грузіи съ Россіею, построить каменную крѣпость въ Таркахъ, мѣстѣ неприступномъ, изобильномъ и красивомъ — другую на Тузлукѣ, гдѣ большое озеро соляное, много сѣры и селитры — а третью на рѣкѣ Буйнакѣ, гдѣ нѣкогда существовалъ городъ; будто бы Александромъ Македонскимъ основанный, и гдѣ еще стояли древнія башни среди садовъ виноградныхъ (90).

Для сего предпріятія немаловажнаго Государь избралъ двухъ знатныхъ Воеводъ, Окольничихъ Бутурлина и Плещеева, которые должны были, взявъ полки въ Казани и въ Астрахани, дѣйствовать вмѣстѣ съ Терскими Воеводами и ждать къ себѣ вспомогательной рати Иверской, клятвенно обѣщанной Посломъ отъ имени Александра. Не теряли времени и не жалѣли денегъ,

выдавъ изъ казны не менѣе трехъ сотъ тысячь рублей на издержки похода столь отдаленнаго и труднаго ([91]). Войско, довольно многочисленное, выступило съ береговъ Терека (въ 1604 году) къ Каспійскому морю и видѣло единственно тылъ непріятеля. Шавкалъ, уже старецъ ветхій, лишенный зрѣнія, бѣжалъ въ ущелья Кавказа, и Россіяне заняли Тарки. Не льзя было найти лучшаго мѣста для строенія крѣпости: съ трехъ сторонъ высокія скалы могли служить ей вмѣсто твердыхъ стѣнъ; надлежало укрѣпить только отлогій скатъ къ морю, покрытый лѣсомъ, садами и нивами; въ горахъ били ключи и надѣляли жителей, посредствомъ многихъ трубъ, свѣжею водою. Тамъ, на высотѣ, гдѣ стоялъ дворецъ Шавкаловъ съ двумя башнями, Россіяне немедленно начали строить стѣну, имѣя все, для того нужное: лѣсъ, камень, известь; назвали Тарки *Новымъ городомъ;* заложили крѣпость и на Тузлукѣ. Одни работали, другіе воевали, до Андріи или Эндрена и Теплыхъ Водъ, не встрѣчая важнаго сопротивленія; плѣнили людей въ селеніяхъ, брали хлѣбъ, отгоняли табуны и стада, но боялись недостатка въ съѣстныхъ припасахъ: для того, въ глубокую осень, Бутурлинъ послалъ тысячь пять воиновъ зимовать въ Астрахань; къ счастію, они шли бережно: ибо сыновья Шавкаловы и Кумыки ждали ихъ въ пустыняхъ, напали смѣло, сражались мужественно, цѣлый день, а ночью бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 3000 убитыхъ. О семъ крово-

пролитномъ дѣлѣ писали Воеводы въ Москву и къ Царю Иверскому, ожидая его войска по крайней мѣрѣ къ веснѣ, чтобы очистить всѣ горы отъ непріятеля, совершенно овладѣть Дагестаномъ и безпрепятственно строить въ немъ новыя крѣпости. Но не было слуха о вспомогательной рати, ни вѣстей изъ несчастной Грузіи. Александръ уже не обманывалъ Россіи: онъ погибъ, и за насъ!

Государь, отпустивъ Кирилла (въ Маѣ 1604) изъ Москвы, вмѣстѣ съ нимъ послалъ Дворянина *Ближней Думы*, Михайла Татищева, вопервыхъ для утвержденія Грузіи въ нашемъ подданствѣ, во-вторыхъ и для семейственнаго дѣла, еще тайнаго. Сей сановникъ (въ Августѣ 1604) не нашелъ Царя въ Загемѣ: Александръ былъ у Шаха, который строго велѣлъ ему явиться съ войскомъ въ станъ Персидскій, не взирая на имя Россійскаго данника, и не страшася оскорбить тѣмъ друга своего, Бориса. Сынъ Александровъ, Юрій, принялъ Татищева не только ласково, но и раболѣпно; славилъ величіе Московскаго Царя и плакалъ о бѣдномъ отечествѣ. «Никогда (говорилъ онъ) Иверія не «бѣдствовала ужаснѣе нынѣшняго: стоимъ подъ «ножами Султана и Шаха; оба хотятъ нашей «крови и всего, что имѣемъ. Мы отдали себя «Россіи: пусть же Россія возметъ насъ, не сло«вомъ, а дѣломъ! Нѣтъ времени медлить: скоро «не кому будетъ здѣсь цѣловать креста въ без«полезной вѣрности къ ея Самодержцу. Онъ

«могъ бы спасти насъ. Турки, Персіяне, Ку-
«мыки силою къ намъ врываются; а васъ зо-
«вемъ добровольно: придите и спасите! Ты ви-
«дишь Иверію, ея скалы, ущелья, дебри: если
«поставите здѣсь твердыни и введете въ нихъ
«войско Русское, то будемъ истинно ваши, и
«цѣлы, и неубоимся ни Шаха, ни Султана» (92).
Свѣдавъ, что Турки идутъ къ Загему, Юрій
убѣждалъ Татищева дать ему своихъ Стрѣль-
цевъ для битвы съ ними: умный Посолъ долго
колебался, опасаясь безъ указа Царскаго какъ
бы объявить войну Султану; наконецъ рѣшился
удостовѣрить тѣмъ Иверію въ дѣйствительномъ
правѣ Борисовомъ именоваться ея верховнымъ
Государемъ и далъ Юрію сорокъ Московскихъ
воиновъ, которые присоединились къ пяти или
шести тысячамъ Грузинскихъ, съ доблимъ Сот-
никомъ Михайломъ Семовскимъ; пошли впе-
реди (7 Октября) и встрѣтили Турковъ сильнымъ
залпомъ. Сей первый звукъ нашего оружія въ
пустыняхъ Иверскихъ изумилъ непріятеля: гу-
стая передовая толпа его вдругъ стала рѣже;
онъ увидѣлъ новый строй, новыхъ воиновъ;
узналъ Россіянъ, и дрогнулъ, не зная ихъ ма-
лаго числа. Юрій съ своими ударилъ муже-
ственно, и болѣе гналъ, нежели сражался: ибо
Турки бѣжали не оглядываясь. Казалось, что въ
сей день воскресла древняя слава Иверіи: ея
воины взяли четыре хоругви Султанскія и мно-
жество плѣнниковъ. Въ слѣдующій день Юрій
одержалъ побѣду надъ хищными Кумыками,

явилъ народу трофеи, уже давно ему неизвѣстные, и всю честь приписалъ сподвижникамъ, горсти Россіянъ, славя ихъ какъ Героевъ.

Наконецъ Александръ возвратился изъ Персіи съ сыномъ Константиномъ, принявшимъ тамъ Магометанскую Вѣру (93), какъ мы сказали. Аббасъ, самовластно располагая Иверіею, велѣлъ Константину собрать ея людей воинскихъ, всѣхъ безъ остатка, и немедленно итти къ Шамахѣ; далъ ему 2000 своихъ лучшихъ ратниковъ, нѣсколько Хановъ и Князей; далъ и тайное повелѣніе, отгаданное умнымъ Татищевымъ, который безполезно остерегалъ Александра и Юрія, говоря, что дружина Персидская для нихъ еще опаснѣе, нежели для Турковъ; что Константинъ, измѣнивъ Богу Христіанскому, можетъ измѣнить и святымъ узамъ родства. Они не смѣли изъявить подозрѣнія, чтобы не разгнѣвать могущественнаго Шаха; исполняли его указъ, собирали войско и предали себя убійцамъ. Готовясь ѣхать на обѣдъ къ Александру (12 Марта), Татищевъ вдругъ слышитъ стрѣльбу во дворцѣ, крикъ, шумъ битвы; посылаетъ своего толмача узнать, что дѣлается — и толмачь, входя во дворецъ, видитъ Персидскихъ воиновъ съ обнаженными саблями, на землѣ кровь, трупы и двѣ отсѣченныя головы, лежащія предъ Константиномъ: головы отца его и брата! Константинъ-Мусульманинъ, уже объявленный Царемъ Иверіи Христіанской, приказалъ къ Татищеву, что Александръ убитъ нечаянно, а Юрій до-

стойно, какъ измѣнникъ Шаховъ и Государя Московскаго, другъ и слуга ненавистныхъ Турковъ; что сія казнь не перемѣняетъ отношеній Иверіи къ Россіи; что онъ, исполняя волю великаго Аббаса, брата и союзника Борисова, готовъ во всемъ усердствовать Царю Христіанскому. Но Татищевъ уже свѣдалъ истину отъ Вельможъ Грузинскихъ. Долго терпѣвъ связь Александрову съ Россіею, въ надеждѣ на содѣйствіе Царя въ войнѣ съ Оттоманами, Аббасъ, уже побѣдитель, не захотѣлъ болѣе терпѣть нашего, хотя и мнимаго господства въ землѣ, которая считалась достояніемъ его предковъ. Онъ вразумился въ систему Политики Борисовой; увидѣлъ, что мы, радуясь кровопролитію между имъ и Султаномъ, для себя избѣгаемъ онаго; велѣлъ сыну убить отца, будто бы за приверженность къ Туркамъ, но въ самомъ дѣлѣ за подданство Россіи, дерзкое и безразсудное для несчастнаго Александра (94), который исканіемъ дальняго, невѣрнаго заступника раздражалъ двухъ ближнихъ утѣснителей. Будучи только орудіемъ Аббасовой мести и плакавъ всю ночь предъ совершеніемъ гнуснаго отцеубійства, Константинъ увѣрялъ Борисова Посла, что Шахъ не имѣлъ въ томъ участія. «Родитель мой» (говорилъ онъ) «сдѣлался жертвою междоусобія «сыновей: несчастіе весьма обыкновенное въ «нашей землѣ! Самъ Александръ извелъ отца «своего, убилъ и брата: я тоже сдѣлалъ, *не «зная, къ добру ли, къ худу ли* для свѣта. По

«крайней мѣрѣ буду вѣрнымъ моему слову и «заслужу милость Государя Россійскаго лучше «Александра и Юрія; благодаренъ ему за крѣ«пости, основанныя имъ въ землѣ Шавкаловой, «и скоро пришлю въ Москву богатые дары.» Татищевъ хотѣлъ не ковровъ и не тканей, а подданства; требовалъ отъ него клятвы въ вѣрности къ Россіи, и доказывалъ, что Царемъ Иверіи можетъ быть единственно Христіанинъ. Константинъ отвѣчалъ, что до времени остается Мусульманиномъ и подданнымъ Шаховымъ, но будетъ защитникомъ Христіанства и другомъ Россіи — прибавивъ: «гдѣ твердый «вашъ *хребетъ*, на который мы въ случаѣ нужды «могли бы опереться?» Съ симъ Татищевъ долженъ былъ выѣхать изъ Загема, торжественно объявивъ, что Борисъ не уступаетъ Иверіи Шаху, и что Аббасъ, самовластно казнивъ Александра рукою Константина, нарушилъ счастливое дружество, которое дотолѣ существовало между Персіею и Россіею. — Однимъ словомъ, мы лишились Царства: то есть, права называть его своимъ; но Татищевъ, не выѣзжая изъ Грузіи, нашелъ другое Царство для титула Борисова!

Видя юнаго Ѳеодора уже близкаго къ совершенному возрасту и снова предложивъ руку дочери Датскому Принцу (95), но желая на всякій случай имѣть для нее другаго мужа въ готовности, Борисъ искалъ вдругъ и невѣсты и жениха въ отечествѣ славной Тамари, знаменитой су-

пруги Георгія Андреевича Боголюбскаго. Посолъ Александровъ, Кириллъ, хвалилъ нашимъ Боярамъ красоту Иверскаго Царевича, Давидова сына, Теймураса, и Княжны или Царевны Карталинской, Елены, внуки Симеоновой: Татищеву велѣно было видѣть ихъ; онъ не нашелъ Теймураса, отданнаго Шаху въ аманаты, и поѣхалъ въ Карталинію, видѣть семейство ея Владѣтеля. Сія область древней Иверіи, менѣе подверженная набѣгамъ Дагестанскихъ Кумыковъ, представляла и менѣе развалинъ, нежели Восточная Грузія или Кахетія. Тамъ господствовалъ отецъ Еленинъ, Князь Юрій, послѣ Симеона, взятаго въ плѣнъ Турками: онъ имѣлъ своихъ Князей присяжниковъ (Сонскаго и другихъ), многочисленныхъ *царедворцевъ*, Бояръ и *Святителей*; угостилъ Татищева въ шатрахъ, и съ изъявленіемъ благодарности выслушалъ его предложенія: первое, чтобы Юрій поддался Россіи; второе, чтобы отпустилъ съ нимъ въ Москву Елену и ближняго родственника своего, юнаго Князя Хозроя, *если* они имѣютъ всѣ достоинства, нужныя для чести вступить въ семейство Борисово. «Сія честь велика,» сказалъ усердный Посолъ: «Императоръ и Короли Шведскій, Датскій, Французскій искали ее ревностно.» Судьба Александрова ужасала Юрія; но Татищевъ возражалъ, что сей несчастный погубилъ себя криводушіемъ, хотѣвъ служить вмѣстѣ Царямъ вѣрному и невѣрному, къ досадѣ обоихъ. «Желая угодить Аббасу (говорилъ онъ),

«Александръ не далъ намъ войска, чтобы истре-«бить Шавкала; оставилъ сына въ Персіи и доз-«волилъ ему быть Магометаниномъ, то есть, «острить ножъ на отца и Христіанство; сослалъ «туда и внука, узнавъ о намѣреніи Государя «выдать за него Царевну Ксенію: ибо устра-«шился, чтобы Теймурасъ не взялъ Грузіи въ «приданое за Царевною; но могъ ли Великій «Царь нашъ разлучиться съ нею для бѣднаго «престола Загемскаго, имѣя у себя многія зна-«менитѣйшія Княжества въ Удѣлъ милому зятю? «Александръ палъ, ибо *не прямилъ* Россіи, и не «стоилъ ея сильнаго вспоможенія.» Сорокъ Мо-сковскихъ Стрѣльцевъ спасли Загемъ: Тати-щевъ обязался немедленно прислать въ Карта-линію изъ Терской крѣпости 150 храбрѣйшихъ воиновъ, какъ передовую дружину, для безо-пасности будущаго свата Борисова — и Юрій съ обрядами священными назвалъ себя Россій-скимъ данникомъ. Тѣмъ болѣе желая родствен-наго союза съ Царемъ, онъ представилъ на судъ Татищеву жениха и невѣсту, сказавъ: «Отдаюсь «Россіи и съ Царствомъ и съ душею. Князь «Хозрой воспитанъ моею матерью вмѣстѣ со «мною и служитъ мнѣ правою рукою въ дѣлахъ «ратныхъ; когда онъ въ полѣ, тогда могу быть «спокоенъ дома. Дѣтей у меня двое: сынъ мое «око, а дочь сердце: веселюсь ими и въ бѣд-«ствіяхъ нашего отечества; но не стою за Еле-«ну, когда такъ угодно Богу и Государю Россій-«скому.» Въ донесеніи Царю, о женихѣ и невѣ-

стѣ, Татищевъ пишетъ: «Хоздрою 23 года отъ «рожденія; онъ высокъ и строенъ; лице у него «красиво и чисто, но смугло; глаза свѣтлые ка«ріе, носъ съ горбиною, волосы темнорусые, «усъ тонкій; бороду уже брѣетъ; въ разговорахъ «уменъ и рѣчистъ; знаетъ языкъ Турецкій и «грамоту Иверскую; однимъ словомъ, хорошъ, «но не отличенъ; вѣроятно, что полюбится, но «не вѣрно.... Елену видѣлъ я въ шатрѣ у Ца«рицы: она сидѣла между матерью и бабкою на «золотомъ коврѣ и жемчужномъ изголовьѣ, въ «бархатной одеждѣ съ кружевами, въ шапкѣ «украшенной каменьями драгоцѣнными. Отецъ «велѣлъ ей встать, снять съ себя верхнюю одеж«ду и шапку; вымѣрилъ ея ростъ деревцомъ и «подалъ мнѣ сію мѣрку, чтобы сличить съ дан«ною отъ Государя. Елена прѣлестна, но не чрез«вычайно: бѣла и еще нѣсколько бѣлится; глаза «у нее черные, носъ не большой, волосы *кра«шеные*; станомъ пряма, но слишкомъ тонка отъ «молодости: ибо ей только 10 лѣтъ; и въ лицѣ «не довольно полна. Старшій братъ Еленинъ «гораздо благовиднѣе.» Татищевъ хотѣлъ везти въ Москву невѣсту и жениха, говоря, что первая будетъ жить до совершенныхъ лѣтъ у Царицы Маріи, учиться языку и навыкать обычаямъ Русскимъ. Отпустивъ съ нимъ Хоздроя, Юрій удержалъ Елену до новаго Посольства Царскаго, и тѣмъ избавилъ себя отъ слезъ разлуки безполезной: ибо Елена уже не нашла бы въ Москвѣ своего жениха злосчастнаго! Татищевъ

долженъ былъ оставить и Хоздроя, для его безопасности, въ землѣ Сонской, узнавъ, что случилось въ Дагестанѣ, гдѣ Турки отмстили намъ съ лихвою за геройство Московскихъ Стрѣльцовъ въ Иверіи, и гдѣ въ нѣсколько дней мы лишились всего, кромѣ добраго имени воинскаго!

Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ.

Отношенія Россіи къ Константинополю были странны: Турки въ Іоанново время безъ объявленія войны приступали къ Астрахани, а въ Ѳеодорово и къ самой Москвѣ подъ знаменами Крыма; а Цари еще увѣряли Султановъ въ дружелюбіи (96), удивляясь симъ непріятельскимъ дѣйствіямъ какъ ошибкѣ или недоразумѣнію. Утѣсненный нами Шавкалъ, тщетно ожидавъ вспоможенія отъ Аббаса, искалъ защиты Магомета III, который велѣлъ Дербентскому и другимъ Пашамъ своимъ въ областяхъ Каспійскихъ изгнать Россіянъ изъ Дагестана. Турки соединились съ Кумыками, Лезгинцами, Аварами, и весною въ 1605 году подступили къ Койсѣ, гдѣ начальствовалъ Князь Владиміръ Долгорукій, имѣя мало воиновъ: ибо полки, ушедшіе зимовать въ Астрахань, еще не возвратились. Долгорукій зажегъ крѣпость, сѣлъ на суда и моремъ приплылъ въ городокъ Терскій (97); а Паши осадили Бутурлина въ Таркахъ. Сей Воевода, уже старецъ лѣтами, славился доблестію: худо-

ограждаемый стѣною, еще недостроенною, онъ терялъ много людей, но отразилъ нѣсколько приступовъ. Часть стѣны разрушилась, и каменная башня, подорванная осаждающими, взлетѣла на воздухъ съ лучшею дружиною Московскихъ Стрѣльцевъ ([98]). Бутурлинъ еще мужествовалъ, однакожь видѣлъ невозможность спасти городъ, слушалъ предложенія Султанскихъ чиновниковъ; колебался, и наконецъ, вопреки мнѣнію своихъ товарищей, рѣшился спасти хотя одно войско. Главный Паша самъ былъ у него въ ставкѣ, пировалъ и клялся ему выпустить Россіянъ съ честію, съ доспѣхами, и надѣлить всѣми нужными запасами. Но вѣроломные Кумыки, давъ нашимъ свободный путь изъ крѣпости до степи, вдругъ окружили ихъ и начали страшное кровопролитіе. Пишутъ, что добрые Россіяне единодушно обрекли себя на славную гибель; бились съ непріятелемъ злымъ и многочисленнымъ въ рукопашь, человѣкъ съ человѣкомъ, одинъ съ тремя, боясь не смерти, а плѣна. Изъ первыхъ, въ глазахъ отца, палъ сынъ главнаго начальника, Бутурлина, прекрасный юноша; за нимъ его старецъ-родитель; также и Воевода Плещеевъ съ двумя сыновьями, Воевода Полевъ, и всѣ, кромѣ тяжело-уязвленнаго Князя Владиміра Бахтѣярова и другихъ немногихъ, взятыхъ за-мертво непріятелемъ, но послѣ освобожденныхъ Султаномъ. — Сія битва несчастная, хотя и славная для побѣжденныхъ, стоила намъ отъ шести до семи тысячь воиновъ,

и на 118 лѣтъ изгладила слѣды Россійскаго владѣнія въ Дагестанѣ.

Татищевъ возвратился уже въ новое царствованіе (99) и Борисъ, не имѣвъ времени узнать о возведеніи отцеубійцы-Мусульманина на престолъ Иверіи, до конца дней своихъ былъ другомъ Аббасу, какъ врагу явнаго, опаснаго врага нашего, Султана, противъ коего мы ревностно возбуждали тогда и Азію и Европу.

Дружество съ Англіею.

Въ самыхъ переговорахъ съ Англіею Борисъ изъявлялъ желаніе, чтобы всѣ Христіанскія Державы единодушно возстали на Оттоманскую. «Не только Послы Императора и Римскіе» (100) — писалъ онъ къ Елисаветѣ — «но и другіе иноземные путешественники увѣряли насъ, что ты «будто бы въ тѣсной связи съ Султаномъ: «мы дивились и не вѣрили. Нѣтъ, ты не «будешь никогда дружить злодѣямъ Христіанства, и конечно пристанешь къ об«щему союзу Государей Европейскихъ, «чтобы унизить высокую руку невѣрныхъ: «цѣль достойная тебя и всѣхъ насъ!» Но Елисавета имѣла въ виду только выгоды своего купечества, и для того ласкала самолюбію Царя знаками чрезвычайнаго къ нему уваженія. Посланника нашего, Дворянина Микулина, встрѣтили въ Лондонѣ съ необыкновенною честію: въ гавани и въ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ, когда

онъ (18 Сент. 1600) плылъ Темзою и ѣхалъ городомъ въ Елисаветиной каретѣ, провождаемой тремя стами чиновныхъ всадниковъ, Алдерманами, купцами въ богатомъ нарядѣ, въ золотыхъ цѣпяхъ ([101]). Улицы были тѣсны для множества зрителей. Знаменитому гостю, въ одномъ изъ лучшихъ домовъ Лондона, служили Королевины люди: Елисавета прислала ему изъ своей казны блюда, чаши и кубки серебряные. Угадывали и спѣшили исполнять его желанія; но онъ велъ себя умно и скромно: за все благодарилъ и ничего не требовалъ. Представленіе было въ Ричмондѣ (14 Октября): Елисавета встала съ мѣста и нѣсколько шаговъ ступила на встрѣчу Посланнику; славила воцареніе Бориса, своего *брата сердечнаго, издавна милостиваго къ Англичанамъ;* говорила, что *ежедневно молится о немъ Богу;* что имѣетъ друзей между Государями Европейскими, но никого изъ нихъ не любитъ столь вседушно, какъ Самодержца Россійскаго ([102]); что одно изъ ея главныхъ удовольствій есть исполнять его волю. Микулинъ обѣдалъ у Королевы, и только одинъ сидѣлъ съ нею: Лорды и знатные чиновники не садились; она стоя пила *чашу Борисову*. Приглашаемый быть зрителемъ всего любопытнаго, Посланникъ нашъ видѣлъ Рыцарскія игры въ день восшествія на престолъ Елисаветы, праздникъ Орденскій Св. Георгія, богослуженіе въ церкви Св. Павла и торжественный въѣздъ Королевы въ Лондонъ, ночью, при свѣтѣ факеловъ и звукѣ

трубъ, со всѣми Перами и царедворцами, среди безчисленнаго множества гражданъ, исполненныхъ усердія и любви къ своей Монархинѣ. Елисавета вездѣ благодарила Микулина за его присутствіе, и въ ласковыхъ съ нимъ бесѣдахъ никогда не забывала хвалить Бориса и Россіянъ. Плѣненный ея милостями, сей Посланникъ имѣлъ случай оказать ей свое усердіе. Въ день ужасный для Лондона (18 Февраля 1601), когда несчастный Эссексъ, дерзнувъ объявить себя мятежникомъ, съ пятью стами преданныхъ ему людей шелъ овладѣть крѣпостію — когда всѣ улицы, замкнутыя цѣпями, наполнились воинами и гражданами въ доспѣхахъ — Микулинъ вмѣстѣ съ вѣрными Англичанами вооружился для спасенія Елисаветы, какъ сама она, утишивъ бунтъ, писала къ Царю, славя доблесть его сановника ([103]). — Однимъ словомъ, сіе Посольство утвердило личное дружество между Борисомъ и Королевою. Хотя Елисавета, будучи врагомъ Испаніи и Австріи, не могла принять мысли Борисовой о новомъ Крестовомъ Походѣ или союзѣ всѣхъ Державъ Христіанскихъ для изгнанія Турковъ изъ Европы, но удостовѣрила его въ томъ, что никогда не мыслила о вспоможеніи Султану, и что ревностно желаетъ успѣха Христіанскому оружію. Царь имѣлъ и другое сомнѣніе: онъ слышалъ, что Англія благопріятствуетъ Сигизмунду въ войнѣ съ Шведскимъ Правителемъ; но Елисавета старалась доказать ему, что и Вѣра и Политика предписываютъ ей

усердствовать Карлу. Довольный сими объясненіями, Борисъ далъ новую жалованную грамоту Англичанамъ для свободной, безпошлинной торговли въ Россіи, съ особеннымъ благоволеніемъ принявъ Посланника Елисаветина, Ричарда Ли (104), коего главнымъ дѣломъ было увѣрить Царя въ ея дружбѣ и величать его добродѣтели. «Вселенная полна славы твоей,» писалъ къ нему Ли, выѣзжая изъ Россіи: «ибо ты, сильнѣйшій «изъ Монарховъ, доволенъ своимъ, не желая «чужаго. Враги хотятъ быть съ тобою въ мирѣ «отъ страха, а друзья въ союзѣ отъ любви и «довѣренности. Когда бы всѣ Христіанскіе Вѣн«ценосцы мыслили подобно тебѣ, тогда бы цар«ствовала тишина въ Европѣ, и ни Султанъ, ни «Папа не могли бы возмутить ея спокойствія.» Узнавъ, что Борисъ имѣетъ намѣреніе женить сына, Королева (въ 1603 году) предлагала ему руку знатной, одиннадцатилѣтней Англичанки, украшенной рѣдкими прелестями и достоинствами; вызывалась немедленно прислать живописное изображеніе сей и другихъ красавицъ Лондонскихъ, и желала, чтобы Царь до того времени не искалъ другой супруги для юнаго Ѳеодора. Но Борисъ хотѣлъ прежде знать, кто невѣста, и родня ли Королевѣ, увѣряя, что многіе великіе Государи требуютъ чести соединить бракомъ дѣтей своихъ съ его семействомъ. Кончина Елисаветы, столь знаменитой въ лѣтописяхъ Британскихъ, достопамятной и въ нашей Исторіи долговременною пріязнію къ Россіи,

устранила дѣло о сватовствѣ, не прервавъ дружественной связи между Англіею и Царемъ. Новый Король, Іаковъ I ([105]), не замедлилъ извѣстить Бориса о соединеніи Шотландіи съ Англіею, и писалъ: «наслѣдовавъ престолъ моей «тетки, желаю наслѣдовать и твою къ ней лю«бовь.» Посолъ Іакова, Ѳома Смитъ, (въ Октябрѣ 1604) представивъ Борису въ даръ великолѣпную карету и нѣсколько сосудовъ серебряныхъ ([106]), сказалъ ему, что «Король, Англійскій и Шотландскій, сильный воинствомъ, морскимъ и сухопутнымъ, еще сильнѣйшій любовію народною, только одного Московскаго Вѣнценосца проситъ о дружбѣ: ибо всѣ иные Государи Европейскіе сами ищутъ въ Іаковѣ; что онъ имѣетъ двоякое право на сію дружбу, требуя оной въ память великой Елисаветы и своего незабвеннаго шурина, Датскаго Герцога Іоанна, коего Царь любилъ столь нѣжно и столь горестно оплакалъ.» Борисъ сказалъ, что ни съ однимъ изъ Монарховъ не былъ онъ въ такой сердечной любви, какъ съ Елисаветою, и что желаетъ навсегда остаться другомъ Англіи. Сверхъ права торговать безпошлинно во всѣхъ нашихъ городахъ, Іаковъ требовалъ свободнаго пропуска Англичанъ чрезъ Россію въ Персію, въ Индію и въ другія Восточныя земли для отысканія пути въ Китай, ближайшаго и вѣрнѣйшаго, нежели моремъ, около мыса Доброй Надежды, къ обоюдной пользѣ Англіи и Россіи, изъясняя, что драгоцѣнности, перевозимыя купцами изъ земли

въ землю, оставляютъ на пути слѣды золотые. Бояре удостовѣрили Посла въ неизмѣнной силѣ милостивыхъ грамотъ, данныхъ Царемъ гостямъ Лондонскимъ, но объявили, что жестокая война пылаетъ на берегахъ Каспійскаго моря; что Аббасъ приступаетъ къ Дербенту, Бакѣ и Шамахѣ; что Царь до времени не можетъ пустить туда Англичанъ, для ихъ безопасности. Съ такимъ отвѣтомъ Смитъ выѣхалъ изъ Москвы (20 Марта 1605). Уже не было рѣчи о государственномъ союзѣ Англіи съ Россіею; одна торговля служила твердою связію между ими, будучи равно выгодною для обѣихъ.

Предпочтительно благопріятствуя сей торговлѣ, какъ важнѣйшей для Россіи, Борисъ не усомнился однакожь дать и Нѣмецкимъ гостямъ права новыя. Еще не довольная Ѳеодоровою жалованною грамотою, Ганза прислала въ Москву Любскаго Бургомистра Гермерса, трехъ Ратсгеровъ и Секретаря своего, которые (3 Апрѣля 1603) поднесли въ даръ Государю и сыну его литыя серебряныя, вызолоченныя изображенія Фортуны, Венеры, двухъ большихъ орловъ, двухъ коней, льва, единорога, носорога, оленя, струса, пеликана, грифа и павлина ([107]). Купцевъ приняли какъ знатнѣйшихъ Вельможъ; угостили обѣдомъ на золотѣ. Отъ имени *пятидеся-*

Ганза.

ти-девяти Нѣмецкихъ союзныхъ городовъ они вручили Боярамъ *челобитную*, писанную убѣдительно и смиренно. Въ ней было сказано, что древность ихъ торговли въ нашемъ отечествѣ исчисляется не годами, а столѣтіями; что въ самыя отдаленныя времена, когда Англичане, Голландцы, Французы едва знали имя Россіи, Ганза доставляла ей все нужное и пріятное для жизни гражданской, и за то искони пользовалась благоволеніемъ *Державныхъ предковъ Царя*, правами и выгодами исключительными: о возвращеніи сихъ правъ молила Ганза, славя Бориса; желала торговли безпошлинной; хотѣла, чтобы онъ дозволилъ ей свободно купечествовать и въ пристаняхъ Сѣвернаго моря, въ Колмогорахъ, въ Архангельскѣ, и далъ гостиные дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ, Москвѣ, съ правомъ имѣть тамъ церкви, какъ въ старину бывало; требовала ямскихъ лошадей для перевоза своихъ товаровъ изъ мѣста въ мѣсто, и проч. Царь сказалъ, что въ Россіи берутъ таможенную пошлину съ купцевъ Императора, Королей Испанскаго, Французскаго, Литовскаго, Датскаго; что жители вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ должны платить ее, какъ и всѣ, но что половина ея, въ знакъ милости, уступается Любчанамъ ([108]): ибо другіе Нѣмцы суть подданные разныхъ Властителей, для коихъ ничто не обязываетъ насъ быть столь безкорыстными; что одни же Любчане избавляются отъ всякаго таможеннаго осмотра; сами заявляя и цѣна свои

товары по совѣсти; что Ганзѣ дозволяется торговать въ Архангельскѣ, также купить или завести гостиные дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ и Москвѣ своимъ иждивеніемъ, а не Государевымъ; что всякая Вѣра терпима въ Россіи, но строить церквей не дозволяется ни Католикамъ, ни Лютеранамъ, и что въ семъ отказано знатнѣйшимъ Вѣнценосцамъ Европы, Императору, Королевѣ Елисаветѣ и проч.; что ямы учреждены въ Россіи не для купечества, а единственно для гонцевъ Правительства и для Пословъ чужеземныхъ. Въ такомъ смыслѣ написали жалованную грамоту (5 Іюня), съ прибавленіемъ, что имѣніе гостей, умирающихъ въ Россіи, неприкосновенно для Казны и въ цѣлости отдается ихъ наслѣдникамъ; что Нѣмцы въ домахъ своихъ могутъ держать вино Русское, пиво и медъ для своего употребленія, а продавать единственно чужеземныя вина, въ куфахъ или въ бочкахъ, но не ведрами и не въ стопы. — Съ сею жалованною грамотою Послы выѣхали въ Новгородъ, представили ее тамъ Воеводѣ, Князю Буйносову-Ростовскому, и требовали мѣста для строенія домовъ и лавокъ; но Воевода ждалъ еще особеннаго указа, и долго, такъ, что они, лишась терпѣнія, уѣхали во Псковъ, гдѣ были счастливѣе: градоначальникъ немедленно отвелъ имъ, на берегу рѣки Великой, внѣ города, мѣсто стараго гостинаго двора Нѣмецкаго, то есть, его развалины, памятникъ древней цвѣтущей торговли въ знаменитой Ольгиной родинѣ. Жи-

тели радовались не менѣе Любчанъ, воспоминая преданія о счастливомъ союзѣ ихъ города съ Ганзою; но минувшее уже не могло возвратиться, отъ перемѣны въ отношеніяхъ Ганзы къ Европѣ и Пскова къ Россіи. Оставивъ повѣренныхъ, чтобы изготовить все нужное для заведенія Конторы въ Новѣгородѣ и Псковѣ, Гермерсъ и товарищи его спѣшили обрадовать Любекъ успѣхомъ своего дѣла — и въ 1604 году корабли Гамбургскіе уже начали приходить въ Архангельскъ (109).

Посольства Римскія и Флорентійское.

Между Европейскими Посольствами замѣтимъ еще Римскія и Флорентійское. Въ 1601 году были въ Москвѣ Нунціи Климента VIII, Францискъ Коста и Дидакъ Миранда, а другіе въ 1603 году, требуя дозволенія ѣхать въ Персію (110): Царь велѣлъ имъ дать суда, чтобы плыть Волгою въ Астрахань. — Фердинандъ, Великій Герцогъ Тосканскій и Флорентійскій, одинъ изъ знаменитыхъ Властителей славнаго рода Медицисовъ, великодушный другъ Генрика IV, присылалъ къ Борису (въ Мартѣ 1602) чиновника Авраама Люса, съ предложеніемъ своихъ услугъ для вызова въ Россію людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, и для доставленія ей богатыхъ естественныхъ произведеній Италіи, особенно мрамора и дерева драгоцѣннаго, моремъ чрезъ наши Двинскія гавани (111).

Греки въ Москвѣ.

Не имѣя никакого сношенія съ Магометомъ III, ни съ его наслѣдникомъ, Ахметомъ I ([112]), мы узнавали всѣ происшествія Константинопольскія отъ Греческихъ Святителей, которые непрестанно являлись въ Москвѣ за милостынею, съ иконами и съ благословеніемъ Патріарховъ. Еще Іоаннъ далъ Аѳонской Введенской Обители дворъ въ Китаѣ-городѣ у монастыря Богоявленскаго, гдѣ приставали ея странники-Иноки и другіе Греки, искавшіе службы въ Россіи ([113]). Извѣстія сихъ нашихъ ревностныхъ единовѣрцевъ о затрудненіяхъ и худомъ внутреннемъ состояніи Оттоманской Имперіи удостовѣряли Бориса въ безопасности съ ея стороны, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени.

Дѣла Ногайскія.

Государственная хитрость Борисова, по словамъ Лѣтописца, всего успѣшнѣе дѣйствовала въ Ногайскихъ Улусахъ, ослабленныхъ и разоренныхъ междоусобіемъ ихъ Властителей, коихъ будто бы ссорили Намѣстники Астраханскіе ([114]). Вопреки Лѣтописцу, бумаги государственныя представляютъ Бориса миротворцемъ Ногаевъ, по крайней мѣрѣ главнаго ихъ Улуса, Волжскаго или Уральскаго, который со временъ знаменитаго отца Сюнбеки, Юсуфа, имѣлъ всегда одного Князя и трехъ чиновниковъ-Властителей: Нурадына, Тайбугу и Кокувата ([115]), но тогда повиновался

двумъ Князьямъ, Иштереку, сыну Тинъ-Ахматову, и Янараслану, Урусову сыну, исполненнымъ ненависти другъ ко другу. На приказъ Борисовъ, чтобы они жили въ любви и въ братствѣ, Янарасланъ отвѣчалъ: «Царь Московскій «желаетъ чуда: велитъ овцамъ дружиться съ «волками и пить воду изъ одной проруби!» Бояринъ Семенъ Годуновъ, уполномоченный Царемъ, пріѣхалъ въ Астрахань, собралъ тамъ (въ Ноябрѣ 1604) Ногайскихъ Вельможъ, объявилъ Иштерека первымъ или старѣйшимъ Княземъ и взялъ съ него клятвенную грамоту въ томъ, чтобы ему и всему Исмаилову племени служить Россіи и биться съ ея врагами до послѣдняго издыханія, не давать никому Княжескаго и Нурадынскаго достоинства безъ утвержденія Государева, не имѣть войны междоусобной, не сноситься съ Шахомъ, Султаномъ, Ханомъ Крымскимъ, Царями Бухарскимъ и Хивинскимъ, *Ташкенцами*, Ордою Киргизскою, Шавкаломъ и Черкесами — кочевать въ степяхъ Астраханскихъ у моря, по Тереку, Кумѣ и Волгѣ около Царицына — перезвать къ себѣ Улусъ Казыевъ или овладѣть имъ, чтобы отъ моря Чернаго до Каспійскаго и далѣе, на Востокъ и Сѣверъ, не было въ степяхъ иной Орды Ногайской, кромѣ Иштерековой, вѣрной Царю Московскому. Улусъ Казыевъ, отдѣляясь отъ Волжскаго и кочуя близъ Азова съ своимъ Княземъ Барангазыемъ, зависѣлъ отъ Турковъ и Крымцевъ, часто искалъ милости въ Царѣ, обѣ-

щалъ служить Россіи, вѣроломствовалъ и грабилъ въ ея владѣніяхъ: чтобы унять или совершенно истребить его, Борисъ велѣлъ Донскимъ Козакамъ помогать Иштереку, и приславъ ему въ даръ богатую саблю, писалъ: «она будетъ или на шеѣ зло-«дѣевъ Россіи или на твоей собственной.» Сей Князь исполнилъ условіе и непрестанно тѣснилъ Ногаевъ Азовскихъ, такъ, что многіе изъ нихъ сдѣлались нищими и продавали дѣтей своихъ въ Астрахани. — Третій Ногайскій Улусъ ([116]), именуясь *Альтаульскимъ*, занималъ степи въ окрестностяхъ Синяго моря или Арала, и находился въ тѣсной связи съ Бухаріею и съ Хивою: Иштерекъ долженъ былъ также склонять его Мурзъ къ подданству Россійскому, соединенному съ важною выгодою въ торговлѣ: Борисъ, дозволяя вѣрнымъ Ногаямъ мирно купечествовать въ Астрахани, освобождалъ ихъ отъ всякой пошлины.

Дѣла внутреннія.

Представивъ въ семъ обозрѣніи важнѣйщія дѣйствія Борисовой Политики, Европейской и Азіятской — Политики вообще благоразумной, не чуждой властолюбія, но умѣреннаго: болѣе *охранительной*, нежели *стяжательной* — представимъ дѣйствія Борисовы внутри Государства, въ законодательствѣ и въ гражданскомъ образованіи Россіи.

Въ 1599 году Борисъ, въ знакъ любви къ Патріарху Іову, возобновилъ жалованную грамоту, данную Іоанномъ Митрополиту Аѳанасію, такого содержанія, что всѣ люди Первосвятителя, его монастыри, чиновники, слуги и крестьяне ихъ освобождаются отъ вѣдомства Царскихъ Бояръ, Намѣстниковъ, Волостелей, Тіуновъ, и не судятся ими ни въ какихъ преступленіяхъ, кромѣ душегубства, завися единственно отъ суда Патріаршаго; увольняются также отъ всякихъ податей казенныхъ. Сіе древнее государственное право нашего Духовенства оставалось неизмѣннымъ и въ царствованіе Василія Шуйскаго, Михаила и сына его (117).

Жалованная грамота Патріарху.

Законъ объ укрѣпленіи сельскихъ работниковъ, цѣлію своею благопріятный для владѣльцевъ среднихъ или неизбыточныхъ, какъ мы сказали (118), имѣлъ однакожъ и для нихъ вредное слѣдствіе, частыми побѣгами крестьянъ, особенно изъ селеній мелкаго Дворянства: владѣльцы искали бѣглецовъ, жаловались другъ на друга въ ихъ укрывательствѣ, судились, разорялись (119). Зло было столь велико, что Борисъ, не желая совершенно отмѣнить закона благонамѣреннаго, рѣшился объявить его только временнымъ, и въ 1601 году снова дозволилъ земледѣльцамъ господъ малочиновныхъ, Дѣтей Боярскихъ

Законъ о крестьянахъ.

и другихъ, вездѣ, кромѣ одного Московскаго Уѣзда, переходить въ извѣстный срокъ отъ владѣльца къ владѣльцу *того же состоянія*, но не всѣмъ вдругъ, и не болѣе, какъ по два вмѣстѣ; а крестьянамъ Бояръ, Дворянъ, знатныхъ Дьяковъ, и казеннымъ, Святительскимъ, монастырскимъ велѣлъ остаться безъ перехода на означенный 1601 годъ (120). Увѣряютъ, что измѣненіе устава древняго и нетвердость новаго, возбудивъ негодованіе многихъ людей, имѣли вліяніе и на бѣдственную судьбу Годунова; но сіе любопытное сказаніе Историковъ XVIII вѣка (121) не основано на извѣстіяхъ современниковъ, которые единогласно хвалятъ мудрость Бориса въ дѣлахъ государственныхъ.

Хвалили его также за ревность искоренять грубые пороки народа. Несчастная страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, болѣе или менѣе свойственная всѣмъ народамъ Сѣвернымъ, долгое время была осуждаема въ Россіи единственно учителями Христіанства и мнѣніемъ людей нравственныхъ. Іоаннъ III и внукъ его хотѣли ограничить ея неумѣренность закономъ, и наказывали оную какъ гражданское преступленіе (122). Можетъ быть, не столько для умноженія Царскихъ доходовъ, сколько для обузданія невоздержныхъ, Іоаннъ IV налагалъ пошлину на вареніе пива и меда. Въ Ѳеодорово время существовали въ большихъ городахъ

Питейные домы.

казенные питейные домы, гдѣ продавалось и вино хлѣбное ([123]), неизвѣстное въ Европѣ до XIV вѣка; но и многіе частные люди торговали крѣпкими напитками, къ распространенію пьянства : Борисъ строго запретилъ сію вольную продажу, объявивъ, что скорѣе помилуетъ вора и разбойника, нежели корчемниковъ; убѣждалъ ихъ жить инымъ способомъ и честными трудами; обѣщалъ дать имъ земли, если они желаютъ заняться хлѣбопашествомъ ([124]) : но хотѣвъ тѣмъ, какъ пишутъ, воздержать народъ отъ страсти равно вредной и гнусной, Царь не могъ истребить корчемства, и самые казенные питейные домы, наперерывъ откупаемые за высокую цѣну, служили мѣстомъ разврата для людей слабыхъ.

Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ.

Въ усердной любви къ гражданскому образованію Борисъ превзошелъ всѣхъ древнѣйшихъ Вѣнценосцевъ Россіи, имѣвъ намѣреніе завести школы и даже *Университеты* ([125]), чтобы учить молодыхъ Россіянъ языкамъ Европейскимъ и *Наукамъ*: въ 1600 году онъ посылалъ въ Германію Нѣмца, Іоанна Крамера, уполномочивъ его искать тамъ и привезти въ Москву Профессоровъ и Докторовъ. Сія мысль обрадовала въ Европѣ многихъ ревностныхъ друзей просвѣщенія : одинъ изъ нихъ, учитель Правъ, именемъ Товіа Лонціусъ, писалъ

къ Борису (въ Генварѣ 1601): «Ваше Царское «Величество хотите быть истиннымъ отцемъ «отечества и заслужить всемірную, безсмертную «славу. Вы избраны Небомъ совершить дѣло «великое, новое для Россіи: просвѣтить умъ «вашего народа несмѣтнаго, и тѣмъ возвысить «его душу вмѣстѣ съ государственнымъ могуще-«ствомъ, слѣдуя примѣру Египта, Греціи, Рима «и знаменитыхъ Державъ Европейскихъ, цвѣ-«тущихъ Искусствами и Науками благородны-«ми.» Сіе важное намѣреніе не исполнилось, какъ пишутъ, отъ сильныхъ возраженій Духовенства, которое представило Царю, что Россія благоденствуетъ въ мирѣ единствомъ Закона и языка; что разность языковъ можетъ произвести и разность въ мысляхъ, опасную для Церкви ([126]); что во всякомъ случаѣ неблагоразумно ввѣрить ученіе юношества Католикамъ и Лютеранамъ. Но оставивъ мысль заводить *Университеты* въ Россіи, Царь послалъ 18 молодыхъ *Боярскихъ людей* въ Лондонъ, въ Любекъ и во Францію, учиться языкамъ иноземнымъ, такъ же, какъ молодые Англичане и Французы ѣздили тогда въ Москву учиться Русскому. Умомъ естественнымъ понявъ великую истину, что народное образованіе есть сила государственная, и видя несомнительное въ ономъ превосходство другихъ Европейцевъ, онъ звалъ къ себѣ изъ Англіи, Голландіи, Германіи, не только лекарей, художниковъ, ремесленниковъ, но и людей чиновныхъ въ службу. Такъ Посланникъ нашъ,

Микулинъ, сказалъ въ Лондонѣ тремъ путешествующимъ Баронамъ Нѣмецкимъ, что если они желаютъ изъ любопытства видѣть Россію, то Царь съ удовольствіемъ приметъ ихъ и съ честію отпуститъ; но если, любя славу, хотятъ служить ему умомъ и мечемъ въ дѣлѣ воинскомъ, наравнѣ съ Князьями Владѣтельными, то удивятся его ласкѣ и милости ([127]). Въ 1601 году Борисъ съ отмѣннымъ благоволеніемъ принялъ въ Москвѣ 35 Ливонскихъ Дворянъ и гражданъ, изгнанныхъ изъ отечества Поляками. Они не смѣли итти во дворецъ, будучи худо одѣты: Царь велѣлъ сказать имъ: «хочу видѣть людей, а не платье;» обѣдалъ съ ними; утѣшалъ ихъ и тронулъ до слезъ увѣреніемъ, что будетъ имъ вмѣсто отца: Дворянъ сдѣлаетъ Князьями, мѣщанъ Дворянами; далъ каждому, сверхъ богатыхъ тканей и соболей, пристойное жалованье и помѣстье ([128]), не требуя въ возмездіе ничего, кромѣ любви, вѣрности и молитвы о благоденствіи его Дома. Знатнѣйшій изъ нихъ, Тизенгаузенъ, клялся именемъ всѣхъ умереть за Бориса, и сіи добрые Ливонцы, какъ увидимъ, не обманули Царя, съ ревностію вступивъ въ его Нѣмецкую дружину. Вообще благосклонный къ людямъ ума образованнаго, онъ чрезвычайно любилъ своихъ иноземныхъ Медиковъ ([129]), ежедневно видѣлся съ ними, разговаривалъ о дѣлахъ государственныхъ, о Вѣрѣ; часто просилъ ихъ за него молиться, и только въ удовольствіе имъ согласился на возобновленіе Лютеранской

церкви въ Слободѣ Яузской. Пасторъ сей церкви, Мартинъ Беръ, коему мы обязаны любопытною Исторіею временъ Годунова и слѣдующихъ, пишетъ: «мирно слушая «ученіе Христіанское и торжественно сла- «вословя Всевышняго по обрядамъ Вѣры «своей, Нѣмцы Московскіе плакали отъ «радости, что дожили до такого счастія!»

Похвальное слово Годунову.

Признательность иноземцевъ къ милостямъ Царя не осталась безплодною для его славы: мужъ ученый, Фидлеръ, житель Кенигсбергскій (братъ одного изъ Борисовыхъ Медиковъ) сочинилъ ему въ 1602 году на Латинскомъ языкѣ похвальное слово [130], которое читала Европа, и въ коемъ Ораторъ уподобляетъ своего Героя Нумѣ, превознося въ немъ законодательную мудрость, миролюбіе и *чистоту нравовъ*. Сію послѣднюю хвалу дѣйствительно заслуживалъ Борисъ, ревностный наблюдатель всѣхъ уставовъ церковныхъ и правилъ благочинія, трезвый, воздержный, трудолюбивый, врагъ забавъ суетныхъ и примѣръ въ жизни семейственной, супругъ,

Горячность Борисова къ сыну.

родитель нѣжный, особенно къ милому, ненаглядному сыну, котораго онъ любилъ до слабости [131], ласкалъ непрестанно, называлъ своимъ велителемъ, не пускалъ никуда отъ себя, воспитывалъ съ отмѣннымъ стараніемъ, даже училъ Наукамъ; любопытнымъ памятникомъ географиче-

скихъ свѣдѣній сего Царевича осталась ландкарта Россіи, изданная подъ его именемъ въ 1614 году Нѣмцемъ Герардомъ (132). Готовя въ сынѣ достойнаго Монарха для великой Державы и заблаговременно пріучая всѣхъ любить Θеодора, Борисъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ давалъ ему право ходатая, заступника, умирителя (133); ждалъ его слова, чтобы оказать милость и снисхожденіе, дѣйствуя и въ семъ случаѣ безъ сомнѣнія какъ искусный Политикъ, но еще болѣе какъ страстный отецъ, и своимъ семейственнымъ счастіемъ доказывая, сколь неизъяснимо сліяніе добра и зла въ сердцѣ человѣческомъ!

Начало бѣдствій.

Но время приближалось, когда сей мудрый Властитель, достойно славимый тогда въ Европѣ за свою разумную Политику, любовь къ просвѣщенію, ревность быть истиннымъ отцемъ отечества, — наконецъ за благонравіе въ жизни общественной и семейственной, долженъ былъ вкусить горькій плодъ беззаконія и сдѣлаться одною изъ удивительныхъ жертвъ суда Небеснаго. Предтечами были внутреннее безпокойство Борисова сердца и разные бѣдственные случаи, коимъ онъ еще усильно противоборствовалъ твердостію духа, чтобы вдругъ оказать себя слабымъ и какъ бы безпомощнымъ въ послѣднемъ явленіи своей судьбы чудесной.

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія Борисова.

г. 1600 — 1605.

Блестящее властвованіе Годунова. Молитва о Царѣ. Подозрѣнія Борисовы. Гоненія. Голодъ. Новыя зданія въ Кремлѣ. Разбои. Порочные нравы. Мнимыя чудеса. Явленіе Самозванца. Поведеніе и наружность обманщика. Іезуиты. Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ. Письмо къ Папѣ. Собраніе войска. Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ. Мѣры взятыя Борисомъ. Первая измѣна. Витязь Басмановъ. Робость Годунова. Общее расположеніе умовъ. Великодушіе Борисово. Битва. Поляки оставляютъ Самозванца. Честь Басманову. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ. Осада Кромъ. Письмо Самозванца къ Борису. Кончина Годунова.

г. 1600-1605.

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты Самодержца, усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его — величіемъ купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благо-

творя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ не долго.

Блестящее властвованіе Бориса.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія ([134]): она была на вышней степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ Царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцемъ народа, уменьшивъ его тягости; отцемъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, не касаясь жизни людей, не обагряя земли Русской ни каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкою ([135]). Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; Дворяне, Приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; Синклитъ, уважаемый Царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; Духовенство, честимое Царемъ набожнымъ — однимъ словомъ, всѣ государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ радѣетъ о

благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. И такъ не удивительно, что Россія, по сказанію современниковъ ([136]), *любила* своего Вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въ опомъ!

Но Вѣнценосецъ зналъ свою тайну, и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ Россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя ([137]); являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей — какъ бы для того, чтобы лицемъ Монарха не напомнить имъ лице бывшаго раба Іоаннова — онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ, и не довольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о Государѣ и Государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, *на трапезахъ* и *вечеряхъ*, *за чашами*, о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи «Слуги Божія, Царя Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго, Самодержца всей Восточной страны и Сѣверной; о Царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о благоденствіи и тишинѣ отечества и Церкви подъ скиптромъ единаго «Христіанскаго Вѣнценосца въ мірѣ, что-

Молитва о Царѣ.

«бы всѣ иные Властители предъ нимъ укло-
«нялись и *рабски служили* ему, величая
«имя его отъ моря до моря и до конца все-
«ленныя; чтобы Россіяне всегда съ умиле-
«ніемъ славили Бога за такого Монарха,
«коего умъ есть пучина мудрости, а сердце
«исполнено любви и долготерпѣнія; чтобы
«всѣ земли трепетали меча нашего, а земля
«Русская непрестанно высилась и расши-
«рялась; чтобы юныя, цвѣтущія вѣтви Бо-
«рисова Дому возрасли благословеніемъ
«Небеснымъ и непрерывно осѣняли оную
«до скончанія вѣковъ» (138)! То есть, свя-
тое дѣйствіе души человѣческой, ея таин-
ственное сношеніе съ Небомъ, Борисъ дер-
знулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и
лицемѣріемъ, заставивъ народъ свидѣтель-
ствовать предъ Окомъ Всевидящимъ о до-
бродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищни-
ка! . . . Но Годуновъ, какъ бы не страшась
Бога, тѣмъ болѣе страшился людей, и еще
до ударовъ Судьбы, до измѣнъ счастія и
подданныхъ, еще спокойный на престолѣ,
искренно славимый, искренно любимый,
уже не зналъ мира душевнаго; уже чув-
ствовалъ, что если путемъ беззаконія мож-
но достигнуть величія, то величіе и бла-
женство, самое земное, не одно знаме-
нуютъ.

Подозрѣнія Борисовы.

Сіе внутреннее безпокойство души, неиз-
бѣжное для преступника, обнаружилось въ

Царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію. Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя, ядѣ, и чародѣйствѣ (139): ибо естественно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость. Нескромно открывъ болѣзнь свою и взявъ съ Россіянъ клятву постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей: хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы; возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ, Дворянства, Вельможъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ.

Гоненія.

Первою знаменитою жертвою подозрѣнія и доносовъ былъ тотъ, съ кѣмъ Годуновъ жилъ нѣкогда душа въ душу, кто охотно дѣлилъ съ нимъ милость Іоаннову и страдалъ за него при Θеодорѣ (140) — свойственникъ Царицы Маріи, Бѣльскій. Спасенный Годуновымъ отъ злобы народной во время Московскаго мятежа, но оставленный надолго въ честной ссылкѣ, — снова призванный ко Двору, но безъ всякаго отличія, и въ самое царствованіе Бориса удостоенный только второстепеннаго Думнаго сана, сей главный любимецъ Грознаго, считая себя благодѣтелемъ Годунова,

могъ быть или казаться недовольнымъ, слѣдственно виновнымъ въ глазахъ Царя, имѣя еще и другую, важнѣйшую вину за собою: онъ зналъ лучше иныхъ глубину Борисова сердца! Въ 1600 году Царь послалъ его въ дикую степь строить новую крѣпость Борисовъ на берегу Донца Сѣверскаго ([illegible]), безъ сомнѣнія не въ знакъ милости; но Бѣльскій, стыдясь представлять лице уничиженнаго, ѣхалъ въ отдаленныя пустыни какъ на знатнѣйшее Воеводство, съ необыкновенною пышностію, съ богатою казною и многочисленными слугами; велѣлъ заложить городъ своимъ, а не Царскимъ людямъ; ежедневно угощалъ Стрѣльцовъ и Козаковъ, давалъ имъ одежду и деньги, не требуя ничего отъ Государя. Слѣдствіемъ было то, что новую крѣпость построили скорѣе и лучше всѣхъ другихъ крѣпостей, что дѣлатели не скучали работою, любя, славя начальника; а Царю донесли, что начальникъ, милостію прельстивъ воиновъ, думаетъ объявить себя независимымъ и говоритъ: «Борисъ Царь въ Москвѣ, а я Царь въ Борисовѣ» ([illegible]). Сію клевету, основанную, вѣроятно, на чемъ нибудь неосторожномъ словѣ Бѣльскаго, приняли за истину (ибо Годуновъ желалъ избавиться отъ стариннаго, безпокойнаго друга) и рѣшили, что онъ достоинъ смерти; но Царь, хвалясь милосердіемъ, велѣлъ только взять у него имѣніе, и выщипать ему всю длинную, густую бороду, избравъ Шотландскаго Хирурга Габріеля для совершенія такой

новой казни. Бѣльскій снесъ позоръ, и заточенный въ одинъ изъ Низовыхъ городовъ, дожилъ тамъ до случая отмстить неблагодарному хотя въ могилѣ. Умный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ, сей преемникъ Малюты Скуратова былъ ненавистенъ Россіянамъ страшными воспоминаніями своихъ дней счастливыхъ, а иноземцамъ своею жестокою къ нимъ непріязнію, которою онъ могъ гнѣвить и Бориса, ихъ ревностнаго покровителя. Мало жалѣли о старомъ, безродномъ временщикѣ; но его опала предшествовала другой, гораздо чувствительнѣйшей для знатныхъ родовъ и для всего отечества.

Память добродѣтельной Анастасіи и свойство Романовыхъ-Юрьевыхъ съ Царскимъ Домомъ Мономаховой крови были для нихъ правомъ на общее уваженіе и самую любовь народа. Бояринъ Никита Романовичь, достойный сей любви и личными благородными качествами, оставилъ 5 сыновей: Өедора, Александра, Михайла, Ивана и Василія, въ послѣдній часъ жизни моливъ Годунова быть имъ вмѣсто отца ([143]). Чествя ихъ наружно — давъ старшимъ, Өедору и Александру, Боярство, Михайлу санъ Окольничаго, и женивъ своего ближняго, Ивана Ивановича Годунова, на ихъ меньшей сестрѣ, Иринѣ ([144]) — Борисъ внутренно опасался Романовыхъ, какъ совмѣстниковъ для его юнаго сына: ибо носилась молва, что Өеодоръ, за нѣсколько времени до кончины, мыслилъ объявить старшаго изъ

ихъ наслѣдникомъ Государства (145): молва, вѣроятно, несправедливая; но они, будучи единокровными Анастасіи и двоюродными братьями Θеодора, казались народу ближайшими къ престолу. Сего было достаточно для злобы Борисовой, усиленной насказами родственниковъ Царскихъ (146); но гоненіе требовало предлога, если не для успокоенія совѣсти, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодѣйство, какъ иногда поступалъ Грозный и самъ Борисъ, избавляя себя отъ ненавистныхъ ему людей въ Θеодорово время. Надежнѣйшими извѣтниками считались тогда рабы: желая ободрить ихъ въ семъ предательствѣ, Царь не устыдился явно наградить одного изъ слугъ Боярина, Князя Θедора Шестунова, за ложный доносъ на господина въ недоброхотствѣ къ Вѣнценосцу (147): Шестунова еще не тронули, но всенародно, на площади, *сказали* клеветнику *милостивое слово Государево*, дали вольность, чинъ и помѣстье. Между тѣмъ шептали слугамъ Романовыхъ, что ихъ, за такое же усердіе, ждетъ еще важнѣйшая милость Царская; и главный клевретъ новаго тиранства, новый Малюта Скуратовъ, Вельможа Семенъ Годуновъ, изобрѣлъ способъ уличить невинныхъ въ злодѣйствѣ, надѣясь на общее легковѣріе и невѣжество: подкупилъ казначея Романовыхъ (148), далъ ему мѣшки наполненные кореньями, велѣлъ спрятать въ кладовой у Боярина Алексан-

дра Никитича и донести на своихъ господъ, что они, тайно занимаясь составомъ яда, умышляютъ на жизнь Вѣнценосца. Вдругъ сдѣлалась въ Москвѣ тревога: Синклитъ и всѣ знатные чиновники спѣшатъ къ Патріарху; посылаютъ Окольничаго Михайла Салтыкова для обыска въ кладовой у Боярина Александра; находятъ тамъ мѣшки, несутъ къ Іову, и въ присутствіи Романовыхъ высыпаютъ коренья, будто бы волшебные, изготовленные для отравленія Царя. Всѣ въ ужасѣ—и Вельможи, усердные подобно Римскимъ Сенаторамъ Тиберіева или Неронова времени, съ воплемъ кидаются на мнимыхъ злодѣевъ, какъ дикіе звѣри на агнцевъ, — грозно требуютъ отвѣта и не слушаютъ его въ шумѣ. Отдаютъ Романовыхъ подъ крѣпкую стражу и велятъ судить, какъ судитъ беззаконіе.

Сіе дѣло есть одно изъ гнуснѣйшихъ Борисова ожесточенія и безстыдства. Не только Романовымъ, но и всѣмъ ихъ ближнимъ надлежало погибнуть, чтобы не осталось мстителей на землѣ за невинныхъ страдальцевъ. Взяли Князей Черкасскихъ, Шестуновыхъ, Рѣпниныхъ, Карповыхъ, Сицкихъ: знатнѣйшаго изъ послѣднихъ, Князя Ивана Васильевича, Намѣстника Астраханскаго, привезли въ Москву скованнаго съ женою и сыномъ. Допрашивали, ужасали пыткою, особенно Романовыхъ (149); мучили, терзали слугъ ихъ, безжалостно и безполезно: никто не утѣшилъ тирана клеветою на самого себя или на другихъ; вѣрные рабы умиро—

рали въ мукахъ, свидѣтельствуя единственно о невинности господъ своихъ предъ Царемъ и Богомъ. Но судіи не дерзали сомнѣваться въ истинѣ преступленія, столь грубо вымышленнаго, и прославили неслыханное милосердіе Царя, когда онъ велѣлъ имъ осудить Романовыхъ, со всѣми ихъ ближними, единственно на заточеніе, какъ уличенныхъ въ *измѣнѣ* и въ злодѣйскомъ намѣреніи извести Государя средствами волшебства. Въ Іюнѣ 1601 года исполнился *приговоръ Боярскій* (150): Ѳедора Никитича Романова, (будущаго знаменитаго Іерарха), постриженнаго и названнаго Филаретомъ, сослали въ Сійскую Антоніеву Обитель; супругу его, Ксенію Ивановну, также постриженную и названную Марѳою, въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; тещу Ѳедорову, Дворянку *Шестову*, въ Чебоксары, въ Никольскій Дѣвичій монастырь; Александра Никитича въ Усолье-Луду, къ Бѣлому морю; третьяго Романова, Михайла, въ Великую Пермь, въ Ныробскую волость; четвертаго, Ивана, въ Пелымъ; пятаго, Василья, въ Яренскъ; зятя ихъ, Князя Бориса Черкасскаго, съ женою и съ дѣтьми ея брата, Ѳедора Никитича, съ шестилѣтнимъ Михаиломъ (будущимъ Царемъ!) и съ юною дочерью, на Бѣлоозеро (151); сына Борисова, Князя Ивана, въ Малмыжъ на Вятку; Князя Ивана Васильевича Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь, а жену его въ пустыню Сумскаго Острога; другихъ Сицкихъ, Ѳедора и Владиміра Шестуновыхъ, Карповыхъ и Князей

Рѣпниныхъ въ темницы разныхъ городовъ: одного же изъ послѣднихъ, Воеводу Яренскаго, будто бы за расхищеніе Царскаго достоянія, въ Уфу ([152]). Вотчины и помѣстья опальныхъ роздали другимъ; имѣніе движимое и домы взяли въ казну.

Но гоненіе не кончилось ссылкою и лишеніемъ собственности: не вѣря усердію или строгости мѣстныхъ начальниковъ, послали съ несчастными Московскихъ Приставовъ, коимъ надлежало смотрѣть за ними неусыпно, давать имъ нужное для жизни и доносить Царю о каждомъ ихъ словѣ значительномъ. Никто не смѣлъ взглянуть на оглашенныхъ *измѣнниковъ*, ни ходить близъ уединенныхъ домовъ, гдѣ они жили, внѣ городовъ и селеній, вдали отъ большихъ дорогъ; нѣкоторые въ землянкахъ, и даже скованные. Въ монастырь Сійскій не пускали богомольцевъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ не доставилъ письма Ѳеодору Никитичу, Иноку невольному, но ревностному въ благочестіи: коварный Приставъ, съ умысломъ заговаривая ему о Дворѣ, семействѣ и друзьяхъ его, доносилъ Царю, что Филаретъ не находитъ между Боярами и Вельможами ни одного весьма умнаго, способнаго къ дѣламъ государственнымъ, кромѣ опальнаго Богдана Бѣльскаго, и считаетъ себя жертвою ихъ злобныхъ навѣтовъ ([153]); что хотя занимается единственно спасеніемъ души, но тоскуетъ о женѣ и дѣтяхъ, не зная, гдѣ они безъ него сиротствуютъ, и моля Бога о скоромъ

концѣ ихъ бѣдственной жизни (Богъ не услышалъ сей молитвы, ко счастію Россіи!). Донесли также Царю, что Василій Романовъ, отягченный болѣзнію и цѣпями не хотѣлъ однажды славить милосердія Борисова, сказавъ Приставу: «истинная добродѣтель не знаетъ тщеславія.» Но Борисъ, какъ бы желая доказать узнику истину своего милосердія, велѣлъ снять съ него цѣпи, объявить за нихъ Царскій гнѣвъ Приставу, излишно ревностному въ угнетеніи опальныхъ, — перевезти недужнаго Василія въ Пелымъ къ брату Ивану Никитичу, лишенному движенія въ рукѣ и ногѣ отъ удара, и дать имъ печальное утѣшеніе страдать вмѣстѣ. Василій отъ долговременной болѣзни скончался (15 Февраля 1602) подъ молитвою брата и великодушнаго раба, который, вѣрно служивъ господину въ чести, служилъ ему и въ оковахъ съ усердіемъ нѣжнаго сына. Александръ и Михайло Никитичи также не долго жили въ темницѣ, бывъ жертвою горести, или насильственной смерти, какъ пишутъ (154): перваго схоронили въ Лудѣ, втораго въ семи верстахъ отъ Чердыня, близъ села Ныроба, въ мѣстѣ пустынномъ, гдѣ, надъ могилою, выросли два кедра. Донынѣ въ церкви Ныробской хранятся Михайловы тяжкія оковы, и старцы еще разсказываютъ тамъ о великодушномъ терпѣніи, о чудесной силѣ и крѣпости сего мужа, о любви къ нему всѣхъ жителей, коихъ дѣти приходили къ его темницѣ играть на свирѣляхъ, и сквозь отверстія зем-

лянки подавали узнику все лучшее, что имѣли, для утоленія голода и жажды: любовь, за которую ихъ гнали при Годуновѣ и наградили въ царствованіе Романовыхъ милостивою, обѣльною грамотою ([155]). — Если вѣрить Лѣтописцу, то Борисъ, велѣвъ удавить въ монастырѣ Князя Ивана Сицкаго съ женою, хотѣлъ уморить голодомъ и недужнаго Ивана Романова; но бумаги приказныя свидѣтельствуютъ, что послѣдній имѣлъ весьма не бѣдное содержаніе, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, бѣлый хлѣбъ, и что у Пристава его было 90 (450 нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей въ казнѣ, для доставленія ему нужнаго. Скоро участь опальныхъ смягчилась, отъ Политики ли Царя (ибо народъ жалѣлъ объ нихъ), или отъ ходатайства зятя Романовыхъ, Крайчаго Ивана Ивановича Годунова. Въ Мартѣ 1602 Царь *мидостиво указалъ* Ивану Романову (оставляя его подъ надзоромъ, но уже безъ имени *злодѣя*) ѣхать въ Уфу *на службу*, оттуда въ Нижній Новгородъ, и наконецъ въ Москву, вмѣстѣ съ племянникомъ, Княземъ Иваномъ Черкасскимъ; Сицкихъ послалъ воеводствовать въ города Низовскіе (освободилъ ли Шестуновыхъ и Рѣпниныхъ, неизвѣстно); а Княгинѣ Черкасской, Марѳѣ Никитишнѣ, овдовѣвшей на Бѣлѣозерѣ ([156]), велѣлъ жить съ невѣсткою, сестрою и дѣтьми Ѳедора Никитича, въ отчинѣ Романовыхъ Юрьевскаго Уѣзда, въ селѣ Клинѣ, гдѣ, лишенный отца и матери, но блюдомый Провидѣніемъ, дожилъ семилѣтній

отрокъ Михаилъ, грядущій Вѣнценосецъ Россіи, до гибели Борисова племени. Царь хотѣлъ изъявить милость и Филарету (157): позволилъ ему стоять въ церкви на крылосѣ, взять къ себѣ Чернца въ келлію для услугъ и бесѣды; приказалъ всѣмъ довольствовать своего *измѣнника* (еще такъ называя сего мужа непорочнаго въ совѣсти) и для богомольцевъ отворить монастырь Сійскій, но не пускать ихъ къ опальному Иноку; приказалъ наконецъ (въ 1605 году) посвятить Филарета въ Іеромонахи и въ Архимандриты, чтобы тѣмъ болѣе удалить его отъ міра!

Не одни Романовы были страшилищемъ для Борисова воображенія. Онъ запретилъ Князьямъ Мстиславскому и Василію Шуйскому жениться, думая, что ихъ дѣти, по древней знатности своего рода, могли бы также состязаться съ его сыномъ о престолѣ (158). Между тѣмъ, устраняя будущія мнимыя опасности для юнаго Ѳеодора, робкій губитель трепеталъ настоящихъ: волнуемый подозрѣніями, непрестанно боясь тайныхъ злодѣевъ и равно боясь заслужить народную ненависть мучительствомъ, гналъ и миловалъ: сослалъ Воеводу, Князя Владиміра Бахтѣярова-Ростовскаго, и простилъ его (159); удалилъ отъ дѣлъ знаменитаго Дьяка Щелкалова, но безъ явной опалы; нѣсколько разъ удалялъ и Шуйскихъ, и снова приближалъ къ себѣ: ласкалъ ихъ, и въ тоже время грозилъ немилостію всякому, кто имѣлъ обхожденіе съ ними (160). Не

было торжественныхъ казней, но морили несчастныхъ въ темницахъ, пытали по доносамъ. Сонмы извѣтниковъ, если не всегда награждаемыхъ, то всегда свободныхъ отъ наказанія за ложь и клевету, стремились къ Царскимъ паламъ изъ домовъ Боярскихъ и хижинъ, изъ монастырей и церквей: слуги доносили на господъ, Иноки, Попы, Дьячки, просвирницы ([161]) на людей всякаго званія — самыя жены на мужей, самыя дѣти на отцевъ, къ ужасу человѣчества! «И въ дикихъ Ордахъ» (прибавляетъ Лѣтописецъ) «не бываетъ столь великаго зла: господа «не смѣли глядѣть на рабовъ своихъ, ни ближ«ніе искренно говорить между собою; а когда «говорили, то взаимно обязывались страшною «клятвою не измѣнять скромности.» Однимъ словомъ, сіе печальное время Борисова царствованія, уступая Іоаннову въ кровопійствѣ, не уступало ему въ беззаконіи и развратѣ: наслѣдство гибельное для будущаго! Но великодушіе еще дѣйствовало въ Россіянахъ (оно пережило Іоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалѣли о невинныхъ страдальцахъ и мерзили постыдными милостями Вѣнценосца къ доносителямъ; другіе боялись за себя, за ближнихъ — и скоро неудовольствіе сдѣлалось общимъ. Еще многіе славили Бориса: приверженники, льстецы, извѣтники, утучняемые стяжаніемъ опальныхъ; еще знатное Духовенство, какъ увѣряютъ ([162]), хранило въ душѣ усердіе къ Вѣнценосцу, который осыпалъ Святителей знаками

благоволенія : но гласъ отечества уже не слышался въ хвалѣ частной, корыстолюбивой, и молчаніе народа, служа для Царя явною укоризною, возвѣстило важную перемѣну въ сердцахъ Россіянъ : *они уже не любили Бориса* ([163])!

Такъ говоритъ Лѣтописецъ современный, безпристрастный, и самъ знаменитый въ нашей Исторіи своею государственною доблестію : Келарь Палицынъ.. Народы всегда благодарны : оставляя Небу судить тайну Борисова сердца, Россіяне искренно славили Царя, когда онъ подъ личиною добродѣтели казался имъ отцемъ народа ; но признавъ въ немъ тирана, естественно возненавидѣли его и за настоящее и за минувшее : въ чемъ, можетъ быть, хотѣли сомнѣваться, въ томъ снова удостовѣрились, и кровь Димитріева явнѣе означилась для нихъ на порфирѣ губителя невинныхъ; вспомнили судьбу Углича и другихъ жертвъ мстительнаго властолюбія Годунова ; безмолвствовали, но тѣмъ сильнѣе чувствовали въ присутствіи извѣтниковъ — и тѣмъ сильнѣе говорили въ святилищахъ недоступныхъ для услужниковъ тиранства, коего время бываетъ и царствомъ клеветы и царствомъ ненарушимой скромности : тамъ, въ тихихъ бесѣдахъ дружества, неумолимая истина обнажала, а ненависть чернила Бориса, упрекая его не только душегубствомъ, гоненіемъ людей знаменитыхъ, грабежемъ ихъ достоянія, алчностію къ прибытку беззаконному, корыстолюбивымъ введеніемъ откуповъ, размноженіемъ казенныхъ

домовъ питейныхъ, порчею нравовъ, но и пристрастіемъ къ иноземнымъ, новымъ обычаямъ (изъ коихъ брадобритіе особенно соблазняло усердныхъ старовѣровъ), даже наклонностію къ Арменской и къ Латинской ереси! Какъ любовь, такъ и ненависть рѣдко бываютъ довольны истиною: первая въ хвалѣ, послѣдняя въ осужденіи. Годунову ставили въ вину и самую ревность его къ просвѣщенію!

Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имѣлъ случай доказать свою чувствительность къ народному бѣдствію, заботливость, щедрость необыкновенную; но и тѣмъ уже не могъ тронуть сердецъ, къ нему остылыхъ. — Среди естественнаго обилія и богатства земли плодоносной, населенной хлѣбопашцами трудолюбивыми; среди благословеній долговременнаго мира, и въ царствованіе дѣятельное, предусмотрительное, пала на милліоны людей казнь страшная: весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили въ теченіе десяти недѣль непрестанно ([164]), такъ, что жители сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15 Августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и въ гумнахъ находилось не мало стараго хлѣба; но земледѣльцы, къ

Голодъ.

несчастію, засѣяли поля новымъ, гнилымъ, тощимъ, и не видали всходовъ, ни осенью, ни весною: все истлѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли, и поля уже остались незасѣянными. Тогда началося бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ Царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицѣ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до трехъ (пятнадцати нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей (165). Борисъ велѣлъ отворить Царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; убѣдилъ Духовенство и Вельможъ продавать хлѣбные свои запасы также низкою цѣною; отворилъ и казну: въ четырехъ оградахъ, сдѣланныхъ близъ деревянной стѣны Московской, лежали кучи серебра для бѣдныхъ; ежедневно, въ часъ утра, каждому давали двѣ Московки, деньгу или копейку (166) — но голодъ свирѣпствовалъ: ибо хитрые корыстолюбцы обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, Святительскихъ, Боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и торговать имъ съ прибыткомъ безсовѣстнымъ; бѣдные, получая въ день копейку серебряную, не могли питаться. Самое благодѣяніе обратилось во зло для столицы: изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и дѣтьми стремились толпами въ Москву за Царскою милостынею, умножая тѣмъ число нищихъ. Казна раздавала въ день нѣсколько тысячь рублей (167), и безполезно: голодъ усиливался и наконецъ достигъ

крайности столь ужасной, что не льзя безъ трепета читать ея достовѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ. «Свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ» — пишетъ одинъ изъ нихъ (168) «— что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, которые, лежа на улицахъ, подобно скоту щипали траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно.» Мясо лошадиное казалось лакомствомъ: ѣли собакъ, кошекъ, стерво, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостинницы стали вертепами душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи! Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ! Матери глодали трупы своихъ младенцевъ!... Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду; но преступленія не уменьшались.... И въ сіе время другіе изверги копили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже!... Гибло множество въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шатались полумертвые, падали, издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гніющихъ тѣлъ, если бы Царь не велѣлъ, на свое иждивеніе, хоронить ихъ, истощая казну и для мертвыхъ. Приставы ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мертвецовъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ

красные башмаки или коты, и сотнями возили за городъ въ три скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца было схоронено 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ (169). Пишутъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человѣкъ, а въ селахъ и другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, отъ голода и холода: ибо зимою нищіе толпами замерзали на дорогахъ. Пища неестественная также производила болѣзни и моръ, особенно въ Смоленскомъ Уѣздѣ, куда Царь въ одно время послалъ 20,000 рублей для бѣдныхъ, не оставивъ ни одного города въ Россіи безъ вспоможенія (170), и если не спасая многихъ, то вездѣ уменьшая число жертвъ, такъ, что сокровищница Московская, полная отъ благополучнаго Ѳеодорова царствованія, казалась неистощимою. И всѣ иныя возможныя мѣры были имъ приняты: онъ не только въ ближнихъ городахъ скупалъ, цѣною имъ опредѣленною, волею и неволею, всѣ хлѣбные запасы у богатыхъ (171); но послалъ и въ самыя дальнія, изобильнѣйшія мѣста освидѣтельствовать гумна, гдѣ еще нашлися огромные скирды, въ теченіе полувѣка неприкосновенные и поросшіе деревьями (172): велѣлъ немедленно молотить и везти хлѣбъ, какъ въ Москву, такъ и въ другія области. Въ доставленіи встрѣчались неминуемыя, едва одолимыя трудности: во многихъ мѣстахъ на пути не было ни подводъ (173), ни корму; ямщики и всѣ жители сельскіе разбѣгались.

Обозы шли Россіею какъ бы пустынею Африканскою, подъ мечами и копьями воиновъ, опасаясь нападенія голодныхъ, которые не только внѣ селеній, но и въ Москвѣ, на улицахъ и рынкахъ, силою отнимали съѣстное ([174]). — Наконецъ дѣятельность верховной власти устранила всѣ препятствія, и въ 1603 году, мало по малу, исчезли всѣ знаменія ужаснѣйшаго изъ золъ: снова явилось обиліе, и такое, что четверть хлѣба упала цѣною отъ трехъ рублей до десяти копеекъ, къ восхищенію народа и къ отчаянію корыстолюбцевъ, еще богатыхъ тайными запасами ржи и пшеницы! — Памятникомъ бывшей, безпримѣрной дороговизны осталась навсегда, какъ сказано въ лѣтописяхъ, ею введенная, новая *мѣра четверика:* ибо до 1601 года хлѣбъ продавали въ Россіи единственно *оковами*, *бочками* или *кадями*, четвертями и осьминами ([175]).

Бѣдствіе прекратилось, но слѣды его не могли быть скоро изглажены: замѣтно уменьшилось число людей въ Россіи и достояніе многихъ; оскудѣла безъ сомнѣнія и Казна, хотя Годуновъ, великодушно расточая оную для спасенія народнаго, не только не убавилъ своей обыкновенной пышности Царской, но еще болѣе нежели когда нибудь хотѣлъ блистать оною, чтобы закрыть тѣмъ дѣйствіе гнѣва Небеснаго, особенно для Пословъ иноземныхъ, окружая ихъ на пути, отъ границы до Москвы, призраками изобилія и роскоши ([176]): вездѣ являлись люди, богато или красиво одѣтые; вездѣ рынки пол-

ные товаровъ, мяса и хлѣба, и ни единаго нищаго, тамъ, гдѣ за версту въ сторону могилы наполнялись жертвами голода. Въ сіе-то время Борисъ столь пышно угощалъ своего нареченнаго зятя, Герцога Датскаго — и въ сіе же время украшалъ древній Кремль новыми зданіями: въ 1600 году воздвигнувъ огромную колокольню Ивана Великаго ([177]), пристроилъ въ 1601 и 1602 годахъ, на мѣстѣ сломаннаго, деревяннаго дворца Іоаннова, двѣ большія каменныя палаты къ Золотой и Грановитой, Столовую и Панихидную ([178]), чтобы доставить тѣмъ работу и пропитаніе людямъ бѣднымъ, соединяя съ милостію пользу, и во дни плача думая о велелѣпіи! Однакожь не Московскіе Лѣтописцы, а только чужеземные Историки упрекаютъ Бориса гордостію неуклонною и въ общемъ бѣдствіи, суетою, тщеславіемъ, разсказывая, что онъ запретилъ тогда Россіянамъ купить весьма умѣренною цѣною знатное количество ржи у Нѣмцевъ въ Иванѣгородѣ, стыдясь питать народъ свой чужимъ хлѣбомъ ([179]). Извѣстіе конечно несправедливое: ибо наши государственныя бумаги, свидѣтельствуя о приходѣ туда Нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминаютъ о такомъ жестокомъ запретѣ. Борисъ, оказавъ въ семъ несчастіи столько дѣятельности и столько щедрости,

Новыя зданія въ Кремлѣ.

чтобы удостовѣрить Россію въ любви истинно-отеческой Царя къ подданнымъ, не могъ явно жертвовать ихъ спасеніемъ тщеславію безумному.

Но Борисъ не обольстилъ Россіянъ своими благодѣяніями: ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ — мысль, что Небо за беззаконія Царя казнитъ Царство (180). «Изливая на бѣдныхъ щедроты» — говорятъ Лѣтописцы — «онъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ «кровь невинныхъ, да піютъ во здравіе; питалъ «ихъ милостынею богопротивною, расхитивъ «имѣніе Вельможъ честныхъ, и древнія сокро«вища Царскія оскверневъ добычею грабежа.»— Россія не благоденствовала въ новомъ изобиліи; не имѣла времени успокоиться: открылось новое бѣдствіе, въ коемъ современники непосредственно винили Бориса.

Еще Іоаннъ IV, желая населить Литовскую Украйну, землю Сѣверскую, людьми годными къ ратному дѣлу, не мѣшалъ въ ней укрываться и спокойно жительствовать преступникамъ, которые уходили туда отъ казни: ибо думалъ, что они, въ случаѣ войны, могутъ быть надежными защитниками границы. Борисъ, любя слѣдовать многимъ государственнымъ мыслямъ Іоанновымъ, послѣдовалъ и сей, весьма ложной и весьма несчастной (181): ибо незнаемо изготовилъ тѣмъ многочисленную дружину злодѣевъ въ услугу врагамъ отечества и собственнымъ. «Великій разумъ и жестокость Грознаго» — по

словамъ Лѣтописца — «не давали двинуться «зміямъ; а кроткій, набожный Ѳеодоръ связы«валъ ихъ своею молитвою» (182); но Борисъ увидѣлъ зло, и еще увеличилъ его другими плодами своего мудрованія, несогласнаго съ вѣчными уставами правды. Издревле Бояре наши окружали себя толпами слугъ, вольныхъ и крѣпостныхъ; издревле также любили кабалить первыхъ (183): законъ, изданный въ Ѳеодорово время, единственно въ угодность знатному Дворянству, объ укрѣпленіи всѣхъ людей, служащихъ господамъ не менѣе шести мѣсяцевъ (184), совершенно прекратилъ родъ вольныхъ слугъ въ нашемъ отечествѣ, и наполнилъ домы Боярскіе рабами, коими сдѣлались тогда, въ противность Іоаннову Судебнику (185), даже и многіе люди воинскіе, благородные, отъ нищеты, но безъ стыда служивъ богачамъ именитымъ: законъ недостойный сего имени своею явною несправедливостію! Еще мало: къ его дѣйствію присоединилось и насиліе: знатные и случайные безсовѣстно укрѣпляли и неслугъ, а всякаго беззащитнаго, кто имъ нравился художествомъ, рукодѣльемъ, ловкостію или красотою (186). Но въ дешевое время охотно умножавъ свою челядь, Дворяне во время голода начали распускать ее: воля обратилась въ казнь и мучительство! Люди еще совѣстные, выгоняли слугъ изъ дому по крайней мѣрѣ съ отпускными; а злые безъ всякаго письменнаго вида, съ намѣреніемъ клепать ихъ въ бѣгствѣ и въ сносѣ, чтобы ябедою суда

разорять тѣхъ, которые могли бы изъ человѣколюбія дать имъ у себя дѣло и пищу: ужасъ разврата обыкновеннаго въ годины бѣдствій! Несчастные гибли или разбойничали, вмѣстѣ со многими людьми Вельможъ ссыльныхъ, Романовыхъ и другихъ, осужденными вести жизнь бродягъ (ибо никто не смѣлъ принять слугъ опальнаго) — вмѣстѣ съ Украинскими бѣглецами, ходившими изъ гнѣзда своего на добычу, и внутрь

Разбои. Россіи (187). Явились шайки на дорогахъ; завелись пристани въ мѣстахъ глухихъ и лѣсистыхъ; грабили, убивали подъ самою Москвою. Не боялись и сыскныхъ дружинъ воинскихъ: злодѣи смѣло пускались на сѣчу съ ними, имѣя атаманомъ Хлопка или Косолапа, удальца рѣдкаго. Государь долженъ былъ дѣйствовать съ усиліемъ немаловажнымъ, и въ мирное время отрядить цѣлое войско противъ разбойника! Главный Воевода, Окольничій Иванъ Ѳедоровичь Басмановъ, едва выступивъ въ поле, уже встрѣтилъ Хлопка, врага презрительнаго, но злаго, который, соединивъ свои шайки, дерзнулъ близъ Москвы спорить съ нимъ о побѣдѣ. Упорная битва, безславная и жестокая, рѣшилась смертію Басманова: видя его падающаго съ коня, воины кинулись на разбойниковъ, не жалѣли себя, и наконецъ одолѣли ихъ остервененіе: большую часть истребили и взяли въ плѣнъ

атамана, изнемогшаго отъ тяжелыхъ ранъ — злодѣя, коего необыкновенная храбрость достойна была лучшаго побужденія и лучшей цѣли. Удивленный дерзостію сего опаснаго скопища, Борисъ искалъ, кажется, тайныхъ соумышленниковъ или наставниковъ Хлопка между людьми значительнѣйшими, зная, что въ его шайкахъ находились слуги господъ опальныхъ, и подозрѣвая, что они могли быть вооружены местію противъ гонителя Романовыхъ. Нарядили слѣдствіе; допрашивали, пытали взятыхъ разбойниковъ ([188]), но, по видимому, ничего не узнали, кромѣ ихъ собственныхъ злодѣяній. Хлопко, вѣроятно, умеръ отъ ранъ или въ мукахъ: всѣхъ другихъ перевѣшали, и Борисъ единственно въ семъ случаѣ уклонился отъ своего человѣколюбиваго обѣта не казнить никого смертію ([189]). — Еще многіе изъ товарищей Хлопковыхъ спаслися бѣгствомъ въ Украйну, гдѣ Воеводы, по указу Государеву, ихъ ловили и вѣшали, но не могли истребить гнѣзда злодѣйскаго, которое ждало новаго, гораздо опаснѣйшаго атамана, чтобы дать ему передовую дружину на пути къ столицѣ!

Такъ готовилась Россія къ ужаснѣйшему изъ явленій въ своей Исторіи; готовилась долго: неистовымъ тиранствомъ двадцати-четырехъ лѣтъ Іоанновыхъ, адскою игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣпаго голода и повсемѣстныхъ разбоевъ, ожесточеніемъ сердецъ, развратомъ народа — всѣмъ, что предшествуетъ

испроверженію Государствъ, осужденныхъ Провидѣніемъ на гибель или на мучительное возрожденіе.

Если, какъ пишутъ очевидцы, не было ни правды, ни чести въ людяхъ (190); если долговременный голодъ не смирилъ, не исправилъ ихъ, но еще умножилъ пороки между ими: распутство, корыстолюбіе, лихоимство, безчувствіе къ страданію ближнихъ; если и самое лучшее Дворянство, и самое Духовенство заражалось общею язвою разврата, слабѣя въ усердіи къ отечеству отъ беззаконій Царя, уже вообще ненавистнаго: то нужны ли были иныя, чудесныя знаменія для устрашенія Россіи? ибо сіи же Лѣтописцы, слѣдуя древнему обыкновенію суевѣрія (191), разсказываютъ, «что не рѣдко восходили тогда двѣ и три «луны, два и три солнца вмѣстѣ; столпы «огненные, ночью пылая на тверди, въ «своихъ быстрыхъ движеніяхъ представ«ляли битву воинствъ, и краснымъ цвѣ«томъ озаряли землю; отъ бурь и вихрей «падали колокольни и башни; женщины и «животныя производили на свѣтъ множе«ство уродовъ; рыбы во глубинѣ водъ и «дичь въ лѣсахъ исчезали, или, употре«бляемыя въ пищу, не имѣли вкуса; алчные «псы и волки, вездѣ бѣгая станицами, по«жирали людей и другъ друга; звѣри и «птицы невиданные явились; орлы парили

Порочные нравы.

Мнимыя чудеса.

«надъ Москвою; въ улицахъ, у самаго «дворца, ловили руками лисицъ черныхъ; «лѣтомъ (въ 1604 году), въ свѣтлый пол-«день, возсіяла на небѣ Комета, и мудрый «старецъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ «вызванный Борисомъ изъ Германіи, объ-«явилъ Дьяку Государственному (Власьеву), «что Царству угрожаетъ великая опас-«ность.» Оставимъ суевѣріе предкамъ: его мнимые ужасы не столь разнообразны, какъ дѣйствительные въ Исторіи народовъ.

Кончина Ирины.

Въ сіе время скончалась Ирина, въ келліи Новодѣвичьяго монастыря, около шести лѣтъ не выходивъ изъ своего добровольнаго заключенія никуда, кромѣ церкви, пристроенной къ ея смиренному жилищу ([192]). Жена знаменитая и душевными качествами и судьбою необыкновенною; безъ отца, безъ матери, въ печальномъ сиротствѣ взысканная удивительнымъ счастіемъ; воспитанная, любимая Іоанномъ — и добродѣтельная; первая *Державная Царица* Россіи, и въ юныхъ лѣтахъ Монахиня; чистая сердцемъ предъ Богомъ, но омраченная въ Исторіи союзомъ съ злымъ властолюбцемъ, коему она указала путь къ престолу, хотя и невинно, будучи ослѣплена любовію къ нему и блескомъ его наружныхъ добродѣтелей, не зная его тайныхъ преступленій или не вѣря онымъ.

Могъ ли Борисъ открыть свою темную душу сердцу преданному святой набожности? Онъ дѣлилъ съ нѣжною сестрою только добрыя чувства: съ нею радовался торжеству отечества (193) и скорбѣлъ о случаяхъ бѣдственныхъ для онаго; повѣрялъ ей, можетъ быть, свое великое намѣреніе просвѣтить Россію, жаловался на злую неблагодарность, на злые умыслы, призраки его безпокойной совѣсти, и на горестную необходимость карать Вельможъ измѣнниковъ; лицемѣривъ предъ сестрою въ добрѣ, не лицемѣрилъ, можетъ быть, только въ изъявленіяхъ скорби о кончинѣ ея: Ирина не мѣшала ему державствовать и служила Ангеломъ хранителемъ, всѣми любимая какъ истинная мать народа и въ келліи. Погребли Инокиню съ великолѣпіемъ Царскимъ, въ Дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ, близъ гроба Іоанновой дочери, Маріи — и никогда не раздавалось столько милостыни, какъ въ сей день печали; бѣдные во всѣхъ городахъ Россійскихъ благословили щедрость Борисову, — Ирина была счастлива, смеживъ глаза навѣки: ибо не видала гибели всего, что еще любила въ жизни.

Настало время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ спасти свою душу отъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ) и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, незапная опасность

явилась; не потомки Рюриковы, не Князья и Вельможи, имъ гонимые — не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ Царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ.... Какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ тѣнь Димитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію. Начинаемъ повѣсть, равно истинную и неимовѣрную.

Явленіе Самозванца.

Бѣдный сынъ Боярскій, Галичанинъ Юрій Отрепьевъ, въ юности лишась отца, именемъ Богдана-Якова, Стрѣлецкаго Сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ Литвиномъ [194], служилъ въ домѣ у Романовыхъ и Князя Бориса Черкасскаго; зналъ грамотѣ; оказывалъ много ума, но мало благоразумія; скучалъ низкимъ состояніемъ и рѣшился искать удовольствія безпечной праздности въ санѣ Инока, слѣдуя примѣру дѣда, Замятни-Отрепьева, который уже давно монашествовалъ въ Обители Чудовской. Постриженный Вятскимъ Игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ, сей юный Чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто; жилъ нѣсколько времени въ Суздалѣ, въ Обители Св. Евфимія, въ Галицкой Іоанна Предтечи и въ другихъ; наконецъ въ Чу-

дове монастырѣ, въ келліи у дѣда, подъ Началомъ. Тамъ Патріархъ Іовъ узналъ его, посвятилъ въ Діаконы и взялъ къ себѣ для *книжнаго дѣла:* ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, но даже и сочинять Каноны Святымъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени. Пользуясь милостію Іова, онъ часто ѣздилъ съ нимъ и во дворецъ: видѣлъ пышность Царскую и плѣнялся ею; изъявлялъ необыкновенное любопытство; съ жадностію слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ искреннихъ, тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія Царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной, и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряютъ ([195]), однимъ злымъ Инокомъ: мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ Россіянъ, умиляемыхъ памятію Димитрія, и въ честь Небеснаго Правосудія казнить святоубійцу! Сѣмя пало на землю плодоносную: юный Діаконъ съ прилѣжаніемъ читалъ Россійскія лѣтописи, и не скромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда Чудовскимъ Монахамъ: «знаете ли, что я буду «Царемъ на Москвѣ?» Одни смѣялись; другіе плевали ему въ глаза, какъ вралю дерзкому. Сіи или подобныя рѣчи дошли до Ростовскаго Митрополита Іоны, который объявилъ Патріарху и самому Царю, что «недостойный Инокъ Гри-«горій хочетъ быть сосудомъ Діавольскимъ:»

добродушный Патріархъ не уважилъ Митрополитова извѣта; но Царь велѣлъ Дьяку своему, Смирнову-Васильеву, отправить безумца Григорія въ Соловки, или въ Бѣлозерскія пустыни, будто бы за ересь, на вѣчное покаяніе ([196]). Смирной сказалъ о томъ другому Дьяку, Евфимьеву; Евфимьевъ же, будучи свойственникомъ Отрепьевыхъ, умолилъ его не спѣшить въ исполненіи Царскаго Указа, и далъ способъ опальному Діакону спастися бѣгствомъ (въ Февралѣ 1602 года), вмѣстѣ съ двумя Иноками Чудовскими, Священникомъ Варлаамомъ и крылошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ. Не думали гнаться за ними, и не извѣстили Царя, какъ увѣряютъ, о семъ побѣгѣ, коего слѣдствія оказались столь важными.

Бродяги-Иноки были тогда явленіемъ обыкновеннымъ; всякая Обитель служила для нихъ гостинницею: во всякой находили они покой и довольствіе, а на путь запасъ и благословеніе. Григорій и товарищи его свободно достигли Новагорода Сѣверскаго, гдѣ Архимандритъ Спасской Обители принялъ ихъ весьма дружелюбно и далъ имъ слугу съ лошадьми, чтобы ѣхать въ Путивль; но бѣглецы, отославъ провожатаго, спѣшили въ Кіевъ, и Спасскій Архимандритъ нашелъ въ келліи ([197]), гдѣ жилъ Григорій, слѣдующую записку: «Я Царевичь Димитрій, сынъ «Іоанновъ, и не забуду твоей ласки, когда сяду «на престолъ отца моего.» Архимандритъ ужаснулся; не зналъ, что дѣлать; рѣшился молчать.

Такъ въ первый разъ открылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый Діаконъ вздумалъ грубою ложью низвергнуть великаго Монарха и сѣсть на его престолѣ, въ Державѣ, гдѣ Вѣнценосецъ считался земнымъ Богомъ, — гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ Царямъ, и гдѣ присяга, данная Государю *избранному*, для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣе священною! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой Судьбы, кромѣ воли Провидѣнія, можемъ изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безуміемъ; но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли: Литву!

Тамъ древняя, естественная ненависть къ Россіи всегда усердно благопріятствовала нашимъ измѣнникамъ, отъ Князей Шемякина, Верейскаго, Боровскаго и Тверскаго до Курбскаго и Головина (198): туда устремился и Самозванецъ, не прямою дорогою, а мимо Стародуба, къ Луевымъ горамъ, сквозь темные лѣса и дебри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ новый спутникъ его, Инокъ *Днѣпрова* монастыря, Пименъ (199), и гдѣ, вышедши наконецъ изъ Россійскихъ владѣній близъ Литовскаго селенія Слободки, онъ принесъ усердную благодарность Небу за счастливое избѣжаніе всѣхъ опасностей. Въ Кіевѣ, оныскавъ милость знаменитаго Воеводы, Князя Василія Константиновича Острожскаго, Григорій жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, а послѣ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; вездѣ священно-

дѣйствовалъ какъ Діаконъ, но велъ жизнь соблазнительную, презирая уставъ воздержанія и цѣломудрія; хвалился свободою мнѣній, любилъ толковать о Законѣ съ иновѣрцами и былъ даже въ тѣсной связи съ Анабаптистами ([200]). Между тѣмъ безумная мысль не усыпала въ головѣ пришлеца: онъ распустилъ темную молву о спасеніи и тайномъ убѣжищѣ Димитрія въ Литвѣ; свелъ знакомство съ другимъ отчаяннымъ бродягою, Инокомъ Крыпецкаго монастыря, Леонидомъ ([201]): уговорилъ его назваться своимъ именемъ, то есть, Григоріемъ Отрепьевымъ; а самъ, скинувъ съ себя одежду Монашескую, явился мірянином, чтобы удобнѣе пріобрѣсти навыки и знанія, нужныя ему для ослѣпленія людей. Среди густыхъ камышей Днѣпровскихъ гнѣздились тогда шайки удалыхъ Запорожцевъ, бдительныхъ стражей и дерзкихъ грабителей Литовскаго Княжества: у нихъ, какъ пишутъ, Разстрига Отрепьевъ нѣсколько времени учился владѣть мечемъ и конемъ, въ шайкѣ Герасима Евангелика ([202]), Старшины именитаго; узналъ и полюбилъ опасность; добылъ первой воинской опытности и корысти. Но скоро увидѣли пришлеца на иномъ ѳеатрѣ: въ мирной школѣ городка Волынскаго, Гащи, за Польскою и Латинскою Грамматикою ([203]): ибо мнимому Царевичу надобно было дѣйствовать не только оружіемъ, но и словомъ. Изъ школы онъ перешелъ въ службу Князю Адаму Вишневецкому, который жилъ въ Брагинѣ со всею пышностію богатаго

Вельможи. Тутъ Самозванецъ приступилъ къ дѣлу — и если искалъ надежнаго, лучшаго пособника въ предпріятіи равно дерзкомъ и нелѣпомъ, то не обманулся въ выборѣ: ибо Вишневецкій, сильный при Дворѣ и въ Государственной Думѣ многочисленными друзьями и прислужниками, соединялъ въ себѣ надменность съ умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца (204). Новый слуга знаменитаго Пана велъ себя скромно; убѣгалъ всякихъ низкихъ забавъ, ревностно участвовалъ только въ воинскихъ, и съ отмѣнною ловкостію. Имѣя наружность не красивую — ростъ средній, грудь широкую, волосы рыжеватые, лице круглое, бѣлое, но совсѣмъ не привлекательное, глаза голубые безъ огня, взоръ тусклый, носъ широкій, бородавку подъ правымъ глазомъ, также на лбу, и одну руку короче другой — Отрепьевъ замѣнялъ сію невыгоду живостію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ, осанкою благородною (205). Заслуживъ вниманіе и доброе расположеніе господина, хитрый обманщикъ притворился больнымъ, требовалъ Духовника, и сказалъ ему тихо: «Умираю. «Предай мое тѣло землѣ съ честію, какъ «хоронятъ дѣтей Царскихъ. Не объявлю «своей тайны до гроба; когда же закрою «глаза навѣки, ты найдешь у меня подъ «ложемъ свитокъ, и все узнаешь; но дру-

Поведеніе и наружность обманщика.

«гимъ не сказывай. Богъ судилъ мнѣ умереть «въ злосчастіи (206).» Духовникъ былъ Iезуитъ: онъ спѣшилъ извѣстить Князя Вишневецкаго о сей тайнѣ, а любопытный Князь спѣшилъ узнать ее: обыскалъ постелю мнимо-умирающаго; нашелъ бумагу, заблаговременно изготовленную, и прочиталъ въ ней, что слуга его есть Царевичь Димитрій, спасенный отъ убіенія своимъ вѣрнымъ Медикомъ (207); что злодѣи, присланные въ Угличь, умертвили одного сына Iерейскаго, вмѣсто Димитрія, коего укрыли добрые Вельможи и Дьяки Щелкаловы, а послѣ выпроводили въ Литву, исполняя наказъ Iоанновъ, данный имъ на сей случай (208). Вишневецкій изумился: еще хотѣлъ сомнѣваться, но уже не могъ, когда хитрецъ, виня нескромность Духовника, раскрылъ свою грудь, показалъ золотой, драгоцѣнными каменьями осыпанный крестъ (вѣроятно, гдѣ нибудь украденный) и съ слезами объявилъ, что сія святыня дана ему крестнымъ отцемъ, Княземъ Иваномъ Мстиславскимъ (209).

Вельможа Литовскій былъ въ восхищеніи. Какая слава представлялась для него возможною! бывшаго слугу своего увидѣть на тронѣ Московскомъ! Онъ не щадилъ ничего, чтобы поднять мнимаго Димитрія съ одра смертнаго, и въ краткое время его притворнаго выздоровленія изготовивъ ему великолѣпное жилище, пышную услугу, богатыя одежды, успѣлъ во всей Литвѣ разгласить о чудесномъ спасеніи Iоаннова сына.

Братъ Князя Адама, Константинъ Вишневецкій, и тесть сего послѣдняго, Воевода Сендомирскій, Юрій Мнишекъ, взяли особенное участіе въ судьбѣ столь знаменитаго изгнанника, какъ они думали, вѣря свитку, золотому кресту обманщика и свидѣтельству двухъ слугъ: обличеннаго вора, бѣглеца Петровскаго, и другаго, Мнишкова холопа, который въ Іоанново время былъ нашимъ плѣнникомъ и будто бы видалъ Димитрія (младенца двухъ или трехъ лѣтъ) въ Угличѣ: первый увѣрялъ, что Царевичь дѣйствительно имѣлъ примѣты Самозванца (дотолѣ никому неизвѣстныя): бородавки на лицѣ и короткую руку. Вишневецкіе донесли Сигизмунду, что у нихъ истинный наслѣдникъ Ѳеодоровъ; а Сигизмундъ отвѣтствовалъ, что желаетъ его видѣть, уже бывъ извѣщенъ о семъ любопытномъ явленіи другими, не менѣе ревностными доброхотами Самозванца: Папскимъ Нунціемъ Рангони и пронырливыми Іезуитами, которые тогда царствовали въ Польшѣ, управляя совѣстію малодушнаго Сигизмунда, и легко вразумили его въ важныя слѣдствія такого случая.

Іезуиты.

Въ самомъ дѣлѣ что могло казаться счастливѣе для Литвы и Рима? Чего нельзя было имъ требовать отъ благодарности Лжедимитрія, содѣйствуя ему въ пріобрѣтеніи Царства, которое всегда грозило

Литвѣ и всегда отвергало духовную власть Рима? Въ опасномъ непріятелѣ Сигизмундъ могъ найти друга и союзника, а Папа усерднаго сына въ непреклонномъ ослушникѣ. Симъ изъясняется легковѣріе Короля и Нунція: думали не объ истинѣ, но единственно о пользѣ; одно бѣдствіе, одно смятеніе и междоусобіе Россіи уже плѣняло воображеніе нашихъ враговъ естественныхъ; и если робкій Сигизмундъ еще колебался, то ревностные Іезуиты побѣдили его нерѣшимость, представивъ ему способъ, обольстительный для душъ слабыхъ: дѣйствовать не открыто, не прямо, и подъ личиною мирнаго сосѣда ввергнуть пламя войны въ Россію. — Уже Рангони находился въ тѣсной связи съ Самозванцемъ, и дѣятельные Іезуиты служили посредниками между ими; уже съ обѣихъ сторонъ изъяснились и заключили договоръ: Лжедимитрій письменно обязался за себя и за Россію пристать къ Латинской Церкви, а Рангони быть его ходатаемъ не только въ Польшѣ и въ Римѣ (210), но и во всей Европѣ; совѣтовалъ ему спѣшить къ Королю и ручался за доброе слѣдствіе ихъ свиданія. ...

Вмѣстѣ съ Воеводою Сендомирскимъ и Княземъ Вишневецкимъ Отрепьевъ (въ 1603 или 1604 году) явился въ Краковѣ, гдѣ Нунцій немедленно посѣтилъ его. «Я самъ былъ тому свидѣтелемъ,» пишетъ Секретарь Королевскій, Чилли (211), *вѣря мнимому Царевичу*: «я видѣлъ, «какъ Нунцій обнималъ и ласкалъ Димитрія,

«бесѣдуя съ нимъ о Россіи, и говоря, что «ему должно торжественно объявить себя «Католикомъ для успѣха въ своемъ дѣлѣ. «Димитрій съ видомъ сердечнаго умиленія «клялся въ непремѣнномъ исполненіи дан«наго имъ обѣта, и вторично подтвердилъ «сію клятву въ домѣ у Нунція, въ присут«ствіи многихъ Вельможъ. Угостивъ Ца«ревича пышнымъ обѣдомъ, Рангони по«везъ его во дворецъ. Сигизмундъ, обы«кновенно важный и величавый, принялъ «Димитрія въ кабинетѣ, стоя, и съ ласко«вою улыбкою. Димитрій поцѣловалъ у «него руку, разсказалъ ему всю свою исто«рію,» и заключилъ такъ (212): *Государь! вспомни, что ты самъ родился въ узахъ и спасенъ единственно Провидѣніемъ. Державный изгнанникъ требуетъ отъ тебя сожалѣнія и помощи.* «Чиновникъ Королевскій «далъ знакъ Царевичу, чтобы онъ вышелъ «въ другую комнату, гдѣ Воевода Сендо«мирскій и всѣ мы ждали его. Король «остался наединѣ съ Нунціемъ, и чрезъ «нѣсколько минутъ снова призвалъ Дими«трія. Положивъ руку на сердце, смирен«ный Царевичь болѣе вздохами, нежели «словами убѣждалъ Сигизмунда быть ми«лостивымъ. Тогда Король съ веселымъ «видомъ, приподнявъ свою шляпу, ска«залъ: *Да поможетъ вамъ Богъ, Московскій Князь Димитрій! а мы, выслушавъ и*

Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ.

«разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣтельства, несомни-«тельно видимъ въ васъ Іоаннова сына, и въ до-«казательство нашего искренняго благоволенія «опредѣляемъ вамъ ежегодно 40,000 *злотыхъ,»* (54,000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ) «*на «содержаніе и всякія издержки. Сверхъ того вы, «какъ истинный другъ Республики, вольны сно-«ситься съ нашими Панами, и пользоваться ихъ «усерднымъ вспоможеніемъ.* Сія рѣчь столь вос-«хитила Димитрія, что онъ не могъ сказать ни «единаго слова: Нунцій благодарилъ Короля, «привезъ Царевича въ домъ къ Воеводѣ Сендо-«мирскому, и снова обнявъ его, совѣтовалъ ему «дѣйствовать немедленно, чтобы скорѣе достиг-«нуть цѣли: отнять Державу у Годунова и на-«вѣки утвердить въ Россіи Вѣру Католическую «съ Іезуитами.» Прежде всего надлежало самому Лжедимитрію принять сію Вѣру: чего неотмѣнно хотѣлъ Рангони; но условились не оглашать того до времени, боясь закоренѣлой ненависти Россіянъ къ Латинской Церкви. Дѣйствіе совершилось въ домѣ Краковскихъ Іезуитовъ. Разстрига шелъ къ нимъ тайно, съ какимъ-то Вельможею Польскимъ, въ бѣдномъ рубищѣ, закрывая лице свое, чтобы никто не узналъ его; выбралъ одного изъ нихъ себѣ въ Духовники, исповѣдался, отрекся отъ нашей Церкви, и какъ новый ревностный сынъ Западной принялъ тѣло Христово съ мѵропомазаніемъ отъ Римскаго Нунція. Такъ сказано въ *Письмахъ Іезуитскаго Общества* ([213]), которое славило *будущія* великія

добродѣтели мнимаго Димитрія, надѣясь усердіемъ его подчинить Риму *весь неизмѣримыя страны Востока!* — Тогда Отрепьевъ, слѣдуя наставленіямъ Нунція, собственною рукою написалъ краснорѣчивое Латинское письмо къ Папѣ, чтобы имѣть въ немъ искренняго покровителя — и Климентъ VIII не замедлилъ удостовѣрить его въ своей готовности вспомогать ему всею духовною властію Апостольскаго Намѣстника (214).

Письмо къ Папѣ.

Должно отдать справедливость уму Разстриги: предавъ себя Іезуитамъ, онъ выбралъ дѣйствительнѣйшее средство одушевить ревностію безпечнаго Сигизмунда, который, вопреки чести, совѣсти, Народному Праву и мнѣнію многихъ знатныхъ Вельможъ, рѣшился быть сподвижникомъ бродяги. Славный другъ Баторіевъ, Гетманъ Замойскій, былъ еще живъ: Король писалъ къ нему о своемъ важномъ предпріятіи, говоря, что Республика, доставивъ Димитрію корону, будетъ располагать силами Московской Державы, легко обуздаетъ Турковъ, Хана и Шведовъ, возметъ Эстонію и всю Ливонію, откроетъ путь для своей торговли въ Персію и въ Индію; но что сіе великое намѣреніе, требуя тайны и скорости, не можетъ быть предложено Сейму, дабы Годуновъ не имѣлъ времени изготовиться къ оборонѣ (215). Тщетно старецъ Замойскій, Панъ Жолкѣвскій, Князь

Острожскій и другіе Вельможи благоразумные удерживали Короля, не совѣтуя ему легкомысленно вдаваться въ опасность такой войны, особенно безъ вѣдома Чиновъ Государственныхъ, и съ малыми силами; тщетно знаменитый Панъ Збаражскій доказывалъ, что мнимый Димитрій есть безъ сомнѣнія обманщикъ. Убѣжденный Іезуитами, но не дерзая самовластно нарушить двадцатилѣтняго перемирія, заключеннаго между имъ и Борисомъ, Король велѣлъ Мнишку и Вишневецкимъ поднять знамя противъ Годунова именемъ Іоаннова сына и составить рать изъ вольницы; опредѣлилъ ей на жалованье доходы Сендомирскаго Воеводства; внушалъ Дворянамъ, что слава и богатство ожидаютъ ихъ въ Россіи, и торжественно возложивъ съ своей груди златую цѣпь на Разстригу (216), отпустилъ его съ двумя Іезуитами изъ Кракова въ Галицію, гдѣ, близъ Львова и Самбора, въ мѣстечкахъ Вельможи Мнишка, подъ распущенными знаменами уже толпилась Шляхта и чернь, чтобы итти на Москву.

Собраніе войска.

Главною и первымъ ревнителемъ сего подвига сдѣлался старецъ Мнишекъ, коему старость не мѣшала быть ни честолюбивымъ, ни легкомысленнымъ до безразсудности. Онъ имѣлъ юную дочь прелестницу, Марину, подобно ему честолюбивую и вѣтреную: Лжедимитрій, хотя у него въ

Самборѣ, объявилъ себя, искренно, или притворно, страстнымъ ея любовникомъ, и вскружилъ ей голову именемъ Царевича; а гордый Воевода съ радостію благословилъ оно взаимную склонность, въ надеждѣ видѣть Россію у ногъ своей дочери, какъ наслѣдственную собственность его потомства. Чтобы утвердить сію лестную надежду и хитро воспользоваться еще невѣрными обстоятельствами жениха, Мнишекъ предложилъ ему условія, безъ малѣйшаго сомнѣнія принятыя Разстригою, который далъ на себя слѣдующее обязательство (писанное 25 Мая 1604, собственною рукою Воеводы Сендомирскаго (217)]: «Мы, Димитрій *Ивановичъ*, Божіею милостію *Царевичъ* Великой Россіи, Углицкій, Дмитровскій и проч., Князь отъ колѣна предковъ своихъ, и всѣхъ Государствъ Московскихъ Государь и наслѣдникъ, по уставу Небесному и примѣру Монарховъ Христіанскихъ избрали себѣ достойную супругу, Вельможную Панну Марину, дочь Ясновельможнаго Пана Юрія Мнишка, коего считаемъ отцемъ своимъ, испытавъ его честность и любовь къ намъ, но отложили бракосочетаніе до нашего воцаренія: тогда — въ чемъ клянемся именемъ Св. Троицы и прямымъ словомъ Царскимъ — женюся на Паннѣ Маринѣ, обязываясь 1) выдать немедленно милліонъ

Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ.

«злотыхъ» (1,350,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) «на уплату его долговъ и на ея путешествіе до Москвы, сверхъ драгоцѣнностей, которыя пришлемъ ей изъ нашей казны Московской; 2) торжественнымъ Посольствомъ извѣстить о семъ дѣлѣ Короля Сигизмунда, и просить его благосклоннаго согласія на оное; «3) будущей супругѣ нашей уступить два Великія Государства, Новгородъ и Псковъ, со всѣми «Уѣздами и пригородами, съ людьми Думными, «Дворянами, Дѣтьми Боярскими и съ Духовенствомъ, такъ, чтобы она могла судить и рядить «въ нихъ самовластно, опредѣлять Намѣстниковъ, раздавать вотчины и помѣстья своимъ «людямъ служивымъ, заводить школы, строить «монастыри и церкви Латинской Вѣры, свободно «исповѣдуя сію Вѣру, которую и мы сами приняли, съ твердымъ намѣреніемъ ввести оную «во всемъ Государствѣ Московскомъ. Если же— «отъ чего Боже сохрани—Россія воспротивится «нашимъ мыслямъ, и мы не исполнимъ своего «обязательства въ теченіе года, то Панна Марина вольна развестися со мною или взять терпѣніе еще на годъ,» и проч. Сего не довольно: въ восторгѣ благодарности Лжедимитрій другою грамотою (писанною 12 Іюня 1604) отдалъ Мнишку въ наслѣдственное владѣніе Княжество Смоленское и Сѣверское, кромѣ нѣкоторыхъ Уѣздовъ, назначенныхъ имъ въ даръ Королю Сигизмунду и Республикѣ, въ залогъ вѣчнаго, ненарушимаго мира между ею и Московскою

Державою ([218]).... Такъ бѣглый Діаконъ, чудесное орудіе гнѣва Небеснаго, подъ именемъ Царя Россійскаго готовился предать Россію, съ ея величіемъ и православіемъ, въ добычу Іезуитамъ и Ляхамъ! Но способы его еще не отвѣтствовали важности замысла.

Ополчалась въ самомъ дѣлѣ не рать, а сволочь на Россію: весьма не многіе знатные Дворяне, въ угодность Королю, мало уважаемому, или прельщаясь мыслію храбровать за изгнанника Царевича, явились въ Самборѣ и Львовѣ; стремились туда бродяги, голодные и полунагіе, требуя оружія не для побѣды ([219]), но для грабежа или жалованья, которое щедро выдавалъ Мнишекъ въ надеждѣ на будущее и на богатое вѣно Марины и доходы Смоленскаго Княжества. Разстрига и друзья его чувствовали нужду въ иныхъ, лучшихъ сподвижникахъ, и должны были естественно искать ихъ въ самой Россіи. Достойно замѣчанія, что нѣкоторые изъ Московскихъ бѣглецовъ, Дѣтей Боярскихъ, исполненныхъ ненависти къ Годунову, укрываясь тогда въ Литвѣ, не хотѣли быть участниками сего предпріятія, ибо видѣли обманъ и гнушались злодѣйствомъ: пишутъ, что одинъ изъ нихъ, Яковъ Пыхачевъ, даже всенародно, и предъ лицемъ Короля, свидѣтельствовалъ о семъ грубомъ обманѣ, вмѣстѣ съ товарищемъ Разстригинымъ, Инокомъ Варлаамомъ, встревоженнымъ совѣстію; что имъ не вѣрили и прислали обоихъ скованныхъ къ Воеводѣ Мнишку въ

Самборъ, гдѣ Варлаама заключили въ темницу, а Пыхачева, обвиняемаго въ намѣреніи умертвить Лжедимитрія, казнили (220). Другіе бѣглецы, менѣе совѣстные, Дворянинъ Иванъ Борошинъ съ десятью или пятнадцатью клевретами (221), пали къ ногамъ мнимаго Царевича и составили его первую дружину Русскую; скоро явилась гораздо сильнѣйшая. Зная свойство мятежныхъ Донскихъ Козаковъ, — зная, что они не любили Годунова, казнившаго многихъ изъ нихъ за разбои, — Лжедимитрій послалъ на Донъ Литвина Свирскаго (222) съ грамотою; писалъ, что онъ сынъ перваго Царя Бѣлаго, коему сіи вольные Христіанскіе витязи присягнули въ вѣрности; звалъ ихъ на дѣло славное: свергнуть раба злодѣя съ престола Іоаннова. Два Атамана, Андрей Корела и Михайло Нѣжакожъ (223), спѣшили видѣть Лжедимитрія; видѣли его честимаго Сигизмундомъ, Вельможными Панами, и возвратились къ товарищамъ съ удостовѣреніемъ, что онъ есть истинный Царевичъ. Удальцы Донскіе сѣли на коней, чтобы присоединиться къ толпамъ Самозванца. Между тѣмъ усердный слуга его, Панъ Михайло Ратомскій, Остерскій Староста, волновалъ нашу Украйну чрезъ своихъ лазутчиковъ и двухъ Монаховъ Русскихъ (224), вѣроятно Мисаила и Леонида, изъ коихъ послѣдній, снявъ на себя имя Григорія Отрепьева, могъ свидѣтельствовать, что оно не принадлежитъ Самозванцу. Въ городахъ, въ селахъ и на дорогахъ подкидывали грамоты отъ

Лжедимитрія къ Россіянамъ (225), съ вѣстію, что онъ живъ и скоро къ нимъ будетъ. Народъ изумлялся, не зная, вѣрить тому или не вѣрить; а бродяги, негодяи, разбойники, издавна гнѣздясь въ землѣ Сѣверской (226), обрадовались: наступало ихъ время. Кто бѣжалъ въ Галицію къ Самозванцу, кто въ Кіевъ, гдѣ Ратомскій также выставилъ знамя для собранія вольницы: онъ поднялъ и Козаковъ Запорожскихъ, прельщенныхъ мыслію вести бывшаго ученика своего на Царство Московское. — Столько движенія, столько гласныхъ происшествій могло ли утаиться отъ Годунова?

Еще прежде, нежели Самозванецъ открылся Вишневецкимъ, слухъ, распущенный имъ въ Литвѣ о Димитріи (227), сдѣлался, вѣроятно, извѣстнымъ Борису. Въ Генварѣ 1604 года Шведскій сановникъ Тирфельдъ писалъ съ гонцемъ къ Абовскому градоначальнику, что мнимо-убитый сынъ Іоанновъ живетъ у Козаковъ (228): гонца задержали въ Иванѣгородѣ, и письмо его доставили Царю. Въ то же время пришли и вѣсти изъ Литвы и подметныя грамоты Лжедимитріевы отъ нашихъ Воеводъ Украинскихъ; въ то же время, на берегахъ Волги, Донскіе Козаки разбили Окольничаго Семена Годунова, посыланнаго въ Астрахань, и захвативъ нѣсколько Стрѣльцевъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: «объявите Борису, что мы скоро «будемъ къ нему съ Царевичемъ Димитріемъ!» Одинъ Богъ видѣлъ, что происходило въ душѣ

Годунова, когда онъ услышалъ сіе роковое имя: но чѣмъ болѣе устрашался, тѣмъ болѣе хотѣлъ казаться безстрашнымъ. Не сомнѣваясь въ убіеніи истиннаго сына Іоаннова (229), онъ изъяснялъ для себя столь дерзкую ложь умысломъ своихъ тайныхъ враговъ, и велѣлъ лазутчикамъ узнать въ Литвѣ, кто сей Самозванецъ; искалъ заговора въ Россіи; подозрѣвалъ Бояръ; призвалъ въ Москву Царицу-Инокиню, мать Димитріеву, и ѣздилъ къ ней въ Дѣвичій монастырь съ Патріархомъ (230), воображая, какъ вѣроятно, что она могла быть участницею предполагаемаго кова, и надѣясь лестію или угрозами вывѣдать ея тайну; но Царица-Инокиня, равно какъ и Бояре, ничего не знала, съ удивленіемъ и можетъ быть не безъ внутренняго удовольствія слыша о Лжедимитріи, который не замѣнялъ сына для матери, но страшилъ его убійцу. Свѣдавъ наконецъ, что Самозванецъ есть разстрига Отрепьевъ, и что Дьякъ Смирной не исполнилъ Царскаго указа сослать его въ пустыню Бѣломорскую (231), Борисъ усиліемъ притворства не оказалъ гнѣва, ибо хотѣлъ увѣрить Россію въ маловажности сего случая: Смирной трепеталъ, ждалъ гибели, и былъ казненъ, но послѣ, и будто бы за другую вину: за расхищеніе государственнаго достоянія. Удвоивъ заставы на Литовской

Мѣры взятыя Борисомъ.

границѣ, чтобы перехватывать вѣсти о Самозванцѣ, однакожь чувствуя невозможность скрыть его явленіе отъ Россіи, и боясь молчаніемъ усилить вредные толки, Годуновъ обнародовалъ исторію бѣглеца Чудовскаго (232), вмѣстѣ съ допросами Монаха Пимена, Венедикта Черница Смоленскаго и мѣщанина Ярославца, иконника Степана: первый объявлялъ, что онъ самъ вывелъ бродягу Григорія въ Литву, но не хотѣлъ итти съ нимъ далѣе, и возвратился; второй и третій свидѣтельствовали, что они знали Отрепьева Діакономъ въ Кіевѣ и воромъ между Запорожцами, что сей негодяй, богоотступникъ, чернокнижникъ, съ умыслу Князей Вишневецкихъ и самого Короля, дерзаетъ въ Литвѣ называться Димитріемъ. Въ то же время Царь послалъ, *отъ имени Бояръ*, дядю Разстригина, Смирнаго-Отрепьева, къ Сигизмундовымъ Вельможамъ, чтобы въ ихъ присутствіи изобличить племянника (233); послалъ и къ Донскимъ Козакамъ Дворянина Хрущова, вывести ихъ изъ бѣдственнаго заблужденія. Но грамоты и слова не дѣйствовали: Вельможи Королевскіе не хотѣли показать Лжедимитрія Смирному-Отрепьеву, и сухо отвѣтствовали, что имъ нѣтъ дѣла до мнимаго Царевича Россійскаго; а Козаки схватили Хрущова, оковали и привезли къ Самозванцу (234). Уже Разстрига

г. 1604.

(15 Августа) двинулся съ своими дружинами къ берегамъ Днѣпровскимъ и стоялъ (17 того же мѣсяца) въ Сокольникахъ: Хрущовъ, представленный ему въ цѣпяхъ, взглянулъ на него.... залился слезами и палъ на колѣна, воскликнувъ: «вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ: я твой слуга навѣки!» Сняли съ него оковы; и сей первый чиновный измѣнникъ, ослѣпленный страхомъ или корыстію, въ знакъ усердія донесъ своему новому Государю, смѣшивая истину съ ложью, что народъ изъявляетъ въ Россіи любовь къ Димитрію; что самые знатные люди, Меньшій Булгаковъ и другіе (234), пили у себя съ гостями чашу за его здравіе и были, по доносу слугъ, осуждены на казнь; что Борисъ умертвилъ и сестру, вдовствующую Царицу Ирину, которая всегда видѣла въ немъ Монарха беззаконнаго; что Борисъ, не смѣя явно ополчаться противъ Димитрія, сводитъ полки въ Ливнахъ, будто бы на случай Ханскаго впаденія; что главные Воеводы его, Петръ Шереметевъ и Михайло Салтыковъ, встрѣтясь съ нимъ, Хрущовымъ, въ искренней бесѣдѣ сказали: *насъ ожидаетъ не Крымская, а совсѣмъ иная война — но трудно поднять руку на Государя природнаго*; что Борисъ не здоровъ, отходитъ отъ слабости въ ногахъ, и думаетъ тайно выслать казну Московскую въ Астрахань и въ Персію. Годуновъ безъ сомнѣнія не убилъ Ирины и не думалъ искать убѣжища въ Персіи; еще не видалъ дотолѣ измѣны въ Россіянахъ, и не казнилъ ни одного человѣка за явную при-

верженность къ Самозванцу (236); съ жадностію слушая лазутчиковъ, доносителей, клеветниковъ, воздерживалъ себя отъ тиранства для своей безопасности въ такихъ обстоятельствахъ, и терзаемый подозрѣніями, еще не основательными, хотѣлъ знаками великодушной довѣренности тронуть Бояръ и чиновниковъ: но дѣйствительно медлилъ двинуть значительную рать прямо къ Литовскимъ предѣламъ, въ доказательство ли безстрашія, боясь ли сильнымъ ополченіемъ дать народу мысль о важности непріятеля, избѣгая ли войны съ Польшею до самой крайней необходимости? Сія необходимость была уже очевидна: Король Сигизмундъ вооружалъ на Бориса не только Самозванца, но и Крымскихъ разбойниковъ, убѣждая Хана вступить вмѣстѣ съ Лжедимитріемъ въ Россію. Борисъ зналъ все, и еще послалъ въ Варшаву, лично къ Королю, Дворянина Огарева, усовѣстить его представленіемъ, сколь унизительно для Вѣнценосца Христіанскаго быть союзникомъ подлаго обманщика; вторично объявлялъ (237), кто сей мнимый Царевичь, и спрашивалъ, чего Сигизмундъ желаетъ: мира или войны съ Россіею? Сигизмундъ хотѣлъ лукавствовать и, подобно своимъ Вельможамъ, отвѣчалъ, что не стоитъ за Лжедимитрія и не мыслитъ нарушать перемирія; что нѣкоторые Ляхи самовольно помогаютъ сему бродягѣ, *ушедшему* въ Галицію, и будутъ наказаны какъ мятежники. «Мы хотѣли обмануть Бога» (пишетъ современникъ,

одного изъ знатныхъ Ляховъ), «увѣрилъ безсо-«вѣстно, что Король и Республика не участвуютъ «въ Димитріевомъ предпріятіи» (238). Уже Самозванецъ началъ дѣйствовать, а Царь велѣлъ Патріарху Іову еще писать къ Духовенству Литовскому и Польскому, чтобы оно для блага обѣихъ Державъ старалось удалить кровопролитіе и богоотступника Разстригу (239); всѣ наши Епископы скрѣпили Патріаршую грамоту своими печатями, клятвенно свидѣтельствуя, что они всѣ знали Отрепьева Монахомъ. Такую же грамоту написалъ Іовъ и къ Кіевскому Воеводѣ, Князю Василію Острожскому, напоминая ему, что онъ самъ зналъ сего бѣглеца Діакономъ, и заклиная его быть достойнымъ сыномъ Церкви: обличить Разстригу, схватить и прислать въ Москву. Но гонцы Патріарховы не возвратились: ихъ задержали въ Литвѣ и не отвѣтствовали Іову ни Духовенство, ни Князь Острожскій: ибо Самозванецъ дѣйствовалъ уже съ блестящимъ успѣхомъ.

Сіе грозное ополченіе, которое шло низвергнуть Годунова, состояло едва ли изъ 1500 воиновъ исправныхъ, всадниковъ и пѣшихъ, кромѣ сволочи, безъ устройства и почти безъ оружія (240). Главными Предводителями были самъ Лжедимитрій (сопровождаемый двумя Іезуитами), юный Мнишекъ (сынъ Воеводы Сендомирскаго), Дворжицкій, Фредро и Нѣборскій; каждый изъ нихъ имѣлъ свою особенную дружину и хоругвь; а старецъ Мнишекъ первенствовалъ въ

ихъ Думѣ. Они соединились близъ Кіева съ двумя тысячами Донскихъ Козаковъ, приведенныхъ Свирскимъ, съ толпами вольницы Кіевской и Сѣверской, ополченной Ратомскимъ, и 16 Октября вступили въ Россію (241). Тогда единственно Борисъ началъ рѣшительно готовиться къ оборонѣ; послалъ надежныхъ Воеводъ въ Украинскія крѣпости, съ Головами Стрѣлецкими; а знатныхъ Бояръ, Князя Димитрія Шуйскаго, Ивана Годунова и Михайла Глѣбовича Салтыкова въ Брянскъ, чтобы собрать тамъ многочисленное полевое войско (242). Еще Борисъ могъ стыдиться страха, видя противъ себя толпы Ляховъ, нестройной вольницы и Козаковъ, предводимыя бѣглымъ разстригою; но сей человѣкъ назывался именемъ ужаснымъ для Бориса и любезнымъ для Россіи!

Лжедимитрій шелъ съ мечемъ и съ Манифестомъ: объявлялъ Россіанамъ, что онъ, невидимою десницею Всевышняго устраненный отъ ножа Борисова и долго сокрываемый въ неизвѣстности, сею же рукою изведенъ на ѳеатръ міра подъ знаменами сильнаго, храбраго войска, и спѣшитъ въ Москву взять наслѣдіе своихъ предковъ, вѣнецъ и скипетръ Владиміровъ; напоминалъ всѣмъ чиновникамъ и гражданамъ присягу, данную ими Іоанну; убѣждалъ ихъ оставить хищника Бориса и служить Государю законному; обѣщалъ миръ, тишину, благоденствіе, коихъ они не могли имѣть въ царствованіе злодѣя богопротивнаго (243). Вмѣстѣ съ тѣмъ

Воевода Сендомирскій именемъ Короля и Вельможныхъ Пановъ обнародовалъ, что они, убѣжденные доказательствами очевидными, несомнѣнно признали Димитрія истиннымъ Великимъ Княземъ Московскимъ (244), дали ему рать и готовы дать еще сильнѣйшую для восшествія на престолъ отца его. Сей Манифестъ довершилъ дѣйствіе прежнихъ подметныхъ грамотъ Лжедимитрія въ Украйнѣ, гдѣ не только сподвижники Хлопковы (245) и слуги опальныхъ Бояръ, ненавистники Годунова — не только низкая чернь, но и многіе люди воинскіе повѣрили Самозванцу, не узнавая бѣглаго Діакона въ союзникѣ Короля Сигизмунда, окруженномъ знатными Ляхами; въ витязѣ ловкомъ, искусномъ владѣть мечемъ и конемъ; въ военачальникѣ бодромъ и безстрашномъ: ибо Лжедимитрій былъ всегда впереди, презиралъ опасность, и взоромъ спокойнымъ искалъ, казалось, не враговъ, а друзей въ Россіи. Несчастія Годунова времени, надежда на лучшее, любовь къ чрезвычайному и золото, разсыпаемое Мнишкомъ и Вишневецкими, также способствовали легковѣрію народному. Тщетно градоначальники Борисовы хотѣли мѣшать распространенію листовъ Самозванцевыхъ, опровергали и жгли ихъ: листы ходили изъ рукъ въ руки, готовя измѣну. Начались тайныя сношенія между Самозванцемъ и городами Украинскими, гдѣ лазутчики его дѣйствовали съ величайшею ревностію, обольщая умы и страсти людей — доказывая, что присяга,

данная Годунову, не имѣетъ силы: ибо обманутый народъ, присягая ему, считалъ сына Іоаннова мертвымъ ([246]); что самъ Борисъ знаетъ сію истину, обезумѣлъ въ ужасѣ и не противится мирному вступленію Царевича въ Россію. Самые чиновники колебались, или въ оцѣпенѣніи ждали дальнѣйшихъ происшествій; самые Воеводы, видя общее движеніе въ пользу Лжедимитрія, опасались, кажется, употребить строгость, и не изъявили должнаго усердія. Составились заговоры, и мятежъ вспыхнулъ.

Отрепьевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра раздѣлилъ свое войско ([247]): послалъ часть его къ Бѣлугороду, а самъ шелъ вверхъ Десны, въ слѣдъ за разсыпною дружиною переметчиковъ, которые служили ему вѣрными путеводителями, зная мѣста и людей. Едва поставивъ ногу на Русскую землю (18 Октября), въ Слободѣ Шляхетской, онъ свѣдалъ о своемъ первомъ успѣхѣ: жители и воины Моравска отложились отъ Бориса; связали, выдали Воеводъ своихъ Лжедимитрію; встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью ([248]). Чувствуя важность начала въ такомъ предпріятіи, умный прошлецъ велъ себя съ отмѣнною ловкостію: торжественно славилъ Бога; изъявлялъ милость и величавость; не укорялъ Воеводъ Моравскихъ вѣрностію къ Борису, жалѣя только объ

Первая измѣна.

ихъ заблужденія, и далъ имъ свободу; жаловалъ, ласкалъ измѣнниковъ, граждан, воиновъ, видомъ и разговоромъ не безъ искусства представляя лице Державнаго, такъ, что отъ Литовскаго рубежа до самыхъ внутреннихъ областей Россіи съ неимовѣрною быстротою промчалась добрая слава о Лжедимитріи — и знаменитая столица древнихъ Ольговичей не усомнилась слѣдовать примѣру Моравска. 26 Октября покорился Самозванцу Черниговъ, гдѣ ратники и граждане также встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью, выдавъ ему Воеводъ (249), изъ коихъ главный, Князь Иванъ Андреевичь Татевъ, внутренно ненавидя Бориса, какъ вторый Хрущовъ безстыдно вступилъ въ службу къ обманщику. Тамъ хранилась значительная казна: Лжедимитрій, раздѣливъ ее между своими воинами, усилилъ тѣмъ ихъ ревность; умножилъ и число, присоединивъ къ нимъ 300 Стрѣльцевъ измѣнниковъ и жителей, ополченныхъ усердіемъ къ нему или духомъ буйнымъ. Взявъ изъ Черниговской крѣпости 12 пушекъ, Самозванецъ оставилъ въ ней начальникомъ Ляха, и спѣшилъ къ Новугороду Сѣверскому. Онъ надѣялся быть вездѣ завоевателемъ безъ кровопролитія, и дѣйствительно, на берегахъ Десны, Свины и Снова, видѣлъ единственно колѣнопреклоненіе народа и слышалъ радостный кликъ: «да здравствуетъ «Государь нашъ, Димитрій!»

Но вѣсти не было изъ Новагорода: жители не высылали ко Лжедимитрію ни призывныхъ гра-

мотъ, ни Воеводъ связанныхъ: тамъ бодрствовалъ одинъ человѣкъ, рѣшительный, смѣлый — и еще вѣрный! Сей витязь былъ Петръ Ѳедоровичь Басмановъ, братъ убитаго разбойниками (въ 1604 году) Ивана Басманова, дотолѣ извѣстный только чрезвычайною судьбою отца и дѣда ([250]), которые, всѣмъ жертвуя Іоанновой милости, своею гибелію доказали Небесное правосудіе: наслѣдовавъ ихъ духъ царедворческій, онъ соединялъ въ себѣ великія способности ума и даже нѣкоторыя благородныя качества сердца съ совѣстію уклончивою, нестрогою, будучи готовъ на добро и зло для первенства между людьми. Борисъ видѣлъ въ юномъ Басмановѣ только достоинства; вывелъ его, вмѣстѣ съ братомъ, изъ родовой опалы на степень знатности, въ 1601 году давъ ему санъ Окольничаго, и вмѣстѣ съ Бояриномъ, Княземъ Никитою Романовичемъ Трубецкимъ, послалъ-было спасти Черниговъ ([251]); но они за 15 верстъ до сего города свѣдали, что тамъ уже Самозванецъ, и заключились въ Новѣгородѣ. Тогда узнали Басманова! Великая опасность поставила его выше Боярина Трубецкаго: принявъ начальство въ городѣ, гдѣ все колебалось отъ внушеній измѣны или страха, онъ истиною и грозою обуздалъ предательство: самъ увѣренный въ обманѣ, увѣрилъ въ немъ и другихъ;

Витязь Басмановъ.

самъ не боясь смерти, устрашилъ мятежниковъ казнію; сжегъ предмѣстія, и съ пятисотною дружиною Стрѣльцевъ Московскихъ заперся въ крѣпости, волею или неволею взявъ къ себѣ и знатнѣйшихъ жителей (252). 11 Ноября Лжедимитрій подступилъ къ Новугороду: тутъ Россіяне привѣтствовали его, въ первый разъ, ядрами и пулями! Онъ требовалъ переговоровъ: Басмановъ съ зажженнымъ фитилемъ стоялъ на стѣнѣ и слушалъ клеврета Самозванцева, Ляха Бучинскаго, который сказалъ, что Царь и Великій Князь Димитрій готовъ быть отцемъ воиновъ и жителей, если ему сдадутся, или, въ случаѣ упорства, не оставитъ живымъ ни грудного младенца въ Новѣгородѣ. «Великій Князь и «Царь въ Москвѣ,» отвѣтствовалъ Басмановъ: «а вашъ Димитрій разбойникъ сядетъ на колъ, «вмѣстѣ съ вами.» Отрепьевъ посылалъ и Россійскихъ измѣнниковъ уговаривать Басманова, но безполезно; хотѣлъ взять крѣпость смѣлымъ приступомъ, и былъ отраженъ; хотѣлъ огнемъ разрушить ея стѣны, но не успѣлъ и въ томъ; лишился многихъ людей, и видѣлъ бѣдствіе предъ собою: станъ его унылъ; Басмановъ давалъ время войску Борисову ополчиться и примѣръ неробости инымъ градоначальникамъ.

Но добрыя вѣсти утѣшили Самозванца. Въ крѣпкомъ Путивлѣ начальствовали знатный Окольничій, Михайло Салтыковъ, и Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сей послѣдній, какъ воинъ не безъ достоинства, гражданинъ безъ чести и пра-

вилъ, съ Дьякомъ Сутуповымъ объявилъ себя за мнимаго Царевича; самъ возмутилъ гражданъ и ратниковъ; самъ связалъ Салтыкова, и (18 Ноября) предавъ сіе важное мѣсто Разстригѣ, сдѣлался съ того времени любимцемъ его и совѣтникомъ ([253]). Не менѣе важный Рыльскъ, Волость Комарницкая или Сѣвская, Борисовъ, Бѣлгородъ, Волуйки, Осколъ, Воронежъ, Кромы, Ливны, Елецъ (гдѣ находился и ревностно дѣйствовалъ тогда Монахъ Леонидъ ([254]) подъ именемъ Григорія Отрепьева) также поддалися Самозванцу. Вся южная Россія кипѣла бунтомъ; вездѣ вязали чиновниковъ, едва ли искренно вѣрныхъ Борису, и представляли Лжедимитрію, который немедленно освобождалъ ихъ и съ милостію принималъ къ себѣ въ службу ([255]). Рать его умножалась новыми толпами измѣнниковъ. Перехвативъ казну, тайно везенную Московскими купцами въ медовыхъ бочкахъ къ начальникамъ Сѣверскихъ городовъ ([256]), онъ послалъ знатную часть ея въ Литву, къ Князю Вишневецкому и Пану Рожинскому, чтобы набирать тамъ новыя дружины сподвижниковъ; а самъ еще стоялъ подъ Новымгородомъ, стрѣлялъ изъ большихъ пушекъ, разрушалъ стѣны ([257]). Басмановъ не слабѣлъ духомъ и мужествовалъ въ счастливыхъ вылазкахъ; но видя разрушеніе крѣпости, и зная, что войско Борисово идетъ спасти ее, онъ хитро заключилъ перемиріе съ Самозванцемъ, будто бы въ ожиданіи вѣстей изъ Москвы, и во всякомъ случаѣ обязываясь сдаться

ему чрезъ двѣ недѣли. Уже Самозванецъ считалъ Новгородъ своимъ и Басманова плѣнникомъ.

Сіи быстрые успѣхи обольщенія поразили Годунова и всю Россію. Царь увидѣлъ, вѣроятно, свою ошибку — и сдѣлалъ другую; увидѣлъ, что ему надлежало бы не обманывать людей знаками лицемѣрнаго презрѣнія къ Разстригѣ, но готовымъ, сильнымъ войскомъ отразить его отъ нашей границы и не впускать въ Сѣверскую землю, гдѣ еще жилъ старый духъ Литовскій, и гдѣ скопище злодѣевъ, бѣглецовъ, слугъ опальныхъ ([258]), естественно ожидало мятежа какъ счастія; гдѣ народъ и самые люди воинскіе, удивленные безпрепятственнымъ входомъ Самозванца въ Россію, могли, вѣря внушенію его лазутчиковъ, думать, что Годуновъ дѣйствительно не смѣетъ противиться истинному Іоаннову сыну. Новое доказательство, сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстію, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запутывается въ сѣтяхъ собственныхъ! Еще Борисъ могъ бы исправить сію ошибку: сѣсть на браннаго коня и самолично вести Россіянъ противъ злодѣя. Присутствіе Вѣнценосца, его великодушная смѣлость и довѣренность безъ сомнѣнія имѣли бы дѣйствіе. Не рожденный Героемъ, Годуновъ однакожь съ юныхъ лѣтъ зналъ

Робость Годунова.

войну; умѣлъ силою души своей оживлять доблесть въ сердцахъ и спасти Москву отъ Хана ([259]), будучи только Правителемъ. За него были святость вѣнца и присяги, навыкъ повиновенія, воспоминаніе многихъ государственныхъ благодѣяній — и Россія на полѣ чести не предала бы Царя Разстригѣ. Но смятенный ужасомъ, Борисъ не дерзалъ итти на встрѣчу къ Димитріевой тѣни: подозрѣвалъ Бояръ и вручилъ имъ судьбу свою, назвавъ главнымъ Воеводою Мстиславскаго, добросовѣстнаго, лично мужественнаго, но болѣе знатнаго, нежели искуснаго Предводителя; велѣлъ строго людямъ ратнымъ, всѣмъ безъ исключенія, спѣшить въ Брянскъ, а самъ какъ бы укрывался въ столицѣ! Однимъ словомъ, судъ Божій гремѣлъ надъ Державнымъ преступникомъ. Никто изъ Россіянъ до 1604 года не сомнѣвался въ убіеніи Димитрія, который возрасталъ на глазахъ всего Углича, и коего видѣлъ весь Угличь мертваго, въ теченіе пяти дней орошавъ его тѣло слезами: слѣдственно Россіяне не могли благоразумно вѣрить воскресенію Царевича; но они — *не любили Бориса!* Сіе несчастное расположеніе готовило ихъ быть жертвою обмана. Самъ Борисъ ослабилъ свидѣтельство истины, казнивъ важнѣйшихъ очевидцевъ Димитріевой смерти ([260]), и явно ложными показаніями затмивъ ея страшныя обстоятельства. Еще многіе знали вѣрно сію истину въ Угличѣ, въ Пелымѣ; но тамъ жила въ сердцахъ ненависть къ тирану. Всѣхъ

громогласнѣе, какъ пишутъ ([261]), свидѣтельствовалъ въ столицѣ Князь Василій Шуйскій, торжественно, на лобномъ мѣстѣ, о несомнительной смерти Царевича, имъ видѣннаго во гробѣ и въ могилѣ. То же писалъ и Патріархъ во всѣ концы Россіи, ссылаясь и на мать Димитріеву, которая сама погребала сына ([262]). Но безсовѣстность Шуйскаго была еще въ свѣжей памяти; знали и слѣпую преданность Іова къ Годунову; слышали только имя Царицы-Инокини: никто не видался, никто не говорилъ съ нею, снова заключенною въ пустынѣ Выксинской. Еще не имѣвъ примѣра въ исторіи Самозванцевъ и не понимая столь дерзкаго обмана; любя древнее племя Царей и съ жадностію слушая тайные разсказы о мнимыхъ добродѣтеляхъ Лжедимитрія, Россіяне тайно же передавали другъ другу мысль, что Богъ дѣйствительно, какимъ нибудь чудомъ, достойнымъ Его правосудія, могъ спасти Іоаннова сына для казни ненавистнаго хищника и тирана ([263]). По крайней мѣрѣ сомнѣвались, и не изъявляли ревности стоять за Бориса. Разстрига съ своими Ляхами уже господствовалъ въ нашихъ предѣлахъ, а воины отечества уклонялись отъ службы, шли неохотно въ Брянскъ подъ знамена, и тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ болѣе слышали объ успѣхахъ Лжедимитрія, думая, что самъ

Общее расположеніе умовъ.

Богъ помогаетъ ему. Такъ нелюбовь къ Государю раждаетъ нечувствительность и къ государственной чести!

Въ сей опасности, уже явной, Борисъ прибѣгнулъ къ двумъ средствамъ: къ Церкви и къ строгости. Онъ велѣлъ Іерархамъ пѣть вѣчную память Димитрію въ храмахъ, а Разстригу съ его клевретами, настоящими и будущими, клясть всенародно, на амвонахъ и торжищахъ (264), какъ злаго еретика, умышляющаго не только похитить Царство, но и ввести въ немъ Латинскую Вѣру: слѣдственно Борисъ уже зналъ или угадывалъ обѣтъ, данный Лжедимитріемъ Іезуитамъ и Легату Папскому. Хотя народъ, видѣвъ слабость и потворство Святителей въ изслѣдованіи Димитріева убіенія, не могъ имѣть къ нимъ безпредѣльной довѣренности; но ужасъ анаѳемы долженъ былъ тронуть совѣсть людей набожныхъ и вселить въ нихъ омерзѣніе къ человѣку, отверженному Церковію и преданному ею суду Божію. Второе средство также не осталось безплоднымъ. Издавъ указъ, чтобы съ каждыхъ двухъ сотъ четвертей земли обработанной выходилъ ратникъ въ поле съ конемъ, доспѣхомъ и запасомъ — слѣдственно убавивъ до половины число воиновъ, опредѣленное уставомъ Іоанновымъ (265) — Борисъ требовалъ скорости; писалъ, что владѣльцы богатые живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели Царства и Церкви; грозилъ жестокою казнію лѣнивымъ и безпечнымъ, не упоминая о злонамѣренныхъ, и дѣй-

ствительно велѣлъ наказывать ослушныхъ безъ пощады: лишеніемъ имѣнія, темницею и кнутомъ; велѣлъ, чтобы и всѣ слуги Патріаршіе, Святительскіе и монастырскіе, годные для ратнаго дѣла, спѣшили къ войску подъ опасеніемъ тяжкаго гнѣва Царскаго въ случаѣ медленности. «Бывали времена» — сказано въ семъ опредѣленіи Государственнаго Совѣта — «когда и самые Иноки, Священники, Діаконы вооружались для спасенія отечества, не жалѣя своей крови; но мы не хотимъ того: оставляемъ ихъ въ храмахъ, да молятся о Государѣ и Государствѣ.» Сіи мѣры, угрозы и наказанія недѣль въ шесть соединили до пятидесяти тысячь всадниковъ въ Брянскѣ ([266]), вмѣсто полумилліона, въ 1598 году ополченнаго призывнымъ словомъ Царя, *коего любила Россія!*

Великодушіе Борисово.

Но Борисъ еще оказалъ тогда великодушіе. Шведскій Король, врагъ Сигизмундовъ, услышавъ о Самозванцѣ и вѣроломствѣ Ляховъ, предлагалъ Царю союзъ и войско вспомогательное. Царь отвѣтствовалъ, что Россія не требуетъ вспоможенія иноземцевъ; что она при Іоаннѣ въ одно время воевала съ Султаномъ, Литвою, Швеціею, Крымомъ, и не должна бояться мятежника презрѣннаго ([267]). Борисъ зналъ, что въ случаѣ вѣрности Россіянъ горсть Шведовъ ему ненужна, а въ случаѣ не-

вѣрности безполезна, ибо не могла бы спасти его.

Грозный часъ опыта наступалъ: не льзя было медлить, ибо Самозванецъ ежедневно усиливался и распространялъ свои мирныя завоеванія. Бояре, Князья Ѳедоръ Ивановичь Мстиславскій, Андрей Телятевскій, Дмитрій Шуйскій, Василій Голицынъ, Михайло Салтыковъ, Окольничіе Князь Михайло Кашинъ, Иванъ Ивановичь Годуновъ, Василій Морозовъ, выступили изъ Брянска, чтобы пресѣчь успѣхи измѣны и спасти Новогородскую крѣпость, которая одна противилась Разстригѣ, уже среди подвластной ему страны. — Не только Годуновъ съ мучительнымъ волненіемъ души слѣдовалъ мыслями за Московскими знаменами, но и вся Россія сильно тревожилась въ ожиданіи, чѣмъ Судьба рѣшитъ столь важную прю между Борисомъ и ложнымъ или неложнымъ Димитріемъ: ибо не было общаго удостовѣренія ни въ войскѣ, ни въ Государствѣ. Мысль поднять руку на дѣйствительнаго сына Іоаннова или предаться дерзкому обманщику, клятому Церковію, равно ужасала сердца благородныя. Многіе, и самые благороднѣйшіе изъ Россіянъ, не любя Бориса, но гнушаясь измѣною, хотѣли соблюсти данную ему присягу; другіе, слѣдуя единственно внушенію страстей, только желали или не желали перемѣны Царя, и не заботились объ истинѣ, о долгѣ вѣрноподданнаго; а многіе не имѣли точнаго образа мыслей, готовясь думать, какъ велитъ

случай. Если бы въ сіе время открылась проницанію наблюдателя и самая внутренность душъ, то онъ, можетъ быть, еще не рѣшилъ бы для себя вопроса о вѣроятной удачѣ или неудачѣ Самозванцева дѣла: столь расположеніе умовъ было отчасти несогласно, отчасти неясно и нерѣшительно! Войско шло, повинуясь Царской власти; но колебалось сомнѣніемъ, толками, взаимнымъ недовѣріемъ.

Приближаясь къ Трубчевску, гдѣ уже славилось имя Димитріево, Воеводы Борисовы писали къ Сендомирскому, чтобы онъ немедленно вышелъ изъ Россіи, мирной съ Литвою, оставивъ злодѣя Разстригу на казнь, имъ заслуженную (268). Мнишекъ не отвѣтствовалъ, въ надеждѣ, что войско Борисово не обнажитъ меча: такъ думалъ Самозванецъ; такъ говорили ему измѣнники, сносясь съ своими единомышленниками въ полкахъ Московскихъ. 18 Декабря, на берегу Десны, верстахъ въ шести отъ стана Лжедимитріева, была перестрѣлка между отрядами того и другаго войска; а на третій день легкая сшибка. Ни съ которой стороны не изъявляли пылкой ревности: Самозванецъ ждалъ, кажется, чтобы рать Борисова, слѣдуя примѣру городовъ, связала и выдала ему своихъ начальниковъ; а Мстиславскій, чтобы непріятель ушелъ безъ битвы, какъ слабѣйшій, едва имѣя и 12000 воиновъ (269). Но не видали ни измѣны, ни бѣгства; перешло къ Лжедимитрію только три человѣка изъ Дѣтей Бо-

Битва. арскихъ. Оставивъ Новгородъ и свой укрѣпленный станъ, онъ выстроился на равнинѣ, весьма неблагопріятной для войска малочисленнаго; оказывалъ спокойствіе и бодрость; говорилъ рѣчь къ сподвижникамъ ([270]), стараясь воспламенить ихъ мужество; молился велегласно, воздѣвъ руки на небо, и дерзнулъ, какъ увѣряютъ, громко произнести слѣдующія слова: «Всевышній! Ты зришь глубину моего «сердца. Если обнажаю мечь неправедно и «беззаконно, то сокруши меня Небеснымъ «громомъ» . . . (увидимъ 17 Мая 1606 года!) . . . «Когда же я правъ и чистъ ду«шею, дай силу неодолимую рукѣ моей въ «битвѣ! А Ты, Мать Божія, буди покровомъ «нашего воинства» ([271])! 21 Декабря началося дѣло, сперва не жаркое; но вдругъ конница Польская съ воплемъ устремилась на правое крыло Россіянъ, гдѣ предводительствовали Князья Дмитрій Шуйскій и Михайло Кашинъ: оно дрогнуло, и въ бѣгствѣ опрокинуло средину войска, гдѣ стоялъ Мстиславскій: изумленный такою робостію и такимъ безпорядкомъ, онъ удерживалъ мечемъ своихъ и непріятелей; бился въ свалкѣ; облился кровію, и съ пятнадцатью ранами упалъ на землю: дружина Стрѣльцевъ едва спасла его отъ плѣна ([272]). Часъ былъ рѣшительный: если бы Лжедимитрій общимъ нападеніемъ подкрѣпилъ ударъ

смѣлыхъ Ляховъ, то вся рать Московская, какъ пишутъ очевидцы, представила бы зрѣлище срамнаго бѣгства; но онъ далъ ей время опомниться: 700 Нѣмецкихъ всадниковъ, вѣрныхъ Борису, удержали стремленіе непріятельскихъ, и лѣвое крыло наше уцѣлѣло. Тогда же Басмановъ вышелъ изъ крѣпости, чтобы дѣйствовать въ тылу у Самозванца, который, слыша выстрѣлы позади себя и видя свой укрѣпленный станъ въ пламени ([273]), прекратилъ битву. Обѣ стороны вдругъ отступили, Лжедимитрій хвалясь побѣдою и четырмя тысячами убитыхъ непріятелей, а Борисовы Воеводы отъ стыда безмолвствуя, хотя и взявъ нѣсколько плѣнниковъ. Чтобы менѣе стыдиться, Россіяне выдумали басню: увѣряли, что Ляхи испугали ихъ коней, нарядясь въ медвѣжьи шубы на-выворотъ; иноземцы же, свидѣтели сего малодушнаго бѣгства, пишутъ, что Россіяне не имѣли, казалось, ни мечей, ни рукъ, имѣя единственно ноги ([274])!

Однакожь мнимый побѣдитель не веселился. Сія битва странная доказала не то, чего хотѣлось Самозванцу: Россіяне сражались съ нимъ худо, безъ усердія, но сражались; бѣжали, но отъ него, а не къ нему. Онъ зналъ, что безъ ихъ общаго предательства ни Ляхи, ни Козаки не свергнутъ Бориса, и страшился быть между двумя огнями, двумя вѣрными Воеводами, Мстиславскимъ и Басмановымъ, который видя отступленіе перваго, снова заключился въ крѣпости, готовый умереть въ ея развалинахъ. На другой

день присоединилось къ Лжедимитрію 4000 Запорожцевъ (275), и войско Борисово удалилось къ Стародубу Сѣверскому, но для того, чтобы ожидать тамъ другихъ, свѣжихъ полковъ изъ Брянска, и могло чрезъ нѣсколько дней возвратиться къ Новугороду, обороняемому столь усильно. Ревность наемниковъ и союзниковъ ослабѣла: Ляхи надѣялись вести своего Царя въ Москву безъ кровопролитія; увидѣли что надобно ратоборствовать; не любили ни зимнихъ походовъ, ни зимнихъ осадъ — и какъ легкомысленно начали, такъ легкомысленно и кончили: объявили, что идутъ назадъ, будто бы исполняя указъ Сигизмундовъ не воевать съ Россіею въ случаѣ, если она будетъ стоять за Царя Годунова. Тщетно убѣждалъ ихъ Лжедимитрій не терять надежды: осталось не болѣе четырехъ сотъ удальцевъ Польскихъ (276); всѣ другіе бѣжали во-свояси, а съ ними и горестный Мнишекъ. Думая, что все погибло, и Княжество Смоленское для него и Царство для Марины, сей вѣтреный старецъ еще дружественно простился съ женихомъ ея и смѣло обѣщалъ ему возвратиться съ сильнѣйшею ратію. Но Самозванецъ, едва ли уже вѣря нареченному тестю, еще вѣрилъ счастію: съ обрядами священными предавъ на полѣ сраженія тѣла убитыхъ, своихъ и непріятелей, и снявъ осаду Нова-

Поляки оставляютъ Самозванца.

города, расположился станомъ въ Комарицкой Волости, занялъ Сѣвскій острогъ, спѣшилъ вооружать, кого могъ: гражданъ и земледѣльцевъ. Рать Борисова не дала ему времени.

Смятеніе Воеводъ Московскихъ было столь велико, что они даже медлили извѣстить Царя о битвѣ: узнавъ отъ другихъ всѣ ея печальныя обстоятельства, Борисъ (1 Генваря) послалъ Князя Василія Шуйскаго къ войску, быть вторымъ предводителемъ онаго, а Чашника Вельяминова къ раненному Мстиславскому, *ударить* ему *челомъ* за кровь, проліянную имъ изъ усердія къ святому отечеству, и сказать именемъ Государя: «Когда ты, совершивъ знаменитую службу, увидишь образъ Спасовъ, «Богоматери, Чудотворцевъ Московскихъ «и наши Царскія очи: тогда пожалуемъ «тебя свыше твоего чаянія. Нынѣ шлемъ «къ тебѣ искуснаго врача, да будешь здравъ «и снова на конѣ ратномъ.» Всѣмъ инымъ Воеводамъ Царь велѣлъ объявить свое неудовольствіе за ихъ преступное молчаніе, но войско увѣрить въ милости (277). Чтобы блестящею наградою мужества оживить доблесть въ сердцахъ Россіянъ, Борисъ, искренно довольный однимъ Басмановымъ, призвалъ его къ себѣ, выслалъ знатнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ на встрѣчу къ Герою и собственныя велико-

г. 1605.

Честь Басманову.

лѣпныя сани для торжественнаго въѣзда въ Москву со всею Царскою пышностію; далъ ему изъ своихъ рукъ тяжелое золотое блюдо, насыпанное червонцами, и 2000 рублей (278), множество серебряныхъ сосудовъ изъ казны Кремлевской, доходное помѣстье и санъ Боярина Думнаго. Столица и Россія обратили взоръ на сего новаго Вельможу, ознаменованнаго вдругъ и славою подвига и милостію Царскою; превозносили его необыкновенныя достоинства и любимецъ Государевъ сдѣлался любимцемъ народнымъ, первымъ человѣкомъ своего времени въ общемъ мнѣніи. Но столь блестящая награда одного была укоризною для многихъ и естественно раждала негодованіе зависти между знатными. Если бы Царь осмѣлился презрѣть уставъ Боярскаго старѣйшинства и дать главное Воеводство Басманову, то, можетъ быть, спасъ бы свой Домъ отъ гибели и Россію отъ бѣдствій: чего Судьба не хотѣла! Призвавъ Басманова въ Москву, вѣроятно, съ намѣреніемъ пользоваться его совѣтами въ Думѣ, Царь отнялъ лучшаго Воеводу у рати и сдѣлалъ, кажется, новую ошибку, избравъ Шуйскаго въ начальники. Сей Князь, подобно Мстиславскому, могъ не робѣть смерти въ битвахъ, но не имѣлъ ни ума, ни души Вождя истиннаго, рѣшительнаго и смѣлаго; увѣренный въ самозванствѣ бродяги, не думалъ предать ему отечества, но, угождая Борису какъ царедворецъ льстивый, помнилъ свои опалы: видѣлъ, можетъ быть, не безъ тайнаго удовольствія муку

его тиранскаго сердца, и желая спасти честь Россіи, зложелательствовалъ Царю.

Шуйскій, провождаемый множествомъ чиновниковъ Стольниковъ и Стряпчихъ (279), нашелъ войско близъ Стародуба въ лѣсахъ между засѣками, гдѣ оно, усиленное новыми дружинами, какъ бы таилось отъ непріятеля, въ бездѣйствіи, въ уныніи, съ Предводителемъ недужнымъ; другая запасная рать подъ начальствомъ Ѳедора Шереметева собиралась близъ Кромъ, такъ, что Борисъ имѣлъ въ полѣ не менѣе осьмидесяти тысячь воиновъ (280). Мстиславскій, еще изнемогая отъ ранъ, и Шуйскій немедленно двинулись къ Сѣвску, гдѣ Лжедимитрій не хотѣлъ ждать ихъ: смѣлый отчаяніемъ, вышелъ изъ города и встрѣтился съ ними въ Добрыничахъ. Силы были несоразмѣрны: у него 15,000, конныхъ и пѣшихъ; у Воеводъ Борисовыхъ 60 или 70 тысячь. Узнавъ, что полки наши тѣснятся въ деревнѣ, онъ хотѣлъ ночью зажечь ее и врасплохъ нагрянуть на сонныхъ; тамошніе жители взялись подвести его къ селенію незамѣтно; но стражи увидѣли сіе движеніе: сдѣлалась тревога, и непріятель удалился (281). Ждали разсвѣта (21 Генваря). Самозванецъ молился, говорилъ рѣчь къ своимъ, какъ и въ день Новогородской битвы; раздѣлилъ войско на три части: для перваго удара взялъ себѣ

Побѣда Воеводъ Борисовыхъ.

400 Ляховъ и 2000 Россіянъ всадниковъ, которые всѣ отличались бѣлою одеждою сверхъ латъ, чтобы знать другъ друга въ сѣчѣ [282]: за ними должны были итти 8000 Козаковъ, также всадниковъ, и 4000 пѣшихъ воиновъ съ пушками. Утромъ началась сильная пальба. Россіяне, столь многочисленные, не шли впередъ, съ обѣихъ сторонъ примыкая къ селенію, гдѣ стояла ихъ пѣхота. Оглядѣвъ устроеніе Московскихъ Воеводъ, Лжедимитрій сѣлъ на борзаго, каряго аргамака, держа въ рукѣ обнаженный мечь, и повелъ свою конницу долиною, чтобы стремительнымъ нападеніемъ разрѣзать войско Борисово между селеніемъ и правымъ крыломъ. Мстиславскій, слабый и томный, былъ на конѣ: угадалъ мысль непріятеля, и двинулъ сіе крыло, съ иноземною дружиною, къ нему на встрѣчу. Тутъ Разстрига, какъ истинный витязь, оказалъ смѣлость необыкновенную: сильнымъ ударомъ смялъ Россіянъ и погналъ ихъ; сломилъ и дружину иноземную [283], не смотря на ея мужественное, блестящее сопротивленіе, и кинулся на пѣхоту Московскую, которая стояла предъ деревнею съ огнестрѣльнымъ снарядомъ — и не трогалась, какъ бы въ оцѣпенѣніи; ждала, и вдругъ залпомъ изъ сорока пушекъ, изъ десяти или двѣнадцати тысячь ружей, поразила непріятеля: множество всадниковъ и коней пало; кто уцѣлѣлъ, бѣжалъ назадъ въ безпамятствѣ страха — и самъ Лжедимитрій. Уже Козаки его неслись-было во всю прыть довершить легкую побѣду

своего Героя; но видя, что она не ихъ, обратили тылъ, сперва Запорожцы, а послѣ и Донцы, и пѣхота. 5000 Россіянъ и Нѣмцы, съ кликомъ: Hilf Gott (*помоги Богъ*), гнали, разили бѣгущихъ на пространствѣ осьми верстъ, убили тысячь шесть, взяли не мало и плѣнниковъ, 15 знаменъ, 13 пушекъ; наконецъ истребили бы всѣхъ до единаго, если бы Воеводы, какъ пишутъ [284], не велѣли имъ остановиться, думая, вѣроятно, что все кончено, и что самъ Лжедимитрій убитъ. Съ сею счастливою вѣстію прискакалъ въ Москву сановникъ Шеинъ, и нашелъ Царя молящагося въ Лаврѣ Св. Сергія . . .

Борисъ затрепеталъ отъ радости; велѣлъ пѣть благодарственные молебны, звонить въ колокола и представить народу трофеи: знамена, трубы и бубны Самозванцевы; далъ гонцу санъ Окольничаго, послалъ съ любимымъ Стольникомъ, Княземъ Мезецкимъ, золотыя медали Воеводамъ, а войску 80,000 рублей [285], и писалъ къ первымъ, что ждетъ отъ нихъ вѣсти о концѣ мятежа, будучи готовъ отдать вѣрнымъ слугамъ и послѣднюю свою рубашку; въ особенности благодарилъ усердныхъ иноземцевъ и двухъ ихъ Предводителей, Вальтера Розена, Ливонскаго Дворянина, и Француза Якова Маржерета; наконецъ изъявлялъ живѣйшее удовольствіе, что побѣда стоила намъ не дорого: ибо мы лишились въ битвѣ только пяти сотъ Россіянъ и двадцати-пяти Нѣмцевъ [286].

Но Самозванецъ былъ живъ: побѣдители, без-

временно веселясь и торжествуя, упустили его: онъ на раненомъ конѣ ускакалъ въ Сѣвскъ, и въ ту же ночь бѣжалъ далѣе, въ городъ Рыльскъ, съ немногими Ляхами, съ Княземъ Татевымъ и съ другими измѣнниками. Въ слѣдующій день явились къ нему разсѣянные Запорожцы: Самозванецъ не впустилъ ихъ въ городъ, какъ малодушныхъ трусовъ или предателей (287), такъ, что они съ досадою и стыдомъ ушли во-свояси. Не видя для себя безопасности и въ Рыльскѣ, Лжедимитрій искалъ ее въ Путивлѣ, лучше укрѣпленномъ и ближайшемъ къ границѣ; а Воеводы Борисовы все еще стояли въ Добрыничахъ, занимаясь казнями: вѣшали плѣнниковъ (кромѣ Литовскихъ, Пана Тишкѣвича и другихъ, посланныхъ въ Москву); мучили, разстрѣливали земледѣльцевъ, жителей Комарницкой Волости, за ихъ измѣну (288), безжалостно и безразсудно, усиливая тѣмъ остервененіе мятежниковъ, ненависть къ Царю и доброе расположеніе къ обманщику, который миловалъ и самыхъ усердныхъ слугъ своего непріятеля. Сія жестокость, вмѣстѣ съ оплошностію Воеводъ, спасли злодѣя. Уже лишенный всей надежды, разбитый на голову, почти истребленный, съ горстію бѣглецовъ унылыхъ, онъ хотѣлъ тайно уйти изъ Путивля въ Литву: измѣнники отчаянные удержали его, сказавъ: «мы «всѣмъ тебѣ жертвовали, а ты думаешь только «о жизни постыдной, и предаешь насъ мести «Годунова; но еще можешь спастися, выдавъ

«тебя живаго Борису» (289)! Они предложили ему все, что имѣли: жизнь и достояніе; ободрили его; ручались за множество своихъ единомышленниковъ и въ полкахъ Борисовыхъ и въ Государствѣ. Не менѣе ревности оказали и Козаки Донскіе: ихъ снова пришло къ Самозванцу 4000 въ Путивль (290); другіе засѣли въ городахъ, и клялися оборонять ихъ до послѣдняго издыханія. Лжедимитрій волею и неволею остался; послалъ Князя Татева къ Сигизмунду (291) требовать немедленнаго вспоможенія; укрѣплялъ Путивль, и слѣдуя совѣту измѣнниковъ, издалъ новый Манифестъ, разсказывая въ немъ свою вымышленную исторію о Димитріевомъ спасеніи, свидѣтельствуясь именемъ людей умершихъ (292), особенно даромъ Князя Ивана Мстиславскаго, крестомъ драгоцѣннымъ, и прибавляя, что онъ (Димитрій) тайно воспитывался въ Бѣлоруссіи, а послѣ тайно же былъ съ Канцлеромъ Сапѣгою въ Москвѣ, гдѣ видѣлъ хищника Годунова сидящаго на престолѣ Іоанновомъ. Сей вторый Манифестъ, удовлетворяя любопытству баснями, дотолѣ неизвѣстными, умножилъ число друзей Самозванца, хотя и разбитаго. Говорили, что Россіяне шли на него только принужденно, съ неизъяснимою боязнію, внушаемою чѣмъ-то сверхъестественнымъ, безъ сомнѣнія Небомъ; что они побѣдили случайно, и не устояли бы безъ слѣпаго остервененія Нѣмцевъ; что Провидѣніе очевидно хотѣло спасти сего витязя и въ самой несчастной битвѣ; что онъ и въ самой

крайности не оставленъ Богомъ, не оставленъ вѣрными слугами, которые, признавъ въ немъ истиннаго Димитрія, еще готовы жертвовать ему собою, женами, дѣтьми, и конечно не могли бы имѣть столь великаго усердія къ обманщику. Такія разглашенія сильно дѣйствовали на легковѣрныхъ, и многіе люди, особенно изъ Комарницкой Волости, гдѣ свирѣпствовала месть Борисова, стекались въ Путивль, требуя оружія и чести умереть за Димитрія.

Между тѣмъ Воеводы Царскіе — свѣдавъ, что Самозванецъ не истребленъ — тронулись съ мѣста, приступили къ Рыльску, и не обѣщая никому помилованія, хотѣли, чтобы городъ сдался безъ условія. Тамъ начальствовали злые измѣнники, Князь Григорій Долгорукій-Роща и Яковъ Змѣевъ: видя предъ собою висѣлицу, они велѣли сказать Мстиславскому: «служимъ Царю Димитрію» — и залпомъ изъ всѣхъ пушекъ доказали свою непреклонность (203). Воеводы стояли двѣ недѣли подъ городомъ, хвалились не во-время человѣколюбіемъ, жалѣли крови, и рѣшились дать отдохновеніе войску, дѣйствительно утружденному зимнимъ походомъ; отступили въ Комарницкую Волость и донесли Царю, что будутъ ждать тамъ весны въ покойныхъ станахъ. Но Борисъ, послѣ кратковременной радости встревоженный извѣстіями о спасеніи Лжедимитрія и новыхъ прельщеніяхъ измѣны, досадуя на Мстиславскаго и всѣхъ его сподвижниковъ, послалъ къ нимъ въ Острогъ Радогостскій Окольничаго

Петра Шереметева и Думнаго Дьяка Власьева съ дружиною Московскихъ Дворянъ и съ гнѣвнымъ словомъ: укорялъ ихъ въ нерадѣніи, винилъ въ упущеніи Самозванца изъ рукъ, въ безполезности побѣды, и произвелъ всеобщее негодованіе въ войскѣ. Жаловались на жестокость и несправедливость Царя, тѣ, которые дотолѣ вѣрно исполняли присягу, обагрились кровію въ битвахъ, изнемогли отъ трудовъ ратныхъ; еще болѣе жаловались зломысленники, чтобы усиливать нелюбовь къ Царю — и могли хвалиться успѣхомъ: ибо съ сего времени, по извѣстію Лѣтописца [294], многіе чиновники воинскіе видимо склонялись къ Самозванцу, и желаніе *избыть Бориса* овладѣло сердцами. Измѣна возникала, но еще не дозрѣла до мятежа; еще наблюдалось, хотя и неохотно, повиновеніе законное. Слѣдуя строгому предписанію Государеву, Мстиславскій и Шуйскій снова вывели войско въ поле, чтобы удивить Россію ничтожностію своихъ дѣйствій: оставили Лжедимитрія на свободѣ въ Путивлѣ, соединились съ запасною ратію Ѳедора Шереметева [295], уже двѣ или три недѣли тѣснившаго Кромы, и вмѣстѣ съ нимъ, въ Великій постъ, начали осаждать сію крѣпость. Дѣло невѣроятное: тысячь восемдесять или болѣе ратниковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій,

Осада Кромъ.

безъ успѣха приступало къ деревянному городку, ибо въ немъ, сверхъ жителей, сидѣло 600 мужественныхъ Донцевъ (296) съ храбрымъ Атаманомъ Корелою! Осаждающіе ночью сожгли городъ, заняли пепелище и валъ; но Козаки сильною, мѣткою стрѣльбою не допускали ихъ до острога, и Бояринъ Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, или малодушный или уже предатель, не сказавъ ни слова главнымъ Воеводамъ, велѣлъ рати отступить, въ тотъ часъ, когда ей должно было устремиться на послѣднюю ограду измѣнниковъ (297). Мстиславскій и Шуйскій не дерзнули наказать виновнаго, уже видя худое расположеніе въ сподвижникахъ — и съ сего дня, въ надеждѣ взять крѣпость голодомъ, только стрѣляли изъ пушекъ, не вредя осажденнымъ, которые выкопали себѣ землянки и подъ защитою вала укрывались въ нихъ безопасно; иногда же выпалзывали изъ своихъ норъ и дѣлали смѣлыя вылазки (298). Между тѣмъ войско, стоя на снѣгу и въ сырости, было жертвою повальной болѣзни: смертоноснаго мыта (299). Сіе бѣдствіе еще оказало достохвальную заботливость Царя, приславшаго въ станъ лекарства и все нужное для спасенія болящихъ, но умножило нерадивость осады, такъ, что въ бѣлый день 100 возовъ хлѣба и 500 Козаковъ Лжедимитріевыхъ изъ Путивля могли пройти въ обожженыя Кромы (300).

Досадуя на замедленіе воинскихъ дѣйствій, Борисъ хотѣлъ инымъ способомъ, какъ пишутъ современники, избавить себя и Россію отъ зло-

ля. Три Инока, знавшіе Отрепьева Діакономъ, явились въ Путивлѣ (8 Марта) съ грамотами отъ Государя и Патріарха къ тамошнимъ жителямъ: первый обѣщалъ имъ великія милости, если они выдадутъ ему Самозванца, живаго или мертваго; вторый грозилъ страшнымъ дѣйствіемъ Церковной анаѳемы. Сихъ Монаховъ схватили и привели къ Лжедимитрію, который употребилъ хитрость: вмѣсто его, въ Царскомъ одѣяніи, на тронѣ, сидѣлъ Полякъ Иваницкій, и, представляя лице Самозванца, спросилъ у нихъ: «знаете ли меня?» Монахи сказали: «нѣтъ; знаемъ только, что ты во всякомъ случаѣ не Димитрій.» Ихъ стали пытать: двое терпѣли и молчали; а третій спасъ себя объявленіемъ ([301]), что у нихъ есть ядъ, коимъ они, исполняя волю Борисову, хотѣли уморить Лжецаревича, и что нѣкоторые изъ ближнихъ его людей въ заговорѣ съ ними. Ядъ дѣйствительно нашелся въ сапогѣ у младшаго изъ сихъ Иноковъ, и Самозванецъ, открывъ двухъ измѣнниковъ между своими любимцами, предалъ ихъ въ жертву народной мести. Увѣряютъ, что онъ, хваляся явнымъ Небеснымъ къ нему благоволеніемъ, писалъ тогда къ Патріарху и къ самому Царю: укоряя Іова злоупотребленіемъ Церковной власти въ пользу хищника, а Бориса убѣждалъ мирно оставить престолъ

Письмо Само-

званца къ Борису.

и свѣтъ, заключиться въ монастырѣ и жить для спасенія души, обѣщая ему Царскую милость (302). Такое письмо, если дѣйствительно писанное и доставленное Годунову, было конечно новымъ искушеніемъ для его твердости!

Душа сего властолюбца жила тогда ужасомъ и притворствомъ. Обманутый надеждою въ ея слѣдствіяхъ, Борисъ страдалъ, видя бездѣйствіе войска, нерадивость, неспособность или злоумысліе Воеводъ, и боясь смѣнить ихъ, чтобы не избрать худшихъ; страдалъ, внимая молвѣ народной, благопріятной для Самозванца, и не имѣя силы унять ее, ни снисходительными убѣжденіями, ни клятвою Святительскою, ни казнію: ибо въ сіе время уже рѣзали языки нескромнымъ (303). Доносы еще умножались, и Годуновъ страшился жестокостію ускорить общую измѣну: еще былъ Самодержцемъ, но чувствовалъ оцѣпенѣніе власти въ рукѣ своей, и съ престола, еще окруженнаго льстивыми рабами, видѣлъ открытую для себя бездну! Дума и Дворъ не измѣнились наружно. Въ первой текли дѣла, какъ обыкновенно; второй блисталъ пышностію, какъ и дотолѣ. Сердца были закрыты: одни таили страхъ, другіе злорадство; а всѣхъ болѣе долженъ былъ принуждать себя Годуновъ, чтобы уныніемъ и разслабленіемъ духа не прел-

[illegible] своей гибели — и, можетъ быть, только въ глазахъ вѣрной супруги обнаруживалъ сердце; казалъ ей кровавыя, глубокія раны его, чтобы облегчать себя свободнымъ стенаніемъ. Онъ не имѣлъ утѣшенія чистѣйшаго; не могъ предаться въ волю Святаго Провидѣнія; служа только идолу властолюбія; хотѣлъ еще наслаждаться плодомъ Димитріева убіенія, и дерзнулъ бы конечно на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Въ такомъ ли расположеніи души живетъ смертный вѣрою и надеждою Небесною? Храмы были отверсты: Годуновъ молился — Богу неумолимому для тѣхъ, которые не знаютъ ни добродѣтели, ни раскаянія! Но есть предѣлъ мукамъ — и крѣпости нашего естества земнаго.

Кончина Годунова.

Борису исполнилось 53 года отъ рожденія: въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества онъ имѣлъ недуги, особенно жестокую подагру, и легко могъ, уже старѣясь, истощить свои тѣлесныя силы душевнымъ терзаніемъ. Борисъ 13 Апрѣля, въ часъ утра, судилъ и рядилъ съ Вельможами въ Думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ (204), обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ, и едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта; лилась рѣкою: врачи, столь имъ любимые, не могли остано-

вить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на Государство Россійское, воспріять Ангельскій Образъ съ именемъ Боголѣпа, и чрезъ два часа испустилъ духъ, въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ Боярами и съ иноземцами . . . .

Къ сожалѣнію, потомство не знаетъ ничего болѣе о сей кончинѣ, разительной для сердца. Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты *такой* жизни — читать въ его взорахъ и въ душѣ, смятенной незапнымъ наступленіемъ вѣчности? Предъ нимъ были тронъ, вѣнецъ и могила: супруга, дѣти, ближніе уже обреченныя жертвы Судьбы; рабы неблагодарные, уже съ готовою измѣною въ сердцѣ; предъ нимъ и Святое Знаменіе Христіанства: образъ Того, Кто не отвергаетъ, можетъ быть, и поздняго раскаянія! . . . Молчаніе современниковъ, подобно непроницаемой завѣсѣ, сокрыло отъ насъ зрѣлище столь важное, столь нравоучительное, дозволяя дѣйствовать одному воображенію.

Увѣряютъ, что Годуновъ былъ самоубійцею, въ отчаяніи лишивъ себя жизни ядомъ (305); но обстоятельства и родъ его смерти подтверждаютъ ли истину сего извѣстія? И сей нѣжный отецъ семейства, сей человѣкъ сильный духомъ, могъ ли, спасаясь ядомъ отъ бѣдствія, малодушно оставить жену и дѣтей на гибель, почти несомнительную? И торжество Самозванца было ли вѣрно, когда войско еще не

измѣняло Царю дѣломъ; еще стояло, хотя и безъ усердія, подъ его знаменами? Только смерть Борисова рѣшила успѣхъ обмана; только измѣнники, явные и тайные, могли желать, могли *ускорить* ее — но всего вѣроятнѣе, что ударъ, а не ядъ прекратилъ бурные дни Борисовы, къ истинной скорби отечества: ибо сія безвременная кончина была Небесною казнію для Россіи еще болѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ по крайней мѣрѣ на тронѣ, не въ узахъ предъ бѣглымъ Діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за государственныя его благотворенія; Россія же, лишенная въ немъ Царя умнаго и попечительнаго, сдѣлалась добычею злодѣйства на многія лѣта.

Но имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ Властителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ, во славу нравственнаго неуклоннаго правосудія. Потомство видитъ лобное мѣсто обагренное кровію невинныхъ, Св. Димитрія издыхающаго подъ ножемъ убійцъ, Героя Псковскаго въ петлѣ, столь многихъ Вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келліяхъ; видитъ гнусную мзду, рукою Вѣнценосца предлагаемую клеветникамъ-доносителямъ; видитъ систему коварства, обмановъ, лицемѣрія предъ людьми и Богомъ . . . вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ Политикѣ мирной и

здравой? Но сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца, удостовѣренныхъ что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки своимъ мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны. Онъ *не былъ*, но *бывалъ* тираномъ; не безумствовалъ, но злодѣйствовалъ подобно Іоанну, устраняя совмѣстниковъ или казня недоброжелателей. Если Годуновъ на-время благоустроилъ Державу, на-время возвысилъ ее во мнѣніи Европы, то не онъ ли и ввергнулъ Россію въ бездну злополучія, почти неслыханнаго — предалъ въ добычу Ляхамъ и бродягамъ, вызвалъ на ѳеатръ сонмъ мстителей и самозванцевъ истребленіемъ древняго племени Царскаго? Не онъ ли, наконецъ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ уничиженію престола, возсѣвъ на немъ святоубійцею?

ГЛАВА III.

ЦАРСТВОВАНІЕ ФЕОДОРА БОРИСОВИЧА ГОДУНОВА.

Г. 1605.

Присяга Феодору. Достоинства юнаго Царя. Избраніе Басманова въ Военачальники. Присяга войска. Измѣна Басманова. Самозванецъ усиливается. Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова. Измѣна войска. Походъ къ Москвѣ. Оцѣпенѣніе умовъ въ столицѣ. Измѣна Москвитянъ. Сведеніе Феодора съ престола. Присяга Лжедимитрію. Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. Цареубійство.

Еще Россіяне погребли Бориса съ честію во храмѣ Св. Михаила, между памятниками своихъ Вѣнценосцевъ Варяжскаго племени; еще Духовенство льстило ему и въ могилѣ: Святители въ окружныхъ грамотахъ къ монастырямъ писали о *безпорочной и праведной душѣ его, мирно отшедшей къ Богу* (306)! Еще всѣ, отъ Патріарха и Синклита до мѣщанъ и земледѣльцевъ, съ видомъ усердія присягнули «Царицѣ Маріи «и дѣтямъ ея, *Царю* Феодору и Ксеніи (307), «обязываясь страшными клятвами не измѣнять имъ, не умышлять на ихъ жизнь, и не хотѣть на Государство Московское ни

Г. 1605.

Присяга Феодору.

«бывшаго Великаго Князя Тверскаго, слѣпца Симеона, ни злодѣя, именующаго себя «Димитріемъ; не избѣгать Царской службы, и не бояться въ ней ни трудовъ, ни «смерти.» Достигнувъ вѣнца злодѣйствомъ, Годуновъ былъ однакожь Царемъ законнымъ: сынъ естественно наслѣдовалъ права его, утвержденныя *двукратною* присягою ([308]), и какъ бы давалъ имъ новую силу прелестію своей невинной юности, красоты мужественной, души равно твердой и кроткой; онъ соединялъ въ себѣ умъ отца съ добродѣтелію матери, и шестнадцати лѣтъ удивлялъ Вельможъ даромъ слова и свѣдѣніями необыкновенными въ тогдашнее время: первымъ счастливымъ плодомъ Европейскаго воспитанія въ Россіи; рано узналъ и науку правленія, отрокомъ засѣдая въ Думѣ; узналъ и сладость благодѣянія, всегда употребляемый родителемъ въ посредники между закономъ и милостію ([309]). Чего не льзя было ожидать Государству отъ такого Вѣнценосца? Но тѣнь Борисова съ ужасными воспоминаніями омрачала престолъ Ѳеодоровъ: ненависть къ отцу препятствовала любви къ сыну. Россіяне ждали только бѣдствій отъ злаго племени, въ ихъ глазахъ опальнаго предъ Богомъ, и страшась быть жертвою Небесной казни за Годунова, не устрашались подвергнуться сей казни за преступленіе собственное: за

Достоинства юнаго Царя.

вѣроломство, осуждаемое уставомъ Божественнымъ и человѣческимъ.

Еще Θеодоръ, столь юный, имѣлъ нужду въ совѣтникахъ; мать его блистала единственно скромными добродѣтелями своего пола. Немедленно велѣли тремъ знатнѣйшимъ Боярамъ, Князьямъ Мстиславскому, Василью и Дмитрію Шуйскимъ, оставить войско и быть въ Москву, чтобы правительствовать въ Синклитѣ; возвратили свободу, честь и достояніе славному Бѣльскому (310), чтобы также пользоваться его умомъ и свѣдѣніями въ Думѣ. Но всего важнѣе было избраніе главнаго Воеводы: искали уже не старѣйшаго, а способнѣйшаго, и выбрали — Басманова, ибо не могли сомнѣваться ни въ его воинскихъ дарованіяхъ, ни въ вѣрности, доказанной дѣлами блестящими. Юный Θеодоръ, въ присутствіи матери, сказалъ ему съ умиленіемъ: «служи намъ, какъ ты служилъ отцу моему» — и сей честолюбецъ, пылая (такъ казалось) чувствомъ усердія, клялся умереть за Царя и Царицу (311)! Басманову дали въ товарищи одного изъ знатнѣйшихъ Бояръ, Князя Михайла Катырева-Ростовскаго, добраго и слабодушнаго. Послали съ ними и Митрополита Новогородскаго Исидора, чтобы войско въ его присутствіи цѣловало крестъ на имя Θеодора. — Нѣсколько дней прошло въ тишинѣ

Избраніе Басманова въ Военачальники.

для столицы. Дворъ и народъ непритворно молились о душѣ Царя усопшаго, гораздо искреннѣе молились истинные друзья отечества о спасеніи Государства, предвидя бурю. Съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей изъ Кромскаго стана, — и первыя донесенія сча-стливыхъ. Воеводы казались единодушно благосклонными.

Невидимо держа въ рукѣ судьбу отечества, Басмановъ 17 Апрѣля (218) прибылъ въ станъ, и не нашедъ тамъ уже ни Мстиславскаго, ни Шуйскихъ, созвалъ всѣхъ чиновниковъ и рядовыхъ людей знатнѣйшихъ, извѣстилъ ихъ о воцареніи Ѳеодора и прочиталъ имъ грамоты его, весьма милостивыя: юный Монархъ обѣщалъ вѣрному, усердному войску безпримѣрныя награды послѣ сорочинъ Борисовыхъ. Сильное внутреннее движеніе обнаружилось на лицахъ: нѣкоторые плакали о Царѣ усопшемъ, о бѣдствіяхъ Россіи; другіе не таили своей радости. Но войско, подобно Москвѣ, присягнуло Ѳеодору. Съ симъ извѣстіемъ Митрополитъ Исидоръ возвратился въ столицу: самъ Басмановъ донесъ о томъ, а чрезъ нѣсколько дней удивилъ его измѣною.

Присяга войска.

Удививъ современниковъ, измѣна Басманова удивляетъ и потомство. Сей человѣкъ имѣлъ душу, какъ увидимъ, въ роковый часъ его жизни; не вѣрилъ Самозванцу; столь ревностно обличалъ и столь муже-

Измѣна Басманова.

[illegible] Новагорода,
Сѣверскаго, [illegible] милостями Бориса,
удостоенный [illegible] довѣренности Θеодора, избранъ
въ [illegible] Царя и Царства, съ правомъ на
его благодарность безпредѣльную, съ надеждою
[illegible] — и подъ
[illegible] Разстриги, въ видѣ гнуснаго преда-
теля! Изъяснимъ ли такое непонятное дѣйствіе
худымъ расположеніемъ войска? Скажемъ ли,
что Басмановъ, предвидя неминуемое торжество
Самозванца, хотѣлъ ускореніемъ измѣны спасти
себя отъ уничиженія? хотѣлъ лучше отдать и
[illegible] Царство обманщику, нежели быть вы-
[illegible] ему измѣнниками ([illegible])? Но полки еще
[illegible] вѣрности къ Θео-
дору: [illegible] ревностію могъ бы одуше-
вить [illegible] силою своего духа и
[illegible]? [illegible], вѣ-
[illegible], что не обѣщая [illegible]
[illegible] Басмановъ [illegible] об-
[illegible] войска ([illegible]). Сей честолюбецъ безъ
[illegible] къ наслажденіямъ вре-
[illegible], вѣроятно, что гордые, знамен-
[illegible] Θеодоровы никогда не усту-
пятъ ему ближайшаго мѣста къ престолу, и что
Самозванецъ безродный, [illegible] (Басмановымъ)
[illegible] на царство, естественно будетъ
[illegible] и [illegible] поль-
[illegible] счастія:
[illegible] — и кто могъ
[illegible] Басманова достоинствами личными?

Онъ зналъ другихъ Бояръ и себя: не зналъ только, что сильные духомъ падаютъ какъ младенцы на пути беззаконія! Басмановъ, вѣроятно, не дерзнулъ бы измѣнить Борису, который дѣйствовалъ на воображеніе и долговременнымъ повелительствомъ и блескомъ великаго ума государственнаго: Ѳеодоръ, слабый юностію лѣтъ и новостію Державства, вселялъ смѣлость въ предателя, вооруженнаго суемудріемъ для успокоенія сердца: онъ могъ думать, что измѣною спасаетъ Россію отъ ненавистной Олигархіи Годуновыхъ, вручая скипетръ хотя и самозванцу, хотя и человѣку низкаго происхожденія, но смѣлому, умному, другу знаменитаго Вельможи Польскаго, и какъ бы избранному Судьбою для совершенія достойной мести надъ родомъ святоубійцы; могъ думать, что направитъ Лжедимитрія на путь добра и милости: обманетъ Россію, но загладитъ сей обманъ ея счастіемъ. Можетъ быть, Басмановъ выѣхалъ изъ Столицы еще въ нерѣшимости, готовый дѣйствовать по обстоятельствамъ, для выгодъ своего честолюбія; можетъ быть, онъ рѣшился на измѣну единственно тогда, какъ увидѣлъ преклонность и Воеводъ и войска къ обманщику. Всѣ цѣловали крестъ Ѳеодору (ибо никто не дерзнулъ быть первымъ мятежникомъ), но большею частію съ нехотѣніемъ или съ уныніемъ. И тѣ, которые дотолѣ не вѣрили мнимому Димитрію, стали вѣрить ему, будучи поражены незапною смертію Годунова, и находя въ ней новое доказательство,

что не самозванецъ, а дѣйствительно наслѣдникъ Іоанновъ требуетъ своего законнаго достоянія; ибо Всевышній — какъ они думали (315) — несомнительно благоволитъ о немъ, и ведетъ его, чрезъ могилу хищника, на царство. Замѣтили также, что въ присягѣ Ѳеодоровой Самозванецъ не былъ именованъ Отрепьевымъ: слагатели ея, вѣроятно, безъ умысла, написали единственно: *клянемся не приставать къ тому, кто именуетъ себя Димитріемъ* (316). «Слѣдственно» — говорили многіе — «сказка о «бѣгломъ Діаконѣ Чудовскомъ уже торже«ственно объявляется вымысломъ. Кто же «сей Димитрій, если не истинный?» Самые вѣрные имѣли печальную мысль, что Ѳеодору не удержаться на престолѣ. Такое расположеніе умовъ и сердецъ обѣщало легкій успѣхъ измѣнѣ: Басмановъ наблюдалъ, рѣшился, и готовя Россію въ даръ обманщику, безъ сомнѣнія удостовѣрился, посредствомъ тайныхъ сношеній, въ его благодарности.

Самозванецъ усиливается.

Оставленный на свободѣ въ Путивлѣ, Лжедимитрій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ укрѣплялъ свои города и вооружалъ людей; писалъ къ Мнишку, что надѣется на счастіе болѣе, нежели когда нибудь; посылалъ дары къ Хану, желая заключить съ нимъ союзъ; ждалъ новыхъ сподвижниковъ изъ Галиціи, и былъ усиленъ дружиною всад-

никовъ, приведенныхъ къ нему Михайломъ Ратомскимъ, который увѣрялъ его, что въ слѣдъ за нимъ будетъ и Воевода Сендомирскій съ Королевскими полками (317). Но только смерть Борисова, только измѣна Воеводъ Царскихъ могла исполнить дерзкую надежду Разстриги: о первой свѣдалъ онъ въ концѣ Апрѣля отъ бѣглеца, Дворянина Бахметева (318); о второй въ началѣ Мая, вѣроятно отъ самого Басманова — и съ того времени зналъ все, что происходило въ станѣ Кромскомъ.

Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова.

Отдавъ честь мужа Думнаго и славу знаменитаго витязя за прелесть исключительнаго Вельможства подъ скиптромъ бродяги, Басмановъ, увѣренный въ сей наградѣ, увѣрилъ въ ней и другихъ низкихъ самолюбцевъ: Боярина Князя Василья Васильевича Голицына, брата его Князя Ивана, и Михайла Глѣбовича Салтыкова (319), которые также не имѣли ни совѣсти, ни стыда, и также хотѣли быть временщиками новаго царствованія въ воздаяніе за гнусное злодѣйство. Но и злодѣи ищутъ благовидныхъ предлоговъ въ своихъ ковахъ: обманывая другъ друга, лицемѣры находили въ Лжедимитріи всѣ признаки истиннаго (320), добродѣтели Царскія и свойства души высокой; дивились чудесной судьбѣ его, ознаменованной перстомъ Божіимъ; злословили царство Годуновыхъ, снисканное лукав-

ствомъ и беззаконіемъ; оплакивали бѣдствіе войны междоусобной и кровопролитной, необходимой для удержанія короны на слабой главѣ Ѳеодоровой, и въ торжествѣ Разстриги видѣли пользу, тишину, счастіе Россіи. Они условились въ предательствѣ, и спѣшили дѣйствовать. Еще нѣсколько дней коварствовали втайнѣ, умножая число надежныхъ единомышленниковъ (между коими отличались ревностію Боярскіе Дѣти городовъ Рязани ([321]), Тулы, Коширы, Алексина); успокоивали совѣсть людей малоумныхъ, недальновидныхъ, твердя и повторяя, что для Россіянъ одна присяга законная: данная ими Іоанну и дѣтямъ его; что новѣйшія, взятыя съ нихъ на имя Бориса и Ѳеодора, суть плодъ обмана и недѣйствительны, когда сынъ Іоанновъ не умиралъ и здравствуетъ въ Путивлѣ. Наконецъ, 7 Мая ([322]), заговоръ открылся; ударили тревогу; Басмановъ сѣлъ на коня, и громогласно объявилъ Димитрія Царемъ Московскимъ. Тысячи воскликнули, и Рязанцы первые: «да здравствуетъ же отецъ «нашъ, Государь Димитрій Іоанновичь!» Другіе еще безмолвствовали въ изумленіи. Тогда единственно проснулись Воеводы вѣрные, обманутые коварствомъ Басманова: Князья Михайло Катыревъ-Ростовскій, Андрей Телятевскій, Иванъ Ивановичь Годуновъ; но поздно! Видя малое число усерд-

Измѣна войска.

ныхъ къ Ѳеодору, они бѣжали въ Москву, вмѣстѣ съ нѣкоторыми чиновниками и воинами, Россіянами и чужеземцами ([323]): ихъ гнали, били; настигли Ивана Годунова, и связаннаго привели въ станъ, гдѣ войско въ несчастномъ заблужденіи торжествовало измѣну какъ свѣтлый праздникъ отечества. Никто не смѣлъ изъявить сомнѣнія, когда знаменитѣйшій противникъ Самозванца, Герой Новагорода-Сѣверскаго, уже призналъ въ немъ сына Іоаннова — и радость, видѣть снова на тронѣ древнее племя Царское, заглушала упреки совѣсти для обольщенныхъ вѣроломцевъ! . . . Въ сей памятный беззаконіемъ день первенствовалъ Басмановъ дерзкимъ злодѣйствомъ, а другой измѣнникъ подлымъ лукавствомъ: Князь Василій Голицынъ велѣлъ связать себя, желая на всякій случай увѣрить Россію, что предается обманщику невольно ([324])!

Нарушивъ клятву, войско съ знаками живѣйшаго усердія обязалось другою: измѣнивъ Ѳеодору, быть вѣрнымъ мнимому Димитрію, и дало знать Атаману Корелѣ, что они служатъ уже одному Государю. Война прекратилась: Кромскіе защитники выползли изъ своихъ норъ и братски обнимались съ бывшими непріятелями на валу крѣпости; а Князь Иванъ Голицынъ спѣшилъ въ Путивль, уже не къ *Царевичу*, а къ *Царю* ([325]), *съ повинною* отъ имени войска и съ узникомъ Иваномъ Годуновымъ въ залогъ вѣрности. Лжедимитрій имѣлъ нужду въ необыкно-

венной душевной силѣ, чтобы скрыть свою чрезмѣрную радость: важно, величаво сидѣлъ на тронѣ, когда Голицынъ, провождаемый множествомъ сановниковъ и Дворянъ ([326]), смиренно билъ ему челомъ, и съ видомъ благоговѣнія говорилъ такъ: «Сынъ Іоанновъ! войско вручаетъ тебѣ «державу Россіи, и ждетъ твоего милосер-«дія. Обольщенные Борисомъ, мы долго «противились нашему Царю законному: «нынѣ же, узнавъ истину, всѣ единодушно «тебѣ присягнули. Иди на престолъ роди-«тельскій; царствуй счастливо, и многія «лѣта! Враги твои, клевреты Борисовы, «въ узахъ. Если Москва дерзнетъ быть «строптивою, то смиримъ ее. Иди съ нами «въ столицу, вѣнчаться на царство!» . . Въ сей самый часъ, по извѣстію Лѣтописца, нѣкоторые Дворяне Московскіе, смотря на Лжедимитрія, узнали въ немъ Діакона Отрепьева ([327]): содрогнулись, но уже не смѣли говорить, и плакали тайно. Хитро представляя лице Монарха великодушнаго, тронутаго раскаяніемъ виновныхъ подданныхъ, счастливый обманщикъ не благодарилъ, а только простилъ войско; велѣлъ ему итти къ Орлу ([328]), и самъ выступилъ туда 19 Мая изъ Путивля съ 600 Ляховъ, съ Донцами и своими Россіянами, старѣйшими другихъ въ измѣнѣ; хотѣлъ видѣть развалины Кромъ, прославленныя муже-

Походъ къ Москвѣ.

ствомъ ихъ защитниковъ, и тамъ, оглядѣвъ пепелище, валъ, землянки Козаковъ и необозримый, укрѣпленный станъ, гдѣ въ теченіе шести недѣль болѣе осмидесяти тысячь добрыхъ воиновъ за семидесятью огромными пушками укрывалось въ бездѣйствіи, изъявилъ удивленіе и хвалился чудомъ Небесной къ нему милости. Далѣе на пути встрѣтили Разстригу Воеводы, Михайло Салтыковъ, Князь Василій Голицынъ, Шереметевъ и Глава предательства, Басмановъ.... сей послѣдній съ искреннею клятвою умереть за того, кому онъ жертвовалъ совѣстію и бѣднымъ отечествомъ! Единодушно принятый войскомъ какъ Царь благодатный, Лжедимитрій распустилъ часть его на мѣсяцъ для отдохновенія (329), другую послалъ къ Москвѣ, а самъ съ двумя или тремя тысячами надежнѣйшихъ сподвижниковъ шелъ тихо въ слѣдъ за нею. Вездѣ народъ и люди воинскіе встрѣчали его съ дарами; крѣпости, города сдавались: изъ самой отдаленной Астрахани привезли къ нему въ цѣпяхъ Воеводу, Михайла Сабурова, ближняго родственника Θеодорова. Только въ Орлѣ горсть великодушныхъ не хотѣла измѣнить закону: сихъ достойныхъ Россіянъ, къ сожалѣнію неизвѣстныхъ для Исторіи, ввергнули въ темницу (330). Всѣ другіе ревностно преклоняли колѣна, славили Бога и Димитрія, какъ нѣкогда Героя Донскаго или завоевателя Казани! На улицахъ, на дорогахъ тѣснились къ его коню, чтобы лобызать ноги Самозванца! Все было въ

волненія, не ужаса, но радости. Исчезъ оплотъ стыда и страха для измѣны: она бурною рѣкою стремилась къ Москвѣ, неся съ собою гибель Царю и народной чести. Тамъ первыми вѣстниками злополучія были свидѣтели добросовѣстные, Воеводы Катыревъ-Ростовскій и Телятевскій съ ихъ дружинами (331). Ѳеодоръ, еще пользуясь Царскою властію, изъявилъ имъ благодарность Отечества торжественными наградами и какъ бы спокойно ждалъ своего жребія на бѣдственномъ тронѣ, видя вокругъ себя уже немногихъ друзей искреннихъ, охлажденіе, недоумѣніе, притворство, а въ народѣ еще тишину, но грозную: готовность къ великой перемѣнѣ, тайно желаемой сердцами (332). Можетъ быть, злоумысліе и лукавство нѣкоторыхъ Думныхъ Совѣтниковъ, благопріятствуя Самозванцу, усыпляли жертву на канунѣ ея закланія: обманывали Ѳеодора, его мать и ближнихъ, уменьшая опасность или предлагая мѣры недѣйствительныя для спасенія. Власть верховная дремала въ палатахъ Кремлевскихъ, когда Отрепьевъ шелъ къ столицѣ, — когда имя Димитрія уже гремѣло на берегахъ Оки, — когда на самой Красной площади толпился народъ, съ жадностію слушая вѣсти объ его успѣхахъ. Еще были Воеводы и воины вѣрные: юный Стратигъ Державный, въ видѣ Ангела красоты и невинно-

Оцѣпенѣніе умовъ въ столицѣ.

сти, еще могъ бы смѣло итти съ ними на сонмы ослѣпленныхъ клятвопреступниковъ и на подлаго Разстригу: въ дѣлѣ законномъ есть сила особенная, непонятная и страшная для беззаконія. Но если не коварство, то чудное оцѣпенѣніе умовъ предавало Москву въ мирную добычу злодѣйству. Звукъ оружія и движенія ратныя могли бы дать бодрость унылымъ и страхъ измѣнникамъ; но спокойствіе, ложное, смертоносное, господствовало въ столицѣ, и служило для козней вожделѣннымъ досугомъ. Дѣятельность Правительства оказывалась единственно въ томъ, что ловили гонцевъ съ грамотами отъ войска и Самозванца къ Московскимъ жителямъ (335): грамоты жгли, гонцевъ сажали въ темницу; наконецъ не устерегли — и въ одинъ часъ все совершилось!

Измѣна Москвитянъ.

Лжедимитрій, угадывая, что его письма не доходятъ до Москвы, избралъ двухъ сановниковъ смѣлыхъ, расторопныхъ, Плещеева и Пушкина (334): далъ имъ грамоту и велѣлъ ѣхать въ Красное село, чтобы возмутить тамошнихъ жителей, а чрезъ нихъ и столицу. Сдѣлалось, какъ думалъ. Купцы и ремесленники Красносельскіе, плѣненные довѣренностію мнимаго Димитрія, присягнули ему съ ревностію, и торжественно ввели гонцевъ его (1 Іюня) въ Москву, открытую, безоружную: ибо вои-

ны, высланные Царемъ для усмиренія сихъ мятежниковъ, бѣжали назадъ, не обнаживъ меча; а Красносельцы, славя Димитрія, нашли множество единомышленниковъ въ столицѣ, мѣщанъ и людей служивыхъ; другихъ силою увлекли за собою: нѣкоторые пристали къ нимъ только изъ любопытства. Сей шумный сонмъ стремился къ лобному мѣсту, гдѣ, по данному знаку, все умолкло, чтобы слушать грамоту Лжедимитріеву къ Синклиту, къ Большимъ Дворянамъ, сановникамъ, людямъ Приказнымъ, воинскимъ, торговымъ, *среднимъ* и чернымъ (335). «Вы клялися «отцу моему» — писалъ Разстрига — «не измѣ«нять его дѣтямъ и потомству во вѣки вѣковъ, «но взяли Годунова въ Цари. Не упрекаю васъ: «вы думали, что Борисъ умертвилъ меня въ лѣ«тахъ младенческихъ; не знали его лукавства и «не смѣли противиться человѣку, который уже «самовластвовалъ и въ царствованіе Ѳеодора «Іоанновича, — жаловалъ и казнилъ, кого хо«тѣлъ. Имъ обольщенные, вы не вѣрили, что я, «спасенный Богомъ, иду къ вамъ съ любовію и «кротостію. Драгоцѣнная кровь лилася... Но «жалѣю о томъ безъ гнѣва: невѣдѣніе и страхъ «извиняютъ васъ. Уже судьба рѣшилась: города «и войско мои. Дерзнете ли на брань междоусоб«ную въ угодность Маріи Годуновой и сыну ея? «Имъ не жаль Россіи: они не своимъ, а чужимъ «владѣютъ; упитали кровію землю Сѣверскую и «хотятъ разоренія Москвы. Вспомните, что было «отъ Годунова вамъ, Бояре, Воеводы и всѣ люди

«знаменитые: сколько опалъ и безчестія несносинаго? А вы, Дворяне и Дѣти Боярскіе, чего «не претерпѣли въ тягостныхъ службахъ и въ «ссылкахъ? А вы, купцы и гости, сколько утѣ«сненій имѣли въ торговлѣ, и какими неумѣрен«ными пошлинами отягощались? Мы же хотимъ «васъ жаловать безпримѣрно: Бояръ и всѣхъ «мужей сановитыхъ честію и новыми отчинами, «Дворянъ и людей Приказныхъ милостію, гостей «и купцевъ льготою, въ непрерывное теченіе «дней мирныхъ и тихихъ. Дерзнете ли быть не«преклонными? Но отъ нашей Царской руки не «избудете: иду и сяду на престолѣ отца моего; «иду съ сильнымъ войскомъ, своимъ и Литов«скимъ: ибо не только Россіяне, но и чуже«земцы охотно жертвуютъ мнѣ жизнію. Самые «невѣрные Ногаи хотѣли слѣдовать за мною: я «велѣлъ имъ остаться въ степяхъ, щадя Россію. «Страшитесь гибели, временной и вѣчной; стра«шитесь отвѣта въ день суда Божія: смиритесь, «и немедленно пришлите Митрополитовъ, Архіе«пископовъ, мужей Думныхъ, Большихъ Дво«рянъ и Дьяковъ, людей воинскихъ и торго«выхъ, бить намъ челомъ, какъ вашему Царю «законному.» Народъ Московскій слушалъ съ благоговѣніемъ и разсуждалъ такъ (336): «Войско «и Бояре поддалися безъ сомнѣнія не ложному «Димитрію. Онъ приближается къ Москвѣ: съ «кѣмъ стоять намъ противъ его силы? съ гор«стію ли бѣглецовъ Кромскихъ? съ нашими ли «старцами, женами и младенцами? и за кого? за

«ненавистныхъ Годуновыхъ, похитителей Дер-«жавной власти? Для ихъ спасенія предадимъ ли «Москву пламени и разоренію? Но не спасемъ «ни ихъ, ни себя сопротивленіемъ безполез-«нымъ. Слѣдственно не о чемъ думать: должно «прибѣгнуть къ милосердію Димитрія!»

И въ то время, когда сіе беззаконное Вѣче располагало Царствомъ, главные совѣтники Престола трепетали въ Кремлѣ отъ ужаса. Патріархъ молилъ Бояръ дѣйствовать, а самъ, въ смятеніи духа, не мыслилъ явиться на лобномъ мѣстѣ въ ризахъ Святительскихъ, съ крестомъ въ десницѣ, съ благословеніемъ для вѣрныхъ, съ клятвою для измѣнниковъ: онъ только плакалъ (337)! Знатнѣйшіе Бояре, Мстиславскій и Василій Шуйскій, Бѣльскій и другіе Думные Совѣтники вышли изъ Кремля къ гражданамъ, сказали имъ нѣсколько словъ въ увѣщаніе, и хотѣли схватить гонцевъ Лжедимитріевыхъ: народъ не далъ ихъ и завопилъ: «Время Годуновыхъ минова-«лось! Мы были съ ними во тьмѣ кромѣшней: «солнце восходитъ для Россіи! Да здравствуетъ «Царь Димитрій! Клятва Борисовой памяти! Ги-«бель племени Годуновыхъ!» Съ симъ воплемъ толпы ринулись въ Кремль. Стража и тѣлохранители исчезли вмѣстѣ съ подданными для Ѳеодора: дѣйствовали одни буйные мятежники; вломились во дворецъ, и дерзостною рукою коснулись того, кому недавно присягали: стащили юнаго Царя съ престола (338), гдѣ онъ искалъ безопасности! Мать злосчастная упала къ но-

гамъ неистовыхъ и слезно молила не о царствѣ, а только о жизни милаго сына! Но мятежники еще страшились быть извергами: безвредно вывели Θеодора, его мать и сестру изъ дворца въ Кремлевскій собственный домъ Борисовъ, и тамъ приставили къ нимъ стражу; всѣхъ родственниковъ Царскихъ, Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, заключили, имѣніе ихъ расхитили, домы сломали, не оставили ничего цѣлаго и въ жилищѣ иноземныхъ Медиковъ, любимцевъ Борисовыхъ; хотѣли грабить и погреба казенные, но удержались, когда Бѣльскій напомнилъ имъ, что все казенное уже есть Димитріево [339]. Сей пѣстунъ меньшаго Іоаннова сына [340] явился тогда вдругъ главнымъ совѣтникомъ народа, какъ злѣйшій врагъ Годуновыхъ, и вмѣстѣ съ другими Боярами малодушными или коварными старался утишить мятежъ именемъ Царя новаго. Всѣ дали присягу Димитрію (3 Іюня). Вельможи, Князья Иванъ Михайловичъ Воротынскій, Андрей Телятевскій, Петръ Шереметевъ, Думный Дьякъ Власьевъ и другіе знатнѣйшіе чиновники, Дворяне, граждане выѣхали изъ столицы *съ повинною* къ Самозванцу въ Тулу [341]. Уже вѣстники Плещеева и Пушкина предупредили ихъ; уже Разстрига зналъ все, что сдѣлалось въ Москвѣ, и еще не былъ спокоенъ: послалъ

Сведеніе Θеодора съ престола.

Присяга Лжедимитрію.

туда Князя Василья Голицына, Мосальскаго и Дьяка Сутупова ([342]) съ тайнымъ наказомъ, а Петра Басманова съ воинскою дружиною, чтобы мерзостнымъ злодѣйствомъ увѣнчать торжество беззаконія.

Сіи достойные слуги Лжедимитріевы, принятые въ Москвѣ какъ полновластные исполнители Царской воли, начали дѣло свое съ Патріарха. Слабодушнымъ участіемъ въ козняхъ Борисовыхъ лишивъ себя довѣренности народной, не имѣвъ мужества умереть за истину и за Θеодора, онѣмѣвъ отъ страха, и даже, какъ увѣряютъ, вмѣстѣ съ другими Святителями *бивъ челомъ* Самозванцу ([343]), надѣялся ли Іовъ снискать въ немъ срамную милость? Но Лжедимитрій не вѣрилъ его безстыдству; не вѣрилъ, чтобы онъ могъ съ видомъ благоговѣнія возложить Царскій вѣнецъ на своего бѣглаго Діакона — и для того Послы Самозванцевы объявили народу Московскому, что рабъ Годуновыхъ не долженъ остаться Первосвятителемъ. Свергнувъ Царя, народъ во дни беззаконія не усомнился свергнуть и Патріарха ([344]). Іовъ совершалъ Литургію въ храмѣ Успенія: вдругъ мятежники неистовые, вооруженные копьями и дреколіемъ, вбѣгаютъ въ церковь; не слушаютъ Божественнаго пѣнія; стремятся въ Олтарь, хватаютъ и влекутъ Патріарха; рвутъ съ него одежду

Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ.

Святительскую . . . Тутъ несчастный Іовъ изъявилъ и смиреніе и твердость: снявъ съ себя панагію и положивъ ее къ образу Владимірской Богоматери, сказалъ громогласно: «Здѣсь, предъ сею Святою ико«ною, я былъ удостоенъ сана Архіерей«скаго, и 19 лѣтъ хранилъ цѣлость Вѣры: «нынѣ вижу бѣдствіе Церкви, торжество «обмана и ереси. Матерь Божія! спаси Пра«вославіе!» Его одѣли въ черную ризу, *таскали, позорили* въ храмѣ, на площади, и вывезли въ телегѣ изъ города, чтобы заключить въ монастырѣ Старицкомъ. — Удаливъ важнѣйшаго свидѣтеля истины, противнаго Самозванцу, рѣшили судьбу Годуновыхъ, Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ ([345]): отправили ихъ скованныхъ въ темницы городовъ дальнихъ, Низовыхъ и Сибирскихъ (ненавистнаго Семена Годунова задавили въ Переславлѣ). Немедленно рѣшили и судьбу Державнаго семейства.

Цареубійство.

Юный Өеодоръ, Марія и Ксенія, сидя подъ стражею въ томъ домѣ, откуда властолюбіе Борисово извлекло ихъ на ѳеатръ гибельнаго величія, угадывали свой жребій. Народъ еще уважилъ въ нихъ святость Царскаго сана, — можетъ быть, и святость непорочности; можетъ быть, въ самомъ неистовствѣ бунта желалъ, чтобы мнимый Димитрій оказалъ великодушіе, и взявъ себѣ корону, оставилъ жизнь не-

счастнымъ хотя въ уединеніи какого нибудь монастыря пустыннаго. Но великодушіе въ семъ случаѣ казалось Разстригѣ несогласнымъ съ Политикою: чѣмъ болѣе достоинствъ личныхъ имѣлъ сверженный, законный Царь, тѣмъ болѣе онъ могъ страшить Лжецаря, возводимаго на престолъ злодѣйствомъ нѣкоторыхъ и заблужденіемъ многихъ; успѣхъ измѣны всегда готовитъ другую, — и никакая пустыня не скрыла бы Державнаго юношу отъ умиленія Россіянъ. Такъ, вѣроятно, думалъ и Басмановъ; однакожь не хотѣлъ явно участвовать въ дѣлѣ ужасномъ: зло и добро имѣютъ степени! Другіе были смѣлѣе: Князья Голицынъ и Мосальскій, чиновники Молчановъ и Шерефединовъ ([346]), взявъ съ собою трехъ звѣровидныхъ Стрѣльцевъ, 10 Іюня пришли въ домъ Борисовъ: увидѣли Θеодора и Ксенію сидящихъ спокойно подлѣ матери, въ ожиданіи воли Божіей ([347]); вырвали нѣжныхъ дѣтей изъ объятій Царицы, развели ихъ по особымъ комнатамъ, и велѣли Стрѣльцамъ дѣйствовать; они въ ту же минуту удавили Царицу Марію; но юный Θеодоръ, надѣленный отъ природы силою необыкновенною, долго боролся съ четырмя убійцами, которые едва могли одолѣть и задушить его ([347]). Ксенія была несчастнѣе матери и брата: осталась жива: гнусный сластолюбецъ Разстрига слышалъ объ ея прелестяхъ, и велѣлъ Князю Мосальскому взять ее къ себѣ въ домъ. Москвѣ объявили, что Θеодоръ и Марія сами лишили себя жизни ядомъ; но трупы ихъ,

дерзостно выставленные на позоръ, имѣли несомнительные признаки удавленія [348]. Народъ толпился у бѣдныхъ гробовъ, гдѣ лежали двѣ вѣнценосныя жертвы, супруга и сынъ властолюбца, который обожалъ — и погубилъ ихъ, давъ имъ престолъ на ужасъ и на смерть лютѣйшую! «Святая кровь Димитріева,» говорятъ Лѣтописцы, «требовала крови чистой [349], и невин«ные пали за виновнаго, да страшатся преступ«ники и за своихъ ближнихъ!» Многіе смотрѣли только съ любопытствомъ, но многіе и съ умиленіемъ; жалѣли о Маріи, которая, бывъ дочерью гнуснѣйшаго изъ палачей Іоанновыхъ и женою святоубійцы, жила единственно благодѣяніями, и коей Борисъ не смѣлъ никогда открывать своихъ злыхъ намѣреній [350]; еще болѣе жалѣли о Өеодорѣ, который цвѣлъ добродѣтелію и надеждою: столько имѣлъ, и столько обѣщалъ прекраснаго, для счастія Россіи, если бы оно угодно было Провидѣнію! — Нарушили и спокойствіе могилъ: выкопали тѣло Борисово, вложили въ раку деревянную, перенесли изъ церкви Св. Михаила въ дѣвичій монастырь Св. Варсонофія на Срѣтенкѣ [351], и погребли такъ уединенно, вмѣстѣ съ тѣлами Өеодора и Маріи!

Такъ совершилась казнь Божія надъ убійцею Димитрія истиннаго, и началася новая надъ Россіею подъ скиптромъ ложнаго!

ГЛАВА IV.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ.

Г. 1605 — 1606.

Первое оскорбленіе Бояръ. Указы Лжедимитріевы. Посолъ Англійскій. Шествіе къ Москвѣ. Довѣренность Разстриги къ Нѣмцамъ. Вступленіе въ столицу. Пиръ. Милости. Филаретъ и юный Михаилъ. Царь Симеонъ и Жалованье. Гробы Нагихъ и Романовыхъ пренесены въ Москву. Благодѣянія. Преобразованіе Думы. Любовь Самозванца къ Генриху IV. Милосердіе. Похвальное Слово Разстригѣ. Избраніе новаго Патріарха. Безмолвное свидѣтельство Царицы-Инокини. Вѣнчаніе. Безразсудность Лжедимитрія. Дѣла гнусныя. Постриженіе Ксеніи. Шепотъ о Разстригѣ. Обличенія. Шуйскій. Нѣмцы тѣлохранители. Пышность и веселья. Посольство въ Литву за невѣстою. Неудовольствія. Слухи, что Борисъ Годуновъ живъ. Титулъ Цесаря. Обрученіе. Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ. Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы. Происшествія въ Москвѣ. Возвращеніе Шуйскихъ. Самозванецъ Петръ. Начало заговора. Посольство къ Шаху. Собраніе войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю. Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія. Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова. Опала Царя Симеона и Татищева. Путешествія Воеводы Сендомирскаго съ Мариною. Рѣчь Мнишкова. Условія. Опала двухъ Святителей. Въѣздъ Марины въ столицу. Негодованіе Москвитянъ. Соблазны. Ссора съ Послами.

Дары. Обрученіе и свадьба. Новыя причины къ негодованію. Пиры. Новыя ссоры съ Литовскими Послами. Переговоры государственные. Замышляемыя потѣхи. Наглость Ляховъ. Ночный совѣтъ въ дому Шуйскаго. Дерзкія рѣчи на площади. Волненіе народа. Спокойствіе Лжедимитрія. Измѣна войска. Послѣдняя ночь для Самозванца. Возстаніе Москвы. Гибель Басманова. Свидѣтельство Царицы-Инокини. Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія. Щадятъ Марину. Убійства. Бояре утишаютъ мятежъ. Глубокая тишина ночи. Козни властолюбія. Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ. Избраніе новаго Царя. Развѣяніе Самозванцева праха. Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйствительно обманщикъ.

г. 1605. Нелѣпою дерзостію и неслыханнымъ счастіемъ достигнувъ цѣли — какимъ-то обаяніемъ прельстивъ умы и сердца вопреки здравому смыслу — сдѣлавъ, чему нѣтъ примѣра въ Исторіи: изъ бѣглаго Монаха, Козака-разбойника и слуги Пана Литовскаго въ три года ставъ Царемъ великой Державы, Самозванецъ казался хладнокровнымъ, спокойнымъ, неудивленнымъ среди блеска и величія, которые окружали его въ сіе время заблужденія, срама и безстыдства. Тула имѣла видъ шумной столицы, исполненной торжества и ликованія: тамъ собралося болѣе ста тысячь людей воинскихъ и чиновныхъ (352), множество купцевъ и народа изъ всѣхъ ближнихъ горо-

довъ и селеній. Въ слѣдъ за Князьями Воротынскимъ и Телятевскимъ, избранными бить челомъ Разстригѣ отъ имени Москвы, спѣшили туда и знатнѣйшіе Думные мужи: Мстиславскій, Шуйскіе и другіе, чтобы достойно вкусить плодъ своего малодушія: презрѣніе отъ того, кому они всѣмъ жертвовали, кромѣ сана и богатства, безчестнаго въ такихъ обстоятельствахъ. Вмѣстѣ съ ними были въ Тульскомъ дворцѣ у Лжедимитрія Козаки, новые Донскіе выходцы (Смяга Чертенскій съ товарищами): онъ далъ руку имъ первымъ, и съ ласкою; а Боярамъ уже послѣ, и съ гнѣвомъ за ихъ долговременную строптивость. Пишутъ, что подлые Козаки, въ присутствіи Самозванца, нагло ругали сихъ Вельможъ униженныхъ, особенно Князя Андрея Телятевскаго, долѣе другихъ вѣрнаго закону. (353) Вельможи представили Лжедимитрію печать государственную, ключи отъ казны Кремлевской, одежды, доспѣхи Царскіе и сонмъ царедворцевъ для услугъ его. Уже началося Державство Разстриги, который, по внушенію ли собственнаго ума или совѣтниковъ, немедленно занялся правительствомъ, дѣйствуя свободно, рѣшительно, какъ бы человѣкъ рожденный на престолѣ, и съ навыкомъ власти: 11 Іюня, еще не имѣвъ вѣсти о Θеодоровомъ убіеніи, писалъ во всѣ города, и въ самую

Указы Лжедимитріевы.

дальнюю Сибирь, что онъ, укрытый *невидимою* силою отъ злодѣя Бориса, и дозрѣвъ до мужества, правомъ наслѣдія сѣлъ на Государствѣ Московскомъ; что Духовенство, Синклитъ, всѣ Чины и народъ цѣловали ему крестъ съ усердіемъ; что Воеводы городскіе должны немедленно вести ко всѣхъ людей такую же присягу на имя Царицы-матери, Инокини Маѳы Ѳеодоровны, и его, Царя Димитрія, съ обязательствомъ служить имъ вѣрно, *не давать отравы*, не сноситься ни съ женою, ни съ сыномъ Борисовымъ, *Ѳедоромъ*, ни съ кѣмъ изъ Годуновыхъ, не мстить никому, не убивать никого безъ указа Государева, жить въ тишинѣ и мирѣ, а наипаче любить *прямить* и мужествовать неизмѣнно (354). Уже Самозванецъ занимался и дѣлами

Посолъ Англійскій.

внѣшними: велѣлъ догнать Посла Англійскаго, Смита, еще не выѣхавшаго изъ Россіи; взять у него Борисовы письма къ Королю, и сказать ему, что новый Царь въ знакъ особеннаго дружества къ Англіи дастъ ея купцамъ новыя выгоды въ торговлѣ, и немедленно послѣ своего вѣнчанія отправитъ изъ Москвы знатнаго сановника въ Лондонъ, слѣдуя Европейскому обычаю и движенію истинной любви къ Іакову (355).

Шествіе въ Москвѣ.

Узнавъ, что воля его исполнилась: Патріархъ сверженъ, Ѳеодоръ и Марія въ

погибли, ихъ ближніе изгнаны, Москва спокойна и съ нетерпѣніемъ ждетъ воскресшаго Димитрія. — Самозванецъ выступилъ изъ Тулы, и 16 Іюня расположился станомъ на лугахъ Москвы-рѣки, у села Коломенскаго, гдѣ всѣ чиновники и знатнѣйшіе граждане поднесли ему хлѣбъ-соль, золотые кубки и соболей, а Бояре великолѣпнѣйшую утварь Царскую, и говорили съ видомъ единодушнаго усердія: «Иди и «властвуй достояніемъ твоихъ предковъ. «Святые храмы, Москва и чертоги Іоан«новы ожидаютъ тебя. Уже нѣтъ зло«дѣевъ: земля поглотила ихъ. Настало «время мира, любви и веселія» (356). Лжедимитрій отвѣтствовалъ, что забываетъ вины людей, и будетъ не грознымъ Владыкою, а ласковымъ отцемъ Россіи. Тутъ же явились и Нѣмцы съ челобитною: бывъ до конца вѣрными Борису, оказавъ мужество въ двухъ битвахъ, не хотѣвъ участвовать и въ измѣнѣ Воеводъ подъ Кромами, они молили Самозванца не вмѣнять имъ дѣла добросовѣстнаго въ преступленіе, и писали: «мы честно исполнили долгъ присяги, «и какъ служили Борису, такъ готовы слу«жить и тебѣ, уже Царю законному.» Лжедимитрій принялъ ихъ начальниковъ весьма милостиво, и сказалъ: «будьте для меня «то же, что вы были для Годунова: я «вѣрю вамъ болѣе, нежели своимъ Рус-

Довѣренность

въ Нѣмцамъ.

«скимъ» ([357])! Онъ хотѣлъ видѣть Нѣмецкаго чиновника, державшаго знамя въ Добрынской битвѣ, и положивъ ему руку на грудь, славилъ его неустрашимость: чего не могли слушать Россіяне съ удовольствіемъ; но они должны были изъявлять радость!

Вступленіе въ столицу.

20 Іюня, въ прекрасный лѣтній день, Самозванецъ вступилъ въ Москву, торжественно и пышно. Впереди Поляки ([358]), литаврщики, трубачи, дружина всадниковъ съ копьями, пищальники, колесницы заложенныя шестернями и верховыя лошади Царскія, богато украшенныя; далѣе барабанщики и полки Россіянъ, Духовенство съ крестами ([359]) и Лжедимитрій на бѣломъ конѣ, въ одеждѣ великолѣпной, въ блестящемъ ожерельѣ, цѣною въ 150,000 червонныхъ: вокругъ его 60 Бояръ и Князей; за ними дружина Литовская, Нѣмцы, Козаки и Стрѣльцы. Звонили во всѣ колокола Московскіе. Улицы были наполнены безчисленнымъ множествомъ людей; кровли домовъ и церквей, башни и стѣны также усыпаны зрителями. Видя Лжедимитрія, народъ падалъ ницъ съ восклицаніемъ: «Здравствуй отецъ нашъ, Государь и Ве«ликій Князь Димитрій Іоанновичъ, спа«сенный Богомъ для нашего благоденствія! «Сіяй и красуйся, о солнце Россіи!» Лжедимитрій всѣхъ громко привѣтствовалъ и

называлъ своими добрыми подданными, веля имъ встать и молиться за него Богу. Не взирая и на то, онъ еще не вѣрилъ Москвитянамъ: ближніе чиновники его скакали изъ улицы въ улицу, и непрестанно доносили ему о всѣхъ движеніяхъ народныхъ: все было тихо и радостно. Но вдругъ, когда Лжедимитрій чрезъ Живой мостъ и ворота Москворѣцкія выѣхалъ на площадь, сдѣлался страшный вихрь: всадники едва могли усидѣть на коняхъ; пыль взвилась столбомъ и засыпала имъ глаза, такъ что Царское шествіе остановилось ([360]). Сей случай естественный поразилъ воиновъ и гражданъ; они крестились въ ужасѣ, говоря другъ другу: «Спаси насъ, Господи, отъ бѣды! Это худое предзнаменованіе для Россіи и Димитрія!» Тутъ же люди благочестивые были встревожены соблазномъ: когда Разстрига, встрѣченный Святителями и всѣмъ клиромъ Московскимъ на Лобномъ мѣстѣ, сошелъ съ коня, чтобы приложиться къ образамъ, Литовскіе музыканты играли на трубахъ и били въ бубны, заглушая пѣніе молебна ([361]). Увидѣли и другую непристойность: вступивъ за Духовенствомъ въ Кремль и въ Соборную церковь Успенія, Лжедимитрій ввелъ туда и многихъ иновѣрцевъ, Ляховъ, Венгровъ: чего никогда не бывало, и что казалось народу оскверненіемъ храма ([362]). Такъ Разстрига на самомъ первомъ шагу изумилъ столицу легкомысленнымъ неуваженіемъ къ святынѣ!... Оттуда спѣшилъ онъ въ церковь Архистратига Михаила, гдѣ съ ви-

домъ благоговѣнія преклонился на гробъ Іоанновъ, лилъ слезы и сказалъ: «О роди-«тель любезный! ты оставилъ меня въ си-«ротствѣ и гоненіи; но святыми твоими «молитвами я цѣлъ и державствую!» Сіе искусное лицедѣйствіе было не безполезно: народъ плакалъ и говорилъ: «то истинный «Димитрій!» Наконецъ Разстрига въ чертогахъ Іоанновыхъ сѣлъ на престолъ Государей Московскихъ.

Въ сей часъ многіе Вельможи вышли изъ дворца на Красную площадь, къ народу, и съ ними Богданъ Бѣльскій, который сталъ на Лобное мѣсто, снялъ съ груди своей образъ Св. Николая, поцѣловалъ его и клялся Московскимъ гражданамъ, что новый Государь есть дѣйствительно сынъ Іоанновъ, сохраненный и данный имъ Николаемъ Чудотворцемъ (363); убѣждалъ Россіянъ любить того, кто возлюбленъ Богомъ, и служить ему вѣрно. Народъ отвѣтствовалъ единогласно: «многія лѣта Го-«сударю нашему Димитрію! Да погибнутъ «враги его!» — Торжество казалось искреннимъ, общимъ. Самозванецъ съ Вельможами и Духовенствомъ пировалъ во дворцѣ, граждане на площадяхъ и дома; пили

Пиръ.

и веселились до глубокой ночи. «Но плачь «былъ не далеко отъ радости,» говоритъ Лѣтописецъ, «и вино лилось въ Москвѣ «предъ кровію» (364).

Объявили милости: Лжедимитрій возвратилъ свободу, чины и достояніе не только Нагимъ, мнимымъ своимъ родственникамъ, но и всѣмъ опальнымъ Борисова времени; страдальца Михайла Нагаго (365) пожаловалъ въ санъ *Великаго Конюшаго*, брата его и трехъ племянниковъ, Ивана Никитича Романова, двухъ Шереметевыхъ, двухъ Князей Голицыныхъ, Долгорукаго, Татева, Куракина и Кашина въ Бояре, многихъ въ Окольничіе, и между ими знаменитаго Василья Щелкалова, удаленнаго отъ дѣлъ Борисомъ; Князя Василья Голицына назвалъ *Великимъ Дворецкимъ*, Бѣльскаго *Великимъ Оружничимъ*, Князя Михайла Скопина-Шуйскаго *Великимъ Мечникомъ*, Князя Лыкова-Оболенскаго *Великимъ Крайчимъ*, Пушкина *Великимъ Сокольничимъ*, Дьяка Сутупова *Великимъ Секретаремъ* и Печатникомъ, а Власьева также *Секретаремъ Великимъ* и *Надворнымъ Подскарбіемъ* или Казначеемъ, — то есть, кромѣ новыхъ чиновъ, первый ввелъ въ Россіи наименованія иноземныя, заимствованныя отъ Ляховъ. Лжедимитрій вызвалъ и невольнаго Инока Филарета изъ Сійской пустыни, чтобы дать ему санъ Митрополита Ростовскаго (366): сей добродѣтельный мужъ, нѣкогда главный изъ Вельможъ и ближнихъ Царскихъ, имѣлъ наконецъ

Милости.

Филаретъ и юный Михаилъ.

сладостное утѣшеніе видѣть тѣхъ, о коихъ и въ жизни отшельника тосковало его сердце: бывшую супругу свою и сына! Съ того времени Инокиня Марѳа и юный Михаилъ, отданный ей на воспитаніе, жили въ Епархіи Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ Св. Ипатія, гдѣ все напоминало непрочную знаменитость и разительное паденіе ихъ личныхъ злодѣевъ: ибо сей монастырь въ XIV вѣкѣ былъ основанъ предкомъ Годуновыхъ, Мурзою Четомъ, и богато украшенъ ими. — Странное пугалище воображенія Борисова, мнимый Царь и Великій Князь Іоаннова времени, Симеонъ Бекбулатовичъ, ослѣпленный, какъ увѣряютъ (367), и сосланный Годуновымъ, также удостоился Лжедимитріева благоволенія, въ память Іоанну: ему велѣли быть ко Двору, оказали великую честь и дозволили снова именоваться Царемъ (368). Сняли опалу съ родственниковъ Борисовыхъ и дали имъ мѣста Воеводъ въ Сибири и въ другихъ областяхъ дальнихъ. Не забыли и мертвыхъ: тѣла Нагихъ и Романовыхъ, усопшихъ въ бѣдствіи, вынули изъ могилъ пустынныхъ, перевезли въ Москву и схоронили съ честію, тамъ, гдѣ лежали ихъ предки и ближніе (369).

Царь Симеонъ.

Годуновы.

Гробы Нагихъ и Романовыхъ перенесены въ Москву.

Угодивъ всей Россіи милостями къ невиннымъ жертвамъ Борисова тиранства, Лжедимитрій старался угодить ей и благо-

Благодѣянія.

дѣяніями общими: удвоилъ жалованье сановникамъ и войску (370); велѣлъ заплатить всѣ долги казенные Іоаннова царствованія, отмѣнилъ многія торговыя и судныя пошлины; строго запретилъ всякое мздоимство и наказалъ многихъ судей безсовѣстныхъ; обнародовалъ, что въ каждую Среду и Субботу будетъ самъ принимать челобитныя отъ жалобщиковъ на Красномъ крыльцѣ. Онъ издалъ также достопамятный законъ о крестьянахъ и холопяхъ: указалъ всѣхъ бѣглыхъ возвратить ихъ отчинникамъ и помѣщикамъ, кромѣ тѣхъ, которые ушли во время голода, бывшаго въ Борисово царствованіе, не имѣвъ нужнаго пропитанія; объявилъ свободными слугъ, лишенныхъ воли насиліемъ, безъ крѣпостей, внесенныхъ въ государственныя книги (371). Чтобы оказать довѣренность къ подданнымъ, Лжедимитрій отпустилъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей (372) и всѣхъ Ляховъ, давъ каждому изъ нихъ въ награду за вѣрную службу по сороку злотыхъ, деньгами и мѣхами; но тѣмъ не удовлетворивъ ихъ корыстолюбія: они хотѣли болѣе, не выѣзжали изъ Москвы, жаловались и пировали!

Плѣненный обычаями той земли, гдѣ началася его жизнь пышная, и гдѣ все казалось ему блестящимъ, превосходнымъ въ сравненіи съ Россіею; Лжедимитрій не удо-

Преобразованіе Думы.

вольствовался введеніемъ новыхъ чиновъ и наименованій: онъ спѣшилъ, въ духѣ сего подражанія, измѣнить составъ нашей древней государственной Думы: указалъ засѣдать въ ней, сверхъ Патріарха (что въ важныхъ случаяхъ и дотолѣ бывало), четыремъ Митрополитамъ, семи Архіепископамъ и тремъ Епископамъ [373], надѣясь, можетъ быть, обольстить тѣмъ мірское честолюбіе Духовенства, а болѣе всего желая слѣдовать уставу Королевства Польскаго; назвалъ всѣхъ мужей Думныхъ *Сенаторами*, умножилъ число ихъ до семидесяти, самъ ежедневно тамъ присутствовалъ, слушалъ и рѣшилъ дѣла, какъ увѣряютъ, съ необыкновенною легкостію [374]. Пишутъ, что онъ, имѣя даръ краснословія, блисталъ имъ въ Совѣтѣ, говорилъ много и складно, любилъ уподобленія, часто ссылался на Исторію, и разсказывалъ, что самъ видѣлъ въ иныхъ земляхъ, то есть,

Любовь Самозванца къ Генрику IV.

въ Литвѣ и въ Польшѣ; изъявлялъ особенное уваженіе къ Королю Французскому, Генрику IV [375]; хвалился, подобно Борису,

Милосердіе.

милосердіемъ, кротостію, великодушіемъ, и твердилъ людямъ ближнимъ: «я «могу двумя способами удержаться на пре«столѣ: тиранствомъ и милостію; хочу «испытать милость и вѣрно исполнить «обѣтъ, данный мною Богу: не проливать «крови» [376]. Такъ говорилъ убійца непо-

рочнаго Θеодора и благодѣтельной Маріи!.. Разстригу славили: Московскій Благовѣщенскій Протоіерей, Терентій, сочинилъ ему похвальное слово, какъ Вѣнценосцу любимому, *носящему на языкѣ милость*, а Патріархъ Іерусалимскій униженною грамотою извѣстилъ его, что вся Палестина ликуетъ о спасеніи Іоаннова сына, предвидя въ немъ будущаго своего избавителя, и что три лампады денно и нощно пылаютъ надъ гробомъ Христовымъ во имя Царя Димитрія (377).

Похвальное Слово Разстригѣ.

Ближніе люди Самозванца совѣтовали ему, для утвержденія своей власти, немедленно вѣнчаться на Царство: ибо многіе думали, что и злосчастный Θеодоръ не столь легко сдѣлался бы жертвою измѣны, если бы успѣлъ освятить себя въ глазахъ народа саномъ Помазанника. Сей обрядъ торжественный надлежало совершить Патріарху: не довѣряя Россійскому Духовенству, Лжедимитрій на мѣсто сверженнаго Іова выбралъ чужеземца, Грека Игнатія, Архіепископа Кипрскаго, который, бывъ изгнанъ изъ отечества Турками, жилъ нѣсколько времени въ Римѣ, пріѣхалъ къ намъ въ царствованіе Θеодора Іоанновича, угодилъ Борису, и съ 1603 года правилъ Епархіею Рязанскою. Онъ снискалъ милость Самозванца, встрѣтивъ его еще въ Тулѣ; не имѣлъ ни чистой Вѣры, ни любви

Избраніе новаго Патріарха.

къ Россіи, ни стыда нравственнаго [378], и казался ему надежнѣйшимъ орудіемъ для всѣхъ замышляемыхъ имъ соблазновъ. Наспѣхъ поставили Игнатія въ Патріархи, и наспѣхъ готовились къ Царскому вѣнчанію; а Лжедимитрій готовилъ между тѣмъ иное торжественное явленіе, необходимое для полнаго удостовѣренія и Москвы и Россіи, что вѣнецъ Мономаховъ возлагается на главу Іоаннова сына.

Войско, Синклитъ, всѣ Чины государственные признали обманщика Димитріемъ, всѣ, кромѣ матери, которой свидѣтельство было столь важно и естественно, что народъ безъ сомнѣнія ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Уже Самозванецъ около мѣсяца властвовалъ въ Москвѣ, а народъ еще не видалъ Царицы-Инокини, хотя она жила только въ пяти стахъ верстахъ оттуда [379]: ибо Лжедимитрій не могъ быть увѣренъ въ ея согласіи на обманъ, столь противный святому званію Инокини и материнскому сердцу. Тайныя сношенія требовали времени: съ одной стороны представили ей жизнь Царскую, а съ другой муки и смерть; въ случаѣ упрямства, страшнаго для обманщика, могли задушить несчастную — сказать, что она умерла отъ болѣзни или радости, и великолѣпными похоронами мнимой Государевой матери успокоить народъ легковѣрный. Вдовствующая супруга Іоан-

нова, еще не старая лѣтами, помнила удовольствія свѣта, Двора и пышности; 13 лѣтъ плакала въ уничиженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ ([380]) — и не усомнилась въ выборѣ. Тогда Лжедимитрій уже гласно послалъ къ ней въ Выксинскую пустыню Великаго Мечника, Князя Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго ([381]), и другихъ людей знатныхъ съ убѣдительнымъ челобитьемъ нѣжнаго сына благословить его на Царство — и самъ, 18 Іюля ([382]), выѣхалъ встрѣтить ее въ селѣ Тайнинскомъ. — Дворъ и народъ были свидѣтелями любопытнаго зрѣлища, въ коемъ лицемѣрное искусство имѣло видъ искренности и природы. Близъ дороги разставили богатый шатеръ, куда ввели Царицу, и гдѣ Лжедимитрій говорилъ съ нею наединѣ ([383]) — не знали, о чемъ; но увидѣли слѣдствіе: мнимые сынъ и мать вышли изъ шатра, изъявляя радость и любовь; нѣжно обнимали другъ друга, и произвели въ сердцахъ многихъ зрителей восторгъ умиленія. Добродушный народъ обливался слезами, видя ихъ въ глазахъ Царицы, которая могла плакать и нелицемѣрно, вспоминая объ истинномъ Димитріи, и чувствуя свой грѣхъ предъ нимъ, предъ совѣстію и Россіею! Лжедимитрій посадилъ Марѳу въ великолѣпную колесницу; а самъ съ открытою головою шелъ нѣсколько

Безмолвное свидѣтельство Царицы-Инокини.

верстъ пѣшкомъ, окруженный всѣми Боярами; наконецъ сѣлъ на коня, ускакалъ впередъ и принялъ Царицу въ Іоанновыхъ палатахъ, гдѣ она жила до того времени, какъ изготовили ей прекрасныя комнаты въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ съ особенною Царскою услугою. Тамъ Самозванецъ, въ лицѣ почтительнаго и нѣжнаго сына, ежедневно видѣлся съ нею; былъ доволенъ искуснымъ ея притворствомъ, но удалялъ отъ нее всѣхъ людей сомнительныхъ, чтобы она не имѣла случая измѣнить ему въ важной тайнѣ, отъ нескромности или раскаянія (384).

Вѣнчаніе.

21 Іюля совершилось вѣнчаніе съ извѣстными обрядами (385); но Россіяне изумились, когда, послѣ сего священнаго дѣйствія, выступилъ Іезуитъ Николай Черниковскій, чтобы привѣтствовать новоувѣнчаннаго Монарха непонятною для нихъ рѣчью на языкѣ Латинскомъ (386). Какъ обыкновенно, все знатнѣйшее Духовенство, Вельможи и чиновники пировали въ сей день у Царя, силясь наперерывъ оказывать ему усердіе и радость — но уже многіе лицемѣрно, ибо общее заблужденіе не продолжилось!

Безразсудность Лжедимитрія.

Первымъ врагомъ Лжедимитрія былъ самъ онъ, легкомысленный и вспыльчивый отъ природы, грубый отъ худаго воспитанія, — надменный, безразсудный и неосто-

рожный отъ счастія: Удивляя Бояръ остротою и живостію ума въ дѣлахъ государственныхъ, Державный юношлецъ часто забывался: оскорблялъ ихъ своими насмѣшками, упрекалъ невѣжествомъ, дразнилъ хвалою иноземцевъ, и твердилъ, что Россіяне должны быть ихъ учениками, ѣздить въ чужія земли, видѣть, наблюдать, образоваться и заслужить имя людей (387). Польша не сходила у него съ языка. Онъ распустилъ своихъ иностранныхъ тѣлохранителей, но исключительно ласкалъ Поляковъ, только имъ давалъ всегда свободный къ себѣ доступъ, съ ними обходился дружески и совѣтовался какъ съ ближними; взялъ даже въ Тайные Царскіе Секретари двухъ Ляховъ Бучинскихъ (388). Россійскіе Вельможи, измѣнивъ закону и чести, лишились права на уваженіе, но хотѣли его отъ того, кому они пожертвовали закономъ и честію: самолюбіе не безмолвствуетъ и въ стыдѣ и въ молчаніи совѣсти. Только одинъ Россіянинъ отъ начала до конца пользовался довѣренностію и дружбою Самозванца: всѣхъ виновнѣйшій Басмановъ; но и сей несчастный ошибся: видѣлъ себя единственно любимцемъ, а не руководителемъ Лжедимитрія, который не для того искалъ престола, чтобы сидѣть на немъ всегдашнимъ ученикомъ Басманова: иногда спрашивался, иногда слушалъ его, но чаще дѣйствовалъ вопреки наставнику, по собственному уму или безумію. Грубостію огорчая Бояръ, Самозванецъ допускалъ ихъ однакожь въ разговорахъ съ нимъ до воль-

ности необыкновенной и несогласной съ мыслями Россіянъ о высокости Царскаго сана, такъ, что Бояре, имъ неуважаемые, и сами уважали его менѣе прежнихъ Государей (389).

Самозванецъ скоро охладилъ къ себѣ и любовь народную своимъ явнымъ неблагоразуміемъ. Снискавъ нѣкоторыя познанія въ школѣ и въ обхожденіи съ знатными Ляхами, онъ считалъ себя мудрецомъ, смѣялся надъ мнимымъ суевѣріемъ набожныхъ Россіянъ и, къ великому ихъ соблазну, не хотѣлъ креститься предъ иконами; не велѣлъ также благословлять и кропить Святою водою Царской трапезы, садясь за обѣдъ не съ молитвою, а съ музыкою (390). Не менѣе соблазнялись Россіяне и благоволеніемъ его къ Іезуитамъ, коимъ онъ въ священной оградѣ Кремлевской далъ лучшій домъ и позволилъ служить Латинскую Обѣдню (391). Страстный къ обычаямъ иноземнымъ, вѣтреный Лжедимитрій не думалъ слѣдовать Русскимъ: желалъ во всемъ уподобляться Ляху, въ одеждѣ и въ прическѣ, въ походкѣ и въ тѣлодвиженіяхъ (392); ѣлъ телятину, которая считалась у насъ заповѣднымъ, грѣшнымъ ястівомъ; не могъ терпѣть бани, и никогда не ложился спать послѣ обѣда (какъ издревле дѣлали всѣ Россіяне отъ Вѣнценосца до мѣщанина), но любилъ въ сіе время гулять: украдкою выходилъ изъ дворца, одинъ или самъ другъ; бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто, къ художникамъ, золотарямъ, Аптекарямъ (393); а царедворцы, не зная, гдѣ Царь, вездѣ искали его съ

беспокойствомъ и спрашивали объ немъ на улицахъ: чему дивились Москвитяне, дотолѣ видавъ Государей только въ пышности, окруженныхъ на каждомъ шагу толпою знатныхъ сановниковъ. Всѣ забавы и склонности Лжедимитріевы казались странными: онъ любилъ ѣздить верхомъ на дикихъ, бѣшеныхъ жеребцахъ, и собственною рукою, въ присутствіи Двора и народа, бить медвѣдей ([394]); самъ испытывалъ новыя пушки и стрѣлялъ изъ нихъ въ цѣль съ рѣдкою мѣткостію; самъ училъ воиновъ, строилъ, бралъ приступомъ земляныя крѣпости, кидался въ свалку, и терпѣлъ, что иногда толкали его небрежно, сшибали съ ногъ, давили ([395]) — то есть, хвалился искусствомъ всадника, звѣролова, пушкаря, бойца, забывая достоинство Монарха. Онъ не помнилъ сего достоинства и въ дѣйствіяхъ своего нрава вспыльчиваго: за малѣйшую вину, ошибку, неловкость, выходилъ изъ себя ([396]) и бивалъ палкою знатнѣйшихъ воинскихъ чиновниковъ — а низость въ Государѣ противнѣе самой жестокости для народа. Осуждали еще въ Самозванцѣ непомѣрную расточительность: онъ сыпалъ деньгами и награждалъ безъ ума; давалъ иноземнымъ музыкантамъ жалованье, какого не имѣли и первые государственные люди; любя роскошь и великолѣпіе, непрестанно покупалъ, заказывалъ всякія драгоцѣнныя вещи, и мѣсяца въ три издержалъ болѣе семи милліоновъ рублей ([397]) — а народъ не любитъ расточительности въ Государяхъ, ибо стра-

шится налоговъ. Описывая тогдашній блескъ Московскаго Двора, иноземцы съ удивленіемъ говорятъ о Лжедимитріевомъ престолѣ, вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣшенномъ кистями алмазными и жемчужными, утвержденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ и покрытомъ крестообразно четырьмя богатыми щитами, надъ коими сіялъ золотой шаръ и прекрасный орелъ изъ того же металла ([398]). Хотя Разстрига ѣздилъ всегда верхомъ, даже въ церковь, но имѣлъ множество колесницъ и саней окованныхъ серебромъ, обитыхъ бархатомъ и соболями; на гордыхъ Азіятскихъ его коняхъ сѣдла, узды, стремена блистали золотомъ, изумрудами и яхонтами ([399]); возницы, конюхи Царскіе одѣвались какъ Вельможи. Не любя голыхъ стѣнъ въ палатахъ Кремлевскихъ, находя ихъ печальными, и сломавъ деревянный дворецъ Борисовъ какъ памятникъ ненавистный ([400]), Самозванецъ построилъ для себя, ближе къ Москвѣ-рѣкѣ, новый дворецъ, также деревянный ([401]), украсилъ стѣны шелковыми Персидскими тканями, цвѣтныя израсцовыя печи серебряными решетками, замки у дверей яркою позолотою, и въ удивленіе Москвитянамъ предъ симъ любимымъ своимъ жилищемъ поставилъ изваянный образъ адскаго стража, мѣднаго огромнаго Цербера, коего три челюсти, отъ легкаго прикосновенія, разверзались и брящали ([402]): «чѣмъ Лжедимитрій,» какъ сказано въ лѣтописи, «предвѣстилъ себѣ жилище въ вѣчности: адъ и тьму кромѣшнюю!»

Дѣйствуя вопреки нашимъ обычаямъ и благоразумію, Лжедимитрій презиралъ и святѣйшіе законы нравственности: не хотѣлъ обуздывать вожделѣній грубыхъ, и пылая сластолюбіемъ, явно нарушалъ уставы цѣломудрія и пристойности, какъ бы съ намѣреніемъ уподобиться тѣмъ мнимому своему родителю; безчестилъ женъ и дѣвицъ, Дворъ, семейства и святыя Обители дерзостію разврата, и не устыдился дѣла гнуснѣйшаго изъ всѣхъ его преступленій: убивъ мать и брата Ксеніи, взялъ ее себѣ въ наложницы (403). Красота сей несчастной Царевны могла увянуть отъ горести; но самое отчаяніе жертвы, самое злодѣйство неистовое казалось прелестію для изверга, который симъ однимъ мерзостнымъ безстудствомъ заслужилъ свою казнь, почти сопредѣльную съ торжествомъ его... Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ксенію постригли, назвали Ольгою и заключили въ пустынѣ на Бѣлѣозерѣ, близъ монастыря Кириллова.

Дѣла гнусныя.

Постриженіе Ксеніи.

Но Самозванецъ подъ личиною Димитрія, вѣроятно, могъ бы еще долго безумствовать и злодѣйствовать въ вѣнцѣ Мономаховомъ, если бы сія, какъ бы волшебная личина не спала съ него въ глазахъ народа: столь велико было усердіе Россіянъ къ древнему племени Державному! Заблужденіе возвысило бродягу: истина

долженствовала низвергнуть обманщика. Не одинъ удаленный Іовъ зналъ бѣглеца Чудовскаго въ Москвѣ: надѣялся ли Разстрига казаться другимъ человѣкомъ, старaясь казаться Полуляхомъ, и черную ризу Инока премѣнивъ на Царскую? или, ослѣпленный счастіемъ, уже не видалъ для себя опасности, имѣя въ рукахъ своихъ власть съ грозою и считая Россіянъ стадомъ овецъ безсловесныхъ? или дерзостію мыслилъ уменьшить сію опасность, поколебать удостовѣреніе, сомкнуть уста робкой истинѣ? Онъ не думалъ скрываться, и смѣло смотрѣлъ въ глаза всякому любопытному на улицахъ; не ходилъ только въ святую Обитель Чудовскую, мѣсто непріятныхъ для него знакомствъ и воспоминаній. И такъ не удивительно, что въ самомъ началѣ новаго царствованія, когда Москва еще гремѣла хвалою Димитрія, уже многіе люди шептали между собою о дѣйствительномъ сходствѣ его съ Діакономъ Григоріемъ; хвала умолкала отъ безразсудности и худыхъ дѣлъ Царя, а шепотъ становился внятнѣе — и скоро взволновалъ столицу. Первымъ уличителемъ и первою жертвою былъ Инокъ, который сказалъ всенародно, что мнимый Димитрій извѣстенъ ему съ дѣтскихъ лѣтъ подъ именемъ Отрепьева, учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ (404): Инока тайно умер-

Шепотъ о Разстригѣ.

Обличенія.

твили въ темницѣ. Нашелся и другой, опаснѣйшій свидѣтель истины — тотъ, кому Судьба вручала месть праведную, но коего часъ еще не наступилъ: Князь Василій Шуйскій. Въ смятеніи ужаса признавъ бродягу Царемъ, вмѣстѣ съ иными Боярами, онъ менѣе всѣхъ могъ извиняться заблужденіемъ, ибо собственными глазами видѣлъ Іоаннова сына во гробѣ. Терзаясь ли горестію и стыдомъ, или имѣя уже дальновидные тайные замыслы властолюбія, Шуйскій не долго безмолвствовалъ въ столицѣ: сказалъ ближнимъ, друзьямъ, пріятелямъ, что Россія у ногъ обманщика; внушалъ и народу, чрезъ своихъ повѣренныхъ, купца Ѳедора Конева и другихъ, что Годуновъ и Святитель Іовъ объявляли совершенную правду о Самозванцѣ, еретикѣ, орудіи Ляховъ и Папистовъ (405). Еще Лжедимитрій имѣлъ многихъ ревностныхъ слугъ: Басмановъ узналъ, и донесъ ему о семъ ковѣ, опасномъ знатностію виновника. Взяли Шуйскаго съ братьями подъ стражу и велѣли судить, какъ дотолѣ еще никого не судили въ Россіи: Соборомъ, избраннымъ людямъ всѣхъ чиновъ и званій. Лѣтописецъ увѣряетъ, что Князь Василій въ семъ единственномъ случаѣ жизни своей явилъ себя Героемъ: не отрицался; смѣло, великодушно говорилъ истину, къ искреннему и лицемѣрному ужасу судей, которые хо-

Шуйскій.

тѣли заглушить ее воплемъ, проклиная такія хулы на Вѣнценосца. Шуйскаго пытали: онъ молчалъ; не назвалъ никого изъ соумышленниковъ, и былъ одинъ приговоренъ къ смертной казни: братьевъ его лишали только свободы. Въ глубокой тишинѣ народъ тѣснился вокругъ Лобнаго мѣста ([406]), гдѣ стоялъ осужденный Бояринъ (какъ бывало въ Іоанново время!) подлѣ сѣкиры и плахи, между дружинами воиновъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ; на стѣнахъ и башняхъ Кремлевскихъ также блистало оружіе, для устрашенія Москвитянъ, и Петръ Басмановъ, держа бумагу, читалъ народу отъ имени Царскаго: «Великій Бояринъ, Князь Василій Ивановичъ «Шуйскій, измѣнилъ мнѣ, законному Государю «вашему, Димитрію Іоанновичу всея Россіи; ко«варствовалъ, злословилъ, ссорилъ меня съ ва«ми, добрыми подданными: называлъ Лжеца«ремъ; хотѣлъ свергнуть съ престола. Для того «осужденъ на казнь: да умретъ за измѣну и вѣ«роломство!» Народъ безмолвствовалъ въ горести, издавна любя Шуйскихъ, и пролилъ слезы, когда несчастный Князь Василій, уже обнажаемый палачемъ, громко воскликнулъ къ зрителямъ: «братья! умираю за истину, за Вѣру «Христіанскую и за васъ» ([407])! Уже голова осужденнаго лежала на плахѣ... Вдругъ слышатъ крикъ: *стой!* и видятъ Царскаго чиновника, скачущаго изъ Кремля къ Лобному мѣсту, съ Указомъ въ рукѣ: объявляютъ помилованіе Шуйскому! Тутъ вся площадь закипѣла въ не-

описанномъ движеніи радости: славили Царя, какъ въ первый день его торжественнаго вступленія въ Москву; радовались и вѣрные приверженники Самозванца, думая, что такое милосердіе даетъ ему новое право на любовь общую; негодовали только дальновиднѣйшіе изъ нихъ, и не ошиблись (408): могъ ли забыть Шуйскій пытки и плаху? Узнали, что не вѣтреный Лжедимитрій вздумалъ тронуть сердца симъ неожиданнымъ дѣйствіемъ великодушія, но что Царица-Инокиня слезнымъ моленіемъ убѣдила мнимаго сына не казнить врага, который искалъ головы его (409). Совѣсть, вѣроятно, терзала сію несчастную пособницу обмана: спасая мученика истины, Мароа надѣялась уменьшить грѣхъ свой предъ людьми и Богомъ. Вмѣстѣ съ нею ходатайствовали за осужденнаго и нѣкоторые Ляхи, видя, сколь живое участіе принимали Москвитяне въ судьбѣ его, и желая снискать тѣмъ ихъ благодарность. — Всѣхъ трехъ Шуйскихъ, Князя Василія, Димитрія, Ивана, сослали въ пригороды Галицкіе; имѣніе ихъ описали, домы опустошили.

Тогда же разгласилось въ Москвѣ и свидѣтельство многихъ Галичанъ, единоземцевъ и самыхъ ближнихъ Григорія Отрепьева: дяди, брата и даже матери, добросовѣстной вдовы Варвары (410): они видѣли его, узнали, и не хотѣли молчать. Ихъ заключили; а дядю, Смирнаго-Отрепьева (въ 1604 году ѣздившаго къ Сигизмунду для уличенія племянника), сослали въ Си-

бирь. Схватили еще Дворянина Петра Тургенева и мѣщанина Ѳедора, которые явно возмущали народъ противъ Лжецаря. Самозванецъ велѣлъ казнить обоихъ торжественно, и съ удовольствіемъ видѣлъ, что народъ, благодарный ему за помилованіе Шуйскаго, не изъявлялъ чувствительности къ великодушію сихъ двухъ страдальцевъ: оба шли на смерть безъ ужаса и раскаянія, громогласно именуя Лжедимитрія Антихристомъ и любимцемъ Сатаны (411), жалѣя о Россіи и предсказывая ей бѣдствіе; чернь ругалась надъ ними, восклицая: «умираете за дѣло!» Съ сего времени не умолкали доносы, справедливые и ложные, какъ въ Борисово царствованіе: ибо Самозванецъ, дотолѣ желавъ хвалиться милосердіемъ, уже слѣдовалъ инымъ правиламъ: хотѣлъ грозою унять дерзость, и для того благопріятствовалъ извѣтамъ. Пытали, казнили, душили въ темницахъ, лишали имѣнія, ссылали за слово о Разстригѣ. По такимъ ли доносамъ, или единственно опасаясь нескромности своихъ старыхъ пріятелей, Лжедимитрій велѣлъ удалить многихъ Чудовскихъ Иноковъ въ другія пустынныя Обители, хотя (что достойно замѣчанія) оставилъ въ покоѣ Крутицкаго Митрополита Пафнутія (412), который съ перваго взгляда узналъ въ немъ Діакона Григорія, бывъ въ сіе время Архимандритомъ сего монастыря, но, какъ вѣроятно, лицемѣрнымъ или безсовѣстнымъ изъявленіемъ усердія къ Самозванцу спасъ себя отъ гоненія. Молчали и другіе въ боязни, такъ,

что столица казалась тихою. Но Разстрига сдѣлался осторожнѣе, и явно не довѣряя Москвитянамъ, снова окружилъ себя иноплеменниками (413): выбралъ 300 Нѣмцевъ въ свои тѣлохранители, раздѣлилъ ихъ на три особенныя дружины подъ начальствомъ *Капитановъ*: Француза Маржерета, Ливонца Кнутсена и Шотландца Вандемана; одѣлъ весьма богато, въ камку и бархатъ, вооружилъ алебардами и протазанами, секирами и бердышами съ золотыми орлами на древкахъ, съ кистями золотыми и серебряными; далъ каждому воину, сверхъ помѣстья, отъ 40 до 70 рублей денежнаго жалованья — и съ того времени уже никуда не ѣздилъ и не ходилъ одинъ, всюду провождаемый сими грозными тѣлохранителями; за коими только вдали слѣдовали Бояре и царедворцы (414). Мѣра достойная бродяги, игрою Судьбы вознесеннаго на степень Державства: триста иноземныхъ секиръ и копій должны были спасать его отъ предполагаемой измѣны цѣлаго народа и ожесточали воиновъ, безполезно раздражаемыхъ знаками недовѣрія обиднаго! Между тѣмъ Лжедимитрій хотѣлъ веселья: музыка, пляска и ловли были ежедневною забавою Двора. Угождая вкусу Царя къ пышности, всѣ знатные и не знатные старались блистать одеждою богатою (415). Всякій день казался праздникомъ. «Многіе пла-

Нѣмцы тѣлохранители.

Пышность и веселья.

кали въ домахъ, а на улицахъ казались веселыми и нарядными женихами,» говоритъ Лѣтописецъ. Смиренный видъ и смиренная одежда для людей неубогихъ считались знакомъ худаго усердія къ Царю веселому и роскошному, который симъ призракомъ благосостоянія желалъ увѣрить Россію въ ея златомъ вѣкѣ подъ державою обманщика.

Посольство въ Литву за невѣстою.

Утишивъ ([416]), какъ онъ думалъ, Москву, Лжедимитрій спѣшилъ исполнить обѣтъ, данный его благодарностію, сердцемъ или Политикою: предложить руку и вѣнецъ Маринѣ, которая любовію и довѣренностію къ бродягѣ заслуживала честь сидѣть съ нимъ на тронѣ. Сношенія между Воеводою Сендомирскимъ и нареченнымъ его зятемъ не прерывались: Самозванецъ увѣдомлялъ Мнишка о всѣхъ своихъ успѣхахъ, называлъ всегда отцемъ и другомъ; писалъ къ нему изъ Путивля, Тулы, Москвы; а Воевода писалъ не только къ Самозванцу, но и къ Боярамъ Московскимъ, требуя ихъ признательности такими словами: «Способствовавъ счастію Димитрія, я готовъ «стараться, чтобы оно было и счастіемъ «Россіи, побуждаемый къ сему моею всегдашнею къ ней любовію, и надеждою на «вашу благодарность, когда вы увидите мое «ревностное о васъ ходатайство предъ Трономъ, и будете имѣть новыя выгоды, но

«выя важныя права, неизвѣстные донынѣ «въ Московскомъ Государствѣ» (417). Наконецъ (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ) Лжедимитрій послалъ Великаго Секретаря и Казначея, Аѳанасія Власьева, въ Краковъ для торжественнаго сватовства, давъ ему грамоту къ Сигизмунду и другую отъ Царицы-Инокини Мареы къ отцу невѣстину. Могли ли Россіяне одобрить сей бракъ съ иновѣркою, хотя и знатнаго, но не Державнаго племени, — съ удовольствіемъ видѣть спесиваго Пана тестемъ Царскимъ, ждать къ себѣ толпу его ближнихъ, не менѣе спесивыхъ, и раболѣпно чтить въ нихъ свойство съ Вѣнценосцемъ, который избраніемъ чужеземной невѣсты оказывалъ презрѣніе ко всѣмъ благороднымъ Россіянкамъ? Самозванецъ, вопреки обычаю, даже и не извѣстилъ Бояръ о семъ важномъ дѣлѣ (418): говорилъ, совѣтовался единственно съ Ляхами. Но, легкомысленно досаждая Россіянамъ, онъ въ тоже время не вполнѣ удовлетворялъ и желаніямъ своихъ друзей иноземныхъ.

Неудовольствія.

Никто ревностнѣе Нунція Папскаго, Рангони, не служилъ обманщику: пышною грамотою привѣтствуя Лжедимитрія на тронѣ (419), Рангони славилъ Бога и восклицалъ: *мы побѣдили!* льстилъ ему хвалами неумѣренными и надѣялся, что соединеніе Церквей будетъ первымъ изъ его дѣлъ без-

смертныхъ; писалъ: «Изображеніе лица твоего «уже въ рукахъ Св. Отца, исполненнаго къ тебѣ «любви и дружества. Не медли изъявить свою «благодарность Главѣ вѣрныхъ... и пріими отъ «меня дары духовные: образъ сильнаго Воево-«ды, Коего содѣйствіемъ ты побѣдилъ и цар-«ствуешь; четки молитвенныя и Библію Латин-«скую, да услаждаешься ея чтеніемъ, и да бу-«дешь вторымъ Давидомъ.» Скоро прибылъ въ Москву и чиновникъ Римскій (420), Графъ Александръ Рангони (племянникъ Нунція) съ *Апостольскимъ благословеніемъ* и съ поздравительною грамотою отъ преемника Климентова, нетерпѣливаго въ желаніи видѣть себя Главою нашей Церкви; но Самозванецъ въ учтивомъ отвѣтѣ, хваляся чудесною къ нему благостію Божіею, истребившею злодѣя, *отцеубійцу* его, не сказалъ ни слова о соединеніи Церквей: говорилъ только о великодушномъ своемъ намѣреніи жить не въ праздности, но вмѣстѣ съ Императоромъ итти на Султана, чтобы стереть Державу невѣрныхъ съ лица земли, убѣждая Павла V не допускать Рудольфа до мира съ Турками: для чего хотѣлъ отправить въ Австрію и собственнаго Посла. Лжедимитрій писалъ и вторично къ Папѣ, обѣщая доставить безопасность его Миссіонаріямъ на пути ихъ чрезъ Россію въ Персію и *быть вѣрнымъ въ исполненіи даннаго ему слова*; посылалъ и самъ Іезуита Андрея Лавицкаго въ Римъ, но, кажется, болѣе для государственнаго, нежели Церковнаго дѣла: для переговоровъ о войнѣ

Турецкой, которую онъ дѣйствительно замышлялъ, плѣняясь въ воображеніи ея славою и пользою. Надменный счастіемъ, рожденный смѣлымъ и съ любовію къ опасностямъ, Самозванецъ въ круженіи легкой головы своей уже не былъ доволенъ Государствомъ Московскимъ: хотѣлъ завоеваній и Державъ новыхъ (421)! Сія ревность еще сильнѣе воспылала въ немъ отъ донесенія Воеводъ Терскихъ, что ихъ Стрѣльцы и Козаки одержали верхъ въ сшибкѣ съ Турками, и что нѣкоторые данники Султанскіе въ Дагестанѣ присягнули Россіи (422). Издавна проповѣдуя въ Европѣ необходимость всеобщаго возстанія Державъ Христіанскихъ на Оттоманскую, могъ ли Римъ не одобрить намѣренія Лжедимитріева? Папа славилъ Царя-Героя, совѣтуя ему только начать съ ближайшаго: съ Тавриды, чтобы истребленіемъ гнѣзда злодѣйскаго, столь бѣдоноснаго для Россіи и Польши, *отрѣзать крылья и правую руку* у Султана въ войнѣ съ Императоромъ; однакожь имѣлъ причину не довѣрять ревности Самозванца къ Латинской Церкви, видя, какъ онъ въ письмахъ своихъ избѣгаетъ всякаго *яснаго* слова о Законѣ. Кажется, что Самозванецъ охладѣлъ въ усердіи сдѣлать Россіянъ Папистами: ибо, не взирая на свойственную ему безразсудность, усмотрѣлъ опасность сего нелѣпаго замысла, и едва ли бы рѣшился приступить къ исполненію онаго, если бы и долѣе царствовалъ.

Скоро увидѣлъ и главный благодѣтель Лже-

димитріевъ, Сигизмундъ лукавый, что счастіе и престолъ измѣнили тому, кто еще недавно въ восторгѣ любызалъ его руку, безмолвствовалъ и воздыхалъ предъ нимъ, какъ рабъ униженный (423). Бывъ непосредственнымъ виновникомъ успѣховъ Самозванца — оказавъ бродягѣ честь сына Царскаго, давъ ему деньги, воиновъ и тѣмъ склонивъ народъ Сѣверскій вѣрить обману — Сигизмундъ весьма естественно ждалъ благодарности, и чрезъ Секретаря своего, Госѣвскаго, привѣтствуя новаго Царя (424), нескромно требовалъ, чтобы Лжедимитрій выдалъ ему Шведскихъ Пословъ, если они будутъ въ Москву отъ *мятежника* Карла. Госѣвскій, бесѣдуя съ Царемъ наединѣ, объявилъ за тайну, что Король встревоженъ молвою удивительною. «Недавно» (говорилъ сей чиновникъ) «выѣхалъ къ намъ изъ Россіи одинъ Приказный, который увѣряетъ, что Борисъ живъ; «устрашенный твоими побѣдами, и слѣдуя «наставленію волхвовъ, онъ уступилъ Державу сыну, юному Ѳеодору, притворился «мертвымъ, и велѣлъ торжественно, вмѣсто «себя, схоронить другаго человѣка, опоен«наго ядомъ; а самъ взявъ множество зо«лота, съ вѣдома одной Царицы и Семена «Годунова бѣжалъ въ Англію, называясь «купцемъ. Поручивъ надежнымъ людямъ «развѣдать въ Лондонѣ, дѣйствительно ли

Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ.

«укрывается тамъ опасный злодѣй твой,
«Сигизмундъ, какъ истинный другъ, счелъ
«за нужное предостеречь тебя, и думая,
«что вѣрность Россіянъ еще сомнительна,
«даетъ указъ нашимъ Литовскимъ Воево-
«дамъ быть въ готовности для твоей за-
«щиты.» Сія сказка не испугала Лжедими-
трія: онъ благодарилъ Короля, но отвѣт-
ствовалъ, что въ смерти Борисовой не
сомнѣвается; что готовъ быть недругомъ
Королю Шведскому, но прежде хочетъ
удостовѣриться въ искренней дружбѣ Си-
гизмунда, который, вопреки ласковымъ
словамъ, уменьшаетъ данное ему Богомъ
достоинство: ибо Сигизмундъ въ пись-
мѣ своемъ назвалъ его Господаремъ и Ве-
ликимъ Княземъ, а не *Царемъ*. Самозва-
нецъ же хотѣлъ не только сего титула, но
и новаго, пышнѣйшаго: вздумалъ имено-
вать себя *Цесаремъ*, и даже *непобѣдимымъ*,
мечтая о своихъ будущихъ побѣдахъ (425)!
Узнавъ о такомъ гордомъ требованіи, Си-
гизмундъ изъявилъ досаду, и Вельможные
Паны упрекали недавняго бродягу смѣш-
нымъ высокоуміемъ, злою неблагодарно-
стію, а Лжедимитрій писалъ въ Варшаву,
что онъ не забылъ добрыхъ услугъ Сигиз-
мундовыхъ, чтитъ его какъ брата, какъ
отца; желаетъ утвердить съ нимъ союзъ,
но не престанетъ требовать Цесарскаго ти-
тула, хотя и не мыслитъ грозить ему за то

Титулъ Цесаря.

войною (426). Люди благоразумные, особенно Мнишекъ и Нунцій Папскій, тщетно доказывали Самозванцу, что Король называетъ его такъ, какъ Государи Польскіе всегда называли Государей Московскихъ, и что Сигизмунду не льзя перемѣнить сего обыкновенія безъ согласія Чиновъ Республики. Другіе же, не менѣе благоразумные люди думали, что Республика не должна ссориться за пустое имя съ хвастливымъ другомъ, который можетъ быть ей орудіемъ для усмиренія Шведовъ; но Паны не хотѣли слышать о новомъ титулѣ, и Воевода Познанскій сказалъ въ гнѣвѣ одному чиновнику Россійскому (427): «Богъ не любитъ гордыхъ, и *непо-«бѣдимому* Царю вашему не усидѣть на тронѣ!» — Сей жаркій споръ не мѣшалъ однакожь успѣху въ дѣлѣ сватовства.

1 Ноября (428) *Великій Посолъ* Царскій, Аѳонасій Власьевъ, со многочисленною благородною дружиною пріѣхалъ въ Краковъ и былъ представленъ Сигизмунду: говорилъ сперва о счастливомъ воцареніи Іоаннова сына, о славѣ низвергнуть Державу Оттоманскую, завоевать Грецію, Іерусалимъ, Виѳлеемъ и Виѳанію, а послѣ о намѣреніи Димитрія раздѣлить престолъ съ Мариною, изъ благодарности за важныя услуги, оказанныя ему, во дни его несгоды и печали, знаменитымъ ея родителемъ (429). 12 Ноября, въ присутствіи Сигизмунда, сына его Владислава и сестры, Шведской Королевны Анны, совершилось торжественное обрученіе (воспѣтое

въ стихахъ Пиндарическихъ (430) Іезуитомъ Гроховскимъ). Марина, съ короною на головѣ, въ бѣлой одеждѣ, унизанной каменьями драгоцѣнными, блистала равно и красотою и пышностію. Именемъ Мнишка сказавъ Власьеву (который заступалъ мѣсто жениха), что отецъ благословляетъ дочь на бракъ и Царство, Литовскій Канцлеръ Сапѣга говорилъ длинную рѣчь, также и Панъ Ленчицкій и Кардиналъ, Епископъ Краковскій, славя «достоинства, воспитаніе и знатный родъ Марины, *вольной «дворянки Государства вольнаго*, — честность Димитрія въ исполненіи даннаго «имъ обѣта, — счастіе Россіи имѣть законнаго отечественнаго Вѣнценосца, вмѣсто «иноземнаго или похитителя, и видѣть «искреннюю дружбу между Сигизмундомъ «и Царемъ, который безъ сомнѣнія не «будетъ примѣромъ неблагодарности, зная, «чѣмъ обязанъ Королю и Королевству «Польскому.» Кардиналъ и знатнѣйшіе духовные сановники пѣли молитву: veni Creator; всѣ преклонили колѣна; но Власьевъ стоялъ — и едва не произвелъ смѣха, на вопросъ Епископа: «не обрученъ ли «Димитрій съ другою невѣстою?» отвѣтствуя: *а мнѣ какъ знать? того у меня нѣтъ въ наказѣ* (431). Мѣняясь перстнями, онъ вынулъ Царскій изъ ящика, съ однимъ большимъ алмазомъ, и вручилъ Кардиналу;

Обрученіе.

а самъ не хотѣлъ голою рукою взять невѣстина перстня. По совершеніи священныхъ обрядовъ былъ великолѣпный столъ у Воеводы Сендомирскаго, и Марина сидѣла подлѣ Короля, принимая отъ Россійскихъ чиновниковъ дары своего жениха: богатый образъ Св. Троицы, благословеніе Царицы-Инокини Маѳы; перо изъ рубиновъ; чашу гіацинтовую; золотой корабль, осыпанный многими драгоцѣнными каменьями; золотаго быка, пеликана и павлина; какія-то *удивительныя* часы съ флейтами и трубами; слишкомъ три пуда жемчугу, 640 рѣдкихъ соболей, кипы бархатовъ, парчей, штофовъ, атласовъ (132), и проч. и проч. Между тѣмъ Власьевъ, желая быть почтительнымъ, не хотѣлъ садиться за столъ съ Мариною, ни пить, ни ѣсть, и худо разумѣя, что онъ представляетъ лице Димитрія, билъ челомъ въ землю, когда Сигизмундъ и семейство его пили за здоровье Царя и *Царицы*: уже такъ именовали невѣсту обрученную. Послѣ обѣда, Король, Владиславъ и Шведская Принцесса Анна танцовали съ Мариною; а Власьевъ уклонился отъ сей чести, говоря: «дерзну ли «коснуться Ея Величества!» Наконецъ, прощаясь съ Сигизмундомъ, Марина упала къ ногамъ его и плакала отъ умиленія, къ неудовольствію Посла, который видѣлъ въ томъ униженіе для будущей супруги Московскаго Вѣнценосца; но ему отвѣтствовали, что Сигизмундъ Государь ея, ибо она еще въ Краковѣ. Поднявъ Марину съ ласкою, Король сказалъ ей: «Чудесно возвышен-

«ная Богомъ, не забудь, чѣмъ ты обязана «странѣ своего рожденія и воспитанія, — «странѣ, гдѣ оставляешь ближнихъ, и гдѣ «нашло тебя счастіе необыкновенное. Пи«тай въ супругѣ дружество къ намъ и бла«годарность за сдѣланное для него мною и «твоимъ отцемъ. Имѣй страхъ Божій въ «сердцѣ, чти родителей и *не измѣняй обы«чаямъ Польскимъ.*» Снявъ съ себя шапку, онъ перекрестилъ Марину, собственными руками отдалъ Послу и дозволилъ Воеводѣ Сендомирскому ѣхать съ нею въ Россію; а Власьевъ, немедленно отправивъ къ Самозванцу перстень невѣсты и живописное изображеніе лица ея, жилъ еще нѣсколько дней въ Краковѣ, чтобы праздновать Сигизмундово бракосочетаніе съ Австрійскою Эрцгерцогинею, и (8 Декабря) выѣхалъ въ Слонимъ, ожидать тамъ Мнишка и Марину на пути ихъ въ Россію (433); но ждалъ долго.

Пожертвовавъ Самозванцу знатною частію своего богатства, Воевода Сендомирскій не былъ доволенъ одними дарами: требовалъ отъ него денегъ, чтобы расплатиться съ заимодавцами, и не хотѣлъ безъ того выѣхать изъ Кракова (434); скучалъ, досадовалъ и тревожился худою молвою о будущемъ зятѣ. Въ Краковѣ знали, что дѣлалось въ Москвѣ; знали о негодованіи Россіянъ, и многіе не вѣрили ни Царскому

Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ.

происхожденію Лжедимитрія, ни долговременности его счастія; говорили о томъ всенародно, предостерегали Короля и Мнишка. Сама Царица-Инокиня Мароа, какъ увѣряютъ, тайно велѣла чрезъ одного Шведа объявить Сигизмунду, что мнимый Димитрій не есть сынъ ея (435). Даже и чиновники Россійскіе, присылаемые гонцами въ Польшу, шептали на ухо любопытнымъ о Царѣ беззаконномъ, и предсказывали неминуемый скорый ему конецъ. Но Сигизмундъ и Мнишекъ не вѣрили такимъ рѣчамъ или показывали, что не вѣрятъ, желая приписывать ихъ единственно внушеніямъ тайныхъ злодѣевъ Царя, друзей Годунова и Шуйскаго. Во всякомъ случаѣ уже не время было думать о разрывѣ съ тѣмъ, кто звалъ на престолъ Марину и честно вознаграждалъ отца ея за всѣ его убытки: ибо, наконецъ (въ Генварѣ 1606), Секретарь *Янъ* Бучинскій привезъ изъ Москвы 200 тысячь злотыхъ Мнишку, сверхъ ста тысячь, отданныхъ Лжедимитріемъ Сигизмунду въ уплату суммы, которую занялъ у него Воевода Сендомирскій на ополченіе 1604 года (436). Разстрига изъявлялъ нетерпѣніе видѣть невѣсту; но отецъ ея, занимаясь пышными сборами, еще долго жилъ въ Галиціи, и выѣхалъ, съ толпою своихъ ближнихъ, уже въ распутицу, такъ, что нѣкоторые изъ нихъ отъ худой дороги

г. 1606. Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы.

возвратились ([437]), — къ ихъ счастію: ибо въ Москвѣ уже все изготовилось къ страшному дѣйствію народной мести.

Происшествія въ Москвѣ.

Оградивъ себя иноземными тѣлохранителями, и видя тишину въ столицѣ, уклончивость, низость при Дворѣ, Лжедимитрій совершенно успокоился; вѣрилъ какому-то предсказанію, что ему властвовать 34 года ([438]), и пировалъ съ Боярами на ихъ свадьбахъ ([439]), дозволивъ имъ свободно выбирать себѣ невѣстъ и жениться: чего не было въ царствованіе Годунова, и чѣмъ воспользовался, хотя уже и не въ молодыхъ лѣтахъ, знатнѣйшій Вельможа Князь Мстиславскій, за коего Самозванецъ выдалъ двоюродную сестру Царицы-Инокини Мареы. Казалось, что и Москва искренно веселилась съ Царемъ: никогда не бывало въ ней столько пировъ и шума; никогда не видали столько денегъ въ обращеніи: ибо Нѣмцы, Ляхи, Козаки, сподвижники Лжедимитрія, отъ щедротъ его сыпали золотомъ ([440]), къ немалой выгодѣ Московскаго купечества, и хвастаясь богатствомъ, по словамъ Лѣтописца, не только ѣли, пили, но и въ баняхъ мылись изъ серебряныхъ сосудовъ. Въ сіи веселые дни Самозванецъ, расположенный къ дѣйствіямъ милости, простилъ Шуйскихъ, чрезъ шесть мѣсяцевъ ссылки ([441]): возвратилъ имъ богатство и знатность, въ удовольствіе ихъ

Возвращеніе Шуйскихъ.

многочисленныхъ друзей, которые умѣли хитро ослѣпить его прелестію такого великодушія, и, вѣроятно, уже не безъ намѣренія, гибельнаго для Лжецаря. Всѣми уважаемый какъ первостепенный мужъ государственный и потомокъ Рюриковъ, Василій Шуйскій былъ тогда идоломъ народа, прославивъ себя неустрашимою твердостію въ обличеніи Самозванца: пытки и плаха дали ему, въ глазахъ Россіянъ, блистательный вѣнецъ Героя-мученика, и никто изъ Бояръ не могъ, въ случаѣ народнаго движенія, имѣть столько власти надъ умами, какъ сей Князь, равно честолюбивый, лукавый и смѣлый. Давъ на себя письменное обязательство въ вѣрности Лжедимитрію (442), онъ возвратился въ столицу, по видимому инымъ человѣкомъ: казался усерднѣйшимъ его слугою, и снискалъ въ немъ особенную довѣренность, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ближнихъ людей Самозванца, которые говорили, что можно изъ милосердія, иногда одобряемаго Политикою, не казнить измѣнника и клятвопреступника, но безразсудно вѣрить его новой клятвѣ; что Шуйскій, не видавъ отъ Димитрія ничего кромѣ благоволенія, замыслилъ его гибель, а претерпѣвъ отъ него безчестіе, муки, ужасъ смерти, конечно не исполнился любви къ своему карателю, хотя и правосудному: исполнился, вѣроятнѣе, злобы и мести, скрываемыхъ подъ личиною раскаянія. Они говорили истину: Шуйскій возвратился съ тѣмъ, чтобы погибнуть или погубить Лжедимитрія. Но легко-

умный, гордый Самозванецъ, хваляся еще не столько благостію, сколько безстрашіемъ, отвѣтствовалъ, что находя искреннее удовольствіе въ милости, любитъ прощать совершенно, не вспомнитъ, и безъ грѣха не можетъ чего нибудь страшиться, бывъ отъ самой колыбели чудесно и явно хранимъ Богомъ ([445]). Онъ хотѣлъ, чтобы Князь Василій, подобно Мстиславскому, избралъ себѣ знатную невѣсту: Шуйскій выбралъ Княжну Буйносову Ростовскую, свойственницу Нагихъ, и долженъ былъ жениться чрезъ нѣсколько дней послѣ Царской свадьбы — однимъ словомъ, бывъ угодникомъ Іоанновымъ и Борисовымъ, обворожилъ Разстригу нехитраго, сдѣлался его совѣтникомъ, и не для того, чтобы совѣтовать ему доброе!

Лжедимитрій дѣйствовалъ, какъ и прежде: вѣтрено и безразсудно; то желалъ снискать любовь Россіянъ, то умышленно оскорблялъ ихъ. Современники разсказываютъ слѣдующее происшествіе: «Онъ велѣлъ сдѣлать зимою ледяную крѣпость, близъ Вяземы, верстахъ въ тридцати отъ Москвы, и поѣхалъ туда съ своими тѣлохранителями, съ конною дружиною Ляховъ, съ Боярами и лучшимъ воинскимъ Дворянствомъ. Россіянамъ надлежало защищать городокъ, а Нѣмцамъ взять его приступомъ: тѣмъ и другимъ, вмѣсто оружія, дали снѣжные комы. Начался бой, и Самозванецъ, предводительствуя Нѣмцами, первый ворвался въ крѣпость; торжествовалъ побѣду; говорилъ: *такъ возьму*

Азовъ — и хотѣлъ новаго приступа. Но многіе изъ Россіянъ обливались кровію; ибо Нѣмцы, во время схватки, бросая въ нихъ снѣгомъ, бросали и каменьями. Сія худая шутка, оставленная Царемъ безъ наказанія и даже безъ выговора, столь озлобила Россіянъ, что Лжедимитрій, опасаясь дѣйствительной сѣчи между ими (444), тѣлохранителями и Ляхами, спѣшилъ развести ихъ и возвратиться въ Москву.» Ненависть къ иноземцамъ, падая и на пристрастнаго къ нимъ Царя, ежедневно усиливалась въ народѣ отъ ихъ дерзости: на примѣръ, съ дозволенія Лжедимитріева имѣя свободный входъ въ наши церкви, они безчинно гремѣли тамъ оружіемъ, какъ бы готовясь къ битвѣ; опирались, ложились на гробы Святыхъ. Не менѣе жаловались Москвитяне и на Козаковъ, сподвижниковъ Разстригиныхъ: величаясь своею услугою, сіи люди грубые оказывали къ нимъ презрѣніе и называли ихъ въ ругательство Жидами (445); суда не было. — Но самымъ злѣйшимъ врагомъ Лжедимитрія сдѣлалось Духовенство. Какъ бы желая унизить санъ Монашества, онъ срамилъ Иноковъ, въ случаѣ ихъ гражданскихъ преступленій, безчестною торговою казнію; занималъ деньги въ богатыхъ Обителяхъ, и не думалъ платить сихъ долговъ значительныхъ; наконецъ велѣлъ представить себѣ опись имѣнію и всѣмъ доходамъ монастырей, изъявивъ мысль оставить имъ только необходимое для умѣреннаго содержанія Старцевъ, а все прочее взять на жалованье войску (446): то

есть; смѣлый бродяга, бурею кинутый на престолъ шаткій, и новою бурею угрожаемый, хотѣлъ прямо, необыкновенно совершить дѣло, на которое не отважились Государи законные, Іоанны III и IV, въ тишинѣ безспорнаго властвованія и повиновенія неограниченнаго! — Дѣло менѣе важное, но не менѣе безразсудное также возбудило негодованіе Бѣлаго Московскаго Духовенства: Лжедимитрій выгналъ всѣхъ Арбатскихъ и Чертольскихъ Священниковъ изъ ихъ домовъ, чтобы помѣстить тамъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей, которые жили большею частію въ слободѣ Нѣмецкой, слишкомъ далеко отъ Кремля. Пастыри душъ, въ храмахъ торжественно моляся за мнимаго Димитрія, тайно кляли въ немъ врага своего, и шептали прихожанамъ о Самозванцѣ, гонителѣ Церкви и благопріятелѣ всѣхъ ересей: ибо онъ, дозволивъ Іезуитамъ служить Латинскую Обѣдню въ Кремлѣ, дозволялъ и Лютеранскимъ Пасторамъ говорить тамъ проповѣди, чтобы его тѣлохранители не имѣли труда ѣздить для моленія въ отдаленную Нѣмецкую слободу (447).

Самозванецъ Петръ.

Въ сіе время явленіе новаго Самозванца также повредило Разстригѣ въ общемъ мнѣніи. Завидуя успѣху и чести Донцевъ, ихъ братья, Козаки Волжскіе и Терскіе, назвавъ одного изъ своихъ товарищей, мо-

лодаго Козака Илейку, сыномъ Государя Θеодора Іоанновича, Петромъ, и выдумали сказку, что Ирина въ 1592 году разрѣшилась отъ бремени симъ Царевичемъ, коего властолюбивый Борисъ умѣлъ скрыть и подмѣнилъ дѣвочкою (Θеодосіею). Ихъ собралося 4000, къ ужасу путешественниковъ, особенно людей торговыхъ: ибо сіи мятежники, сказывая, что идутъ въ Москву съ Царемъ, грабили всѣхъ купцевъ на Волгѣ, между Астраханью и Казанью, такъ, что добычу ихъ цѣнили въ 300 тысячь рублей ([448]); а Лжедимитрій не мѣшалъ имъ злодѣйствовать, и писалъ къ мнимому Петру — вѣроятно, желая заманить его въ сѣти — что если онъ истинный сынъ Θеодоровъ, то спѣшилъ бы въ столицу, гдѣ будетъ принятъ съ честію. Никто не вѣрилъ новому обманщику; но многіе еще болѣе увѣрились въ самозванствѣ Разстриги, изъясняя одну басню другою; многіе даже думали, что оба Самозванца въ тайномъ согласіи; что Лжепетръ есть орудіе Лжедимитрія; что послѣдній велитъ Козакамъ грабить купцевъ для обогащенія казны своей ([449]), и ждетъ ихъ въ Москву, какъ новыхъ ревностныхъ союзниковъ, для безопаснѣйшаго тиранства надъ Россіянами, ему ненавистными. Илейка дѣйствительно, какъ пишутъ, хотѣлъ воспользоваться ласковымъ приглашеніемъ Разстри-

ги ѣхелъ къ Москвѣ, но узналъ въ Свіяжскѣ, что мнимаго дяди его уже не стало (450).

По всѣмъ извѣстіямъ, возвращеніе Князя Василія Шуйскаго было началомъ великаго заговора и рѣшило судьбу Лжедимитрія, который изготовилъ легкій успѣхъ онаго, досаждая Боярамъ, Духовенству и народу, презирая Вѣру и добродѣтель. Можетъ быть, слѣдуя инымъ, лучшимъ правиламъ, онъ удержался бы на тронѣ и вопреки явнымъ уликамъ въ самозванствѣ; можетъ быть, осторожнѣйшіе изъ Бояръ не захотѣли бы свергнуть Властителя хотя и незаконнаго, но благоразумнаго, чтобы не предать отечества въ жертву безначалію. Такъ, вѣроятно, думали многіе въ первые дни Разстригина царствованія: вѣдая, кто онъ, надѣялись по крайней мѣрѣ, что сей человѣкъ удивительный, одаренный нѣкоторыми блестящими свойствами, заслужитъ счастіе дѣлами достохвальными; увидѣли безуміе — и возстали на обманщика: ибо Москва, какъ пишутъ, уже не сомнѣвалась тогда въ единствѣ Отрепьева и Лжедимитрія (451). Любопытно знать, что самые ближніе люди Разстригины не скрывали истины другъ отъ друга; самъ несчастный Басмановъ въ бесѣдѣ искренней съ двумя Нѣмцами, преданными Лжедимитрію, сказалъ имъ: «вы имѣете въ немъ отца и благоденствуете въ Россіи: молитесь о здра-

Начало заговора.

«віи его вмѣстѣ со мною. Хотя онъ и *не сынъ* «*Іоанновъ*, но Государь нашъ: ибо мы *присягали* «ему, и лучшаго найти не можемъ» ([452]). Такъ Басмановъ оправдывалъ свое усердіе къ Самозванцу. Другіе же судили, что *присяга*, данная въ заблужденіи или въ страхѣ, не есть истинная: сію мысль еще не давно внушали народу друзья Лжедимитріевы, склоняя его измѣнить юному Ѳеодору ([453]); сею же мыслію успокоивалъ и Шуйскій Россіянъ добросовѣстныхъ, чтобы низвергнуть бродягу. Надлежало открыться множеству людей разнаго званія, имѣть сообщниковъ въ Синклитѣ, Духовенствѣ, войскѣ, гражданствѣ. Шуйскій уже испыталъ опасность кововъ, лежавъ на плахѣ отъ нескромности своихъ клевретовъ; но съ того времени общая ненависть ко Лжедимитрію созрѣла и ручалась за вѣрнѣйшее храненіе тайны. По крайней мѣрѣ не нашлося предателей - извѣтниковъ — и Шуйскій умѣлъ, въ глазахъ Самозванца, ежедневно съ нимъ веселясь и пируя, составить заговоръ, коего нить шла отъ Царской Думы чрезъ всѣ степени государственныя до народа Московскаго, такъ, что и многіе изъ ближнихъ людей Отрепьева, выведенные изъ терпѣнія его упрямствомъ въ неблагоразуміи, пристали къ сему кову. Распускали слухи зловредные для Самозванца, истинные и ложные: говорили, что онъ, пылая жаждою кровопролитія безумнаго, въ одно время грозитъ войною Европѣ и Азіи. Лжедимитрій несомнительно думалъ воевать съ

Султаномъ, назначилъ для того Посольство къ Шаху Аббасу ([454]), чтобы пріобрѣсти въ немъ важнаго сподвижника, и велѣлъ дружинамъ Дѣтей Боярскихъ итти въ Елецъ, отправивъ туда множество пушекъ; грозилъ и Швеціи; написалъ къ Карлу: «Всѣхъ сосѣдственныхъ Государей увѣдомивъ о своемъ воцареніи, увѣдомляю тебя единственно о моемъ дружествѣ съ законнымъ Королемъ Шведскимъ, Сигизмундомъ, требуя, чтобы ты возвратилъ ему Державную власть, похищенную тобою вѣроломно, вопреки уставу Божественному, Естественному и Народному Праву — или вооружишь на себя могущественную Россію. Усовѣстись и размысли о печальномъ жребіи Бориса Годунова; такъ Всевышній казнитъ похитителей — казнитъ и тебя» ([455]). Увѣряли еще, что Лжедимитрій вызываетъ Хана опустошать южныя владѣнія Россіи, и желая привести его въ бѣшенство, послалъ къ нему въ даръ шубу изъ свиныхъ кожъ ([456]): басня опровергаемая современными государственными бумагами, въ коихъ упоминается о мирныхъ, дружественныхъ сношеніяхъ Лжедимитрія съ Казы-Гиреемъ и дарахъ обыкновенныхъ. Говорили справедливѣе о намѣреніи или обѣщаніи Самозванца предать нашу Церковь Папѣ и знатную часть Россіи Литвѣ: о чемъ сказывалъ Боярамъ

Посольство къ Шаху.

Собраніе войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю.

Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія.

Дворянинъ Золотой-Кравнинъ, бѣглецъ Іоаннова времени, который долго жилъ въ Польшѣ (457). Говорили, что Разстрига ждетъ только Воеводы Сендомирскаго съ новыми шайками Ляховъ для исполненія своихъ умысловъ, гибельныхъ для отечества. Уже начальники заговора хотѣли было приступить къ дѣлу (458); но отложили ударъ до свадьбы Лжедимитріевой, для того ли, какъ пишутъ, чтобы съ невѣстою и съ ея ближними возвратились въ Москву древнія Царскія сокровища, раздаренныя имъ щедростію Самозванца, или для того, чтобы онъ имѣлъ время и способъ еще болѣе озлобить Россіянъ новыми беззаконіями, предвидѣнными Шуйскимъ и друзьями его?

Между тѣмъ два или три случая, не будучи въ связи съ заговоромъ, могли потревожить Самозванца. Ему донесли, что нѣкоторые Стрѣльцы всенародно злословятъ его, какъ врага Вѣры (459): онъ призвалъ всѣхъ Московскихъ Стрѣльцевъ съ Головою Григоріемъ Микулинымъ, объявилъ имъ дерзость ихъ товарищей и требовалъ, чтобы вѣрные воины судили измѣнниковъ: Микулинъ обнажилъ мечь, и хулители Лжецаря, не изъявляя ни раскаянія, ни страха, были иссѣчены въ куски своими братьями: за что Самозванецъ пожаловалъ Микулина, какъ усерднаго слугу, въ Дворяне Думные,

Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова.

а народъ возненавидѣлъ, какъ убійцу великодушныхъ страдальцевъ. Такимъ же мученикомъ хотѣлъ быть и Дьякъ Тимоѳей Осиповъ: пылая ревностію изобличить Разстригу, онъ нѣсколько дней говѣлъ дома, пріобщился Святыхъ Таинъ, и торжественно, въ палатахъ Царскихъ, предъ всѣми Боярами, назвалъ его *Гришкою Отрепьевымъ, рабомъ грѣха, еретикомъ* ([460]). Всѣ изумились, и самъ Лжедимитрій безмолвствовалъ въ смятеніи: опомнился и велѣлъ умертвить сего въ Исторіи незабвеннаго мужа, который своею кровію, вмѣстѣ съ немногими другими, искупалъ Россіянъ отъ стыда повиноваться бродягѣ. Пишутъ, что и Стрѣльцы и Дьякъ Осиповъ, прежде ихъ убіенія, были допрашиваемы Басмановымъ, но никого не оговорили въ единомысліи съ ними. Не менѣе безстрашнымъ оказалъ себя и знаменитый слѣпецъ, такъ называемый Царь Симеонъ: будучи ревностнымъ Христіаниномъ, и слыша, что Лжедимитрій склоняется къ Латинской Вѣрѣ, онъ презрѣлъ его милость и ласки; всенародно изъявлялъ негодованіе, убѣждалъ истинныхъ сыновъ Церкви умереть за ея святые уставы: Симеона, обвиняемаго въ неблагодарности, удалили въ монастырь Соловецкій и постригли ([461]). Тогда же чиновникъ извѣстный способностями ума и гибкостію нрава, бывъ въ рав-

Опала Царя Симеона и Татищева.

ной довѣренности у Бориса и Самозванца, Думный Дворянинъ Михайло Татищевъ, вдругъ заслужилъ опалу смѣлостію, въ немъ совсѣмъ необыкновенною. Однажды за столомъ Царскимъ, Князь Василій Шуйскій, видя блюдо телятины, въ первый разъ сказалъ Лжедимитрію, что не должно подчивать Россіянъ яствами, для нихъ гнусными; а Татищевъ, приставъ къ Шуйскому, началъ говорить столь невѣжливо и дерзко, что его вывели изъ дворца и хотѣли сослать на Вятку [462]; но Басмановъ чрезъ двѣ недѣли исходатайствовалъ ему прощеніе (себѣ на гибель, какъ увидимъ). Сей случай возбудилъ подозрѣніе въ нѣкоторыхъ ближнихъ людяхъ Отрепьева и въ немъ самомъ: думали, что Шуйскій завелъ сей разговоръ съ умысломъ, и что Татищевъ не даромъ измѣнилъ своему навыку; что они, зная вспыльчивость Лжедимитрія, хотѣли вырвать изъ него какое нибудь слово нескромное и во вредъ ему разгласить о томъ въ городѣ; что у нихъ должно быть намѣреніе дальновидное и злое. Къ счастію, Лжедимитрій, по нраву и правиламъ неопасливый, скоро оставилъ сію безпокойную мысль, видя вокругъ себя лица веселыя, всѣ знаки усердія и преданности, особенно въ Шуйскомъ, и всего болѣе думая тогда о великолѣпномъ пріемѣ Марины.

Путешествіе Воеводы Сендомирскаго съ Мариною.

Но Воевода Сендомирскій какъ долго не трогался съ мѣста, такъ медленно и путешествовалъ; вездѣ останавливался, пировалъ, къ досадѣ своего провожатаго, Аѳанасія Власьева, и еще изъ Минска писалъ въ Москву, что ему не льзя выѣхать изъ Литовскихъ владѣній, пока Царь не заплатитъ Королю *всего долга;* что грубость излишно ревностнаго слуги Власьева, нудящаго ихъ *не ѣхать, а летѣть* въ Россію, несносна для него, ветхаго старца, и для нѣжной Марины. Самозванецъ не жалѣлъ денегъ: обязался удовлетворить всѣмъ требованіямъ Сигизмундовымъ, прислалъ 5000 червонцевъ въ даръ невѣстѣ, и сверхъ того 5000 рублей и 13,000 талеровъ на ея путешествіе до предѣловъ Россіи (463); но изъявилъ неудовольствіе. «Вижу,» писалъ онъ къ Мнишку, «что вы едва ли и весною «достигнете нашей столицы, гдѣ можете не «найти меня: ибо я намѣренъ встрѣтить «лѣто въ станѣ моего войска, и буду въ «полѣ до зимы. Бояре, высланные ждать «васъ на рубежѣ, истратили въ сей голодной странѣ всѣ свои запасы и должны будутъ возвратиться, къ стыду и поношенію «Царскаго имени.» Мнишекъ въ досадѣ хотѣлъ ѣхать назадъ; однакожь, извинивъ колкія выраженія будущаго зятя нетерпѣніемъ его страстной любви, 8 Апрѣля въѣхалъ въ Россію.

Пишутъ, что Марина, оставляя навѣки отечество, неутѣшно плакала въ горестныхъ предчувствіяхъ, и что Власьевъ не могъ успокоить ее велерѣчивымъ изображеніемъ ея славы (464). Воевода Сендомирскій желалъ блеснуть пышностію: съ нимъ было родственниковъ, пріятелей и слугъ не менѣе двухъ тысячь, и столько же лошадей. Марина ѣхала между рядами конницы и пѣхоты. Мнишекъ, братъ и сынъ его, Князь Вишневецкій и каждый изъ знатныхъ Пановъ имѣлъ свою дружину воинскую. На границѣ привѣтствовали невѣсту царедворцы Московскіе, а за мѣстечкомъ Краснымъ Бояре, Михайло Нагой (мнимый дядя Лжедимитріевъ) и Князь Василій Мосальскій, который сказалъ отцу ея, что знаменитѣйшіе Государи Европейскіе хотѣли бы выдать дочерей своихъ за Димитрія, но что Димитрій предпочитаетъ имъ его дочь, умѣя любить и быть благодарнымъ. Оттуда повезли Марину на двѣнадцати бѣлыхъ коняхъ, въ саняхъ великолѣпныхъ, украшенныхъ серебрянымъ орломъ (465); возницы были въ парчевой одеждѣ, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ; впереди ѣхало двѣнадцать знатныхъ всадниковъ, которые служили путеводителями, и кричали возницамъ, гдѣ видѣли камень или яму. Не смотря на весеннюю распутицу, вездѣ исправили дорогу, вездѣ построили новые мосты и домы для ночлеговъ. Въ каждомъ селеніи жители встрѣчали невѣсту съ хлѣбомъ и солью, Священники съ иконами. Граждане въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Вязмѣ под-

возили ей многоцѣнные дары отъ себя, а сановники вручали письма отъ жениха съ дарами еще богатѣйшими. Всѣ старались угождать не только будущей Царицѣ, но и спутникамъ ея, надменнымъ Ляхамъ ([466]), которые вели себя нескромно, грубили Россіянамъ, притворно смиреннымъ, и достигнувъ береговъ Угры, вспомнили, что тутъ была древняя граница Литвы — надѣялись, что и будетъ снова: ибо Мнишекъ везъ съ собою владѣнную грамоту, данную ему Самозванцемъ, на Княженіе Смоленское!.. Оставивъ Марину въ Вязмѣ, Сендомирскій Воевода съ сыномъ и Княземъ Вишневецкимъ спѣшили въ Москву для нѣкоторыхъ предварительныхъ условій съ Царемъ относительно къ браку ([467]).

25 Апрѣля, имѣвъ пышный въѣздъ въ столицу ([468]), Мнишекъ съ восторгомъ увидѣлъ будущаго зятя на великолѣпномъ тронѣ, окруженномъ Боярами и Духовенствомъ: Патріархъ и Епископы сидѣли на правой сторонѣ, Вельможи на лѣвой. Мнишекъ цѣловалъ руку Лжедимитріеву; говорилъ рѣчь, и не находилъ словъ для выраженія своего счастія. «Не знаю (сказалъ «онъ), какое чувство господствуетъ теперь «въ душѣ моей: удивленіе ли чрезмѣрное «или радость неописанная? Мы проливали «нѣкогда слезы умиленія, слушая повѣсть «о жалостной, мнимой кончинѣ Димитрія —

Рѣчь Мнишкова.

«и видимъ его воскресшаго! Давно ли, съ горе-
«стію инаго рода, съ участіемъ искреннимъ и
«нѣжнымъ, я жалъ руку изгнанника, моего го-
«стя печальнаго — и сію руку, нынѣ Державную,
«лобызаю съ благоговѣніемъ! .... О счастіе!
«какъ ты играешь смертными! Но что говорю?
«не слѣпому счастію, а Провидѣнію дивимся въ
«судьбѣ твоей: Оно спасло тебя и возвысило,
«къ утѣшенію Россіи и всего Христіанства. Уже
«извѣстны мнѣ твои блестящія свойства: я ви-
«дѣлъ тебя въ пылу битвы неустрашимаго, въ
«трудахъ воинскихъ неутомимаго, къ хладу зим-
«нему нечувствительнаго... ты бодрствовалъ
«въ полѣ, когда и звѣри Сѣвера въ своихъ но-
«рахъ таились. Исторія и Стихотворство про-
«славятъ тебя за мужество и за многія иныя до-
«бродѣтели, которыя спѣши открыть въ себѣ
«міру; но я особенно долженъ славить твою вы-
«сокую ко мнѣ милость, щедрую награду за мое
«къ тебѣ раннее дружество, которое предупре-
«дило честь и славу твою въ свѣтѣ: ты дѣлишь
«свое величіе съ моею дочерью, умѣя цѣнить ея
«нравственное воспитаніе и выгоды, данныя ей
«рожденіемъ въ Государствѣ свободномъ, гдѣ
«Дворянство столь важно и сильно — а всего
«болѣе зная, что одна добродѣтель есть истин-
«ное украшеніе человѣка.» Лжедимитрій слу-
шалъ съ видомъ чувствительности, непрестанно
утирая себѣ глаза платкомъ, но не сказалъ ни
слова: вмѣсто Царя отвѣтствовалъ Аѳанасій
Власьевъ. Началося роскошное угощеніе. Мни-

шекъ обѣдалъ у Лжедимитрія въ новомъ дворцѣ, гдѣ Поляки хвалили и богатство и вкусъ украшеній (469). Честя гостя, Самозванецъ не хотѣлъ однакожь сидѣть съ нимъ рядомъ: сидѣлъ одинъ за *серебряною трапезою*, и въ знакъ уваженія велѣлъ только подавать ему, сыну его и Князю Вишневецкому золотыя тарелки (470). Во время обѣда привели двадцать Лопарей, бывшихъ тогда въ Москвѣ съ данію, и разсказывали любопытнымъ иноземцамъ, что сіи странные дикари живутъ на краю свѣта, близъ *Индіи* и Ледовитаго моря, не зная ни домовъ, ни теплой пищи, ни законовъ, ни Вѣры (471): Лжедимитрій хвалился неизмѣримостію Россіи и чуднымъ разнообразіемъ ея народовъ. Ввечеру играли во дворцѣ Польскіе музыканты; сынъ Воеводы Сендомирскаго и Князь Вишневецкій танцовали, а Лжедимитрій забавлялся переодѣваніемъ, ежечасно являясь то Русскимъ щеголемъ, то Венгерскимъ гусаромъ! Пять или шесть дней угощали Мнишка изобильными, безконечными обѣдами, ужинами, звѣриною ловлею, въ коей Лжедимитрій, какъ обыкновенно, блисталъ искусствомъ и смѣлостію: билъ медвѣдей рогатиною, отсѣкалъ имъ голову саблею, и веселился громкими восклицаніями Бояръ: «слава «Царю!» — Въ сіе время занимались и дѣломъ.

Условія. Лжедимитрій писалъ еще въ Краковъ къ Воеводѣ Сендомирскому, что Марина, какъ Царица Россійская, должна по крайней мѣрѣ наружно чтить Вѣру Греческую и слѣдовать обрядамъ ея (472); должна также наблюдать обычаи Московскіе, и *не убирать волосовъ*: но Легатъ Папскій, Рангони, съ досадою отвѣтствовалъ на первое требованіе, что Государь Самодержавный не обязанъ угождать безсмысленному народному суевѣрію; что законъ не воспрещаетъ брака между Христіанами Греческой и Римской Церкви, и не велитъ супругамъ жертвовать другъ другу совѣстію; что самые предки Димитріевы, когда хотѣли жениться на Княжнахъ Польскихъ, всегда оставляли имъ свободу въ Вѣрѣ (473). Сіе затрудненіе было, кажется, рѣшено въ бесѣдахъ Лжедимитрія съ Воеводою Сендомирскимъ и съ нашимъ Духовенствомъ: условились, чтобы Марина ходила въ Греческія церкви, пріобщалась Святыхъ Таинъ отъ Патріарха и постилась еженедѣльно не въ Субботу, а въ Среду, имѣя однакожъ свою Латинскую церковь и наблюдая всѣ иные уставы Римской Вѣры. Патріархъ Игнатій былъ доволенъ; другіе Святители молчали, всѣ, кромѣ Митрополита Казанскаго Ермогена и Коломенскаго Епископа Іосифа, сосланныхъ Разстригою, за ихъ смѣлость: ибо они утверждали, что невѣсту должно *кре-*

Опала двухъ Святителей.

стить, или женитьба Царя будетъ беззаконіемъ ([474]). Гордяся хитрою Политикою — удовольствовавъ, какъ онъ думалъ, и Римъ и Москву — устроивъ все для торжественнаго бракосочетанія и принятія невѣсты, Лжедимитрій далъ ей знать, что ждетъ ее съ нѣжнымъ чувствомъ любовника и съ великолѣпіемъ Царскимъ.

Марина дни четыре жила въ Вяземѣ, бывшемъ селѣ Годунова, гдѣ находился его дворецъ, окруженный валомъ, и гдѣ въ каменномъ храмѣ, донынѣ цѣломъ, видны еще многія Польскія надписи Мнишковыхъ спутниковъ. 1 Мая, верстъ за 15 отъ Москвы, встрѣтили будущую Царицу купцы и мещане съ дарами — 2 Мая, близъ городской заставы, Дворянство и войско: Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, Козаки (всѣ въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ, съ бѣлою перевязью на груди), Нѣмцы, Поляки, числомъ до ста тысячь ([475]). Самъ Лжедимитрій былъ тайно въ простой одеждѣ между ими, вмѣстѣ съ Басмановымъ разставилъ ихъ по обѣимъ сторонамъ дороги и возвратился въ Кремль. Не въѣзжая въ городъ, на берегу Москвы-рѣки, Марина вышла изъ кареты и вступила въ великолѣпный шатеръ, гдѣ находились Бояре: Князь Мстиславскій говорилъ ей привѣтственную рѣчь; всѣ другіе кланялись до земли. У шатра стояли 12 прекрасныхъ верховыхъ

Въѣздъ Марины въ столицу.

коней въ даръ невѣстѣ, и богатая колесница, украшенная серебряными орлами Царскаго герба и запряженная десятью пѣгими лошадьми (476): въ сей колесницѣ Марина въѣхала въ Москву, будучи сопровождаема своими ближними, Боярами, чиновниками и тремя дружинами Царскихъ тѣлохранителей; впереди шло 300 гайдуковъ съ музыкантами, а позади ѣхало 13 каретъ и множество всадниковъ. Звонили въ колокола, стрѣляли изъ пушекъ, били въ барабаны, играли на трубахъ — а народъ безмолвствовалъ; смотрѣлъ съ любопытствомъ, но изъявлялъ болѣе печали, нежели радости, и замѣтилъ [illegible]*рично* бѣдственное предзнаменованіе (477): увѣряютъ, что въ сей день свирѣпствовала буря, такъ же, какъ и во время Разстригина вступленія въ Москву. Предъ воротами Кремлевскими, на возвышенномъ мѣстѣ площади (гдѣ встрѣтило бы невѣсту Царскую Духовенство съ крестами, если бы сія невѣста была православная), встрѣтили Марину новыя толпы литаврщиковъ, производя несносный *для* слуха шумъ и громъ. При въѣздѣ ея въ Спасскія ворота музыканты Польскіе играли свою народную пѣсню: *нашая въ счастьи и несчастьи* (478); колесница остановилась въ Кремлѣ у Дѣвичьяго монастыря; тамъ невѣста была принята Царицею-Инокинею (479); тамъ увидѣла и жениха — и жила до свадьбы, отложенной на шесть дней еще для нѣкоторыхъ приготовленій.

Негодованіе Москвитянъ.

Между тѣмъ Москва волновалась. Помѣстивъ Воеводу Сендомирскаго въ Кремлевскомъ домѣ (480) Борисовомъ (вертепѣ Цареубійства!), взяли для его спутниковъ всѣ лучшіе дворы въ Китаѣ, въ Бѣломъ городѣ, и выгнали хозяевъ, не только купцевъ, Дворянъ, Дьяковъ, людей Духовнаго сана, но и первыхъ Вельможъ, даже ближнихъ родственниковъ Царскихъ, Нагихъ (481): сдѣлался крикъ и вопль. — Съ другой стороны, видя тысячи гостей незванныхъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ — видя, какъ они еще изъ телегъ своихъ вынимали запасныя сабли, копья, пистолеты, Москвитяне спрашивали у Нѣмцевъ, ѣздятъ ли въ ихъ земляхъ на свадьбу, какъ на битву (482)? и говорили другъ другу, что Поляки хотятъ овладѣть столицею. Въ одинъ день съ Мариною въѣхали въ Москву Великіе Послы Сигизмундовы, Паны Олесницкій и Госѣвскій (483), также съ воинскою многочисленною дружиною, и также къ безпокойству народа, который думалъ, что они пріѣхали за вѣномъ Марины, и что Царь уступаетъ Литвѣ всѣ земли отъ границы до Можайска (484) — мнѣніе несправедливое, какъ доказываютъ бумаги сего Посольства: Олесницкій и Госѣвскій должны были только, вмѣсто Короля, присутствовать на свадьбѣ Лжедимитрія (485), утвердить Сигизмундову съ нимъ

дружбу и союзъ съ Россіею, не требуя ни-чего болѣе. Самозванецъ, по сказанію Лѣтописца, зная молву народную о грамотѣ, данной имъ Мнишку на Смоленскъ и Сѣверскую область, говорилъ Боярамъ, что не уступитъ ни пяди земли Россійской Ляхамъ (486) — и, можетъ быть, говорилъ искренно: можетъ быть, обманывая Папу, обманулъ бы и тестя и жену свою; но Бояре, по крайней мѣрѣ Шуйскій съ друзьями, не старались перемѣнить худыхъ мыслей народа о Лжедимитріи, который новыми соблазнами еще усилилъ общее негодованіе.

Соблазны.

Доброжелатели сего безразсуднаго хотѣли увѣрить благочестивыхъ Россіянъ, что Марина въ уединенныхъ, недоступныхъ келліяхъ учится нашему Закону и постится, готовясь къ крещенію, (487) — въ первый день она дѣйствительно казалась постницею, ибо ничего не ѣла, гнушаясь Русскими яствами; но женихъ, узнавъ о томъ, прислалъ къ ней въ монастырь поваровъ отца ея, коимъ отдали ключи отъ Царскихъ запасовъ, и которые начали готовить тамъ обѣды, ужины, совсѣмъ не монастырскіе (488). Марина имѣла при себѣ одну служанку, никуда не выходила изъ келлій, не ѣздила даже и къ отцу; но ежедневно видѣла страстнаго Лжедимитрія, сидѣла съ нимъ наединѣ, или была увесе-

лица музыкою, пляскою и пѣснями не духовными. Разстрига вводилъ скомороховъ въ Обитель тишины и набожности, какъ бы ругаясь надъ святымъ мѣстомъ и саномъ Инокинь непорочныхъ (489). Москва свѣдала о томъ съ омерзѣніемъ.

Соблазнъ инаго рода, плодъ вѣтрености Лжедимитріевой, изумилъ царедворцевъ. 3 Мая Разстрига торжественно принималъ, въ Золотой палатѣ, знатныхъ Ляховъ, родственниковъ Мнишковыхъ, и Пословъ Королевскихъ. Гофмейстеръ Марины, Стадницкій, именемъ всѣхъ ея ближнихъ говоря рѣчь (490), сказалъ ему: «Если кто нибудь удивится твоему союзу съ «домомъ Мнишка, перваго изъ Вельможъ Коро«левскихъ, то пусть заглянетъ въ Исторію Госу«дарства Московскаго: *прадѣдъ* твой, думаю, «былъ женатъ на дочери Витовта, а дѣдъ на «Глинской — и Россія жаловалась ли на соеди«неніе Царской крови съ Литовскою? ни мало. «Симъ бракомъ утверждаешь ты связь между «двумя народами, которые сходствуютъ въ язы«кѣ и въ обычаяхъ, равны въ силѣ и доблести, «но донынѣ не знали мира искренняго, и своею «злобною враждою тѣшили невѣрныхъ; нынѣ «же готовы, какъ истинные братья, дѣйствовать «единодушно, чтобы низвергнуть Луну ненавистную... и слава твоя какъ солнце возсіяетъ «въ странахъ Сѣвера.» За родственниками Воеводы Сендомирскаго, важно и величаво, шли Послы. Лжедимитрій сидѣлъ на престолѣ: ска-

завъ Царю привѣтствіе, Олесницкій вручилъ Сигизмундову грамоту Аѳанасію Власьеву, который тихо прочиталъ Самозванцу ея надпись, и возвратилъ бумагу Посламъ, говоря, что она писана къ какому-то *Князю* Димитрію, а Монархъ Россійскій есть *Цесарь;* что Послы должны ѣхать съ нею обратно къ своему Государю. Изумленный Панъ Олесницкій, взявъ грамоту, сказалъ Лжедимитрію: «Принимаю съ благоговѣ-«ніемъ; но что дѣлается? оскорбленіе бес-«примѣрное для Короля, — для всѣхъ знаме-«нитыхъ Ляховъ, стоящихъ здѣсь предъ «тобою, — для всего нашего отечества, гдѣ «мы еще не давно видѣли тебя, осыпаемого «ласками и благодѣяніями! Ты съ презрѣ-«ніемъ отвергаешь письмо Его Величества, «на семъ тронѣ, на коемъ сидишь по мило-«сти Божіей, Государя моего и народа «Польскаго!...» Такое нескромное слово оскорбляло всѣхъ Россіянъ не менѣе Царя; но Лжедимитрій не мыслилъ выгнать дерзкаго Пана, и какъ бы обрадовался случаю блистать своимъ краснорѣчіемъ; велѣлъ снять съ себя корону [491], и самъ отвѣтствовалъ слѣдующее: «Необыкновенное, «неслыханное дѣло, чтобы Вѣнценосцы, «сидя на престолѣ, спорили съ иноземными «Послами; но Король упрямствомъ выво-«дитъ меня изъ терпѣнія. Ему изъяснено «и доказано, что я не только Князь, не

Ссора съ Послами.

«не только Господарь и Царь, но и Великій Императоръ въ своихъ неизмѣримыхъ владѣніяхъ. Сей титулъ данъ мнѣ Богомъ, и не есть одно пустое слово, какъ титулы иныхъ Королей; ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе, ниже Римскіе Цесари не имѣли дѣйствительнѣйшаго права такъ именоваться. Могу ли быть доволенъ названіемъ Князя и Господаря, когда мнѣ служатъ не только Господари и Князья, но и Цари? Не вижу себѣ равнаго въ странахъ полунощныхъ; надо мною одинъ Богъ. И не всѣ ли Монархи Европейскіе, называютъ меня Императоромъ? Для чего же Сигизмундъ того не хочетъ? Панъ Олесницкій! спрашиваю: могъ ли бы ты принять на свое имя письмо, если бы въ его надписи не было означено твое Шляхетское достоинство?... Сигизмундъ имѣлъ во мнѣ друга и брата, какого еще не имѣла Республика Польская; а теперь вижу въ немъ своего зложелателя». Извиняясь въ худомъ витійствѣ неспособностію говорить безъ приготовленія, а въ смѣлости навыкомъ человѣка свободнаго, Олесницкій съ жаромъ и грубостію упрекалъ Димитрія неблагодарностію, забвеніемъ милостей Королевскихъ, безразсудностію въ требованіи титула новаго, безъ всякаго права; указывая на Бояръ, ставилъ ихъ въ свидѣтели, что Вѣнценосцы Россійскіе никогда не думали именоваться *Цесарями*; предавалъ Самозванца суду Божію за кровопролитіе, вѣроятное слѣдствіе такого неумѣреннаго честолюбія. Самозванецъ возражалъ;

наконецъ смягчился, и звалъ Олесницкаго къ рукѣ не въ видѣ Посла, а въ видѣ своего добраго знакомца; но разгоряченный Панъ сказалъ: «или я Посолъ или не могу цѣловать руки твоей» — и сею твердостію принудилъ Разстригу уступить: «для того (сказалъ Власьевъ), что Царь, готовясь къ брачному веселію, расположенъ къ снисходительности и къ мирнымъ чувствамъ.» Грамоту Сигизмундову взяли, Посламъ указали мѣста, и Лжедимитрій спросилъ о здоровьѣ Короля, но сидя: Олесницкій хотѣлъ, чтобъ онъ для сего вопроса, въ знакъ уваженія къ Королю, привсталъ, и Разстрига исполнилъ его желаніе — однимъ словомъ, унизилъ, остыдилъ себя въ глазахъ Двора явленіемъ непристойнымъ, досадивъ вмѣстѣ и Ляхамъ и Россіянамъ. Свободно отпустивъ Пословъ въ ихъ домъ, Лжедимитрій велѣлъ Дьяку Грамотину сказать имъ, что они могутъ жить, какъ имъ угодно, безъ всякаго надзора и принужденія: видѣться и говорить съ кѣмъ хотятъ; что обычаи перемѣнились въ Россіи, и спокойная любовь къ свободѣ заступила мѣсто недовѣрчиваго тиранства; что гостепріимная Москва ликуетъ, въ первый разъ видя такое множество Ляховъ, а Царь готовъ удивить Европу и Азію дружбою своею къ Королю, если онъ признаетъ его Императоромъ въ благодарности за титулъ *Шведскаго*, отнятый Борисомъ у Сигизмунда, но возвращаемый ему Димитріемъ. — Дѣломъ государственнаго союза хотѣли заняться послѣ свадьбы Царской: ибо Лже-

димитрій не имѣлъ времени мыслить о дѣлахъ, занимаясь единственно невѣстою и гостями.

Въ монастырѣ веселились, во дворцѣ пировали [492]. Женихъ ежедневно дарилъ невѣсту и родныхъ ея, покупая лучшіе товары у купцевъ иноземныхъ, коихъ множество наѣхало въ Москву изъ Литвы, Италіи и Германіи. За два дни до свадьбы принесли Маринѣ шкатулу съ узорочьями, цѣною въ 50 тысячь рублей [493], а Мнишку выдали еще 100 тысячь злотыхъ для уплаты остальныхъ долговъ его, такъ, что казна издержала въ сіе время на одни дары 800,000 (нынѣшнихъ серебряныхъ 4,000,000) рублей [494], кромѣ милліоновъ, истраченныхъ на путешествіе или угощеніе Марины съ ея ближними. Лжедимитрій хотѣлъ Царскою роскошью затмить Польскую: ибо Воевода Сендомирскій и другіе знатные Ляхи также не жалѣли ничего для пышнаго блеска, имѣли богатыя кареты и прекрасныхъ коней, рядили слугъ въ бархатъ и готовились жить пышно въ Москвѣ (куда Мнишекъ [495] привезъ 30 бочекъ одного вина Венгерскаго). Но самая роскошь гостей озлобляла народъ: видя ихъ великолѣпіе, Москвитяне думали, что оно есть плодъ расхищенія казны Царской [496]; что достояніе отечества, собранное умомъ и

Дари.

трудами нашихъ Государей, идетъ въ руки вѣчныхъ непріятелей Россіи.

Обрученіе и свадьба.

7 Мая, ночью, невѣста вышла изъ монастыря, и при свѣтѣ двухъ сотъ факеловъ, въ колесницѣ окруженной тѣлохранителями и Дѣтьми Боярскими, переѣхала во дворецъ, гдѣ, въ слѣдующее утро, совершилось обрученіе по уставу нашей Церкви и древнему обычаю; но, вопреки сему уставу и сему обычаю, въ тотъ же день, на канунѣ Пятницы и святаго праздника, совершился и бракъ: ибо Самозванецъ не хотѣлъ ни однимъ днемъ своего счастія жертвовать, какъ онъ думалъ, народному предразсудку. Невѣсту для обрученія ввели въ Столовую палату Княгиня Мстиславская и Воевода Сендомирскій. Тутъ присутствовали только ближайшіе родственники Мнишковы и чиновники свадебные: Тысяцкій Князь Василій Шуйскій, Дружки (братъ его и Григорій Нагой), свахи и весьма немногіе изъ Бояръ. Марина, усыпанная алмазами, яхонтами, жемчугомъ, была въ Русскомъ красномъ бархатномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ сапогахъ; на головѣ ея сіялъ вѣнецъ. Въ такомъ же платьѣ былъ и Самозванецъ, также съ головы до ногъ блистая алмазами и всякими каменьями драгоцѣнными. Духовникъ Царскій, Благовѣщенскій Протоіерей, читалъ молитвы; Дружки рѣзали короваи съ

сырами и разносили ширинки. Оттуда пошли въ Грановитую палату, гдѣ находились всѣ Бояре и сановники Двора, знатные Ляхи и Послы Сигизмундовы. Тамъ увидѣли Россіяне важную новость: два престола, одинъ для Самозванца, другой для Марины — и Князь Василій Шуйскій сказалъ ей: «Наияснѣйшая Великая Государыня, *Цесаревна* Марія Юріевна! волею Божіею и непобѣдимаго Самодержца, Цесаря и Великаго Князя всея Россіи, ты избрана быть его супругою: вступи же на свой Цесарскій *маестатъ* и властвуй вмѣстѣ съ Государемъ надъ нами» (497). Она сѣла. Вельможа Михайло Нагой держалъ предъ нею корону Мономахову и діадиму. Велѣли Маринѣ поцѣловать ихъ и Духовнику Царскому нести въ храмъ Успенія, гдѣ уже все изготовили къ торжественному обряду, и куда, по разостланнымъ сукнамъ и бархатамъ, велъ жениха Воевода Сендомирскій, а невѣсту Княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды тѣлохранителей и Стрѣльцевъ, Стольники, Стряпчіе, всѣ знатные Ляхи, чиновники свадебные, Князь Василій Голицынъ съ жезломъ или скиптромъ, Басмановъ съ державою; позади Бояре, люди Думные, Дворяне и Дьяки. Народу было множество. Въ церкви Марина приложилась къ образамъ — и началось священнодѣйствіе, дотолѣ беспримѣрное въ Россіи: Царское вѣнчаніе невѣсты, коимъ Лжедимитрій хотѣлъ удовлетворить ея честолюбію, возвысить ее въ глазахъ Россіянъ, и, можетъ быть, дать ей, въ случаѣ

своей смерти и неимѣнія дѣтей, право на Державство. Среди храма, на возвышенномъ, такъ называемомъ *чертожномъ* мѣстѣ сидѣли женихъ, невѣста и Патріархъ: первый на золотомъ тронѣ Персидскомъ (498), вторая на серебряномъ. Лжедимитрій говорилъ рѣчь: Патріархъ ему отвѣтствовалъ, и съ молитвою возложилъ животворящій крестъ на Марину, бармы, діадиму и корону (для чего свахи сняли головный уборъ или вѣнецъ невѣсты). Лики пѣли многолѣтіе Государю и *благовѣрной Цесаревнѣ Маріи*, которую Патріархъ на Литургіи украсилъ цѣпію Мономаховою, помазалъ и причастилъ. Такимъ образомъ дочь Мнишкова, еще не будучи супругою Царя, уже была вѣнчанною Царицею (не имѣла только державы и скиптра). Духовенство и Бояре цѣловали ея руку съ обѣтомъ вѣрности (499). Наконецъ выслали всѣхъ людей, кромѣ знатнѣйшихъ, изъ церкви, и Протопопъ Благовѣщенскій обвѣнчалъ Разстригу съ Мариною. Держа другъ друга за руку, оба въ коронахъ, Царь и Царица (послѣдняя опираясь на Князя Василія Шуйскаго) вышли изъ храма уже въ часъ вечера и были громко привѣтствуемы звукомъ трубъ и литавръ, выстрѣлами пушечными и колокольнымъ звономъ (500), но тихо и невнятно народными восклицаніями. Князь Мстиславскій, въ дверяхъ осыпавъ новобрачныхъ золотыми деньгами изъ богатой мисы, кинулъ толпамъ гражданъ всѣ остальные въ ней червонцы и медали (съ изображеніемъ орла дву-

славаго). Воевода Сендомирскій и немногіе Бояре обѣдали съ Лжедимитріемъ въ Столовой палатѣ; но сидѣли не долго: встали и проводили его до спальни, а Мнишекъ и Князь Василій Шуйскій до постели ([501]). Все утихло во дворцѣ. Москва казалась спокойною: праздновали и шумѣли одни Ляхи, въ ожиданіи брачныхъ пировъ Царскихъ, новыхъ даровъ и почестей. Не праздновали и не дремали клевреты Шуйскаго: время дѣйствовать наступало.

Новыя причины къ негодованію.

Сей день, радостный для Самозванца и столь блестящій для Марины, еще усилилъ народное негодованіе. Не взирая на всѣ безразсудныя дѣла Разстриги, Москвитяне думали, что онъ не дерзнетъ дать сана Россійской Царицы иновѣркѣ, и что Марина приметъ Законъ нашъ; ждали того до послѣдняго дня и часа: увидѣли ее въ коронѣ, въ вѣнцѣ брачномъ, и не слыхали отреченія отъ Латинства. Хотя Марина цѣловала наши святыя иконы, вкусила тѣло и кровь Христову изъ рукъ Патріарха, была помазана елеемъ и торжественно возглашена *благовѣрною Царицею;* но сіе явное дѣйствіе лжи казалось народу новою дерзостію беззаконія, равно какъ и Царское вѣнчаніе Польской Шляхетки, удостоенной величія неслыханнаго и недоступнаго для самыхъ Царицъ, истинно благовѣрныхъ и добродѣтельныхъ: для Анастасіи, Ирины

и Марія Годуновой (502). Корона Мономахова на главѣ иноземки, племени ненавистнаго для тогдашнихъ Россіянъ, вопіяла къ ихъ сердцамъ о мести за оскверненіе святыни. Такъ мыслилъ народъ, или такія мысли внушали ему еще невидимые вожди его въ сіе грозное будущимъ время. — Ничто не укрывалось отъ наблюдателей строгихъ. Только немногимъ изъ Ляховъ Разстрига дозволилъ быть въ церкви свидѣтелями его бракосочетанія, но и сіи немногіе своимъ безчинствомъ возбудили общее вниманіе (503): шутили, смѣялись или дремали въ часъ Литургіи, прислонясь спиною къ иконамъ. Послы Сигизмундовы непремѣнно хотѣли сидѣть, требовали креселъ и едва успокоились, когда Лжедимитрій велѣлъ сказать имъ, что и самъ онъ сидитъ въ церкви, на тронѣ, единственно по случаю коронованія Марины (504). Замѣчая, какъ Бояре служили Царю — какъ Шуйскіе и другіе ставили ему и Царицѣ скамьи подъ ноги — кичливые Паны дивились въ слухъ такой низости и благодарили Бога, что живутъ въ Республикѣ, гдѣ Король не смѣетъ требовать столь презрительныхъ услугъ отъ послѣдняго изъ людей вольныхъ... Россіяне видѣли, слышали и не прощали.

Пиры. Въ слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, барабаны и трубы возвѣстили начало свадебнаго праздника (505): сія шумная музыка не

умолкала до самаго полудня. Во дворцѣ готовился пиръ для Россіянъ и Ляховъ; но Лжедимитрій, желая веселиться, имѣлъ досаду: новую ссору съ Королевскими Послами. Онъ звалъ ихъ обѣдать, учтиво и ласково; Послы также учтиво благодарили, хотѣли однакожь непремѣнно сидѣть съ Царемъ за однимъ столомъ, какъ Власьевъ на свадьбѣ у Короля сидѣлъ за столомъ Королевскимъ. Лжедимитрій для объясненія прислалъ къ нимъ Власьева: сей важный чиновникъ сказалъ Олесницкому: «Вы «требуете неслыханнаго: у насъ никому «нѣтъ мѣста за особенною Царскою трапе«зою; Король же угостилъ меня наравнѣ «съ Послами Императорскимъ и Римскимъ: «слѣдственно не сдѣлалъ ничего чрезвы«чайнаго, ибо Государь нашъ не менѣе ни «Императора, ни Римскаго Владыки — «нѣтъ, Великій Цесарь Димитрій болѣе «ихъ: что у васъ Папа, то у него По«пы» (506). Такъ изъяснялся первый дѣлецъ государственный и вѣрный слуга Разстригинъ, въ душѣ своей не благопріятствуя Ляхамъ и желая, можетъ быть, сею непристойною насмѣшкою доказать, что Лжедимитрій не есть Панистъ. Олесницкій снесъ грубость, но рѣшился не ѣхать во дворецъ. Всѣ иные знатные Ляхи обѣдали съ Самозванцемъ въ Грановитой палатѣ, кромѣ Воеводы Сендомирскаго: онъ нахо-

Новая ссора съ Литовскими Послами.

дилъ требованіе Пословъ справедливымъ, тщетно умолялъ зятя исполнить оное, проводилъ его и Марину до столовой комнаты и въ неудовольствіи уѣхалъ домой.

Сія размолвка не мѣшала блеску пиршества. Новобрачные обѣдали на тронѣ; за ними стояли тѣлохранители съ сѣкирами; Бояре имъ служили. Играла музыка — и Ляхи удивлялись несмѣтному богатству, видя предъ собою горы золота и серебра. Россіяне же съ негодованіемъ видѣли Царя въ гусарскомъ платьѣ, а Царицу въ Польскомъ: ибо оно болѣе нравилось мужу ея, который и на канунѣ едва согласился, чтобы Марина, хотя для вѣнчанія, одѣлась Россіянкою ([507]). Ввечеру ближніе Мнишковы веселились во внутреннихъ Царскихъ комнатахъ; а въ слѣдующій день (10 Мая) Лжедимитрій принималъ дары отъ Патріарха, Духовенства, Вельможъ, всѣхъ знатныхъ людей, всѣхъ купцовъ чужестранныхъ, и снова пировалъ съ ними въ Грановитой палатѣ, сидя лицемъ къ иноземцамъ, спиною къ Русскимъ ([508]). Въ Золотой палатѣ обѣдало 150 Ляховъ, простыхъ воиновъ, но избранныхъ, угощаемыхъ Думными Дворянами: наливъ чашу вина, Лжедимитрій громогласно желалъ славныхъ успѣховъ оружію Польскому, и выпилъ ее до самаго дна ([509]). Наконецъ, 11 Мая, обѣдали во дворцѣ и Послы Сигизмундовы, съ ревностнымъ миротворцемъ, Воеводою Сендомирскимъ, который, убѣдивъ зятя дать Олесницкому первое мѣсто *возлѣ* стола

Царскаго, уговорилъ и сего Пана не требовать ничего болѣе и не жертвовать спору о суетной чести выгодами союза съ Россіею. Хотя Лжедимитрій едва было не возобновилъ прѣнія, сказавъ Олесницкому: «я не звалъ Короля къ себѣ «на свадьбу: слѣдственно ты здѣсь не въ лицѣ «его, а только въ качествѣ Посла;» но Мнишекъ благоразумными представленіями утишилъ зятя, и все кончилось дружелюбно. Сей третій пиръ казался еще пышнѣе. Царь и Царица были въ коронахъ и въ Польскомъ великолѣпномъ нарядѣ. Тутъ обѣдали и женщины: Княгиня Мстиславская, Шуйская ([510]) и родственницы Воеводы Сендомирскаго, который, забывъ свою дряхлость, не хотѣлъ сидѣть: держа шапку въ рукахъ, стоялъ предъ Царицею, и служилъ ей не какъ отецъ, а какъ подданный, къ удивленію всѣхъ ([511]). Лжедимитрій пилъ здоровье Короля; вообще пили много, особенно иноземные гости, хваля Царскія вина, но жалуясь на яства Русскія, для нихъ не вкусныя ([512]). Послѣ стола откланялись Царю сановники, коимъ надлежало ѣхать къ Шаху Персидскому съ письмами: они цѣловали руку у Лжедимитрія и Марины ([513]). — 12 Мая Царица въ своихъ комнатахъ угощала однихъ Ляховъ, пригласивъ только двухъ Россіянъ: Власьева и Князя Василія Мосальскаго. Услуга и кушанья были Польскія, такъ, что Паны, изъявляя живѣйшее удовольствіе, говорили: «мы пируемъ не въ Москвѣ и не у Царя, «а въ Варшавѣ или въ Краковѣ у Короля на-

«шего» (514). Пили и плясали до ночи. Лжедимитрій, въ гусарской одеждѣ, танцовалъ съ женою и съ тестемъ. — Но Царица оказала милость и Россіянамъ: 14 Мая обѣдали у нее Бояре и люди чиновные. Въ сей день она казалась Русскою, вѣрно соблюдая наши обычаи; старалась быть и любезною, всѣхъ привѣтствуя и лаская (515)... Но привѣтствія уже не трогали сердецъ ожесточенныхъ! — Между тѣмъ не умолкала въ столицѣ музыка: барабаны, литавры, трубы съ утра до вечера оглушали жителей (516). Ежедневно гремѣли и пушки, въ знакъ веселія Царскаго; не щадили пороху, и въ пять или въ шесть дней истратили его болѣе, нежели въ войну Годунова съ Самозванцемъ. Ляхи также въ забаву стрѣляли изъ ружей, въ своихъ домахъ и на улицахъ, днемъ и ночью, трезвые и пьяные (517).

Переговоры государственные.

Утомленный празднествами, Лжедимитрій хотѣлъ заняться дѣлами, и 15 Мая, въ часъ утра, Послы Сигизмундовы нашли его въ новомъ дворцѣ сидящаго на креслахъ, въ прекрасной голубой одеждѣ, безъ короны, въ высокой шапкѣ, съ жезломъ въ рукѣ, среди множества царедворцевъ (518): онъ велѣлъ Посламъ итти къ Боярамъ въ другую комнату, чтобы объяснить имъ предложенія Сигизмундовы. Князь Дмитрій Шуйскій, Татищевъ, Власьевъ и

Дьякъ Грамотинъ бесѣдовали съ ними. Олесницкій, въ рѣчи плодовитой, Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ доказывалъ обязанность Христіанскихъ Монарховъ жить въ союзѣ и противиться невѣрнымъ; оплакивалъ паденіе Константинополя и несчастіе Іерусалима; хвалилъ великодушное намѣреніе Царя освободить ихъ отъ бѣдственнаго ига, и заключилъ тѣмъ, что Сигизмундъ, пылая усердіемъ раздѣлить съ братомъ своимъ, Димитріемъ, славу такого предпріятія, желаетъ знать, когда и съ какими силами онъ думаетъ итти на Султана? Татищевъ отвѣтствовалъ: «Король хочетъ «знать: вѣримъ; но хочетъ ли дѣйствительно «помогать непобѣдимому Цесарю въ войнѣ съ «Турками? сомнѣваемся. Желаніе все вывѣдать, «съ намѣреніемъ ничего не дѣлать, кажется «намъ только обманомъ и лукавствомъ.» Удивляясь дерзости Татищева (который говорилъ невѣжливо, ибо уже зналъ о скорой перемѣнѣ обстоятельствъ), Послы свидѣтельствовались Власьевымъ, что не Сигизмундъ Димитрію, а Димитрій Сигизмунду предложилъ воевать Оттоманскую Державу: слѣдственно и долженъ объявить ему свои мысли о способахъ успѣха. Тутъ Россійскіе чиновники оставили Пословъ, ходили къ Лжедимитрію, возвратились, и сказавъ: «самъ Цесарь будетъ говорить съ вами «въ присутствіи Бояръ,» отпустили ихъ домой; но мнимый Цесарь уже не могъ сдержать слова!

Замышления потѣхи.

Еще Лжедимитрій готовилъ потѣхи новыя; велѣлъ строить деревянную крѣпость съ земляною осыпью внѣ города, за Срѣтенскими воротами, и вывезти туда множество пушекъ изъ Кремля, чтобы 18 Мая представить Ляхамъ и Россіянамъ любопытное зрѣлище приступа, если не кровопролитнаго, то громозвучнаго, коему надлежало заключиться пиршествомъ общенароднымъ. Марина также замышляла особенное увеселеніе для Царя и людей ближнихъ во внутреннихъ комнатахъ дворца: думала съ своими Польками плясать въ личинахъ [519]. Но Россіяне уже не хотѣли ждать ни той, ни другой потѣхи.

Наглость Ляховъ.

Если Шуйскій отложилъ ударъ до свадьбы Отрепьева съ намѣреніемъ дать ему время еще болѣе возмутить сердца своимъ легкомысліемъ [520], то сіе предвидѣніе исполнилось: новые соблазны для Церкви, Двора и народа умножили ненависть и презрѣніе къ Самозванцу, а наглость Ляховъ все довершила, такъ, что имъ обязанный счастіемъ, онъ ихъ же содѣйствіемъ и погибнулъ! Сіи гости и друзья его услуживали хитрому Шуйскому, истощая терпѣніе Россіянъ, столь мало ими уважаемыхъ (какъ мы видѣли), что Мнишекъ нескромно обѣщалъ Боярамъ свою *милость*, и Посолъ Королевскій дерзнулъ торжественно назвать Лжедимитрія твореніемъ Сигизмундо-

вымъ ([521]). На самыхъ пирахъ свадебныхъ, во дворцѣ, разгоряченные виномъ Ляхи укоряли Воеводъ нашихъ трусостію и малодушіемъ, хваляся: «мы дали вамъ Царя!» Но Россіяне, сколь ни униженные, сколь ни виновные предъ отечествомъ и добродѣтелію, еще имѣли гордость народную; кипѣли злобою, но удерживались и шептали другъ другу: «часъ мести не далеко!» Сего мало: воины Польскіе, и даже чиновнѣйшіе Ляхи, не трезвые возвращаясь изъ дворца съ обнаженными саблями, на улицахъ рубили Москвитянъ, безчестили женъ и дѣвицъ, самыхъ благородныхъ, силою извлекая ихъ изъ колесницъ или вламываясь въ домы ([522]); мужья, матери вопили, требовали суда. Одного Ляха преступника хотѣли казнить; но товарищи освободили его, умертвивъ палача, и не страшась закона ([523]).

Такъ было — и на беззаконіе возстало беззаконіе. Мы удивлялись легкому торжеству Самозванца: теперь удивимся его легкому паденію. Въ то время, какъ онъ безпечно тѣшился и плясалъ съ своими Ляхами — когда головы кружились отъ веселія и мысли затмѣвались парами вина — Шуйскій, неусыпно наблюдая, рѣшился уже не медлить, и въ тишинѣ ночи призвалъ къ себѣ не только сообщниковъ (изъ коихъ главными именуются Князь Василій

Ночный совѣтъ въ домѣ у Шуйскаго.

Голицынъ и Бояринъ Иванъ Куракинъ) — не только друзей, клевретовъ, но и многихъ людей стороннихъ: Дворянъ Царскихъ, чиновниковъ военныхъ и градскихъ, Сотниковъ, Пятидесятниковъ ([524]), которые еще не были въ заговорѣ, благопріятствуя оному единственно въ тайнѣ мыслей. Шуйскій смѣло открылъ имъ свою душу; сказалъ, что отечество и Вѣра гибнутъ отъ Лжедимитрія; извинялъ заблужденіе Россіянъ; извинялъ и тѣхъ, которые знали истину, но приняли обманщика, желая низвергнуть ненавистныхъ Годуновыхъ, и въ надеждѣ, что сей юный витязь, хотя и разстрига, будетъ добрымъ Властителемъ ([525]). «Заблужденіе скоро исчез«ло,» продолжалъ онъ — «и вы знаете, кто пер«вый дерзнулъ обличать Самозванца; но голова «моя лежала на плахѣ, а злодѣй спокойно вели«чался на престолѣ: Москва не тронулась!» Шуйскій извинялъ и сіе бездѣйствіе: ибо многіе еще не имѣли тогда полнаго удостовѣренія въ обманѣ и въ злодѣйствѣ мнимаго Димитрія. Представивъ всѣ улики и доказательства его самозванства, всѣ его дѣла неистовыя, измѣну Вѣрѣ, Государству и нашимъ обычаямъ, нравственность гнусную, оскверненіе храмовъ ([526]) и святыхъ Обителей, расхищеніе древней казны Царской, беззаконное супружество и возложеніе вѣнца Мономахова на Польку *некрещеную* — изобразивъ сѣтованіе Москвы, какъ бы плѣненный сонмами Ляховъ, — ихъ дерзость и насилія — Шуйскій спрашивалъ, хотятъ ли Россіяне,

сложивъ руки, ждать гибели неминуемой: видѣть костелы Римскіе на мѣстѣ церквей православныхъ, границу Литовскую подъ стѣнами Москвы, и въ самыхъ стѣнахъ ея злое господство иноземцевъ ([527])? или хотятъ дружнымъ возстаніемъ спасти Россію и Церковь, для коихъ онъ снова готовъ итти на смерть безъ ужаса? Не было ни разгласія, ни безмолвія сомнительнаго: кто не принадлежалъ, тотъ присталъ къ заговору въ семъ сборищѣ многолюдномъ, но единодушномъ силою ненависти къ Самозванцу. Положили *избыть* Разстригу и Ляховъ, не боясь ни клятвопреступленія, ни безначалія: ибо Шуйскій и друзья его, овладѣвъ умами, смѣло брали на свою душу, именемъ отечества, Вѣры, Духовенства, всѣ затрудненія людей совѣстныхъ, и смѣло обѣщали Россіи Царя лучшаго. Условились въ главныхъ мѣрахъ. Градскіе Сотники и Пятидесятники отвѣтствовали за народъ, воинскіе чиновники за воиновъ, господа за слугъ усердныхъ. Богатые Шуйскіе имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячь надежныхъ людей ([528]), призванныхъ ими въ Москву изъ ихъ собственныхъ владѣній, будто бы для того, чтобы они видѣли пышность Царской свадьбы. Назначили день и часъ; ждали, готовились — и хотя не было *прямыхъ* доносовъ (ибо доносчики страшились, кажется, быть жертвою народной злобы): но какая скромность могла утаить движенія заговора, столь многолюднаго?

Дерзкія рѣчи на площади.

12 Мая говорили торжественно, на площадяхъ, что мнимый Димитрій есть Царь *поганый:* не чтитъ святыхъ иконъ, не любитъ набожности, питается гнусными яствами, ходитъ въ церковь нечистый, прямо съ ложа сквернаго, и еще ни однажды не мылся въ банѣ съ своею *поганою* Царицею; что онъ безъ сомнѣнія еретикъ, и не крови Царской (529). Лжедимитріевы тѣлохранители схватили одного изъ такихъ поносителей и привели во дворецъ: Разстрига велѣлъ Боярамъ допросить его; но Бояре сказали, что сей человѣкъ пьянъ и бредитъ; что Царю не должно уважать рѣчей безумныхъ и слушать Нѣмцевъ-наушниковъ. Самозванецъ успокоился. Въ слѣдующіе три дни примѣтно было сильное

Волненіе народа.

движеніе въ народѣ: разглашали, что Лжедимитрій для своей безопасности мыслитъ изгубить Бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ и гражданъ; что 18 Мая, въ часъ мнимой воинской потѣхи внѣ Москвы, на лугу Срѣтенскомъ, ихъ всѣхъ перестрѣляютъ изъ пушекъ (530); что столица Россійская будетъ добычею Ляховъ, коимъ Самозванецъ отдастъ не только всѣ домы Боярскіе, Дворянскіе и купеческіе, но и святыя Обители, выгнавъ оттуда Иноковъ и женивъ ихъ на Инокиняхъ. Москвитяне вѣрили; толпились на улицахъ, днемъ и ночью; совѣтовались другъ съ другомъ, и

не давали подслушивать себя иноземцамъ, отгоняя ихъ какъ лазутчиковъ, грозя имъ словами и взорами. Были и драки: уже не спуская гостямъ буйнымъ, народъ прибилъ людей Князя Вишневецкаго и едва не вломился въ его домъ, изъявляя особенную ненависть къ сему Пану, старшему изъ друзей Разстригиныхъ ([531]). Нѣмцы остерегали Лжедимитрія и Ляховъ; остерегалъ перваго и Басмановъ, одинъ изъ Россіянъ! Но Самозванецъ, желая болѣе всего казаться неустрашимымъ и твердымъ на тронѣ въ глазахъ Поляковъ, шутилъ, смѣялся, искренно или притворно, и сказалъ испуганному Воеводѣ Сендомирскому: «какъ вы, Ляхи, малодушны!» а Посламъ Сигизмундовымъ: «я держу въ «рукѣ Москву и Государство; ничто не «смѣетъ двинуться безъ моей воли.» Въ полночь, съ 15 на 16 Мая, схватили въ Кремлѣ шесть человѣкъ подозрительныхъ: пытали ихъ какъ лазутчиковъ, ничего не свѣдали, и Лжедимитрій не считалъ за нужное усилить стражу во дворцѣ, гдѣ находилось обыкновенно 50 тѣлохранителей ([532]): онъ велѣлъ другимъ быть дома въ готовности на всякій случай; велѣлъ еще разставить Стрѣльцевъ по улицамъ для охраненія Ляховъ, чтобы успокоить тестя, докучавшаго ему и Маринѣ своею боязнію. — 16 Мая иноземцы уже не могли

Спокойствіе Лжедимитрія.

купить въ гостиномъ дворѣ ни фунта пороку и никакого оружія ([533]) : всѣ лавки были для нихъ заперты. Ночью, на канунѣ рѣшительнаго дня, вкралось въ Москву съ разныхъ сторонъ до 18 тысячь воиновъ, которые стояли въ полѣ, верстахъ въ шести отъ города, и должны были итти въ Елецъ, но присоединились къ заговорщикамъ ([534]). Уже дружины Шуйскаго въ сію ночь овладѣли двѣнадцатью воротами Московскими, никого не пуская въ столицу, ни изъ столицы; а Лжедимитрій еще ничего не зналъ, увеселяясь въ своихъ комнатахъ музыкою ([535]). Самые Поляки, хотя и не чуждые опасенія, мирно спали въ домахъ, уже *ознаменованныхъ* для кровавой мести : Россіяне скрытно поставили знаки на оныхъ, въ цѣль удара. Нѣкоторые изъ Пановъ имѣли собственную стражу, другіе надѣялись на Царскую : но Стрѣльцы, ихъ хранители, или сами были въ заговорѣ или не думали кровію Русскою спасать иноплеменниковъ противныхъ. Ночь миновалась безъ сна для большей части Москвитянъ ([536]) : ибо градскіе чиновники ходили по дворамъ съ тайнымъ приказомъ, чтобы всѣ жители были готовы стать грудью за Церковь и Царство, ополчились и ждали набата. Многіе знали, многіе и не знали, чему быть надлежало, но угадывали и съ ревностію вооружались, чѣмъ могли,

Измѣна войска.

Послѣдняя ночь для Самозванца.

для великаго и святаго подвига, какъ имъ сказали. Сильнѣе, можетъ быть, всего дѣйствовала въ народѣ ненависть въ Ляхамъ; дѣйствовалъ и стыдъ имѣть Царемъ бродягу, и страхъ быть жертвою его безумія, и, наконецъ, самая прелесть бурнаго мятежа для страстей необузданныхъ.

Возстаніе Москвы.

17 Мая, въ четвертомъ часу дня (537), прекраснѣйшаго изъ весеннихъ, восходящее солнце освѣтило ужасную тревогу столицы: ударили въ колоколъ сперва у Св. Илiи, близъ двора гостинаго, и въ одно время загремѣлъ набатъ въ цѣлой Москвѣ, и жители устремились изъ домовъ на Красную площадь, съ копьями, мечами, самопалами, Дворяне, Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, люди Приказные и торговые, граждане и чернь. Тамъ, близъ лобнаго мѣста, сидѣли Бояре на коняхъ, окруженные сонмомъ Князей и Воеводъ, въ шлемахъ и латахъ, въ полныхъ доспѣхахъ (538), и представляя въ лицѣ своемъ отечество, ждали народа. Стеклося безчисленное множество людей, и ворота Спасскія растворились: Князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ мечь, въ другой Распятіе, въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня, въ храмѣ Успенія приложился къ святой иконѣ Владимірской, и воскликнувъ къ тысячамъ: «во имя Божіе «идите на злаго еретика!» указалъ имъ

дворецъ, куда съ грознымъ шумомъ и крикомъ уже неслися толпы, но гдѣ еще царствовала глубокая тишина! Пробужденный звукомъ набата ([539]), Лжедимитрій въ удивленіи встаетъ съ ложа, спѣшитъ одѣться, спрашиваетъ о причинѣ тревоги: ему отвѣтствуютъ, что, вѣроятно, горитъ Москва; но онъ слышитъ свирѣпый вопль народа, видитъ въ окно лѣсъ копій и блистаніе мечей; зоветъ Басманова, ночевавшаго во дворцѣ, и велитъ ему узнать предлогъ мятежа. Сей Бояринъ, духа твердаго, могъ быть предателемъ, но только однажды: измѣнивъ Государю законному, уже стыдился измѣнить Самозванцу, и тщетно желавъ образумить, спасти легкомысленнаго, желалъ по крайней мѣрѣ не разлучаться съ нимъ въ опасности. Басмановъ встрѣтилъ толпу уже въ сѣняхъ: на вопросъ его, куда она стремится? въ нѣсколько голосовъ кричатъ: «веди насъ къ Самозванцу! «выдай намъ своего бродягу!» Басмановъ кинулся назадъ, захлопнулъ двери, велѣлъ тѣлохранителямъ не пускать мятежниковъ, и въ отчаяніи прибѣжавъ къ Разстригѣ, сказалъ ему: «Все кончилось! Москва бунтуетъ; хо«тятъ головы твоей: спасайся! Ты мнѣ не вѣ«рилъ!» Въ слѣдъ за нимъ ворвался въ Царскіе покои одинъ Дворянинъ безоружный, съ голыми руками, требуя, чтобы мнимый сынъ Іоанновъ шелъ къ народу, дать отчетъ въ своихъ беззаконіяхъ ([540]): Басмановъ разсѣкъ ему голову мечемъ. Самъ Лжедимитрій, изъявляя

смѣлость, выхватилъ бердышъ у тѣлохранителя Шварцгофа, растворилъ дверь въ сѣни, и грозя народу, кричалъ: «я вамъ «не Годуновъ!» Отвѣтомъ были выстрѣлы, и Нѣмцы снова заперли дверь; но ихъ было только 50 человѣкъ, и еще, во внутреннихъ комнатахъ дворца, 20 или 30 Поляковъ, слугъ и музыкантовъ ([541]): иныхъ защитниковъ, въ сей грозный часъ, не имѣлъ тотъ, кому на канунѣ повиновались милліоны! Но Лжедимитрій имѣлъ еще друга: не находя возможности противиться силѣ силою, въ ту минуту, когда народъ отбивалъ двери, Басмановъ вторично вышелъ къ нему — увидѣлъ Бояръ въ толпѣ, и между ими самыхъ ближнихъ людей Разстригиныхъ: Князей Голицыныхъ, Михайла Салтыкова, старыхъ и новыхъ измѣнниковъ; хотѣлъ ихъ усовѣстить; говорилъ объ ужасѣ бунта, вѣроломства, безначалія; убѣждалъ ихъ одуматься; ручался за милость Царя. Но ему не дали говорить много: Михайло Татищевъ, имъ спасенный отъ ссылки, завопилъ: «злодѣй! иди въ адъ вмѣстѣ съ «твоимъ Царемъ» ([542])! и ножемъ ударилъ его въ сердце. Басмановъ испустилъ духъ, и мертвый былъ сброшенъ съ крыльца . . . судьба достойная измѣнника и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалостная для чело-

Гибель Басманова.

вѣка, который могъ и не захотѣлъ быть честію Россіи!

Уже народъ вломился во дворецъ, обезоружилъ тѣлохранителей, искалъ Разстриги и не находилъ: дотолѣ смѣлый и неустрашимый, Самозванецъ, въ смятеніи ужаса кинувъ свой мечь, бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, рвалъ на себѣ волосы, и не видя инаго спасенія, выскочилъ изъ палатъ въ окно на Житный дворъ (513) — вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь, голову, и лежалъ въ крови. Тутъ узнали его Стрѣльцы, которые въ семъ мѣстѣ были на стражѣ, и не участвовали въ заговорѣ: они взяли Разстригу, посадили на фундаментъ сломаннаго дворца Годуновскаго, отливали водою, изъявляли жалость (544). Самозванецъ, омывая теплою кровію развалины Борисовыхъ чертоговъ (гдѣ жило нѣкогда счастіе, и также измѣнило своему любимцу), пришелъ въ себя: молилъ Стрѣльцевъ быть ему вѣрными, обѣщалъ имъ богатство и чины. Уже стеклося вокругъ ихъ множество людей: хотѣли взять Разстригу; но Стрѣльцы не выдавали его и требовали свидѣтельства Царицы-Инокини, говоря: «если онъ сынъ ея, то мы «умремъ за него; а если Царица скажетъ, «что онъ Лжедимитрій, то воленъ въ немъ «Богъ» (515). Сіе условіе было принято.

Свидѣтельство

Мнимая мать Самозванцева, вызванная

Боярами изъ келліи, торжественно объявила народу, что истинный Димитрій скончался на рукахъ ея въ Угличѣ; что она, какъ жена слабая, дѣйствіемъ угрозъ и лести была вовлечена въ грѣхъ безсовѣстной лжи: неизвѣстнаго ей человѣка назвала сыномъ, раскаялась и молчала отъ страха, но тайно открывала истину многимъ людямъ (546). Призвали и родственниковъ ея, Нагихъ: они сказали то же, вмѣстѣ съ нею виняся предъ Богомъ и Россіею. Чтобы еще болѣе удостовѣрить народъ, Мареа показала ему изображеніе младенческаго лица Димитріева, которое у нее хранилось (547) и ни мало не сходствовало съ чертами лица Разстригина.

Царицы-Инокини.

Тогда Стрѣльцы выдали обманщика, и Бояре велѣли нести его во дворецъ, гдѣ онъ увидѣлъ своихъ тѣлохранителей подъ стражею: заплакалъ и протянулъ къ нимъ руку, какъ бы благодаря ихъ за вѣрность (548). Одинъ изъ сихъ Нѣмцевъ, Ливонскій Дворянинъ Фирстенбергъ, тѣснился сквозь толпу къ Самозванцу, и былъ жертвою озлобленія Россіянъ: его умертвили; хотѣли умертвить и другихъ тѣлохранителей: но Бояре не велѣли трогать сихъ честныхъ слугъ — и въ комнатѣ, наполненной людьми вооруженными, стали допрашивать Лжедимитрія, покрытаго бѣднымъ рубищемъ: ибо народъ уже сорвалъ

Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія.

съ него одежду Царскую. Шумъ и крикъ заглушали рѣчи; слышали только, какъ увѣряютъ, что Разстрига, на вопросъ: «кто ты, злодѣй?» отвѣчалъ: «вы знаете: «я Димитрій» — и ссылался на Царицу-Инокиню; слышали, что Князь Иванъ Голицынъ ([549]) возразилъ ему: «ея свидѣ«тельство уже намъ извѣстно: она пре«даетъ тебя казни.» Слышали еще, что Самозванецъ говорилъ: «несите меня на лоб«ное мѣсто: тамъ объявлю истину всѣмъ «людямъ» ([550]). Нетерпѣливый народъ ломился въ дверь, спрашивая, винится ли злодѣй? Ему сказали, что винится ([551]) — и два выстрѣла прекратили допросъ вмѣстѣ съ жизнію Отрепьева (его убили Дворяне ([552]) Иванъ Воейковъ и Григорій Волуевъ). Толпа бросилась терзать мертваго; сѣкли мечами, кололи трупъ бездушный и кинули съ крыльца на тѣло Басманова, восклицая: «будьте неразлучны и въ адѣ! «вы здѣсь любили другъ друга!» Яростная чернь схватила, извлекла сіи нагіе трупы изъ Кремля и положила близъ лобнаго мѣста: Разстригу на столѣ, съ маскою, дудкою и волынкою, въ знакъ любви его къ скоморошеству и музыкѣ; а Басманова на скамьѣ у ногъ Разстригиныхъ ([553]).

Щадятъ Марину.

Совершивъ главное дѣло, истребивъ Лжедимитрія, Бояре спасли Марину. Изумленная тревогою и шумомъ — не имѣвъ

времени одѣться — спрашивая, что дѣлается, и гдѣ Царь? слыша наконецъ о смерти мужа, она въ безпамятствѣ выбѣжала въ сѣни: народъ встрѣтилъ ее, не узналъ и столкнулъ съ лѣстницы. Марина возвратилась въ свои комнаты, гдѣ была ея Польская Гофмейстерина съ Шляхетками, и гдѣ усердный слуга (именемъ Осмульскій) стоялъ въ дверяхъ съ обнаженною саблею: воины и граждане вломились, умертвили его, и Марина лишилась бы жизни или чести, если бы не приспѣли Бояре, которые выгнали неистовыхъ, и взявъ, опечатавъ все достояніе бывшей Царицы, дали ей стражу для безопасности ([554]); не могли однакожь или не хотѣли унять кровопролитія: убійства только начинались!

Убійства.

Еще при первомъ звукѣ набата воины окружили домы Ляховъ, заградили улицы рогатками, завалили ворота; а Паны безпечно и крѣпко спали, такъ, что слуги едва могли разбудить ихъ — и самаго Воеводу Сендомирскаго, который лучше многихъ видѣлъ опасность и предостерегалъ зятя. Мнишекъ, сынъ его, Князь Вишневецкій, Послы Сигизмундовы, угадывая вину и цѣль мятежа, спѣшили вооружить людей своихъ; иные прятались или въ оцѣпенѣніи ждали, что будетъ съ ними, и скоро услышали вопль: «смерть Ляхамъ!» Пылая злобою, умертвивъ въ Кремлѣ му-

зыкантовъ Разстригиныхъ ([555]), опустошивъ домъ Iезуитовъ, истерзавъ Духовника Маринина, служившаго Обѣдню, народъ устремился въ Китай и Бѣлый городъ, гдѣ жили Поляки, и нѣсколько часовъ плавалъ въ крови ихъ, алчно наслаждаясь ужасною местію, противною великодушію, если и заслуженною. Сила карала слабость, безъ жалости и безъ мужества: сто нападало на одного! Ни оборона, ни бѣгство, ни моленія трогательныя не спасали: Поляки не могли соединиться, будучи истребляемы въ запертыхъ домахъ или на улицахъ, прегражденныхъ рогатками и копьями. Сіи несчастные, наканунѣ гордые, лобызали ноги Россіянъ, требовали милосердія именемъ Божіимъ, именемъ своихъ невинныхъ женъ и дѣтей; отдавали все, что имѣли — клялися прислать и болѣе изъ отечества ([556]): ихъ не слушали и рубили. Изсѣченные, обезображенные, полумертвые еще молили о бѣдныхъ остаткахъ жизни: напрасно! Въ числѣ самыхъ жестокихъ карателей находились Священники и Монахи переодѣтые; они вопили: «губите ненавистниковъ нашей Вѣры» ([557])! Лилася и кровь Россіянъ: отчаяніе вооружало убиваемыхъ, и губители падали вмѣстѣ съ жертвами. Не тронувъ жилища Пословъ Сигизмундовыхъ, народъ приступалъ къ домамъ Мнишковъ и Князя Вишневецкаго, коихъ люди защищались и стрѣляли въ толпы изъ оконъ: уже Москвитяне везли пушки, чтобы разбить сіи домы въ щепы и не оставить въ нихъ ни

одного человѣка живаго; но тутъ явились Бояре и велѣли прекратить убійства. Мстиславскій, Шуйскіе скакали изъ улицы въ улицу, обуздывая, усмиряя народъ, и всюду разсылая Стрѣльцевъ для спасенія Ляховъ, обезоруженныхъ честнымъ словомъ Боярскимъ, что жизнь ихъ уже въ безопасности. Самъ Князь Василій Шуйскій успокоилъ и спасъ Вишневецкаго ([588]), другіе Мнишка. Именемъ Государственной Думы сказали Посламъ Сигизмундовымъ, что Лжедимитрій, обманувъ Литву и Россію, но скоро изобличивъ себя дѣлами неистовыми, казненъ Богомъ и народомъ, который въ самомъ безпорядкѣ и смятеніи уважилъ священный санъ мужей, представляющихъ лице своего Монарха, и мстилъ единственно ихъ наглымъ единоземцамъ, пріѣхавшимъ злодѣйствовать въ Россію ([589]). Сказали Воеводѣ Сендомирскому: «Судьба Царствъ зависитъ отъ Всевышняго, и ничто не бываетъ безъ Его опредѣленія: такъ и въ сей день совершилась воля Божія: кончилось царство бродяги, и добыча исторгнута изъ рукъ хищника! Ты, его опекунъ и наставникъ — ты, который привелъ обманщика къ намъ, чтобы возмутить Россію мирную — не достоинъ ли участи сего злодѣя? не достоинъ ли такой же казни? Но хвалися счастіемъ: ты живъ, и будешь цѣлъ; дочь твоя спа-

Бояре утишаютъ мятежъ.

«сейна — благодари Небо» ([560])! Ему позволили видѣться съ Мариною во дворцѣ, и безъ свидѣтелей: не нужно было знать, что они могли сказать другъ другу въ своемъ злополучіи! Воевода Сендомирскій шелъ къ ней и назадъ сквозь ряды мечей и копій, обагренныхъ кровію его соотечественниковъ; но Москвитяне смотрѣли на него уже болѣе съ любопытствомъ, нежели съ яростію: побѣда укротила злобу.

Еще смятеніе продолжалось нѣсколько времени; еще изъ слободъ городскихъ и ближнихъ деревень стремилось множество людей съ дрекольемъ въ Москву на звукъ колоколовъ; еще грабили имѣніе Литовское, но уже безъ кровопролитія. Бояре не сходили съ коней и повелѣвали съ твердостію; дружины воинскія разгоняли чернь, вездѣ охраняя Ляховъ какъ плѣнниковъ. Наконецъ, въ 11 часовъ утра ([561]), все затихло. Велѣли народу смириться, и народъ, утомленный мятежемъ, спѣшилъ домой, отдыхать и говорить въ семействахъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ сего дня, незабвеннаго для тѣхъ, которые были свидѣтелями его ужасовъ: «въ теченіи семи часовъ,» пишутъ они, «мы не слыхали ничего кромѣ набата, стрѣль-«бы, стука мечей и крика: *сѣки, руби злодѣевъ!* «не видали ничего, кромѣ волненія, бѣганія, «скаканія, смертоубійства и мятежа» ([562]). Число жертвъ простиралось за тысячу, кромѣ избитыхъ и раненныхъ; но знатнѣйшіе Ляхи остались живы, многіе въ рубашкахъ и на соломѣ.

Чернь ошибкою умертвила и нѣкоторыхъ Россіянъ, носившихъ одежду Польскую въ угодность Самозванцу. Нѣмцевъ щадили; ограбили только купцевъ Аугсбургскихъ, вмѣстѣ съ Миланскими и другими, которые жили въ одной улицѣ съ Ляхами (563). Сей для человѣчества горестный день былъ бы еще несравненно ужаснѣе, по сказанію очевидцевъ, если бы Ляхи остереглися, успѣли соединиться для отчаянной битвы и зажгли городъ (564), къ несчастію Москвы и собственному: ибо никто изъ нихъ уже не избавился бы тогда отъ мести Россіянъ; слѣдственно безпечность Ляховъ уменьшила бѣдствіе.

До самаго вечера Москвитяне ликовали въ домахъ или мирно сходились на улицахъ поздравлять другъ друга съ избавленіемъ Россіи отъ Самозванца и Поляковъ, хвалились своею доблестію и «не думали» (говоритъ Лѣтописецъ) «благодарить Все«вышняго: храмы были затворены» (565)! Радуясь настоящему, не тревожились о будущемъ — и послѣ такого бурнаго дня настала ночь совершенно тихая (566): казалось, что Москва вдругъ опустѣла; нигдѣ не слышно было голоса человѣческаго: одни любопытные иноземцы выходили изъ домовъ, чтобы удивляться сей мертвой тишинѣ города многолюднаго, гдѣ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ все кипѣло

Глубокая тишина ночи.

яростнымъ бунтомъ. Еще улицы дымились кровію, и тѣла лежали грудами; а народъ поконлся какъ бы среди глубокаго мира и непрерывнаго благоденствія — не имѣя Царя, не зная наслѣдника — опятнавъ себя двукратною измѣною и будущему Вѣнценосцу угрожая третьею!

Козни властолюбія.

Но въ семъ безмолвіи бодрствовало властолюбіе съ своими обольщеніями и ковами, устремляя алчный взоръ на добычу мятежа и смертоубійства: на вѣнецъ и скипетръ, обагренные кровію двухъ послѣднихъ Царей. Легко было предвидѣть, кто возметъ сію добычу, силою и правомъ. Смѣлѣйшій обличитель Самозванца, чудесно спасенный отъ казни и еще безстрашный въ новомъ усиліи низвергнуть его; виновникъ, Герой, Глава народнаго возстанія, Князь отъ племени Рюрика, Св. Владиміра, Мономаха, Александра Невскаго; вторый Бояринъ мѣстомъ въ Думѣ, первый любовію Москвитянъ и достоинствами личными, Василій Шуйскій могъ ли еще остаться простымъ царедворцемъ, и послѣ *такой* отваги, съ *такою* знаменитостію, начать новую службу лести предъ какимъ нибудь новымъ Годуновымъ? Но Годунова не было между тогдашними Вельможами. Старѣйшій изъ нихъ, Князь Ѳедоръ Мстиславскій, отличаясь добродушіемъ, честностію, мужествомъ, еще бо-

лѣе отличался смиреніемъ или благоразуміемъ; не хотѣлъ слышать о Державномъ санѣ и говорилъ друзьямъ: «если меня «изберутъ въ Цари, то немедленно пойду «въ Монахи» ([567]). Сказаніе нѣкоторыхъ чужеземныхъ Историковъ ([568]), что Бояринъ Князь Иванъ Голицынъ, имѣя многихъ знатныхъ родственниковъ и величаясь своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина Литовскаго, вмѣстѣ съ Шуйскимъ искалъ короны, едва ли достойно вѣроятія, будучи несогласно съ извѣстіями очевидцевъ. Сообщникъ Басманова, коего обнаженное тѣло въ сіи часы лежало на площади, загладилъ ли измѣну измѣною, предавъ юнаго Ѳеодора, предавъ и Лжедимитрія? Не равняясь ни сановитостію, ни заслугами, могъ ли равняться и числомъ усердныхъ клевретовъ съ тѣмъ, кто безъ имени Царя уже начальствовалъ въ день рѣшительный для отечества, велъ Москву и побѣдилъ съ нею? Имѣя силу, имѣя право, Шуйскій употребилъ и всѣ возможныя хитрости: далъ наставленія друзьямъ и приверженникамъ, что говорить въ Синклитѣ и на Лобномъ мѣстѣ, какъ дѣйствовать и править умами; самъ изготовился, и въ слѣдующее утро, собравъ Думу ([569]), произнесъ, какъ увѣряютъ, рѣчь весьма умную и лукавую: славилъ милость Божію къ Россіи, возвеличенной Самодержцами

Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ.

Варяжскаго племени; славилъ особенно разумъ и завоеванія Іоанна IV, хотя и жестокаго; хвалился своею блестящею службою и важною государственною опытностію, пріобрѣтенною имъ въ сіе дѣятельное царствованіе; изобразилъ слабость Іоаннова наслѣдника, злое властолюбіе Годунова, всѣ бѣдствія его времени и ненависть народную къ святоубійцѣ, которая была виною успѣховъ Лжедимитрія и принудила Бояръ слѣдовать общему движенію. «Но мы,» говорилъ Шуйскій, «загладили сію слабость, когда на-«сталъ часъ умереть или спасти Россію. Жалѣю, «что я, предупредивъ другихъ въ смѣлости, обя-«занъ жизнію Самозванцу: онъ не имѣлъ права, «но могъ умертвить меня, и помиловалъ, какъ «разбойникъ милуетъ иногда странника. При-«знаюсь, что я колебался, боясь упрека въ не-«благодарности; но гласъ совѣсти, Вѣры, оте-«чества, вооружилъ мою руку, когда я увидѣлъ «въ васъ ревность къ великому подвигу. Дѣло «наше есть правое, необходимое, святое; оно, «къ несчастію, требовало крови: но Богъ бла-«гословилъ насъ успѣхомъ — слѣдственно оно «Ему угодно! . . . Теперь, избывъ злодѣя, ере-«тика, чернокнижника, должны мы думать объ «избраніи достойнаго Властителя. Уже нѣтъ «племени Царскаго, но есть Россія: въ ней мо-«жемъ снова найти угасшее на престолѣ. Мы «должны искать мужа знаменитаго родомъ, «усерднаго къ Вѣрѣ и къ нашимъ древнимъ «обычаямъ, добродѣтельнаго, опытнаго, слѣд-

«ственно уже не юнаго — человѣка, который, «пріявъ вѣнецъ и скипетръ, любилъ бы не рос-«кошь и пышность, но умѣренность и правду, «ограждалъ бы себя не копьями и крѣпостями, «но любовію подданныхъ; не умножалъ бы зо-«лота въ казнѣ своей, но избытокъ и доволь-«ствіе народа считалъ бы собственнымъ богат-«ствомъ. Вы скажете, что такого человѣка найти «трудно: знаю; но добрый гражданинъ обязанъ «желать совершенства, по крайней мѣрѣ воз-«можнаго, въ Государѣ!»

Всѣ знали, видѣли, чего хотѣлъ Шуйскій; никто не дерзалъ явно противиться его желанію; однакожь многіе мыслили и говорили, что безъ Великой Земской Думы не льзя приступить къ дѣлу столь важному; что должно собрать въ Москвѣ Чины Государственные изъ всѣхъ областей Россійскихъ, какъ было при избраніи Годунова, и съ ними рѣшить, кому отдать Царство (570). Сіе мнѣніе было основательно и справедливо: вѣроятно, что и вся Россія избрала бы Шуйскаго; но онъ не имѣлъ терпѣнія, и друзья его возражали, что время дорого; что Правительство безъ Царя какъ безъ души, а столица въ смятеніи; что надобно предупредить и всеобщее смятеніе Россіи немедленнымъ врученіемъ скиптра достойнѣйшему изъ Вельможъ; что гдѣ Москва, тамъ и Государство; что нѣтъ нужды въ совѣтѣ, когда всѣ глаза обращены на одного, когда у всѣхъ на языкѣ одно имя... Симъ именемъ огласилась вдругъ и Дума и Красная пло-

щалъ. Не всѣ избирали, но никто не отвергалъ избираемаго — и 19 Мая, во второмъ часу дня, звукъ литавръ, трубъ и колоколовъ возвѣстилъ новаго Монарха столицѣ. Бояре и знатнѣйшее Дворянство вывели Князя Василія Шуйскаго изъ Кремля на Лобное мѣсто, гдѣ люди воинскіе и граждане, гости и купцы, особенно къ нему усердные, привѣтствовали его уже какъ отца Россіи... тамъ, гдѣ еще не давно лежала голова Шуйскаго на плахѣ, и гдѣ въ сей часъ лежало окровавленное тѣло Разстригино! Подобно Годунову изъявляя скромность, онъ хотѣлъ, чтобы Синклитъ и Духовенство прежде всего избрали Архипастыря для Церкви, на мѣсто Лжесвятителя Игнатія. Толпы восклицали: «Государь нужнѣе Патріарха для отечества!» и проводили Шуйскаго въ храмъ Успенія, въ коемъ Митрополиты и Епископы ожидали и благословили его на Царство ([571]). Все сдѣлалось такъ скоро и спѣшно, что не только Россіяне иныхъ областей, но и многіе именитые Москвитяне не участвовали въ семъ избраніи — обстоятельство несчастное: ибо оно служило предлогомъ для измѣнъ и смятеній, которыя ожидали Шуйскаго на престолѣ, къ новому стыду и бѣдствію отечества!

Избраніе новаго Царя.

Въ день государственнаго торжества едва успѣли очистить столицу отъ крови и тру-

цевъ: вывезли, схоронили ихъ за городомъ (572). Трупъ Басманова отдали родственникамъ для погребенія у церкви Николы Мокраго, гдѣ лежалъ его сынъ, умершій въ юности. Тѣло Самозванца, бывъ три дни предметомъ любопытства и ругательствъ на площади, было также вывезено и схоронено въ убогомъ домѣ, за Серпуховскими воротами, близъ большой дороги (573). Но Судьба не дала ему мирнаго убѣжища и въ нѣдрахъ земли. Съ 18 до 25 Мая были тогда жестокіе морозы, вредные для садовъ и полей: суевѣріе приписывало такую чрезвычайность волшебству Разстриги и видѣло какія-то ужасныя явленія надъ его могилою (574): чтобы пресѣчь сію молву, тѣло мнимаго чародѣя вынули изъ земли, сожгли на Котлахъ, и смѣшавъ пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки, въ ту сторону, откуда Самозванецъ пришелъ въ Москву съ великолѣпіемъ (575)! Вѣтеръ развѣялъ бренные остатки злодѣя; но примѣръ остался: увидимъ слѣдствія!

Развѣяніе Самозванцева праха.

Описавъ исторію сего перваго Лжедимитрія, должны ли мы еще увѣрять *внимательныхъ* Читателей въ его обманѣ? Не явна ли для нихъ истина сама собою въ изображеніи случаевъ и дѣяній? Только пристрастные иноземцы, ревностно служивъ обманщику, ненавидя его истребите-

Доказательства, что Лжедимитрій

былъ дѣйствительно обманщикъ.

лей и желая очернить ихъ, писали, что въ Москвѣ убитъ дѣйствительный сынъ Іоанновъ, не бродяга, а Царь законный, — хотя Россіяне, казнивъ и бродягу, не могли хвалиться своимъ дѣломъ, соединеннымъ съ нарушеніемъ присяги: ибо святость ея нужна для цѣлости гражданскихъ обществъ, и вѣроломство есть всегда преступленіе. Не довольные укоризною справедливою, зложелатели Россіи выдумали басню, украсили ее любопытными обстоятельствами, подкрѣпили доводами благовидными, въ пищу умамъ наклоннымъ къ *историческому вольнодумству*, къ сомнѣнію въ несомнительномъ, такъ, что и въ наше время есть люди, для коихъ важный вопросъ о Самозванцѣ остается еще нерѣшеннымъ. Можетъ быть, представивъ всѣ главныя черты истины въ связи, мы дадимъ имъ болѣе силы, если не для совершеннаго убѣжденія *всѣхъ* Читателей, то по крайней мѣрѣ для нашего собственнаго оправданія, чтобы они не укоряли насъ слѣпою вѣрою къ принятому въ Россіи мнѣнію, основанному будто бы на доказательствахъ слабыхъ.

Выслушаемъ защитниковъ Лжедимитріевой памяти. Они разсказываютъ слѣдующее ([876]): «Годуновъ, предпріявъ умерт«вить Димитрія, за тайну объявилъ свое «намѣреніе Царевичеву Медику, старому

«Нѣмцу, именемъ Симону, который, притворно «давъ слово участвовать въ семъ злодѣйствѣ, «спросилъ у девятилѣтняго Димитрія, имѣетъ «ли онъ столько душевной силы, чтобы снести «изгнаніе, бѣдствіе и нищету, если Богу угодно «будетъ искусить оными твердость его? Царе«вичь отвѣтствовалъ: *имѣю*; а Медикъ сказалъ: «*Въ сію ночь хотятъ тебя умертвить. Ложась «спать, обмѣняйся бѣльемъ съ юнымъ слугою, «твоимъ ровесникомъ; положи его къ себѣ на ло«же, и скройся за печь: что бы ни случилось въ «комнатѣ, сиди безмолвно, и жди меня.* Дими«трій исполнилъ предписаніе. Въ полночь отво«рилась дверь: вошли два человѣка, зарѣзали «слугу вмѣсто Царевича и бѣжали. На разсвѣтѣ «увидѣли кровь и мертваго: думали, что убитъ «Царевичь, и сказали о томъ матери. Сдѣлалась «тревога. Царица кинулась на трупъ, и въ от«чаяніи не узнала, что сей мертвый отрокъ не «сынъ ея. Дворецъ наполнился людьми: искали «убійцъ; рѣзали виновныхъ и невинныхъ; от«несли тѣло въ церковь, и всѣ разошлися. Дво«рецъ опустѣлъ, и Медикъ въ сумерки вывелъ «оттуда Димитрія, чтобы спастися бѣгствомъ «въ Украйну, къ Князю *Ивану Мстиславскому*, «*который жилъ тамъ въ ссылкѣ еще со временъ «Іоанновыхъ*. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Докторъ и «Мстиславскій умерли, давъ совѣтъ Димитрію «искать безопасности въ Литвѣ. Сей юноша «пристaлъ къ странствующимъ Инокамъ; былъ «съ ними въ Москвѣ, въ землѣ Волошской (377),

«и наконецъ явился въ домѣ Князя Вишневец-«каго.» Извѣстно, что и самъ Разстрига приписывалъ свое чудесное спасеніе Доктору (578); но сочинители сей басни не знали, что Князь Иванъ Мстиславскій умеръ Инокомъ Кирилловской Обители еще въ 1586 году (579), и что Іоаннъ никогда не ссылалъ его въ Украйну. Другіе изобрѣтатели называютъ Медика спасителя Августиномъ, прибавляя, что онъ былъ изъ числа многихъ людей ученыхъ, которые жили тогда въ Угличѣ (580), и бѣжалъ съ Царевичемъ къ Ледовитому морю, въ пустынную Обитель. Еще другіе пишутъ, что сама Царица, угадывая злое намѣреніе Борисово, съ помощію своего иноземнаго Дворецкаго (родомъ изъ Кельна), тайно удалила Димитрія и въ его мѣсто взяла Іерейскаго сына (581). Всѣ такія сказки основаны на предположеніи, что убійство совершилось ночью, когда злодѣи могли не распознать жертвы: и въ семъ случаѣ вѣроятно ли, чтобы слуги Царицыны (не говоримъ объ ней самой) и жители Углича, не рѣдко видавъ Димитрія въ церкви (582), обманулись въ убитомъ, коего тѣло пять дней лежало предъ ихъ глазами? Но Царевичь убитъ въ полдень: кѣмъ? злодѣями, которые жили во дворцѣ и не спускали глазъ съ несчастнаго младенца . . . и кто предалъ его на убіеніе? мамка: отъ колыбели до могилы Димитрій былъ въ рукахъ у Годунова. Сіи обстоятельства ясно, несомнительно утверждены свидѣтельствомъ Лѣтописцевъ и допро-

сами цѣлаго Углича, сохраненными въ нашемъ Государственномъ Архивѣ.

Если Разстрига не былъ самозванецъ, то для чего же онъ, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной? для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ въ теченіе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, чтобы разрѣшить всякое сомнѣніе? Никакою безпечностію невозможно изъяснить столь важнаго упущенія. Манифесты или грамоты Лжедимитріевы внесены въ лѣтописи, и даже подлинники ихъ цѣлы въ Архивахъ ([583]): слѣдственно не льзя съ вѣроятностію предположить, чтобы именно любопытнѣйшую изъ сихъ бумагъ истребило время. Бродяга молчалъ, ибо не имѣлъ свидѣтельствъ *истинныхъ*, и думалъ, что, признанный Царемъ, безопасно можетъ не трудить себя вымысломъ *ложныхъ*. Въ Литвѣ говорилъ онъ, что въ спасеніи его участвовали нѣкоторые Вельможи и Дьяки Щелкаловы: сіи Вельможи остались безъ извѣстной награды и неизвѣстными для Россіи; а Василій Щелкаловъ, вмѣстѣ съ другими опальными Борисова царствованія, хотя и снова явился у Двора, однакожь не въ числѣ ближнихъ и первыхъ людей. Разстригу окружали не старые, вѣрные слуги его юности, а только новые измѣнники: отъ чего и палъ онъ съ такою легкостію!

«Но Царица-Инокиня Мареа признала сына «въ томъ, кто назывался Димитріемъ?» Она же признала его и самозванцемъ: первымъ свидѣтельствомъ, безмолвнымъ, неоткровеннымъ ([584]), выраженнымъ для народа только слезами умиленія и ласками къ Разстригѣ, невольная Монахиня возвращала себѣ достоинство Царицы; вторымъ, торжественнымъ, клятвеннымъ, въ случаѣ лжи мать предавала сына злой смерти: которое же изъ двухъ достовѣрнѣе? и что понятнѣе, обыкновенная ли слабость человѣческая или дѣйствіе ужасное, столь неестественное для горячности родительской? Геройство знаменитой жены Лигурійской, которая, скрывъ сына отъ ярости непріятелей, на вопросъ, гдѣ онъ? сказала: *здѣсь, въ моей утробѣ*, и погибла въ мукахъ, не объявивъ его убѣжища ([585]) — сіе геройство, прославленное Римскимъ Историкомъ, трогаетъ, но не изумляетъ насъ: видимъ мать! Не удивились бы мы также, если бы и Царица-Инокиня, спасая истиннаго Димитрія, кинулась на копья Москвитянъ съ восклицаніемъ: *онъ сынъ мой!* И ей не грозили смертію за правду: грозили единственно судомъ Божіимъ за ложь. — Слово Царицы рѣшило жребій того, кто чтилъ ее какъ истинную мать и дѣлился съ нею величіемъ. Осуждая Лжедимитрія на смерть, Мареа осуждала и себя на стыдъ вѣчный, какъ участницу обмана — и не усомнилась: ибо имѣла еще совѣсть, и терзалась раскаяніемъ. Сколько людей слабыхъ не впало бы въ искушеніе зла,

если бы они могли предвидѣть, чего стоитъ всякое беззаконіе для сердца! — Замѣтимъ еще обстоятельство достойное вниманія: Шуйскій искалъ гибели Лжедимитрія и былъ спасенъ отъ казни неотступнымъ моленіемъ Царицы-Инокини ([586]), съ явною опасностію для ея мнимаго сына, изобличаемаго имъ въ самозванствѣ: клеветникъ, измѣнникъ могъ ли бы имѣть право на такое ревностное заступленіе? Но спасеніе Героя истины умиряло совѣсть виновной Марѳы. Къ сему прибавимъ вѣроятное сказаніе одного Писателя иноземнаго (находившагося тогда въ Москвѣ), что Разстрига велѣлъ-было извергнуть тѣло Димитріево изъ Углицкаго Соборнаго храма и погребсти въ другомъ мѣстѣ, какъ тѣло мнимаго Іерейскаго сына, но что Царица-Инокиня не дозволила ему сдѣлать того, ужасаясь мысли отнять у мертваго, истиннаго ея сына Царскую могилу ([587]).

Возражаютъ еще: «Король Сигизмундъ не «взялъ бы столь живаго участія въ судьбѣ об«манщика, и Вельможа Мнишекъ не выдалъ бы «дочери за бродягу;» но Король и Мнишекъ могли быть легковѣрны въ случаѣ обольстительномъ для ихъ страстей: Сигизмундъ надѣялся дать Россіянамъ Царя-Католика, взысканнаго его милостію, а Воевода Сендомирскій видѣть дочь на престолѣ Московскомъ. И кто знаетъ, что они дѣйствительно не сомнѣвались въ высокомъ родѣ бѣглеца? Удача была для нихъ важнѣе правды. Король не дерзнулъ *торжественно*

признать Лжедимитрія истиннымъ до его рѣшительнаго успѣха, и Воевода Сендомирскій, сдѣлавъ только опытъ, пожертвовавъ частію своего богатства надеждѣ величія, оставилъ будущаго зятя, когда увидѣлъ сопротивленіе Россіянъ. Сигизмундъ и Мнишекъ обманулись, можетъ быть, не во мнѣніи о правахъ, но единственно во мнѣніи о счастіи или благоразуміи Самозванца, думавъ, что онъ удержитъ на головѣ вѣнецъ, данный ему измѣною и заблужденіемъ: для того Король спѣшилъ громогласно объявить себя виновникомъ Разстригина Державства, и Панъ Вельможный быть тестемъ Царя, хотя бы и племени Отрепьевыхъ. Покатителями въ ихъ силѣ и благоденствіи гнушаются не страсти мірскія, но только чистая совѣсть и добродѣтель уединенная.

Убѣдительнѣе ли и сужденіе тѣхъ друзей Лжедимитрія, которые говорятъ: «войско, Бояре, «Москва, не приняли бы его въ Цари безъ сильныхъ доказательствъ, что онъ сынъ Іоан«новъ» (303)? Но войско, Бояре, Москва и свергнули его какъ уличеннаго самозванца: для чего вѣрить имъ въ первомъ случаѣ и не вѣрить въ послѣднемъ? Въ обоихъ конечно дѣйствовало удостовѣреніе, основанное на доказательствахъ; но люди и народы всегда могли ошибаться, какъ свидѣтельствуетъ Исторія . . . и самаго Лжедимитрія!

Напомнимъ Читателямъ, что знаменитѣйшій изъ клевретовъ и единственный вѣрный другъ

Разстриги въ бесѣдахъ искреннихъ не скрывалъ его самозванства: такое важное признаніе слышалъ и сообщилъ потомству Нѣмецкій Пасторъ Беръ, который любилъ, усердно славилъ Лжедимитрія, и клялъ Россіянъ за убіеніе Царя, хотя и не сына Іоаннова ([589]). Сей же очевидецъ тогдашнихъ дѣяній предалъ намъ слѣдующія, не менѣе достопамятныя свидѣтельства истины:

1) «Голландскій Аптекарь Арендъ Клаузендъ ([590]), бывъ 40 лѣтъ въ Россіи, служивъ «Іоанну, Θеодору, Годунову, Самозванцу, и «лично знавъ, ежедневно видавъ Димитрія во «младенчествѣ, сказывалъ мнѣ утвердительно, «что мнимый Царь Димитрій есть совсѣмъ дру«гой человѣкъ, и не походитъ на истиннаго, «имѣвшаго смуглое лице и всѣ черты матери, съ «которою Самозванецъ ни мало не сходство«валъ. — 2) Въ томъ же увѣряла меня Ливон«ская плѣнница, Дворянка Тизенгаузенъ, осво«божденная въ 1611 году, бывъ повивальною «бабкою Царицы Маріи, служивъ ей днемъ и «ночью, не только въ Москвѣ, но и въ Угличѣ— «непрестанно видавъ Димитрія живаго, видѣвъ «и мертваго. — 3) Скоро по убіеніи Лжедимитрія «выѣхалъ я изъ Москвы въ Угличь, и разгова«ривая тамъ съ однимъ маститымъ старцемъ, «бывшимъ слугою при дворѣ Маріи, заклиналъ «его объявить мнѣ истину о Царѣ убитомъ. Онъ «всталъ, перекрестился и такъ отвѣтствовалъ: «*Москвитяне клялися ему въ вѣрности и нару«шили клятву: не хвалю ихъ. Убитъ человѣкъ*

«разумный и храбрый, но не сынъ Іоанновъ, дѣй-«ствительно зарѣзанный въ Угличѣ: я видѣлъ его «мертваго, лежащаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ «всегда игрывалъ. Богъ судія Князьямъ и Боя-«рамъ нашимъ: время покажетъ, будемъ ли сча-«стливѣе.»

Въ заключеніе упомянемъ о свидѣтельствѣ извѣстнаго Шведа Петрея, который былъ Посланникомъ въ Москвѣ отъ Карла IX и Густава Адольфа, лично зналъ Самозванца и пишетъ, что онъ казался человѣкомъ лѣтъ за тридцать (391); а Димитрій родился въ 1582 году, и слѣдственно имѣлъ бы тогда не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Однимъ словомъ, несомнительныя, историческія и нравственныя доказательства убѣждаютъ насъ въ истинѣ, что мнимый Димитрій былъ самозванецъ. Но представляется другой вопросъ: кто же именно? дѣйствительно ли Разстрига Отрепьевъ? Многіе иноземцы-современники не хотѣли вѣрить, чтобы бѣглый Инокъ Чудовской Обители могъ сдѣлаться вдругъ мужественнымъ витяземъ, неустрашимымъ бойцемъ, искуснымъ всадникомъ, и многіе считали его Полякомъ или Трансильванцемъ, незаконнымъ сыномъ Героя Баторія, воспитанникомъ Іезуитовъ, утверждаясь на мнѣніи нѣкоторыхъ знатныхъ Ляховъ (392), и прибавляя, что онъ не чисто говорилъ языкомъ Русскимъ: мнѣніе явно несправедливое, когда современныя донесенія Іезуитовъ къ ихъ начальству свидѣтельствуютъ, что они

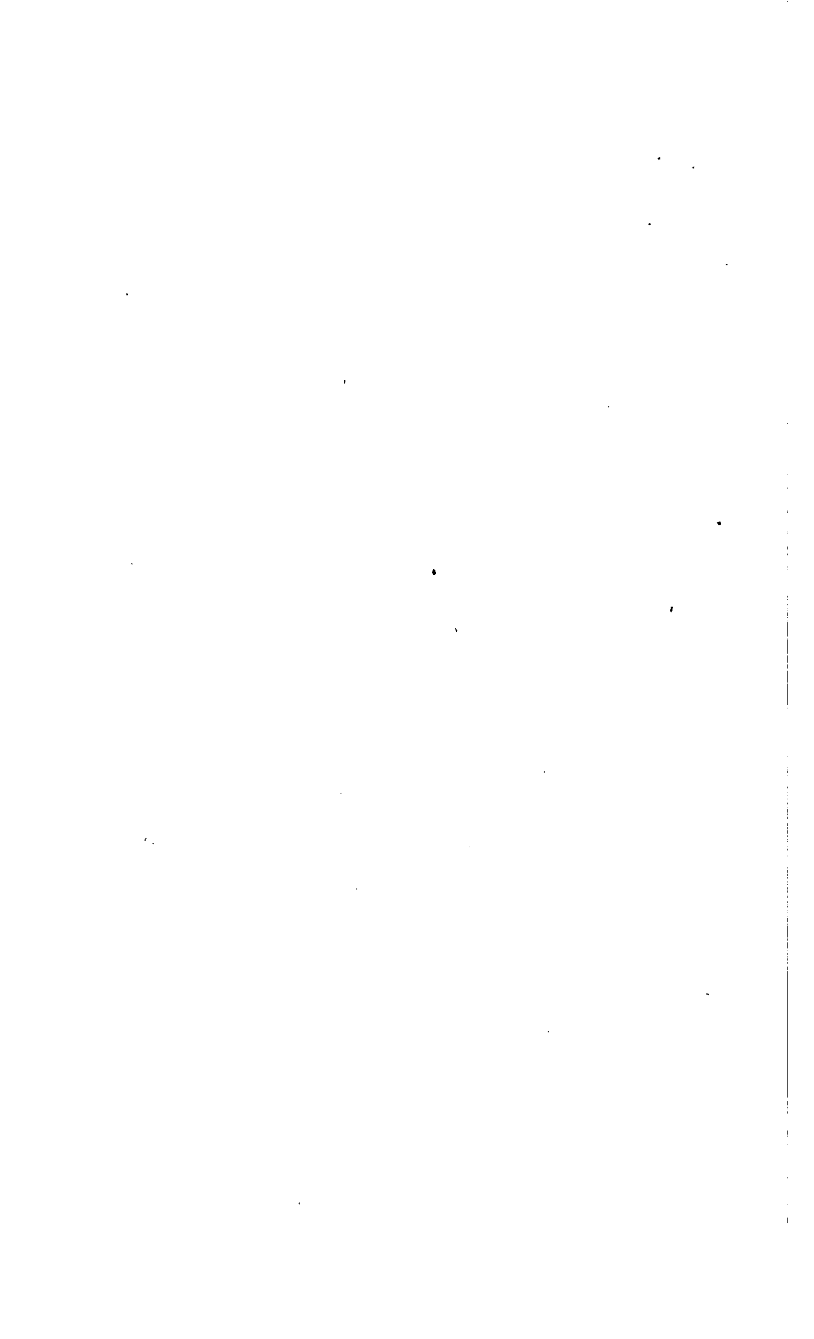
узнали его въ *Литвѣ* уже подъ именемъ Димитрія, и не Католикомъ, а сыномъ Греческой Церкви (593). Никто изъ Россіянъ не упрекалъ Самозванца худымъ знаніемъ языка нашего, коимъ онъ владѣлъ совершенно, говорилъ правильно, писалъ съ легкостію (594), и не уступалъ никакому Дьяку тогдашняго времени въ красивомъ изображеніи буквъ. Имѣя нѣсколько подписей Самозванцевыхъ (595), видимъ въ Латинскихъ слабую, невѣрную руку ученика, а въ Русскихъ твердую, мастерскую, кудрявый почеркъ грамотѣя Приказнаго, каковъ былъ Отрепьевъ, книжникъ Патріаршій. Возраженіе, что келліи не производятъ витязей, уничтожается исторіею его юности: одѣваясь Инокомъ, не велъ ли онъ жизни смѣлаго дикаря, скитаясь изъ пустыни въ пустыню, учась безстрашію, не боясь въ дремучихъ лѣсахъ ни звѣрей, ни разбойниковъ, и наконецъ бывъ самъ разбойникомъ подъ хоругвію Козаковъ Днѣпровскихъ? Если нѣкоторые изъ людей ослѣпленныхъ личнымъ къ нему пристрастіемъ, находили въ Лжедимитріи какое-то *величіе* (596), необыкновенное *для* человѣка рожденнаго въ низкомъ состояніи, то другіе хладнокровнѣйшіе наблюдатели видѣли въ немъ всѣ признаки закоснѣлой подлости, не изглаженные ни обхожденіемъ съ знатными Ляхами, ни счастіемъ нравиться Мнишковой дочери. Съ умомъ естественнымъ, легкимъ, живымъ и быстрымъ, даромъ слова, знаніями школьника и грамотѣя соединяя рѣдкую дерзость, силу

души и воли, Самозванецъ былъ однакожь худымъ лицедѣемъ на престолѣ, не только безъ основательныхъ свѣдѣній въ государственной наукѣ, но и безъ всякой сановитости благородной: сквозь великолѣпіе Державства проглядывалъ въ Царѣ бродяга. Такъ судили объ немъ и Поляки безпристрастные. — Доселѣ мы могли затрудняться однимъ важнымъ свидѣтельствомъ: извѣстный въ Европѣ Капитанъ Маржеретъ, усердно служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ людей и происшествія собственными глазами, увѣрялъ Генрика IV, знаменитаго Историка де-Ту и читателей своей книги о Московской Державѣ, что Григорій Отрепьевъ былъ не Лжедимитрій, а совсѣмъ другой человѣкъ, который съ нимъ (Самозванцемъ) ушелъ въ Литву, и съ нимъ же возвратился въ Россію, велъ себя непристойно, пьянствовалъ, употреблялъ во зло благосклонность его, и сосланный имъ за то въ Ярославль, дожилъ тамъ до воцаренія Шуйскаго [598]. Нынѣ, отыскавъ новыя современныя преданія историческія, изъясняемъ Маржеретово сказаніе обманомъ Монаха Леонида, который назвался именемъ Отрепьева для увѣренія Россіянъ, что Самозванецъ не Отрепьевъ [599]. Царь Годуновъ имѣлъ способы открыть истину: тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ [600], когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ случаѣ столь важномъ Борисъ легкомысленно, безъ удостовѣренія, объя-

вилъ Лжедимитрія бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедимитрія, живаго, мертваго, и все еще утвердительно признавали Діакономъ Григоріемъ ([601]); ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени.

Сего довольно. Приступаемъ къ описанію дальнѣйшихъ бѣдствій Россіи, не менѣе чрезвычайныхъ, не менѣе оскорбительныхъ для ея чести, но уже подобныхъ мрачному сновидѣнію, — уже только любопытныхъ для народа, коему Небо судило временнымъ уничиженіемъ достигнуть величія, и который достигъ онаго, загладивъ память слабости великодушнымъ напряженіемъ силъ и память стыда необыкновенною славою.

КОНЕЦЪ XI ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ XI.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ БОРИСА ГОДУНОВА.

Г. 1598—1604.

Стр.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ БОРИСОВА.

Г. 1604—1605.

ГЛАВА III.

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА БОРИСОВИЧА ГОДУНОВА.

Г. 1605.

ГЛАВА IV.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ.

Г. 1605—1606.

Стр.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1853.

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ XII ТОМА.

(1829 г.)

Наконецъ мы можемъ исполнить ожиданіе Публики и послѣднюю волю безсмертнаго творца Исторіи Государства Россійскаго.

Въ 1826 году, когда его семейство и друзья еще дозволяли себѣ надѣяться, что путешествіе и лучшій климатъ могутъ поправить его здоровье, онъ поручалъ намъ быть Издателями XII Тома его Исторіи; думалъ кончить ее въ Италіи и однакожь хотѣлъ прежде отъѣзда приготовить Примѣчанія къ написаннымъ уже Главамъ. Но Судьбѣ было угодно, чтобы его великій трудъ и въ семъ отношеніи остался недовершеннымъ. Въ первыя минуты ужасной и — не смотря на видимыя дѣйствія четырехъ-мѣсячной мучительной болѣзни — все еще какъ будто неожиданной потери, когда мысли тѣхъ, кои доселѣ его оплакиваютъ, не могли быть заняты ничѣмъ инымъ,

собранныя имъ для составленія Примѣчаній книги и рукописи разосланы по разнымъ мѣстамъ. Нужно было время , чтобы снова собрать ихъ и привести въ порядокъ. Отъ сего и отъ нѣкоторыхъ другихъ , неважныхъ для Публики обстоятельствъ , замедлилось изданіе книги , какъ намъ извѣстно съ нетерпѣніемъ ожидаемой.

Всѣ приложенныя нами Примѣчанія суть не что иное какъ выписки , сдѣланныя по оставшимся въ бумагахъ покойнаго Исторіографа указаніямъ. Что касается до текста , кажется нѣтъ нужды говорить , что онъ представляется Читателямъ въ томъ самомъ видѣ, въ коемъ мы нашли его. Первыя четыре Главы, даже и начало пятой , за исключеніемъ лишь немногихъ послѣднихъ страницъ, были еще при жизни Автора переписаны на бѣло , пересмотрѣны имъ и приготовлены къ печати. По странному, достойному замѣчанія стеченію обстоятельствъ , сіе послѣднее произведеніе Карамзина было , какъ можно полагать , послѣднимъ чтеніемъ Императора Александра ; манускриптъ онаго , присланный изъ Таганрога послѣ кончины сего Государя, возвращенъ покойному Исторіографу въ то время , когда онъ самъ быстро склонялся къ гробу.

Карамзинъ не имѣлъ несчастія пережить свой талантъ. Въ самомъ изнеможеніи силъ физиче-

силахъ, силы души его не слабѣли, и послѣднія черты его кисти также живы и вѣрны, какъ и тѣ, коими ознаменованы блистательнѣйшія мѣста его Исторіи. Въ семъ XII Томѣ, коему можетъ быть только не достаетъ конца, чтобъ быть совершеннѣйшимъ, Читатели умѣющіе цѣнить изящное найдутъ все, что по справедливости плѣняетъ насъ въ первыхъ, все, что можно назвать отличительнымъ свойствомъ сего безсмертнаго творенія: необыкновенную точность въ изображеніяхъ, плодъ обширныхъ, неутомимыхъ изысканій и пламенной, благоговѣйной любви къ истинѣ, во всемъ руководствовавшей Автора, выборъ всегда удачный сихъ мелкихъ, но иногда столь важныхъ подробностей, которыя такъ сказать оживотворяютъ разсказъ Историка, искусство поддерживать и пробуждать вниманіе красотою отдѣльныхъ картинъ безъ вреда для общей связи и дѣйствія цѣлаго, и другое еще замѣчательнѣйшее искусство описывать давно бывшія происшествія съ чувствомъ и жаромъ современника, не переставая судить о нихъ, означать ихъ причины и слѣдствія съ безпристрастіемъ и проницательностію Философа богатаго идеями нашего вѣка. Мы уже не говоримъ о достоинствѣ неподражаемаго, доселѣ единственнаго у насъ слога.

Повѣствованіе о бѣдствіяхъ царствованія Ва-

силія Шуйскаго и послѣдовавшаго за онымъ Междоцарствія перерывается въ 1611 году. Какъ намъ кажется, сіе не ослабляетъ и можетъ быть еще усиливаетъ впечатлѣніе, производимое описаніемъ тогдашняго ужаснаго состоянія Россіи.

Дм. Б.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

ГЛАВА I.

Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго.

г. 1606—1608.

Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва Василіева. Обнародованныя грамоты. Вѣнчаніе. Опалы. Неудовольствія. Пренесеніе Димитріева тѣла. Новый Патріархъ. Гордость Марины. Рѣчь Пословъ Литовскихъ. Посольство къ Сигизмунду. Сношенія съ Европою и съ Азіею. Мятежи въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Вторый Лжедимитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ. Прокопій Ляпуновъ. Пренесеніе тѣла Борисова. Мятежники подъ Москвою. Побѣда Скопина-Шуйскаго. Лжепетръ. Осада Калуги. Годуновы въ Сибири. Распоряженія Василіевы. Призваніе Іова. Храбрость Болотникова. Побѣда Романова. Мужество Скопина. Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Осада Тулы. Явленіе новаго Лжедимитрія. Взятіе Тулы. Бракъ Василіевъ. Законы. Уставъ воинскій.

г. 1606. Родъ Василіевъ.

Василій Іоанновичь Шуйскій, происходя въ осьмомъ колѣнѣ отъ Димитрія Суздальскаго, спорившаго съ Донскимъ о Вели-

комъ Княжествѣ, былъ внукомъ ненавистнаго Олигарха Андрея Шуйскаго, казненнаго во время Іоанновой юности, и сыномъ Боярина-Воеводы, убитаго Шведами въ 1573 году подъ стѣнами Лоде ([1]).

Свойства новаго Царя.

Если всякаго Вѣнценосца *избраннаго* судятъ съ бóльшею строгостію, нежели Вѣнценосца наслѣдственнаго; если отъ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно, съ усердіемъ и безъ зависти: то какія достоинства, для царствованія мирнаго и непрекословнаго, надлежало имѣть новому Самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели отечествомъ единодушнымъ, въ слѣдствіе измѣнъ, злодѣйствъ, буйности и разврата? Василій, льстивый царедворецъ Іоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный злодѣятель Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ кова, могъ быть только вторымъ Годуновымъ: лицемѣромъ, а не Героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и Властителей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцаряясь, имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ въ крамольствѣ. Но Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубійцею; обагренный единственно кровію ненавистною, и

заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестящимъ, оказавъ въ низложеніи Самозванца и хитрость и неустрашимость, всегда плѣнительную для народа. Чья судьба въ Исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго? Кто съ мѣста казни восходилъ на тронъ, и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хламидою Царскою? Сіе воспоминаніе не вредило, но способствовало общему благорасположенію къ Василію: онъ страдалъ за отечество и Вѣру! Безъ сомнѣнія уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился однакожь разумомъ мужа Думнаго и свѣдѣніями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его считали волхвомъ (2); съ наружностію невыгодною (будучи роста малаго, толстъ, несановитъ и лицемъ смуглъ; имѣя взоръ суровый, глаза красноватые и подслѣпые, ротъ широкій), даже съ качествами вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣрною скупостію, умѣлъ, какъ Вельможа, снискать любовь гражданъ (3) честною жизнію, ревностнымъ наблюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обхожденіемъ. Престолъ явилъ для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушеній, склонность и къ легковѣрію, коего желаетъ зломысліе, и къ недовѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но престолъ же явилъ для потомства и чрезвычайную твердость души Василіевой въ бореніи съ неодолимымъ рокомъ: вкусивъ всю горесть Державства

несчастнаго, уловленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ бываетъ иногда не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ Государства!

Онъ хотѣлъ добра отечеству, и безъ сомнѣнія искренно: еще болѣе хотѣлъ угождать Россіянамъ. Видѣвъ столько злоупотребленій неограниченной Державной власти, Шуйскій думалъ устранить ихъ и плѣнить Россію новостію важною. Въ часъ своего воцаренія, когда Вельможи, сановники и граждане клялися ему въ вѣрности, самъ нареченный Вѣнценосецъ, къ общему изумленію, далъ присягу, дотолѣ неслыханную: 1) не казнить смертію никого безъ суда Боярскаго, истиннаго, законнаго; 2) преступниковъ не лишать имѣнія, но оставлять его въ наслѣдіе женамъ и дѣтямъ невиннымъ; 3) въ извѣтахъ требовать прямыхъ, явныхъ уликъ съ очей на очи, и наказывать клеветниковъ тѣмъ же, чему они подвергали винимыхъ ими несправедливо (4). «Мы желаемъ» (говорилъ Василій), «чтобы православное Христіанство «наслаждалось миромъ и тишиною подъ «нашею Царскою хранительною властію» — и велѣвъ читать грамоту, которая содержала въ себѣ означенный уставъ, цѣловалъ крестъ въ удостовѣреніе, что исполнитъ его добросовѣстно. Симъ священнымъ обѣтомъ мыслилъ новый Царь избавить

Клятва Василіева.

Россіянъ отъ двухъ ужасныхъ золъ своего вѣка: отъ ложныхъ доносовъ и беззаконныхъ опалъ, соединенныхъ съ разореніемъ цѣлыхъ семействъ въ пользу алчной казны; мыслилъ, въ годину смятеній и бѣдствій, дать гражданамъ то благо, коего не знали ни дѣды, ни отцы наши до человѣколюбиваго царствованія Екатерины Второй. Но вмѣсто признательности, многіе люди, знатные и незнатные, изъявили негодованіе, и напомнили Василію правило, уставленное Іоанномъ III, что не Государь народу, а только народъ Государю даетъ клятву (5). Сіи Россіяне были искренніе друзья отечества, не рабы и не льстецы низкіе: имѣя въ свѣжей памяти грозы тиранства, еще помнили и бурные дни Іоаннова младенчества, когда власть Царская въ пеленахъ дремала: боялись ея стѣсненія, вреднаго для Государства, какъ они думали, и предпочитали свободную милость закону. Царь не внялъ ихъ убѣжденіямъ, дѣйствуя или по собственному изволенію или въ угодность нѣкоторымъ Боярамъ, склоннымъ къ Аристократіи (6), и чтобы блеснуть великодушіемъ, торжественно обѣщалъ забыть всякую личную вражду, всѣ досады, претерпѣнныя имъ въ Борисово время (7): ему вѣрили, но не долго.

Отмѣнивъ новости, введенныя Лжедимитріемъ, и возстановивъ древнюю Госу- Обна-

родованныя грамоты.

дарственную Думу, какъ она была до его времени, Василій спѣшилъ извѣстить всю Россію о своемъ воцареніи и не оставить въ умахъ ни малѣйшаго сомнѣнія о Самозванцѣ: послали всюду чиновниковъ знатныхъ приводить народъ къ крестному цѣлованію, съ обѣтомъ, не дѣлать, не говорить, и не мыслить ничего злаго противъ Царя, *будущей* супруги и дѣтей его; велѣли, какъ обыкновенно, три дни звонить въ колокола, отъ Москвы до Астрахани и Чернигова, до Тары и Колы, — молиться о здравіи Государя и мирѣ отечества (8). Читали въ церквахъ грамоты отъ Бояръ, Царицы-Инокини Марѳы и Василія (именованнаго въ сихъ бумагахъ *потомкомъ Кесаря Римскаго*). Описавъ дерзость, злодѣйства, собственное въ томъ признаніе и гибель Самозванца, Бояре величали родъ и заслугу Шуйскаго, спасителя Церкви и Государства. Марѳа свидѣтельствовалась Богомъ, что ея сердце успокоено казнію обманщика; а Василій увѣрялъ Россіянъ въ своей любви и милости безпримѣрной. Обнародовали найденную во внутреннихъ комнатахъ дворца переписку Лжедимитрія съ Римскимъ Дворомъ и Духовенствомъ о введеніи у насъ Латинской Вѣры (9), запись данную Воеводѣ Сендомирскому на Смоленскъ и Сѣверскую землю, также допросы Мнишка и Бучинскихъ, Яна и Ся-

посла (Мнишекъ впадался въ заблужденія, сказывая, что онъ и самъ уже не могъ считать мнимаго Димитрія истиннымъ, примѣтивъ въ немъ ненависть къ Россіи, и для того часто впадалъ въ болѣзнь отъ горести.) Бучинскіе объявляли, что Разстрига дѣйствительно хотѣлъ, съ помощію Ляховъ, умертвить, 18 Мая, на лугу Срѣтенскомъ, двадцать главныхъ Бояръ и всѣхъ лучшихъ Москвитянъ; что Пану Ратомскому надлежало убить Князя Мстиславскаго, Тарлу и Стадницкимъ Шуйскихъ; что Ляхи должны были занять всѣ мѣста въ Думѣ, править войскомъ и Государствомъ: свидѣтельство едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Россіянъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій, хотя и неразсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное: ибо легко было предвидѣть, что Бояре и Москвитяне не дали бы рѣзать себя какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелію Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ Главою.

Вѣнчаніе.

Іюня 1 совершилось Царское вѣнчаніе, въ храмѣ Успенія, съ наблюденіемъ всѣхъ торжественныхъ обрядовъ, но безъ всякой

расточительной пышности: корону Мономахову возложилъ на Василія Митрополитъ Новогородскій ([10]). Синклитъ и народъ славили Вѣнценосца съ усердіемъ; гости и купцы отличились щедростію въ дарахъ, ему поднесенныхъ. Являлось однакожь какое-то уныніе въ столицѣ ([11]). Не было ни милостей ([12]), ни наградъ; были опалы. Смѣнили Дворецкаго, Князя Рубца-Мосальскаго, одного изъ первыхъ клятвопреступниковъ Борисова времени ([13]), и велѣли ему ѣхать Воеводою въ Корелу или Кексгольмъ; Михайлу Нагому запретили именоваться Конюшимъ, желая личнымъ уничтожить сей знаменитый санъ, чрезмѣрно возвышенный Годуновымъ, или единственно въ знакъ неблаговоленія къ злопамятному страдальцу Василіева криводушія въ дѣлѣ о Димитріевомъ убіеніи ([14]); *Великаго Секретаря* и *Подскарбія*, Аѳанасія Власьева, сослали на Воеводство въ Уфу ([15]), какъ ненавистнаго приверженника Разстригина; двухъ важныхъ Бояръ, Михайла Салтыкова и Бѣльскаго, удалили, давъ первому начальство въ Иванѣ-городѣ, второму въ Казани ([16]); многихъ иныхъ сановниковъ и Дворянъ, не угодныхъ Царю, также выслали на службу въ дальніе города; у многихъ взяли помѣстья. Василій, говоритъ Лѣтописецъ ([17]), нарушилъ обѣтъ свой не мстить никому

Опалы.

лично, безъ вины и суда. Оказалось неудовольствіе; слышали ропотъ. Василій, какъ опытный наблюдатель тридцатилѣтняго гнуснаго тиранства, не хотѣлъ ужасомъ произвести безмолвія, которое бываетъ знакомъ тайной, всегда опасной ненависти къ жестокимъ Властителямъ; хотѣлъ равняться въ государственной мудрости съ Борисомъ и превзойти Лжедимитрія въ свободолюбіи, отличать слово отъ умысла, искать въ нескромной искренности только указаній для Правительства и разить мечемъ закона единственно крамольникамъ. Слѣдствіемъ была удивительная вольность въ сужденіяхъ о Царѣ, особенная величавость въ Боярахъ ([18]), особенная смѣлость во всѣхъ людяхъ чиновныхъ; казалось, что они имѣли уже не Государя самовластнаго, а полу-Царя. Никто не дерзнулъ спорить о коронѣ съ Шуйскимъ, но многіе дерзали ему завидовать и порочить его избраніе, какъ незаконное. Самые усердные клевреты Василія изъявляли негодованіе: ибо онъ, доказывая свою умѣренность, безпристрастіе и желаніе царствовать не для клевретовъ, а для блага Россіи, не далъ имъ никакихъ наградъ блестящихъ въ удовлетвореніе ихъ суетности и корыстолюбія. Замѣтили еще необыкновенное своевольство въ народѣ ([19]) и шатость въ умахъ; ибо частыя

Неудовольствія.

перемѣны государственной власти раждаютъ недовѣріе къ ея твердости и любовь къ перемѣнамъ: Россія же въ теченіе года (20) имѣла четвертаго Самодержца, праздновала два цареубійства и не видала нужнаго общаго согласія на послѣднее избраніе. Старость Василія, уже почти шестидесятилѣтняго (21), его одиночество, неизвѣстность наслѣдія, также производили уныніе и безпокойство. Однимъ словомъ, самые первые дни новаго царствованія, всегда благопріятнѣйшіе для ревности народной, болѣе омрачили, нежели утѣшили сердца истинныхъ друзей отечества.

Превезеніе Димитріева тѣла.

Между тѣмъ, какъ бы еще не полагаясь на удостовѣреніе Россіянъ въ самозванствѣ Разстриги, Василій дерзнулъ явленіемъ торжественнымъ напомнить имъ о своихъ лжесвидѣтельствахъ, коими онъ, въ угодность Борису, затмилъ обстоятельства Димитріевой гибели: Царь велѣлъ Святителямъ, Филарету Ростовскому и Ѳеодосію Астраханскому, съ Боярами Княземъ Воротынскимъ, Петромъ Шереметевымъ, Андреемъ и Григоріемъ Нагими, перевезти въ Москву тѣло Димитрія изъ Углича, гдѣ оно, въ господствованіе Самозванца, лежало уединенно въ опальной могилѣ, никѣмъ непосѣщаемой (22): Іереи не смѣли служить панихидъ надъ нею; граждан

боялись приближиться къ сему мѣсту, которое безмолвно уличало мнимаго Димитрія въ обманѣ. Но паденіе обманщика возвратило честь гробу Царевича: жители устремились къ нему толпами; *пѣли молебны*, лили слезы умиленія и покаянія, лучше другихъ Россіянъ знавъ истину и молчавъ противъ совѣсти. Когда Святители и Бояре Московскіе, прибывъ въ Угличь, объявили волю Государеву, народъ долго не соглашался выдать имъ драгоцѣнные остатки юнаго мученика, взывая (23): «Мы его любили и за него страдали! Лишенные живаго, лишимся ли и мертваго?» Когда же, вынувъ изъ земли гробъ и снявъ его крышку, увидѣли тѣло, въ пятнадцать лѣтъ едва поврежденное сыростію земли (24): плоть на лицѣ и волосы на головѣ цѣлые, равно какъ и жемчужное ожерелье, шитый платокъ въ лѣвой рукѣ, одежду также шитую серебромъ и золотомъ, сапожки, горсть орѣховъ, найденныхъ у закланнаго младенца въ правой рукѣ и съ нимъ положенныхъ въ могилу: тогда, въ единодушномъ восторгѣ, жители и пришельцы начали славить сіе знаменіе святости — и за чудомъ слѣдовали новыя чудеса, по свидѣтельству современниковъ: недужные, съ вѣрою и любовію касаясь мощей, исцѣлялись. Изъ Углича несли раку, перемѣняясь, люди знатнѣйшіе, воины, граждане и земледѣльцы: Василій, Царица-Инокиня Мароа, Духовенство,

3 Іюня. Синклитъ, народъ встрѣтили ее за городомъ; открыли мощи, явили ихъ нетлѣніе, чтобы *утѣшить вѣрующихъ и сомкнуть уста невѣрнымъ* (25). Василій взялъ святое бремя на рамена свои и несъ до церкви Михаила Архангела, какъ бы желая симъ усердіемъ и смиреніемъ очистить себя передъ тѣмъ, кого онъ столь безстыдно оклеветалъ въ самоубійствѣ! Тамъ, среди храма, Инокиня Мароа, обливаясь слезами, молила Царя, Духовенство, всѣхъ Россіянъ простить ей грѣхъ согласія съ Лжедимитріемъ для ихъ обмана — и Святители, исполняя волю Царя, разрѣшили ее торжественно, *изъ уваженія къ ея супругу и сыну* (26). Народъ исполнился умиленія, и еще болѣе, когда церковь огласилась радостными кликами многихъ людей, вдругъ излеченныхъ отъ болѣзней дѣйствіемъ вѣры къ мощамъ Димитріевымъ, какъ пишутъ очевидцы. Хотѣли предать землѣ сіи святые остатки и раскопали засыпанную могилу Годунова, чтобы поставить въ ней гробъ его жертвы, въ придѣлѣ, гдѣ лежатъ Царь Іоаннъ и два сына его; но благодарность исцѣленныхъ и надежда болящихъ убѣдили Василія не скрывать *источника благодати:* вложили тѣло въ деревянную раку, обитую золотымъ атласомъ, оставили ее на помостѣ и велѣли пѣть молебны новому Угоднику Божію,

вѣрно праздновать его память и вѣчно клясть Лжедимитріеву [27].

Новый Патріархъ.

Еще Церковь не имѣла Патріарха: въ самый первый день Василіева царствованія свели Игнатія съ престола, безъ суда Духовнаго, единственно по указу Государеву, — одѣли въ черную рясу и заперли въ келліяхъ Чудова монастыря; Іовъ же, въ печали, въ слезахъ лишась зрѣнія, не хотѣлъ возвратиться въ Москву [28], гдѣ находились тогда всѣ Святители Россійскіе, кромѣ Митрополита Ермогена, удаленнаго Лжедимитріемъ [29], и тѣмъ возвышеннаго во мнѣніи народа. Среди жалостныхъ примѣровъ слабости, оказанной несчастнымъ Іовомъ и всѣмъ Духовенствомъ, Ермогенъ, не обольщенный милостію Самозванца, не устрашенный опалою за ревность къ Православію, казался Героемъ Церкви, и былъ единодушно, единогласно нареченъ Патріархомъ, — нетерпѣливо ожидаемъ и немедленно посвященъ, какъ скоро прибылъ изъ Казани въ столицу, соборомъ нашихъ Епископовъ. Царь, съ любовію вручая Ермогену жезлъ Св. Петра Митрополита, и Ермогенъ, съ любовію благословляя Царя, заключили искренній, вѣрный союзъ Церкви съ Государствомъ, но не для ихъ мира и счастія!

Утвердивъ себя на престолѣ великодушнымъ обѣтомъ блюсти законъ, всенарод-

нымъ оправданіемъ казни Разстригиной, своимъ Царскимъ вѣнчаніемъ, торжествомъ Димитріевой святости, избраніемъ Патріарха ревностнаго и мужественнаго духомъ; поставивъ войско на берегахъ Оки и въ Украйнѣ, велѣвъ надежнымъ чиновникамъ осмотрѣть его (30) и Воеводамъ ждать Царскаго Указа, чтобы итти для усмиренія враговъ, гдѣ они явятся — Василій немедленно занялся дѣлами внѣшними. Важнѣйшимъ дѣломъ было рѣшить миръ или войну съ Литвою, не уронить достоинства Россіи, но безъ крайности не начинать кровопролитія въ смутныхъ обстоятельствахъ Государства, коего внутреннее устройство, послѣ измѣнъ и бунтовъ, требовало времени и тишины. Еще тѣло Самозванца лежало на лобномъ мѣстѣ, когда Духовенство наше отправило гонца въ Кіевъ, къ тамошнему Воеводѣ, Князю Острожскому, съ извѣстительною грамотою о всемъ, что случилось въ Москвѣ, и съ увѣреніемъ въ миролюбіи Россійскаго Правительства, не взирая на всѣ козни Литовскаго. Въ семъ смыслѣ дѣйствовалъ и новый Вѣнценосецъ: хранилъ Поляковъ отъ злобы народа, велѣлъ давать имъ все нужное въ изобиліи, и съ честію отвезти Марину къ отцу, который, обманывая себя и другихъ, еще именовалъ ее Царицею, и въ видѣ слуги усерднаго благоговѣлъ предъ де-

мерно (31). Марина изъявляла болѣе высокомѣрія, нежели скорби, и говорила своимъ ближнимъ: «Избавьте меня отъ вашихъ «безвременныхъ утѣшеній и слезъ малодушныхъ!» У нее взяли сокровища, одежды богатыя, данныя ей мужемъ: она не жаловалась отъ гордости. Взяли и все имѣніе Воеводы Сендомирскаго: 10,000 рублей деньгами, кареты, лошадей, приборы конскіе, вина, всего на 250,000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ (32), сказавъ ему: «возвратимъ тебѣ, что найдется твоимъ собственнымъ; удержимъ достояніе казны «Царской.» Въ свиданіи съ Боярами Мнишекъ не скрывалъ глубокой своей печали, ни раскаянія, вѣроятно искренняго, бывъ знаменитѣйшимъ Вельможею въ отечествѣ и видя себя невольникомъ въ странѣ чуждой, гдѣ народная месть, имъ заслуженная, угрожала ему гибелію или узами, послѣ его сновидѣнія о Державномъ величіи. Бояре обѣщали Мнишку не только безопасность, но и свободу, если Король удостовѣритъ Василія въ истинномъ расположеніи къ миру (33).

Гордость Марины.

Они имѣли нѣсколько свиданій и съ Послами Литовскими. Первое было 27 Мая, во дворцѣ, гдѣ сіи Паны замѣтили разительную перемѣну: исчезла пышность Лжедимитріева времени; скрылись блестящіе золотомъ тѣлохранители и Стрѣльцы;

самые знатные чиновники, угождая вкусу Василіеву къ бережливости, не отличались богатствомъ платья. Вмѣсто роскоши и веселія, являлись вездѣ простота, угрюмая важность, безмолвная печаль (34). «Намъ казалось» — пишутъ Ляхи очевидцы — «что Дворъ Московскій готовился къ погребенію.» Князья Мстиславскій, Дмитрій Шуйскій, Трубецкій, Голицыны, Татищевъ, приняли Олесницкаго и Госѣвскаго въ той же палатѣ, въ коей они бесѣдовали съ ними именемъ Лжедимитрія, называя его тогда *непобѣдимымъ Цесаремъ*, а въ сіе время гнуснымъ исчадіемъ ада! Мстиславскій произнесъ сильную рѣчь о злодѣйскомъ убіеніи истиннаго сына Іоаннова по волѣ Годунова, о нелѣпомъ самозванствѣ Разстриги, о козняхъ Сигизмундовыхъ, желая доказать, что бродяга безъ вспоможенія Ляховъ никогда не овладѣлъ бы Московскимъ престоломъ; что сей бродяга достойно казненъ Россіею, а не многіе Ляхи, въ часъ мятежа, убиты чернію за ихъ наглость, безъ вѣдома Бояръ и Дворянства. «Однимъ «словомъ» — заключилъ Мстиславскій — «кто «виною зла и всѣхъ бѣдствій? Король и вы, «Паны, нарушивъ святость мирнаго договора «и крестнаго цѣлованія.»

Олесницкій и Госѣвскій тихо совѣтовались другъ съ другомъ и дали отвѣтъ не менѣе сильный, изъясняясь смѣло, и если не во всемъ искренно, то по крайней мѣрѣ умно и благородно. «Мы слышали о бѣдственной кончинѣ

«Димитрія» — говорили Паны — «и жа-«лѣли объ ней какъ Христіане, гнушаясь «убійцею. Но явился человѣкъ подъ име-«немъ сего Царевича, свидѣтельствуясь «разными примѣтами въ истинѣ своего «увѣренія, и сказывая, какъ онъ спасенъ «Небомъ отъ убійцъ, — какъ Борисъ тайно «умертвилъ Царя Θеодора, истребилъ знат-«нѣйшіе роды Дворянскіе, тѣснилъ, гналъ «всѣхъ людей именитыхъ. Не то ли самое «говорили намъ о Борисѣ и нѣкоторые «изъ васъ, мужей Думныхъ? И читая «Исторію, не находимъ ли въ ней примѣ-«ровъ, что мнимо-усопшіе являются ино-«гда живы въ казнь злодѣйству? Но мы «еще не вѣрили бродягѣ: повѣрилъ ему «только добросердечный Воевода Сендо-«мирскій, и не ему одному, но многимъ «Россіянамъ, признавшимъ въ немъ Ди-«митрія (35): они клялися, что Россія «ждетъ его; что города и войско сдадутся «Іоаннову наслѣднику. Дѣйствуя само-«вольно, Мнишекъ хотѣлъ быть свидѣте-«лемъ торжества Димитріева — и былъ; «но, повинуясь указу Королевскому, воз-«вратился, чтобы не нарушить мира, за-«ключеннаго нами съ Годуновымъ. Дими-«трій, какъ онъ называлъ себя, остался «въ землѣ Сѣверской единственно съ Рос-«сіянами, Донскими и Запорожскими Ко-«заками: чтожъ сдѣлали Россіяне? пали

Рѣчь Посоловъ Литовскихъ.

«къ ногамъ его: воеводы и войско. Что сдѣ-
«лали и вы, Бояре? выѣхали къ нему на встрѣчу
«съ Царскою утварію; вопили, что принимаете
«Государя любимаго отъ Бога, и кипѣли гнѣ-
«вомъ, когда Ляхи смѣли утверждать, что они
«дали Царство Димитрію. Мы, Послы, собствен-
«ными глазами видѣли, какъ вы предъ нимъ
«благоговѣли. Здѣсь, въ сей самой палатѣ, раз-
«суждая съ нами о дѣлахъ государственныхъ,
«вы не изъявляли ни малѣйшаго сомнѣнія о
«родѣ его и санѣ. Однимъ словомъ, не мы По-
«ляки, но вы Русскіе признали своего же Рус-
«скаго бродягу Димитріемъ, встрѣтили съ хлѣ-
«бомъ и солью на границѣ, привели въ сто-
«лицу, короновали и . . . . убили; вы начали, вы
«и кончили. Для чего же вините другихъ? Не
«лучше ли молчать и каяться въ грѣхахъ, за
«которые Богъ наказалъ васъ такимъ ослѣпле-
«ніемъ? Не говоримъ о клятвопреступленіи и
«цареубійствѣ; не осуждаемъ вашего дѣла, и не
«имѣемъ причины жалѣть о семъ человѣкѣ, ко-
«торый въ вашихъ глазахъ оскорблялъ насъ,
«величался, безумно требовалъ неслыханныхъ
«титуловъ и едва ли могъ быть надежнымъ дру-
«гомъ нашего отечества; но дивимся, что вы,
«Бояре, какъ люди извѣстно умные, дозволяете
«себѣ суесловить, желая оправдать душегубство:
«безчеловѣчное избіеніе нашихъ братьевъ. . . . .
«Они не воевали съ вами, не помогали вашему
«Лжедимитрію, не хранили его: ибо онъ ввѣ-
«рилъ жизнь свою не имъ, а вамъ единственно!

«Слагаете вину на чернь: повѣримъ тому, «если можно; повѣримъ, если вы невредимо отпустите съ нами Воеводу Сендомирскаго, дочь его и всѣхъ Ляховъ къ «Королю, дабы мы своимъ миролюбивымъ «ходатайствомъ обезоружили месть готовую. Но доколѣ, вопреки Народному Праву, уважаемому и варварами, будете держать насъ, какъ бы плѣнниковъ, дотолѣ «въ глазахъ Короля, Республики и всей «Европы не чернь Московская, а вы съ «вашимъ новымъ Царемъ останетесь виновниками сего кровопролитія, и не въ «безопасности. Разсудите!»

Бояре слушали съ великимъ вниманіемъ и долго сидѣли въ молчаніи, смотря другъ на друга; наконецъ отвѣтствовали Панамъ: «Вы были Послами у Самозванца, а теперь «уже не Послы: слѣдственно не должно «говорить вамъ такъ вольно и смѣло» (36); но разстались съ ними ласково; видѣлись снова, и сказали имъ, что Василій милостиво приказалъ освободить всѣхъ нечиновныхъ Ляховъ и вывезти за границу; но что Послы, Воевода Сендомирскій и другіе знатные Паны должны ждать въ Россіи рѣшенія судьбы своей отъ Сигизмунда, къ коему ѣдетъ Царскій чиновникъ для важныхъ объясненій и переговоровъ. Дворянинъ Князь Григорій Волконскій немедленно былъ посланъ въ Краковъ. Олес-

Посольство къ Сигиз-

мужду 13 Юня.

ницкій и Госѣвскій остались въ Москвѣ подъ стражею; Мнишка съ дочерью вывезли въ Ярославль, Вишневецкаго въ Кострому, товарищей ихъ въ Ростовъ и Тверь (37). Они имѣли дозволеніе писать къ Королю, и писали миролюбиво, желая какъ можно скорѣе избавиться отъ неволи, чтобы говорить и дѣйствовать иначе.

Уже слухъ о гибели Самозванца и многихъ Ляховъ въ Москвѣ встревожилъ всю Польшу: въ городахъ и въ мѣстечкахъ Литовскихъ останавливали Князя Волконскаго и Дьяка его, безчестили, ругали, называли убійцами, злодѣями (38); метали въ нихъ людей камнями и грязью; а Королевскіе чиновники отвѣчали имъ на жалобы, что никакая власть не можетъ унять народнаго негодованія. Бывъ четыре мѣсяца въ дорогѣ, Волконскій пріѣхалъ въ Краковъ, гдѣ Сигизмундъ встрѣтилъ его съ лицемъ угрюмымъ, не звалъ къ обѣду, не удостоилъ ни одного ласковаго слова, и скрывъ печаль свою о судьбѣ Лжедимитрія, отъ коего Польша ждала столько выгодъ, слушалъ холодно извѣщеніе о новомъ Самодержцѣ въ Россіи. Въ переговорахъ съ Коронными Панами, Волконскій доказывалъ тоже, что наши Бояре доказывали въ Москвѣ Посламъ Сигизмундовымъ; а Паны отвѣтствовали ему тоже, что Послы Боярамъ. Мы говорили Ля-

хамъ: «Вы дали намъ Лжедимитрія!» Ляхи возражали: «Вы взяли его съ благодарно-«стію!» Но съ объихъ сторонъ умъряли колкость выраженій, оставляя слово на миръ. Волконскій требовалъ удовлетворенія за бѣдствіе, претерпѣнное Россіею отъ Самозванца: за гибель многихъ людей и расхищеніе нашей казны; Король же требовалъ освобожденія своихъ Пословъ и платежа за товары, взятые Лжедимитріемъ у купцевъ Литовскихъ и Галицкихъ, или разграбленные чернію Московскою въ день мятежа. Не могли согласиться, однакожь не грозили войною другъ другу. «Шве-«ція» — сказалъ Волконскій — «уступаетъ «Царю знатную часть Ливоніи, желая его «вспоможенія; но онъ не хочетъ нарушить «прежняго мирнаго договора.» Паны увѣряли, что они также не нарушатъ сего договора, если мы будемъ соблюдать его. Ничего не рѣшили и ни въ чемъ не условились. Сигизмундъ не взялъ даровъ отъ Волконскаго, и хотѣлъ писать съ нимъ къ Василію; но Волконскій отвѣчалъ: «я не «гонецъ.» Король велѣлъ ему ѣхать къ Царю съ поклономъ, сказавъ, что пришлетъ въ Москву собственнаго чиновника; но медлилъ, уже зная о новыхъ мятежахъ Россіи и готовясь воспользоваться ими, какъ сосѣдъ дѣятельный въ ненависти къ ея величію.

Сношенія съ Европою и съ Азіею.

Еще Василій имѣлъ время возобновить дружественныя сношенія съ Императоромъ, съ Королями Англійскимъ и Датскимъ (39). Гонецъ Рудольфовъ и Посланникъ Шведскій находились въ Москвѣ. Непримиримый врагъ врага нашего, Сигизмунда, Карлъ IX ревностно искалъ союза Россіи, и Василій дѣйствительно не спѣшилъ заключить его, въ надеждѣ обойтись безъ войны съ Сигизмундомъ. Ханъ Казы-Гирей увѣрялъ Царя въ братствѣ, Ногайскій Князь Иштерекъ въ повиновеніи (40). Воевода Князь Ромодановскій отправился къ Шаху Аббасу для важныхъ переговоровъ о Турціи и Христіанскихъ земляхъ Востока. Еще Дворъ Московскій занимался дѣлами Европы и Азіи, политикою Австріи и Персіи; но скоро опасности ближайшія, внутреннія, многочисленныя и грозныя скрыли отъ насъ внѣшность, и Россія, терзая свои нѣдра, забыла Европу и Азію! . . . Сіи новыя бѣдствія начались таким образомъ:

Мятежи въ Москвѣ.

Въ первые дни Іюня, ночью, тайные злодѣи, всегда готовые подвижники въ бурныя времена гражданскихъ обществъ — желая ли только беззаконной корысти, или чего важнѣйшаго, бунта, убійствъ, испроверженія верховной власти — написали мѣломъ на воротахъ у богатѣйшихъ иноземцевъ и у нѣкоторыхъ Бояръ и Дво-

рядъ, что Царь предаетъ ихъ домы расхищенію за измѣну ([41]). Утромъ скопилось тамъ множество людей, и грабители приступили къ дѣлу; но воинскія дружины успѣли разогнать ихъ безъ кровопролитія.

Чрезъ нѣсколько дней новое смятеніе. Увѣрили народъ, что Царь желаетъ говорить съ нимъ на лобномъ мѣстѣ. Вся Москва пришла въ движеніе, и Красная Площадь наполнилась любопытными, отчасти и злодмысленными, которые лукавыми внушеніями подстрекали чернь къ мятежу. Царь шелъ въ церковь; услышалъ необыкновенный шумъ внѣ Кремля, свѣдалъ о созваніи народа и велѣлъ немедленно узнать виновниковъ такого беззаконія; остановился и ждалъ донесенія, не трогаясь съ мѣста.

Бояре, Царедворцы, сановники окружали его; Василій безъ робости и гнѣва началъ укорять ихъ въ непостоянствѣ и въ легкомысліи, говоря: «Вижу вашъ умыселъ; но для чего лукав«ствовать, ежели я вамъ не угоденъ? Кого вы «избрали, того можете и свергнуть. Будьте спо«койны: противиться не буду» ([42]). Слезы текли изъ глазъ сего несчастнаго властолюбца. Онъ кинулъ жезлъ Царскій, снялъ вѣнецъ съ головы и примолвилъ: «Ищите же другаго Царя!» — Всѣ молчали отъ изумленія. Шуйскій надѣлъ снова вѣнецъ, поднялъ жезлъ и сказалъ: «Если «я Царь, то мятежники да трепещутъ! Чего хо«тятъ они? смерти всѣхъ невинныхъ иноземцевъ, всѣхъ лучшихъ, знаменитѣйшихъ Рос-

«сіянъ, и моей; по крайней мѣрѣ насилія и гра-«бежа. Но вы знали меня, избирая въ Цари: «имѣю власть и волю казнить злодѣевъ.» Всѣ «единогласно отвѣтствовали: Ты нашъ Госу-«дарь законный! Мы тебѣ присягали и не измѣ-«нимъ! Гибель крамольникамъ!» — Объявили указъ гражданамъ мирно разойтися, и никто не ослушался; схватили пять человѣкъ въ толпахъ, какъ возмутителей народа, и высѣкли кнутомъ. Доискивались и тайныхъ, знатнѣйшихъ крамольниковъ; подозрѣвали Нагихъ: думали, что они волнуютъ Москву, желая свести Шуйскаго съ престола, собрать Великую Думу Земскую и вручить державу своему ближнему, Князю Мстиславскому. Изслѣдовали дѣло, честно и добросовѣстно; выслушали отвѣты, свидѣтельства, оправданія, и торжественно признали невинность скромнаго Мстиславскаго, не тронули и Нагихъ; сослали одного Боярина Петра Шереметева, Воеводу Псковскаго, также ихъ родственника, дѣйствительно уличеннаго въ козняхъ. Шуйскій въ семъ случаѣ оказалъ твердость и не нарушилъ данной имъ клятвы судить законно. Ему готовились искушенія важнѣйшія!

Столица утихла до времени; но знатная часть Государства уже пылала бунтомъ!... Тамъ, гдѣ явился первый Лжедимитрій, явился и второй, какъ бы въ посмѣяніе Россіи, снова требуя легковѣрія или безстыдства, и находя его въ ослѣпленіи или въ развратѣ людей, отъ черни до Вельможнаго сана.

Казалось, что Самозванецъ, всѣми оставленный въ часъ бѣдствія, не имѣлъ ни друзей, ни приверженниковъ, кромѣ Басманова. Тѣ, коихъ онъ любилъ съ довѣренностію, осыпалъ милостями и наградами, громогласнѣе другихъ кляли память его, желая неблагодарностію спасти себя — и спаслися: сохранили всю добычу измѣны, санъ и богатство. Нѣкоторые изъ нихъ умѣли даже снискать довѣренность Василіеву: такъ Князь Григорій Петровичь Шаховскій, извѣстный любимецъ Разстригинъ, былъ посланъ Воеводою въ Путивль, на смѣну Князю Бахтѣярову, честному, но, можетъ быть, не весьма расторопному и смѣлому (43). Правительство знало важность его назначенія: нигдѣ граждане и чернь не оказывали столько усердія къ Самозванцу и не могли столько бояться новаго Царя, какъ въ землѣ Сѣверской, гдѣ оставалось еще не мало бродягъ, бѣглыхъ разбойниковъ, злодѣевъ, сподвижниковъ Отрепьева (44), и куда многіе изъ нихъ, послѣ его гибели, спѣшили возвратиться. Шаховскій безъ сомнѣнія говорилъ Василію тоже, что Басмановъ несчастному Ѳеодору (45), — и сдѣлалъ тоже. Рожденный въ свое время, въ вѣкъ мятежей и беззаконій, со всѣми качествами, нужными для первенства въ оныхъ, Шаховскій пылалъ ненавистію къ виновникамъ Лжедимитріевой гибели; зналъ расположеніе народа Сѣверскаго и неудовольствіе многихъ Россіянъ, которые имѣли право участвовать и не участвовали въ избраніи Вѣнценосца; зналъ

волненіе умовъ и въ Москвѣ и въ цѣломъ Государствѣ, смятенномъ бунтами и еще не совсѣмъ успокоенномъ властію закона; считалъ Державство Василія нетвердымъ, обстоятельства благопріятными, и, прельщаясь блескомъ великой отваги, рѣшился на злодѣйство, удивительное и для сего времени: созвалъ гражданъ въ Путивлѣ, и сказалъ имъ торжественно, что Московскіе измѣнники, вмѣсто Димитрія, умертвили какого-то Нѣмца; что Димитрій, истинный сынъ Іоанновъ, живъ, но скрывается до времени, ожидая помощи своихъ друзей Сѣверскихъ; что злобный Василій готовитъ жителямъ Путивля и всей Украйны, за оказанное ими усердіе къ Димитрію, жребій Новогородцевъ, истерзанныхъ Іоанномъ Грознымъ (46); что не только за истиннаго Царя, но и для собственнаго спасенія они должны возстать на Шуйскаго. Народъ не усомнился, и возсталъ. Казалось, что всѣ города южной Россіи ждали только примѣра: Моравскъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій немедленно, а скоро и Бѣлгородъ, Борисовъ, Осколъ, Трубчевскъ, Кромы, Ливны, Елецъ, отложились отъ Москвы. Граждане, Стрѣльцы, Козаки, люди Боярскіе, крестьяне толпами стекались подъ знамя бунта, выставленное Шаховскимъ и другимъ, еще знатнѣйшимъ сановникомъ,

Бунтъ Шаховскаго.

Черниговскимъ Воеводою, мужемъ Думнымъ, нѣкогда вѣрнымъ закону: Княземъ Андреемъ Телятевскимъ. Сей человѣкъ удивительный, не хотѣвъ вмѣстѣ съ цѣлымъ войскомъ предаться живому, торжествующему Самозванцу, съ шайками крамольниковъ предался его тѣни, имени безъ существа, ослѣпленный заблужденіемъ или непріязнію къ Шуйскимъ: такъ люди, кромѣ истинно великодушныхъ, измѣняются въ государственныхъ смятеніяхъ! Еще не видали никакого Димитрія, ни лица, ни меча его, и все пылало къ нему усердіемъ, какъ въ Борисово и Ѳеодорово время! Сіе роковое имя съ чудною легкостію побѣждало власть законную, уже не обольщая милосердіемъ, какъ прежде (47), но устрашая муками и смертію. Кто не вѣрилъ грубому, безстыдному обману, — кто не хотѣлъ измѣнить Василію и дерзалъ противиться мятежу: тѣхъ убивали, вѣшали, кидали съ башенъ, распинали! Такъ, еще ко славѣ отечества, погибли Воеводы, Бояринъ Князь Буйносовъ въ Бѣлѣгородѣ, Бутурлинъ въ Осколѣ, Плещеевъ въ Ливнахъ, двое Воейковыхъ, Пушкинъ, Князь Щербатый, Бартеневъ, Мальцовъ; другихъ ввергали въ темницы. Злодѣйствомъ доказывалась любовь къ Царю; вѣрность называли измѣною, богатство преступленіемъ: холопи грабили имѣніе господъ своихъ, безчестили ихъ женъ, женились на дочеряхъ Боярскихъ. Плавая въ крови, утопая въ мерзостяхъ насилія, терпѣливо ждали Димитрія, и едва

спрашивали: гдѣ онъ? Увѣряя въ необходимости молчанія до нѣкотораго времени, Шаховскій давалъ однакожь разумѣть, что солнце взойдетъ для Россіи — изъ Сендомира!

Могъ ли одинъ человѣкъ предпріять и совершить такое дѣло, равно ужасное и нелѣпое, безъ условія съ другими, безъ приготовленія и заговора? Шаховскій имѣлъ клевретовъ въ Москвѣ, гдѣ скоро по убіеніи Лжедимитрія распустили слухъ, что онъ живъ, за нѣсколько часовъ до мятежа, ночью, ускакавъ верхомъ съ двумя царедворцами, неизвѣстно куда. Въ то же время видѣли на берегу Оки, близъ Серпухова, трехъ необыкновенныхъ, таинственныхъ путешественниковъ: одинъ изъ нихъ далъ перевозчику семь злотыхъ и сказалъ: «Знаешь ли насъ? Ты перевезъ Государя Димитрія Іоанновича, который спасается отъ Московскихъ измѣнниковъ, чтобы возвратиться съ сильнымъ ополченіемъ, казнить ихъ, а тебя сдѣлать великимъ человѣкомъ (48). Вотъ онъ!» примолвилъ незнакомецъ, указавъ на младшаго изъ спутниковъ, и немедленно удалился вмѣстѣ съ ними. Многіе другіе видѣли ихъ и далѣе, за Тулою, около Путивля, и слышали тоже. Сіи путешественники, или бѣглецы, выѣхали изъ предѣловъ Россіи въ Литву, — и вдругъ вся Польша заговорила о Димитріѣ,

Вторый Лжедимитрій.

который будто бы ушелъ изъ Москвы въ одеждѣ Инока, скрывается въ Сендомирѣ и ждетъ счастливой для него перемѣны обстоятельствъ въ Россіи. Посолъ Василіевъ, Князь Волконскій, будучи въ Краковѣ, свѣдалъ, что жена Мнишкова дѣйствительно объявила какого-то человѣка своимъ зятемъ Димитріемъ; что онъ живетъ то въ Сендомирѣ, то въ Самборѣ, въ ея домѣ и въ монастырѣ, удаляясь отъ людей; что мнимая теща купила для него богатыя одежды и приняла 200 слугъ и тѣлохранителей; что съ нимъ только одинъ Москвитянинъ, Дворянинъ Заболоцкій, но что многіе знатные Россіяне, и въ числѣ ихъ Князь Василій Мосальскій, ему тайно благопріятствуютъ ([49]). Новый Самозванецъ ни мало не сходствовалъ наружностію съ первымъ: былъ выше его, лицемъ не бѣлъ, а смуглъ; имѣлъ волосы кудрявые, черные (вмѣсто рыжеватыхъ); глаза большіе, брови густыя, навислыя, носъ покляпый, бородавку среди щеки, усъ и бороду стриженную; но такъ же, какъ Отрепьевъ, говорилъ твердо языкомъ Польскимъ и разумѣлъ Латинскій. Волконскій удостовѣрился, что сей обманщикъ былъ Дворянинъ Михайло Молчановъ, гнусный убійца юнаго Царя Ѳеодора ([50]), и мнимый чернокнижникъ, сѣченный за то кнутомъ въ Борисово время: онъ скрылся въ началѣ Василіева царствованія. Дѣйствуя по условію съ Шаховскимъ, Молчановъ успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: ославилъ воскресеніе Разстриги, чтобы питать

мятежъ въ землѣ Сѣверской; но не спѣшилъ явиться тамъ, гдѣ его знали, и готовился передать имя Димитрія иному, менѣе извѣстному или дерзновеннѣйшему злодѣю.

Уже самый первый слухъ о бѣгствѣ Разстриги встревожилъ Московскую чернь, которая, три дни терзавъ мертваго Лжецаря, не знала, вѣрить ли или не вѣрить его спасенію: ибо думала, что онъ, какъ извѣстный чародѣй, могъ ожить силою адскою, или въ часъ опасности сдѣлаться невидимымъ и подставить другаго на свое мѣсто; нѣкоторые даже говорили, что человѣкъ, убитый вмѣсто Лжедимитрія, походилъ на одного молодаго Дворянина, его любимца, который съ сего времени пропалъ безъ вѣсти [51]. Дѣйствовала и любовь къ чудесному и любовь къ мятежамъ: «чернь Московская» (пишутъ свидѣтели очевидные) «была готова мѣнять Царей еженедѣльно, въ надеждѣ доискаться лучшаго или своевольствовать въ безначаліи» — и люди, обагренные, можетъ быть, кровію Самозванца, вдругъ начали жалѣть объ его дняхъ веселыхъ, сравнивая ихъ съ унылымъ царствованіемъ Василія! Но легковѣріе многихъ и зломысліе нѣкоторыхъ не могли еще произвести общаго движенія въ пользу Разстриги тамъ, гдѣ онъ воскресъ бы къ ужасу своихъ измѣнниковъ и душегубцевъ, — гдѣ всѣ, отъ Вельможъ до мѣщанъ, хвалились его убіеніемъ. Клевреты Шаховскаго въ столицѣ желали единственно волненія, безпокойства народ-

каго, и вмѣстѣ съ слухами распространяли письма отъ имени Лжедимитрія, кидали ихъ на улицахъ, прибивали къ стѣнамъ ([52]): въ сихъ грамотахъ упрекали Россіянъ неблагодарностію къ милостямъ великодушнѣйшаго изъ Царей, и сказывали, что Димитрій будетъ въ Москвѣ къ Новому году. Государь велѣлъ искать виновниковъ такого возмущенія; призывали всѣхъ Дьяковъ, сличали ихъ руки съ подметными письмами, и не открыли сочинителей ([53]).

Еще Правительство не уважало сихъ козней, изъясняя оныя безсильною злобою тайныхъ, малочисленныхъ друзей Разстригиныхъ; но свѣдавъ въ одно время о бунтѣ южной Россіи и Сендомирскомъ Самозванцѣ, увидѣло опасность и спѣшило дѣйствовать — сперва убѣжденіемъ. Василій послалъ Крутицкаго Митрополита Пафнутія въ Сѣверскую землю ([54]), образумить ея жителей словомъ истины и милосердія, закона и совѣсти: Митрополита не приняли и не слушали. Царица-Инокиня Мареа, исполненная ревности загладить вину свою, писала къ жителямъ всѣхъ городовъ Украинскихъ, свидѣтельствуя предъ Богомъ и Россіею, что она собственными глазами видѣла убіеніе Димитрія въ Угличѣ и Самозванца въ Москвѣ ([55]); что одни Ляхи и злодѣи утверждаютъ противное; что Царь великодушный далъ ей слово *покрыть милосердіемъ* вину заблужденія; что не только возмущенные, но даже и возмутители могутъ жить безопасно и мирно въ домахъ своихъ,

если изъявятъ раскаяніе; что она шлетъ къ нимъ брата, Боярина Григорія Нагаго, и святый образъ Димитріевъ, да услышатъ истину, да зрятъ Ангельское лице ея сына, который былъ рожденъ любить, а не терзать отечество смутами и злодѣйствами. Ни грамоты, ни Посольства не имѣли успѣха. Бунтъ кипѣлъ; остервененіе возрастало. Дѣйствуя неусыпно, Шаховскій звалъ всю Россію соединиться съ Украйною; писалъ указы именемъ Димитрія и прикладывалъ къ нимъ печать государственную, которую онъ похитилъ въ день Московскаго мятежа (56). Рать измѣнниковъ усиливалась и выступала въ поле, съ Воеводою достойнымъ такого начальства, холопомъ Князя Телятевскаго, Иваномъ Болотниковымъ. Сей человѣкъ, взятый въ плѣнъ Татарами, проданный въ неволю Туркамъ и выкупленный Нѣмцами въ Константинополѣ, жилъ нѣсколько времени въ Венеціи, захотѣлъ возвратиться въ отечество, услышалъ въ Польшѣ о мнимомъ Димитріи, предложилъ ему свои услуги и явился съ письмомъ отъ него къ Князю Шаховскому въ Путивлѣ. Внутренно вѣря или не вѣря Самозванцу, Болотниковъ воспламенилъ другихъ любопытными объ немъ разсказами; имѣя умъ смѣтливый, нѣкоторыя знанія воинскія и дерзость, сдѣлался главнымъ орудіемъ мятежа, къ коему при-

Болотниковъ.

стали еще двое Князей Мосальскихъ и Михайло Долгорукій ([57]).

Видя необходимость кровопролитія, Василій велѣлъ полкамъ итти къ Ельцу и Кромамъ. Предводительствовали Бояринъ Воротынскій, сынъ отца столь знаменитаго, и Князь Юрій Трубецкій, Стольникъ, удостоенный необыкновенной чести имѣть мужей Думныхъ подъ своими знаменами ([58]). Воротынскій близъ Ельца разсѣялъ шайки мятежниковъ; но чиновникъ Царскій, везя къ нему золотыя медали въ награду его мужества, вмѣсто побѣдителей встрѣтилъ бѣглецовъ на пути. Гдѣ нѣкогда самъ Шуйскій съ сильнымъ войскомъ не умѣлъ одолѣть горсти измѣнниковъ, и гдѣ измѣна Басманова рѣшила судьбу отечества, тамъ, въ виду несчастныхъ Кромъ, Болотниковъ напалъ на 5000 Царскихъ всадниковъ: они, съ Княземъ Трубецкимъ, дали тылъ; за ними и Воротынскій ушелъ отъ Ельца; винили, обговяли другъ друга въ срамномъ бѣгствѣ, и какъ бы еще имѣя стыдъ, не хотѣли явиться въ столицѣ: разъѣхались по домамъ, сложивъ съ себя обязанность чести и защитниковъ Царства ([59]).

Успѣхи мятежниковъ.

Побѣдитель Болотниковъ ругался надъ плѣнными: называлъ ихъ кровопійцами, злодѣями, бунтовщиками, а Царя Василія *Шубникомъ* ([60]); велѣлъ однихъ утопить,

другихъ вести въ Путивль для казни; нѣкоторыхъ сѣчь плетьми и едва живыхъ отпустить въ Москву; шелъ впередъ и возстановлялъ Державу Самозванца. Орелъ, Мценскъ, Тула, Калуга, Веневъ, Кашира, вся земля Рязанская пристали къ бунту, вооружились, избрали начальниковъ: Сына Боярскаго Истому Пашкова, Веневскаго Сотника (61); Григорія Сунбулова, бывшаго Воеводою въ Рязани, и тамошняго Дворянина Прокопія Ляпунова, дотолѣ неизвѣстнаго, отселѣ знаменитаго, созданнаго быть вождемъ и повелителемъ людей въ безначаліи, въ мятежахъ и буряхъ, — одареннаго красотою и крѣпостію тѣлесною, силою ума и духа, смѣлостію и мужествомъ (62). Сіе новое войско отличалось ревностію чистѣйшею, составленное изъ гражданъ, владѣльцевъ, людей домовитыхъ. Бывъ первыми, усерднѣйшими клевретами Басманова (63) въ измѣнѣ Ѳеодору, они хотя и присягнули Василію, но осуждали дѣло Москвитянъ, убіеніе Разстриги, и думали, что присяга Шуйскому сама собою уничтожается, когда живъ Димитрій, старѣйшій и слѣдственно одинъ Вѣнценосецъ законный. Но ревность ихъ также вела къ злодѣйствамъ: лилась кровь воиновъ и гражданъ, вѣрныхъ чести и Василію. Рязанскій Намѣстникъ, Бояринъ Князь Черкасскій, Воеводы Князь Тростенскій,

Прокопій Ляпуновъ.

Вердеревскій, Князь Каркадиновъ, Измайловъ (64), были скованные отправлены Ляпуновымъ въ Путивль на судъ или смерть. Разбойники Сѣверскіе жгли, опустошали селенія; грабя, не щадили и святыни церквей; срамили человѣчество гнуснѣйшими дѣлами (65). Ужасъ распространялъ измѣну, какъ буря пламень, съ неимовѣрною быстротою, отъ предѣловъ Тулы и Калуги къ Смоленску и Твери: Дорогобужъ, Вязьма, Ржевъ, Зубцовъ, Старица предались тѣни Лжедимитрія, чтобы спастися отъ ярости мятежниковъ; но Тверь, издревле славная въ нашихъ лѣтописяхъ вѣрностію, не измѣнила: достойный ея Святитель Ѳеоктистъ, великодушно негодуя на слабость Воеводъ, явился бодрымъ Стратигомъ: ополчилъ Духовенство, людей приказныхъ, собственныхъ Дѣтей Боярскихъ, гражданъ, разбилъ многочисленную шайку злодѣевъ (66) и послалъ къ Государю нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Встревоженный бѣгствомъ Воеводъ отъ Ельца и Кромъ, бѣгствомъ чиновниковъ и рядовыхъ отъ Воеводъ и знаменъ, — наконецъ силою, успѣхами бунта, Василій еще не смутился духомъ, имѣя данное ему отъ природы мужество, если не для одолѣнія бѣдствій, то по крайней мѣрѣ для великодушной гибели. Лѣтописецъ говоритъ, что Царь безъ искусныхъ Стратиговъ и безъ казны есть орелъ безкрылый, и что таковъ былъ жребій Шуйскаго (67). Борисъ оставилъ преемнику казну и только одного слав-

наго храбостію Воеводу, Басманова-измѣнника: Лжедимитрій-расточитель не оставилъ ничего, кромѣ измѣнниковъ; но Василій дѣлалъ, что могъ. Объявивъ всенародно о происхожденіи мятежа — о нелѣпой баснѣ Разстригина спасенія, о сонмищѣ воровъ и негодяевъ, коимъ имя Димитрія служитъ единственно предлогомъ для злодѣйства (68), въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители, ими обманутые, встрѣчаютъ ихъ какъ друзей, — Царь выслалъ въ поле новое сильнѣйшее войско, и какъ бы спокойный сердцемъ, какъ бы въ мирное, безмятежное время, удумалъ загладить несправедливость современниковъ въ глазахъ потомства: снять опалу съ памяти Вѣнценосца, хотя и ненавистнаго за многія дѣла злыя, но достойнаго хвалы за многія государственныя благотворенія: велѣлъ, пышно и великолѣпно, перенести тѣло Бориса, Маріи, юнаго Θеодора, изъ бѣдной обители Св. Варсонофія въ знаменитую Лавру Сергіеву. Торжественно огласивъ убіеніе и святость Димитрія, Шуйскій не смѣлъ приблизить къ его мощамъ гробъ убійцы и снова поставить между Царскими памятниками; но хотѣлъ симъ дѣйствіемъ уважить законнаго Монарха въ Годуновѣ, будучи также Монархомъ избраннымъ; хотѣлъ возбудить жалость, если не къ Борису виновному, то къ Маріи и къ Θеодору не-

Пренесеніе тѣла Борисова.

ваннымъ, чтобы произвести живѣйшее омерзѣніе къ ихъ гнуснымъ умертвителямъ, сообщникамъ Шаховскаго (69), жаднымъ къ новому цареубійству. Въ присутствіи безчисленнаго множества людей, всего Духовенства, Двора и Синклита, открыли могилы: двадцать Иноковъ взяли раку Борисову на плеча свои (ибо сей Царь скончался Инокомъ); Ѳеодорову и Маріину несли знатные сановники, провождаемые Святителями и Боярами. Позади ѣхала, въ закрытыхъ *саняхъ* (70), несчастная Ксенія, и громко вопила о гибели своего Дома, жалуясь Богу и Россіи на изверга Самозванца. Зрители плакали, воспоминая счастливые дни ея семейства, счастливые и для Россіи въ первые два года Борисова царствованія. Многіе объ немъ тужили, встревоженные настоящимъ, и страшася будущаго (71). Въ Лаврѣ, внѣ церкви Успенія, съ благоговѣніемъ погребли отца, мать и сына; оставили мѣсто и для дочери, которая жила еще 16 горестныхъ лѣтъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ Владимірскомъ, не имѣя никакихъ утѣшеній, кромѣ небесныхъ (72). Новымъ погребеніемъ возвращая санъ Царю, лишенному онаго въ могилѣ, думалъ ли Василій, что нѣкогда и собственныя его кости будутъ лежать въ неизвѣстности, въ презрѣніи, и что великодушная жалость, справедливость и Политика также возвратятъ имъ честь Царскую (73)?

Уже не только Политика мирила Василія съ Годуновымъ, но и злополучіе, разительное сход-

ство ихъ жребія. Обоимъ власть измѣняла; опоры того и другаго, видомъ крѣпкія, падали, рушились, какъ тлѣнъ и бреніе. Рати Василіевы, подобно Борисовымъ, цѣпенѣли, казалось, предъ тѣнію Димитрія. Юноша, ближній Государевъ, Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, имѣлъ успѣхъ въ битвѣ съ непріятельскими толпами на берегахъ Пахры (74); но Воеводы главные, Князья Мстиславскій, Димитрій Шуйскій, Воротынскій, Голицыны, Нагіе, имѣя съ собою всѣхъ Дворянъ Московскихъ, Стольниковъ, Стряпчихъ, Жильцовъ (75), встрѣтились съ непріятелемъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ (76), сразились и бѣжали, оставивъ въ его рукахъ множество знатныхъ плѣнниковъ.

Мятежники подъ Москвою.

Уже Болотниковъ, Пашковъ, Ляпуновъ, взявъ, опустошивъ Коломну, стояли (въ Октябрѣ мѣсяцѣ) подъ Москвою, въ селѣ Коломенскомъ; торжественно объявили Василія Царемъ сверженнымъ; писали къ Москвитянамъ, Духовенству, Синклиту и народу, что Димитрій снова на престолѣ и требуетъ ихъ новой присяги (77); что война кончилась и Царство милосердія начинается. Между тѣмъ мятежники злодѣйствовали въ окрестностяхъ, звали къ себѣ бродягъ, холопей; приказывали имъ рѣзать Дворянъ и людей торговыхъ, брать ихъ женъ и до-

стояніе, обѣщая имъ *богатство* и *Воеводство* (78); разсыпались по дорогамъ, не пускали запасовъ въ столицу, чим осажденную . . . . Войско и самое Государство какъ бы исчезли для Москвы, преданной съ ея святынею и славою въ добычу неистовому бунту. Но въ сей ужасной крайности еще блеснулъ лучь великодушія: оно спасло Царя и Царство, хотя на время!

Василій, велѣвъ написать къ мятежникамъ, что ждетъ ихъ раскаянія, и еще медлитъ истребить жалкій сонмъ безумцевъ, спокойно устроилъ защиту города, предмѣстій и слободъ (79). Духовенство молилось; народъ постился три дни, и видя неустрашимость въ Государѣ, самъ казался неустрашимымъ. Воины, граждане по собственному движенію обязали другъ друга клятвою въ вѣрности, и никто изъ нихъ не бѣжалъ къ злодѣямъ (80). Полководцы, Князья Скопинъ-Шуйскій, Андрей Голицынъ и Татевъ расположились станомъ у Серпуховскихъ воротъ, для наблюденія и для битвы въ случаѣ приступа. Высланные изъ Москвы отряды возстановили ея сообщеніе съ городами, ближними и дальними. Патріархъ, Святители писали всюду грамоты увѣщательныя: вѣрные одушевились ревностію, измѣнники устыдились. Тверь, Смоленскъ служили примѣромъ: ихъ Дворяне, Дѣти Боярскіе, люди торговые кинули семейства и спѣшили спасти Москву. Къ добрымъ Тверитянамъ присоединились жители Зубцова, Старицы, Ржева; къ добрымъ Смолянамъ граждане Вязьмы, До-

рогобужа, Серпейска, уже не преступники отъ малодушія, но снова достойные Россіяне ([81]); вездѣ били злодѣевъ; выгнали ихъ изъ Можайска, Волока, Обители Св. Іосифа; не давали имъ пощады: казнили плѣнныхъ.

Тогда же въ Коломенскомъ станѣ открылась важная измѣна. Болотниковъ, называя себя Воеводою Царскимъ, хотѣлъ быть главнымъ ([82]); но Воеводы, избранные городами, не признавали сей власти, требовали Димитрія отъ него, отъ Шаховскаго: не видали, и начинали хладѣть въ усердіи. Ляпуновъ первый удостовѣрился въ обманѣ, и стыдясь быть союзникомъ бродягъ, холопей, разбойниковъ безъ всякой государственной, благородной цѣли, первый явился въ столицѣ съ повинною (вѣроятно, въ слѣдствіе тайныхъ, предварительныхъ сношеній съ Царемъ); а за Ляпуновымъ и всѣ Рязанцы, Сунбуловъ и другіе. Василій простилъ ихъ и далъ Ляпунову санъ Думнаго Дворянина. Скоро и многіе иные сподвижники бунта, удостовѣренные въ милосердіи Государя, перебѣжали изъ Коломенскаго въ Москву, гдѣ уже не было ни страха, ни печали: все ожило и пылало ревностію ударить на остальныхъ мятежниковъ. Василій медлилъ; изъявляя человѣколюбіе и жалость къ несчастнымъ жертвамъ заблужденія ([83]), говорилъ: «Они также Русскіе и Христіане: молюся о спасеніи ихъ душъ, да раскаются, и кровь отечества да не ліется въ междоусобіи!» Василій или дѣйствительно надѣялся

утушить бунтъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія, торжественно предлагая милость самымъ главнымъ виновникамъ онаго, или для вѣрнѣйшей побѣды ждалъ Смолянъ и Тверитянъ: они соединились въ Можайскѣ съ Воеводою Царскимъ Колычевымъ и приближались къ столицѣ.

Еще мятежники упорствовали въ намѣреніи овладѣть Москвою; укрѣпили Коломенскій станъ валомъ и тыномъ, терпѣливо сносили ненастье и холодъ глубокой осени; приступали къ Симонову монастырю ([84]) и къ Гонной или Рогожской слободѣ; были отражены, лишились многихъ людей, и все еще не унывали — по крайней мѣрѣ Болотниковъ: онъ не слушалъ обѣщаній Василія забыть его вину и дать ему знатный чинъ ([85]), отвѣтствуя: «я клялся Димитрію умереть за «него, и сдержу слово: буду въ Москвѣ не из«мѣнникомъ, а побѣдителемъ;» уже видѣлъ знамена Тверитянъ и Смолянъ на Дѣвичьемъ полѣ; видѣлъ движеніе въ войскѣ Московскомъ, и смѣло ждалъ битвы неравной. Василій, самъ опытный въ дѣлѣ бранномъ, еще не хотѣлъ и предъ стѣнами Кремлевскими ратоборствовать лично, какъ бы стыдясь врага подлаго; хотѣлъ быть только невидимымъ зрителемъ сей битвы: вѣрилъ главное начальство усерднѣйшему или счастливѣйшему витязю: двадцатилѣтнему Князю Скопину-Шуйскому, который свелъ полки въ монастырѣ Даниловскомъ, и мыслилъ окружить непріятеля въ станѣ. Болотниковъ и Паш-

2 Декабря.

ковъ встрѣтили Воеводъ Царскихъ: первый сразился какъ левъ; вторый, не обнаживъ меча, передался къ нимъ со всѣми Дворянами и съ знатною частію войска ([86]). У Болотникова остались Козаки, холопи, Сѣверскіе бродяги; но онъ бился до совершеннаго изнуренія силъ, и бѣжалъ съ немногими къ Серпухову: остальные разсѣялись. Козаки еще держались въ укрѣпленномъ селеніи Заборьѣ, и наконецъ съ Атаманомъ Беззубцевымъ сдалися, присягнувъ Василію въ вѣрности. Кромѣ ихъ, взяли на бою столь великое число плѣнныхъ, что они не умѣстились въ темницахъ Московскихъ, и были всѣ утоплены въ рѣкѣ, какъ злодѣи ожесточенные; но Козаковъ не тронули и приняли въ Царскую службу ([87]). Юношѣ-побѣдителю, Князю Скопину, рожденному къ чести, утѣшенію и горести отечества, дали санъ Боярина, а Воеводѣ Колычеву — Боярина и Дворецкаго ([88]). Радовались и торжествовали; пѣли молебны съ колокольнымъ звономъ ([89]) и благодарили Небо за истребленіе мятежниковъ, но прежде времени.

Побѣда Скопина-Шуйскаго.

Болотниковъ думалъ остановиться въ Серпуховѣ: жители не впустили его ([90]). Онъ засѣлъ въ Калугѣ; въ нѣсколько дней укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ; собралъ тысячь десять бѣглецовъ, изготовился къ осадѣ, и писалъ къ Сѣверской

Думѣ измѣнниковъ, что ему нужно вспоможеніе и еще нужнѣе Димитрій, истинный или мнимый; что имя безъ человѣка уже не дѣйствуетъ, и что всѣ ихъ клевреты готовы слѣдовать примѣру Ляпунова, Сунбулова и Пашкова, если явленіе вожделѣннаго Царя-изгнанника, столь долго славимаго и невидимаго, не дастъ имъ новаго усердія и новыхъ сподвижниковъ (91). Но кого было представить? Сендомирскаго ли Самозванца, Молчанова, извѣстнаго въ Россіи и ни мало не сходнаго съ Лжедимитріемъ, еще извѣстнѣйшимъ? Сей бѣглецъ могъ дѣйствовать на легковѣрныхъ только издали, слухомъ, а не присутствіемъ, которое изобличило бы его въ обманѣ. Пишутъ, что злодѣи Россійскіе хотѣли назвать Димитріемъ инаго человѣка, какого-то благороднаго Ляха, но что онъ — взявъ, вѣроятно, деньги за такую отвагу — раздумалъ искать гибельнаго величія въ буряхъ мятежа, мирно остался въ Польшѣ жить нескуднымъ Дворяниномъ, и прервалъ наконецъ связь съ Шаховскимъ (92), коему случай далъ между тѣмъ другое орудіе.

Лжепетръ.

Мы упоминали о бродягѣ Илейкѣ, Лжепетрѣ, мнимомъ сынѣ Царя Ѳеодора (93). На пути къ Москвѣ узнавъ о гибели Разстриги, онъ съ Терскими Козаками бѣжалъ назадъ, мимо Казани, гдѣ Бояре Морозовъ

и Бѣльскій хотѣли схватить его: Козаки обманули ихъ; прислали сказать, что выдадутъ имъ самозванца, и ночью уплыли внизъ по Волгѣ; грабили людей торговыхъ и служивыхъ; злодѣйствовали, жгли селенія на берегахъ, до Царицына, гдѣ убили Князя Ромодановскаго, ѣхавшаго Посломъ въ Персію, и Воеводу Акиноеева (94); остановились зимовать на Дону и разславили въ Украйнѣ о своемъ Лжецаревичѣ. Обманъ способствовалъ обману: Шаховскій призналъ Илейку сыномъ Ѳеодоровымъ, звалъ къ себѣ вмѣстѣ съ шайкою Терскихъ мятежниковъ, встрѣтилъ въ Путивлѣ съ честію, какъ племянника и намѣстника Димитріева въ его отсутствіе, и даже не усомнился обѣщать ему Царство, если Димитрій, ими ожидаемый, не явится (95). Сей союзъ злодѣйства праздновали новымъ душегубствомъ, въ доказательство державной власти разбойника Илейки. Онъ велѣлъ умертвить всѣхъ знатныхъ плѣнниковъ, которые еще сидѣли въ темницахъ: вѣрныхъ Воеводъ Рязанскихъ (96), Думнаго мужа Сабурова, Князя Пріимкова-Ростовскаго, начальниковъ города Борисова, и Воеводу Путивльскаго, Князя Бахтѣярова, взявъ себѣ его дочь въ наложницы. Искали и союзниковъ внѣшнихъ, тамъ, гдѣ вредъ Россіи всегда считался выгодою, и гдѣ старая ненависть къ намъ усилилась желаніемъ мести за стыдъ неудачнаго дружества съ бродягою: новый Самозванецъ Петръ также обратился къ Сигизмунду, и Вельможные Паны не

устыдились сказать Князю Волконскому, который еще находился тогда въ Краковѣ, что они «ждутъ Пословъ отъ Государя Сѣ«верскаго, сына Θеодорова, который вмѣ«стѣ съ Димитріемъ, укрывающимся въ «Галиціи, намѣренъ свергнуть Василія съ «престола; что если Царь возвратитъ сво«боду Мнишку и всѣмъ знатнымъ Ляхамъ, «Московскимъ плѣнникамъ, то не будетъ «ни Лжедимитрія, ни Лжепетра; а въ про«тивномъ случаѣ оба сдѣлаются истинны«ми и найдутъ сподвижниковъ въ Респуб«ликѣ» (97)! Но Ляхи только грозили Василію; манили, вѣроятно, мятежниковъ обѣщаніями, и не спѣшили дѣйствовать; Шаховскій, Телятевскій, Долгорукій, Мосальскіе, съ новымъ Атаманомъ Илейкою не имѣли времени ждать ихъ; призвали къ себѣ Запорожцевъ; ополчили всѣхъ, кого могли, въ землѣ Сѣверской, и выступили въ поле, чтобы спасти Болотникова.

Умѣлъ ли Василій воспользоваться своею побѣдою, давъ мятежникамъ соединиться и вновь усилиться въ Калугѣ? Онъ послалъ къ ней войско, но уже чрезъ нѣсколько дней, и малочисленное, смятое первою смѣлою вылазкою; послалъ и другое, сильнѣйшее съ Бояриномъ Иваномъ Шуйскимъ, который, одержавъ верхъ въ кровопролитномъ дѣлѣ съ Болотниковымъ при устьѣ рѣки Угры (98), осадилъ Калугу (30 Декабря), но

Осада Калуги.

безъ надежды взять ее скоро. Худыя вѣсти, одна за другою, встревожили Москву. Въ Калужской и Тульской области новыя шайки злодѣевъ скопились и заняли Тулу ([99]). Бунтъ вспыхнулъ въ Уѣздѣ Арзамасскомъ и въ Алатырскомъ ([100]): Мордва, холопи, крестьяне грабили, рѣзали Царскихъ чиновниковъ и Дворянъ, утопили Алатырскаго Воеводу Сабурова, осадили Нижній Новгородъ именемъ Димитрія. Астрахань также измѣнила: ея знатный Воевода, Окольничій Князь Иванъ Хворостининъ, взялъ сторону Шаховскаго: вѣрныхъ умертвили: добраго, мужественнаго Дьяка Карпова и многихъ иныхъ ([101]). Самыхъ границъ Сибири коснулось возмущеніе, но не проникло въ оную: тамъ начальствовали усердные Годуновы, хотя и въ честной ссылкѣ ([102]). Изъ Вятки, изъ Перми силою гнали воиновъ въ Москву, а чернь славила Димитрія ([103]). Къ сему смятенію присоединилось ужасное естественное бѣдствіе: язва въ Новѣгородѣ, гдѣ умерло множество людей, и въ числѣ ихъ Бояринъ Катыревъ ([104]). Между тѣмъ цѣлое войско злодѣевъ разными путями шло отъ Путивля къ Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

Годуновы въ Сибири.

Василій бодрствовалъ неусыпно, распоряжалъ хладнокровно: послалъ рати и Воеводъ: знатнѣйшаго саномъ, Князя Мстиславскаго, и знаменитѣйшаго мужествомъ,

г. 1607. Распоряженія Василіевы.

Скопина-Шуйскаго, къ Калугѣ; Воротынскаго къ Тулѣ ([105]), Хилкова къ Веневу, Измайлова къ Козельску, Хованскаго къ Михайлову, Боярина Θеодора Шереметева къ Астрахани, Пушкина къ Арзамасу; а самъ еще остался въ Москвѣ съ дружиною Царскою, чтобы хранить святыню отечества и Церкви, или явиться на полѣ битвы въ часъ рѣшительный. Василій думалъ предупредить соединеніе мятежниковъ, истребить ихъ отдѣльно, нападеніями разными, единомысленными, чтобы вдругъ и вездѣ утушить бунтъ. Дѣйствуя въ воинскихъ распоряженіяхъ какъ Стратигъ искусный, онъ хотѣлъ дѣйствовать и на сердца людей, оживить въ нихъ силу нравственную, успокоить совѣсть, возмущенную беззаконіями государственными, и снова скрѣпить союзъ Царя съ Царствомъ, нарушенный злодѣйствомъ.

3 Февраля.

Имѣвъ торжественное совѣщаніе съ Ермогеномъ, Духовенствомъ, Синклитомъ, людьми чиновными и торговыми, Василій опредѣлилъ звать въ Москву бывшаго Патріарха Іова для *великаго земскаго дѣла*. Ермогенъ писалъ къ Іову: «Преклоняемъ «колѣна: удостой насъ видѣть благолѣп«ное лице твое и слышать гласъ твой слад«кій: молимъ тебя именемъ отечества смя«теннаго» ([106]). Іовъ пріѣхалъ, и (20 Февраля) явился въ церкви Успенія, извнѣ

Призваніе Іова.

14 Февраля.

окруженной и внутри наполненной несмѣтнымъ множествомъ людей. Онъ стоялъ у Патріаршаго мѣста въ видѣ простаго Инока, въ бѣдной ризѣ, но возвышаемый въ глазахъ зрителей памятію его знаменитости и страданій за истину, смиреніемъ и святостію : отшельникъ, вызванный почти изъ гроба примирить Россію съ закономъ и Небомъ. Все было изготовлено Царемъ для дѣйствія торжественнаго, въ коемъ Патріархъ Ермогенъ съ любовію уступалъ первенство Старцу, уже безчиновному. Въ глубокой тишинѣ общаго безмолвія и вниманія поднесли Іову бумагу и велѣли Патріаршему Діакону читать ее на амвонѣ. Въ сей бумагѣ народъ — и только одинъ народъ — молилъ Іова отпустить ему, именемъ Божіимъ, всѣ его грѣхи предъ Закономъ, строптивость, ослѣпленіе, вѣроломство, и клялся впредь не нарушать присяги, быть вѣрнымъ Государю; требовалъ прощенія для живыхъ и мертвыхъ, дабы успокоить души клятвопреступниковъ и въ другомъ мірѣ; винилъ себя во всѣхъ бѣдствіяхъ, ниспосланныхъ Богомъ на Россію, но не винился въ цареубійствахъ, приписывая убіеніе Ѳеодора и Маріи одному Разстригѣ (107); наконецъ молилъ Іова, какъ святаго мужа, благословить Василія, Князей, Бояръ, Христолюбивое воинство и всѣхъ Христіанъ, да восторжествуетъ Царь надъ мятежниками и да насладится Россія счастіемъ тишины. Іовъ отвѣтствовалъ грамотою, заблаговременно, но дѣйствительно имъ сочиненною,

писанною извѣстнымъ его слогомъ, умилительно и не безъ искусства. Тотъ же Діаконъ читалъ ее народу. Изобразивъ въ ней величіе Россіи, произведенное умомъ и счастіемъ ея Монарховъ — хваля особенно государственный умъ Іоанна Грознаго ([108]), Іовъ соболѣзновалъ о гибельныхъ слѣдствіяхъ его преждевременной кончины и Димитріева закланія, но умолчалъ о виновникѣ онаго, нѣкогда любивъ и славивъ Бориса; напомнилъ единодушное избраніе Годунова въ Цари и народное къ нему усердіе; дивился ослѣпленію Россіянъ, прельщенныхъ бродягою; говорилъ: «Я давалъ вамъ страшную «на себя клятву въ удостовѣреніе, что онъ самозванецъ: вы не хотѣли мнѣ вѣрить — и сдѣлалось, чему нѣтъ примѣра ни въ Священной, «ни въ свѣтской Исторіи.» Описавъ всѣ измѣны, бѣдствіе отечества и Церкви, свое изгнаніе, гнусное цареубійство, если не совершенное, то по крайней мѣрѣ допущенное народомъ — воздавъ хвалу Василію, *Царю святому и праведному*, за великодушное избавленіе Россіи отъ стыда и гибели — Іовъ продолжалъ: «Вы знаете, «убитъ *ли* Самозванецъ; знаете, что не осталось «на землѣ и *скареднаго* тѣла его — а злодѣи «дерзаютъ увѣрять Россію, что онъ живъ и есть «истинный Димитрій! Велики грѣхи наши предъ «Богомъ, *въ сіи времена послѣднія* ([109]), когда «вымыслы нелѣпые, когда сволочь мерзостная, «тати, разбойники, бѣглые холопи могутъ столь «ужасно возмущать отечество!» Наконецъ, исчи-

сливъ всѣ клятвопреступленія Россіянъ, не исключая и данной Лжедимитрію присяги (110), Іовъ именемъ Небеснаго милосердія, своимъ и всего Духовенства объявлялъ имъ разрѣшеніе и прощеніе, въ надеждѣ, что они уже не измѣнятъ снова Царю законному, и добродѣтелію вѣрности, плодомъ чистаго раскаянія, умилостивятъ Всевышняго, да побѣдятъ враговъ и возвратятъ Государству миръ съ тишиною.

Дѣйствіе было неописанное. Народу казалось, что тяжкія узы клятвы спали съ него, и что самъ Всевышній устами Праведника изрекъ помилованіе Россіи. Плакали, радовались — и тѣмъ сильнѣе тронуты были вѣстію, что Іовъ, едва успѣвъ доѣхать изъ Москвы до Старицы, преставился (111). Мысль, что онъ, уже стоя на прагѣ вѣчности, бесѣдовалъ съ Москвою, умиляла сердца. Забыли въ немъ слугу Борисова: видѣли единственно мужа святаго, который въ послѣднія минуты жизни и въ послѣднихъ моленіяхъ души своей ревностно занимался судьбою горестнаго отечества, умеръ, благословляя его и возвѣстивъ ему умилостивленіе Неба!

8 Марта.

Но происшествія не соотвѣтствовали благопріятнымъ ожиданіямъ. Воеводы, посланные Царемъ истребить скопища мятежниковъ, большею частію не имѣли успѣха. Мстиславскій, съ главнымъ войскомъ об-

ступивъ Калугу ([112]), стрѣлялъ изъ тяжелыхъ пушекъ, дѣлалъ приметъ къ укрѣпленіямъ, издали велъ къ нимъ *деревянную гору* и хотѣлъ зажечь ее вмѣстѣ съ тыномъ острога: но Болотниковъ подкопомъ взорвалъ сію гору; не зналъ и не давалъ успокоенія осаждающимъ; сражался день и ночь; не жалѣлъ людей, ни себя; обливался кровію въ битвахъ непрестанныхъ, и выходилъ изъ оныхъ побѣдителемъ, доказывая, что ожесточеніе злодѣйства можетъ иногда уподобляться геройству добродѣтели. Онъ боялся не смерти, а долговременной осады, предвидя необходимость сдаться отъ голода: ибо не успѣлъ запастися хлѣбомъ. Разбойники Калужскіе ѣли лошадей, не жаловались и не слабѣли въ сѣчахъ. Царь велѣлъ снова обѣщать милость ихъ Атаману, если покорится: отвѣтомъ его было: «жду милости единственно «отъ Димитрія!» Тщетно прибѣгали и къ средствамъ, менѣе законнымъ: Московскій лекарь Фидлеръ вызвался отравить главнаго злодѣя, далъ на себя страшную клятву, и взявъ 100 флориновъ, обманулъ Василія: уѣхалъ въ Калугу служить за деньги Болотникову, изъ любви къ Разстригѣ. — Неудачная осада продолжалась четыре мѣсяца ([113]).

Храбрость Болотникова.

Другіе Воеводы, встрѣтивъ непріятеля въ полѣ, бѣжали ([114]): Хованскій отъ Ми-

хайлова въ Переславль Рязанскій, Хилковъ отъ Венева въ Коширу, Воротынскій отъ Тулы въ Алексинъ, на голову разбитый предводителемъ измѣнниковъ, Княземъ Андреемъ Телятевскимъ, который успѣлъ прежде его занять и Тулу и Дѣдиловъ. Только Измайловъ и Пушкинъ честно сдѣлали свое дѣло: первый, разсѣявъ многочисленную шайку измѣнника, Князя Михайла Долгорукаго, осадилъ мятежниковъ въ Козельскѣ ([115]); вторый спасъ Нижній Новгородъ, усмирилъ бунтъ въ Арзамасѣ, въ Ардатовѣ, и еще приспѣлъ къ Хилкову въ Коширу, чтобы итти съ нимъ къ Серебрянымъ Прудамъ ([116]), гдѣ они истребили скопище злодѣевъ и взяли ихъ двухъ начальниковъ, Князя Ивана Мосальскаго и Литвина Сторовскаго; но близъ Дѣдилова были разбиты сильными дружинами Телятевскаго и въ безпорядкѣ отступили къ Коширѣ: Воевода Ададуровъ положилъ голову на мѣстѣ сей несчастной битвы, и множество бѣглецовъ утонуло въ рѣкѣ Шатѣ ([117]). — Бояринъ Шереметевъ, коему надлежало усмирить Астрахань, не могъ взять города; укрѣпился на островѣ Болдинскомъ, и не взирая на зимній холодъ, нужду, смертоносную цынгу въ своемъ войскѣ, отражалъ всѣ приступы тамошнихъ бунтовщиковъ, которые въ изступленіи ярости мучили, убивали плѣнныхъ. Глава ихъ, Князь Хворостининъ, объявивъ самого Шереметева измѣнникомъ, грозилъ ему лютѣйшею казнію и звалъ Ногайскихъ Владѣтелей подъ знамена Димитрія ([118]).—

Но Царь уже не думалъ о томъ, что происходило въ отдаленной Астрахани, когда судьба его и Царства рѣшилась за 160 верстъ отъ столицы.

Ежедневно надѣясь побѣдить Болотникова если не мечемъ, то голодомъ — надѣясь, что Воротынскій въ Алексинѣ и Хилковъ въ Коширѣ заслоняютъ осаду Калуги и блюдутъ безопасность Москвы — главный Воевода, Князь Мстиславскій, отрядилъ Бояръ, Ивана Никитича Романова, Михайла Нагаго и Князя Мезецкаго противъ злодѣя, Василія Мосальскаго ([119]), который шелъ съ своими толпами Бѣлевскою дорогою къ Калугѣ. Они сразились съ непріятелемъ на берегахъ Вырки ([120]), смѣло и мужественно. Цѣлыя сутки продолжалась битва. Мосальскій палъ, оказавъ храбрость, достойную лучшей цѣли. Такъ пали и многіе клевреты его: уже не имѣя вождя, тѣснимые, разстроенные, не хотѣли бѣжать, ни сдаться: умирали въ сѣчѣ; другіе зажгли свои пороховыя бочки и взлетѣли на воздухъ, какъ жертвы остервененія, свойственнаго только войнамъ междоусобнымъ. Романовъ, дотолѣ извѣстный единственно великодушнымъ терпѣніемъ въ несчастіи ([121]), удостоился благодарности Царя и золотой медали за оказанную имъ доблесть ([122]).

Побѣда Романова.

Но измѣнники въ другомъ мѣстѣ были

счастливѣе. Они, подобно Царю, соображали свои дѣйствія наступательныя, слѣдуя общей мысли, и стремясь съ разныхъ сторонъ къ одной цѣли: освободить Болотникова. Гибель Мосальскаго не устрашила Телятевскаго, который также шелъ къ Калугѣ и также встрѣтилъ Московскихъ Воеводъ, Князей Татева, Черкасскаго и Борятинскаго, высланныхъ Мстиславскимъ изъ Калужскаго стана ([123]). Въ жестокой битвѣ на Пчелнѣ легли Татевъ и Черкаскій со многими изъ добрыхъ воиновъ; остальные спаслися бѣгствомъ въ станъ Калужскій, и привели его въ ужасъ, коимъ воспользовался Болотниковъ: сдѣлалъ вылазку и разогналъ войско, еще многочисленное; всѣ обратили тылъ, кромѣ юнаго Князя Скопина-Шуйскаго и витязя Истомы Пашкова, уже вѣрнаго слуги Царскаго ([124]): они упорнымъ боемъ дали время малодушнымъ бѣжать, спасая если не честь, то жизнь ихъ; отступили сражаясь къ Боровску, гдѣ несчастный Мстиславскій и другіе Воеводы соединили разсѣянные остатки войска, бросивъ пушки, обозъ, запасы въ добычу непріятелю. Еще хуже робости была измѣна: 15000 воиновъ Царскихъ, и въ числѣ ихъ около ста Нѣмцевъ, пристали къ мятежникамъ. Узнавъ, что сдѣлалось подъ Калугою, Измайловъ снялъ осаду Козельска; по крайней мѣрѣ не кинулъ

1 Мая.

Мужество Скопина.

снаряда огнестрѣльнаго, и засѣлъ въ Мещовскѣ ([125]).

Бодрость Василія въ несчастіяхъ.

Сіи вѣсти поразили Москву. Шуйскій снова колебался на престолѣ, но не въ душѣ: созвалъ Духовенство, Бояръ, людей чиновныхъ; предложилъ имъ мѣры спасенія, далъ строгіе указы, требовалъ немедленнаго исполненія, и грозилъ казнію ослушникамъ: всѣ Россіяне, годные для службы, должны были спѣшить къ нему съ оружіемъ, монастыри запасти столицу хлѣбомъ на случай осады, и самые Иноки готовиться къ ратнымъ подвигамъ за Вѣру ([126]). Употребили и нравственное средство: Святители предали анаѳемѣ Болотникова и другихъ извѣстныхъ, главныхъ злодѣевъ: чего Царь не хотѣлъ дотолѣ, въ надеждѣ на ихъ раскаяніе. Время было дорого: къ счастію, мятежники не двигались впередъ, ожидая Илейки, который съ послѣдними силами и съ Шаховскимъ еще шелъ къ Тулѣ ([127]). 21 Мая Василій сѣлъ на ратнаго коня и самъ вывелъ войско, приказавъ Москву брату, Димитрію Шуйскому, Князьямъ Одоевскому и Трубецкому ([128]), а всѣхъ иныхъ Бояръ, Окольничихъ, Думныхъ Дьяковъ и Дворянъ взявъ съ собою, подъ Царское знамя, коего уже давно не видали въ полѣ съ такимъ блескомъ и множествомъ сановниковъ: уже не стыдились итти всѣмъ Царствомъ на ско-

пище злодѣевъ храбрыхъ! Близъ Серпухова соединились съ Василіемъ Мстиславскій и Воротынскій, оба какъ бѣглецы въ уныніи стыда. Довольный числомъ, но боясь робости сподвижниковъ, Царь умѣлъ одушевить ихъ своимъ великодушіемъ: въ присутствіи ста тысячь воиновъ цѣлуя крестъ, громогласно произнесъ обѣтъ возвратиться въ Москву побѣдителемъ или умереть ([129]); онъ не требовалъ клятвы отъ другихъ, какъ бы опасаясь ввести слабыхъ въ новый грѣхъ вѣроломства, и далъ ее въ твердой рѣшимости исполнить. Казалось, что Россія нашла Царя, а Царь нашелъ подданныхъ: всѣ съ ревностію повторили обѣтъ Василіевъ — и на сей разъ не измѣнили.

Свѣдавъ, что Илейка съ Шаховскимъ уже въ Тулѣ, и что Болотниковъ къ нимъ присоединился, Василій послалъ Князей Андрея Голицына, Лыкова и Прокопія Ляпунова ([130]) къ Коширѣ. Самозванецъ Петръ, какъ главный предводитель злодѣевъ, велѣлъ также занять сей городъ Телятевскому. Рати сошлися на берегахъ

5 Іюня. Восми ([131]): началось дѣло кровопролитное, и мятежники одолѣвали: но Голицынъ и

Доблесть Воеводъ Царскихъ.

Лыковъ кинулись въ пылъ битвы съ восклицаніемъ: «нѣтъ для насъ бѣгства; одна «смерть или побѣда!» и сильнымъ, отчаяннымъ ударомъ смяли непріятеля. Телятев-

скій ушелъ въ Тулу, оставивъ Москвитянамъ всѣ свои знамена, пушки, обозъ; гнали бѣгущихъ на пространствѣ тридцати верстъ и взяли 5000 плѣнныхъ. Храбрѣйшіе изъ злодѣевъ, Козаки Терскіе, Яицкіе, Донскіе, Украинскіе, числомъ 1700, засѣли въ оврагахъ, и стрѣляли; уже не имѣли пороха, и все еще не сдавались: ихъ взяли силою на третій день, и казнили, кромѣ семи человѣкъ, помилованныхъ за то, что они спасли нѣкогда жизнь вѣрнымъ Дворянамъ, которые были въ рукахъ у злодѣя Илейки ([132]) : черта достохвальная въ самой неумолимой мести!

Обрадованный столь важнымъ успѣхомъ и геройствомъ Воеводъ своихъ еще болѣе, нежели числомъ враговъ истребленныхъ, Василій изъявилъ Голицыну и Лыкову живѣйшую благодарность ([133]); двинулся къ Алексину, выгналъ оттуда мятежниковъ, шелъ къ Тулѣ. Еще злодѣи хотѣли отвѣдать счастія, и въ семи верстахъ отъ города, на рѣчкѣ Воронеѣ, сразились съ полкомъ Князя Скопина-Шуйскаго : стояли въ мѣстѣ крѣпкомъ, въ лѣсу, между топями, и долго противились; наконецъ Москвитяне зашли имъ въ тылъ, смѣшали ихъ и вогнали въ городъ; нѣкоторые вломились за ними даже въ улицы, но тамъ пали : ибо Воеводы безъ Царскаго указа не дерзнули на общій приступъ; а Царь жалѣлъ людей или опасался неудачи, зная, что въ Тулѣ было еще не менѣе двадцати тысячь злодѣевъ отчаянныхъ : Россіяне умѣли

Осада Тулы.

оборонять крѣпости, не умѣя брать ихъ. Обложили Тулу. Князь Андрей Голицынъ занялъ дорогу Коширскую: Мстиславскій, Скопинъ и другіе Воеводы Кропивинскую; тяжелый снарядъ огнестрѣльный разставили за турами близъ рѣки Упы; далѣе, въ трехъ верстахъ отъ города, шатры

30 Іюня.

Царскіе. Началась осада, медленная и кровопролитная, подобно Калужской: тотъ же Болотниковъ и съ тою же смѣлостію бился въ вылазкахъ ([134]); презирая смерть, казался и невредимымъ и неутомимымъ: три, четыре раза въ день нападалъ на осаждающихъ, которые одерживали верхъ единственно превосходствомъ силы, и не могли хвалиться дѣйствіемъ своихъ тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудій, стрѣляя только издали и не мѣтко. Воеводы Московскіе взяли Дѣдиловъ, Кропивну, Епифань, и не пускали никого ни въ Тулу, ни изъ Тулы: Василій хотѣлъ одолѣть ея жестокое сопротивленіе голодомъ, чтобы въ одномъ гнѣздѣ захватить всѣхъ главныхъ злодѣевъ, и тѣмъ прекратить бѣдственную войну междоусобную. «Но Россія,» говоритъ Лѣтописецъ ([135]), «утопала въ пучинѣ «крамолъ, и волны стремились за волнами: «рушились однѣ, поднимались другія.»

Замышляя измѣну, Шаховскій надѣялся, вѣроятно, одною сказкою о Царѣ изгнанникѣ низвергнуть Василія и дать Россіи

иного Вѣнценосца, новаго ли бродягу, или кого нибудь изъ Вельможъ, знаменитыхъ родомъ, если, не взирая на свою дерзость, не смѣлъ мечтать о коронѣ для самого себя; но, обманутый надеждою, уже стоялъ на краю бездны. Ежедневно уменьшались силы, запасы и ревность стѣсненныхъ въ Тулѣ мятежниковъ, которые спрашивали: «гдѣ же тотъ, за кого умираемъ? гдѣ Ди-«митрій?» Шаховскій и Болотниковъ клялися имъ: первый, что Царь въ Литвѣ; вторый, что онъ видѣлъ его тамъ собственными глазами. Оба писали въ Галицію, къ ближнимъ и друзьямъ Мнишковымъ, требуя отъ нихъ какого нибудь Димитрія или войска, предлагая даже Россію Ляхамъ, такими словами: «Отъ границы «до Москвы все ваше: придите и возмите; «только избавьте насъ отъ Шуйскаго» (136). Съ письмами и наказомъ послали въ Литву Атамана Козаковъ Днѣпровскихъ, Ивана Мартинова Заруцкаго, смѣлаго и лукаваго: умѣвъ ночью пройти сквозь станъ Московскій, онъ не хотѣлъ ѣхать далѣе Стародуба, жилъ въ семъ городѣ безопасно и питалъ въ гражданахъ ненависть къ Василію. Послали другаго вѣстника, который достигъ Сендомира, не нашелъ тамъ никакого Димитрія, но заставилъ ближнихъ Мнишковыхъ искать его (137): искали и нашли бродягу, жителя Украйны, сына Поповскаго, Мат-

Явленіе новаго

Лжедимитрія.

вѣя Веревкина, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, или Жида, какъ сказано въ современныхъ бумагахъ государственныхъ ([138]). Сей Самозванецъ и видомъ и свойствами отличался отъ Разстриги: былъ грубъ, свирѣпъ, корыстолюбивъ до низости; только, подобно Отрепьеву, имѣлъ дерзость въ сердцѣ и нѣкоторую хитрость въ умѣ; владѣлъ искусно двумя языками, Русскимъ и Польскимъ; зналъ твердо Св. Писаніе и Кругъ Церковный ([139]); разумѣлъ, если вѣрить одному чужеземному Историку ([140]), и языкъ Еврейскій, читалъ Тальмудъ, книги Раввиновъ, среди самыхъ опасностей воинскихъ; хвалился мудростію и предвидѣніемъ будущаго ([141]). Панъ Мѣховецкій, другъ перваго обманщика, сдѣлался руководителемъ и наставникомъ втораго; впечатлѣлъ ему въ память всѣ обстоятельства и случаи Лжедимитріевой исторіи, — открылъ много и тайнаго, чтобы изумлять тѣмъ любопытныхъ; взялъ на себя чинъ его Гетмана; пригласилъ сподвижниковъ, какъ нѣкогда Воевода Сендомирскій, чтобы возвратить Державному изгнаннику Царство; находилъ менѣе легковѣрныхъ, но столько же, или еще болѣе, ревнителей славы или корысти. «Не спрашивали» — говоритъ Историкъ Польскій ([142]) — «истин-«ный ли Димитрій или обманщикъ зоветъ «воителей? Довольно было того, что Шуй-

«скій сидѣлъ на престолѣ, обагренномъ кровію «Ляховъ. Война Ливонская кончилась: юношество, скучая праздностію, кипѣло любовію къ «ратной дѣятельности; не ждало указа Королев-«скаго и рѣшенія Чиновъ Государственныхъ: «хотѣло и могло дѣйствовать самовольно,» но конечно съ тайнаго одобренія Сигизмундова и Пановъ Думныхъ. Богатые давали деньги бѣднымъ на предпріятіе, коего цѣлію было расхищеніе цѣлой Державы. Выставили знамена, образовалось войско; и вѣсть за вѣстію приходила къ жителямъ Сѣверскимъ, что скоро будетъ у нихъ Димитрій ([143]).

Наконецъ, 1 Августа, явились въ Стародубѣ два человѣка: одинъ именовалъ себя Дворяниномъ Андреемъ Нагимъ, другой Алексѣемъ Рукинымъ, Московскимъ Подьячимъ; они сказали народу, что Димитрій не далеко съ войскомъ и велѣлъ имъ ѣхать впередъ, узнать расположеніе гражданъ: любятъ ли они своего Царя законнаго? хотятъ ли служить ему усердно? Народъ единодушно воскликнулъ: «гдѣ онъ? гдѣ «отецъ нашъ? идемъ къ нему всѣ головами» ([144]). *Онъ здѣсь*, отвѣтствовалъ Рукинъ, и замолчалъ, какъ бы устрашась своей нескромности. Тщетно граждане убѣждали его изъясниться; вышли изъ терпѣнія, схватили и хотѣли пытать безмолвнаго упрямца: тогда Рукинъ объявилъ имъ, что мнимый Андрей Нагой есть Димитрій. Никто не усомнился: всѣ кинулись лобызать ноги пришельца; вопили: «Хвала Богу! нашлося сокро-

«вище нашихъ душъ!» Ударили въ колокола, пѣли молебны, честили Самозванца, коего прислалъ Мѣховецкій ([145]), готовясь итти въ слѣдъ за нимъ съ войскомъ: прислалъ съ однимъ клевретомъ, безоружнаго, беззащитнаго, по тайному уговору, какъ вѣроятно, съ главными Стародубскими измѣнниками, желая доказать Ляхамъ, что они могутъ надѣяться на Россіянъ въ войнѣ за Димитрія. Путивль, Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, едва услышавъ о прибытіи Лжедимитрія, и еще не видя знаменъ Польскихъ, спѣшили изъявить ему свое усердіе, и дать воиновъ. Заблужденіе уже не извиняло злодѣйства: многіе изъ Сѣверянъ знали перваго Самозванца и слѣдственно знали обманъ, видя втораго, человѣка имъ неизвѣстнаго; но славили его какъ Царя истиннаго, отъ ненависти къ Шуйскому, отъ буйности и любви къ мятежу. Такъ Атаманъ Заруцкій, бывъ наперсникомъ Разстригинымъ, упалъ къ ногамъ Стародубскаго обманщика, увѣряя, что будетъ служить ему съ прежнею ревностію ([146]), и безстыдно исчисляя опасности и битвы, въ коихъ они будто бы вмѣстѣ храбровали. Но были и легковѣрные, съ горячимъ сердцемъ и воображеніемъ, слабые умомъ, твердые душею. Такимъ оказалъ себя одинъ Стародубецъ, сынъ Боярскій: взялъ и вручилъ Царю, въ станѣ подъ Тулою, письмо отъ городовъ Сѣверскихъ, въ которомъ мятежники совѣтовали Шуйскому уступить престолъ Димитрію и грозили казнію

въ случаѣ упорства: сей посолъ дерзнулъ сказать въ глаза Василію тоже, называя его не Царемъ, а злымъ измѣнникомъ; терпѣлъ пытку, хваляся вѣрностію къ Димитрію, и былъ сожженъ въ пепелъ, не изъявивъ ни чувствительности къ мукамъ, ни сожалѣнія о жизни, въ изступленіи ревности удивительной ([147]).

Василій, узнавъ о семъ явленіи Самозванца, о семъ новомъ движеніи и скопищѣ мятежниковъ въ южной Россіи, отрядилъ Воеводъ, Князей Литвинова-Мосальскаго и Третьяка Сеитова, къ ея предѣламъ: первый сталъ у Козельска; второй занялъ Лихвинъ, Бѣлевъ и Болховъ ([148]). Скоро услышали, что Мѣховецкій уже въ Стародубѣ съ сильными Литовскими дружинами; что Заруцкій призвалъ нѣсколько тысячь Козаковъ и соединилъ ихъ съ толпами Сѣверскими; что Лжедимитрій, выступивъ въ поле, идетъ къ Тулѣ. Воеводы Царскіе не могли спасти Брянска и велѣли зажечь его, когда жители вышли съ хлѣбомъ и солью на встрѣчу къ мнимому Димитрію ([149])... Въ сіе время, одинъ изъ Польскихъ друзей его, Николай Харлескій, исполненный къ нему усердія и надежды завоевать Россію, писалъ къ своимъ ближнимъ въ Литву слѣдующее письмо любопытное ([150]): «Царь Димитрій и всѣ «наши благородные витязи здравствуютъ. Мы «взяли Брянскъ, сожженный людьми Шуйскаго, «которые вывезли оттуда всѣ сокровища, и бѣжали такъ скоро, что ихъ не льзя было настигнуть. Димитрій теперь въ Карачевѣ, ожидая

«знатнѣйшаго вспоможенія изъ Литвы. Съ нимъ «нашихъ 5000, но многіе вооружены худо.... «Зовите къ намъ всѣхъ храбрыхъ; прельщайте «ихъ и славою и жалованьемъ Царскимъ. У васъ «носится слухъ, что сей Димитрій есть обман-«щикъ: не вѣрьте. Я самъ сомнѣвался и хотѣлъ «видѣть его; увидѣлъ, и не сомнѣваюсь. Онъ «набоженъ, трезвъ, уменъ, чувствителенъ; лю-«битъ военное искусство; любитъ нашихъ; ми-«лостивъ и къ измѣнникамъ: даетъ плѣннымъ «волю служить ему или снова Шуйскому. Но «есть злодѣи: опасаясь ихъ, Димитрій никогда «не спитъ на своемъ Царскомъ ложѣ, гдѣ только «для вида велитъ быть стражѣ: положивъ тамъ «кого нибудь изъ Русскихъ, самъ уходитъ ночью «къ Гетману или ко мнѣ, и возвращается домой «на разсвѣтѣ. Часто бываетъ тайно между вои-«нами, желая слышать ихъ рѣчи, и все знаетъ. «Зная даже и будущее, говоритъ, что ему вла-«ствовать не долѣе трехъ лѣтъ; что лишится «престола измѣною, но опять воцарится и рас-«пространитъ Государство. Безъ прибытія но-«выхъ, сильнѣйшихъ дружинъ Польскихъ, онъ «не думаетъ спѣшить къ Москвѣ, если возметъ «и самого Шуйскаго, который въ ужасѣ, въ «смятеніи снялъ осаду Тулы (151); всѣ бѣгутъ «отъ него къ Димитрію».... Но Самозванецъ, оставивъ за собою Болховъ, Бѣлевъ, Козельскъ, и разбивъ Князя Литвинова-Мосальскаго близъ Мещовска, на пути къ Тулѣ свѣдалъ, что въ ней славится уже не Димитріево, а Василіево имя.

Еще мятежники оборонялись тамъ усильно до конца лѣта, хотя и терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ хлѣбѣ и соли. Счастливая мысль одного воина дала Царю способъ взять сей городъ безъ кровопролитія. Муромецъ, Сынъ Боярскій, именемъ Сумин Кровковъ, предложилъ Василію затопить Тулу, изъяснилъ возможность успѣха, и ручался въ томъ жизнію ([152]). Приступили къ дѣлу; собрали мельниковъ; велѣли ратникамъ носить землю въ мѣшкахъ на берегъ Упы, ниже города, и запрудили рѣку деревянною плотиною: вода поднялася, вышла изъ береговъ, влилась въ острогъ, въ улицы и дворы, такъ, что осажденные ѣздили изъ дому въ домъ на лодкахъ ([153]); только высокія мѣста остались сухи и казались грядами островъ. Битвы, вылазки пресѣклись. Ужасъ потопа и голода смирилъ мятежниковъ: они ежедневно цѣлыми толпами приходили въ станъ къ Царю, винились, требовали милосердія и находили его, всѣ безъ исключенія. Главные злодѣи еще нѣсколько времени упорствовали: наконецъ и Телятевскій, Шаховскій, самъ непреклонный Болотниковъ, извѣстили Василія, что готовы предать ему Тулу и Самозванца Петра, если Царскимъ словомъ удостовѣрены будутъ въ помилованіи, или, въ противномъ случаѣ, умрутъ съ оружіемъ въ ру-

Взятіе Тулы.

дахъ, и скорѣе *съѣдятъ другъ друга* отъ голода, нежели сдадутся. Уже зная, что новый Лжедимитрій недалеко, Василій обѣщалъ милость, — и 10 Октября Бояринъ Колычевъ, вступивъ въ Тулу съ воинами Московскими, взялъ подъ стражу главнѣйшаго изъ злодѣевъ, Илейку. Болотниковъ явился, съ головы до ногъ вооруженный, предъ шатрами Царскими, сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею, палъ ницъ и сказалъ Василію: «Я исполнилъ обѣтъ свой: «служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Сендомирѣ: обманщикъ или Царь «истинный, не знаю; но онъ выдалъ меня. Те«перь я въ твоей власти: вотъ сабля, если хо«чешь головы моей; когда же оставишь мнѣ «жизнь, то умру въ твоей службѣ, усерднѣй«шимъ изъ рабовъ вѣрныхъ» (154). Онъ угадывалъ, кажется, свою долю. Миловать такихъ злодѣевъ есть преступленіе; но Василій обѣщалъ, и не хотѣлъ явно нарушить слова: Болотникова, Шаховскаго и другихъ начальниковъ мятежа отправили, въ слѣдъ за скованнымъ Илейкою, въ Москву съ приставами; а Князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ, не лишили ни свободы, ни Боярства, къ посрамленію сего Вельможнаго достоинства и къ соблазну государственному (155): слабость безсмысленная, вреднѣйшая жестокости!

Но общая радость все прикрывала. Взятіе

Тулы праздновали какъ завоеваніе Казанскаго Царства или Смоленскаго Княжества [156]; и желая, чтобы сія радость была еще искреннѣе для войска утомленнаго, Царь далъ ему отдыхъ: уволилъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ въ ихъ помѣстья, свѣдавъ, что Лжедмитрій, испуганный судьбою Лжепетра, ушелъ назадъ къ Трубчевску [157]. Вопреки опыту презирая новаго злодѣя Россіи, Василій не спѣшилъ истребить его; послалъ только легкія дружины къ Брянску, а конницу Черемисскую и Татарскую въ Сѣверскую землю для грабежа и казни виновныхъ ея жителей [158]; не хотѣлъ ждать, чтобы сдалася Калуга, гдѣ еще держались клевреты Болотникова съ Атаманомъ Скотницкимъ [159]: велѣлъ осаждать ее малочисленной рати, и возвратился въ столицу. Москва встрѣтила его какъ побѣдителя [160]. Онъ въѣзжалъ съ необыкновенною пышностію, съ двумя тысячами нарядныхъ всадниковъ, въ богатой колесницѣ, на прекрасныхъ бѣлыхъ коняхъ; умиленно слушалъ рѣчь Патріарха, видѣлъ знаки народнаго усердія, и казался счастливымъ! Три дни славили въ храмахъ милость Божію къ Россіи; пять дней молился Василій въ Лаврѣ Св. Сергія, и заключилъ церковное торжество дѣйствіемъ государственнаго правосудія: злодѣя Илейку повѣсили на Серпуховской дорогѣ, близъ

21 Окт.

Данилова Монастыря ([161]). Болотникова, Атамана Θедора Нагибу и строптивѣйшихъ мятежниковъ отвезли въ Каргополь и тайно утопили. Шаховскаго сослали въ Каменную Пустыню Кубенскаго Озера, а вѣроломныхъ Нѣмцевъ, взятыхъ въ Тулѣ, числомъ 52, и съ ними Медика Фидлера, въ Сибирь ([162]). Всѣхъ другихъ плѣнниковъ оставили безъ наказанія и свободными. Калуга, Козельскъ еще противились; вся южная Россія, отъ Десны до устья Волги, за исключеніемъ немногихъ городовъ, признавала Царемъ своимъ мнимаго Димитрія: сей злодѣй, отступивъ, ждалъ времени и новыхъ силъ, чтобы итти впередъ, — а Москва, утомленная тревогами, наслаждалась тишиною, послѣ ужасной грозы и предъ ужаснѣйшею! Испытавъ умъ, твердость Царя и собственное мужество, вѣрные Россіяне думали, что главное сдѣлано; хотѣли временнаго успокоенія и надѣялись легко довершить остальное.

Такъ думалъ и самъ Василій. Бывъ дотолѣ въ непрестанныхъ заботахъ и въ безпокойствѣ, мысливъ единственно о спасеніи Царства и себя отъ гибели, онъ вспомнилъ наконецъ о своемъ счастіи и невѣстѣ: жестокою Политикою лишенный удовольствія быть супругомъ и отцемъ въ лѣтахъ цвѣтущихъ, спѣшилъ вкусить его хотя въ лѣтахъ преклонныхъ, и женился

Бракъ Василіевъ. Г. 1608. Генваря 17.

на Маріи, дочери Боярина Князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовскаго (163). Вѣрить ли сказанію одного Лѣтописца (164), что сей бракъ имѣлъ слѣдствія бѣдственныя; что Василій, алчный къ наслажденіямъ любви, столь долго ему неизвѣстнымъ, предался нѣгѣ, роскоши, лѣности: началъ слабѣть въ государственной и въ ратной дѣятельности, среди опасностей засыпать духомъ, и своимъ небреженіемъ охладилъ ревность лучшихъ Совѣтниковъ Думы, Воеводъ и воиновъ, въ Царствѣ Самодержавномъ, гдѣ все живетъ и движется Царемъ, съ нимъ бодрствуетъ или дремлетъ? Но согласно ли такое очарованіе любви съ природными свойствами человѣка, который въ недосугахъ заговора и властвованія смутнаго цѣлые два года забывалъ милую ему невѣсту? И какое очарованіе могло устоять противу такихъ бѣдствій?

По крайней мѣрѣ до сего времени Василій бодретвовалъ не только въ усиліяхъ истребить мятежниковъ, но съ удивительнымъ хладнокровіемъ, едва избавивъ отъ нихъ Москву, занимался и земскими или государственными уставами и способами народнаго образованія, какъ бы среди глубокаго мира. Въ Мартѣ 1607 года, имѣвъ торжественное разсужденіе съ Патріархомъ, Духовенствомъ и Синклитомъ, онъ

Законы.

издалъ Соборную грамоту о бѣглыхъ крестьянахъ, велѣлъ ихъ возвратить тѣмъ владѣльцамъ, за коими они были записаны въ книгахъ съ 1593 года: то есть, подтвердилъ Уложеніе Ѳеодора Іоанновича, но сказавъ, что оно есть дѣло Годунова, неодобренное Боярами старѣйшими, и произвело въ началѣ много зла, неизвѣстнаго въ Іоанново время, когда земледѣльцы могли свободно переходить изъ селенія въ селеніе ([165]). Далѣе уставлено въ сей грамотѣ, что принимающій чужихъ крестьянъ долженъ платить въ казну 10 рублей пени съ человѣка, а господамъ ихъ три рубли за каждое лѣто; что подговорщикъ, сверхъ денежной пени, наказывается кнутомъ; что мужъ бѣглой дѣвки или вдовы дѣлается рабомъ ея господина; что если господинъ не женитъ раба до двадцати лѣтъ, а рабы не выдастъ за-мужъ до осьмнадцати, то обязанъ дать имъ волю и не имѣетъ права жаловаться въ судѣ на ихъ бѣгство, даже и въ случаѣ кражи или сноса: законъ благонамѣренный, полезный не только для размноженія людей, но и для чистоты нравственной!

Уставъ Воинскій.

Тогда же Василій велѣлъ перевести съ Нѣмецкаго и Латинскаго языка *Уставъ Дѣлъ Ратныхъ*, желая, какъ сказано въ началѣ онаго, чтобы «Россіяне знали всѣ «новыя хитрости воинскія, коими хвалятся

«Италія, Франція, Испанія, Австрія, Голландія, Англія, Литва, и могли не только силѣ «силою, но и смыслу смысломъ противиться съ «успѣхомъ, въ такое время, когда умъ человѣческій всего болѣе вперенъ въ науку необходимую для благосостоянія и славы Государствъ: въ науку побѣждать враговъ и хранить цѣлость земли своей» (166). Ничто не забыто въ сей любопытной книгѣ: даны правила для образованія и раздѣленія войска, для строя, похода, становъ, обоза, движеній пѣхоты и конницы, стрѣльбы пушечной и ружейной, осады и приступовъ, съ ясностію и точностію. Не забыты и нравственныя средства. Предъ всякою битвою надлежало Воеводѣ ободрять воиновъ *лицемъ веселымъ* (167), напоминать имъ отечество и присягу; говорить: «я буду впереди . . . лучше умереть съ честію, нежели жить «безчестно,» и съ симъ вручать себя Богу.

Угождая народу своею любовію къ старымъ обычаямъ Русскимъ, Василій не хотѣлъ однакожь, въ угодность ему, гнать иноземцевъ: не оказывалъ къ нимъ пристрастія, коимъ упрекали Разстригу и даже Годунова, но не давалъ ихъ въ обиду мятежной черни (168); выслалъ ревностныхъ тѣлохранителей Лжедимитріевыхъ и четырехъ Медиковъ Германскихъ за тѣсную связь съ Поляками, — оставивъ лучшаго изъ нихъ, лекаря Вазмера, при себѣ (169): но старался милостію удержать всѣхъ честныхъ Нѣмцевъ въ Москвѣ и въ Царской службѣ, какъ

воиновъ, такъ и людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, любя гражданское образованіе, и зная, что они нужны для успѣховъ его въ Россіи; однимъ словомъ, имѣлъ желаніе, не имѣлъ только времени сдѣлаться просвѣтителемъ отечества... и въ какой вѣкъ! въ какихъ обстоятельствахъ ужасныхъ!

ГЛАВА II.

Продолженіе Василіева Царствованія.

Г. 1607—1609.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедимитріева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Воеводъ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Перемиріе съ Литвою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марина и Мнишекъ у Самозванца. Скопинъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Развратъ въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное состояніе Россіи. Тушино. Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему.

Г. 1607. 1608.

Въ то время, когда Москва праздновала Василіево бракосочетаніе, война междоусобная уже снова пылала.

Калуга упорствовала въ бунтѣ. Отъ имени Царя ѣздилъ къ ея жителямъ и людямъ воинскимъ прощенный измѣнникъ, Атаманъ Беззубцевъ ([170]), съ убѣжденіемъ смириться. Они сказали: «не знаемъ Царя, «кромѣ Димитрія: ждемъ и скоро его увидимъ!» Вѣроятно, что явленіе втораго

Лжедимитрія было имъ уже извѣстно. Василій, жалѣя утомлять войско трудами зимней осады, предложилъ, весьма неосторожно, четыремъ тысячамъ Донскихъ мятежниковъ, которые въ битвѣ подъ Москвою ему сдалися ([171]), загладить вину свою взятіемъ Калуги: Донцы изъявили не только согласіе, но и живѣйшую ревность; клялись оказать чудеса храбрости; прибыли въ Калужскій станъ къ Государевымъ Воеводамъ, и чрезъ нѣсколько дней взбунтовались, такъ, что устрашенные Воеводы бѣжали отъ нихъ въ Москву. Часть мятежниковъ вступила въ Калугу; другіе ушли къ Самозванцу.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги.

Сей наглый обманщикъ не долго былъ въ бездѣйствіи. Дружины за дружинами приходили къ нему изъ Литвы, конныя и пѣхотныя, съ вождями знатными: въ числѣ ихъ находились Мозырскій Хорунжій, Іосифъ Будзило, Паны Тишкѣвичи и Лисовскій, бѣглецъ, за какое-то преступленіе осужденный на казнь въ своемъ отечествѣ: смѣлостію и мужествомъ витязь, ремесломъ грабитель ([172]). Узнавъ, что Василій распустилъ главное войско, Лжедимитрій, по совѣту Лисовскаго, немедленно выступилъ изъ Трубчевска съ семью тысячами Ляховъ, осмью тысячами Козаковъ и немалымъ числомъ Россіянъ. Воеводы Царскіе, Князь Михайло Кашинъ и Ржев-

Самозванецъ усиливается.

-сій, укрѣпились въ Брянскѣ ([173]): Самозванецъ осадилъ его, но не могъ взять, отъ храбрости защитниковъ, которые терпѣли голодъ, ѣли лошадей, и не имѣя воды, доставали ее своею кровію, ежедневными вылазками и битвами. Рать Лжедимитріева усиливаясь шайками новыхъ Донскихъ выходцевъ: они представили ему какого-то неизвѣстнаго бродягу, мнимаго Царевича Өеодора, будто бы втораго сына Ирины; но Лжедимитрій не хотѣлъ признать его племянникомъ и велѣлъ умертвить. Осада длилась, и Василій успѣлъ принять мѣры: Бояринъ Князь Иванъ Семеновичь Куракинъ изъ столицы, а Князь Литвиновъ изъ Мещовска шли спасти Брянскъ. Литвиновъ первый съ дружинами Московскими достигъ береговъ Десны, видѣлъ сей городъ и станъ Лжедимитріевъ на другой сторонѣ ея, но не могъ перейти туда, ибо рѣка покрывалась льдомъ: осажденные также видѣли его; кричали своимъ Московскимъ братьямъ: «спасите насъ! не имѣемъ куска хлѣба!» и съ слезами простирали къ нимъ руки ([174]). Сей день (15 Декабря 1607) остался памятнымъ въ нашей Исторіи: Литвиновъ кинулся въ рѣку на конѣ; за Литвиновымъ всѣ, восклицая: «лучше умереть, нежели выдать своихъ: съ нами Богъ!» плыли, разгребая ледъ, подъ выстрѣлами непрія-

Дѣло знаменитое.

теля, изумленнаго такою смѣлостію; вышли на берегъ, и сразились. Кашинъ и Ржевскій сдѣлали вылазку. Непріятель между двумя огнями не устоялъ, смѣшался, отступилъ. Уже побѣда совершилась, когда приспѣлъ Куракинъ, дивиться мужеству добрыхъ Россіянъ и славить Бога Русскаго; но самъ, какъ главный Воевода, не отличился: только запасъ городъ всѣмъ нужнымъ для осады; укрѣпился на лѣвомъ берегу Десны, и далъ время непріятелю образумиться. Рѣка стала. Лжедимитрій соединилъ полки свои и напалъ на Куракина. Бились мужественно, нѣсколько разъ, безъ рѣшительнаго слѣдствія, и войско Царское, оставивъ Брянскъ, заняло Карачевъ. Не имѣя надежды взять ни того, ни другаго города, Самозванецъ двинулся впередъ, мирно вступилъ въ Орелъ, и написалъ оттуда слѣдующую грамоту къ своему мнимому тестю, Воеводѣ Сендомирскому: «Мы, Димитрій Іоанновичь, Божіею милостію Царь всея Россіи, Великій «Князь Московскій, Дмитровскій, Углицкій, Городецкій . . . . и другихъ многихъ «земель и Татарскихъ Ордъ, Московскому «Царству подвластныхъ, Государь и наслѣдникъ . . . . Любезному отцу нашему! «Судьбы Всевышняго непостижимы для ума «человѣческаго. Все, что бываетъ въ мірѣ, «искони предопредѣлено Небомъ, коего

г. 1608.

Грамота Лжедимитріева.

«страшный судъ совершился и надо мною: за «грѣхи ли нашихъ предковъ или за мои соб«ственные изгнанный изъ отечества, и скитаясь «въ земляхъ чуждыхъ, сколько терпѣлъ я бѣд«ствій и печали! Но Богъ же милосердый, не «помянувъ моихъ беззаконій, и спасъ меня отъ «измѣнниковъ, возвращаетъ мнѣ Царство, ка«раетъ нашихъ злодѣевъ, преклоняетъ къ намъ «сердца людей, Россіянъ и чужеземцевъ, такъ, «что надѣемся скоро освободить васъ и всѣхъ «друзей нашихъ, къ неописанной радости ва«шего сына. Богу единому слава! Да будетъ «также вамъ извѣстно, что Его Величество, Ко«роль Сигизмундъ, нашъ пріятель, и вся Рѣчь «Посполитая усердно содѣйствуютъ мнѣ въ оты«сканіи наслѣдственной Державы» ([175]). Сія грамота, вѣроятно, не дошла до Мнишка, заключеннаго въ Ярославлѣ, но была конечно и писана не для него, а единственно для тѣхъ, которые еще могли вѣрить обману.

Самозванецъ зимовалъ въ Орлѣ спокойно, умножая число подданныхъ обольщеніемъ и силою; слѣдуя правилу Шаховскаго и Болотникова, возмущалъ крестьянъ: объявлялъ независимость и свободу тѣмъ, коихъ господа служили Царю; жаловалъ холопей въ чины, давалъ помѣстья своимъ усерднымъ слугамъ, иноземцамъ и Русскимъ ([176]). Тамъ прибыли къ нему знатные Князья, Рожинскій и Адамъ Вишневецкій, съ двумя или тремя тысячами всадниковъ ([177]). Первый, властолюбивый, надменный

и необузданный, въ жаркой распрѣ собственною рукою умертвилъ Мѣховецкаго, друга, наставника Лжедимитріева, и заступилъ мѣсто убитаго: сдѣлался Гетманомъ бродяги, презираемаго имъ и всѣми умными Ляхами.

Но Василій уже не могъ презирать сего злодѣя: еще не думая оставить юной супруги и столицы, онъ вѣрилъ рать любимому своему брату, Дмитрію Шуйскому, Князьямъ Василію Голицыну, Лыкову, Волконскому, Нагому (178); велѣлъ присоединиться къ нимъ Куракину, конницѣ Татарской и Мордовской, посланной еще изъ Тулы на Сѣверскую землю (179), и если не былъ, то по крайней мѣрѣ казался удостовѣреннымъ, что власть законная, не взирая на смятеніе умовъ въ Россіи, одолѣетъ крамолу. Въ сіе время чиновникъ Шведскій, Петрей, находясь въ Москвѣ, остерегалъ Василія: доказывая, что явленіе Лжедимитріевъ есть дѣло Сигизмунда и Папы, желающихъ овладѣть Россіею, предлагалъ намъ, отъ имени Карла IX, союзъ и значительное вспоможеніе (180); но Василій — также, какъ и Годуновъ (181) — сказалъ, что ему нуженъ только одинъ помощникъ, Богъ, а другихъ не надобно. Къ несчастію, онъ долженъ былъ скоро перемѣнить мысли.

Предложеніе Шведовъ.

Главный Воевода, Дмитрій Шуйскій, от-

личался единственно величавостію и спесію; не былъ ни любимъ, ни уважаемъ войскомъ ([182]); не имѣлъ ни духа ратнаго, ни прозорливости въ совѣтахъ и въ выборѣ людей; имѣлъ зависть къ достоинствамъ блестящимъ и слабость къ ласкателямъ коварнымъ: для того, вѣроятно, не взялъ юнаго, счастливаго витязя, Скопина-Шуйскаго, и для того взялъ Князя Василія Голицына, знаменитаго измѣнами. Рать Московская остановилась въ Болховѣ; не дѣйствовала, за тогдашними глубокими снѣгами ([183]), до самой весны, и дала непріятелю усилиться. Шуйскій и сподвижники его, утружденные зимнимъ походомъ, съ семидесятью тысячами воиновъ ([184]) отдыхали; а толпы Лжедимитріевы, не боясь ни морозовъ, ни снѣговъ, вездѣ разсыпались, брали города, жгли села и приближались къ Москвѣ. Начальники Рязани, Князь Хованскій и Думный Дворянинъ Ляпуновъ, хотѣли выгнать мятежниковъ изъ Пронска, овладѣли его внѣшними укрѣпленіями и вломились въ городъ; но Ляпунова тяжело ранили: Хованскій отступилъ — и чрезъ нѣсколько дней, подъ стѣнами Зарайска, былъ на голову разбитъ Паномъ Лисовскимъ ([185]), который оставилъ тамъ памятникъ своей побѣды, видимый и донынѣ: высокій курганъ, насыпанный надъ могилою убитыхъ въ семъ дѣлѣ Россіянъ.

Побѣда Лисовскаго.

Царю надлежало защитить Москву новымъ войскомъ. Писали къ Дмитрію Шуйскому, чтобы онъ не медлилъ, шелъ и дѣйствовалъ: Шуйскій наконецъ выступилъ, и верстахъ въ десяти отъ Болхова уже встрѣтилъ Самозванца (186).

Апрѣля 13.

Первый вступилъ въ дѣло Князь Василій Голицынъ, и первый бѣжалъ; главное войско также дрогнуло: но запасное, подъ начальствомъ Куракина, смѣлымъ ударомъ остановило стремленіе непріятеля. Бились долго, и разошлись безъ побѣды. Съ честію пали многіе воины, Московскіе и Нѣмецкіе, коихъ главный сановникъ, Ламсдорфъ, тайно обѣщалъ Лжедимитрію передаться къ нему со всею дружиною, но пьяный забылъ о семъ уговорѣ, и не мѣшалъ ей отличаться мужествомъ въ битвѣ. Въ слѣдующій день возобновилось кровопролитіе, и Шуйскій, излишно осторожный или робкій, велѣвъ преждевременно спасать тяжелыя пушки и везти назадъ къ Болхову, далъ мысль войску о худомъ концѣ сраженія: чѣмъ воспользовался Лжедимитрій, извѣщенный переметчикомъ (Боярскимъ Сыномъ, Лихаревымъ), и сильнымъ нападеніемъ смялъ ряды Москвитянъ; всѣ бѣжали, еще кромѣ Нѣмцевъ: Капитанъ Ламсдорфъ, уже непьяный, предложилъ имъ братски соединиться съ Ляхами; но многіе, сказавъ: «наши жены и

Побѣда Самозванца.

«дѣти въ Москвѣ,» ускакали въ слѣдъ за Россіянами. Остались 200 человѣкъ при знаменахъ съ Ламсдорфомъ, ждали чести отъ Лжедимитрія — и были изрублены Козаками: Гетманъ Рожинскій велѣлъ умертвить ихъ какъ обманщиковъ, за кровь Ляховъ, убитыхъ ими на канунѣ. Сія измѣна Нѣмцевъ утаилась отъ Василія: онъ наградилъ ихъ вдовъ и сиротъ, думая, что Ламсдорфъ съ добрыми сподвижниками легъ за него въ жаркой сѣчѣ ([187]).

Царскіе Воеводы и воины бѣжали къ Москвѣ; нѣкоторые, съ Княземъ Третьякомъ Сеитовымъ, засѣли въ Болховѣ; другіе ушли въ домы. Болховъ, гдѣ находилось 5000 людей ратныхъ ([188]), сдался Лжедимитрію: всѣ они присягнули ему въ вѣрности, выступили съ нимъ къ Калугѣ, но шли особенно, подъ начальствомъ Князя Сеитова. Москва была въ ужасѣ. Бѣглецы, оправдывая себя, въ разсказахъ своихъ умножали силы Самозванца, число Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ измѣнниковъ; даже увѣряли, что сей вторый Лжедимитрій есть одинъ человѣкъ съ первымъ; что они узнали его въ битвѣ по храбрости еще болѣе, нежели по лицу. Чернь начинала уже винить Бояръ въ несчастной измѣнѣ Самозванцу ожившему, и думала, въ случаѣ крайности, выдать ихъ ему головами ([189]); нѣкоторые только страшились, чтобы онъ,

Ужасъ въ Москвѣ.

какъ волшебникъ, не увидѣлъ на нихъ крови истерзанныхъ ими Ляховъ или своей собственной! Но въ то же время достойные Россіяне, многіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, оставивъ семейства, изъ ближнихъ городовъ спѣшили въ столицу защитить Царя въ опасности. Явились и мнимые измѣнники Болховскіе, Князь Третьякъ Сеитовъ съ пятью тысячами воиновъ: удостовѣренные, что Самозванецъ есть подлый злодѣй, они ушли отъ него съ береговъ Оки въ Москву, извиняясь минутнымъ страхомъ и неволею (190). Василій составилъ новое войско, и далъ начальство — къ несчастію, поздно — знаменитому Князю Скопину и доброму Боярину, Ивану Романову. Сіе войско стало на берегахъ Незнани, между Москвою и Калугою, ждало непріятеля, и готовилось къ битвѣ, — но едва не было жертвою гнуснаго заговора. Главные сподвижники Скопина и Романова, чистыхъ сердцемъ предъ людьми и Богомъ, не имѣли ихъ души благородной: Воеводы, Князья Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкій (191), Троекуровъ, думая, что пришла гибель Шуйскихъ, какъ нѣкогда Годуновыхъ, и что лучше ускореніемъ ея снискать милость бродяги, какъ сдѣлалъ Басмановъ, нежели гибнуть вмѣстѣ съ Царемъ злосчастнымъ, начали тайно склонять Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ къ измѣнѣ. Умы-

Измѣна Воеводъ.

селъ открылся: Василій приказалъ ихъ схватить, везти въ Москву, пытать — и, не сомнѣнно уличенныхъ, осудилъ единственно на ссылку, изъ уваженія къ древнимъ родамъ Княжескимъ: Катырева удаляли въ Сибирь, Трубецкаго въ Тотьму, Троекурова въ Нижній; но менѣе знатныхъ и менѣе виновныхъ преступниковъ, участниковъ злодѣйскаго кова, казнили: Желябовскаго и Невтева ([192]). Встревоженный симъ происшествіемъ и вѣстію, что Самозванецъ обходитъ станъ Воеводъ Царскихъ и приближается къ Москвѣ другимъ путемъ, Государь велѣлъ имъ также итти къ столицѣ, для ея защиты.

1 Іюня Лжедимитрій съ своими Ляхами и Россіянами сталъ въ двѣнадцати верстахъ оттуда, на дорогѣ Волоколамской, въ селѣ Тушинѣ ([193]), думая однимъ своимъ явленіемъ взволновать Москву и свергнуть Василія; писалъ грамоты къ ея жителямъ, и тщетно ждалъ отвѣта. Войско, вѣрное Царю, заслоняло съ сей стороны городъ. Были кровопролитныя сшибки, но ничего не рѣшили. Увѣряютъ, что Князь Рожинскій хотѣлъ взять Москву немедленнымъ приступомъ, но что Лжедимитрій сказалъ ему: *Если разорите мою столицу, то гдѣ же мнѣ царствовать? если сожжете мою казну, то чѣмъ же будетъ мнѣ наградить васъ?* «Сія жалость къ Москвѣ погубила его,»

Самозванецъ въ Тушинѣ.

пишетъ Историкъ чужеземный ([194]), который доброхотствовалъ злодѣю болѣе, нежели Россіи: «Самозванецъ щадилъ столицу, но не щадилъ «Государства, преданнаго имъ въ жертву Ля«хамъ и разбойникамъ. На пеплѣ Москвы скоро «явилась бы новая; она уцѣлѣла, а вся Россія «сдѣлалась пепелищемъ.» Но Самозванецъ, имѣя тысячь пятнадцать Ляховъ и Козаковъ, пятьдесятъ или шестьдесятъ тысячь Россійскихъ измѣнниковъ ([195]), большею частію худо вооруженныхъ, дѣйствительно ли имѣлъ способъ взять Москву, обширную твердыню, гдѣ кромѣ жителей, находилось не менѣе осьмидесяти тысячь исправныхъ воиновъ подъ защитою крѣпкихъ стѣнъ и безчисленнаго множества пушекъ? Лжедимитрій надѣялся болѣе на измѣну, нежели на силу ([196]); хотѣлъ отрѣзать Москву отъ городовъ сѣверныхъ, и перенесъ станъ въ село Тайнинское, но былъ самъ отрѣзанъ: войско Московское заняло Калужскую дорогу, и пресѣкло его сообщеніе съ Украйною, откуда шли къ нему новыя дружины Литовскія и везли запасы: дружины были разсѣяны, запасы взяты, и Лжедимитрій стѣсненъ на маломъ пространствѣ. Усильнымъ боемъ очиститвъ себѣ путь, онъ возвратился въ Тушино ([197]), избралъ мѣсто выгодное, между рѣками Москвою и Всходнею, подлѣ Волоколамской дороги, и спѣшилъ тамъ укрѣпиться валомъ съ глубокими рвами (коихъ слѣды видимъ и нынѣ). Воеводы Царскіе, Князь Скопинъ-Шуйскій, Романовъ и другіе([198]), стали

между Тушинымъ и Москвою, на Ходынкѣ; за ними и самъ Государь, на Прѣснѣ или Ваганковѣ, со всѣмъ Дворомъ и полками отборными: выѣзжая изъ столицы, онъ видѣлъ усердіе и любовь народа, слышалъ его искренніе обѣты вѣрности, и требовалъ отъ него тишины, великодушнаго спокойствія. Столица дѣйствительно казалась спокойною, извнѣ оберегаемая Царемъ, внутри особеннымъ *засаднымъ* войскомъ, коимъ предводительствовали Бояре ([199]), и которое, храня всѣ укрѣпленія отъ Кремля до слободъ, въ случаѣ нападенія могло одно спасти городъ. Воспоминали нашествіе, угрозы и гибель Болотникова; надѣялись, что будетъ тоже и Самозванцу, а Царю новая слава, и ежечасно ждали битвы. Но Царь, готовый обороняться, не думалъ наступать, и далъ время непріятелю укрѣпиться въ Тушинскомъ станѣ: Василій занимался переговорами.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ находились въ Москвѣ чиновники Сигизмундовы, Витовскій и Князь Друцкій-Соколинскій ([200]), присланные Королемъ поздравить Василія съ воцареніемъ и требовать свободы всѣхъ знатныхъ Ляховъ. Бояре предложили имъ возобновить мирный договоръ Годунова времени, нарушенный Сигизмундомъ столь безсовѣстно; но чиновники Королевскіе объявили, что имъ должно видѣться для того съ Литовскими Послами, заключенными въ Москвѣ, и что безъ нихъ они не могутъ ни чего сдѣлать. Бояре согласились ([201]). Живъ 18 мѣ-

сяцевъ въ страхѣ и въ скукѣ, тщетно хотѣвъ бѣжать и даже силою вырваться изъ неволи ([202]), Олесницкій и Госѣвскій снова явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, какъ Послы, съ вѣрющею грамотою Королевскою; говорили, спорили, расходились съ неудовольствіемъ, чтобы опять сойтися. Мы желали мира: Ляхи желали только освободить единоземцевъ своихъ изъ рукъ нашихъ. Исполняя ихъ требованіе, Царь велѣлъ привезти въ Москву Воеводу Сендомирскаго, и дозволилъ ему бесѣдовать съ ними тайно, наединѣ, безъ сомнѣнія не въ миролюбивомъ къ намъ расположеніи.... Но Самозванецъ былъ уже подъ Москвою! Имѣя одну цѣль: отнять у него союзниковъ-Ляховъ, Василій дозволилъ Князю Рожинскому навѣдываться, словесно или письменно, о здоровьѣ Пословъ Сигизмундовыхъ: для чего сановники Литовскіе ѣздили изъ Тушинскаго стана въ Москву, свободно и безопасно ([203]). Наконецъ, 25 Іюля, Послы заключили съ Боярами слѣдующій договоръ: «1) Въ теченіе трехъ «лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ не быть «войнѣ между Россіею и Литвою. 2) Въ сіе «время условиться о вѣчномъ мирѣ или «двадцатилѣтнемъ перемиріи. 3) Обоимъ «Государствамъ владѣть, чѣмъ владѣютъ. «4) Царю не помогать врагамъ Королев«скимъ, Королю врагамъ Царя, ни людьми,

Перемиріе съ Литвою.

«ми деньгами. 5) Воеводу Сендомирскаго «съ дочерью и всѣхъ Ляховъ освободить и «дать имъ нужное для путешествія до гра«ницы. 6) Князьямъ Рожинскому, Вишне«вецкому и другимъ Ляхамъ, безъ вѣдома «Королевскаго вступившимъ въ службу къ «злодѣю, второму Лжедимитрію ([204]), не«медленно оставить его, и впредь не при«ставать къ бродягамъ, которые вздумаютъ «именовать себя Царевичами Россійскими. «7) Воеводѣ Сендомирскому не называть «сего новаго обманщика своимъ зятемъ, и «не выдавать за него дочери. 8) Маринѣ не «именоваться и не писаться Московскою «Царицею ([205]).» Договоръ утвердили съ обѣихъ сторонъ клятвою; но не Василій, а Сигизмундъ достигъ цѣли. Коварство Ляховъ открылось еще во время переговоровъ.

Коварство Ляховъ.

Чиновники, посыланные отъ Князя Рожинскаго изъ Тушина въ Москву, дѣйствовали какъ лазутчики, высматривая укрѣпленія города и стана Ходынскаго. Царь былъ неостороженъ: Воеводы еще неосторожнѣе. Сперва они бодрствовали неутомимо, днемъ и ночью, въ доспѣхахъ и на коняхъ; вдали легкіе отряды; вокругъ неусыпная стража. Но тишина, бездѣйствіе и слухъ о мирѣ съ Ляхами уменьшили опасеніе: Россіяне уже не береглися; а Гетманъ Лжедимитріевъ, ночью, съ Ляхами и

Козаками незапно ударилъ на станъ Ходынскій: захватилъ обозъ и пушки, рѣзалъ сонныхъ или безоружныхъ, и гналъ изумленныхъ ужасомъ бѣглецовъ почти до самой Прѣсни, гдѣ ихъ встрѣтило войско, высланное Царемъ съ Людьми Ближними, Стольниками, Стряпчими и Жильцами. Тутъ началася кровопролитная битва, и непріятель долженъ былъ отступить; его тѣснили и гнали до Ходынки (206).

Василій могъ справедливо жаловаться, что Ляхи, заключая миръ, воюютъ и нападаютъ въ расплохъ: онъ скоро увидѣлъ ихъ совершенное вѣроломство. Исполняя договоръ, Василій вмѣстѣ съ Послами немедленно отпустилъ въ Литву Воеводу Сендомирскаго, Марину и всѣхъ ихъ знатныхъ единоземцевъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ, гдѣ они содержались; далъ имъ для храненія воинскую дружину подъ начальствомъ Князя Владиміра Долгорукаго, и надѣялся, что Рожинскій, Вишневецкій и другіе Паны, извѣщенные объ условіяхъ мира, оставятъ Лжедимитрія: но никто изъ нихъ не думалъ оставить его! Они дали время Посламъ и Мнишку удалиться, и снова начали воевать, не внимая убѣжденіямъ нашихъ Бояръ, которые писали къ нимъ, что обманъ столь гнусный достоинъ не витязей Державы Христіанской, а подлыхъ слугъ злодѣя подлаго; что если Рожинскій имѣетъ хотя искру чести въ душѣ, то обязанъ выдать Самозванца для казни, и немедленно выйти изъ Россіи (207). Число Ляховъ грабителей

еще умножилось семью тысячами всадников, приведенныхъ въ Тушино Усвятскимъ Старостою, Яномъ Петромъ Сапѣгою ([208]). Сей Рыцарь знатный, воинскими способностями превосходя всѣхъ иныхъ сподвижниковъ бродяги, превосходилъ ихъ и въ безстыдствѣ: зналъ, кто онъ; смѣялся надъ нимъ и надъ Россіянами; говорилъ: «мы жалуемъ въ Цари Московскіе, «кого хотимъ» ([209]); жегъ, грабилъ и хвалился *Римскимъ* геройствомъ! Сапѣга хотѣлъ битвою рѣшить судьбу Москвы, и тревожилъ нападеніями станъ Ходынскій ([210]): Рожинскій, *управляя* Самозванцемъ, медлилъ, ожидая скорой измѣны въ столицѣ: ибо тамъ уже дѣйствовали злодѣи, ненавистники Василіевы; сносились еще съ Послами Литовскими ([211]), сносились и съ Гетманомъ Лжедимитріевымъ, давали имъ совѣты, готовили предательство. Нетерпѣливый и гордый Сапѣга отдѣлился отъ Гетмана; желалъ начальствовать независимо, завоевать внутреннія области Россіи, и съ пятнадцатью тысячами двинулся къ Лаврѣ Сергіевой, чтобы разграбить ея богатство. Съ другой стороны Панъ Лисовскій, именемъ Димитрія присоединивъ къ своимъ шайкамъ 30,000 измѣнниковъ Тульскихъ и Рязанскихъ ([212]), взялъ Коломну, плѣнилъ тамошняго Воеводу Долгорукаго, Епископа Іосифа, Дѣтей Боярскихъ и шелъ къ Москвѣ. Царь выслалъ противъ него Князей Куракина и Лыкова, которые на берегахъ Москвы рѣки, на Медвѣжьемъ Броду, сражались цѣлый

день, разбили непріятели, освободили Коломенскихъ плѣнниковъ (213) — и Лисовскій, хотѣвъ явиться въ Тушинѣ побѣдителемъ, явился тамъ бѣглецомъ съ немногими всадниками. Царскіе Воеводы, Иванъ Бутурлинъ и Глѣбовъ, снова заняли Коломну.

Сей успѣхъ былъ предтечею бѣдствія. Князья Иванъ Шуйскій и Григорій Ромодановскій, посланные съ войскомъ въ слѣдъ за Сапѣгою, настигли его между селомъ Здвиженскимъ и Рахманцовымъ: отразили два нападенія и взяли пушки. Казалось, что они побѣдили; но Сапѣга, раненый пулею въ лице, не выпускалъ меча изъ рукъ, и сказавъ своимъ (214): «отечество далеко; спасеніе и честь впереди, а за спиною стыдъ и гибель,» третьимъ отчаяннымъ ударомъ смѣшалъ Москвитянъ. Винили Воеводу Ѳедора Головина, который первый дрогнулъ и бѣжалъ; хвалили Ромодановскаго, который не думалъ о сынѣ, подлѣ него убитомъ, и сражался мужественно: другіе слѣдовали примѣру Головина, а не Ромодановскаго, и, бывъ числомъ вдвое сильнѣе непріятеля, разсыпались, какъ стадо овецъ. Сапѣга гналъ ихъ 15 верстъ, взялъ 20 знаменъ и множество плѣнниковъ. Воеводы съ главными чиновниками бѣжали по крайней мѣрѣ къ Царю, но воины въ домы свои, крича:

Побѣда Сапѣги.

«идемъ защитить нашихъ женъ и дѣтей отъ «непріятеля ([215])!»

Другое важное происшествіе имѣло для Москвы и Россіи еще вреднѣйшее слѣдствіе. Послы Литовскіе и Мнишекъ, выѣзжая изъ столицы, уже знали, чему надлежало случиться, бывъ въ тайномъ сношеніи съ Джедимитріевыми совѣтниками, какъ мы сказали ([216]). Василій далъ на себя оружіе злодѣямъ, давъ свободу Маринѣ. Онъ вѣрилъ договору и клятвѣ; но могъ ли благоразумно вѣрить имъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ такомъ общемъ забвеніи всѣхъ уставовъ чести и справедливости? Князь Долгорукій ѣхалъ съ Послами и съ Воеводою Сендомирскимъ черезъ Угличь, Тверь, Бѣлую, къ Смоленской границѣ, и былъ встрѣченъ сильнымъ отрядомъ конницы, высланной изъ Тушинскаго стана съ двумя чиновными Ляхами, Зборовскимъ и Стадницкимъ ([217]), чтобы освободить Марину. Долгорукій не могъ или не хотѣлъ противиться; воины его разбѣжались: онъ самъ ускакалъ назадъ въ Москву; а чиновники Лжедимитріевы, объявивъ Маринѣ, что супругъ ждетъ ее съ нетерпѣніемъ, вручили грамоту отцу ея. «Мы сердечно обрадовались» — писалъ къ нему Самозванецъ — «услышавъ о вашемъ «отъѣздѣ изъ Москвы: ибо лучше знать, что «вы далѣе, но свободны, нежели думать, что вы «близко, но въ плѣну. Спѣшите къ нѣжному «сыну. Не въ уничиженіи, какъ теперь, а въ чести и въ славѣ, какъ будетъ скоро, должна ви-

«дѣть васъ Польша. Мать моя, ваша су-«пруга, здорова и благополучна въ Сендо-«мирѣ: ей все извѣстно.» Мнишекъ и Ма-рина не колебались. Отечество, безопасность, вельможество и богатство, еще достаточное для жизни роскошной, не имѣли для нихъ прелести трона и мщенія; ни опасности, ни стыдъ не могли удержать ихъ отъ новаго, вѣроломнаго и еще гнуснѣйшаго союза съ злодѣйствомъ. Лжедимитрій звалъ къ себѣ и Пословъ Сигизмундовыхъ: одинъ Николай Олесницкій возвратился; другіе спѣшили въ Литву (218), не хотѣвъ быть свидѣтелями срамнаго торжества Марины, которая ѣхала къ мнимому Царю своему пышно и безопасно, мѣстами уже ему подвластными. Узнавъ, что она приближается, Самозванецъ велѣлъ палить изъ всѣхъ пушекъ (219); но Марина остановилась въ шатрахъ за версту отъ Тушина: тамъ было первое свиданіе, и не радостное, какъ пишутъ. Марина знала истину; знала вѣрно, что убитый мужъ ея не воскресъ изъ мертвыхъ, и заблаговременно приготовилась къ обману: съ печалію однакожь увидѣла сего втораго Самозванца, гадкаго наружностію, грубаго, низкаго душею — и, еще не мертвая для чувствъ женскаго сердца, содрогнулась отъ мысли раздѣлять ложе съ такимъ человѣкомъ. Но поздно! Мнишекъ и честолюбіе

Мнишекъ и Марина у Самозванца.

убѣдили Марину преодолѣть слабость. Условились, чтобы Духовникъ Воеводы Сендомирскаго, Іезуитъ, тайно обвѣнчалъ ее съ Лжедимитріемъ, который далъ слово жить съ нею какъ братъ съ сестрою, до завоеванія Москвы ([220]). Наконецъ, 1 Сентября, Марина торжественно въѣхала въ Тушинскій станъ, и лицедѣйствовала столь искусно, что зрители умилялись ея нѣжностію къ супругу: радостныя слезы, объятія, слова внушенныя, казалось, истиннымъ чувствомъ — все было употреблено для обмана, и не безполезно: многіе вѣрили ему, или по крайней мѣрѣ говорили, что вѣрятъ, и Россійскіе измѣнники писали къ своимъ друзьямъ: «Димитрій есть безъ «сомнѣнія истинный, когда Марина признала въ «немъ мужа» ([221]). Сіи письма имѣли дѣйствіе: изъ разныхъ городовъ, изъ самаго войска Царскаго пріѣхали къ злодѣю Дворяне, люди чиновные, Стольники: Князья Дмитрій Трубецкій, Черкасскій, Алексѣй Сицкій, Засѣкины, Михайло Бутурлинъ, Дьякъ Грамотинъ, Третьяковъ и другіе, которые знали перваго Лжедимитрія, и слѣдственно знали обманъ втораго ([222]). Въ числѣ сихъ немаловажныхъ измѣнниковъ находился и знатнѣйшій, Вельможа, Дворецкій Отрепьева, Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сосланный воеводствовать въ Кексгольмъ, онъ былъ вызванъ или привезенъ въ Москву какъ человѣкъ подозрительный, видѣлъ себя въ опалѣ и съ дерзостію явился на новомъ ѳеатрѣ злодѣйства ([223]). Другіе, менѣе безсовѣстные, но

малодушные, не ожидая ничего, кромѣ бѣдствій для Царя, разъѣхались отъ него по домамъ (224); не тронулись, и были ему *до конца* вѣрны, одни Украинскіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, вопреки бунтамъ ихъ отчизны клятой (225).

Скопинъ посланъ къ Шведамъ.

Видя страшное начало измѣнъ и ежедневное уменьшеніе войска, Василій рѣшился устранить гордость народную: доселѣ не хотѣвъ слышать о вспоможеніи иноземномъ, велѣлъ своему знаменитому племяннику, Князю Михаилу Скопину-Шуйскому, ѣхать къ непріятелю Сигизмундову, Карлу IX, заключить съ нимъ союзъ и привести Шведовъ для спасенія Россіи! Уже Царь могъ безъ вины не вѣрить отечеству, зараженному духомъ предательства — и лучшій изъ Воеводъ, хотя и юнѣйшій, въ годину величайшей опасности съ печалію удалился отъ рати, думая, что онъ возвратится, можетъ быть, уже поздно, не спасти Царя, а только умереть послѣднимъ изъ достойныхъ Россіянъ!... Тогда же Царь писалъ къ Государямъ западной Европы, къ Королю Датскому, Англійскому и къ Императору (226), о вѣроломствѣ Сигизмундовомъ, требуя ихъ вспоможенія или, по крайней мѣрѣ, суда безпристрастнаго. Но не въ такихъ обстоятельствахъ Державы находятъ союзниковъ ревностныхъ: касаясь гибели, Россія могла

быть только предметомъ любопытства или безплодной жалости для отдаленной Европы!

Еще оказывая благородную неустрашимость, Василій искалъ если не геройства, то стыда въ Россіянахъ; собралъ воиновъ и спрашивалъ, кто хочетъ стоять съ нимъ за Москву и за Царство? говорилъ: «Для чего срамить себя бѣгствомъ? Даю вамъ волю: идите, куда хотите! Пусть только вѣрные останутся со мною!» Казалось, что воины ждали сего великодушнаго слова: требовали Евангелія и креста; наперерывъ цѣловали его и клялися умереть за Царя..... а на другой и въ слѣдующіе дни толпами бѣжали въ Тушино..., тѣ, которые еще недавно служили вѣрно Іоанну ужасному, измѣняли Царю снисходительному, передавались къ бродягѣ и Ляхамъ, древнимъ непріятелямъ Россіи, исполненнымъ злобной мести и справедливаго къ нимъ презрѣнія! Чудесное наступленіе страстей, изъясняемое единственно гнѣвомъ Божіимъ! Сей народъ, безмолвный въ грозахъ Самодержавія наслѣдственнаго, уже игралъ Царями, узнавъ, что они могутъ быть избираемы и низвергаемы его властію или дерзкимъ своевольствомъ (227)!

Бѣгство къ Самозванцу.

Съ такимъ ли войскомъ могъ Василій отважиться на рѣшительную битву въ по-

лѣ? Бывъ дотолѣ защитникомъ Москвы, онъ уже искалъ въ ней защиты для себя: вступилъ со всѣми полками въ столицу ([228]), орошенную кровію Самозванца и Ляховъ, туда, гдѣ страхъ лютой мести долженъ былъ воспламенить и малодушныхъ для отчаяннаго сопротивленія. Всѣ улицы, стѣны, башни, земляныя укрѣпленія наполнились воинами, подъ начальствомъ мужей Думныхъ ([229]), которые еще съ видомъ усердія ободряли ихъ и народъ. Но не было уже ни взаимной довѣренности между государственною властію и подданными, ни ревности въ душахъ, какъ бы утомленныхъ напряженіемъ силъ въ непрестанномъ бореніи съ опасностями грозными. Все ослабѣло: благоговѣніе къ сану Царскому, уваженіе къ Синклиту и Духовенству. Блескъ Василіевой великодушной твердости затмѣвался въ глазахъ страждущей Россіи его несчастіемъ, которое ставили ему въ вину и въ обманъ: ибо сей Властолюбецъ, принимая скипетръ, обѣщалъ благоденствіе Государству! Видѣли ревностную мольбу Василіеву въ храмахъ; но Богъ не внималъ ей — и Царь злосчастный казался народу Царемъ неблагословеннымъ, отверженнымъ. Духовенство славило высокую добродѣтель Вѣнценосца ([230]), и Бояре еще изъявляли къ нему усердіе; но Москвитяне помнили, что Духовенство славило и кляло Годунова, славило и кляло Отрепьева; что Бояре изъявляли усердіе и къ Разстригѣ наканунѣ его убіенія. Въ смятеніи мыслей и чувствъ, добрые скорбѣли,

слабые недоумѣвали, злые дѣйствовали.... и гнусныя измѣны продолжались.

Столица уже не имѣла войска въ полѣ: конныя дружины непріятельскія, разъѣзжая въ виду стѣнъ ея, прикрывали бѣгство Московскихъ измѣнниковъ, воиновъ и чиновниковъ, къ Самозванцу; многіе изъ нихъ возвращались съ увѣреніемъ, что онъ не Димитрій (231), и снова уходили къ нему. Злодѣйство уже казалось только легкомысліемъ; уже не мерзили сими обыкновенными бѣглецами, а шутили надъ ними, называя ихъ *перелетами* (232). Развратъ былъ столь ужасенъ, что родственники и ближніе уговаривались между собою, кому оставаться въ Москвѣ, кому ѣхать въ Тушино, чтобы пользоваться выгодами той и другой стороны, а въ случаѣ несчастія, здѣсь или тамъ, имѣть заступниковъ. Вмѣстѣ обѣдавъ и пировавъ (тогда еще пировали въ Москвѣ!) одни спѣшили къ Царю въ Кремлевскія палаты, другіе къ *Царику:* такъ именовали втораго Лжедимитрія. Взявъ жалованье изъ казны Московской, требовали инаго изъ Тушинской — и получали! Купцы и Дворяне за деньги снабдѣвали станъ непріятельскій яствами, солью, платьемъ, оружіемъ, и не тайно: знали, видѣли и молчали; а кто доносилъ Царю, именовался *наушникомъ* (233). Василій колебался: то не смѣлъ въ крайности быть

Развратъ въ Москвѣ.

жестокимъ, подобно Годунову ([234]), и спускалъ преступникамъ; то хотѣлъ строгостію унять ихъ, и вѣря иногда клеветникамъ, наказывалъ невинныхъ, къ умноженію зла. «Вельможи его» — говоритъ Лѣтописецъ — «были въ смущеніи и въ *двое-«мысліи:* служили ему языкомъ, а не ду-«шею и тѣломъ; нѣкоторые дерзали и сло-«вами язвить Царя заочно, вопреки при-«сягѣ и совѣсти.» Не взирая на то, Москва, наученная примѣромъ Отрепьева ([235]), еще не думала предать Царя; еще вѣрность, хотя и сомнительная, одолѣвала измѣну въ войскѣ и въ народѣ: все колебалось, но еще не падало къ ногамъ Самозванца. Окруженная твердынями, наполненная воинами, столица могла не страшиться приступа, когда гордый Сапѣга, въ сіе время, тщетно силился взять и монастырскую ограду, гдѣ горсть защитниковъ среди ужасовъ беззаконія и стыда еще помнила Бога и честь Русскаго имени.

Знаменитая осада Лавры.

Троицкая Лавра Св. Сергія (въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ столицы), прельщая Ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ Сѣверомъ и Востокомъ Россіи: съ Новымгородомъ, Вологдою,

Пермію, Сибирскою землею, съ областію Владимірскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь къ Царю дружины ратныя, везли казну и запасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ, среди овраговъ и горъ, Лавра еще въ царствованіе Іоанна IV была ограждена (на пространствѣ шести сотъ сорока двухъ саженей) каменными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною въ три сажени) съ башнями, острогомъ и глубокимъ рвомъ ([236]): предусмотрительный Василій успѣлъ занять ее дружинами Дѣтей Боярскихъ, Козаковъ вѣрныхъ, Стрѣльцевъ, и съ помощію усердныхъ Иноковъ снабдить всѣмъ нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сіи Иноки — изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили Царямъ въ чинахъ воинскихъ и Думныхъ — взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, но и труды кровавые въ бѣдствіяхъ отечества; не только, сверхъ рясъ надѣвъ доспѣхи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разъѣзды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы Царскіе ([237]); дѣйствовали и невидимо въ станахъ вражескихъ, письменными увѣщаніями отнимая клевретовъ у Самозванца, трогая совѣсть легкомысленныхъ, еще незакоснѣлыхъ измѣнниковъ, и представляя имъ въ спасительное убѣжище Лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножалось. «Доколѣ» — говорили Лжедимитрію

Ляхи — «доколѣ свирѣпствовать противъ насъ «симъ кровожаднымъ *вранамъ*, *гнѣздящимся въ «ихъ каменномъ гробѣ* (238)? Города многолюдные «и цѣлыя области уже твои; Шуйскій бѣжалъ «отъ тебя съ войскомъ, а Чернцы ведутъ дерз-«кую войну съ тобою!. Разсыплемъ ихъ прахъ и «жилище!» Еще Лисовскій, злодѣйствуя въ Переславской и Владимірской области, мыслилъ взять Лавру; увидѣвъ трудность, прошелъ мимо, и сжегъ только посадъ Клементьевскій (239): но Сапѣга, разбивъ Князей Ивана Шуйскаго и Ромодановскаго (240), хотѣлъ, чего бы то ни стоило, овладѣть ею.

Сія осада знаменита въ нашихъ лѣтописяхъ не менѣе Псковской, и еще удивительнѣе: первая утѣшила народъ во время его страданія отъ жестокости Іоанновой; другая утѣшаетъ потомство въ страданіи за предковъ, униженныхъ развратомъ. Въ общемъ паденіи духа увидимъ доблесть нѣкоторыхъ, и въ ней причину государственнаго спасенія: казня Россію, Всевышній не хотѣлъ ея гибели, и для того еще оставилъ ей *такихъ* гражданъ. Не устранимъ подробностей въ описаніи дѣлъ славныхъ, совершенныхъ хотя и въ предѣлахъ смиренной Обители Монашеской, людьми простыми, низкими званіемъ, высокими единственно душею!

23 Сентября Сапѣга, а съ нимъ и Лисовскій; Князь Константинъ Вишневецкій, Тишкѣвичи и многіе другіе знатные Паны, предводительствуя тридцатью тысячами Ляховъ, Козаковъ и Рос-

сійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ (241). Осадные Воеводы Лавры, Князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку, и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепелъ: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ Лавру. Непріятель, въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и всѣ пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться (242). Между тѣмъ Лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься въ келліяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень (243). Легко было предвидѣть дальнѣйшія, гибельныя слѣдствія тѣсноты; но добрые Иноки говорили: «Св. Сергій не отвергаетъ «злосчастныхъ» — и всѣхъ принимали. Воеводы, Архимандритъ Іоасафъ и Соборные Старцы урядили защиту: вездѣ разставили пушки; назначили, кому биться на стѣнахъ, или въ вылазкахъ, и Князь Долгорукій съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ Св. Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы *сидѣть въ осадѣ безъ измѣны* (244). Всѣ люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностію готовились *къ трапезѣ кровопролитной*, пить чашу смертную за отечество (245). Съ сего времени

пѣніе не умолкало въ церквахъ Лавры, ни днемъ, ни ночью.

29 Сентября Сапѣга и Лисовскій писали къ Воеводамъ: «Покоритесь Димитрію, истинному «Царю вашему и нашему, который не только «сильнѣе, но и милостивѣе Лжецаря Шуйскаго, «имѣя, чѣмъ жаловать вѣрныхъ, ибо владѣетъ «уже едва не всѣмъ Государствомъ, стѣснивъ «своего злодѣя въ Москвѣ осажденной. Если «мирно сдадитесь, то будете Намѣстниками *Троиц«каго града* и владѣтелями многихъ селъ бога«тыхъ; въ случаѣ безполезнаго упорства, па«дутъ ваши головы.» Они писали и къ Архи«мандриту и къ Инокамъ, напоминая имъ милость Іоанна къ Лаврѣ и требуя благодарности, ожидаемой отъ нихъ его сыномъ и невѣсткою. Архимандритъ и Воеводы читали сіи грамоты всенародно; а Монахи и воины сказали: «упо«ваніе наше есть Святая Троица, стѣна и щитъ «Богоматерь, Святые Сергій и Никонъ сподвиж«ники: не страшимся!» Въ бранномъ отвѣтѣ Ляхамъ не оставили слова на миръ; но не тронули измѣнника, Сына Боярскаго, Бессона Руготина, который привозилъ къ нимъ Сапѣгины грамоты (246).

30 Сентября непріятель утвердилъ туры на горѣ Волкушѣ, Терентьевской, Круглой и Красной (247); выкопалъ ровъ отъ Келарева пруда до Глинянаго врага, насыпалъ широкій валъ, и съ 3 Октября, въ теченіе шести недѣль, палилъ изъ шестидесяти трехъ пушекъ (248), стараясь разру-

шить каменную ограду; стѣны, башни тряслися, но не падали, отъ худаго ли искусства пушкарей, или отъ малости ихъ орудій: сыпались кирпичи, дѣлались отверстія и немедленно задѣлывались; ядра каленыя летѣли мимо зданій монастырскихъ въ пруды, или гасли на пустыряхъ и въ ямахъ, къ удивленію осажденныхъ, которые, видя въ томъ чудесную къ нимъ милость Божію, укрѣплялись духомъ, и въ ожиданіи приступа всѣ исповѣдались, чтобы съ чистою совѣстію не робѣть смерти; многіе постриглись, желая умереть въ санѣ Монашескомъ. Иноки, дѣля съ воинами опасности и труды, ежедневно обходили стѣны съ святыми иконами.

Сапѣга готовился къ первому рѣшительному дѣлу не молитвою, не покаяніемъ, а пиромъ для всего войска. 12 Октября съ утра до вечера Ляхи и Россійскіе измѣнники шумѣли въ станѣ, пили, стрѣляли, скакали на лошадяхъ съ знаменами вокругъ Лавры, въ сумерки вышли полками къ турамъ, заняли дорогу Углицкую, Переславскую, и ночью устремились къ монастырю съ лѣстницами, щитами и тарасами, съ крикомъ и музыкою. Ихъ встрѣтили залпомъ изъ пушекъ и пищалей; не допустили до стѣнъ; многихъ убили, ранили: всѣ другіе бѣжали, кинувъ лѣстницы, щиты и тарасы (219). Въ слѣдующее утро осажденные взяли сіи трофеи и предали огню, славя Бога. — Не одолѣвъ силою, Сапѣга еще думалъ взять Лавру угрозами и лестію: Ляхи мирно подъѣзжали къ стѣнамъ, указывали на

свое многочисленное войско, предлагали выгодныя условія; но чѣмъ болѣе требовали сдачи, тѣмъ менѣе казались страшными для осажденныхъ, которые уже дѣйствовали и наступательно.

19 Октября, видя малое число непріятелей въ огородахъ монастырскихъ, Стрѣльцы и Козаки безъ повелѣнія Воеводъ спустились на веревкахъ съ стѣны, напали и перерѣзали тамъ всѣхъ Ляховъ. Пользуясь сею ревностію, Князь Долгорукій и Голохвастовъ тогда же сдѣлали смѣлую вылазку съ конными и пѣхотными дружинами, къ турамъ Красной горы, чтобы разрушить непріятельскія бойницы; но въ жестокой сѣчѣ лишились многихъ добрыхъ воиновъ ([250]). Никто не отдался въ плѣнъ; раненыхъ и мертвыхъ принесли въ Лавру, всего болѣе жалѣя о храбромъ чиновникѣ Бреховѣ: онъ еще дышалъ, и былъ вмѣстѣ съ другими умирающими постриженъ въ Монахи.... Въ возмездіе за вѣрную службу Царю земному, отечество передавало ихъ въ Образѣ Ангельскомъ Царю Небесному.

Гордясь симъ дѣломъ какъ побѣдою, непріятель хотѣлъ довершить ее: въ темную осеннюю ночь (25 Октября), когда огни едва свѣтились и все затихло въ Лаврѣ, дремлющіе воины встрепенулись отъ незапнаго шума: Ляхи и Россійскіе измѣнники, подъ громомъ всѣхъ своихъ бойницъ, съ крикомъ и воплемъ, стремились къ монастырю, достигли рва, и соломою съ берестомъ зажгли острогъ: яркое пламя озарило ихъ

толпы какъ бы днемъ, въ цѣль пушкамъ и пищалямъ. Сильною стрѣльбою и гранатами осажденные побили множество смѣлѣйшихъ Ляховъ и не дали имъ сжечь острога; непріятель ушелъ въ свои закопы, но и въ нихъ не остался: при свѣтѣ восходящаго солнца видя на стѣнахъ церковныя хоругви, воиновъ, Священниковъ, которые пѣли тамъ благодарственный молебенъ за побѣду, онъ устрашился нападенія и бѣжалъ въ станъ укрѣпленный. Нѣсколько дней минуло въ бездѣйствіи ([251]).

Но Сапѣга и Лисовскій въ тишинѣ готовили гибель Лаврѣ: вели подкопы къ стѣнамъ ея ([252]). Угадывая сіе тайное дѣло, Князь Долгорукій и Голохвастовъ хотѣли добыть языковъ: сдѣлали вылазку на Княжеское поле, къ Мишутинскому врагу, гдѣ, разбивъ непріятельскую стражу, захватили Литовскаго Ротмистра, Брушевскаго, и безъ урона возвратились, не давъ Сапѣгѣ преградить имъ пути. Разспрашивали чиновнаго плѣнника и пытали: онъ сказалъ, что Ляхи дѣйствительно ведутъ подкопъ, но не зналъ мѣста ([253]). Воеводы избрали человѣка искуснаго въ ремеслѣ горномъ, монастырскаго слугу, Корсакова, и велѣли ему *дѣлать* подъ башнями такъ называемые *слухи*, или ямы въ глубину земли, чтобы слушать тамъ голоса или стука людей копающихъ въ ея нѣдрахъ; велѣли еще углубить ровъ внѣ Лавры, отъ Востока къ Сѣверу ([254]). Сія работа произвела двѣ битвы кро-

вопролитныя: неприятель напалъ на копателей, но былъ отраженъ дѣйствіемъ монастырскихъ пушекъ. Въ другой сѣчѣ за рвомъ, Ноября 1, Ляхи убили 190 человѣкъ и взяли нѣсколько плѣнниковъ (255); стѣснили осажденныхъ, не пускали ихъ черпать воды въ прудахъ внѣ крѣпости (256), и приблизили свои окопы къ стѣнамъ. Сердца уныли и въ великодушныхъ: видѣли уменшеніе силъ ратныхъ; опасались болѣзней отъ тѣсноты и недостатка въ хорошей водѣ; знали вѣрно, что есть подкопъ, но не знали, гдѣ, и могли ежечасно взлетѣть на воздухъ (257). Тогда же нѣсколько ядеръ упало въ Лавру: одно ударило въ большой колоколъ, въ церковь, и, къ общему ужасу, раздробило святыя иконы, предъ коими народъ молился съ усердіемъ; другимъ убило Инокиню; третьимъ, въ день Архангела Михаила, оторвало ногу у Старца Корнилія; сей Инокъ благочестивый, исходя кровію, сказалъ: «Богъ Архистратигомъ «своимъ Михаиломъ отмститъ кровь Христіан-«скую» — и тихо скончался. Тогда же между вѣрными Россіянами нашлися и невѣрные: слуга монастырскій, Селевинъ, бѣжалъ къ Ляхамъ. Боялись его извѣтовъ, козней и тайныхъ единомышленниковъ: одинъ примѣръ измѣны былъ уже опасенъ (258). — Въ сихъ обстоятельствахъ не измѣнилась ревность добрыхъ Старцевъ: первые на молитвѣ, на стражѣ и въ битвахъ, они словомъ и дѣломъ воспламеняли защитниковъ, представляя имъ малодушіе грѣхомъ, не-

робкую смерть долгомъ Христіанскимъ и гибель временную вѣчнымъ спасеніемъ (259).

Битвы продолжались. Осажденные сдѣлали въ землѣ ходъ, изъ-подъ стѣны въ ровъ, съ тремя желѣзными воротами для скорѣйшихъ вылазокъ (260); въ темныя ночи нападали на окопы непріятельскіе, хватали языковъ, допрашивали и свѣдали наконецъ важную тайну: тяжело раненный плѣнникъ, Козакъ Дѣдиловскій, умирая Христіаниномъ, указалъ Воеводамъ мѣсто подкопа: Ляхи вели его отъ мельницы къ круглой угольной башнѣ нижняго монастыря (261). Укрѣпивъ сіе мѣсто частоколомъ и турами, Воеводы рѣшились уничтожить опасный замыселъ Сапѣги. Два случая ободрили ихъ: мѣткою стрѣльбою имъ удалось разбить главную Литовскую пушку, которая называлась *Трещерою*, и болѣе иныхъ вредила монастырю. Другое счастливое происшествіе уменьшило силу непріятеля: 500 Козаковъ Донскихъ, съ Атаманомъ Епифанцемъ, устыдились воевать святую Обитель и бѣжали отъ Сапѣги въ свою отчизну (262). 9 Ноября, за три часа до свѣта, взявъ благословеніе Архимандрита надъ гробомъ Св. Сергія, Воеводы тихо вышли изъ крѣпости съ людьми ратными и Монахами. Глубокая тьма скрывала ихъ отъ непріятеля; но какъ скоро они стали въ ряды, сильный порывъ вѣтра разсѣялъ облака: мгла исчезла; ударили въ осадный колоколъ, и всѣ кинулись впередъ, восклицая имя Св. Сергія (263). Нападеніе было

съ трехъ сторонъ, но стремились къ одной цѣли: выгнали Козаковъ и Ляховъ изъ ближайшихъ укрѣпленій, овладѣли мельницею, нашли и взорвали подкопъ, къ сожалѣнію, съ двумя смѣльчаками (Шиловымъ и Слотомъ, Клементьевскими земледѣльцами), которые наполнили его веществомъ горючимъ, зажгли и не успѣли спастися. Побѣдители были еще не довольны: рѣзались съ непріятелемъ между его бойницами, падали отъ ядеръ и меча. Не слушаясь начальниковъ, всѣ остальные Иноки и воины, толпа за толпою, прибѣжали изъ монастыря въ пылъ сѣчи, долго упорной. Нѣсколько разъ Ляхи сбивали ихъ съ высоты въ лощины, гнали и трубили побѣду; но Россіяне снова выходили изъ овраговъ, лѣзли на горы, и наконецъ взяли Красную со всѣми ея турами, не мало плѣнниковъ, знамена, 8 пушекъ, множество самопаловъ, ручницъ, копій, палашей, воинскихъ снарядовъ, трубъ и литавръ; сожгли, чего не могли взять; и въ торжествѣ, облитые кровію, возвратились при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей монастырскихъ, неся своихъ мертвыхъ, 174 человѣка, и 66 тяжело раненныхъ, а непріятельскія укрѣпленія оставивъ въ пламени. Битва не пресѣкалась съ ранняго утра до темнаго вечера. 1500 Россійскихъ измѣнниковъ и Ляховъ, съ Панами Угорскимъ и Мазовецкимъ, легли около мельницы, прудовъ Клементьевскаго, Келарева, Конюшеннаго и Круглаго, церквей нижняго монастыря и противъ

Красныхъ воротъ (ибо Ляхи, въ срединѣ дѣла имѣвъ выгоду, гнали нашихъ до самой ограды) (264). Иноки и воины хоронили тѣла съ умиленіемъ и благодарностію; раненныхъ покоили съ любовію въ лучшихъ келліяхъ, на иждивеніи Лавры. Славили мужество Дворянъ, Внукова и Есипова убитыхъ, Ходырева и Зубова живыхъ (265). Братъ измѣнника и переметчика (266), Сотникъ Данило Селевинъ, сказалъ: «хочу смер«тію загладить безчестіе нашего рода,» и сдержалъ слово: дѣтій напалъ на дружину Атамана Чики, саблею изрубилъ трехъ всадниковъ, и смертельно раненный въ грудь четвертымъ, еще имѣлъ силу убить его на мѣстѣ. Другой воинъ Селевинъ также удивилъ храбростію и самыхъ храбрыхъ (267). Слуга монастырскій, Меркурій Айгустовъ, первый достигъ непріятельскихъ бойницъ, и былъ застрѣленъ изъ ружья Литовскимъ пушкаремъ, коему сподвижники Меркуріевы въ тоже мгновеніе отсѣкли голову (268). Иноки сражались вездѣ впереди. — О семъ счастливомъ дѣлѣ Архимандритъ и Воеводы извѣстили Москву, которая праздновала оное вмѣстѣ съ Лаврою (269).

Стыдясь своихъ неудачъ, Сапѣга и Лисовскій хотѣли испытать хитрость: ночью скрыли конницу въ оврагахъ, и послали нѣсколько дружинъ къ стѣнамъ, чтобы выманить осажденныхъ, которые дѣйствительно устремились на нихъ и гнали бѣгущихъ къ засадѣ; но стражи, увидѣвъ се съ высокой башни, звукомъ осад-

наго колокола извѣстили своихъ о хитрости непріятельской: они возвратились безвредно, и съ плѣнниками (270).

Настала зима. Непріятель, большею частію укрываясь въ станѣ, держался и въ закопахъ: Воеводы Троицкіе хотѣли выгнать его изъ ближнихъ укрѣпленій, и на разсвѣтѣ туманнаго дня вступили въ дѣло жаркое; занявъ врагъ Мишутинъ, Благовѣщенскій лѣсъ и Красную гору до Клементьевскаго пруда, не могли одолѣть соединенныхъ силъ Лисовскаго и Сапѣги: были притиснуты къ стѣнамъ; но подкрѣпленные новыми дружинами, начали вторую битву, еще кровопролитнѣйшую и для себя отчаянную, ибо уже не имѣли ничего въ запасѣ. Монастырскія бойницы и личное геройство многихъ дали имъ побѣду. «Св. Сергій» — говоритъ Лѣтописецъ — «*охрабрилъ* и невѣждъ; безъ латъ и шлемовъ, «безъ навыка и знанія ратнаго, они шли на «воиновъ опытныхъ, доспѣшныхъ, и побѣжда-«ли» (271). Такъ житель села Молокова, именемъ Суета, ростомъ великанъ, силою и душею богатырь, всѣхъ затмилъ чудесною доблестію; сдѣлался истиннымъ Воеводою, увлекалъ другихъ за собою въ жестокую свалку; на обѣ стороны сѣкъ головы бердышемъ и двигался впередъ по трупамъ. Слуга Пименъ Тененевъ пустилъ стрѣлу въ лѣвый високъ Лисовскаго и свалилъ его съ коня (272). Другаго знатнаго Ляха, Князя Юрія Горскаго, убилъ воинъ Павловъ, и примчалъ мертваго въ Лавру (273). Бились въ руко-

наль, рѣзались ножами, и толпы непріятельскія рѣдѣли отъ сильнаго дѣйствія стѣнныхъ пушекъ. Сапѣга, неготовый къ приступу, увидѣвъ наконецъ вредъ своей запальчивости, удалился; а Лавра торжествовала вторую знаменитую побѣду.

Но предстояло искушеніе для твердости. Въ холодную зиму монастырь не имѣлъ дровъ: надлежало кровію доставать ихъ: ибо непріятель стерегъ дровосѣковъ въ рощахъ, убивалъ и плѣнилъ многихъ людей ([274]). Осажденные едва не лишились и воды: два злодѣя, изъ Дѣтей Боярскихъ, передались къ Ляхамъ и сказали Сапѣгѣ, что если онъ велитъ спустить главный внѣшній прудъ, изъ коего были проведены трубы въ ограду, то всѣ монастырскіе пруды изсохнутъ ([275]). Непріятель началъ работу, и тайно: къ счастію, Воеводы узнали отъ плѣнника и могли уничтожить сей замыселъ: сдѣлавъ ночью вылазку, они умертвили работниковъ, и вдругъ отворивъ всѣ подземельныя трубы, водою внѣшняго пруда наполнили свои, внутри Обители, на долгое время ([276]). — Нашлись и другіе, гораздо важнѣйшіе измѣнники: Казначей монастырскій, Іосифъ Дѣвочкинъ, и самъ Воевода Голохвастовъ, если вѣрить сказанію Лѣтописца: ибо въ великихъ опасностяхъ или бѣдствіяхъ, располагающихъ умы и сердца къ подозрѣнію, не рѣдко вражда личная язвитъ и невинность клеветою смертоносною. Пишутъ, что сіи два чиновника, сомнѣваясь въ возможности спасти

Лавру доблестію, хотѣли спасти себя злодѣйствомъ, и черезъ бѣглеца Селевина тайно условились съ Сапѣгою предать ему монастырь; что Голохвастовъ думалъ, въ часъ вылазки, впустить непріятеля въ крѣпость; что Старецъ Гурій Шишкинъ хитро вывѣдалъ отъ нихъ адскую тайну и донесъ Архимандриту. Іосифу дали время на покаяніе: онъ умеръ скоропостижно. Голохвастовъ же остался Воеводою: слѣдственно не былъ уличенъ ясно; но сія измѣна, дѣйствительная или мнимая, произвела зло: взаимное недовѣріе между защитниками Лавры (277).

Тогда же открылось зло еще ужаснѣйшее. «Когда» — говоритъ Лѣтописецъ Лавры — «бѣдствіе «и гибель ежедневно намъ угрожали, мы думали «только о душѣ; когда гроза начинала слабѣть, мы «обратились къ тѣлесному» (278). Непріятель, изнуренный тщетными усиліями и холодомъ, кинулъ окопы, удалился отъ стѣнъ и заключился въ земляныхъ укрѣпленіяхъ стана, къ великой радости осажденныхъ, которые могли наконецъ безопасно выходить изъ тѣсной для нихъ ограды, чтобы дышать свободнѣе за стѣнами, рубить лѣсъ, мыть бѣлье въ прудахъ внѣшнихъ; уже не боялись приступовъ, и только добровольно сражались, отъ времени до времени тревожа непріятеля вылазками: начинали и прекращали битву, когда хотѣли. Сей отдыхъ, сія свобода пробудили склонность къ удовольствіямъ чувственнымъ: крѣпкіе меды и молодыя женщины кружили головы воинамъ; увѣщанія и примѣръ

трезвыхъ Иноковъ не имѣли дѣйствія. Уже не берегли, какъ дотолѣ, запасовъ монастырскихъ; роскошествовали, пировали, тѣшились музыкою, пляскою . . . . и скоро оцѣпенѣли отъ ужаса (279).

Долговременная тѣснота, зима сырая, употребленіе худой воды, недостатокъ въ уксусѣ, въ пряныхъ зельяхъ и въ хлѣбномъ винѣ произвели цынгу (280): ею заразались бѣднѣйшіе, и заразили другихъ. Больные пухли и гнили; живые смердѣли какъ трупы; задыхались отъ зловонія и въ келліяхъ и въ церквахъ (281). Умирало въ день отъ двадцати до пятидесяти человѣкъ; не успѣвали копать могилъ: за одну платили два, три и пять рублей; клали въ нее тридцать и сорокъ тѣлъ. Съ утра до вечера отпѣвали усопшихъ и хоронили; ночью стонъ и вой не умолкали: кто издыхалъ, кто плакалъ надъ издыхающимъ. И здоровые шатались какъ тѣни отъ изнеможенія, особенно Священники, коихъ водили и держали подъ руки для исправленія требъ церковныхъ. Томные и слабые, предвидя смерть отъ страшнаго недуга, искали ее на стѣнахъ, отъ пули непріятельской (282). Вылазки пресѣклись, къ злой радости измѣнниковъ и Ляховъ, которые, слыша всегдашній плачь въ Обители, всходили на высоты, взлѣзали на деревья и видѣли гибель ея защитниковъ, кучи тѣлъ и ряды могилъ свѣжихъ, исполнились дерзости, подъѣзжали къ воротамъ, звали Иноковъ и воиновъ на битву, ругались надъ ихъ безсиліемъ,

но не думали приступомъ увѣриться въ ономъ, надѣясь, что они скоро сдадутся или всѣ изгибнутъ.

Въ крайности бѣдствія Архимандритъ Іоасафъ писалъ къ знаменитому Келарю Лавры, Аврамію Палицыну, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ убѣдилъ Царя спасти сію священную твердыню немедленнымъ вспоможеніемъ: Аврамій убѣждалъ Василія, братьевъ его, Синклитъ, Патріарха; но столица сама трепетала, ожидая приступа Тушинскихъ злодѣевъ. Аврамій доказывалъ, что Лавра можетъ еще держаться только мѣсяцъ, и паденіемъ откроетъ непріятелю весь Сѣверъ Россіи до моря. Наконецъ Василій послалъ нѣсколько воинскихъ снарядовъ и 60 Козаковъ съ Атаманомъ Останковымъ, а Келарь 20 слугъ монастырскихъ (283). Сія дружина, хотя и слабая числомъ, утѣшила осажденныхъ: они видѣли готовность Москвы помогать имъ, и новою дерзостію — къ сожалѣнію, дѣломъ жестокимъ — явили непріятелю, сколь мало страшатся его злобы. Неосторожно пропустивъ Царскаго Атамана въ Лавру, и захвативъ только четырехъ Козаковъ, варваръ Лисовскій съ досады велѣлъ умертвить ихъ предъ монастырскою стѣною. Такое злодѣйство требовало мести: осажденные вывели цѣлую толпу Литовскихъ плѣнниковъ и казнили изъ нихъ 42 человѣка, къ ужасу Поляковъ, которые, гнушаясь виновникомъ сего душегубства, хотѣли убить Лисовскаго, едва спасеннаго менѣе безчеловѣчнымъ Сапѣгою (284).

бѣдствія Лавры не уменьшились: болѣзнь еще свирѣпствовала; новые сподвижники, Атаманъ Останковъ съ Козаками, сдѣлались также ея жертвою, и непріятель удвоилъ заставы, чтобы лишить осажденныхъ всякой надежды на помощь. Но великодушіе не слабѣло: всѣ готовились къ смерти; ни кто не смѣлъ упомянуть о сдачѣ. Кто выздоравливалъ, тотъ отвѣдывалъ силъ своихъ въ битвѣ, и вылазки возобновились. Дѣйствуя мечемъ, употребляли и коварство. Часто Ляхи, подъѣзжая къ стѣнамъ, дружелюбно разговаривали съ осажденными, вызывали ихъ, давали имъ вино за медъ, вмѣстѣ пили и . . . . хватали другъ друга въ плѣнъ или убивали. Въ числѣ такихъ плѣнниковъ ([285]) былъ одинъ Ляхъ, называемый въ лѣтописи Марціасомъ, умный и столь искусный въ льстивомъ притворствѣ, что Воеводы ввѣрились въ него какъ въ измѣнника Литвы и въ друга Россіи: ибо онъ извѣщалъ ихъ о тайныхъ намѣреніяхъ Сапѣги; предсказывалъ съ точностію всѣ движенія непріятеля, училъ пушкарей мѣткой стрѣльбѣ, выходилъ даже биться съ своими единоземцами за стѣною, и бился мужественно. Князь Долгорукій столь любилъ его, что жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, совѣтовался въ важныхъ дѣлахъ, и поручалъ ему иногда ночную стражу. Къ счастію, перебѣжалъ тогда въ Лавру отъ Сапѣги другой Панъ Литовскій, *Ильмко*, отъ природы глухій и безсловесный, но въ бояхъ витязь неустрашимый, ревнитель нашей Вѣры и Св.

Сергія. Увидѣвъ Мартіаса, Нѣмко заскрежеталъ зубами, выгналъ его изъ горницы, и съ видомъ ужаса знаками изъяснилъ Воеводамъ, что отъ сего человѣка падутъ монастырскія стѣны. Мартіаса начали пытать и свѣдали истину: онъ былъ лазутчикъ Сапѣгинъ, пускалъ къ нему тайныя письма на стрѣлахъ, и готовился, по условію, въ одну ночь заколотить всѣ пушки монастырскія. Коварство непріятеля, усиливая остервененіе, возвышало доблесть подвижниковъ Лавры. Славнѣйшіе изгибли: ихъ мѣсто заступили новые, дотолѣ презираемые или неизвѣстные, безчиновные, слуги, земледѣльцы. Такъ Ананія Селевинъ, рабъ смиренный, заслужилъ имя Сергіева витязя ([286]) дѣлами храбрости необыкновенной: Россійскіе измѣнники и Ляхи знали его коня и тяжелую руку; *видѣли издали и не смѣли видѣть вблизи*, по сказанію Лѣтописца: дерзнулъ одинъ Лисовскій, и раненный палъ на землю ([287]). Такъ Стрѣлецъ Нехорошевъ и селянинъ Никифоръ Шиловъ были всегда путеводителями и Героями вылазокъ; оба, единоборствуя съ тѣмъ же Лисовскимъ, обагрились его кровію: одинъ убилъ подъ нимъ коня, другой разсѣкъ ему бедру ([288]). Стражи непріятельскія бодрствовали, но грамоты утѣшительныя, хотя и безъ воиновъ, изъ Москвы приходили: Келарь Аврамій, душею присутствуя въ Лаврѣ, писалъ къ ея вѣрнымъ Россіянамъ: «будьте непоколе-«бимы до конца» ([289])! Архимандритъ, Иноки разсказывали о видѣніяхъ и чудесахъ: увѣряли,

что Святые Сергій и Никонъ являются имъ съ благовѣстіемъ спасенія; что ночью, въ церквахъ затворенныхъ, невидимые лики Ангельскіе поютъ надъ усопшими, свидѣтельствуя тѣмъ ихъ санъ небесный въ награду за смерть добродѣтельную. Все питало надежду и вѣру, огонь въ сердцахъ и воображеніи; терпѣли и мужались до самой весны (290).

Тогда цѣлебное вліяніе теплаго воздуха прекратило болѣзнь смертоносную, и 9 Мая, въ новоосвященномъ храмѣ Св. Николая, Иноки и воины пѣли благодарственный молебенъ, за коимъ слѣдовала счастливая вылазка (291). Хотѣли доказать непріятелю, что Лавра уже снова цвѣтетъ душевнымъ и тѣлеснымъ здравіемъ. Но силы не соотвѣтствовали духу. Въ теченіе пяти или шести мѣсяцевъ умерло тамъ 297 старыхъ Иноковъ, 500 новопостриженныхъ и 2125 Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ, Козаковъ, людей даточныхъ и слугъ монастырскихъ (292). Сапѣга зналъ, сколь мало осталось живыхъ для защиты, и рѣшился на третій общій приступъ. 27 Мая зашумѣлъ станъ непріятельскій: Ляхи, слѣдуя своему обыкновенію, съ утра начали веселиться, пить, играть на трубахъ. Въ полдень многіе всадники объѣзжали вокругъ стѣнъ и высматривали мѣста; другіе взадъ и впередъ скакали, и мечами грозили осажденнымъ. Ввечеру многочисленная конница съ знаменами стала на Клементьевскомъ полѣ; вышелъ и Сапѣга съ остальными дружинами, всадниками и пѣхотою, какъ

бы желая доказать, что презираетъ выгоду нечаянности въ нападеніи и даетъ время непріятелю изготовиться къ бою. Лавра изготовилась: не только Монахи съ оружіемъ, но и женщины явились на стѣнахъ съ камнями, съ огнемъ, смолою, известью и сѣрою (203). Архимандритъ и старые Іеромонахи въ полномъ облаченіи стояли предъ Олтаремъ и молились. Ждали часа. Уже наступила ночь и скрыла непріятеля; но въ глубокомъ мракѣ и безмолвіи осажденные слышали ближе и ближе шорохъ: Ляхи *какъ змѣи ползли* ко рву съ стѣнобитными орудіями, щитами, лѣстницами — и вдругъ съ Красной горы грянулъ пушечный громъ: непріятель завопилъ, ударилъ въ бубны и кинулся къ оградѣ; придвинулъ щиты на колесахъ, лѣзъ на стѣны. Въ сей роковый часъ остатокъ великодушныхъ увѣнчалъ свой подвигъ. Готовые къ смерти, защитники Лавры уже не могли ничего страшиться: безъ ужаса и смятенія каждый дѣлалъ свое дѣло; стрѣляли, кололи изъ отверстій, метали камни, зажженную смолу и сѣру; лили варъ; ослѣпляли глаза известію; отбивали щиты, тарасы и лѣстницы. Непріятель оказывалъ смѣлость и твердость; отражаемый, съ усиліемъ возобновлялъ приступы, до самаго утра, которое освѣтило спасеніе Лавры: Ляхи и Россійскіе злодѣи начали отступать; а побѣдители, неутомимые и ненасытные, сдѣлавъ вылазку, еще били ихъ во рвахъ, гнали въ полѣ и въ лощинахъ, схватили 30 Пановъ и чиновныхъ измѣн-

никовъ, взяли множество стѣнобитныхъ орудій, и возвратились славить Бога въ храмѣ Троицы (294). Симъ дѣломъ важнымъ, но кровопролитнымъ только для непріятеля, рѣшилась судьба осады. Еще держася въ станѣ, еще надѣясь одолѣть непреклонность Лавры совершеннымъ изнеможеніемъ ея защитниковъ, Сапѣга уже берегъ свое войско; не нападая, единственно отражалъ смѣлыя ихъ вылазки, и ждалъ, что будетъ съ Москвою. Ждала того и Лавра, служа для все примѣромъ, къ несчастію, безплоднымъ.

Когда горсть достойныхъ воиновъ-Монаховъ, слугъ и земледѣльцевъ, изнуренныхъ болѣзнію и трудами — неослабно боролась съ полками Сапѣги, Москва, имѣя, кромѣ гражданъ, войско многочисленное, все лучшее Дворянство, всю нравственную силу Государства, давала владычествовать бродягѣ Лжедимитрію въ двѣнадцати верстахъ отъ стѣнъ Кремлевскихъ и досугъ покорять Россію. Москва находилась въ осадѣ: ибо непріятель своими разъѣздами мѣшалъ ея сообщеніямъ. Хотя Царскіе Воеводы иногда выходили въ поле, иногда сражались, чтобы очистить пути, и въ дѣлѣ кровопролитномъ, въ коемъ былъ раненъ Гетманъ Лжедимитріевъ (295), имѣли выгоду: но не предпринимали ничего рѣшительнаго. Василій ждалъ вѣстей отъ Скопина; ждалъ и ближайшей помощи, давъ указъ жителямъ всѣхъ городовъ сѣверныхъ вооружиться, итти въ Ярославль и къ Москвѣ (296), — велѣвъ и Боярину Ѳеодору Шереметеву оставить Астра-

хань, взять людей ратныхъ въ Низовыхъ городахъ и также спѣшить къ столицѣ [297]. Но для сего требовалось времени, коимъ непріятель могъ воспользоваться, отчасти и воспользовался къ ужасу всей Россіи.

г. 1608-1609.

Измѣна городовъ.

Не имѣя силъ овладѣть Москвою, не умѣвъ овладѣть и Лаврою, Лжедимитрій съ измѣнниками и Ляхами послалъ отряды къ Суздалю, Владиміру и другимъ городамъ, чтобы дѣйствовать обольщеніемъ, угрозами или силою. Надежда его исполнилась. Суздаль первый измѣнилъ чести, слушаясь злодѣя, Дворянина Шилова: цѣловалъ крестъ Самозванцу, принялъ Лисовскаго и Воеводу Θедора Плещеева отъ Сапѣги [298]. Переславль Залѣсскій очернилъ себя еще гнуснѣйшимъ дѣломъ: жители его соединились съ Ляхами и приступили къ Ростову. Тамъ крушился о бѣдствіяхъ отечества добродѣтельный Митрополитъ Филаретъ: не имѣя крѣпкихъ стѣнъ, граждане предложили ему удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль; но Филаретъ сказалъ, что не бѣгствомъ, а кровію должно спасать отечество; что великодушная смерть лучше жизни срамной; что есть другая жизнь и вѣнецъ мучениковъ для Христіанъ, вѣрныхъ Царю и Богу. Видя бѣгство народа, Филаретъ съ немногими усердными воинами и гражданами заключился въ Соборной церкви: всѣ исповѣдались, причасти-

лись Святыхъ Таинъ и ждали непріятеля или смерти. Не Ляхи, а братья единовѣрные, Переславцы, дерзнули осадить святый храмъ, стрѣляли, ломились въ двери, и дикимъ ревомъ ярости отвѣтствовали на голосъ Митрополита, который молилъ ихъ не быть извергами. Двери пали: добрые Ростовцы окружили Филарета и бились до совершеннаго изнеможенія. Храмъ наполнился трупами. Злодѣи побѣдители схватили Митрополита, и сорвавъ съ него ризы Святительскія, одѣли въ рубище, обнажили церковь, сняли золото съ гробницы Св. Леонтія и раздѣлили между собою по жеребью [299]; опустошили городъ, и съ добычею святотатства вышли изъ Ростова, куда Сапѣга прислалъ воеводствовать злаго измѣнника, Матвѣя Плещеева. Филарета повезли въ Тушинскій станъ, какъ узника, босаго, въ одеждѣ Литовской, въ Татарской шапкѣ [300]; но Самозванецъ готовилъ ему безчестіе и срамъ инаго рода: встрѣтилъ его съ знаками чрезвычайнаго уваженія, какъ племянника Іоанновой супруги Анастасіи, и жертву Борисовой ненависти; величалъ какъ знаменитѣйшаго, достойнаго Архипастыря и назвалъ Патріархомъ: далъ ему златый поясъ и Святительскихъ чиновниковъ для наружной пышности, но держалъ его въ тѣсномъ заключеніи, какъ непреклоннаго въ вѣрности къ Царю Василію [301]. Сей вторый Лжедимитрій, наученный бѣдствіемъ перваго, хотѣлъ казаться ревностнымъ чтителемъ Церкви и Духовенства; училъ

лицемѣрію и жену свою, которая съ благоговѣніемъ приняла отъ Сапѣги богатую икону Св. Леонтія, Ростовскую добычу ([302]); уже не смѣла гнушаться обрядами Православія, молилась въ нашихъ церквахъ и покланялась мощамъ Угодниковъ Божіихъ ([303]). Еще притворствовали и хитрили для ослѣпленія умовъ въ вѣкъ безумія и страстей неистовыхъ!

Городъ за городомъ сдавался Лжедимитрію: Владиміръ, Угличь, Кострома, Галичь, Вологда и другіе ([304]), тѣ самые, откуда Василій ждалъ помощи. Являлась толпа измѣнниковъ и Ляховъ, восклицая: «да здравствуетъ Димитрій!» и жители, отвѣтствуя такимъ же восклицаніемъ, встрѣчали ихъ какъ друзей и братьевъ. Добросовѣстные безмолвствовали въ горести, видя силу на сторонѣ разврата и легкомыслія: ибо многіе, вопреки здравому смыслу, еще вѣрили мнимому Димитрію! Другіе, зная обманъ, измѣняли отъ робости, или для того, чтобы злодѣйствовать свободно; приставали къ шайкамъ Самозванца и вмѣстѣ съ ними грабили, гдѣ и что хотѣли. Шуя, наслѣдственное владѣніе Василіевыхъ предковъ, и Кинешма, гдѣ защищался Воевода Ѳедоръ Бабарыкинъ, были взяты, разорены Лисовскимъ ([305]); взята и вѣрная Тверь: ибо лучшіе воины ея находились съ Царемъ въ Москвѣ. Отрядъ легкой Сапѣгиной конницы вступилъ и въ отдаленный Бѣлозерскъ, гдѣ издревле хранилась часть казны государственной: Ляхи не нашли казны, но тамъ и вездѣ освободили

ссыльныхъ, а въ ихъ числѣ и злодѣя Шаховскаго, себѣ въ усердные сподвижники (306). Ярославль, обогащенный торговлею Англійскою, сдался на условіи не грабить его церквей, домовъ и лавокъ, не безчестить женъ и дѣвицъ; принялъ Воеводу отъ Лжедимитрія, Шведа Греческой Вѣры, именемъ Лоренца Біугге, Іоаннова Ливонскаго плѣнника (307); послалъ въ Тушинскій станъ 30,000 рублей, обязался снарядить 1000 всадниковъ. Псковъ, знаменитый древними и новѣйшими воспоминаніями славы, сдѣлался вдругъ вертепомъ разбойниковъ и душегубцевъ. Тамъ снова начальствовалъ Бояринъ Петръ Шереметевъ, не долго бывъ въ опалѣ (308): вѣрный Царю, нелюбимый народомъ за лихоимство (309). Духовенство, Дворяне, гости были также вѣрны; но лазутчики и письма Тушинскаго злодѣя взволновали *мелкихъ* гражданъ, чернь, Стрѣльцевъ, Козаковъ, исполненныхъ ненависти къ людямъ сановитымъ и богатымъ. Мятежниками предводительствовалъ Дворянинъ Ѳеодоръ Плещеевъ: торжествуя числомъ, силою и дерзостію, они присягнули Лжедимитрію; вопили, что Шуйскій отдаетъ Псковъ Шведамъ; заключили Шереметева и гражданъ знатнѣйшихъ; расхитили достояніе Святительское и монастырское. Узнавъ о томъ, Лжедимитрій прислалъ къ нимъ свою шайку: начались убійства. Шереметева удавили въ темницѣ; другихъ узниковъ казнили, мучили, сажали на колъ. Въ сіе ужасное время сгорѣла знатная часть Пскова, и

кучи пепла облилися новою кровію: неистовые мятежники объявили Дворянъ и богатыхъ купцевъ зажигателями; грабили, рѣзали невинныхъ, и славили Царя Тушинскаго . . . . . Кто могъ въ сихъ изступленіяхъ злодѣйства узнать отчизну Св. Ольги, гдѣ цвѣла нѣкогда добродѣтель, человѣческая и государственная; гдѣ, еще за 26 лѣтъ предъ тѣмъ, жили граждане великодушные, побѣдители Героя Баторія, спасители нашей чести и славы (310)?

Но кто могъ узнать и всю Россію, гдѣ, въ теченіе вѣковъ, видѣли мы столько подвиговъ достохвальныхъ, столько твердости въ бѣдствіяхъ, столько чувствъ благородныхъ? Казалось, что Россіяне уже не имѣли отечества, ни души, ни Вѣры; что Государство, зараженное нравственною язвою, въ страшныхъ судорогахъ кончалось! . . . . Такъ повѣствуетъ добродѣтельный свидѣтель тогдашнихъ ужасовъ, Аврамій Палицынъ, исполненный любви къ злосчастному отечеству и къ истинѣ:

Ужасное состояніе Россіи.

«Россію терзали свои болѣе, нежели ино«племенные: путеводителями, наставника«ми и хранителями Ляховъ были наши из«мѣнники, первые и послѣдніе въ крова«выхъ сѣчахъ: Ляхи, съ оружіемъ въ ру«кахъ, только смотрѣли и смѣялись безум«ному междоусобію. Въ лѣсахъ, въ боло«тахъ непроходимыхъ Россіяне указывали

«или готовили имъ путь, и числомъ превосход-
«нымъ берегли ихъ въ опасностяхъ, умирая за
«тѣхъ, которые обходились съ ними какъ съ
«рабами. Вся добыча принадлежала Ляхамъ:
«они избирали себѣ лучшихъ изъ плѣнниковъ,
«красныхъ юношей и дѣвицъ, или отдавали на
«выкупъ ближнимъ — и снова отнимали, къ за-
«бавѣ Россіянъ! .... Сердце трепещетъ отъ
«воспоминанія злодѣйствъ: тамъ, гдѣ стыла
«теплая кровь, гдѣ лежали трупы убіенныхъ,
«тамъ гнусное любострастіе искало одра для
«своихъ мерзостныхъ наслажденій .... Свя-
«тыхъ юныхъ Инокинь обнажали, позорили;
«лишенныя чести, лишались и жизни въ му-
«кахъ срама .... Были жены прельщаемыя
«иноплеменниками и развратомъ; но другія
«смертію избавляли себя отъ звѣрскаго наси-
«лія. Уже не сражаясь за отечество, еще мно-
«гіе умирали за семейства: мужъ за супругу,
«отецъ за дочь, братъ за сестру вонзалъ ножъ
«въ грудь Ляху. Не было милосердія: добрый,
«вѣрный Царю воинъ, взятый въ плѣнъ Ля-
«хами, иногда находилъ въ нихъ жалость и
«самое уваженіе къ его вѣрности; но измѣнники
«называли ихъ за то женами слабыми и худыми
«союзниками Царя Тушинскаго: всѣхъ твер-
«дыхъ въ добродѣтели предавали жестокой
«смерти; метали съ крутыхъ береговъ въ глу-
«бину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и са-
«мопаловъ; въ глазахъ родителей жгли дѣтей,
«носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ;

«грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ ма-«терей, разбивали о камни. Видя сію неслы-«ханную злобу, Ляхи содрогались и говорили: «*что же будетъ намъ отъ Россіянъ, когда они «и другъ друга губятъ съ такою лютостію?* «Сердца окаменѣли, умы омрачились; не имѣли «ни состраданія, ни предвидѣнія: вблизи свирѣп-«ствовало злодѣйство, а мы думали: *оно ми-«нуетъ насъ!* или искали въ немъ личныхъ для «себя выгодъ. Въ общемъ круженіи головъ всѣ «хотѣли быть выше своего званія: рабы госпо-«дами, чернь Дворянствомъ, Дворяне Вельмо-«жами. Не только простые простыхъ, но и «знатные знатныхъ, и разумные разумныхъ «обольщали измѣною, въ домахъ и въ самыхъ «битвахъ; говорили: *мы блаженствуемъ; иди-«те къ намъ отъ скорби къ утѣхамъ!* . . . . Гибли «отечество и Церковь: храмы истиннаго Бога «разорялись, подобно капищамъ Владимірова «времени; скотъ и псы жили въ Олтаряхъ; «воздухами и пеленами украшались кони, пили «изъ потировъ; мяса стояли на дискосахъ; на «иконахъ играли въ кости; хоругви церковныя «служили вмѣсто знаменъ; въ ризахъ Іерей-«скихъ плясали блудницы. Иноковъ, Священни-«ковъ палили огнемъ, допытываясь ихъ сокро-«вищъ; отшельниковъ, Схимниковъ заставляли «пѣть срамныя пѣсни, а безмолвствующихъ «убивали . . . . Люди уступили свои жилища «звѣрямъ: медвѣди и волки, оставивъ лѣса, «витали въ пустыхъ городахъ и весяхъ; враны

«плотоядные сидѣли станицами на тѣлахъ че-
«ловѣческихъ; малыя птицы гнѣздились въ че-
«репахъ. Могилы какъ горы вездѣ возвыша-
«лись. Граждане и земледѣльцы жили въ деб-
«ряхъ, въ лѣсахъ и въ пещерахъ недовѣдо-
«мыхъ, или въ болотахъ, только ночью выходя
«изъ нихъ осушиться. И лѣса не спасали: люди,
«уже покинувъ звѣроловство, ходили туда съ
«чуткими псами на ловлю людей; матери, укры-
«ваясь въ густотѣ древесной, страшились вопля
«своихъ младенцевъ, зажимали имъ ротъ и ду-
«шили ихъ до смерти. Не свѣтомъ луны, а по-
«жарами озарялись ночи: ибо грабители жгли,
«чего не могли взять съ собою, домы и все,
«да будетъ Россія пустынею необитаемою» (311)!

Россія бывала пустынею; но въ сіе время, не
Батыевы, а собственные варвары свирѣпство-
вали въ ея нѣдрахъ, изумляя и самыхъ неисто-
выхъ иноплеменниковъ: Россія могла тогда за-
видовать временамъ Батыевымъ, будучи жерт-
вою величайшаго изъ бѣдствій, разврата госу-
дарственнаго, который мертвитъ и надежду на
умилостивленіе Небесное! Сія надежда питалась
только великодушною смертію многихъ Рос-
сіянъ: ибо не въ одной Лаврѣ блистало герой-
ство: сіи, по выраженію Лѣтописца, *горы мо-
гилъ*, всюду видимыя, вмѣщали въ себѣ персть
мучениковъ вѣрности и закона: добродѣтель,
какъ Фениксъ, возраждается изъ пепла могилы,
примѣромъ и памятію; тамъ не все погибло,
гдѣ хотя немногіе предпочитаютъ гибель без-

законію. Съ честію умирали и воины и граждане, и старцы и жены. Въ Духовенствѣ особенно сіяла доблесть. Мы видѣли мужество Филарета. Епископъ Тверскій, Ѳеоктистъ, крестомъ и мечемъ вооруженный, до послѣдняго издыханія боролся съ измѣною, и, взятый въ плѣнъ, удостоился вѣнца страдальческаго. Архіепископъ Суздальскій, Галактіонъ, не хотѣвъ благословить Самозванца, скончался въ изгнаніи. Добродѣтельнаго Коломенскаго Святителя, Іосифа, злодѣи влачили привязаннаго къ пушкѣ: онъ терпѣлъ и молилъ Бога образумить Россіянъ (312). Святитель Псковскій, Геннадій, въ тщетномъ усиліи обуздать мятежниковъ, умеръ отъ горести (313). Не многіе изъ Священниковъ, какъ сказано въ Лѣтописи (314), уцѣлѣли, ибо вездѣ противились бунту.

Сей бунтъ уже поглощалъ Россію: какъ разсѣянные острова среди бурнаго моря, являлись еще подъ знаменемъ Московскимъ вблизи Лавра, Коломна, Переславль Рязанскій, вдали Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ (315), Казань, города Сибирскіе; всѣ другіе уже принадлежали къ царству беззаконія, коего столицею былъ Тушинскій станъ, дѣйствительно подобный городу разными зданіями внутри онаго, купеческими лавками, улицами, площадями (316), гдѣ толпилось болѣе ста

Тушино.

тысячь разбойниковъ, обогащаемыхъ плодами грабежа; гдѣ каждый день, съ утра до вечера, казался праздникомъ грубой роскоши: вино и медъ лилися изъ бочекъ; мяса, варенья и сырья, лежали грудами, пресыщая и людей и псовъ, которые вмѣстѣ съ измѣнниками стекались въ Тушино ([317]). Число сподвижниковъ Лжедимитріевыхъ умножилось Татарами, приведенными къ нему потѣшнымъ Царемъ Борисовымъ, Державцемъ Касимовскимъ, Уразъ-Магметомъ ([318]), и крещенымъ Ногайскимъ Княземъ, Арасланомъ Петромъ, сыномъ Урусовымъ ([319]): оба, менѣе Россіянъ виновные, измѣнили Василію; вторый оставилъ и Вѣру Христіанскую и жену (бывшую Княгиню Шуйскую), чтобы служить *Царику* Тушинскому, то есть грабить и злодѣйствовать. Жилище Самозванца, пышно именуемое дворцемъ, наполнялось лицемѣрами благоговѣнія, Россійскими чиновниками и знатными Ляхами (между коими ([320]) унижался и Посолъ Сигизмундовъ, Олесницкій, выпросивъ у бродяги въ даръ себѣ городъ Бѣлую). Тамъ безстыдная Марина, съ своею поруганною красотою, наружно величалась саномъ ѳеатральной Царицы, но внутренно тосковала, не властвуя, какъ ей хотѣлось, а раболѣпствуя, и съ трепетомъ завися отъ мужа варвара, который даже отказывалъ ей и въ средствахъ блистать пышностію ([321]); тамъ Вельможный отецъ ея лобызалъ руку бѣглаго поповича или Жида ([322]), принявъ отъ

Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ.

него новую владѣнную грамоту на Смоленскъ, еще не взятый, и Сѣверскую землю, съ обязательствомъ выдать ему (Мнишку) 300,000 рублей изъ казны Московской, еще незавоеванной. Тамъ, упоенный счастіемъ, и господствуя надъ Россіею отъ Десны до Чудскаго и Бѣлаго Озера, Двины и моря Каспійскаго — ежедневно слыша о новыхъ успѣхахъ мятежа, ежедневно видя новыхъ подданныхъ у ногъ своихъ — стѣсняя Москву, угрожаемую голодомъ и предательствомъ — Самозванецъ терпѣливо ждалъ послѣдняго успѣха: гибели Шуйскаго, въ надеждѣ скоро взять столицу и безъ кровопролитія, какъ обѣщали ему легкомысленные переметчики (323), которые не хотѣли видѣть въ ней ни меча, ни пламени, имѣя тамъ домы и семейства.

Миновало и возвратилось лѣто: самозванецѣ еще стоялъ въ Тушинѣ! Хотя въ злодѣйскихъ предпріятіяхъ всякое замедленіе опасно, и близкая цѣль требуетъ не отдыха, а быстрѣйшаго къ ней стремленія; хотя Лжедимитрій, слишкомъ долго смотря на Москву, давалъ время узнавать и презирать себя, и съ умноженіемъ силъ вещественныхъ лишался нравственной: но торжество злодѣя могло бы совершиться (324), если бы Ляхи, виновники его счастія, не сдѣлались виновниками и его ги-

бели, невольно услуживъ нашему отечеству, какъ и во время перваго Лжедимитрія ([325]). Россіи издыхающей *помогъ* новый *непріятель!*

Доселѣ Король Сигизмундъ враждовалъ намъ тайно, не снимая съ себя личины мирной, и содѣйствуя Самозванцамъ только наемными дружинами или вольницею: настало время снять личину и дѣйствовать открыто.

Соединивъ, уже неразрывно, судьбу Марины и мнимую честь свою съ судьбою обманщика, боясь худаго оборота въ дѣлахъ его и надѣясь быть зятю полезнѣе въ Королевской Думѣ, нежели въ Тушинскомъ станѣ, Воевода Сендомирскій (въ Генварѣ 1609 года) уѣхалъ въ Варшаву, такъ скоро, что не успѣлъ и благословить дочери, которая въ письмахъ къ нему жаловалась на сію холодность ([326]). Въ слѣдъ за Мнишкомъ надлежало ѣхать и Посламъ Лжедимитріевымъ, туда, гдѣ все съ живѣйшимъ любопытствомъ занималось нашими бѣдствіями, желая ими воспользоваться и для государственныхъ и для частныхъ выгодъ: ибо еще многіе благородные Ляхи, пылая страстію удальства и корысти, думали искать счастія въ смятенной Россіи. Уже друзья Воеводы Сендомирскаго дѣйствовали ревностно на Сеймѣ, представляя, что торжество мнимаго Димитрія есть

г. 1609.

торжество Польши; что нужно довершить оное силами Республики, дать корону бродягѣ, и взять Смоленскъ, Сѣверскую и другія, нѣкогда Литовскія земли (327). Они хотѣли, чего хотѣлъ Мнишекъ: войны за Самозванца, и — если бы Сигизмундъ, признавъ Лжедимитрія Царемъ, усердно и заблаговременно помогъ ему какъ союзнику новымъ войскомъ: то едва ли Москва, едва ли шесть или семь городовъ, еще вѣрныхъ, устояли бы въ сей бурѣ общаго мятежа и разрушенія. Что сдѣлалось бы тогда съ Россіею, вторичною гнусною добычею Самозванства и его пѣстуновъ? могла ли бы она еще возстать изъ сей бездны срама и быть, чѣмъ видимъ ее нынѣ? Такъ, судьба Россіи зависѣла отъ Политики Сигизмундовой; но Сигизмундъ, къ счастію, не имѣлъ духа Баторіева: властолюбивый съ малодушіемъ и съ умомъ недальновиднымъ, онъ не вразумился въ причины дѣйствій; не зналъ, что Ляхи единственно подъ знаменами Россійскими могли терзать, унижать, топтать Россію, не своимъ геройствомъ, а Димитріевымъ именемъ чудесно обезоруживая народъ ея слѣпотствующій, — не зналъ, и Политикою, грубо-стяжательною, открылъ ему глаза, воспламенилъ въ немъ искру великодушія, оживилъ, усилилъ старую ненависть къ Литвѣ, и сдѣлавъ много зла Россіи, далъ ей спастися, для ужаснаго, хотя и медленнаго возмездія ея врагамъ непримиримымъ.

Увѣряютъ, что многіе знатные Россіяне, въ искреннихъ разговорахъ съ Ляхами, изъявляли желаніе видѣть на престолѣ Московскомъ юнаго Сигизмундова сына, Владислава, вмѣсто обманщиковъ и бродягъ, безразсудно покровительствуемыхъ Королемъ и Вельможными Панами; нѣкоторые даже прибавляли, что самъ Шуйскій желаетъ уступить ему Царство ([328]). Искренно ли, и дѣйствительно ли такъ объяснялись Россіяне, неизвѣстно; но Король вѣрилъ, и въ надеждѣ пріобрѣсти Россію для сына или для себя, уже не доброхотствовалъ Лжедимитрію. Друзья Королевскіе предложили Сейму объявить войну Царю Василію, за убіеніе мирныхъ Ляховъ въ Москвѣ и за долговременную безчестную неволю Пословъ Республики, Олесницкаго и Госѣвскаго; доказывали, что Россія не только виновна, но и слаба; что война съ нею не только справедлива, но и выгодна; говорили: «Шуйскій зоветъ Шведовъ, и если ихъ «вспоможеніемъ утвердитъ власть свою, то чего «добраго ждать Республикѣ отъ союза двухъ «враговъ ея? Еще хуже, если Шведы овла«дѣютъ Москвою; не лучше, если она, утомлен«ная бѣдствіями, покорится и Султану или Та«тарамъ ([329]). Должно предупредить опасность, «и легко: 3000 Ляховъ въ 1605 году дали бро«дягѣ Московское Царство; нынѣ дружины «вольницы угрожаютъ Шуйскому плѣномъ: «можемъ ли бояться сопротивленія?» Были однакожь Сенаторы благоразумные, которые

не восхищались мыслію о завоеваніи Москвы и думали, что Республика едва ли не виновнѣе Россіи, дозволивъ *первому* Лжедимитрію, вопреки миру, ополчаться въ Галиціи и въ Литвѣ на Годунова, и не мѣшая Ляхамъ участвовать въ злодѣйствахъ *втораго*; что Польша, бывъ еще недавно жертвою междоусобія, не должна легкомысленно начинать войны съ Государствомъ обширнымъ и многолюднымъ; что въ семъ случаѣ надлежитъ имѣть четыре войска: два противъ Шуйскаго и мнимаго Димитрія, два противъ Шведовъ и собственныхъ мятежниковъ; что такія ополченія безъ тягостныхъ налоговъ невозможны, а налоги опасны. Имъ отвѣтствовали: «богатая Россія будетъ наша» — и Сеймъ исполнилъ желаніе Короля: не взирая на перемиріе, вновь заключенное въ Москвѣ (330), одобрилъ войну съ Россіею, безъ всякаго сношенія съ Лжедимитріемъ, къ горести Мнишка, который, пріѣхавъ въ отечество, уже не могъ ничего сдѣлать для своего зятя и долженъ былъ удалиться отъ Двора, гдѣ только сожалѣли объ немъ, и не безъ презрѣнія.

Польша объявляетъ войну Россіи.

Сигизмундъ казался новымъ Баторіемъ, съ необыкновенною ревностію готовясь къ походу; собиралъ войско, не имѣя денегъ для жалованья, но тѣмъ болѣе обѣщая (331), въ надеждѣ, что кончитъ войну одною

угрозою [332], и что Россія изнуренная встрѣтитъ его не съ мечемъ, а съ вѣнцемъ Мономаховымъ, какъ спасителя. Узнавъ толки злословія, которое приписывало ему намѣреніе завоевать Москву и силами ея подавить вольность въ Республикѣ — то есть, сдѣлаться обоихъ Государствъ Самодержцемъ — Король окружнымъ письмомъ удостовѣрилъ Сенаторовъ въ нелѣпости сихъ разглашеній, клялся не мыслить о личныхъ выгодахъ, и дѣйствовать единственно для блага Республики [333]; выѣхалъ изъ Кракова въ Іюнѣ мѣсяцѣ къ войску, и еще не зналъ, куда вести оное: въ землю ли Сѣверскую, гдѣ царствовало беззаконіе подъ именемъ Димитрія, или къ Смоленску, гдѣ еще царствовали законъ и Василій, или прямо къ Москвѣ, чтобы истребить Лжедимитрія, отвлечь отъ него и Ляховъ и Россіянъ, а послѣ истребить и Шуйскаго, какъ совѣтовалъ умный Гетманъ Жолкѣвскій [334]? Сигизмундъ колебался, медлилъ — и наконецъ пошелъ къ Смоленску: ибо Канцлеръ Левъ Сапѣга и Панъ Госѣвскій увѣрили Короля, что сей городъ желаетъ ему сдаться, желая избавиться отъ ненавистной власти Самозванца. Но въ Смоленскѣ начальствовалъ доблій Шеинъ!

Крайность Россіи

Границы Россіи были отверсты, сообщенія прерваны, воины разсѣяны, города и

и перемѣна къ лучшему.

селенія въ пеплѣ или въ бунтѣ, сердца въ ужасѣ или въ ожесточеніи, Правительство въ безсиліи, Царь въ осадѣ и среди измѣнниковъ . . . . Но когда Сигизмундъ, согласно съ пользою своей Державы, шелъ къ намъ за легкою добычею властолюбія, въ то время бѣдствія Россіи, достигнувъ крайности, уже являли признаки оборота и возможность спасенія, раждая надежду, что Богъ не оставляетъ Государства, гдѣ многіе или не многіе граждане еще любятъ отечество и добродѣтель.

ГЛАВА III.

Продолжение Василиева Царствования.

Г. 1608—1610.

Князь Пожарский. Доблесть Нижняго Новагорода. Возстание и другихъ городовъ Низовыхъ. Возстание Сѣверной России. Крамолы въ Москвѣ. Голодъ. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги. Приступы Лжедимитрия къ Москвѣ. Побѣда Царскаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя удачи Лжедимитриевы. Новый мятежъ въ Москвѣ. Слобода Александровская. Побѣда надъ Сапѣгою. Любовь къ Князю Михаилу. Предлагаютъ вѣнецъ Герою. Разбои. Пожарский. Осада Смоленска. Смятение Лжедимитриевыхъ Ляховъ. Распря между Сигизмундомъ и Конфедератами. Посольство Королевское въ Тушино. Переговоры съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжедимитрия. Высокомѣрие Марины. Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ. Волнение въ Тушинѣ. Бѣгство Марины. Посольство Тушинское къ Королю. Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ. Марина въ Калугѣ. Успѣхи Князя Михаила. Освобождение Лавры. Бѣгство Сапѣги. Опустѣние Тушина. Дѣло Князя Михаила. Торжественное вступление Героя въ Москву.

Первое счастливое дѣло сего времени было подъ Коломною, гдѣ Воеводы Цар- Г. 1608-1610.

скіе, Князь Прозоровскій и Сукинъ, разбили Пана Хмѣлевскаго. Во второмъ дѣлѣ оказалось мужество и счастіе юнаго, еще неизвѣстнаго Стратига, коему Провидѣніе готовило благотворнѣйшую славу въ мірѣ: славу Героя-спасителя отечества. Князь Димитрій Михайловичь Пожарскій, происходя отъ Всеволода III и Князей Стародубскихъ ([335]), царедворецъ безчиновный въ Борисово время и Стольникъ при Разстригѣ, опасностями Россіи вызванный на ѳеатръ кровопролитія, долженъ былъ вторично защитить Коломну отъ нападенія Литвы и нашихъ измѣнниковъ, шедшихъ изъ Владиміра. Пожарскій не хотѣлъ ждать ихъ: встрѣтилъ въ селѣ Высоцкомъ, въ тридцати верстахъ отъ Коломны, и на утренней зарѣ незапнымъ, сильнымъ ударомъ изумилъ непріятеля; взялъ множество плѣнниковъ, запасовъ и богатую казну ([336]), одержалъ побѣду съ малымъ урономъ, явивъ не только смѣлость, но и рѣдкое искусство, въ предвѣстіе своего великаго назначенія.

Князь Пожарскій.

Тогда же и въ иныхъ мѣстахъ Судьба начинала благопріятствовать Царю. Мятежники, Мордва, Черемисы и Лжедимитріевы шайки, Ляхи, Россіяне, съ Воеводою Княземъ Вяземскимъ осаждали Нижній Новгородъ: вѣрные жители обрекли себя на смерть; простились съ женами,

Доблесть Нижняго Новагорода.

дѣтьми, и единодушною вылазкою разбили осаждающихъ на-голову: взяли Вяземскаго и немедленно повѣсили какъ измѣнника. Такъ добрые Нижегородцы воспрянули къ подвигамъ, коимъ надлежало увѣнчаться ихъ безсмертною, святою, для самыхъ отдаленныхъ вѣковъ утѣшительною славою въ нашей Исторіи. Они не удовольствовались своимъ избавленіемъ, только временнымъ: свѣдавъ, что Бояринъ Ѳедоръ Шереметевъ, въ исполненіе Василіева указа, оставилъ наконецъ Астрахань, идетъ къ Казани, вездѣ смиряетъ бунтъ, вездѣ бьетъ и гонитъ шайки мятежниковъ, Нижегородцы выступили въ поле, взяли Балахну и съ ея жителей присягу въ вѣрности къ Василію (337); обратили къ закону и другіе Низовые города, воспламеняя въ нихъ ревность добродѣтельную. Возстали и жители Юрьевца, Гороховца, Луха, Решмы, Холуя, и подъ начальствомъ Сотника Краснаго, мѣщанъ Кувшинникова, Нагавицына, Денгина и крестьянина Лапши разбили непріятеля въ Лухѣ и въ селѣ Дуниловѣ: Ляхи и наши измѣнники съ Воеводою Ѳедоромъ Плещеевымъ, сподвижникомъ Лисовскаго, бѣжали въ Суздаль. Побѣдители взяли многихъ недостойныхъ Дворянъ, отправили какъ плѣнниковъ въ Нижній Новгородъ, и разорили ихъ домы.

Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ.

Москва осажденная не знала о сихъ важ-

ныхъ происшествіяхъ, но знала о другихъ, еще важнѣйшихъ. Не теряя надежды усовѣстить измѣнниковъ, Василій писалъ къ жителямъ городовъ Сѣверныхъ (338), Галича, Ярославля, Костромы, Вологды, Устюга. «Несчастные! кому вы рабски цѣ«ловали крестъ и служите? Злодѣю и зло«дѣямъ, бродягѣ и Ляхамъ! Уже видите «ихъ дѣла, и еще гнуснѣйшія увидите! «Когда своимъ малодушіемъ предадите имъ «Государство и Церковь; когда падетъ «Москва, а съ нею и святое отечество и «святая Вѣра: то будете отвѣтствовать «уже не намъ, а Богу . . . есть Богъ мсти«тель! Въ случаѣ же раскаянія и новой «вѣрной службы, обѣщаемъ вамъ, чего у «васъ нѣтъ и на умѣ: милости, льготу, «торговлю безпошлинную на многія лѣта.» Сіи письма, доставляемыя усердными слугами гражданамъ обольщеннымъ, имѣли дѣйствіе; всего же сильнѣе дѣйствовали наглость Ляховъ и неистовство Россійскихъ клевретовъ Самозванца, которые, губя враговъ, не щадили и друзей. Присяга Лжедимитрію не спасала отъ грабежа; а народъ, лишась чести, тѣмъ болѣе стоитъ за имѣніе. Земледѣльцы первые ополчились на грабителей; встрѣчали Ляховъ уже не съ хлѣбомъ и солью, а при звукѣ набата, съ дрекольемъ, копьями, сѣкирами и ножами; убивали, топили въ рѣкахъ и кри-

Возстаніе Сѣверной Россіи.

чали: «вы опустошили наши житницы и хлѣбы: теперь питайтесь рыбою» ([339])! Примѣру земледѣльцевъ слѣдовали и города, отъ Романова до Перми: свергали съ себя иго злодѣйства, изгоняли чиновниковъ Лжедимитріевыхъ ([340]). Люди слабые раскаялись; люди твердые ободрились, и между ими два человѣка прославились особенною ревностію: знаменитый гость, Петръ Строгановъ, и Нѣмецъ Греческаго Исповѣданія, богатый владѣлецъ Даніилъ Эйлофъ. Первый не только удержалъ Соль-Вычегодскую, гдѣ находились его богатыя заведенія, въ неизмѣнномъ подданствѣ Царю, но и другіе города, Пермскіе и Казанскіе, жертвуя своимъ достояніемъ для ополченія гражданъ и крестьянъ ([341]); втораго именуютъ главнымъ виновникомъ сего возстанія, которое встревожило станъ Тушинскій и Сапѣгинъ, замѣшало Царство злодѣйское, отвлекло знатную часть силъ непріятельскихъ отъ Москвы и Лавры ([342]). Паны Тишкѣвичь и Лисовскій выступили съ полками усмирять мятежъ, сожгли предмѣстіе Ярославля, Юрьевецъ, Кинешму: Зборовскій и Князь Григорій Шаховскій Старицу ([343]). Жители противились мужественно въ городахъ; дѣлали въ селеніяхъ остроги, въ лѣсахъ засѣки; не имѣли только единодушія, ни устройства. Измѣнники и Ляхи побили ихъ нѣсколько тысячь въ шестидесяти верстахъ отъ Ярославля, въ селеніи Даниловскомъ ([344]), и пылая злобою, все жгли и губили: женъ, дѣтей, старцевъ —

13*

и тѣмъ усиливали взаимное остервененіе. Вѣрные Россіяне также не знали ни жалости, ни человѣчества въ мести, одерживая иногда верхъ въ сшибкахъ, убивали плѣнныхъ; казнили Воеводъ Самозванцевыхъ, Застолпскаго, Нащокина и Пана Маттіаса; Нѣмца Шмита, Ярославскаго жителя, сварили въ котлѣ, за то, что онъ, выѣхавъ къ тамошнимъ гражданамъ для переговоровъ, дерзнулъ склонять ихъ къ новой измѣнѣ (345). Бѣдствія сего края, душегубство, пожары еще умножились, но уже знаменовáли великодушное сопротивленіе злодѣйству, и вѣсти о счастливой перемѣнѣ, сквозь пламя и кровь, доходили до Москвы. Уже Василій писалъ благодарныя грамоты къ добрымъ Сѣвернымъ Россіянамъ; посылалъ къ нимъ чиновниковъ для образованія войска; велѣлъ ихъ дружинамъ итти въ Ярославль, открыть сообщеніе съ городами Низовыми и съ Бояриномъ Ѳедоромъ Шереметевымъ (346); наконецъ спѣшить къ столицѣ.

Крамолы въ Москвѣ.

Но столица была ѳеатромъ козней и мятежей. Тамъ, гдѣ опасались не измѣны, а доносовъ на измѣну (347) — гдѣ страшились мести Ляховъ и Самозванца болѣе, нежели Царя и закона — гдѣ власть верховная, ужасаясь явнаго и тайнаго множества злодѣевъ, умышленнымъ послабленіемъ хотѣла, казалось, только продлить тѣнь бы-

тія своего и на часъ удалить гибель — тамъ надлежало дивиться не смятенію, а призраку тишины и спокойствія, когда Государство едва существовало и Москва видѣла себя среди Россіи въ уединеніи, будучи отрѣзана, угрожаема всѣми бѣдствіями долговременной осады, безъ надежды на избавленіе, безъ довѣренности къ Правительству, безъ любви къ Царю: ибо Москвитяне, нѣкогда усердные къ Боярину Шуйскому, уже не любили въ немъ Вѣнценосца, приписывая государственныя злополучія его неразумію или несчастію ([348]): обвиненіе равно важное въ глазахъ народа! Еще какая-то невидимая сила, законъ, совѣсть, нерѣшительность, разномысліе, хранили Василія. Желали перемѣны; но кому отдать вѣнецъ? въ тайныхъ прѣніяхъ не соглашались. Самозванцемъ вообще гнушались; Ляховъ вообще ненавидѣли, и никто изъ Вельможъ не имѣлъ ни столько достоинствъ, ни столько клевретовъ, чтобы обѣщать себѣ Державство. Дни текли, и Василій еще сидѣлъ на тронѣ, измѣряя взорами глубину бездны предъ собою, мысля о средствахъ спасенія, но готовый и погибнуть безъ малодушія. Уже блеснулъ лучь надежды: оружіе Царское снова имѣло успѣхи ([349]); Лавра стояла непоколебимо; Востокъ и Сѣверъ Россіи ополчились за Москву, — и въ сіе время крамольники дерзнули явно, рѣшительно возстать на Царя, боясь ли упустить время? боясь ли, чтобы счастливая

перемѣна обстоятельствъ не утвердила Василіева Державства?

Извѣстными начальниками кова были царедворецъ Князь Романъ Гагаринъ ([350]), Воевода Григорій Сунбуловъ (прощенный измѣнникъ) и Дворянинъ Тимоѳей Грязной: знатнѣйшіе, вѣроятно, скрывались за ними до времени. 17 Февраля ([351]) вдругъ сдѣлалась тревога: заговорщики звали гражданъ на Лобное мѣсто; силою привели туда и Патріарха Ермогена; звали и всѣхъ Думныхъ Бояръ, торжественно предлагая имъ свести Василія съ Царства, и доказывая, что онъ избранъ не Россіею, а только своими угодниками ([352]), обманомъ и насиліемъ; что сіе беззаконіе произвело всѣ распри и мятежи, междоусобіе и Самозванцевъ ([353]); что Шуйскій и не Царь и не умѣетъ быть Царемъ, имѣя болѣе тщеславія, нежели разума и способностей, нужныхъ для успокоенія Державы въ такомъ волненіи. Не стыдились и клеветы грубой: обвиняли Василія даже въ нетрезвости и распутствѣ. Они умолчали о преемникѣ Шуйскаго и мнимомъ Димитріи; не сказали, гдѣ взять Царя новаго, лучшаго, и тѣмъ затруднили для себя удачу. Не многіе изъ гражданъ и воиновъ соединились съ ними; другіе, подумавъ, отвѣтствовали имъ хладнокровно: «Мы всѣ были свидѣ«телями Василіева избранія, добровольнаго, об«щаго; всѣ мы, и вы съ нами, присягали ему «какъ Государю законному. Пороковъ его не «вѣдаемъ. И кто далъ вамъ право располагать

«Царствомъ безъ Чиновъ Государственныхъ?» Ермогенъ, презирая угрозы, заклиналъ народъ не участвовать въ злодѣйствѣ, и возвратился въ Кремль. Синклитъ также остался вѣрнымъ, и только одинъ мужъ Думный, старый измѣнникъ, Князь Василій Голицынъ — вѣроятно, тайный благопріятель сего кова — выѣхалъ къ мятежникамъ на Красную площадь; всѣ иные Бояре, съ негодованіемъ выслушавъ предложеніе свергнуть Царя и быть участниками беззаконнаго Вѣча, съ дружинами усердными окружили Шуйскаго (354). Не взирая на то, мятежники вломились въ Кремль; но были побѣждены безъ оружія. Въ часъ опасный, Василій снова явилъ себя неустрашимымъ: смѣло вышелъ къ ихъ сонму; *сталъ имъ въ лице* и сказалъ голосомъ твердымъ: «Чего хотите? Если убить меня, то я предъ вами, и не боюсь смерти; но «свергнуть меня съ Царства не можете безъ «Думы Земской. Да соберутся Великіе Бояре и «Чины Государственные, и въ моемъ присут«ствіи да рѣшатъ судьбу отечества и мою соб«ственную: ихъ судъ будетъ для меня закономъ, «но не воля крамольниковъ!» Дерзость злодѣйства обратилась въ ужасъ: Гагаринъ, Сунбуловъ, Грязной, и съ ними 300 человѣкъ бѣжали; а вся Москва какъ бы снова избрала Шуйскаго въ Государи: столь живо было усердіе къ нему, столь сильно дѣйствіе оказаннаго имъ мужества!

Къ несчастію, торжество закона и великоду-

шія было недолговременно. Мятежники ушли въ Тушино, для того ли, что доброжелательствовали Самозванцу, или единственно для своего личнаго спасенія, какъ въ мѣсто безопаснѣйшее для злодѣевъ? Ихъ бѣгствомъ Москва не очистилась отъ крамолы. Мужъ знатный, Воевода Василій Бутурлинъ, донесъ Царю, что Бояринъ и Дворецкій, Крюкъ-Колычевъ, есть измѣнникъ и тайно сносится съ Лжедимитріемъ. Измѣны тогда не удивляли: Колычевъ, бывъ вѣренъ, могъ сдѣлаться предателемъ, подобно Юрію Трубецкому (355) и столь многимъ другимъ, но могъ быть и нагло оклеветанъ врагами личными. Его судили, пытали и казнили на Лобномъ мѣстѣ. Пытали и всѣхъ иныхъ участниковъ новаго ковар, и наполнили ими темницы, обѣщая невиннымъ, спокойнымъ гражданамъ утвердить ихъ безопасность искорененіемъ мятежниковъ.

Голодъ. Но зло инаго рода уже начинало свирѣпствовать въ столицѣ. Лишаемая подвозовъ, она истощила свои запасы; имѣла сообщеніе съ одною Коломною, и того лишилась: ибо рать Лжедимитріева вторично осадила сей городъ (356). Предвидѣвъ недостатокъ, алчные корыстолюбцы скупили весь хлѣбъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ, и ежедневно возвышали его цѣну, такъ, что четверть ржи стоила наконецъ семь

рублей (357), къ ужасу людей бѣдныхъ. Тщетно Василій желалъ умѣрить дороговизну неслыханную, уставлялъ цѣну справедливую и запрещалъ безбожную; купцы не слушались: скрывали свое изобиліе и продавали тайно, кому и какъ хотѣли. Тщетно Царь и Патріархъ надѣялись разбудить совѣсть и жалость въ людяхъ: призывали Вельможъ, купцевъ, богачей въ храмъ Успенія, и предъ олтаремъ Всевышняго заклинали быть человѣколюбивыми: не торговать жизнію Христіанъ и опустить цѣну хлѣба; не скупать его въ большомъ количествѣ и тѣмъ не отнимать у бѣдныхъ (358). Лицемѣры съ слезами увѣряли, что у нихъ нѣтъ запасовъ, и безсовѣстно обманывали, думая единственно о своей выгодѣ, какъ и во время дороговизны 1603 года. Народъ впадалъ въ отчаяніе. Кричали на улицахъ: «Мы «гибнемъ отъ Царя злосчастнаго; отъ него кро«вопролитіе и голодъ!» Люди, увѣренные въ обманѣ мнимаго Димитрія, уходили къ нему единственно для того, чтобы не умереть въ Москвѣ безъ пищи (359); другіе толпами врывались въ Кремль и вопили предъ дворцемъ: «Долго ли «намъ сидѣть въ осадѣ и ждать голодной смер«ти?» Они требовали избавленія, побѣды и хлѣба — или Царя счастливѣйшаго! Василій не скрывался отъ народа: выходилъ къ нему съ лицемъ спокойнымъ, убѣждалъ и грозилъ; смирялъ дерзость страждущихъ, но только на время. Радѣя о бѣдныхъ, онъ убѣдилъ Троицкаго Келаря Авраміа отворить для нихъ Московскія

житницы его Обители: цѣна хлѣба вдругъ упала отъ семи до двухъ рублей ([360]). Сихъ запасовъ не могло стать на-долго; но вопли умолкъ въ столицѣ, и счастливая вѣсть ободрила Москву.

Князь Гагаринъ, первый изъ мятежниковъ, ушедшихъ къ Самозванцу, не смотря на крамольство, имѣлъ душу: увидѣлъ, узналъ Лжедимитрія, и явился къ Царю съ раскаяніемъ ([361]); принесъ ему свою виновную голову; сказалъ, что лучше хочетъ умереть на плахѣ, нежели служить бродягѣ гнусному — и былъ помилованъ Василіемъ: выведенный къ народу, Гагаринъ именемъ Божіимъ заклиналъ его не прельщаться Діавольскимъ обманомъ, не вѣрить злодѣю Тушинскому, орудію Ляховъ, желающихъ единственно гибели Россіи и святой Церкви. Сіи убѣжденія произвели дѣйствіе, и еще несравненно болѣе, когда Гагаринъ объявилъ Москвитянамъ, что станъ Тушинскій въ сильной тревогѣ; что Лжедимитрій и Ляхи свѣдали о соединеніи Шведовъ съ Россіянами; что Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій ведетъ ихъ къ столицѣ и побѣждаетъ. Удивленіе радости измѣнило лица печальныя: всѣ славили Бога; многіе устыдились своего намѣренія бѣжать въ Тушино; укрѣпились въ вѣрности — и съ того дня уже никто не уходилъ къ Самозванцу.

28 Мая.

Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги.

Гагаринъ сказалъ истину о тревогѣ злодѣевъ Тушинскихъ. Опишемъ начало подвиговъ знаменитаго юноши, который въ бѣдственныя времена родился счастливымъ, и коему надлежало бы только жить, чтобы спасти Царя, ознаменованнаго Судьбою для злополучія. Мы видѣли, какъ Михаилъ Шуйскій, во время величайшей опасности, съ горестію удалился отъ войска, чтобы искать защитниковъ Россіи внѣ Россіи (362): прибывъ въ Новгородъ, гдѣ начальствовали Бояринъ Князь Андрей Куракинъ и царедворецъ Татищевъ (363), онъ немедленно доставилъ Королю Шведскому грамоту Васиіеву; писалъ къ нему и самъ, писалъ и къ его Воеводамъ, Финляндскому и Ливонскому, Арвиду Вильдману и Графу Мансфельду (364), требуя вспоможенія и представляя имъ, что Ляхи воцареніемъ Лжедимитрія хотятъ обратить силы Россіи на Швецію, для торжества Латинской Вѣры, будучи побуждаемы къ тому Папою, Іезуитами и Королемъ Испанскимъ. Ничто не было естественнѣе союза между Шведскимъ и Россійскимъ Вѣнценосцами, искренними друзьями отъ ихъ общей ненависти къ Ляхамъ. Надлежало единственно удостовѣрить Карла, что Шведы еще найдутъ и могутъ утвердить Василія на престолѣ: для чего Князь Михаилъ, слѣдуя своему наказу и внушенію Политики, таилъ отъ Карла ужасныя обстоятельства Россіи; говорилъ только о частныхъ въ ней мятежахъ, объ измѣнѣ тысячь осьми или

десяти Россіянъ, которые вмѣстѣ съ пятью или шестью тысячами Ляховъ злодѣйствуютъ близъ Москвы ([365]). Требовалось не мало времени для объясненій. Секретарь Мансфельдовъ видѣлся съ Княземъ Михаиломъ въ Новѣгородѣ, а Воевода Головинъ, шуринъ Скопина, поѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ знатные чиновники Шведскіе ждали его, чтобы условиться въ мѣрахъ вспоможенія. Между тѣмъ Князь Михаилъ, желая спасти Москву и Царя не одною рукою иноплеменниковъ, мыслилъ ополчить всю Сѣверозападную Россію, и грамотою убѣдительною звалъ къ себѣ Псковитянъ, хваля ихъ древнюю доблесть; но Псковитяне, уже хвалясь злодѣйствомъ ([366]), отвѣтствовали ему угрозою.... И самые Новогородцы оказывали расположеніе столь подозрительное, что Князь Михаилъ рѣшился искать усердія или безопасности въ иномъ мѣстѣ; вышелъ изъ Новагорода съ Татищевымъ, Дьякомъ Телепневымъ и малочисленною дружиною вѣрныхъ, и требовалъ убѣжища въ Иванѣгородѣ: тамъ ихъ не приняли, ни въ Орѣшкѣ, гдѣ Воевода, предатель, Бояринъ Михайло Салтыковъ, считая Лжедимитрія побѣдителемъ, уже именовалъ себя его Намѣстникомъ ([367]). Въ то время, когда Михаилъ, оставленный и нѣкоторыми изъ робкихъ спутниковъ, при устьѣ Невы думалъ въ печали, что дѣлать? явились Послы отъ Новагорода съ моленіемъ, чтобы онъ возвратился къ Святой Софіи. Митрополитъ Исидоръ и достойные Рос-

сiяне одержали тамъ верхъ надъ беззаконiемъ, и встрѣтили Князя Михаила какъ утѣшителя, въ лицѣ его привѣтствуя отечество и вѣрность; искренно клялися умереть за Царя Василiя, какъ предки ихъ умирали за Ярослава Великаго, и свѣдавъ, что Воевода Лжедимитрiевъ, Керносицкiй, съ Ляхами и Россiянами идетъ отъ Тушина къ берегамъ Ильменя, готовились выступить въ поле. Древнiй Новгородъ, казалось, воскресъ съ своимъ великодушiемъ: къ несчастiю, ревность достохвальная имѣла дѣйствiе зловредное.

Татищевъ, извѣстный мужествомъ, вызвался вести передовый отрядъ къ Бронницамъ; но Князю Михаилу донесли, что сей царедворецъ лукавый замышляетъ предательство. Извѣтъ былъ важенъ, а Князь Шуйскiй молодъ и пылокъ: онъ созвалъ воиновъ и гражданъ, объявилъ имъ доносъ, и хотѣлъ съ ними торжественно судить, уличить или оправдать винимаго. Вмѣсто суда, народъ въ изступленiи ярости умертвилъ Татищева, не давъ ему сказать ни единаго слова, къ горести Михаила, увидѣвшаго поздно, что народъ, въ кипѣнiи страстей, можетъ быть скорѣе палачемъ, нежели судiею (368). Татищева, едва ли виновнаго, схоронили съ честiю въ Обители Св. Антонiя, и многiе Дворяне, вѣроятно устрашенные его судьбою, бѣжали изъ города, даже къ непрiятелю, который шелъ впередъ невозбранно, занялъ Хутынскiй и другiе окрестные монастыри, жегъ,

грабилъ — и вдругъ скрылся, услышавъ отъ плѣнниковъ, что сильное войско вступило въ село Грузино и спѣшитъ на помощь къ Новугороду. Плѣнники обманули непріятеля: мнимое войско состояло единственно изъ тысячи областныхъ жителей, ополченныхъ Дворянами Горихвостовымъ и Рязановымъ въ Тихвинѣ и за Онегою (369). Сіи добрые Россіяне, будучи въ шесть разъ слабѣе Керносицкаго (370), имѣли счастіе безъ кровопролитія избавить Новгородъ, гдѣ Князь Михаилъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вѣстей отъ Головина.

г. 1609. Вѣсти были благопріятны. Король Шведскій словомъ и дѣломъ доказалъ свою искренность. Еще Генералы его, Бое и Вильдманъ, не успѣли заключить договора съ Головинымъ и Дьякомъ Зиновьевымъ, а войско Королевское уже стояло подъ знаменами въ Финляндіи. Съ обѣихъ сторонъ не хотѣли тратить времени, и 28 Февраля подписали въ Выборгѣ слѣдующія условія (371): «1) Мирный договоръ 1595 года «возобновляется между Россіею и Швеціею на вѣки вѣковъ. 2) Первой не вступаться въ Ливонію. 3) Карлъ даетъ Василію 2000 конныхъ и 3000 пѣшихъ ратниковъ, а Василій 100,000 ефимковъ въ мѣсяцъ на ихъ жалованье (372). 4) Сіе войско въ полномъ распоряженіи Князя Михаила Шуйскаго; должно занимать города

«единственно именемъ Царскимъ, и не можетъ «выводить плѣнниковъ изъ Россіи, кромѣ Ля-«ховъ. 5) Съѣстные припасы будутъ ему до-«ставляемы по цѣнѣ умѣренной ([373]). 6) Царь «взаимно обязывается помогать Королю вой-«скомъ на Сигизмунда въ Ливоніи, куда от-«крытъ путь Шведамъ изъ Финляціи чрезъ Рос-«сійскія владѣнія. 7) Ни та, ни другая Держава «безъ общаго согласія не вольна мириться съ «Сигизмундомъ. 8) Царь, въ знакъ признатель-«ности, уступаетъ Швеціи Кексгольмъ въ вѣч-«ное владѣніе, но *тайно* до времени ([374]): ибо «сія уступка можетъ произвести сильное неудо-«вольствіе между Россіянами. 9) Князь Михаилъ «Шуйскій даритъ Шведскому войску 5000 руб-«лей не въ счетъ опредѣленнаго жалованья. — «Сія грамота будетъ утверждена въ Новѣгородѣ «имъ Княземъ Шуйскимъ, Воеводою, Бояри-«номъ и *Ближнимъ Пріятелемъ* Царскимъ, а въ «Москвѣ самимъ Царемъ.»

26 Марта ([375]) уже вступилъ въ Россію Пол-ководецъ Шведскій, Іаковъ Делагарди, сынъ Понтусовъ, юный, двадцати-семилѣтній витязь, ученикъ и сподвижникъ славнаго Морица Нас-савскаго въ долговременномъ, кровопролитномъ бореніи за свободу Голландской Республики. На границѣ встрѣтилъ союзниковъ Воевода Ододу-ровъ, высланный Княземъ Михаиломъ, и 2300 Россіянъ, которые въ первый разъ увидѣли себя подъ одними знаменами съ Шведами и наемни-ками ихъ, Французами, Англичанами, Шотланд-

цами, Нѣмцами и Нидерландцами. Сіи 5000 разноземцевъ, большею частію людей безъ отечества и нравственности, исполненныхъ любви не къ ратной чести, а къ низкой корысти, шли спасать преемника Монарховъ, ославленныхъ въ Европѣ и въ Азіи несмѣтными ихъ силами! Союзникамъ указали станъ близъ Новагорода, куда звали Делагарди и Генераловъ его для свиданія съ Княземъ Шуйскимъ . . .

Тамъ сіи два Полководца, оба юные, привѣтствовали другъ друга съ ласкою, съ уваженіемъ взаимнымъ. «Князь Михаилъ» — пишетъ современный Шведскій Историкъ ([376]) — «имѣлъ 23 «года отъ рожденія, прекрасную душу, умъ не «по лѣтамъ зрѣлый, наружность, осанку пріятную, искусство въ битвахъ и въ обхожденіи съ «иноземнымъ войскомъ. Делагарди сказалъ ему, «что Королю извѣстны всѣ ухищренія Ляховъ; «что онъ прислалъ рать и готовитъ еще сильнѣйшую для вспоможенія Россіи, желая благодѣйствія Царю и народу ея, а врагамъ ихъ желая гибели. Князь Михаилъ, кланяясь, опу«стилъ руку до земли; изъявлялъ благодарность; «увѣрялъ, что Россія усердна къ Царю и вол«нуема только малымъ числомъ измѣнниковъ, «коихъ легко одолѣть единодушнымъ дѣйствіемъ «союзниковъ! Разсуждали, какъ дѣйствовать, и «съ чего начать. Делагарди требовалъ впередъ «жалованья войску: Князь Шуйскій обѣщалъ «немедленно выдать 8000 рублей, 5000 деньгами «и 3000 соболями; утвердилъ (4 Апрѣля) Вы-

«боргскій договоръ, и самъ проводилъ Дела«гарди до воротъ крѣпости.»

Грязи и разлитіе рѣкъ мѣшали походу. Шведскій Военачальникъ хотѣлъ ждать просухи, и для безопаснаго сообщенія съ Ливоніею и Финляндіею, заняться прежде всего осадою Копорья, Иванягорода и Ямы, гдѣ царствовала измѣна: Князь Михаилъ имѣлъ другую мысль. Еще до прибытія Шведовъ, Воевода Осининъ ходилъ изъ Новагорода съ Дѣтьми Боярскими и Козаками къ мятежному Пскову, разбилъ тамошнихъ злодѣевъ въ полѣ и надѣялся взять городъ (377); но Скопинъ велѣлъ ему возвратиться, чтобы не тратить времени въ предпріятіяхъ частныхъ, и склонилъ Делагарди немедленно итти къ Москвѣ. Воевода Чулковъ и Шведскій Генералъ Эвертъ Горнъ вступили въ Русу, гнали измѣнниковъ и Ляховъ до уѣзда Торопецкаго, одержали (25 Апрѣля) побѣду надъ Керносицкимъ въ селѣ Каменкахъ, взяли 9 пушекъ, знамена и плѣнниковъ (378). Порховъ, Торопецъ сдалися мирно — и Торжекъ другому Воеводѣ, Чоглокову. Узнавъ, что Панъ Зборовскій и Князь Григорій Шаховскій (379) съ тремя тысячами измѣнниковъ и Ляховъ идутъ изъ Твери на Чоглокова, Князь Михаилъ отрядилъ туда Головина и Горна: имѣя не болѣе двухъ тысячь воиновъ, они сразились съ непріятелемъ; Чоглоковъ сдѣлалъ вылазку, и Зборовскій, послѣ дѣла кровопролитнаго, отступилъ къ Твери.

Самъ Князь Михаилъ, отпѣвъ молебенъ въ

Софійскомъ храмѣ, исполненномъ древнихъ знаменитыхъ воспоминаній, вывелъ (10 Мая) главную рать. Новгородъ, нѣкогда *Великій*, столь многолюдный и воинственный, далъ ему все, что могъ: тысячи двѣ подвижниковъ неопытныхъ (380)! Но войско Россійское усилилось въ Торжкѣ (24 Іюня) новыми дружинами: Князь Борятинскій, Воевода усердный и мужественный, привелъ туда 3000 Дѣтей Боярскихъ и земледѣльцевъ изъ Смоленскихъ Уѣздовъ, смиривъ на пути Дорогобужъ и Вязьму (381). Союзники спѣшили къ Твери: тамъ засѣли Зборовскій и Керносицкій, бывъ подкрѣплены Тушинскимъ войскомъ. Ляхи и Россійскіе измѣнники вышли изъ города и сразились мужественно, во время сильнаго дождя, который препятствовалъ дѣйствію пальбы: непріятель, ударивъ съ копьями на лѣвое крыло Шведовъ, обратилъ Французовъ въ бѣгство; Нѣмцы, Финляндцы, Россіяне также дали тылъ, — и хотя правое крыло, гдѣ начальствовалъ Делагарди, имѣло выгоду и втѣснило Ляховъ въ городъ; хотя самъ Воевода Зборовскій раненый едва спасся отъ плѣна: но союзники отступили. Дождь лилъ цѣлыя сутки. Въ слѣдующую ночь, когда Ляхи безпечно спали въ Острогѣ, Князь Михаилъ тихо приближился, напалъ и взялъ его безъ урона: восходящее солнце освѣтило тамъ Царскія хоругви и кучи непріятельскихъ тѣлъ (382). Юный Полководецъ Россійскій обнялъ Делагарди съ живѣйшимъ чувствомъ признательно-

сти за мужество Шведовъ ([383]), которые хотѣли вломиться и въ городъ, гдѣ остальные измѣнники и Ляхи заключились; но Князь Михаилъ, жалѣя людей, велѣлъ прекратить сѣчу кровопролитную и не нужную: ибо угадывалъ, что непріятель, уже слабый, или мирно сдастся на договоръ или бѣжитъ. Чреъ нѣсколько часовъ дѣйствительно Ляхи и клевреты ихъ ушли изъ Твери, до половины сожженной и наполненной трупами ([384]). Такимъ образомъ Князь Михаилъ въ два мѣсяца очистилъ всѣ мѣста отъ Новогородскихъ до Московскихъ предѣловъ; думалъ скоро освободить и Москву, надѣясь на ужасъ непріятелей и содѣйствіе войска Царскаго. Доселѣ онъ могъ быть доволенъ Шведами. Карлъ IX писалъ къ нашему Духовенству, Боярамъ, Дворянамъ и купцамъ ([385]), что онъ готовъ всѣми силами дѣйствовать для защиты ихъ *древней Греческой вѣры, вольности и льготы*, — для истребленія Польской сволочи и бродягъ, жалуемыхъ ею въ Цари съ умысломъ изгубить знатнѣйшіе роды, цвѣтъ и славу нашего отечества ([386]). Делагарди уклонялся отъ всякаго сношенія съ Ляхами, и въ отвѣтъ на дружелюбную, лукавую грамоту Зборовскаго, писанную изъ Твери (11 Іюня) къ Шведскимъ Генераламъ о правахъ мнимаго Димитрія, сказалъ: «мое дѣло воевать, а не разсуждать съ вами о Димитріяхъ» ([387]). Тщетно и лазутчики Зборовскаго старались возмутить союзное войско: ихъ ловили и казнили. Но чего не произвело обольщеніе, то произвела буй-

ность. Оставивъ Тверь и Шведовъ позади себя, Князь Михаилъ шелъ къ столицѣ и свѣдалъ въ Городнѣ, что союзники идутъ не за нимъ, а назадъ къ Новугороду! Сія неожидаемая измѣна была слѣдствіемъ мятежа. Выступивъ изъ Твери, Финляндцы первые объявили своему Генералу, что не хотятъ итти въ глубину Россіи на вѣрную гибель; что имъ не выдано полнаго жалованья: что вѣроломство Московскаго народа всѣмъ извѣстно; что жены и дѣти ихъ безъ защиты дома ([388]). Французы, Нѣмцы, наконецъ и Шведы также взволновались; не слушались Генераловъ; бросили знамена. Делагарди обнажилъ мечь, грозилъ — и долженъ былъ уступить мятежникамъ, чтобы не остаться Военачальникомъ безъ войска: онъ самъ повелъ ихъ къ Шведской границѣ ([389]), для прикрытія бунта жалуясь, что Россіяне не исполняютъ договора: не сдаютъ Кексгольма и не платятъ обѣщанныхъ денегъ. Изумленный Князь Михаилъ спѣшилъ удержать союзниковъ нужныхъ, хотя и ненадежныхъ, и послалъ къ нимъ Ододурова съ убѣжденіемъ не измѣнять чести, не срамить имени Шведскаго, не выдавать друзей, въ то время, когда непріятель, болѣе раздраженный, нежели ослабленный, готовится къ рѣшительному дѣлу. Сіи представленія и серебро, врученное наемникамъ корыстолюбивымъ, ихъ усовѣстили: Генералъ Зоме съ частію пѣхоты и конницы возвратился къ Князю Михаилу наканунѣ величайшей для него опасности и сла-

ны ([390]). Здѣсь подвиги юнаго Героя уже связуются съ происшествіями знаменитой Троицкой осады.

Еще Сапѣга стоялъ подъ Лаврою ([391]): разсылалъ отряды, занималъ или жегъ города, обуздывалъ или каралъ жителей, мѣшалъ сообщенію Москвы съ Востокомъ и Сѣверомъ Россіи, и подкрѣплялъ Зборовскаго, чтобы отразить Шведовъ. Между тѣмъ слухъ о движеніяхъ Скопина и Шереметева уже достигъ Лавры ([392]): защитники ея ждали слѣдствій, надѣялись, и вдругъ увидѣли необычайное волненіе въ непріятельскомъ станѣ: Зборовскій прибѣжалъ туда съ остаткомъ разсѣяннаго войска ([393]) и съ вѣстію, что Тверь уже взята союзниками; прибѣжали и многіе измѣнники, Дворяне, Дѣти Боярскіе, которые измѣною хотѣли единственно избавить свои помѣстья отъ грабежа, не думая служить Царику Тушинскому, и до того времени жили въ нихъ спокойно, но не дерзнули ждать Князя Михаила ([394]). Всѣ отряды возвратились къ Сапѣгѣ: Лжедимитрій усилилъ его и частію Тушинской рати, велѣвъ ему итти противъ Скопина и Шведовъ. Ляхи, какъ обыкновенно, готовились къ битвѣ шумными играми, пили, веселились, и дали знать Троицкому Воеводѣ Долгорукому, что они торжествуютъ побѣды; что Шведы истреблены, а Скопинъ и Шереметевъ сдалися. Ихъ не слушали. Тогда подъѣхали къ стѣнамъ два человѣка, нѣкогда знаменитые на степени мужей государственныхъ: Бояринъ Сал-

тыковъ (изгнанный изъ Орѣшка успѣхами Князя Михаила) и Думный Дьякъ Грамотинъ ([395]): оба увѣряли, что междоусобная война уже прекратилась въ Россіи; что Москва встрѣчаетъ Димитрія, и Шуйскій съ Синклитомъ въ его рукахъ. Клевреты ихъ, Дворяне измѣнники, утверждали тоже, прибавляя: «Не мы ли были съ «Шереметевымъ, а теперь служимъ Димитрію? «Кого еще ждете? Все у ногъ Іоаннова сына— «и если одни будете противиться, то немед«ленно увидите здѣсь Царя гнѣвнаго со всѣмъ «Литовскимъ войскомъ, Скопинымъ и Шереме«тевымъ, для казни вашего ослушанія.» Имъ отвѣтствовали единогласно, люди умные и простые (какъ говоритъ Лѣтописецъ): «Всевышній «съ нами, и никого не боимся. Хотите ли, что«бы мы вамъ вѣрили? скажите, что Князь Ми«хаилъ подъ Тверію тѣлами Литовскими и ва«шими сравнялъ Волгу съ берегами и напиталъ «звѣрей плотоядныхъ: не усомнимся и восхва«лимъ Бога! Ложь не побѣда: идите съ мечемъ на мечь, и Господь разсудитъ виновнаго съ пра«вымъ!» Такъ еще мужались сіи Герои вѣрности, числомъ уже не болѣе двухъ сотъ ([396]). Сапѣга не могъ медлить, однакожь дозволилъ Зборовскому съ его дружинами еще приступить къ стѣнамъ Обители, которую сей гордый Ляхъ, шутя надъ нимъ и Лисовскимъ, уподоблялъ *лукну* и *гнѣзду воронъ* ([397]). Зборовскій приступилъ ночью, стрѣлялъ, убилъ одну женщину на стѣнѣ, и ничего болѣе не сдѣлавъ, удалился. Въ

роятно, что непріятель хотѣлъ въ сію ночь не взять, а только устрашить Лавру для своей безопасности: Сапѣга спѣшилъ къ берегамъ Волги, ввѣривъ облежаніе монастыря и храненіе стана Козакамъ, Россійскимъ измѣнникамъ и не многимъ Ляхамъ.

Не зная, что дѣлается въ Москвѣ, но зная, что вся Россія полунощная, отъ Углича до Бѣлаго моря и Перми, уже снова вѣрна Царю, Князь Михаилъ, исполненный надежды, но тѣмъ болѣе осторожный, послалъ, для вѣстей къ столицѣ, чиновника Безобразова (308), а самъ, не дерзая итти впередъ съ малыми силами, двинулся влѣво по теченію Волги, къ монастырю Колязину, для удобнаго сообщенія съ Ярославлемъ, богатымъ и многолюднымъ. Туда прибылъ къ нему Царскій Дворянинъ Волуевъ, умертвитель Отрепьева (399), сказывая, что Москва цѣла и Василій еще державствуетъ. Царь писалъ къ Михаилу: «Слышимъ о твоемъ великомъ радѣніи, и славимъ Бога. Когда ужасомъ или побѣдою избавишь Государство, то какой хвалы сподобишься «отъ насъ и добрыхъ Россіянъ! какого веселія «исполнишь сердца ихъ! Имя твое и дѣло будутъ памятны во вѣки вѣковъ не только въ «нашей, но и во всѣхъ Державахъ окрестныхъ. «А мы на тебя надежны, какъ на свою душу» (400). — За вѣстію радостною слѣдовала другая: Сапѣга, Зборовскій, Лисовскій и Лжедимитріевъ Атаманъ Заруцкій находились уже близъ Колязина, въ селѣ Пироговѣ (401). Имѣя

едва ли тысячь десять собственныхъ воиновъ и не болѣе тысячи Шведовъ, приведенныхъ къ нему Генераломъ Зоме (402), Князь Михаилъ рѣшился однакожь встрѣтить непріятеля, хотя и гораздо сильнѣйшаго. Передовыя рати сошлися на топкихъ берегахъ Жабны: чиновники Головинъ, Борятинскій, Волуевъ и Жеребцовъ отличились мужествомъ; втоптали непріятеля въ болота, и дали время Князю Михаилу изготовиться, занять мѣста выгодныя, распорядить движенія. Сапѣга напалъ стремительно, съ громкимъ воплемъ: Россіяне и Шведы стояли твердо, и сами нападали, гдѣ слабѣлъ непріятель. Пальба и сѣча продолжались нѣсколько часовъ. На закатѣ солнца вѣрные Россіяне, призывая имя Св. Макарія Колязинскаго, двинулись впередъ такъ дружно и сильно, что утомленные Ляхи не могли удержать мѣста битвы; ихъ тѣснили до Рябова монастыря, и Князь Михаилъ вступилъ въ Колязинъ съ плѣнниками и трофеями (403), не хваляся побѣдою, но хваля единодушную доблесть своихъ и Шведовъ, въ надеждѣ на успѣхи будущіе и важнѣйшіе. Онъ не гналъ Ляховъ и не мѣшалъ имъ возвратиться къ постыдной для нихъ осадѣ Троицкой, готовясь быть избавителемъ и Лавры и Москвы, — и Россіи, если бы Небо оставило ей сего Героя-юношу!

Тамъ, на берегу Волги, въ пустынныхъ келліяхъ Св. Макарія, Князь Михаилъ, оглашаемый церковнымъ пѣніемъ Иноковъ и звукомъ трубъ воинскихъ, какъ Геній отечества, не-

усыпно бодрствовалъ день и ночь для спасенія Царства; сносился съ городами сѣверными, принималъ отъ нихъ дары, казну и воиновъ ([404]); поручилъ Генералу Зоме устроеніе дружинъ, образованіе людей неопытныхъ въ ратномъ дѣлѣ, и нетерпѣливо ждалъ всѣхъ Шведовъ для дальнѣйшихъ предпріятій. Но Делагарди, увлеченный новымъ бунтомъ войска, опять шелъ къ границѣ ([405]): Послы Скопина настигли его въ Крестцахъ; заплатили ему 6000 рублей деньгами, 5000 рублей соболями ([406]), и Князь Михаилъ взялъ на себя, безъ утвержденія Царскаго, отдать Кексгольмъ Шведамъ. Въ сихъ переговорахъ миновало недѣль шесть: Делагарди пошелъ наконецъ къ Колязину, гдѣ Князь Михаилъ, нетревожимый измѣнниками и Ляхами, усиливался ежедневно.

Видя предъ собою Москву неодолимую, вокругъ себя города уже непріятельскіе, пепелища, лѣса, пустыни, въ коихъ изгнанные жители, воспламененные злобою, стерегли, истребляли Ляховъ малочисленныхъ въ ихъ разъѣздахъ — будучи съ Сѣвера угрожаемъ Княземъ Михаиломъ, съ Востока Шереметевымъ, Лжедимитрій еще мыслилъ однимъ ударомъ кончить войну; взять силою, чего долго и тщетно ждалъ отъ измѣны и голода: взять Москву вмѣстѣ съ Царемъ и Царствомъ. Въ сей надеждѣ утвердилъ его Панъ Бобовскій, который, прибывъ къ нему тогда изъ Литвы съ дружиною удальцевъ, винилъ Рожинскаго въ слабости духа, увѣряя,

Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ.

что Москва спасается единственно бездѣйствіемъ Тушинскаго войска и неминуемо падетъ отъ перваго дружнаго приступа. Лжедимитрій далъ ему нѣсколько полковъ: хваляся напередъ дѣломъ славнымъ, Бобовскій устремился къ городу; но Царскіе Воеводы не допустили его и до предмѣстія: вышли, напали, разбили — и Москва торжествовала свою первую блестящую побѣду; а скоро и вторую, еще важнѣйшую, надъ всею Тушинскою силою ([407]). Самъ Лжедимитрій, Гетманъ Рожинскій, Атаманъ Заруцкій, всѣ знатные измѣнники и Бояре вели дружины на приступъ (въ день Троицы), и хотѣли сжечь Деревянный городъ; но Василій успѣлъ выслать войско съ Княземъ Дмитріемъ Шуйскимъ. Непріятель быстрымъ движеніемъ вломился въ средину Царскихъ полковъ, смялъ конницу и замѣшалъ пѣхоту: тутъ съ одной стороны Воевода Князь Иванъ Куракинъ, съ другой Князья Андрей Голицынъ и Борисъ Лыковъ, уже извѣстные достоинствами ратными ([408]), напали на измѣнников и Ляховъ. Зачался бой, въ коемъ, по увѣренію Лѣтописца, Московскіе воины превзошли себя въ блестящемъ мужествѣ, сражаясь, какъ еще не сражались дотолѣ съ Тушинскими злодѣями; одолѣли, гнали ихъ до Ходынки и взяли 700 плѣнниковъ. Ужасъ непріятеля былъ такъ великъ, что

Побѣда Царскаго войска.

бѣглецы не удержались бы и въ Тушинѣ, если бы побѣдители, слишкомъ умѣренные, не остановились на Ходынкѣ. Однимъ словомъ, Москвитяне сами дивились своей храбрости, вселенной въ нихъ счастливыми вѣстями о возстаніи Сѣверной Россіи, объ успѣхахъ Князя Михаила и войска Низоваго, коего чиновникъ, Дворянинъ Соловой, прибылъ тогда къ Царю съ донесеніемъ Шереметева (409). Сей Бояринъ вездѣ истреблялъ непріятеля и власть Лжедимитрія, отъ Казани до Нижняго Новагорода; близъ Юрьевца побилъ на голову Лисовскаго, отряженнаго Сапѣгою для усмиренія Костромской области (410); мирно вступилъ въ Муромъ, и взявъ Касимовъ, освободилъ тамъ многихъ вѣрныхъ Россіянъ, заключенныхъ измѣнниками. Довольный его службою, но не довольный медленностію, Царь послалъ къ нему Князя Прозоровскаго съ милостивымъ словомъ и съ указомъ спѣшить къ Москвѣ (411). Въ тоже время древняя столица Боголюбскаго обратилась къ закону: жители Владиміра снова присягнули Царю — всѣ, кромѣ Воеводы Вельяминова, ревностнаго слуги Лжедимитріева. Народъ велѣлъ ему исповѣдаться въ церкви, вывелъ его на площадь, объявилъ врагомъ Государства, убилъ каменьемъ, и съ живѣйшимъ усердіемъ принялъ Воеводъ Царскихъ (412).

Уже безъ легкомыслія можно было предаваться надеждѣ. Царство обмана падало: царство закона возстановлялось. Образовались полки вѣр-

15*

ныхъ — стремились къ одной цѣли, къ Москвѣ, почти освобожденной двумя важными успѣхами собственнаго оружія. Народъ опомнился, и радостными кликами привѣтствовалъ знамена любезнаго отечества и Святой Вѣры. Ждали только соединенія силъ, чтобы дружно наступить на гнѣздо злодѣйства, столь долго ужасное Тушино... и вдругъ едва не впали въ новое отчаяніе!

Какъ измѣнники и Ляхи въ явномъ омраченіи ума давали Князю Михаилу спокойно готовить имъ гибель, такъ войско Московское, худо вѣря своимъ побѣдамъ, дало отдохнуть Самозванцу разбитому. Онъ усилился новыми толпами Козаковъ, пришедшихъ изъ Астрахани съ тремя мнимыми Царевичами: Августомъ, *Осиновикомъ* и Лавромъ; первый назывался сыномъ, второй и третій внуками Іоанна Грознаго (413). «Злодѣи рабскаго племени» — говоритъ Лѣтописецъ — «холопи, крестьяне, считая «Россію привольемъ наглыхъ обманщи«ковъ, являлись одинъ за другимъ подъ «именемъ Царевичей, даже небывалыхъ, «и надѣялись властвовать въ ней, какъ «союзники и ближніе Тушинскаго зло«дѣя» (414). Но сами Козаки, отбитые отъ вѣрнаго Саратова Воеводою Замятнею Сабуровымъ, съ досады умертвили Осиновика на берегу Волги: Августа и Лавра велѣлъ повѣсить Лжедимитрій на Москов-

Три Самозванца.

ской дорогѣ, чтобы ихъ казнію засвидѣтельствовать свое небратство съ ними. Въ опасностяхъ не теряя дерзости — еще имѣя тысячь шестьдесятъ или болѣе сподвижниковъ — еще властвуя надъ знатною частію Россіи южной и западной, отъ Тушина до Астрахани (415), предѣловъ Крымскихъ и Литовскихъ — Самозванецъ тревожилъ нападеніями слободы Московскія (416), перехватывалъ обозы на дорогахъ, тѣснилъ Коломну. Воевода его, Дьякъ Млоцкій, побилъ Рязанцевъ, хотѣвшихъ освободить сей городъ, имъ осажденный; а Лисовскій, всегда храбрый, не всегда счастливый, загладилъ свои неудачи важнымъ успѣхомъ. Винимый Царемъ въ медленности, Шереметевъ спѣшилъ изъ Владиміра къ Суздалю, еще непріятельскому, и сталъ на равнинахъ, гдѣ Лисовскій ударомъ конницы смялъ всю его многочисленную, худо устроенную пѣхоту. Легло не малое число Низовыхъ жителей въ битвѣ кровопролитной и безпорядочной (417); съ остальными Шереметевъ бѣжалъ къ Владиміру. Москва узнала о томъ и смутилась. Народъ уже не хотѣлъ вѣрить и побѣдамъ Князя Михаила. Въ сіе время голодъ снова усилился. Житницы Авраміевы истощились (418), и четверть хлѣба опять возвысилась цѣною отъ двухъ до семи рублей. Чернь бунтовала; съ шумомъ стремилась въ Кремль; осаж-

Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы.

Новый мятежъ

въ Москвѣ.

дала дворецъ; кричала: «хлѣба! хлѣба! «или да здравствуетъ Тушинскій!»... Но въ часъ величайшаго волненія явился Безобразовъ съ дружиною ([419]): сквозь разъѣзды непріятельскіе онъ благополучно достигъ Москвы, и вручилъ Царю письмо отъ Князя Михаила; а Царь велѣлъ читать оное всенародно, при звукѣ колоколовъ и пѣніи благодарственнаго молебна во всѣхъ церквахъ. Князь Михаилъ писалъ, что Богъ ему помогаетъ. Исчезло отчаяніе, сомнѣнія и мятежъ. Надежда на скорое избавленіе уменшила и дороговизну съ голодомъ. Новыя вѣсти еще болѣе обрадовали Москву. . . . .

Ожидая Делагарди, Князь Михаилъ хотѣлъ выгнать непріятеля изъ Переславля Залѣсскаго, чтобы безпрепятственно сноситься съ Шереметевымъ и Низовыми областями. Головинъ, Волуевъ и Зоме (1 Сентября) ночью взяли сей городъ, убивъ 500 человѣкъ и плѣнивъ 150 шляхтичей Сапѣгиной рати ([420]). 16 Сентября пришелъ наконецъ и Делагарди. Казна, доставленная Скопину усердіемъ городовъ, дала ему средство удовлетворить вполнѣ корыстолюбію Шведовъ: имъ заплатили 15,000 рублей мѣхами, и тѣмъ оживили ихъ ревность ([421]). Полководцы, оба юные и пылкіе духомъ, служили примѣромъ искренняго братства для воиновъ. 26 Сентября

Князь Михаилъ и Делагарди двинулись впередъ; оставили въ Переславлѣ сильную дружину и шли далѣе на Югъ; встрѣтили, гнали малочисленныхъ Ляховъ, и заняли Александровскую Слободу, прославленную Іоанномъ. Тамъ все еще напоминало его время: дворецъ, пять богатыхъ храмовъ (422), чистые пруды, глубокіе рвы и высокія стѣны, гдѣ Грозный искалъ безопаснаго убѣжища отъ Россіи и совѣсти. Мѣсто ужасовъ обратилось въ мѣсто надежды и спасенія. Тамъ Михаилъ остановился; велѣлъ немедленно дѣлать новыя деревянныя укрѣпленія, выслалъ разъѣзды на дороги, открылъ сообщеніе съ Москвою и ежедневно писалъ къ Царю, чтобы условиться съ нимъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Москва ожила изобиліемъ (423). Уже съ трехъ сторонъ везли къ ней запасы: изъ Переславля, Владиміра и Коломны: ибо Ляхъ Млоцкій, свѣдавъ о вступленіи союзниковъ въ Александровскую Слободу, удалился къ Серпухову (424). Уже Князь Михаилъ имѣлъ 18,000 воиновъ кромѣ Шведовъ; но зная, что къ нему идутъ новыя дружины изъ городовъ сѣверныхъ, хотѣлъ до времени только отражать непріятеля.

Слобода Александровская.

Между тѣмъ изнуренная Лавра, все еще осаждаемая Сапѣгою, простирала руки къ избавителю. Горсть ея неутомимыхъ вои-

телей еще уменьшилась въ новыхъ дѣлахъ кровопролитныхъ ([425]), хотя и счастливыхъ. Узнавъ о Колязинской побѣдѣ, они торжествовали ее дерзкими вылазками, били измѣнниковъ и Ляховъ, отнимали у нихъ запасы и стада. Князь Михаилъ далъ чиновнику Жеребцову 900 воиновъ, и велѣлъ силою или хитростію проникнуть въ Лавру: Жеребцовъ обманулъ непріятеля, и, къ радости ея защитниковъ, безъ боя соединился съ ними.

Тогда, встревоженный близостію Князя Михаила и Шведовъ, Сапѣга (18 Октября) съ 4000 Ляховъ вышелъ изъ Троицкаго стана, чтобы узнать ихъ силу; встрѣтилъ передовую дружину Россіянъ въ селѣ Коринскомъ и гналъ ее до укрѣпленій Слободы ([426]). Тутъ было жаркое дѣло. Начали Шведы, кончили Россіяне: Сапѣга уступилъ, если не мужеству, то числу превосходному — и возвратился къ своей безконечной осадѣ, какъ бы все еще надѣясь взять Лавру! Но онъ самъ находился уже едва не въ осадѣ: разъѣзды, высылаемые Княземъ Михаиломъ изъ Слободы, Шереметевымъ изъ Владиміра и Царемъ изъ Москвы, прерывали сообщенія измѣнниковъ и Ляховъ между Лаврою и Тушинымъ; не пускали къ нимъ ни гонцевъ, ни хлѣба, портили дороги, дѣлали засѣки ([427]). Къ счастію Князя Михаила, главные Вожди

Побѣда надъ Сапѣгою.

Польскіе, Гетманъ Рожинскій и Сапѣга, оба гордые, властолюбивые, не могли быть единодушными: видя его опасное наступленіе, съѣхались для совѣта и разстались въ жаркой ссорѣ, чтобы дѣйствовать независимо другъ отъ друга: Гетманъ ускакалъ назадъ въ Тушино, а Сапѣга возобновилъ безполезные приступы къ Лаврѣ (428), почти въ глазахъ Князя Михаила, коего войско умножалось.

Уже слобода Александровская какъ бы представляла Россію и затмѣвала Москву своею важностію. Туда стремились взоры и сердца сыновъ отечества; туда и воины, толпами и порознь, конные и пѣшіе, не многіе въ доспѣхахъ, всѣ съ мечемъ или копіемъ и съ ревностію. Новыя дружины изъ Ярославля (429), Бояринъ Шереметевъ изъ Владиміра съ Низовою ратію, Князья Иванъ Куракинъ и Лыковъ изъ Москвы съ полками Царскими присоединились къ Князю Михаилу. Ждали и сильнѣйшаго вспоможенія отъ Карла IX: Делагарди писалъ къ нему, что должно побѣдить Сигизмунда не въ Ливоніи, а въ Россіи (430). Все благопріятствовало юному Герою: довѣренность Царя и союзниковъ, усердіе и единодушіе своихъ, смятеніе и раздоръ непріятелей. Наконецъ Россіяне видѣли, чего уже давно не видали: умъ, муже- Любовь къ Кня-

зю Михаилу.

ство, добродѣтель и счастіе въ одномъ лицѣ; видѣли мужа великаго въ прекрасномъ юношѣ, и славили его съ любовію, которая столь долго была жаждою, потребностію неудовлетворяемою ихъ сердца, и нашла предметъ столь чистый. Но сія любовь, способствуя успѣху великаго дѣла, избавленію отечества, имѣла и несчастное слѣдствіе.

Князь Михаилъ служилъ Царю и Царству по закону и совѣсти, безъ всякихъ намѣреній властолюбія, въ невинной, смиренной душѣ едва ли плѣняясь и славою: не такъ мыслили за него другіе, уже съ бѣдственнымъ навыкомъ къ перемѣнамъ, низверженіямъ и беззаконіямъ. Многимъ казалось, что если Богъ возстановитъ Россію, то, она въ награду за свои великодушныя усилія должна имѣть Царя лучшаго, не Василія, который предалъ Государство разбойникамъ, сравнялъ Москву съ Тушинымъ, и едва, на главѣ слабой, удерживаетъ вѣнецъ, срываемый съ него буйною чернію (431); а мысль о новомъ Царѣ была мыслію о Князѣ Михаилѣ — и человѣкъ, сильный духомъ, дерзнулъ всенародно изъявить оную. Тотъ, кто господствомъ ума своего рѣшилъ судьбу перваго бунта, способствовалъ успѣхамъ и гибели опаснаго Болотникова (432), измѣнилъ Василію и загладилъ измѣну

важными услугами,—не только не присталъ ко второму Лжедимитрію, но и не далъ ему Рязани — Думный Дворянинъ Ляпуновъ вдругъ, и торжественно, именемъ Россіи, предложилъ Царство Скопину, называя его въ льстивомъ письмѣ единымъ достойнымъ вѣнца, а Василія осыпая укоризнами ([433]). Сію грамоту вручили Князю Михаилу Послы Рязанскіе: не дочитавъ, онъ изодралъ ее, велѣлъ схватить ихъ, какъ мятежниковъ и представить Царю. Послы упали на колѣна, обливались слезами, винили одного Ляпунова, клялися въ вѣрности къ Василію. Еще болѣе милосердый, нежели строгій, Князь Михаилъ дозволилъ имъ мирно возвратиться въ Рязань, надѣясь, можетъ быть, образумить ея дерзкаго Воеводу и сохранить въ немъ знаменитаго слугу для отечества. Онъ сохранилъ Ляпунова, но не спасъ себя отъ клеветы: сказали Василію, что Скопинъ съ удивительнымъ великодушіемъ милуетъ злодѣевъ, которые предлагаютъ ему измѣну и Царство. Подозрѣніе гибельное уязвило Василіево сердце; но еще имѣли нужду въ Героѣ, и злоба таилась.

Предлагаютъ вѣнецъ Герою.

Еще, не взирая на близость спасенія, Москва тревожилась нѣкоторыми удачами и дерзостію непріятеля. Млоцкій въ набѣгахъ своихъ изъ Серпухова грабилъ обозы

Разбой. между Коломною и столицею. Тамъ же явились многочисленныя толпы разбойниковъ съ Атаманомъ Салковымъ, Хатунскимъ крестьяниномъ; присоединились къ Млоцкому и побили Воеводу, Князя Литвинова-Мосальскаго, высланнаго Царемъ очистить Коломенскую дорогу; а на Слободской злодѣйствовалъ измѣнникъ Князь Петръ Урусовъ съ шайками Татаръ Юртовскихъ (434). Цѣна хлѣба снова возвысилась въ Москвѣ; открылася даже и нечаянная измѣна. Царскій Атаманъ Гороховый, будучи съ Козаками и Дѣтьми Боярскими въ Красномъ селѣ на стражѣ, ночью впустилъ въ него отрядъ Лжедимитріевъ: вѣрные Дѣти Боярскіе имѣли время спастися; а Козаки передались къ Самозванцу, выжгли Красное село и бѣжали въ Тушино. Въ другую ночь такіе же измѣнники подвели непріятеля, выше Неглинной, къ Деревянному Городу и зажгли стѣны; но Москвитяне, отбивъ злодѣевъ, утушили огонь. — Между тѣмъ разбойникъ Салковъ, въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, одержалъ верхъ надъ Воеводою Московскимъ, Сукинымъ, и занялъ Владимірскую дорогу. Надлежало избрать лучшаго Стратига, чтобы одолѣть сего втораго Хлопка (435): выступилъ Князь Димитрій Пожарскій, уже знаменитый, — встрѣтилъ на берегахъ Пехорки и совершенно

Пожарскій.

истребилъ его злую шайку; осталося только тридцать человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ ихъ Атаманомъ, дерзнули явиться въ Москвѣ съ повинною! Другіе отряды Царскіе прогнали Млоцкаго къ Можайску. — Изъ Слободы Князья Лыковъ и Барятинскій, съ Россіянами и Шведами, ходили къ Суздалю и думали взять его незапно, въ темную ночь: тамъ бодрствовалъ Лисовскій и встрѣтилъ ихъ неустрашимо: они уклонились отъ битвы (436).

Осада Смоленска.

Въ то время, когда Князь Михаилъ, умножая, образуя войско, и щитомъ своимъ уже прикрывая вмѣстѣ и Лавру и столицу, готовился дѣйствовать наступательно — когда Москва, долго отлученная отъ Россіи, снова соединялась съ нею, какъ глава съ тѣломъ, видя вокругъ себя уже не многіе города подъ знаменами Лжедимитрія — въ то время новый непріятель, не съ шайками бродягъ и разбойниковъ, но съ войскомъ стройнымъ, съ предводителями искусными, съ силами цѣлой, знаменитой Державы, находился въ нѣдрахъ Россіи и дѣлалъ, что ему угодно, какъ бы не возбуждая ни малѣйшаго вниманія ни въ Москвѣ, ни въ станѣ Александровскомъ!... Обращаемся къ Сигизмунду (437). Василій не противился его вступленію въ наше Княжество Смоленское, ибо не имѣлъ силъ противиться: оказалось, что сіе вѣролом-

ное нападеніе было для Василія лучшимъ средствомъ избавиться отъ врага опаснѣйшаго и ближайшаго.

Вѣря слухамъ, что жители Смоленска нетерпѣливо ждутъ Сигизмунда какъ избавителя, онъ (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ) подступилъ къ сей древней столицѣ Княжества Мономахова съ двѣнадцатью тысячами отборныхъ всадниковъ, пѣхотою Нѣмецкою, Литовскими Татарами и десятью тысячами Козаковъ Запорожскихъ ([438]); расположился станомъ на берегу Днѣпра, между монастырями Троицкимъ, Спасскимъ, Борисоглѣбскимъ ([439]), и послалъ Универсалъ или манифестъ къ гражданамъ, объявляя, что Богъ казнитъ Россію за Годунова и *другихъ* властолюбцевъ, которые беззаконно въ ней царствовали и царствуютъ, воспаляя междоусобіе, и призывая иноплеменниковъ терзать ея нѣдра; что Шведы хотятъ овладѣть Московскимъ Государствомъ, истребить Вѣру православную и дать намъ свою ложную; что многіе Россіяне тайными письмами убѣждали его (Сигизмунда), Вѣнценосца истинно Христіанскаго, брата и союзника ихъ Царей законныхъ, спасти отечество и Церковь; что онъ, движимый любовію, единственно снисходя къ такому слезному моленію, идетъ съ войскомъ и съ помощію Богоматери избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей; что жители Смоленска, въ знакъ душевной радости, должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью ([440]). За мирное подданство Сигиз-

мундъ обѣщалъ имъ новыя права и милости; за упрямство грозилъ огнемъ и мечемъ. На сію пышную грамоту отвѣтствовали словесно Воеводы, Бояринъ Шеинъ и Князь Горчаковъ, Архіепископъ Сергій, люди служивые и народъ: «мы въ храмѣ Богоматери дали обѣтъ не измѣ«нять Государю нашему, Василію Іоанновичу, «а тебѣ, Литовскому Королю, и твоимъ Панамъ «не раболѣпствовать во вѣки» (441). Пославъ Сигизмундову грамоту въ Москву, они писали къ Царю: «Не оставь сиротъ твоихъ въ край«ности. Людей ратныхъ у насъ мало. Жители «уѣздные не хотѣли къ намъ присоединиться: «ибо Король обманываетъ ихъ вольностію; но «мы будемъ стоять усердно.» Воеводы совѣтовались съ Дворянами и гражданами; выжгли посады и слободы; заключились въ крѣпости и выдержали осаду, если не знаменитѣйшую Псковской или Троицкой, то еще долговременнѣйшую и равно блистательную въ лѣтописяхъ нашей воинской славы.

Видя, что Смоленскъ надобно взять не краснорѣчіемъ, а силою, Король велѣлъ громить стѣны пушками; но ядра или не достигали вершины косогора, гдѣ стоитъ крѣпость, или безвредно падали къ подножію ея высокихъ, твердыхъ башенъ, воздвигнутыхъ Годуновымъ; а пальба осажденныхъ, гораздо дѣйствительнѣйшая, выгнала Ляховъ изъ монастыря Спасскаго. Зная, вѣроятно, что въ крѣпости болѣе женъ и дѣтей, нежели воиновъ, Сигизмундъ

рѣшился на приступъ: 23 Сентября, за два часа до свѣта, Ляхи подкрались къ стѣнѣ, и разбили петардою Авраамовскія ворота; но не могли вломиться въ крѣпость ([442]). 26 Сентября, также ночью, взяли острогъ Пятницкаго Конца; а въ слѣдующую ночь всѣми силами приступили къ Большимъ воротамъ: тутъ было дѣло кровопролитное, счастливое для осажденныхъ, и непріятель, вездѣ отбитый, съ того времени уже не выходилъ изъ стана; только стрѣлялъ день и ночь въ городъ, напрасно желая проломить стѣну, и велъ подкопы безполезные: ибо Россіяне, имѣя *слухи* ([443]) или ходы въ глубинѣ земли, всегда узнавали мѣсто сей тайной работы, сами дѣлали подкопы и взрывали непріятельскіе съ людьми на воздухъ ([444]). Историки Польскіе отдаютъ справедливость мужеству и разуму Шеина, также и блестящей смѣлости его сподвижниковъ, сказывая, что однажды, среди бѣлаго дня, шесть воиновъ Смоленскихъ приплыли въ лодкѣ къ стану Маршала Дорогостайскаго, схватили знамя Литовское и возвратились съ нимъ въ крѣпость. — Наступала зима. Сигизмундъ, упрямствомъ подобный Баторію, хотѣлъ непремѣнно завоевать Смоленскъ; терялъ время и людей въ праздной осадѣ, и думая свергнуть Шуйскаго, губилъ Самозванца!

Сигиз- Вѣсть о вступленіи Сигизмундовомъ въ

Россію встревожила не столько Москву, сколько Тушино, гдѣ скоро узнали, что шайки Запорожцевъ, служа Королю, берутъ города его именемъ, и что Путивль, Черниговъ, Брянскъ, вмѣстѣ съ иными областями Сѣверскими, волею или неволею ему покорились, измѣнивъ Лжедимитрію (445). «Чего хочетъ Сигизмундъ?» говорили Тушинскіе и Сапѣгины Ляхи съ негодованіемъ: «лишить насъ славы и воз«мездія за труды; взять даромъ, что мы «въ два года пріобрѣли своею кровію и «побѣдами! Сѣверская земля есть наша «собственность: изъ ея доходовъ Димитрій «обѣщалъ платить намъ жалованье — и «кто же въ ней теперь властвуетъ? новые «пришельцы, богатѣя грабежемъ; а мы «остаемся въ бѣдности, съ одними ранами!» Такъ говорили чиновники и Дворяне: Воеводы же главные негодовали еще сильнѣе; лишаясь надежды раздѣлить съ Лжедимитріемъ всѣ богатства Державы Россійской, и привыкнувъ видѣть въ немъ не властителя, а клеврета, не могли спокойно воображать себя подъ знаменами Республики наравнѣ съ другими Воеводами Королевскими (446). Сапѣга колебался: Рожинскій дѣйствовалъ, и заключилъ съ своими товарищами новый союзъ (447): они клялися умереть или воцарить Лжедимитрія, назвалися Конфедератами, и послали ска-

Союзъ Лжедимитріевыхъ Ляховъ.

Распри между Сигизмундомъ и Конфедератами.

зать Сигизмунду: «Если сила и беззаконіе «готовы исхитить изъ нашихъ рукъ достояніе меча и геройства, то не признаемъ ни Короля Королемъ, ни отечества отечествомъ, ни братьевъ братьями» (448)! Рожинскій писалъ къ своему Монарху: «Ваше Величество все знали, и «единственно намъ предоставляли кончить «войну за Димитрія, еще болѣе для Республики, нежели для насъ выгодную; но «вдругъ, неожиданно, вы являетесь съ «полками, отнимаете у него землю Сѣверскую, волнуете, смущаете Россіянъ, усиливаете Шуйскаго и вредите дѣлу, уже «почти совершенному нами! . . . Сія земля «нашею кровію увлажена, нашею славою «блистаетъ. Въ сихъ могилахъ, отъ Днѣпра до Волги, лежатъ кости моихъ храбрыхъ сподвижниковъ. . . . Уступимъ ли «другому Россію? Скорѣе всѣ мы, остальные, положимъ также свои головы. . . . и «врагъ Димитрія, кто бы онъ ни былъ, «есть нашъ непріятель!» Гетману Жолкѣвскому говорили Послы Конфедератовъ: «Издревле витязи Республики, рожденные «въ нѣдрахъ златой свободы, любили «искать воинской славы въ земляхъ чуждыхъ: такъ и мы своимъ мечемъ, *истинным Марсовымъ раломъ, воздѣлывали «землю Московскую, чтобы пожать на «ней честь и корысть*. Сколь же горестно

«намъ видѣть противниковъ въ единоземцахъ и «братьяхъ! Въ сей горести простираемъ руки «къ тебѣ, Гетману отечественнаго воинства, «нашему учителю въ дѣлахъ славы! Изъясни «Сенату, блюстителю законовъ и свободы, чего «мы требуемъ справедливо: да удержитъ Сигиз-«мунда» . . . Тутъ Паны и Дворяне Королев-скіе воплемъ негодованія прервали дерзкую рѣчь; велѣли Посламъ удалиться, язвительно издѣвались надъ ними; спрашивали въ на-смѣшку о здоровьѣ *ихъ Государя Димитрія*, о второмъ бракосочетаніи Царицы Маріи (449)— и дали имъ, отъ имени Сигизмундова, слѣдую-щій отвѣтъ письменный: «Вамъ надлежало не «посылать къ Королю, а ждать его Посольства: «тогда вы узнали бы, для чего онъ вступилъ «въ Россію. Отечество наше конечно славится «рѣдкою свободою; но и свобода имѣетъ за-«коны, безъ коихъ Государство стоять не мо-«жетъ. Законъ Республики не дозволяетъ вое-«вать и Королю безъ согласія Чиновъ Государ-«ственныхъ; а вы, люди частные, своеволь-«ньымъ нападеніемъ раздражаете опаснѣйшаго «изъ враговъ ея: вами озлобленный, Шуй-«скій мститъ ей Крымцами и Шведами. Лег-«ко призвать, трудно удалить опасность. Хва-«литесь побѣдами; но вы еще среди непрія-«телей сильныхъ . . . Идите и скажите сво-«имъ клевретамъ, что искать славы и коры-«сти беззаконіемъ, мятежничать и нагло оскор-«блять Верховную Власть есть дѣло не граж-

«дакъ свободныхъ, а людей дикихъ и «хищныхъ» (450).

Однимъ словомъ, казалось, что не подданные съ Государемъ и Государствомъ, а двѣ особенныя Державы находятся въ жаркомъ прѣніи между собою и грозятъ другъ другу войною! Изъясняясь съ нѣкоторою твердостію, Сигизмундъ не думалъ однакожь быть строгимъ для усмиренія крамольниковъ, ибо имѣлъ въ нихъ нужду и надѣялся вѣрнѣе обольстить, нежели устрашить ихъ; развѣдывалъ, что дѣлается въ Лжедимитріевомъ станѣ; узналъ о несогласіи Сапѣги и Зборовскаго съ Рожинскимъ, о явномъ презрѣніи умныхъ Ляховъ къ Самозванцу, о желаніи многихъ изъ нихъ, вопреки клятвенно утвержденному союзу между ими, дѣйствовать заодно съ Королевскимъ войскомъ, — и торжественно назначилъ (въ Декабрѣ 1609) Пословъ въ Тушино: Пановъ Стадницкаго, Князя Збараскаго, Тишкѣвича, съ дружиною знатною (451). Онъ предписалъ имъ что говорить воинамъ и начальникамъ, гласно и тайно; далъ грамоту къ Царю Василію, доказывая въ ней справедливость своего нападенія (452), но изъявляя и готовность къ миру на условіяхъ выгодныхъ для Республики; далъ еще особенную грамоту къ Патріарху, Духовенству, Синклиту, Дворянству и гражданству Москов-

Посольство Королевское въ Тушино.

свою, въ коей, уже снимая съ себя личину, вызывался прекратить ихъ жалостныя бѣдствія, если они съ благодарнымъ сердцемъ прибѣгнутъ къ его Державной власти, и Королевскимъ словомъ увѣрялъ въ цѣлости нашего богослуженія и всѣхъ уставовъ священныхъ (453). Въ такомъ же смыслѣ писалъ Сигизмундъ и къ Россіянамъ служащимъ мнимому Димитрію; а къ Самозванцу писали только Сенаторы, называя его въ титулѣ *Яснѣйшимъ Княземъ*, и прося оказать Посламъ достойную честь изъ уваженія къ Республикѣ, не сказывая, за чѣмъ они ѣдутъ въ станъ Тушинскій.

Уже Конфедераты, лишась надежды взять Москву, болѣе и болѣе опасаясь Князя Михаила и страшась недостатка въ хлѣбѣ, отнимаемомъ у нихъ разъѣздами Воеводъ Царскихъ (454), умѣрили свою гордость; ждали сихъ Пословъ нетерпѣливо и встрѣтили пышно. Любопытный Самозванецъ, вмѣстѣ съ Мариною, смотрѣлъ изъ окна на ихъ торжественный въѣздъ въ Тушино, едва ли угадывая, что они везутъ ему гибель! Рожинскій совѣтовалъ имъ представиться Лжедимитрію: Стадницкій и Збараскій отвѣчали, что имѣютъ дѣло единственно до войска — и, послѣ великолѣпнаго пира, созвали всѣхъ Ляховъ слушать наказъ Королевскій. Среди обширной равнины Послы сидѣли въ креслахъ; Воеводы, чиновники, Дворяне стояли въ глубокомъ молчаніи. Сигизмундъ объявлялъ, что извлекая мечь на Шуйскаго за многія непрія-

тельскія дѣйствія Россіянъ [455], спасаетъ тѣмъ Конфедератовъ, уже малочисленныхъ, изнуренныхъ долговременною войною и тѣснимыхъ соединенными силами Москвитянъ и Шведовъ; ждетъ добрыхъ сыновъ отечества подъ свои хоругви, забываетъ вину дерзкихъ, обѣщаетъ всѣмъ жалованье и награды [456]. Выслушавъ рѣчь Посольскую, многіе изъявили готовность исполнить волю Сигизмунда; другіе желали, чтобы онъ, взявъ Смоленскъ и Сѣверскую землю отъ Димитрія, мирно возвратился въ отечество; а войско Республики присоединилъ къ Конфедератамъ для завоеванія всего Царства Московскаго. «Согласно ли съ достоинствомъ Короля» — возражали Послы — «имѣть владѣнную «грамоту на Россійскія земли отъ того, кому «большая часть Россіянъ даетъ имя обман«щика [457]? и благоразумно ли проливать за «него драгоцѣнную кровь Ляховъ?» Конфедераты требовали по крайней мѣрѣ двухъ милліоновъ злотыхъ; требовали еще, чтобы Сигизмундъ назначилъ пристойное содержаніе для мнимаго Димитрія и жены его. «Вспомните» — отвѣтствовали имъ — «что у насъ нѣтъ Перуан«скихъ рудниковъ. Удовольствуйтесь нынѣ жа«лованьемъ обыкновеннымъ; когда же Богъ по«коритъ Сигизмунду великую Державу Москов«скую, тогда и прежняя ваша служба не оста«нется безъ возмездія, хотя вы служили не Госу«дарю, не Республикѣ, а человѣку стороннему, «безъ ихъ вѣдома и согласія.» О будущей долѣ

Самозванца Послы не сказали ни слова. Вожди и воины просили времени для размышленія.

Что жь дѣлалъ Самозванецъ, еще окруженный множествомъ знатныхъ Россіянъ, еще Глава войска и стана? Какъ бы ничего не зная, сидѣлъ въ высокихъ хоромахъ Тушинскихъ, и ждалъ спокойно рѣшенія судьбы своей отъ людей, которые назывались его слугами; упоенный сновидѣніемъ величія, боялся пробужденія и смыкалъ глаза подъ ударомъ смертоносным. Уже давно терпѣлъ онъ наглость Ляховъ и презрѣніе Россіянъ, не смѣя быть взыскательнымъ или строгимъ: такъ Гетманъ вспыльчивый, въ присутствіи Лжедимитрія, изломалъ палку объ его любимца, Князя Вишневецкаго (458), и заставилъ Царика бѣжать отъ страха вонъ изъ комнаты; а Тишкѣвичь въ глаза называлъ Самозванца обманщикомъ. Многіе Россіяне, долго лицемѣривъ и чествивъ бродягу, уже явно гнушались имъ, досаждали ему невниманіемъ, словами грубыми, и думали между собою, какъ избыть вмѣстѣ и Шуйскаго и Лжедимитрія. Сіе спокойствіе злодѣя, въ роковый часъ оставленнаго умомъ и смѣлостію, способствовало успѣху Пословъ Сигизмундовыхъ.

Переговоры съ Тушин.

Они пригласили къ себѣ знатнѣйшихъ Россіянъ Лжедимитріева стана, и вручивъ

сѣяніе измѣнниками. имъ грамоту Сигизмундову, изъясняли, что хотя Король вступилъ въ Россію съ оружіемъ, но единственно для ея мира и благоденствія, желая утишить бунтъ, истребить безстыднаго Самозванца, низвергнуть тирана вѣроломнаго (Шуйскаго), освободить народъ, утвердить Вѣру и Церковь. «Сіи люди» — пишетъ Историкъ Польскій (459) — «угнетенные долговременнымъ «злосчастіемъ, не могли найти словъ для «выраженія своей благодарности: печаль«ныя лица ихъ освѣтились радостію; они «плакали отъ умиленія, читали другъ другу «письмо Королевское, цѣловали, прижи«мали къ сердцу начертаніе его руки, вос«клицая: *не можемъ имѣть Государя лучшаго!*... Такъ замыселъ Сигизмундовъ на вѣнецъ Мономаховъ былъ торжественно объявленъ и торжественно одобренъ Россіянами; но какими? Сонмомъ измѣнниковъ: Бояриномъ Михайломъ Салтыковымъ, Княземъ Василіемъ Рубцемъ-Мосальскимъ и клевретами ихъ, вѣроломцами опытными, которые, нарушивъ три присяги (460), и нарушая четвертую, не усомнились предать иноплеменнику и Лжедимитрія и Россію, чтобы спастися отъ мести Шуйскаго, раннимъ усердіемъ снискать благоволеніе Короля и подъ сѣнію новаго царствующаго Дома вкусить счастливое забвеніе своихъ беззаконій! Въ сей душѣ крамоль-

никовъ присутствовалъ, какъ пишутъ, и мужъ добродѣтельный, плѣнникъ Филаретъ ([461]), ея невольный и безгласный участникъ.

Увѣренные въ согласіи Тушинскихъ Россіянъ имѣть Царемъ Сигизмунда, Послы въ тоже время готовы были вступить въ сношеніе и съ Василіемъ, какъ законнымъ Монархомъ: доставили ему грамоту Королевскую и, вѣроятно, предложили бы миръ на условіи возвратить Литвѣ Смоленскъ или землю Сѣверскую: чѣмъ могло бы удовольствоваться властолюбіе Сигизмундово, если бы Россіяне не захотѣли измѣнить своему Вѣнценосцу. Но Василій, перехвативъ возмутительныя письма Королевскія къ Духовенству, Боярамъ и гражданамъ столицы, не отвѣчалъ Сигизмунду, въ знакъ презрѣнія: обнародовалъ только его вѣроломство и козни ([462]), чтобы исполнить негодованія сердца Россіянъ. Москва была спокойна; а въ Тушинѣ вспыхнулъ мятежъ.

Давъ Конфедератамъ время на размышленіе, Послы Сигизмундовы уже тайно склонили Князя Рожинскаго и главныхъ Воеводъ присоединиться къ Королю. Не хотѣли вдругъ оставить Самозванца, боясь, чтобы многолюдная сволочь Тушинская не передалась къ Василію ([463]): условились до времени терпѣть въ станѣ мнимое господство Лжедимитріево для устрашенія Москвы, а дѣйствовать по волѣ Сигизмунда, имѣя главною цѣлію низвергнуть Шуйскаго. Но ослѣпленіе и спокойствіе бродяги уже исчезли: угадывая или свѣдавъ за-

мышляемую измѣну, онъ призвалъ Рожинскаго и съ видомъ гордымъ спросилъ, что дѣлаютъ въ Тушинѣ Вельможи Сигизмундовы, и для чего къ нему не являются? Гетманъ не трезвый забылъ лицемѣріе: отвѣчалъ бранью, и даже поднялъ руку (464). Самозванецъ въ ужасѣ бѣжалъ къ Маринѣ; кинулся къ ея ногамъ; сказалъ ей: «Гетманъ выдаетъ меня Королю; я долженъ «спасаться: прости» — и ночью (29 Декабря), надѣвъ крестьянское платье, съ шутомъ своимъ, Петромъ Кошелевымъ, въ навозныхъ саняхъ уѣхалъ искать новаго гнѣзда для злодѣйства: ибо царство злодѣя еще не кончилось!

Бѣгство Лжедимитрія.

На разсвѣтѣ узнали въ Тушинскомъ станѣ, что мнимый Димитрій пропалъ: всѣ изумились. Многіе думали, что онъ убитъ и брошенъ въ рѣку (465). Сдѣлалось ужасное смятеніе: ибо знатная часть войска еще усердствовала Самозванцу, любя въ немъ атамана разбойниковъ (466). Толпы съ яростнымъ крикомъ приступили къ Гетману, требуя своего Димитрія, и въ тоже время грабя обозъ сего бѣглеца, серебряные и золотые сосуды, имъ оставленные. Гетманъ и другіе начальники едва могли смирить мятежниковъ, увѣривъ ихъ, что Самозванецъ, не убитый, не изгнанный, добровольно скрылся въ чувствѣ малодушнаго страха, и что не бунтомъ, а

твердостію и единодушіемъ должно имъ выйти изъ положенія весьма опаснаго. Не менѣе волновались и Россійскіе измѣнники, лишенные Главы: одни бѣжали въ слѣдъ за Самозванцемъ, другіе въ Москву (467); знатнѣйшіе пристали къ Конфедератамъ, и вмѣстѣ съ ними отправили Посольство къ Сигизмунду.

Высокомѣріе Марины.

Между тѣмъ Марина, оставленная мужемъ и Дворомъ, не измѣняла высокомѣрію и твердости въ злосчастіи; видя себя въ станѣ подъ строгимъ надзоромъ и какъ бы плѣнницею ненавистнаго ей Гетмана, упрекала Ляховъ и Россіянъ предательствомъ; хотѣла жить или умереть Царицею; отвѣтствовала своему дядѣ, Пану Стадницкому, который убѣждалъ ее прибѣгнуть къ Сигизмундовой милости и назвалъ въ письмѣ только дочерью Сендомирскаго Воеводы, а не Государынею Московскою: «Благодарю за добрыя желанія «и совѣты; но правосудіе Всевышняго не «дастъ злодѣю моему, Шуйскому, наслаждаться плодомъ вѣроломства. Кому Богъ «единожды даетъ величіе, тотъ уже никогда не лишается сего блеска, подобно «солнцу, всегда лучезарному, хотя и зат«мѣваемому на часъ облаками» (468). Она писала къ Королю: «Счастіе меня остави«ло, но не лишило права Властителвскаго, «утвержденнаго моимъ Царскимъ вѣнча-

нiемъ и двукратною присягою Россiянъ;» желала ему успѣха въ войнѣ, не уступая вѣнца Мономахова — ждала случая дѣйствовать, и воспользовалась первымъ (469).

г. 1610. Скоро свѣдала, гдѣ Лжедимитрiй: онъ уѣхалъ въ Калугу; сталъ близъ города въ монастырѣ, и велѣлъ Инокамъ объявить ея жителямъ, что Король Сигизмундъ требовалъ отъ него земли Сѣверской, желая обратить ее въ Латинство, но получивъ отказъ, склонилъ Гетмана и все Тушинское войско къ измѣнѣ; что его (Самозванца) хотѣли схватить или умертвить; что онъ удалился къ нимъ, достойнымъ гражданамъ знаменитой Калуги, надѣясь съ ними и съ другими вѣрными ему городами изгнать Шуйскаго изъ Москвы и Ляховъ изъ Россiи, или погибнуть славно за цѣлость Государства и за святость Вѣры (470). Духъ буйности жилъ въ Калугѣ, гдѣ оставались еще многiе изъ сподвижниковъ Атамана Болотникова: они съ усердiемъ встрѣтили злодѣя, какъ Государя законнаго, ввели въ лучшiй домъ, надѣлили всѣмъ нужнымъ, богатыми одеждами, конями. Прибѣжали изъ Тушина нѣкоторые ближнiе чиновники Самозванцевы; пришелъ главный крамольникъ (471), Князь Григорiй Шаховской, съ полками Козаковъ изъ Царева-Займища, гдѣ онъ наблюдалъ движенiя Сигизмундовой рати (472). Составились дружины тѣло-

хранителей и воиновъ, Дворъ и Правительство, достойное Лжецаря, коего первымъ указомъ въ семъ новомъ вертепѣ злодѣйства было истребленіе Ляховъ и Нѣмцевъ за непріятельскія дѣйствія Сигизмунда и Шведовъ (473): ихъ убивали, вмѣстѣ съ вѣрными Царю Россіянами, во всѣхъ городахъ, еще подвластныхъ Самозванцу: Тулѣ, Перемышлѣ, Козельскѣ; грабили купцевъ иноземныхъ на пути изъ Литвы къ Тушину. Въ Калугѣ утопили бывшаго Воеводу ея, Ляха Скотницкаго, подозрѣваемаго Лжедиміріемъ въ измѣнѣ (474). Тамъ же истерзали и добраго Окольничаго, Ивана Ивановича Годунова, какъ усерднаго слугу Василіева. Взявъ его въ плѣнъ (475), свергнули съ башни, и еще живаго кинули въ рѣку; онъ ухватился за лодку: злодѣй Михайло Бутурлинъ отсѣкъ ему руку, и сей мученикъ вѣрности утонулъ въ глазахъ отчаянной жены своей, сестры Филаретовой. Бывъ дотолѣ въ нѣкоторой зависимости отъ Гетмана и другихъ знатныхъ клевретовъ, Самозванецъ уже могъ дѣйствовать свободно, звѣрствовать до безумія, хвалися особенно ненавистію ко всему не-Русскому, и говоря, что когда будетъ Царемъ на Москвѣ, то не оставитъ въ живыхъ ни единаго иноплеменника, ни груднаго младенца, ни зародыша въ утробѣ матери (476)! И кро-

Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ.

вію Ляховъ обагренный, тогда же искалъ въ нихъ еще усердія къ его злодѣйству!

Въ Тушинскомъ станѣ читали тайныя грамоты Лжедимитріевы ([477]): Самозванецъ писалъ, что возвратится къ своимъ добрымъ сподвижникамъ съ богатою казною, если они дадутъ ему новую клятву въ вѣрности и накажутъ главныхъ виновниковъ измѣны. Прибыли и тайные Послы его, Ляхъ Казимирскій и Глазунъ-Плещеевъ ([478]): они внушали Ляхамъ и Козакамъ, что одинъ Димитрій можетъ обогатить ихъ, имѣя еще владѣнія обширныя и милліоны готовые. Люди, сколько нибудь благоразумные, не слушали ([479]); но бродяги, грабители снова взволновались, и еще болѣе, когда Марина, пользуясь смятеніемъ, явилась между воинами съ растрепанными волосами, съ лицемъ блѣднымъ, съ глубокою горестію и слезами; не упрекала, но трогала видомъ и словами; убѣждала не оставлять Димитрія, исполненнаго къ нимъ любви и благодарности: не лишать себя праведнаго возмездія за труды, для него понесенные, — не обольщаться Королевскою милостію, ничѣмъ незаслуженною и слѣдственно ненадежною; ходила изъ ставки въ ставку; каждаго изъ чиновниковъ называла именемъ, ласково привѣтствовала, молила соединиться съ ея мужемъ ([480]). Все было

Волненіе въ Тушинѣ.

въ движеніи: стремились видѣть и слушать прелестную женщину, краснорѣчивую отъ живыхъ чувствъ и разительныхъ обстоятельствъ судьбы ея. Говорили: «Послы Королевскіе насъ обманули и раз«лучили съ Димитріемъ! Гдѣ тотъ, за кого «мы умирали? Отъ кого будемъ требовать «награды?» Еще Гетманъ и Воеводы нашли средство обуздать Ляковъ; но Донцы сѣли на коней и выступили полками изъ Тушина къ Калугѣ. Гетманъ съ своими латниками настигъ ихъ, изрубилъ болѣе тысячи (481) и заставилъ побѣжденныхъ возвратиться.

11 Февраля. Бѣгство Марины.

Спокойствіе было кратковременно. Не имѣвъ совершеннаго успѣха въ намѣреніи взбунтовать Тушинскій станъ, и боясь мести Гетмана, Марина, въ одеждѣ воина, съ лукомъ и туломъ за плечами, ночью, въ трескучій морозъ ускакала верхомъ къ мужу, провождаемая только слугою и служанкою (482). Поутру нашли въ ея комнатахъ слѣдующее письмо къ войску: «Безъ «друзей и ближнихъ, одна съ своею горе«стію, я должна спасать себя отъ наглости «моихъ мнимыхъ защитниковъ. Въ упоеніи «шумныхъ пировъ, клеветники гнусные «равняютъ меня съ женами презритель«ными, умышляютъ измѣну и ковы. Со«храни Боже, чтобы кто нибудь дерзнулъ «торговать мною и выдать меня человѣку,

«которому ни я, ни мое Царство не подвластны! Утѣсненная и гонимая, свидѣтельствуюсь Всевышнимъ, что не престану блюсти своей чести и славы, и бывъ Властительницею народовъ, уже никогда не соглашусь возвратиться въ званіе Польской Дворянки. Надѣясь, что храброе воинство не забудетъ присяги, моей благодарности и наградъ ему обѣщанныхъ, удаляюсь» ([483]). Сіе письмо читали всенародно въ Тушинѣ благопріятели Марины и произвели желаемое дѣйствіе: новый мятежъ, еще сильнѣйшій прежнихъ. Неистовые, съ обнаженными саблями окруживъ ставку Гетмана, вопили: «Злодѣй! Ты выгналъ злосчастную Марину твоею буйностію, въ чаду высокоумія и пьянства! Ты, вѣроломецъ, подкупленный Королемъ, чтобы обманомъ вырвать изъ нашихъ рукъ казну Московскую! Возврати намъ Димитрія, или умри, измѣнникъ!» Стрѣляли изъ пистолетовъ; хотѣли дѣйствительно убить Рожинскаго, выбрать инаго начальника ([484]) и немедленно итти къ Самозванцу; но снова одумались, примирились съ неустрашимымъ Гетманомъ и дали ему слово ждать отвѣта Королевскаго. «Ни за что не ручаюсь» — писалъ Рожинскій къ Сигизмунду — «если Ваше Величество не благоволите удовлетворить желаніямъ войска и Бояръ Московскихъ, съ ними соединенныхъ» ([485]).

Сіи желанія или требованія были объявлены Королю Послами Россіянъ и Ляховъ Тушинскихъ. Въ числѣ сорока-двухъ первыхъ находились Михайло Салтыковъ и сынъ его Иванъ, Князья Рубецъ-Мосальскій и Юрій Хворостининъ, Левъ Плещеевъ, Молчановъ (тотъ самый (486), который въ Галиціи выдавалъ себя за Димитрія), Дьяки Грамотинъ, Андроновъ, Чичеринъ, Апраксинъ и многіе Дворяне. Сигизмундъ принялъ ихъ (31 Геннаря) съ великою пышностію, сидя на престолѣ, въ кругу Сенаторовъ и знатныхъ Пановъ. Сѣдовласый измѣнникъ Салтыковъ говорилъ длинную рѣчь о бѣдствіяхъ Россіи, о довѣренности ея къ Королю, и замолчалъ отъ усталости. Сынъ его и Дьякъ Грамотинъ продолжали: одинъ исчислилъ всѣхъ нашихъ Государей отъ Рюрика до Іоанна и Ѳеодора; другой молилъ Сигизмунда быть заступникомъ нашего православія и тѣмъ снискать милость Всевышняго. Наконецъ Бояринъ Салтыковъ предложилъ вѣнецъ Мономаховъ—не Сигизмунду, но юному Королевичу Владиславу (487); а Грамотинъ заключилъ изображеніемъ выгодъ, безопасности, благоденствія обѣихъ Державъ, которыя со временемъ будутъ единою подъ скиптромъ Владислава. Литовскій Канцлеръ, Левъ Сапѣга, отвѣтствовалъ, что Сигизмундъ благодаритъ за оказываемую ему честь

Посольство Тушинское къ Королю.

и довѣренность, соглашается быть покровителемъ Россійской Державы и Церкви, и назначитъ Сенаторовъ для переговоровъ о дѣлѣ столь важномъ.

Переговоры началися немедленно, и Послы измѣнниковъ Тушинскихъ сказали Сенаторамъ: «Съ того времени, какъ смертію Іоаннова наслѣдника извелося Державное племя Рюриково, «мы всегда желали имѣть одного Вѣнценосца съ «вами: въ чемъ можетъ удостовѣрить васъ сей «Думный Бояринъ, Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, зная всѣ тайны государственныя. Препятствіемъ были грозное властвованіе Борисово, успѣхи Лжедимитрія, беззаконное воцареніе Шуйскаго и явленіе втораго Самозванца, «къ коему мы пристали, не вѣря ему, но отъ «ненависти къ Василію, и только до времени. «Обрадованные вступленіемъ Короля въ Россію, «мы тайно снеслися съ людьми знатнѣйшими «въ Москвѣ, свѣдали ихъ единомысліе съ нами «и давно прибѣгнули бы къ Сигизмунду, если бы «Ляхи Лжедимитріевы тому не противились. «Нынѣ же, когда Вожди и войско готовы повиноваться законному Монарху, объявившему «намъ чистоту своихъ намѣреній, — нынѣ смѣло «убѣждаемъ Его Величество дать намъ сына въ «Цари: ибо ему самому, Государю иной великой Державы, не льзя оставить ее, ни управлять Московскою чрезъ Намѣстника. Вся Россія встрѣтитъ Царя вожделѣннаго съ радостію; «города и крѣпости отворятъ врата; Патріархъ

«и Духовенство благословятъ его усердно. Толь-«ко да не медлитъ Сигизмундъ; да идетъ прямо «къ Москвѣ и подкрѣпитъ войско, угрожаемое «превосходными силами Скопина и Шведовъ. «Мы впереди: укажемъ ему путь и средства «взять столицу; сами свергнемъ, истребимъ «Шуйскаго, какъ жертву, уже давно обречен-«ную на гибель. Тогда и Смоленскъ, осаждае-«мый съ такимъ усиліемъ тягостнымъ, доселѣ «безполезнымъ — тогда и все Государство по-«слѣдуетъ нашему примѣру.» Но, боясь ли, какъ пишутъ, ввѣрить судьбу шестнадцатилѣтняго Королевича народу ославленному строптивостію и мятежами ([488]), или отъ личнаго властолюбія не расположенный уступить Московское Царство даже и сыну, Сигизмундъ изъяснился двусмысленно. Сенаторы его отвѣтствовали измѣнникамъ, что *если* Всевышній благословитъ доброе желаніе Россіянъ; *если* грозныя тучи, висящія надъ ихъ Державою, удалятся, и тихіе дни въ ней снова возсіяютъ; *если*, въ мирѣ и согласіи, Духовенство, Вельможи, войско, граждане всѣ единодушно захотятъ Владислава въ Цари: то Сигизмундъ конечно удовлетворитъ ихъ общей волѣ — и готовъ итти къ Москвѣ, какъ скоро Тушинская рать къ нему присоединится.

Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ Послы требовали, чтобы Владиславъ принялъ нашу Вѣру: имъ сказали, что Вѣра есть дѣло совѣсти и не терпитъ насилія; что можно внушать и склонять, а не велѣть. «Сіи люди» — говоритъ Поль-

скій Историкъ ([489]) — «мало заботились о
«правахъ и вольностяхъ государствен-
«ныхъ: твердили единственно о Церкви,
«монастыряхъ, обрядахъ; только ими до-
«рожили, какъ главнымъ, существеннымъ
«предметомъ, необходимымъ для ихъ мира
«душевнаго и счастія.» Именемъ Королев-
скимъ Сенаторы писменно утвердили не-
прикосновенность всѣхъ нашихъ священ-
ныхъ уставовъ и согласились, чтобы Ко-
ролевичъ, *если* Богъ дастъ ему Государство
Московское, былъ вѣнчанъ Патріархомъ;
обязались также соблюсти цѣлость Россіи,
ея законы и достояніе людей частныхъ ([490]);

Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ.

а Послы клялися оставить Шуйскаго и Са-
мозванца, вѣрно служить Государю Влади-
славу, и доколѣ онъ еще не царствуетъ,
служить отцу его ([491]). Въ тоже время Ко-
роль писалъ къ Сенату, что Москва въ
смятеніи, и Князь Михаилъ въ раздорѣ съ
Василіемъ; что должно пользоваться об-
стоятельствами, расширить владѣнія Рес-
публики и завоевать часть Россіи или всю
Россію ([492])! Не могли Салтыковъ и клев-
реты его быть слѣпыми: они видѣли, что
Король готовитъ Царство себѣ, а не Вла-
диславу; знали, что и Владиславъ не могъ
ни въ какомъ случаѣ принять нашего За-
кона: но ужасаясь близкаго торжества Ва-
силіева, какъ своей гибели, и давно по-
грязнувъ въ злодѣйствахъ, не усомнились

предать отечество изъ рукъ низкаго Самозванца въ руки Вѣнценосца иновѣрнаго; предлагали условія единственно для ослѣпленія другихъ Россіянъ, и лицемѣрно восхищаясь мнимою готовностію Сигизмунда исполнить всѣ ихъ желанія, громогласно благодарили его и плакали отъ радости (493). Пировали, обѣдали у Короля, Гетмана Жолкѣвскаго и Льва Сапѣги. Сидя на возвышенномъ мѣстѣ, Король пилъ за здравіе Пословъ: они пили за здравіе Царя Владислава. Написали грамоты къ Воеводамъ городовъ окрестныхъ, славя великодушіе Сигизмунда, убѣждая ихъ присягнуть Королевичу, соединиться съ братьями Ляхами, и нѣкоторыхъ обольстили: Ржевъ и Зубцовъ поддалися Царю новому, мнимому (494). Но знаменитый Шеинъ, уже пять мѣсяцевъ осаждаемый въ Смоленскѣ, къ его славѣ и бѣдствію Королевскаго войска, истребляемаго трудами, битвами и морозами, не обольстился: вызванный изъ крѣпости измѣнниками для свиданія, слушалъ ихъ съ презрѣніемъ, и возвратился вѣрнымъ, непоколебимымъ.

Довольный Тушинскими Россіянами, Сигизмундъ тѣмъ менѣе былъ доволенъ Тушинскими Ляхами, коихъ Послы снова требовали милліоновъ, и хотѣли, чтобы онъ, взявъ Московское Государство, далъ Маринѣ Новгородъ и Псковъ, а мужу ея Княжество особенное (495). Опасаясь раздражить людей буйныхъ и лишиться ихъ важнаго, необходимаго содѣйствія,

Король обѣщалъ уступить имъ доходы земли Сѣверской и Рязанской, милостиво надѣлить Марину и Лжедимитрія, если они смирятся, и немедленно прислать въ Тушино Вельможу Потоцкаго съ деньгами и съ войскомъ, чтобы истребить или прогнать Князя Михаила, стѣснить Москву и низвергнуть Шуйскаго. Но сей отвѣтъ не успокоилъ Конфедератовъ: не вѣрили обѣщаніямъ; ждали денегъ — а Сигизмундъ медлилъ, и морилъ людей подъ стѣнами Смоленска; не присылалъ ни серебра, ни войска къ мятежникамъ: ибо его любимецъ, Потоцкій, къ досадѣ Гетмана Жолкѣвскаго, распоряжая осадою, не хотѣлъ двинуться съ мѣста, чтобы отсутствіемъ не утратить выгодъ временщика.

Вѣсти Калужскія еще болѣе взволновали Конфедератовъ: тамъ Лжедимитрій снова усиливался и царствовалъ; тамъ явилась и жена его, славимая какъ героиня. Выѣхавъ изъ Тушина, она сбилась съ дороги (496), и попала въ Дмитровъ, занятый войскомъ Сапѣги, который совѣтовалъ ей удалиться къ отцу. «Царица Московская» — сказала Марина — «не будетъ жалкою изгнанни-«цею въ домѣ родительскомъ», — и взявъ у Сапѣги Нѣмецкую дружину для безопасности, прискакала къ мужу, который встрѣтилъ ее торжественно вмѣстѣ съ народомъ, восхищеннымъ ея красотою въ

Марина въ Калугѣ.

убранствѣ юнаго витязя ([497]). Калуга веселилась и пировала; хвалилась призракомъ Двора, многолюдствомъ, изобиліемъ, покоемъ, — а Тушинскіе Ляхи терпѣли голодъ и холодъ, сидѣли въ своихъ укрѣпленіяхъ какъ въ осадѣ, или, толпами выѣзжая на грабежъ, встрѣчали пули и сабли Царскихъ или Михаиловыхъ отрядовъ. Кричали, что вмѣстѣ съ Димитріемъ оставило ихъ и счастіе; что въ Тушинѣ бѣдность и смерть, въ Калугѣ честь и богатство; не слушали новыхъ Пословъ Королевскихъ ([498]), прибывшихъ къ нимъ только съ ласковыми словами; кляли измѣну своихъ Предводителей и козни Сигизмундовы; хотѣли грабить станъ и съ сею добычею итти къ Самозванцу. Но Гетманъ, въ послѣдній разъ, обуздалъ буйность страхомъ.

Успѣхи Князя Михаила.

Уже Князь Михаилъ дѣйствовалъ. Войско его умножилось, образовалось. Пришло еще 3000 Шведовъ изъ Выборга и Нарвы ([499]). Готовились итти прямо на Сапѣгу и Рожинскаго, но хотѣли озаботить ихъ и съ другой стороны: послали Воеводъ Хованскаго, Борятинскаго и Горна ([500]), занять южную часть Тверской и сѣверную Смоленской области, чтобы препятствовать сообщенію Конфедератовъ съ Сигизмундомъ. Между тѣмъ чиновникъ Волуевъ съ пятью стами ратниковъ дол-

женъ былъ осмотрѣть вблизи укрѣпленія Сапѣгины. Онъ сдѣлалъ болѣе: ночью (Генваря 4) вступилъ въ Лавру, взялъ тамъ дружину Жеребцова ([501]), утромъ напалъ на Ляховъ и возвратился къ Князю Михаилу съ толпою плѣнниковъ и съ вѣстію о слабости непріятеля. Войско ревностно желало битвы, надѣясь поразить Сапѣгу и Гетмана отдѣльно. Но дерзость перваго уже исчезла: будучи въ несогласіи съ Рожинскимъ, оставивъ Лжедимитрія и еще не приставъ къ Королю, едва ли имѣя 6000 сподвижниковъ ([502]), изнуренныхъ болѣзнями и трудами, Сапѣга увидѣлъ поздно, что не время мыслить о завоеваніи монастыря, а время спасаться: снялъ осаду (12 Генваря) и бѣжалъ къ Дмитрову. Иноки и воины Лавры не вѣрили глазамъ своимъ, смотря на сіе бѣгство врага, столь долго упорнаго ([503])! Оглядѣли безмолвный станъ измѣнниковъ и Ляховъ; нашли тамъ множество запасовъ и даже не мало вещей драгоцѣнныхъ; думали, что Сапѣга возвратится — и чрезъ восемь дней послали наконецъ Инока Макарія со Святою водою въ Москву, объявить Царю, что Лавра спасена Богомъ и Княземъ Михаиломъ, бывъ 16 мѣсяцевъ въ тѣсномъ облежаніи. Уже сіяя не только святостію, но и славою рѣдкою — любовію къ отечеству и Вѣрѣ преодолѣвъ искусство и число непрія-

Освобожденіе Лавры.

теля, нужду и язву — обративъ свои башни и стѣны, дебри и холмы въ памятники доблести безсмертной — Лавра увѣнчала сей подвигъ новымъ государственнымъ благодѣяніемъ. Россіяне требовали тогда единственно оружія и хлѣба, чтобы сражаться; но союзники ихъ, Шведы, требовали денегъ: Иноки Троицкіе, встрѣтивъ Князя Михаила и войско его съ любовію, отдали ему все, что еще имѣли въ житницахъ, а Шведамъ нѣсколько тысячь рублей изъ казны монастырской ([504]). — Глубина снѣговъ затрудняла воинскія дѣйствія: Князь Иванъ Куракинъ съ Россіянами и Шведами выступилъ на лыжахъ изъ Лавры къ Дмитрову ([505]), и подъ стѣнами его увидѣлъ Сапѣгу. Началось кровопролитное дѣло, въ коемъ Россіяне блестящимъ мужествомъ заслужили громкую хвалу Шведовъ, судей непристрастныхъ; побѣдили, взяли знамена, пушки, городъ Дмитровъ, и гнали непріятеля легкими отрядами къ Клину, нигдѣ не находя ни жителей, ни хлѣба въ сихъ мѣстахъ опустошенныхъ войною и разбоями. Предавъ Ляховъ Тушинскихъ судьбѣ ихъ, Сапѣга шелъ день и ночь къ Калужскимъ и Смоленскимъ границамъ, чтобы присоединиться къ Королю или Лжедимитрію, смотря по обстоятельствамъ ([506]).

Бѣгство Сапѣги.

До сего времени Сапѣга былъ щитомъ для Тушина, стоя между имъ и Слободою Александровскою: свѣдавъ о бѣгствѣ его — свѣдавъ тогда же, что Воеводы, отряженные Княземъ Михаиломъ (507), заняли Старицу, Ржевъ и приступаютъ къ Бѣлому — Конфедераты не хотѣли медлить ни часу въ станѣ, угрожаемомъ вблизи и вдали Царскими войсками; но смиренные ужасомъ, изъявили покорность Гетману: онъ вывелъ ихъ съ распущенными знаменами, при звукѣ трубъ и подъ дымомъ пылающаго, имъ зажженнаго стана, чтобы итти къ Королю. Измѣнники, клевреты Салтыкова, соединились съ Ляхами; гнуснѣйшіе изъ нихъ ушли къ Самозванцу; менѣе виновные въ Москву и въ другіе города (508), надѣясь на милосердіе Василіево или свою неизвѣстность, — и чрезъ нѣсколько часовъ остался только пепелъ въ уединенномъ Тушинѣ, которое 18 мѣсяцевъ кипѣло шумнымъ многолюдствомъ, величалось именемъ Царства и боролось съ Москвою! Жарко преслѣдуемый дружинами Князя Михаила; изгнанный изъ крѣпкихъ стѣнъ Іосифовской Обители и разбитый въ полѣ мужественнымъ Волуевымъ (который въ семъ дѣлѣ (509) освободилъ знаменитаго плѣнника, Филарета), Рожинскій, Князь племени Гедиминова, еще юный лѣтами, отъ изнуренія силъ и

Опустѣніе Тушина.

горести кончилъ бурную жизнь въ Волоколамскѣ, жалуясь на измѣну счастія, безуміе втораго Лжедимитрія, крамольный духъ сподвижниковъ и медленность Сигизмундову: Полководецъ искусный, какъ увѣряютъ его единоземцы (510), или только смѣлый наѣздникъ и грабитель, какъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи. Смерть начальника рушила составъ войска: оно разсѣялось; толпы бѣжали къ Сигизмунду, толпы къ Лжедимитрію и Сапѣгѣ, который сталъ на берегахъ Угры, въ мѣстахъ еще изобильныхъ хлѣбомъ (511), и предлагалъ своему Государю условія для вѣрной ему службы, сносяся и съ Калугою. — Такъ исчезло главное, страшное ополченіе удальцевъ и разбойниковъ чужеземныхъ, измѣнниковъ и злодѣевъ Россійскихъ, бывъ на шагъ отъ своей цѣли, гибели нашего отечества, и вдругъ остановлено великодушнымъ усиліемъ добрыхъ Россіянъ, и вдругъ уничтожено дѣйствіями грубой Политики Сигизмундовой!.. Одинъ Лисовскій, съ измѣнникомъ Атаманомъ Просовецкимъ, съ шайками Козаковъ и вольницы, держался еще нѣсколько времени въ Суздалѣ, но весною ушелъ (512) оттуда въ мятежный Псковъ, разграбивъ на пути монастырь Колязинскій, гдѣ честный Воевода, Давидъ Жеребцовъ, палъ въ битвѣ. Наконецъ вся внутренность Государства успокоилась.

Дѣло Князя Михаила.

Такъ успѣлъ Герой-юноша въ своемъ дѣлѣ великомъ! За 5 мѣсяцевъ предъ тѣмъ оставивъ Царя почти безъ Царства, войско въ оцѣпенѣніи ужаса, среди враговъ и предателей — находивъ вездѣ отчаяніе или зложелательство, но умѣвъ тронуть, оживить сердца добродѣтельною ревностію, собрать на краю Государства новое войско отечественное, благовременно призвать иноземное, возстановить цѣлость Россіи отъ Запада до Востока, разсѣять сонмы непріятелей многочисленныхъ и взять одною угрозою крѣпкіе, годовые ихъ станы — Князь Михаилъ двинулся изъ Лавры, имъ освобожденной, къ столицѣ, имъ же спасенной, чтобы вкусить сладость добродѣтели, увѣнчанной славою.

Торжественное вступленіе Героя въ Москву.

Россіяне и Шведы, одни съ веселіемъ, другіе съ гордостію, шли какъ братья, Воеводы и воины, на торжество рѣдкое въ лѣтописяхъ міра. Царь велѣлъ знатнымъ чиновникамъ встрѣтить Князя Михаила: народъ предупредилъ чиновниковъ ([513]); стѣснилъ дорогу Троицкую; поднесъ ему хлѣбъ и соль, *билъ челомъ* за спасеніе Государства Московскаго, давалъ имя *отца отечества*; благодарилъ и сподвижника его, Делагарди. Василій также благодарилъ обоихъ, съ слезами на глазахъ, съ видомъ искренняго умиленія. Казалось, что одно чувство всѣхъ

2 Марта.

одушевляло, отъ Царя до послѣдняго гражданина. Москва, бывъ еще не давно столицею безъ Государства, окруженная непріятельскими владѣніями, смятенная внутренними крамолами, терзаемая голодомъ, и ввечеру не зная, кого утреннее солнце освѣтитъ въ ней на престолѣ, законнаго ли Вѣнценосца Россійскаго или бродягу, клеврета разбойниковъ иноземныхъ — Москва снова возвышала главу надъ обширнымъ Царствомъ, простирая руку къ Ильменю и къ Енисею, къ морю Бѣлому и Каспійскому, — опираясь въ стѣнахъ своихъ на легіоны побѣдоносные, и наслаждаясь спокойствіемъ, славою, изобиліемъ; видѣла въ Князѣ Михаилѣ виновника сей разительной перемѣны и не щадила ни его смиренія, ни его безопасности (514): гдѣ онъ являлся, вездѣ торжествовалъ и слышалъ клики живѣйшей къ нему любви, естественной, справедливой, но опасной: ибо зависть, уже не окованная страхомъ, готовила жало на знаменитаго подвижника Россіи, и раздражаемая симъ народнымъ восторгомъ, тѣмъ болѣе кипѣла ядомъ, въ слѣпой злобѣ не предвидя, что будетъ сама его жертвою!

Еще не спаслось, а только спасалось отечество — и Князь Михаилъ, среди свѣтлыхъ пировъ столицы не упоенный ни честію, ни славою, требовалъ указа Царскаго довершить великое дѣло: истребить Лжедимитрія въ Калугѣ, изгнать Сигизмунда изъ Россіи, очис-

тить южные предѣлы ея, успокоить Государство навѣки, имѣя все для успѣха несомнительнаго: войско, доблесть, счастіе или милость Небесную. Но судьба Шуйскаго противилась такому концу благословенному: не въ его бѣдственное царствованіе отечество наше должно было возродиться для величія!

ГЛАВА IV.

Низвержение Василія и междоцарствіе.

Г. 1610—1611.

Наушники. Кончина Скопина Шуйскаго. Горесть народная. Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ. Бунтъ Ляпунова. Битва подъ Клушинымъ. Делагарди отступаетъ къ Новугороду. Поляки занимаютъ Царево-Займище. Отчаяніе столицы. Новые успѣхи Самозванца. Твердость Пожарскаго. Ропотъ народный. Василій лишенъ престола. Тщетныя увѣщанія Патріарха. Пострижение Василія и супруги его. Совѣтъ Князя Мстиславскаго. Переговоры съ Жолкѣвскимъ. Условія. Присяга Владиславу. Намѣреніе Сигизмунда. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Политика Жолкѣвскаго. Посольство къ Королю. Вступленіе Поляковъ въ Москву. Дѣйствія Пословъ Московскихъ. Отъѣздъ Жолкѣвскаго. Шуйскій преданъ Полякамъ. Неудачные приступы къ Смоленску. Самовластіе Сигизмунда. Нетерпѣніе народа. Непріятельскія дѣйствія Делагарди. Злодѣйства Лисовскаго. Измѣна Казани. Смерть Самозванца. Новый обманъ. Начальники возстанія народнаго. Грамоты Смолянъ и Москвитянъ. Слабость Московской Думы. Ссоры съ Поляками. Составъ ополченія за Россію. Кровопролитіе въ столицѣ. Пожаръ Москвы. Прибытіе Струса. Подвиги Пожарскаго. Неистовства Поляковъ въ Москвѣ. Заключеніе Ермогена.

Въ то время, когда всякой часъ былъ дорогъ, чтобы совершенно избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей, смятенныхъ ужа- г. 1610.

сомъ, ослабленныхъ раздѣленіемъ — когда всѣ друзья отечества изъявляли Князю Михаилу живѣйшую ревность ([515]), а Князь Михаилъ живѣйшее нетерпѣніе Царю итти въ поле — минуло около мѣсяца въ бездѣйствіи для отечества, но въ дѣятельныхъ происках злобы личной.

Робкіе въ бѣдствіяхъ, надменные въ успѣхахъ, низкіе душею, трепетавъ за себя болѣе нежели за отечество, и мысля, что все труднѣйшее уже сдѣлано, — что остальное легко и не превышаетъ силы ихъ собственнаго ума или мужества, ближніе царедворцы въ тайныхъ думахъ немедленно начали внушать Василію, сколь юный Князь Михаилъ для него опасенъ ([516]), любимый Россіею до чрезмѣрности, явно уважаемый болѣе Царя и явно въ Цари готовимый единомысліемъ народа и войска. Славя Героя, многіе Дворяне и граждане дѣйствительно говорили нескромно, что спаситель Россіи долженъ и властвовать надъ нею ([517]); многіе нескромно уподобляли Василія Саулу, а Михаила Давиду. Общее усердіе къ знаменитому юношѣ питалось и суевѣріемъ: какіе-то гадатели предсказывали, что въ Россіи будетъ Вѣнценосецъ, именемъ *Михаилъ,* назначенный Судьбою умирить Государство: «чрезъ два года благодатное воцареніе Филаретова сына оправдало гадателей,» пишетъ Историкъ чужезем-

Паушники.

ный (518); но Россіяне относили мнимое пророчество къ Скопину, и видѣли въ немъ если не совмѣстника, то преемника дяди его, къ особенной досадѣ любимаго Василіева брата, Дмитрія Шуйскаго, который мыслилъ, вѣроятно, правомъ наслѣдія уловить Державство: ибо шестидесятилѣтній Царь не имѣлъ дѣтей, кромѣ новорожденной дочери, Анастасіи (519), Князь Дмитрій, духомъ слабый (520), сердцемъ жестокій, былъ первымъ наушникомъ и первымъ клеветникомъ: не довольствуясь истиною, что народъ желаетъ царства Михаилу, онъ сказалъ Василію, что Михаилъ въ заговорѣ съ народомъ, хочетъ похитить верховную власть и дѣйствуетъ уже какъ Царь, отдавъ Шведамъ Кексгольмъ безъ указа Государева (521). Еще Василій ужасался или стыдился неблагодарности: велѣлъ умолкнуть брату, — даже выгналъ его съ гнѣвомъ; ежедневно привѣтствовалъ, честилъ Героя — но медлилъ снова ввѣрить ему войско! Узнавъ о навѣтахъ, Князь Михаилъ спѣшилъ изъясниться съ Царемъ; говорилъ спокойно о своей невинности, свидѣтельствуясь въ томъ чистою совѣстію, службою вѣрною, а всего болѣе окомъ Всевышняго; говорилъ свободно и смѣло о безуміи зависти преждевременной, когда еще всякая остановка въ войнѣ, всякое охлажденіе, несогласіе и внушеніе личныхъ страстей могутъ быть гибильны для отечества. Василій слушалъ не безъ внутренняго смятенія (522): ибо собственное сердце его уже

волновалось завистію и безпокойствомъ: онъ не имѣлъ счастія вѣрить добродѣтели! Но успокоилъ Михаила ласкою; велѣлъ ему и Думнымъ Боярамъ условиться съ Генераломъ Делагарди о будущихъ воинскихъ дѣйствіяхъ; утвердилъ договоръ Выборгскій и Колязинскій; обѣщалъ немедленно заплатить весь долгъ Шведамъ.

Между тѣмъ умный Делагарди въ частыхъ свиданіяхъ съ ближними царедворцами замѣтилъ ихъ худое расположеніе къ Князю Михаилу и предостерегалъ его какъ друга (523): Дворъ казался ему опаснѣе ратнаго поля для героя. Оба нетерпѣливо желали итти къ Смоленску и неохотно участвовали въ пирахъ Московскихъ. 23 Апрѣля Князь Дмитрій Шуйскій давалъ обѣдъ Скопину (524). Бесѣдовали дружественно и весело. Жена Дмитріева, Княгиня Екатерина — дочь того, кто жилъ смертоубійствами: Малюты Скуратова — явилась съ ласкою и чашею предъ гостемъ знаменитымъ: Михаилъ выпилъ чашу .... и былъ принесенъ въ домъ, исходя кровію, безпрестанно ливщеюся изъ носа; успѣлъ только исполнить долгъ Христіанина и предалъ свою душу Богу, вмѣстѣ съ судьбою отечества! ... Москва въ ужасѣ онѣмѣла.

Кончина Скопина-Шуйскаго.

Сію незапную смерть юноши, цвѣтущаго здравіемъ, приписали яду (525), и народъ, въ первомъ движеніи, съ воплемъ ярости

устремился къ дому Князя Дмитрія Шуйскаго: дружина Царская защитила и домъ и хозяина. Увѣряли народъ въ естественномъ концѣ сей жизни драгоцѣнной, но не могли увѣрить. Видѣли или угадывали злорадство и винили оное въ злодѣйствѣ безъ доказательствъ: ибо одна скоропостижность, а не родъ Михаиловой смерти (напомнившей Борисову), утверждала подозрѣніе, бѣдственное для Василія и его ближнихъ.

Горесть народная.

Не находя словъ для изображенія общей скорби, Лѣтописцы говорятъ единственно, что Москва оплакивала Князя Михаила столь же неутѣшно, какъ Царя Өеодора Іоанновича: любивъ Өеодора за добродушіе и теряя въ немъ послѣдняго изъ наслѣдственныхъ Вѣнценосцевъ Рюрикова племени, она страшилась неизвѣстности въ будущемъ жребіи Государства; а кончина Михаилова, столь неожидаемая, казалась ей явнымъ дѣйствіемъ гнѣва Небеснаго (526): думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣрную гибель, среди преждевременнаго торжества вдругъ лишивъ ее защитника, который *одинъ* вселялъ надежду и бодрость въ души, *одинъ* могъ спасти Государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей безъ кормчаго! Россія имѣла Государя, но Россіяне плакали какъ сироты, безъ любви и довѣренности къ Василію, омраченному въ

ихъ глазахъ и несчастнымъ царствованіемъ и мыслію, что Князь Михаилъ сдѣлался жертвою его тайной вражды. Самъ Василій лилъ горькія слезы о Героѣ: ихъ считали притворствомъ, и взоры подданныхъ убѣгали Царя, въ то время, когда онъ, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывалъ необыкновенную честь усопшему: отпѣвали, хоронили его великолѣпно, какъ бы Державнаго: дали ему могилу пышную, гдѣ лежатъ наши Вѣнценосцы: въ Архангельскомъ Соборѣ; тамъ, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя ([527]), стоитъ уединенно гробница сего юноши, единственнаго добродѣтелію и любовію народною въ вѣкъ ужасный! Отъ древнихъ до новѣйшихъ временъ Россіи никто изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ! . . . . Именуя Михаила Ахилломъ и Гекторомъ Россійскимъ, Лѣтописцы не менѣе славятъ въ немъ и *милость* безпримѣрную, *увѣтливость*, смиреніе Ангельское, прибавляя, что огорчать и презирать людей было мукою для его нѣжнаго сердца ([528]). Въ двадцать-три года жизни успѣвъ стяжать (доля рѣдкая!) лучезарное безсмертіе, онъ скончался рано не для себя, а только для отечества, которое желало ему вѣнца, ибо желало быть счастливымъ!

Все перемѣнилось — и завистники Скопина, думавъ, что Россія уже можетъ безъ него обойтися, скоро увидѣли противное. Союзъ между Царемъ и Царствомъ, возстановленный Михаи-

ломъ, рушилей, и злополучіе Василіево, какъ бы одолѣнное на время Михаиловымъ счастіемъ, снова явилось во всемъ ужасѣ надъ Государствомъ и Государемъ.

Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ.

Надлежало избрать Военачальника: избрали того, кто уже давно былъ нелюбимъ, а въ сіе время ненавидимъ: Князя Дмитрія Шуйскаго. Россіяне вышли въ поле съ уныніемъ и безъ ревности: Шведы ждали обѣщанныхъ денегъ. Не имѣя готоваго серебра, Василій требовалъ его отъ Иноковъ Лавры; но Иноки говорили, что они, давъ Борисову 15000, Разстригѣ 30000, самому Василію 20000 рублей, остальною казною едва могутъ исправить стѣны и башни свои, поврежденныя непріятельскою стрѣльбою ([529]). Царь силою взялъ у нихъ и деньги и множество церковныхъ сосудовъ, золотыхъ и серебряныхъ, для сплавки. Иноки роптали: народъ изъявлялъ негодованіе, уподобляя такое дѣло святотатству. Одни Шведы, изъявивъ участіе въ народной скорби о Михаилѣ ([530]), ими также любимомъ, казались утѣшенными и довольными, получивъ жалованье — и Делагарди выступилъ въ слѣдъ за Княземъ Дмитріемъ къ Можайску, чтобы освободить Смоленскъ. Ждали еще новыхъ союзниковъ, не бывалыхъ подъ хоругвями Христіанскими: Крымскихъ Царевичей съ толпами разбойниковъ, чтобы примкнуть къ

нимъ нѣсколько дружинъ Московскихъ и вести ихъ къ Калугѣ для истребленія Самозванца. Не думали о стыдѣ имѣть нужду въ такихъ сподвижникахъ! Довольно было силъ: не доставало только человѣка, коего въ бѣдствіяхъ государственныхъ и милліоны людей не замѣняютъ. . . . Орошая слезами, искренними или притворными, тѣло Михаила, Василій погребалъ съ нимъ свое Державство, и два раза спасенный отъ близкой гибели ([531]), уже не спасся въ третій!

Бунтъ Ляпунова.

Первая страшная вѣсть пришла въ Москву изъ Рязани, гдѣ Ляпуновъ, явный злодѣй Царя, сильный духомъ болѣе, нежели знатностію сана, не обольстивъ Михаила властолюбіемъ беззаконнымъ, и предвидя неминуемую для себя опалу въ случаѣ рѣшительнаго торжества Василіева, именемъ Героя вѣрности дерзнулъ на бунтъ и междоусобіе. Что Москва подозрѣвала, то Ляпуновъ объявилъ всенародно за истину несомнительную: Дмитрія Шуйскаго и самаго Василія убійцами, отравителями Скопина; звалъ мстителей, и нашелъ усердныхъ: ибо горестная любовь къ усопшему Михаилу представляла и бунтъ за него въ видѣ подвига славнаго! Княжество Рязанское отложилось отъ Москвы и Василія ([532]), все, кромѣ Зарайска: тамъ явился племянникъ Ляпунова съ грамотою отъ дяди; но тамъ

воеводствовалъ Князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій. Заслуживая будущую свою знаменитость и храбростію и добродѣтелію, Князь Дмитрій выгналъ гонца крамолы, прислалъ мятежную грамоту въ Москву и требовалъ вспоможенія; Царь отрядилъ къ нему чиновника Глѣбова съ дружиною, и Зарайскъ остался вѣрнымъ. Но въ тоже время Стрѣльцы Московскіе, посланные къ Шацку (гдѣ явился Воевода Лжедимитріевъ, Князь Черкасскій, и разбилъ Царскаго Воеводу, Князя Литвинова) были остановлены на пути Ляпуновымъ и передались къ нему добровольно ([533]). Чего хотѣлъ сей мятежникъ? Свергнуть Василія, избавить Россію отъ Лжедимитрія, отъ Ляховъ, и быть Государемъ ея, какъ утверждаетъ одинъ Историкъ ([534]); другіе пишутъ вѣроятнѣе, что Ляпуновъ желалъ единственно гибели Шуйскихъ, имѣя тайныя сношенія съ знатнѣйшимъ крамольникомъ, Бояриномъ Княземъ Василіемъ Голицынымъ въ Москвѣ, и даже съ Самозванцемъ въ Калугѣ, но не долго: онъ презрѣлъ бродягу, какъ орудіе срамное, видя и безъ того легкое исполненіе желаемаго имъ и многими иными врагами Царя несчастнаго.

Бунтъ Ляпунова встревожилъ Москву: другія вѣсти были еще ужаснѣе. Князь Дмитрій Шуйскій и Делагарди шли къ Смоленску, а Ляхи къ нимъ на встрѣчу. Доселѣ опасливый, нерѣшительный, Сигизмундъ вдругъ оказалъ смѣлость, узнавъ, что Россія лишилась своего

Героя, и вѣря нашимъ измѣнникамъ, Салтыкову съ клевретами, что сія кончина есть паденіе Василія, ненавистнаго Москвѣ и войску. Еще Сигизмундъ не хотѣлъ оставить Смоленска; но давъ Гетману Жолкѣвскому 2000 всадниковъ и 1000 пѣхотныхъ воиновъ, велѣлъ ему съ сею горстію людей искать непріятеля и славы въ полѣ ([535]). Гетманъ двинулся сперва къ Бѣлому, тѣснимому Хованскимъ и Горномъ ([536]): имѣя 6500 Россіянъ и Шведовъ, они уклонились отъ битвы и спѣшили присоединиться къ Дмитрію Шуйскому, который стоялъ въ Можайскѣ, отдѣливъ 6000 Дѣтей Боярскихъ съ Княземъ Елецкимъ и Волуевымъ въ Царево-Займище, чтобы тамъ укрѣпиться и служить щитомъ для главной рати. Будучи въ десятеро сильнѣе непріятеля, Шуйскій хотѣлъ уподобиться Скопину осторожностію: медлилъ и тратилъ время. Тѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ Гетманъ: соединился съ остатками Тушинскаго войска, приведеннаго къ нему Зборовскимъ, и (13 Іюня) подступилъ къ Займищу ([537]); имѣлъ тамъ выгоду въ битвѣ съ Россіянами, но не взялъ укрѣпленій — и свѣдалъ, что Шуйскій и Делагарди идутъ отъ Можайска на помощь къ Елецкому и Волуеву. Сподвижники Гетмана смутились: онъ убѣждалъ ихъ въ необходимости кончить войну однимъ смѣлымъ ударомъ; говорилъ о чести и доблести, а ждалъ успѣха отъ измѣны: ибо клевреты Салтыкова окружали, вели его, — сносились съ своими единомышлен-

никами въ царскомъ войскѣ, знали общее уныніе, негодованіе, и ручались Жолкѣвскому за побѣду; ручались и бѣглецы Шведскіе, Нѣмцы, Французы, Шотландцы (538), являясь къ нему толпами, и сказывая, что всѣ ихъ товарищи, недовольные Шуйскимъ, готовы передаться къ Ляхамъ. Шведы дѣйствительно, едва вышедши изъ Москвы, начали снова требовать жалованья и бунтовать: Князь Димитрій далъ имъ еще 10,000 рублей, но не могъ удовольствовать, ни самъ Делагарди смирить сихъ мятежныхъ корыстолюбцевъ: они шли не-хотя, и грозили, казалось, болѣе союзникамъ, нежели врагамъ. Такія обстоятельства изъясняютъ для насъ удивительное дѣло Жолкѣвскаго, еще болѣе проницательнаго, нежели смѣлаго.

Оставивъ малочисленную пѣхоту въ обозѣ у Займища, Гетманъ ввечеру (23 Іюня) съ десятью тысячами всадниковъ и съ легкими пушками выступилъ на встрѣчу къ Шуйскому, столь тихо, что Елецкій и Волуевъ не замѣтили сего движенія и сидѣли спокойно въ укрѣпленіяхъ, воображая всю рать непріятельскую предъ собою; а Гетманъ, принужденный идти верстъ двадцать медленно, ночью, узкою, худою дорогою, на разсвѣтѣ увидѣлъ, близъ села Клушина, между полями и лѣсомъ, плетнями и двумя деревеньками, обширный станъ тридцати

Битва подъ Клушинымъ. Іюнь.

тысячь Россіянъ и пяти тысячь Шведовъ, ни мало неготовыхъ къ бою, безпечныхъ, сонныхъ. Онъ еще ждалъ усталыхъ дружинъ и пушекъ; зажегъ плетни, и трескомъ огня, пламенемъ, дымомъ пробудилъ спящихъ. Изумленные незапнымъ явленіемъ Ляховъ, Шуйскій и Делагарди спѣшили устроить войско: конницу впереди, пѣхоту за нею, въ кустарникѣ, — Россіянъ и Шведовъ особенно. Гетманъ съ трубнымъ звукомъ ударилъ вмѣстѣ на тѣхъ и другихъ: конница Московская дрогнула; но подкрѣпленная новымъ войскомъ, стѣснила непріятеля въ своихъ густыхъ толпахъ, такъ, что Жолкѣвскій, стоя на холмѣ, едва могъ видѣть хоругвь Республики въ облакахъ пыли и дыма ([539]). Шведы удержали стремленіе Ляховъ сильнымъ залпомъ. Гетманъ пустилъ въ дѣло запасныя дружины; стрѣлялъ изъ всѣхъ пушекъ въ Шведовъ; напалъ на Россіянъ съ боку — и побѣдилъ. Конница наша, обративъ тылъ, смѣшала пѣхоту; Шведы отступили къ лѣсу; Французы, Нѣмцы, Англичане, Шотландцы передались къ Ляхамъ. Сдѣлалось неописанное смятеніе. Все бѣжало безъ памяти: сто гнало тысячу. Князья Шуйскій, Андрей Голицынъ и Мезецкій засѣли-было въ станѣ съ пѣхотою и пушками; но узнавъ вѣроломство союзниковъ, также бѣжали въ лѣсъ, усыпая дорогу разными вещами драгоцѣнными, чтобы прелестію добычи остановить непріятеля. Делагарди — въ искренней горести, какъ пи-

шутъ (540) — ни угрозами, ни моленіемъ не удержавъ своихъ отъ безчестной измѣны, вступилъ въ переговоры: далъ слово Гетману не помогать Василію, и захвативъ казну Шуйскаго, 5450 рублей деньгами и мѣховъ на 7000 рублей (541), съ Генераломъ Горномъ и четырмя стами Шведовъ удалился къ Новугороду, жалуясь на малодушіе Россіянъ столько же, какъ и на мятежный духъ Англичанъ и Французовъ, писменно обѣщая Царю новое вспоможеніе отъ короля Шведскаго, а Королю легкое завоеваніе сѣверо-западной Россіи для Швеціи!

Делагарди отступаетъ къ Новугороду.

Но стыдъ союзниковъ уменшался стыдомъ Россіянъ, которые, въ бѣдственномъ ослѣпленіи, жертвовали нелюбви къ Царю любовію къ отечеству, не хотѣли мужествовать за мнимаго убійцу Михаилова, думая, кажется, что побѣда Ляховъ губитъ только несчастнаго Василія, и гнуснымъ бѣгствомъ отъ врага слабаго предали ему Россію. Безъ сомнѣнія оказавъ умъ необыкновенный, Гетманъ хвалился числомъ своихъ и непріятелей, скромно уступалъ всю честь геройству сподвижниковъ, и всего искреннѣе славилъ ревность Тушинскихъ измѣнниковъ, сына и друзей Михайла Салтыкова, которые находились въ сей битвѣ, дѣйствуя тайно, чрезъ лазутчиковъ, на Царское войско. Не многіе легли

въ дѣлѣ: одинъ знатный Князь Яковъ Боратинскій палъ сражаясь; Воевода Бутурлинъ отдался въ плѣнъ. Гораздо болѣе кололи, сѣкли и топтали Россіянъ въ погонѣ. II пушекъ, нѣсколько знаменъ, бархатная хоругвь Князя Дмитрія Шуйскаго, его карета, шлемъ, мечь и булава, также не мало богатства, суконъ, соболей, присланныхъ Царемъ для Шведовъ, были трофеями и добычею Ляховъ. Несчастный Князь Дмитрій скакалъ не оглядываясь, увязилъ коня въ болотѣ, пѣшій достигъ Можайска, и сказавъ гражданамъ, что все погибло, съ сею вѣстію спѣшилъ къ Державному брату въ столицу ([542]).

Дѣятельный Гетманъ въ тотъ же день возвратился къ Займищу, гдѣ Россіяне, ночью, были пробуждены шумомъ и кликомъ: Ляхи громогласно извѣщали ихъ о слѣдствіяхъ Клушинской битвы. Князь Елецкій и Волуевъ не хотѣли вѣрить: Гетманъ на разсвѣтѣ показалъ имъ Царскія знамена и плѣнниковъ, требуя, чтобы они мирно сдалися, не Ляхамъ, а новому Царю своему, Владиславу, будто бы уже избранному знатною частію Россіи ([543]). Елецкій и Волуевъ убѣждали Гетмана итти къ Москвѣ и начать съ нею переговоры: имъ отвѣтствовали: «когда вы сдадитесь, то и Москва «будетъ наша.» Волуевъ, болѣе Елецкаго властвуя надъ умами сподвижниковъ, рѣ-

Поляки занимаютъ Царево-Займище.

шилъ ихъ недоумѣніе: присягнулъ Владиславу, на условіяхъ, заключенныхъ Михайломъ Салтыковымъ и клевретами его съ Сигизмундомъ ([544]); другіе также присягнули, и вмѣстѣ съ Ляхами, уже братьями, пошли къ столицѣ.... Смѣлый въ битвахъ, Жолкѣвскій изъявилъ смѣлость и въ важномъ дѣлѣ государственномъ: онъ безъ указа Королевскаго желалъ воцарить юнаго Владислава, по удостовѣренію измѣнниковъ Тушинскихъ и собственному, что нѣтъ инаго, лучшаго, надежнѣйшаго способа кончить сію войну съ истинною славою и выгодою для Республики ([545])! Гетманъ мирно занялъ Можайскъ и другія мѣста окрестныя именемъ Королевича, вездѣ гоня предъ собою разсѣянные остатки полковъ Шуйскаго.

Въ одно время столица узнала о семъ бѣдствіи и читала воззваніе Жолкѣвскаго къ ея жителямъ, распространенное въ ней дѣятельными единомышленниками Салтыкова. «Виною всѣхъ вашихъ золъ» — писалъ Гетманъ — «есть «Шуйскій: отъ него Царство въ крови и въ «пеплѣ. Для одного ли человѣка гибнуть мил«ліонамъ? Спасеніе предъ вами: побѣдоносное «войско Королевское и новый Царь благодат«ный: да здравствуетъ Владиславъ» ([546])! Еще Василій, не измѣняясь духомъ, вѣрный твердости въ злосчастіи, писалъ указы, чтобы изъ всѣхъ городовъ спѣшили къ нему послѣдніе люди воинскіе, и въ послѣдній разъ, для спасенія Царства ([547]); ободрялъ Москвитянъ, да-

валъ деньги Стрѣльцамъ ([548]); хотѣлъ писать къ Гетману, назначилъ гонца, но отмѣнилъ, чтобы не унизиться безполезно, въ такихъ обстоятельствахъ, когда не переговорами, а битвами надлежало спастися. Города не выслали въ Москву ни одного воина ([549]): Рязанскій мятежникъ Ляпуновъ не велѣлъ имъ слушаться Царя, вмѣстѣ съ Княземъ Василіемъ Голицынымъ крамольствуя и въ столицѣ, волнуемой отчаяніемъ. . . . Грозы внѣшнія еще умножились: явился и Лжедимитрій въ полѣ, съ безстыднымъ Сапѣгою, который за нѣсколько тысячь рублей ([550]), доставленныхъ ему изъ Калуги, снова обязался служить злодѣю. Они надѣялись предупредить Гетмана и взять Москву, думая, что она въ смятеніи ужаса скорѣе сдастся дерзкому бродягѣ, нежели Ляхамъ. Сей подлый непріятель еще казался опаснѣйшимъ Царю: свѣдавъ, что союзники, вызванные имъ изъ гнѣзда разбоевъ, сыновья Хана, уже близъ Серпухова, Василій отрядилъ туда знатныхъ мужей, Князя Воротынскаго, Лыкова и чиновника Измайлова съ дружиною Дѣтей Боярскихъ и съ пушками, чтобы вести ихъ противъ Самозванца ([551]); но Крымцы, встрѣтивъ его въ Боровскомъ Уѣздѣ, послѣ дѣла кровопролитнаго ушли назадъ въ степи, а Воротынскій и Лыковъ едва спаслися бѣгствомъ въ Москву. Все

Отчаяніе столицы.

кончилось для Василія! Снова торжествовалъ Самозванецъ; снова обратились къ нему измѣнники и счастіе. Сапѣгины Ляхи осадили крѣпкій монастырь Пафнутіевъ, гдѣ начальствовали вѣрный Князь Михайло Волконскій и два предателя: первый сражался какъ Герой; но младшіе чиновники, Змѣевъ и Челищевъ, впустили непріятеля. Волконскій палъ въ сѣчѣ надъ гробомъ Св. Пафнутія (оставивъ для вѣковъ память [362] своей доблести въ гербѣ Боровска), а Ляхи наполнили ограду и церковь трупами Иноковъ, Стрѣльцевъ и жителей монастырскихъ. Коломна, дотолѣ непоколебимая въ вѣрности, вдругъ измѣнила, возмущенная Сотникомъ Бобынинымъ. Не слушая добраго Епископа Іосифа, народъ кричалъ, что Василію уже не быть Царемъ, и что лучше служить Димитрію, нежели Сигизмунду. Воеводы Коломенскіе, Бояре Князь Туренинъ и Долгорукій, въ ужасѣ сами присягнули обманщику: также и Воевода Коширскій, Князь Ромодановскій, вмѣстѣ съ гражданами. Едва уцѣлѣлъ и Зарайскъ, спасенный твердостію Князя Пожарскаго: видя бунтъ жителей и не страшась ни угрозъ, ни смерти, онъ съ усердною дружиною выгналъ ихъ изъ крѣпости и возстановилъ тишину договоромъ, заключеннымъ съ ними, остаться вѣрными Василію, если Василій останется Царемъ,

Новые успѣхи Самозванца.

Твердость Пожарскаго.

или служить Царю новому, кого изберетъ Россія. Въ семъ случаѣ ревностнымъ сподвижникомъ Князя Дмитрія былъ достойный Протоіерей Никольскій ([553]). Но усмиреніе Зарайска не отвратило гибельнаго мятежа въ столицѣ.

Лжедимитрій спѣшилъ къ Москвѣ и расположился станомъ въ селѣ Коломенскомъ ([554]), памятномъ первою славою юнаго Князя Михаила, коего уже не имѣло отечество для надежды! Что могъ предпріять Царь злосчастный, побѣжденный Гетманомъ и Самозванцемъ, угрожаемый Ляпуновымъ и крамолою, малодушіемъ и зломысліемъ, безъ войска и любви народной? Рожденный не въ вѣкъ Катоновъ и Брутовъ, онъ могъ предаться только въ волю Божію: такъ и сдѣлалъ, спокойно ожидая своего жребія, и еще держась рукою за кормило государственное, хотя уже и безполезное въ часъ гибели; еще давалъ повелѣнія, не внимаемыя, не исполняемыя, будучи уже болѣе зрителемъ, нежели дѣйствователемъ съ того времени, какъ узнали въ Москвѣ о бунтѣ или неповиновеніи городовъ, видѣли подъ ея стѣнами знамена Лжедимитріевы и ежечасно ждали Сигизмундовыхъ съ Гетманомъ. Дворецъ опустѣлъ: улицы и площади кипѣли народомъ; всѣ спрашивали другъ у друга, что дѣлается, и что дѣлать? Ненавистники

Ропотъ народный.

Василіевы уже громогласно требовали его сверженія; кричали: «Онъ сѣлъ на престолъ безъ «вѣдома земли Русской ([555]): для того земля «раздѣлилась; для того льется кровь Христіан-«ская. Братья Василіевы ядомъ умертвили свое-«го племянника, а нашего отца-защитника. Не «хотимъ Царя Василія!» *Ни Самозванца, ни Ляховъ!* прибавляли многіе, благороднѣйшіе духомъ, слѣдуя внушенію Ляпунова Рязанскаго, брата его Захаріи и Князя Василія Голицына ([556]). Они превозмогли числомъ и знатностію единомышленниковъ; гнушаясь Лжедимитріемъ, думали усовѣстить его клевретовъ, чтобы усилиться ихъ союзомъ, и предложили имъ свиданіе. Еще люди чиновные окружали злодѣя Тушинскаго: Князья Сицкій и Засѣкинъ, Дворяне Нагой, Сунбуловъ, Плещеевъ, Дьякъ Третьяковъ и другіе. Съѣхались въ полѣ, у Даниловскаго монастыря ([557]), какъ братья; мирно разсуждали о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Государства и вѣрнѣйшихъ средствахъ спасенія; наконецъ взаимно дали клятву, Москвитяне оставить Василія, измѣнники предать имъ Лжедимитрія, избрать вмѣстѣ новаго Царя и выгнать Ляховъ. Сей договоръ объявили столицѣ братъ Ляпунова и Дворянинъ Хомутовъ, выѣхавъ съ сонмомъ единомышленниковъ на Лобное мѣсто, гдѣ, кромѣ черни, находилось и множество людей сановныхъ, лучшихъ гражданъ, гостей и купцевъ: всѣ громкимъ кликомъ изъявили радость ([558]);

всѣ казались увѣренными, что новый Царь необходимъ для Россіи. Но тутъ не было ни знатнаго Духовенства, ни Синклита: пошли въ Кремль, взяли Патріарха, Бояръ; вывели ихъ къ Серпуховскимъ воротамъ, за Москвою-рѣкою, и въ виду непріятельскаго стана — указывая на разъѣзды Лжедимитріевой конницы и на Смоленскую дорогу, гдѣ всякое облако пыли грозило явленіемъ Гетмана — предложили имъ избавить Россію отъ стыда и гибели, избавить Россію отъ Шуйскаго; соблюдали умѣренность въ рѣчахъ: укоряли Василія только несчастіемъ ([559]). Говорили, что «земля Сѣверская и «всѣ бывшіе слуги Лжедимитріевы немедленно «возвратятся подъ сѣнь отечества, какъ скоро «не будетъ Шуйскаго, для нихъ ненавистнаго и «страшнаго; что Государство безсильно только «отъ раздѣленія силъ: соединится, усмирится.... и враги исчезнутъ!» Раздался одинъ голосъ въ пользу закона и Царя злосчастнаго: Ермогеновъ; съ жаромъ и твердостію Патріархъ изъяснялъ народу, что нѣтъ спасенія, гдѣ нѣтъ благословенія свыше; что измѣна Царю есть злодѣйство, всегда казнимое Богомъ, и не избавитъ, а еще глубже погрузитъ Россію въ бездну ужасовъ ([560]). Весьма не многіе Бояре, и весьма не твердо, стояли за Шуйскаго; самые его искренніе и ближніе уклонились, видя рѣшительную общую волю; самъ Патріархъ съ горестію удалился, чтобы не быть свидѣтелемъ дѣла мятежнаго, — и сія народная Дума единодушно,

единогласно приговорила: «1) *бить челом* Василію, да оставитъ Царство и да возметъ себѣ «въ удѣлъ Нижній-Новгородъ ([561]); 2) уже ни«когда не возвращать ему престола, но блюсти «жизнь его, Царицы, братьевъ Василіевыхъ; «3) цѣловать крестъ всѣмъ міромъ въ неизмѣн«ной вѣрности къ Церкви и Государству для «истребленія ихъ злодѣевъ, Ляховъ и Лжеди«митрія; 4) всею землею выбрать въ Цари, кого «Богъ дастъ; а между тѣмъ управлять ею Боя«рамъ, Князю Мстиславскому съ товарищами, «коихъ власть и судъ будутъ священны; 5) въ «сей Думѣ верховной не сидѣть Шуйскимъ, ни «Князю Дмитрію, ни Князю Ивану; 6) всѣмъ за«быть вражду личную, месть и злобу; всѣмъ «помнить только Бога и Россію» ([562]). Въ дѣйствіи беззаконномъ еще блисталъ призракъ великодушія: щадили Царя свергаемаго и хотѣли умереть за отечество, за честь и независимость.

Послали къ Василію, еще Вѣнценосцу, знатнаго Боярина, его свояка, Князя Ивана Воротынскаго, съ главными крамольниками, Захаріею Ляпуновымъ и другими, объявить ему приговоръ Думы. Дотолѣ тихій Кремлевскій дворецъ наполнился людьми и шумомъ: ибо въ слѣдъ за Послами стремилось множество дерзкихъ мятежниковъ и любопытныхъ. Василій ожидалъ ихъ безъ трепета, воспоминая, можетъ быть, невольно о такомъ же стремленіи шумныхъ сонмовъ, подъ его собственнымъ предводительствомъ, къ сему же дворцу, въ день Раз-

страгиной гибели!.... Захарія Ляпуновъ, увидѣвъ Царя, сказалъ: «Василій Іоанно-«вичь! ты не умѣлъ царствовать: отдай «же вѣнецъ и скипетръ» ([563]). Шуйскій отвѣтствовалъ: «какъ смѣешь!»... и вынулъ ножъ изъ-за пояса. Наглый Ляпуновъ, великанъ ростомъ, силы необычайной, грозилъ ему своею тяжкою рукою.... Другіе хотѣли сладкорѣчіемъ убѣдить Царя къ повиновенію волѣ Божіей и народной. Василій отвергнулъ всѣ предложенія, готовый умереть, но Вѣнценосцемъ, и волю мятежниковъ, испровергающихъ законъ, не признавая народною. Онъ уступилъ только насилію, и былъ, вмѣстѣ съ юною супругою, перевезенъ изъ палатъ Кремлевскихъ въ старый домъ свой, гдѣ ждалъ участи Борисова семейства ([564]), зная, что шагъ съ престола есть шагъ къ могилѣ.

Василій лишенъ престола.

17 Іюля.

Въ столицѣ господствовало смятеніе, и скоро еще умножилось, когда народъ свѣдалъ, что Тушинскіе измѣнники обманули Московскихъ. Ляпуновъ и клевреты его немедленно объявили первымъ, въ новомъ свиданіи съ ними у монастыря Даниловскаго ([565]), что Шуйскій сведенъ съ престола, и что Москва, въ слѣдствіе договора, ждетъ отъ нихъ связаннаго Лжедимитрія, для казни. Тушинцы отвѣтствовали: «Хвалимъ ваше дѣло. Вы свергнули

«Царя беззаконнаго; служите же истин-«ному: да здравствуетъ сынъ Іоанновъ! «Если вы клятвопреступники, то мы вѣр-«ны въ обѣтахъ. Умремъ за Димитрія» (566)! Достойно осмѣянные злодѣями, Москвитяне изумились. Симъ часомъ думалъ еще воспользоваться Ермогенъ: вышелъ къ народу, молилъ, заклиналъ снова возвести Василія на Царство; но убѣжденіямъ добраго Патріарха не внимали: страшились мести Василіевой, и тѣмъ скорѣе хотѣли себя успокоить.

Тщетныя увѣщанія Патріарха.

Всѣми оставленный, многимъ ненавистный или противный, не многимъ жалкій, Царь сидѣлъ подъ стражею въ своемъ Боярскомъ домѣ, гдѣ, за четыре года предъ тѣмъ, въ ночномъ совѣтѣ знаменитѣйшихъ Россіянъ, имъ собранныхъ и движимыхъ (567), рѣшилась гибель Отрепьева. Тамъ, въ слѣдующее утро, явились Захарія Ляпуновъ, Князь Петръ Засѣкинъ (568), нѣсколько сановниковъ съ Чудовскими Иноками и Священниками, съ толпою людей вооруженныхъ, и велѣли Шуйскому готовиться къ пострижевію, еще гнушаясь новымъ цареубійствомъ и считая келлію надежнымъ предверіемъ гроба. «Нѣтъ!» сказалъ Василій съ твердостію: «никогда не буду Монахомъ» — и на угрозы отвѣтствовалъ видомъ презрѣнія; но смотря на многихъ извѣстныхъ

18 Іюля.

ему Москвитянъ, съ умиленіемъ говорилъ имъ: «Вы нѣкогда любили меня .... и за «что возненавидѣли? за казнь ли Отрепьева «и клевретовъ его? Я хотѣлъ добра вамъ «и Россіи; наказывалъ единственно зло-«дѣевъ — и кого не миловалъ» (569)? Вопль Ляпунова и другихъ неистовыхъ заглушилъ рѣчь трогательную. Читали молитвы постриженія, совершали обрядъ священный, и не слыхали уже ни единаго слова отъ Василія: онъ безмолвствовалъ, и вмѣсто его произносилъ страшные обѣты монашества Князь Туренинъ (570). Постригли и несчастную Царицу, Марію, также безмолвную въ обѣтахъ, но краснорѣчивую въ изъявленіи любви къ супругу: она рвалась къ нему, стенала, называла его своимъ *Государемъ милымъ*, Царемъ великимъ народа недостойнаго (571), ея супругомъ законнымъ и въ рясѣ Инока. Ихъ разлучили силою: отвели Василія въ монастырь Чудовскій, Марію въ Ивановскій; двухъ братьевъ Василіевыхъ заключили въ ихъ домахъ. Никто не противился насилію безбожному, кромѣ Ермогена: онъ торжественно молился за Шуйскаго въ храмахъ, какъ за Помазанника Божія, Царя Россіи, хотя и невольника; торжественно клялъ бунтъ и признавалъ Инокомъ не Василія, а Князя Туренина, который вмѣсто его связалъ себя обѣтами Монашества (572).

Постриженіе Василія и супруги его.

Уваженіе къ сану и лицу Первосвятителя давало смѣлость Ермогену, но безполезную.

Такъ Москва поступила съ Вѣнценосцемъ, который хотѣлъ снискать ея и Россіи любовь подчиненіемъ своей воли закону, бережливостію государственною, безпристрастіемъ въ наградахъ ([573]), умѣренностію въ наказаніяхъ, терпимостію общественной свободы, ревностію къ гражданскому образованію — который не изумлялся въ самыхъ чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ, оказывалъ неустрашимость въ бунтахъ, готовность умереть вѣрнымъ достоинству Монаршему, и не былъ никогда столь знаменитъ, столь достоинъ престола, какъ свергаемый съ онаго измѣною: влекомый въ келію толпою злодѣевъ, несчастный Шуйскій являлся одинъ истинно великодушнымъ въ мятежной столицѣ. . . . Но удивительная судьба его ни въ уничиженіи, ни въ славѣ, еще не совершилась!

Доселѣ властвовала безпрекословно сторона Ляпуновыхъ и Голицына, рѣшительныхъ противниковъ и Шуйскаго и Самозванца и Ляховъ: она хотѣла *своего* Царя — и въ семъ смыслѣ Дума писала отъ имени Синклита, людей Приказныхъ и воинскихъ, Стольниковъ, Стряпчихъ, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, гостей и купцевъ, ко всѣмъ областнымъ Воеводамъ и жителямъ, что Шуйскій, *внявъ челобитью земли Русской, оставилъ Государство и міръ* ([574]) для спасенія отечества; что Москва цѣловала

крестъ не поддаваться ни Сигизмунду, ни злодѣю Тушинскому; что всѣ Россіяне должны возстать, устремиться къ столицѣ, сокрушить враговъ и выбрать всею землею Самодержца вожделѣннаго. Въ семъ же смыслѣ отвѣтствовали Бояре и Гетману Жолкѣвскому, который, узнавъ въ Можайскѣ о Василіевомъ низверженіи, объявилъ имъ грамотою, что идетъ защитить ихъ въ бѣдствіяхъ. «Не требуемъ твоей защиты,» писали они: «не приближайся, или «встрѣтимъ тебя какъ непріятеля» (575). Но Дума Боярская, присвоивъ себѣ верховную власть, не могла утвердить ее въ слабыхъ рукахъ своихъ, ни утишить всеобщей тревоги, ни обуздать мятежной черни. Самозванецъ грозилъ Москвѣ нападеніемъ, Гетманъ къ ней приближался, народъ волновался, холопи не слушались господъ, и многіе люди чиновные, страшась быть жертвою безначалія и бунта, уходили изъ столицы, даже въ станъ къ Лжедимитрію (576), единственно для безопасности личной. Въ сихъ обстоятельствахъ ужасныхъ сторону Ляпуновыхъ и Голицына превозмогла другая, менѣе благопріятная для народной гордости, хотя и менѣе лукавая: ибо ея главою былъ Князь Ѳедоръ Мстиславскій, извѣстный добродушіемъ и вѣрностію, чуждый властолюбія и козней (577).

Въ то время, когда Москва, безъ Царя, безъ устройства, всего болѣе опасалась злодѣя Тушинскаго и собственныхъ злодѣевъ, готовыхъ душегубствовать и грабить въ стѣнахъ ея —

когда отечество смятенное не видало между своими ни одного человѣка, столь знаменитаго родомъ и дѣлами, чтобы оно могло возложить на него вѣнецъ единодушно, съ любовію и надеждою — когда измѣны и предательства въ глазахъ народа унизили самыхъ первыхъ Вельможъ, и два несчастныя избранія доказали, сколь трудно бывшему подданному державствовать въ Россіи и бороться съ завистію: тогда мысль искать Государя внѣ отечества, какъ древніе Новогородцы искали Князей въ землѣ Варяжской, могла естественно представиться уму и добрыхъ гражданъ. Мстиславскій, одушевленный чистымъ усердіемъ — вѣроятно, послѣ тайныхъ совѣщаній съ людьми важнѣйшими — торжественно объявилъ Боярамъ, Духовенству, всѣмъ Чинамъ и гражданамъ, что для спасенія Царства должно вручить скипетръ.... Владиславу ([578]). Кто могъ самъ и не хотѣлъ быть Вѣнценосцемъ ([579]), того мнѣніе и голосъ имѣли силу; имѣли оную и домогательства единомышленниковъ Салтыкова, особенно Волуева, и наконецъ явныя выгоды сего избранія. Жолкѣвскій, грозный побѣдитель, дѣлался намъ усерднымъ другомъ, чтобы избавить Москву отъ злодѣевъ: онъ писалъ о томъ (31 Іюля) къ Думѣ Боярской ([580]), вмѣстѣ съ Иваномъ Салтыковымъ и Волуевымъ, которые

Совѣтъ Князя Мстиславскаго.

сообщили ей договоръ Тушинскихъ Пословъ съ Сигизмундомъ и новѣйшій, заключенный Гетманомъ въ Царевѣ-Займищѣ ([581]) для цѣлости Вѣры и Государства. Надѣялись, что Король плѣнится честію видѣть сына Монархомъ великой Державы и дозволитъ ему перемѣнить Законъ, или Владиславъ юный, еще не твердый въ Догматахъ Латинства, легко склонится къ нашимъ и вопреки отцу, когда сядетъ на престолъ Московскій, увидитъ необходимость единовѣрія для крѣпкаго союза между Царемъ и народомъ, возмужаетъ въ обычаяхъ Православія, и будучи уважаемъ какъ Вѣнценосецъ знаменитаго Державнаго племени, будетъ любимъ какъ истинный Россіянинъ духомъ. Еще благородная гордость страшилась уничиженія взять невольно Властителя отъ Ляховъ, молить ихъ о спасеніи Россіи и тѣмъ оказать ея постыдную слабость. Еще Духовенство страшилось за Вѣру, и Патріархъ убѣждалъ Бояръ не жертвовать Церковію никакимъ выгодамъ государственнымъ ([582]): уже не имѣя средства возвратить вѣнецъ Шуйскому, онъ предлагалъ имъ въ Цари или Князя Василія Голицына или юнаго Михаила, сына Филаретова ([583]), внука первой супруги Іоанновой. Духовенство благопріятствовало Голицыну, народъ Михаилу, любезному для него памятію Анастасіи, добродѣтелію отца и даже тезоименитствомъ съ усопшимъ Героемъ Россіи. . . . Такъ Ермогенъ безсмертный предвѣстилъ ей волю Небесъ! Но время еще

не наступило — и Гетманъ уже стоялъ подъ Москвою, на Сѣтуни ([584]), противъ Коломенскаго и Лжедимитрія: ни Голицынъ, крамольникъ въ Синклитѣ и бѣглецъ на полѣ ратномъ ([585]), ни юноша, питомецъ келлій, едва извѣстный свѣту, не обѣщали спасенія Москвѣ, извнѣ тѣснимой двумя непріятелями, внутри волнуемой мятежемъ; каждый часъ былъ дорогъ — и большинство голосовъ въ Думѣ, на самомъ Лобномъ мѣстѣ, рѣшило: «принять совѣтъ «Мстиславскаго!»

Переговоры съ Жолкѣвскимъ.

Немедленно послали къ Гетману спросить, другъ ли онъ Москвѣ или непріятель ([586])? «Желаю не крови вашей, а блага «Россіи,» отвѣчалъ Жолкѣвскій: «предлагаю вамъ Державство Владислава и гибель Самозванца.» Дали взаимно амунатовъ; вступили въ переговоры, на Дѣвичьемъ полѣ, въ шатрѣ, гдѣ Бояре, Князья Мстиславскій, Василій Голицынъ и Шереметевъ, Окольничій Князь Мезецкій и Дьяки Думные, Телепневъ и Луговскій, съ честію встрѣтили Гетмана ([587]), объявляя, что Россія готова признать Владислава Царемъ, но съ условіями необходимыми для ея достоинства и спокойствія. Дьякъ Телепневъ, развернувъ свитокъ, прочиталъ сіи условія, столь важныя, что Гетманъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы принять ихъ безъ рѣшительнаго согласія

Королевскаго: Король же не только медлилъ дать ему наказъ, но и не отвѣтствовалъ ни слова на всѣ его донесенія послѣ Клушинскаго дѣла, заботясь единственно о взятіи Смоленска и съ гордостію являя Гетмановы трофеи, знамена и плѣнниковъ, Шеину непреклонному! Жолкѣвскій, равно смѣлый и благоразумный, скрывъ отъ Бояръ свое затрудненіе, спокойно разсуждалъ съ ними о каждой статьѣ предлагаемаго договора: отвергалъ и соглашался Королевскимъ именемъ. Выслушавъ первое требованіе, чтобы *Владиславъ крестился въ нашу Вѣру*, онъ далъ имъ надежду, но устранилъ обязательство, говоря: «да будетъ Королевичь «Царемъ, и тогда, внимая гласу совѣсти и поль«зы государственной, можетъ добровольно «исполнить желаніе Россіи» ([588]). Устранилъ, *до особеннаго Сигизмундова разрѣшенія*, и другія статьи: «1) Владиславу не сноситься съ «Папою о Законѣ ([589]); 2) утвердить въ Россіи «смертную казнь для всякаго, кто оставитъ Гре«ческую Вѣру, для Латинской; 3) не имѣть при «себѣ болѣе пятисотъ Ляховъ; 4) соблюсти всѣ «титла Царскія (слѣдственно Государя Кіевскаго «и Ливонскаго) и жениться на Россіянкѣ;» но все прочее, какъ согласное съ договоромъ Салтыкова и Волуева, было одобрено Жолкѣвскимъ, хотя и не вдругъ: ибо онъ съ умысломъ замедлялъ переговоры, тщетно ожидая вѣстей отъ Короля; наконецъ уже не могъ медлить, опасаясь нетерпѣнія Россіянъ и своихъ Ляховъ,

готовыхъ къ бунту за невыдачу имъ жалованья, ([590]) — и 17 Августа подписалъ слѣдующія достопамятныя условія:

Условія. «1) Святѣйшему Патріарху, всему Духо-«венству и Синклиту, Дворянамъ и Дьякамъ «Думнымъ, Стольникамъ, Дворянамъ, «Стряпчимъ, Жильцамъ и Городскимъ «Дворянамъ, Головамъ Стрѣлецкимъ, При-«казнымъ людямъ, Дѣтямъ Боярскимъ, го-«стямъ и купцамъ, Стрѣльцамъ, Козакамъ, «пушкарямъ и всѣхъ чиновъ служивымъ и «*Жилецкимъ* людямъ Московскаго Государ-«ства бить челомъ Великому Государю «Сигизмунду, да пожалуетъ имъ сына сво-«его, Владислава, въ Цари, коего всѣ Рос-«сіяне единодушно желаютъ, цѣлуя святый «крестъ съ обѣтомъ служить вѣрно ему и «потомству его, какъ они служили преж-«нимъ Великимъ Государямъ Москов-«скимъ.

«2) Королевичу Владиславу вѣнчаться «Царскимъ вѣнцемъ и діадимою отъ Свя-«тѣйшаго Патріарха и Духовенства Грече-«ской Церкви, какъ издревле вѣнчались «Самодержцы Россійскіе.

«3) Владиславу Царю блюсти и чтить «святые храмы, иконы и мощи цѣлебныя, «Патріарха и все Духовенство; не отни-«мать имѣнія и доходовъ у церквей и мона-«стырей; въ Духовныя и Святительскія «дѣла не вступаться.

«4) Не быть въ Россіи ни Латинскимъ, ни «другихъ исповѣданій костеламъ и молебнымъ «храмамъ ([591]); не склонять никого въ Римскую, «ни въ другія Вѣры, и Жидамъ не въѣзжать «для торговли въ Московское Государство.

«5) Не перемѣнять древнихъ обычаевъ. Бояре «и всѣ чиновники, воинскіе и земскіе, будутъ, «какъ и всегда, одни Россіяне; а Польскимъ и «Литовскимъ людямъ не имѣть ни мѣстъ, ни чи«новъ: которые же изъ нихъ останутся при «Государѣ, тѣмъ можетъ онъ дать денежное «жалованье или помѣстья, не стѣсняя чести «Московскихъ, Боярскихъ и Княжескихъ ро«довъ честію новыхъ выходцевъ иноземныхъ.

«6) Жалованье, помѣстья и вотчины Рос«сіянъ неприкосновенны. Если же нѣкоторые «надѣлены сверхъ достоинства, а другіе оби«жены, то совѣтоваться Государю съ Боярами, «и сдѣлать, что уложатъ вмѣстѣ.

«7) Основаніемъ *гражданскаго правосудія «быть Судебнику, коего нужное исправленіе и «дополненіе зависитъ отъ Государя, Думы Бояр«ской и Земской* ([592]).

«8) Уличенныхъ государственныхъ и граж«данскихъ преступниковъ казнить единственно «по осужденію Царя съ Боярами и людьми «Думными; имѣніе же казненныхъ наслѣдуютъ «ихъ невинныя жены, дѣти и родственники. «Безъ сего торжественнаго суда Боярскаго никто «не лишается ни жизни, ни свободы, ни чести.

«9) Кто умретъ бездѣтенъ, того имѣніе отда-

«вать ближнимъ его или кому онъ прика-
«жетъ ([593]); а въ случаѣ недоумѣнія рѣшить
«такія дѣла Государю съ Боярами.

«10) Доходы государственные остаются преж-
«ніе; а *новыхъ налоговъ не вводить Государю
«безъ согласія Бояръ* ([594]), и съ ихъ же согласія
«дать льготу областямъ, помѣстьямъ и вотчи-
«намъ разоренньымъ въ сіи времена смутныя.

«11) Земледѣльцамъ не переходить ни въ
«Литву, *ни въ Россіи отъ господина къ господину*,
«и всѣмъ крѣпостнымъ людямъ быть навсегда
«таками.

«12) Великому Государю Сигизмунду, Польшѣ
«и Литвѣ утвердить съ Великимъ Государемъ
«Владиславомъ и съ Россіею миръ и любовь
«на вѣки и стоять другъ за друга противъ всѣхъ
«непріятелей.

«13) Ни изъ Россіи въ Литву и Польшу, ни
«изъ Литвы и Польши въ Россію не переводить
«жителей.

«14) Торговлѣ между обоими Государствами
«быть свободною.

«15) Королю уже не приступать къ Смоленску
«и немедленно вывести войско изъ всѣхъ горо-
«довъ Россійскихъ; а платежъ изъ Московской
«казны за убытки и на жалованье рати Литов-
«ской и Польской будетъ уставленъ въ договорѣ
«особенномъ.

«16) Всѣхъ плѣнныхъ освободить безъ вы-
купа, «всѣ обиды и насилія предать вѣчному
«забвенію.

«17) Гетману отвести Сапѣгу и другихъ Ляховъ отъ Лжедимитрія, вмѣстѣ съ Боярами «взять мѣры для его истребленія, итти къ Можайску, какъ скоро уже не будетъ сего злодѣя, «и тамъ ждать указа Королевскаго.

«18) Между тѣмъ стоять ему съ войскомъ «у Дѣвичьяго монастыря ([595]) и не пускать ни«кого изъ своихъ людей въ Москву, для нуж«ныхъ покупокъ, безъ дозволенія Бояръ и безъ «письменнаго вида.

«19) Дочери Воеводы Сендомирскаго, Маринѣ, «ѣхать въ Польшу и не именоваться Государы«нею Московскою.

«20) Отправиться Великимъ Посламъ Россій«скимъ къ Государю Сигизмунду и бить челомъ, «да крестится Государь Владиславъ въ Вѣру «Греческую, и да будутъ приняты всѣ иныя «условія, оставленныя Гетманомъ на разрѣшеніе «Его Королевскаго Величества» ([596]).

И такъ Россіяне, бывъ недовольны собственнымъ желаніемъ Царя Василія умѣрить Самодержавіе ([597]), въ четыре года перемѣнили мысли и хотѣли еще болѣе ограничить верховную власть, удѣляя часть ея не только Боярамъ, въ правосудіи и въ налогахъ, но и *Земской* Думѣ въ гражданскомъ законодательствѣ ([598])? Они боялись не Самодержавія вообще (какъ увидимъ въ Исторіи 1613 года), но Самодержавія въ рукахъ иноплеменнаго, еще иновѣрнаго Монарха, избираемаго въ крайности, невольно и безъ любви, — и для того предпи-

сали ему условія согласныя съ выгодами Боярскаго властолюбія и съ видами хитраго Жолкѣвскаго, который, любя вольность, не хотѣлъ пріучить наслѣдника Сигизмундова, будущаго Монарха Польскаго, къ безпредѣльной власти въ Россіи.

Утвердивъ договорную грамоту подписями и печатями — съ одной стороны Жолкѣвскій и всѣ его чиновники, а съ другой Бояре — звали народъ къ присягѣ. Среди Дѣвичьяго поля, въ сѣни двухъ шатровъ великолѣпныхъ, стояли два олтаря, богато украшенные; вокругъ олтарей Духовенство, Патріархъ, Святители, съ иконами и крестами, за Духовенствомъ Бояре и сановники, въ одеждахъ блестящихъ серебромъ и золотомъ; далѣе безчисленное множество людей, ряды конницы и пѣхоты, съ распущенными знаменами; Ляхи и Россіяне. Все было тихо и чинно. Гетманъ, съ своими Воеводами, вступилъ въ шатеръ, приближился къ олтарю, положилъ на него руку и далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій, за Короля и Королевича, Республику Польскую и Великое Княжество Литовское, за себя и войско. Тутъ два Архіерея, обратясь къ Боярамъ и чиновникамъ, сказали громогласно: «Волею Святѣйшаго Патріарха, Ермогена, «призываемъ васъ къ исполненію торже«ственнаго обряда: цѣлуйте крестъ, вы,

Присяга Владиславу.

«мужи Думные, всѣ Чины и народъ, въ вѣр-«ности къ Царю и Великому Князю Владиславу «Сигизмундовичу, нынѣ благополучно избран-«ному, да будетъ Россія, со всѣми ея жителями «и достояніемъ, его наслѣдственною Держа-«вою!» Раздался звукъ литавръ и бубновъ, громъ пушечный и кликъ народный: «Многія «лѣта Государю Владиславу! да царствуетъ съ «побѣдою, миромъ и счастіемъ!» Тогда началася присяга: Бояре и сановники, Дворянство и купечество, воины и граждане, числомъ не менѣе трехъ сотъ тысячь, какъ увѣряютъ (599), цѣловали крестъ съ видомъ усердія и благоговѣнія. Тогда измѣнники прежніе, Иванъ Салковъ, Волуевъ и клевреты ихъ, ревностные участники и главные пособники договора (600), обнялися съ Москвитянами, уже какъ съ братьями въ общей измѣнѣ Василію и въ общемъ подданствѣ Владиславу! . . . Гонцы отъ Думы Боярской спѣшили во всѣ города, объявить имъ новаго Царя, конецъ смятеніямъ и бѣдствіямъ; а Гетманъ великолѣпнымъ пиромъ въ станѣ угостилъ знатнѣйшихъ Россіянъ, и каждаго изъ нихъ одарилъ щедро, раздавъ имъ всю добычу Клушинской битвы, коней Азіатскихъ, богатыя чаши, сабли, и не оставивъ ничего драгоцѣннаго ни усебя, ни у своихъ чиновниковъ, въ надеждѣ на сокровища Московскія. Первый Вельможа, Князь Мстиславскій, отплатилъ ему такимъ же роскошнымъ пиромъ и такими же дарами богатыми.

Однимъ словомъ, умный Гетманъ достигъ цѣли — и Владиславъ, хотя только Москвою избранный, безъ вѣдома другихъ городовъ, и слѣдственно незаконно, подобно Шуйскому, остался бы, какъ вѣроятно, Царемъ Россіи и перемѣнилъ бы ея судьбу ослабленіемъ Самодержавія — перемѣнилъ бы тѣмъ, можетъ быть, и судьбу Европы на многіе вѣки, если бы отецъ его имѣлъ умъ Жолкѣвскаго!

Намѣренія Сигизмунда.

Но еще крестъ и Евангеліе лежали на олтаряхъ Дѣвичьяго поля, когда вручили Гетману грамоту Сигизмундову, привезенную Ѳедоромъ Андроновымъ, Печатникомъ и Думнымъ дьякомъ (601), усерднымъ слугою Ляховъ, измѣнникомъ Государства и Православія: Сигизмундъ писалъ къ Гетману, чтобы онъ занялъ Москву именемъ Королевскимъ, а не Владиславовымъ; о томъ же писалъ къ нему и съ другимъ, знатнѣйшимъ Посломъ, Госѣвскимъ. Гетманъ изумился. Торжественно заключить и безстыдно нарушить условія; вмѣсто юноши безпорочнаго и любезнаго представить Россіи въ Вѣнценосцы стараго, коварнаго врага ея, виновника или питателя нашихъ мятежей (602), извѣстнаго ревнителя Латинской Вѣры и братства Іезуитскаго; дѣйствовать одною силою съ войскомъ малочисленнымъ противъ цѣлаго народа, ожесточеннаго бѣдствіями, озлобленнаго Ля-

хами, казалось Гетману болѣе, нежели дерзостію — казалось безуміемъ. Онъ рѣшился исполнить договоръ, утаить волю Королевскую отъ Россіянъ и своихъ сподвижниковъ, сдѣлать требуемое честію и благомъ Республики, вопреки Сигизмунду и въ надеждѣ склонить его къ лучшей Политикѣ.

Согласно съ договоромъ, надлежало прежде всего отвлечь Ляховъ отъ Самозванца. Сей злодѣй думалъ ослѣпить Жолкѣвскаго разными льстивыми увѣреніями: клялся Царскимъ словомъ выдать Королю 300,000 злотыхъ, и въ теченіе десяти лѣтъ ежегодно платить Республикѣ столько же, а Королевичу 100,000 — завоевать Ливонію для Польши и Швецію для Сигизмунда — не стоять и за Сѣверскую землю, когда будетъ Царемъ (603); но Жолкѣвскій, извѣстивъ Сапѣгу, что Россія есть уже Царство Владислава, убѣждалъ его присоединиться къ войску Республики, а бродягу упасть къ ногамъ Королевскимъ, обѣщая ему за такое смиреніе Гродно или Самборъ въ удѣлъ. Послы Гетмановы нашли Лжедимитрія въ Обители Угрѣшской (604), гдѣ жила Марина: выслушавъ ихъ предложеніе, онъ сказалъ: «хочу «лучше жить въ избѣ крестьянской, нежели милостію Сигизмундовою!» Тутъ Марина вбѣжала въ горницу; пылая гнѣвомъ, злословила, поносила Короля, и съ насмѣшкою примолвила: «теперь «слушайте *мое* предложеніе: пусть Сигизмундъ «уступитъ Царю Димитрію Краковъ и возметъ «отъ него, въ знакъ милости, Варшаву» (605)! Ля-

хи также гордились и не слушали Гетмана, который, видя необходимость употребить силу, вмѣстѣ съ Княземъ Мстиславскимъ и пятнадцатью тысячами Москвитянъ, выступилъ противъ своихъ мятежныхъ единоземцевъ. Уже начиналось и кровопролитіе (606); но малочисленное и худое войско Лжедимитріево не могло обѣщать себѣ побѣды: Сапѣга выѣхалъ изъ рядовъ, снялъ шапку предъ Жолкѣвскимъ, далъ ему руку въ знакъ братства — и чрезъ нѣсколько часовъ все усмирилось. Ляхи и Россіяне оставили Лжедимитрія: первые объявили себя до времени слугами Республики; послѣдніе цѣловали крестъ Владиславу, и между ими Бояре Князья Туренинъ и Долгорукій, Воеводы Коломенскіе (607); а Самозванецъ и Марина ночью (26 Августа) ускакали верхомъ въ Калугу, съ Атаманомъ Заруцкимъ, съ шайкою Козаковъ, Татаръ и Россіянъ немногихъ.

Бѣгство Самозванца въ Калугу.

Гетманъ дѣйствовалъ усердно: Бояре усердно и прямодушно. Началося безпрекословно царствованіе Владислава въ Москвѣ и въ другихъ городахъ: въ Коломнѣ, Тулѣ, Рязани, Твери, Владимирѣ, Ярославлѣ (608) и далѣе. Молились въ храмахъ за Государя новаго; всѣ Указы писались, всѣ суды производились его именемъ; спѣшили изобразить оное на медаляхъ и монетахъ (609). Многіе радовались искренно,

алкая тишины послѣ такихъ мятежей бурныхъ. Многіе — и въ ихъ числѣ Патріархъ — скрывали горесть, не ожидая ничего добраго отъ Ляховъ. Всего болѣе торжествовали старые измѣнники Тушинскіе, первые имѣвъ мысль о Владиславѣ (610): Михайло Салтыковъ, Князь Рубецъ-Мосальскій и Ѳедоръ Мещерскій, Дворяне Кологривовъ, Василій Юрьевъ, Молчановъ, бывъ дотолѣ у Сигизмунда, явились въ столицѣ съ видомъ лицемѣрнаго умиленія, какъ бы великодушные изгнанники и страдальцы за любовь къ отечеству, имъ возвращаемому, милостію Божіею, ихъ невинностію и добродѣтелію. Они цѣлою толпою пришли въ храмъ Успенія и требовали благословенія отъ Ермогена, который, велѣвъ удалиться одному Молчанову, мнимому еретику и чародѣю (611), сказалъ другимъ: «благословляю васъ, если вы дѣйстви«тельно хотите добра Государству; но если вы «Ляхи душею, лукавствуете и замышляете ги«бель Православія, то кляну васъ именемъ Цер«кви» (612). Обливаясь слезами, Михайло Салтыковъ увѣрялъ, что Государство и Православіе спасены на вѣки — увѣрялъ, можетъ быть, непритворно, желая, чего желала столица вмѣстѣ съ знатною частію Россіи: Владиславова царствованія на заключенныхъ условіяхъ. Самъ Гетманъ не имѣлъ иной мысли, ежедневными письмами убѣждая Сигизмунда не разрушать дѣла, счастливо совершеннаго добрымъ Геніемъ Республики, а Бояръ Московскихъ плѣняя изо-

браженіемъ златаго вѣка Россіи подъ державою Вѣнценосца юнаго, любезнаго, готоваго внимать ихъ мудрымъ наставленіямъ и быть сильнымъ единственно силою закона ([613]). Жолкѣвскій не хотѣлъ явно властвовать надъ Думою, довольствуясь единственно внушеніями и совѣтами. Такъ онъ доказывалъ ей необходимость изгладить въ сердцахъ память минувшаго общимъ примиреніемъ, забыть вину клевретовъ Самозванца, оставить имъ чины и дать всѣ выгоды Россіянъ безпорочныхъ. Бояре не согласились, отвѣтствуя: «возможно ли слугамъ обманщика равняться съ нами?»... и *сдѣлали не благоразумно*, какъ мыслилъ Жолкѣвскій: ибо многіе изъ сихъ людей, оскорбленные презрѣніемъ, снова ушли къ Самозванцу въ Калугу. Но Гетманъ умѣлъ выслать изъ Москвы двухъ человѣкъ, опасаясь ихъ знаменитости и тайнаго неудовольствія: Князя Василія Голицына, одобреннаго Духовенствомъ искателя Державы, и Филарета, коего сыну желали вѣнца народъ и лучшіе граждане ([614]): оба, какъ устроилъ Гетманъ, должны были, въ качествѣ Великихъ Пословъ, ѣхать къ Сигизмунду, чтобы вручить ему хартію Владиславова избранія, а Владиславу утварь Царскую, — требовать ихъ согласія на статьи договора, нерѣшенныя Гетманомъ,

Политика Жолкѣвскаго.

и между тѣмъ служать Королю аманатами: отвѣтствовать своею головою за вѣрность Россіянъ ([615])! Товарищами Филарета и Голицына были Окольничій Князь Мезецкій, Думный Дворянинъ Сукинъ, Дьяки Луговскій и Сыдавный-Васильевъ, Архимандритъ Новоспасскій Евфимій, Келарь Лавры Аврамій, Угрѣшскій Игуменъ Іона и Вознесенскій Протоіерей Кириллъ ([616]). Отпѣвъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ въ Соборѣ Успенскомъ, давъ Посламъ благословеніе на путь и грамоту къ юному Владиславу о величіи и православіи Россіи ([617]), Ермогенъ заклиналъ ихъ не измѣнять Церкви, не плѣняться *мірскою лестію* — и ревностный Филаретъ съ жаромъ произнесъ обѣтъ умереть вѣрнымъ. Сіе важное, великолѣпное Посольство, сопровождаемое множествомъ людей чиновныхъ и пятью стами воинскихъ, выѣхало 11 Сентября изъ Москвы . . . . а чрезъ десять дней Ляки были уже въ стѣнахъ Кремлевскихъ!

Посольство къ Королю.

Такимъ образомъ случилось первое нарушеніе договора, по коему надлежало Гетману отступить къ Можайску ([618]). Употребили лукавство. Опасаясь непостоянства Россіянъ, и желая скорѣе имѣть все въ рукахъ своихъ, Гетманъ склонилъ не только Михайла Салтыкова съ Тушинскими измѣнниками, но и Мстиславскаго, и дру-

гихъ Бояръ легкоумныхъ, хотя и честныхъ, *требовать* вступленія Ляховъ въ Москву для усмиренія мятежной черни, будто бы готовой призвать Лжедимитрія ([619]). Не слушали ни Патріарха, ни Вельможъ благоразумнѣйшихъ, еще ревностныхъ къ государственной независимости. Впустили иноземцевъ ночью; велѣли имъ свернуть знамена, итти безмолвно въ тишинѣ пустыхъ улицъ, ([620]) — и жители на разсвѣтѣ увидѣли себя какъ бы плѣнниками между воинами Королевскими; изумились, негодовали, однакожь успокоились, вѣря торжественному объявленію Думы, что Ляхи будутъ у нихъ не господствовать, а служить: хранить жизнь и достояніе Владиславовыхъ подданныхъ. Сіи мнимые хранители заняли всѣ укрѣпленія, башни, ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ; овладѣли пушками и снарядами, расположились въ палатахъ Царскихъ и въ лучшихъ домахъ цѣлыми дружинами для безопасности. По крайней мѣрѣ не дерзали своевольствовать, ни грабить, ни оскорблять жителей; избрали чиновниковъ, для доставленія запасовъ войску, и судей для разбора всякихъ жалобъ. Гетманъ властвовалъ, но только указами Думы; изъявлялъ снисходительность къ народу, честилъ Бояръ и Духовенство. Дворецъ Кремлевскій, гдѣ пили и веселились сонмы иноплемен-

Вступленіе Поляковъ въ Москву.

ныхъ ратниковъ, уподоблялся шумной гостинницѣ; Кремлевскій домъ Борисовъ, занятый Жолкѣвскимъ, представлялъ благолѣпіе истиннаго дворца, ежечасно наполняясь, какъ въ Ѳеодорово время (621), знатнѣйшими Россіянами, которые искали тамъ совѣта въ дѣлахъ отечества и милостей личныхъ: такъ Гетманъ именемъ Царя Владислава далъ первому Боярину, Князю Мстиславскому, не хотѣвшему быть Вѣнценосцемъ, санъ *Конюшаго* и *Слуги* (622). Утративъ честь, хвалились тишиною, даромъ умнаго Жолкѣвскаго! Довольные тѣмъ, что онъ не впустилъ Сапѣги съ шайками разбойниковъ въ столицу, выдавъ ему изъ Царской казны 10,000 злотыхъ и склонивъ его итти на зиму въ Сѣверскую землю (623), Россіяне спокойно видѣли несчастнаго Василія въ рукахъ Ляховъ: вопреки намѣренію Бояръ удалить сего невольнаго Инока въ Соловки, Гетманъ послалъ его съ Литовскими Приставами въ Іосифовскую Обитель, чтобы имѣть въ немъ залогъ на всякій случай. Россіяне снесли также избраніе Ляха Госѣвскаго въ Предводители осьмнадцати тысячь Московскихъ Стрѣльцевъ, которые со временъ Разстриги, едва не спасеннаго ими (624), уже чувствовали свою силу и могли быть опасны для иноплеменниковъ: Госѣвскій снискалъ ихъ любовь ласкою, щедростію и пирами. «Упорствовалъ въ зложелательствѣ къ намъ» — пишутъ Ляхи (625) — «только осьмидесятилѣтній «Патріархъ, боясь Государя иновѣрнаго; но я

«его, уже хладное, загрубѣлое сердце смягчалось привѣтливостію и любезнымъ обхожденіемъ Гетмана, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ «всегда хвалившаго Греческую Вѣру, такъ, что «и Патріархъ казался наконецъ искреннимъ ему «другомъ.» Ермогенъ былъ другомъ единственно отечества, и въ глубокой старости еще пылалъ духомъ, какъ увидимъ скоро!

Утвердивъ спокойствіе въ Москвѣ, и занявъ отрядами всѣ города Смоленской дороги для безопаснаго сношенія съ Королемъ, Гетманъ ждалъ нетерпѣливо вѣстей изъ его стана; ждалъ согласія души слабой на дѣло смѣлое, великое — и рѣшительно увѣрялъ Бояръ въ немедленномъ прибытіи къ нимъ Владислава . . . . . Но судьба, благословенная для Россіи, влекла ее къ другому назначенію, готовя ей новыя искушенія и новыя имена для безсмертія!

Какъ несчастный Царь Василій съ своими братьями завидовалъ Князю Михаилу Шуйскому, такъ Сигизмундъ съ своими Панами завидовалъ Гетману, хотя слава обоихъ великихъ мужей была славою ихъ отечества и Государя: ослѣпленіе страстей, удивительное для разума, и тѣмъ не менѣе обыкновенное въ дѣйствіяхъ человѣческихъ! Недоброжелатели Гетмановы, Потоцкіе и друзья ихъ, говорили Королю: «Не «успѣхи случайные, но правила твердыя, внушаемыя зрѣлою мудростію, должны быть намъ «руководствомъ въ дѣлѣ столь важномъ. Извлекая мечь, ты, Государь, объявилъ, что ду-

«мыслишь единственно о благѣ Республики; те-
«перь, имѣя случай распространить ея владѣнія,
«можешь ли упустить его только для чести ви-
«дѣть сына на престолѣ Московскомъ? Отдашь
«ли пятнадцати-лѣтняго юношу, безъ совѣтни-
«ковъ и блюстителей, въ руки людей упоенныхъ
«духомъ мятежа и крамолы? Что отвѣтствуетъ
«за ихъ вѣрность и безопасность сего престола,
«обліяннаго кровію? Не скажетъ ли народъ твой,
«ревнитель свободы, что ты плѣняешься властію
«Самодержавною? Если же Царство Россійское
«столь завидно, то, взявъ Смоленскъ, иди въ
«Москву, и собственною рукою, какъ побѣди-
«тель, возьми ея державу» ([626])! Хотя разсуди-
тельные Вельможи, Левъ Сапѣга и другіе, умо-
ляли Короля немедленно принять договоръ Гет-
мановъ, немедленно отпустить Владислава въ
Москву, дать ему Жолкѣвскаго въ наставники и
легіонъ Поляковъ въ блюстители, обогатить
казну Республики казною Царскою, удовлетво-
рить ею всѣмъ требованіямъ войска, — нако-
нецъ утвердить вѣчный союзъ Литвы съ Рос-
сіею; но Король слѣдовалъ мнѣнію первыхъ
совѣтниковъ: хотѣлъ самъ быть Царемъ или
завоевателемъ Россіи — и въ семъ расположе-
ніи ждалъ Пословъ Московскихъ, Филарета и
Голицына, коихъ личное избраніе — то есть,
удаленіе — должно было содѣйствовать видамъ
хитраго Гетмана ([627]), но обратилось единствен-
но во славу ихъ великодушной твердости, безъ
пользы для Литвы, безъ пользы и для Россіи,

кромѣ чести имѣть такихъ мужей государственныхъ!

Менѣе другихъ вѣря Гетману, или Сигизмунду, они еще съ дороги извѣстили Думу, что вопреки условіямъ Ляхи грабятъ въ Уѣздахъ Осташкова, Ржева и Зубцова; что Сигизмундъ велитъ Дворянамъ Россійскимъ присягать *ему* и Владиславу вмѣстѣ (628), обѣщая имъ за то жалованье и земли. 7 Октября Послы увидѣли Смоленскъ и станъ Королевскій, куда ихъ не впустили: указали имъ мѣсто на пустомъ берегу Днѣпра, гдѣ они расположились въ шатрахъ, терпѣть ненастье, холодъ и голодъ . . . Тѣ, которые предлагали Царство Владиславу, требовали пищи отъ Сигизмунда, жалуясь на бѣдность, слѣдствіе долговременныхъ опустошеній и мятежей въ Россіи; а Вельможи Литовскіе отвѣчали: «Король здѣсь на войнѣ, и самъ терпитъ «нужду» (629)! Представленные Сигизмунду (12 Октября), Голицынъ, Мезецкій и Дьяки, — одинъ за другимъ, какъ обыкновенно — торжественными рѣчами изъяснили вину своего Посольства, и сказавъ, что Шуйскій добровольно оставилъ Царство, именемъ Россіи били челомъ о Владиславѣ. Вмѣсто Короля, гордо отвѣтствовалъ Канцлеръ Сапѣга: «Всевѣчный *Богъ боговъ* назначилъ степени для Монарховъ и подданныхъ. Кто дерзаетъ возноситься выше

Дѣйствія Пословъ Московскихъ.

«своего званія, того Онъ казнитъ и низвер-
«гаетъ: казнилъ Годунова и низвергнулъ Шуй-
«скаго, Вѣнценосцевъ рожденныхъ слугами!...
«Вы узнаете волю Королевскую.» И чрезъ нѣ-
сколько дней объявили имъ сію волю!

Какъ ни важны были статьи договора, устра-
ненныя Жолкѣвскимъ; хотя Патріархъ и Бояре
въ наказѣ, данномъ Посламъ, велѣли имъ неот-
ступно «требовать и *молить слезно*, чтобы Ко-
«ролевичь» — находившійся тогда въ Литвѣ —
«принялъ Греческую Вѣру отъ Филарета и Смо-
«ленскаго Епископа, ѣхалъ въ Москву уже пра-
«вославный, и тѣмъ отвратилъ соблазнъ, нетер-
«пимый и въ Польшѣ, гдѣ Государи должны
«быть всегда одной Вѣры съ народомъ» (630): но
царствованіе Владислава зависѣло единственно
отъ согласія Королевскаго на статьи утвержден-
ныя Гетманомъ: ибо Россіяне цѣловали крестъ
первому безъ всякой оговорки, довольствуясь
надеждою склонить его къ своему Закону уже
въ Царскомъ санѣ. Главнымъ дѣломъ для По-
словъ было возвратиться въ Москву съ Влади-
славомъ, *дать отца сиротамъ* (631), жизнь, душу
составу государственному, полумертвому безъ
Государя... И что же? Вельможи Королевскіе
объявили имъ въ самомъ началѣ переговоровъ,
что Владиславъ малолѣтный не можетъ устроить
Царства смятеннаго; что Сигизмундъ долженъ
прежде утишить оное и занять Смоленскъ, будто
бы преклонный къ Лжедимитрію (632). Послы от-
вѣчали: «Королевичь молодъ, но Богъ устроитъ

«Державу разумомъ его и счастіемъ, нашимъ «радѣніемъ и вашими совѣтами, Вельможи Думные. Смоленскъ не имѣетъ нужды въ воинахъ «иноземныхъ: оказавъ столько вѣрности во времена самыя бѣдственныя, столько доблести въ «защитѣ противъ васъ, измѣнитъ ли чести нынѣ, чтобы служить бродягѣ? Ручаемся вамъ «*душами* за Боярина Шеина и гражданъ: они «искренно, вмѣстѣ съ Россіею, присягнутъ Владиславу» (633). *Для чего же и не Сигизмунду?* возразили Паны: *Государи суть земные Боги, и воля ихъ священна. Вы оскорбляете Короля своимъ недовѣріемъ, дерзая раздѣлять отца съ сыномъ: Смоленскъ долженъ присягнуть имъ обоимъ.* Филаретъ и Голицынъ изумились. «Мы «избрали Владислава, а не Сигизмунда,» сказали они: «и вы, избравъ Шведскаго Принца въ Короли, не цѣловали креста родителю его, Іоанну.» *Сравненіе нелѣпое!* воскликнули Паны: *Іоаннъ не спасалъ нашей Республики, какъ Сигизмундъ спасаетъ Россію: ибо, взявъ Смоленскъ, древнюю собственность Литвы, пойдетъ съ войскомъ къ Калугѣ, чтобы истребить Лжедимитрія и тѣмъ успокоить Москву, гдѣ еще не всѣ жители усердствуютъ Королевичу, — гдѣ много людей зломысленныхъ и мятежныхъ.* «Нѣтъ надобности Сигизмунду» — говорили Послы — «и для великаго Монарха унизительно итти самому противъ злодѣя Калужскаго: пусть велитъ только Жолкѣвскому соединиться съ Россіянами, чтобы общими силами истребить его,

«какъ уставлено въ договорѣ! Походъ Королев-
«скій внутрь Государства разореннаго еще умно-
«жилъ бы зло. Ты, Левъ Сапѣга, бывалъ въ
«Россіи; зналъ ея богатство, многолюдство,
«цвѣтущіе города и селенія: нынѣ осталась
«единственно тѣнь ихъ, пепелища, обгорѣлыя
«стѣны; жители изгибли, отведены плѣнниками
«въ Литву, разбѣжались въ иныя земли . . . . А
«кто виною? ваши грабители еще болѣе, нежели
«Самозванцы: да удалятся же на вѣки, и Россія
«будетъ, что была, — по крайней мѣрѣ въ тече-
«ніе времени. Гнусный Лжедимитрій и безъ ва-
«шего содѣйствія исчезнетъ. Упорнѣйшіе изъ
«клевретовъ Тушинскихъ и цѣлые города, оболь-
«щенные именемъ Димитрія, возвратились подъ
«сѣнь отечества, какъ скоро услышали о новомъ
«Царѣ законномъ. Вы говорите о Московскихъ
«мятежникахъ: ихъ не знаемъ, видѣвъ соб-
«ственными глазами, что всѣ, *отъ мала до ве-
«лика*, и тамъ и въ другихъ городахъ цѣловали
«крестъ Владиславу съ живѣйшею радостію.
«Нѣтъ, Синклитъ и народъ немедленно казнили
«бы перваго, кто дерзнулъ бы измѣнить святому
«обѣту вѣрности. Однимъ словомъ, исполните
«только договоръ, утвержденный клятвою Гет-
«мана отъ имени Короля и Республики. Дѣло
«было кончено, къ обоюдному удовольствію:
«не вымышляйте новаго, чтобы *нашедши не по-
«терять и не каяться* (634). Въ случаѣ вѣролом-
«ства, какія откроются бѣдствія! Вы знаете, что
«Государство Московское обширно: еще не все

«разрушено, не все пало; есть Новгородъ Великій, многолюдная земля Поморская и Низовая ([635]); есть Царство Казанское, Астраханское и Сибирское! Не снесутъ обмана, и возстанутъ . . . . Господь да спасетъ и васъ и насъ «отъ слѣдствій ужасныхъ!»

Послы велѣли Дьяку читать Гетмановы условія: Паны не хотѣли слушать ([636]); но вдругъ какъ бы одумались, и ссылаясь на сей договоръ ([637]), требовали милліоновъ въ уплату жалованья Королевскому и даже Сапѣгину войску. . . . «За то ли, спросилъ Голицынъ, что «Сапѣга, клевретъ низкаго злодѣя, обнажилъ «наши церкви, иконы, гробы Святыхъ, и пилъ «кровь Христіанъ? Да и войско Королевское что «сдѣлало и дѣлаетъ въ Россіи? губитъ людей и «достояніе; какое право на мзду и благодарность? Но когда успокоится Держава, тогда «Царь Владиславъ, Патріархъ, Бояре и Чины «Государственные условятся съ Сигизмундомъ о «вознагражденіи вашихъ убытковъ. Договоръ «помнимъ; хотѣли напомнить его вамъ, и спрашиваемъ: даетъ ли Король сына на престолъ «Московскій?» . . . *Жалуетъ*, сказали наконецъ Паны (Октября 23). Тутъ Филаретъ, Голицынъ, Мезецкій, встали и поклонились до земли, изъявляя радость, славя мудрость Сигизмундову и счастливое царствованіе Владислава; а Левъ Сапѣга, въ отвѣтъ на статьи, нерѣшенныя Гетманомъ, объявилъ Королевскимъ именемъ: 1) что въ *крещеніи* и женидьбѣ Владислава *воленъ Богъ*

и Владиславъ (638); 2) что онъ не будетъ сноситься о Вѣрѣ съ Папою; 3) что смертная казнь для отметниковъ Греческаго исповѣданія въ Россіи (639) утверждается; 4) что о числѣ Ляховъ, коимъ быть при особѣ Царя, Послы могутъ условиться съ нимъ самимъ; 5) что всѣ иныя желанія и требованія Россіянъ предложатся Сейму въ Варшавѣ, гдѣ, *съ его согласія*, Король *дастъ* имъ сына въ Цари, но *прежде занявъ Смоленскъ, истребивъ Лжедимитрія и совершенно умиривъ Россію* .... Тутъ исчезла радость Пословъ! Паны изъясняли имъ, что если бы Сигизмундъ, не сдѣлавъ ничего, выступилъ изъ Россіи, то вольные Ляхи и Козаки, числомъ не менѣе осьмидесяти тысячь въ ея предѣлахъ (640), соединились бы съ Лжедимитріемъ; что Король хочетъ Смоленска не для себя, а для Владислава: ибо оставитъ ему все въ наслѣдство, и Литву и Польшу; что Смоленскіе граждане должны присягнуть Королю единственно изъ чести! Но Филаретъ и Голицынъ, видя намѣреніе Сигизмунда только манить Россію Владиславомъ и взять ее себѣ въ добычу, или раздробить, выразили негодованіе столь сильно, что гнѣвные Паны уже не хотѣли говорить съ ними, воскликнувъ: «конецъ терпѣнію и Смо«ленску! На васъ будетъ его пепелъ и кровь «жителей!»

О семъ худомъ успѣхѣ Посольства свѣдали въ Москвѣ съ равною горестію и Бояре благонамѣренные и Гетманъ честолюбивый, кото-

рый, все еще увѣряя ихъ въ непремѣнномъ исполненіи своего договора, рѣшился употребить крайнее средство: оставить Москву, только имъ утишаемую, и лично объясниться съ Королемъ. Сами Россіяне удерживали, заклинали его не предавать столицы опасностямъ безначалія и мятежей. Пожавъ руку у Князя Мстиславскаго, онъ сказалъ ему: «ѣду довершить мое дѣло «и спокойствіе Россіи;» а Ляхамъ: «я далъ «слово Боярамъ, что вы будете вести себя «примѣрно для вашей собственной безо«пасности; поручаю вамъ Царство Влади«слава, честь и славу Республики.» Преемникомъ его, то есть, истиннымъ градоначальникомъ Москвы, надлежало быть Ляху Госѣвскому, съ усердною помощію Михайла Салтыкова и Дьяка Ѳедора Андронова, названнаго Государственнымъ Казначеемъ (641). Устроивъ все для храненія тишины, Жолкѣвскій сѣлъ въ колесницу и тихо ѣхалъ Москвою, провождаемый Синклитомъ и толпами жителей. Улицы и кровли домовъ были наполнены людьми. Вездѣ раздавались громкіе клики: желали ему счастливаго пути и скораго возвращенія! Сіе торжество Гетманово ознаменовалось дѣломъ безславнѣйшимъ для Боярской Думы: она выдала бывшаго Царя своего иноплеменнику! Жолкѣвскій взялъ съ собою двухъ братьевъ Василіе-

Отъѣздъ Жолкѣвскаго.

Шуйскій преданъ Полякамъ.

выхъ — и народъ Московскій любопытно смотрѣлъ, какъ ихъ везли въ особенныхъ колесницахъ предъ Гетманомъ! Женѣ Князя Дмитрія Шуйскаго дозволили ѣхать съ мужемъ ([642]); а несчастную Царицу удалили въ Суздальскую Дѣвичью Обитель. Гетманъ заѣхалъ въ Іосифовъ монастырь, взялъ тамъ самаго Василія и въ мірской, Литовской одеждѣ, какъ узника, повезъ къ Сигизмунду! «О время стыда и без«чувствія!» восклицаетъ современникъ: «Мы «забыли Бога! Какой отвѣтъ дадимъ Ему и лю«дямъ? Что скажемъ чужимъ Государствамъ «себѣ въ оправданіе, самовольно отдавъ Цар«ство и Царя въ плѣнъ иновѣрнымъ? Не мно«гіе злодѣйствовали; но мы видѣли и терпѣли, «не имѣвъ великодушія умереть за добродѣ«тель» ([643]). Такъ лучшіе Россіяне скорбѣли внутренно, и въ искреннемъ негодованіи готовились, еще не зная и не думая, къ возстанію отчаянному: часъ приближался!

Гетмана встрѣтили пышно, Воеводы Королевскіе и Сенаторы; говорили ему рѣчи и славили его какъ Героя. Жолкѣвскій, вмѣстѣ съ трофеями, представилъ Сигизмунду и своего Державнаго плѣнника, въ богатой одеждѣ ([644]). Всѣ взоры устремились на Василія, безмолвнаго и неподвижнаго. Хотѣли, чтобы онъ поклонился Королю: *Царь Московскій*, отвѣтствовалъ Василій, *не кланяется Королямъ. Судьбами Всевышняго я плѣнникъ, но взятъ не вашими руками: выданъ вамъ моими подданными,*

измѣнниками (645). «Его твердость, величіе, «разумъ заслужили удивленіе Ляховъ,» говоритъ Лѣтописецъ: «и Василій, лишенный вѣн«ца, сдѣлался честію Россіи.» Онъ еще имѣлъ нужду въ сей твердости, чтобы великодушно сносить неволю, и тѣмъ заплатить послѣдній долгъ отечеству, въ удостовѣреніе, что оно могло безъ стыда именовать его четыре года своимъ Вѣнценосцемъ! . . . Изъявивъ Гетману благодарность за мнимую славу имѣть такого плѣнника и за мнимое *взятіе* Москвы, Король не хотѣлъ однакожь утвердить его договора. Напрасно Жолкѣвскій доказывалъ, грозилъ: доказывалъ, что воцареніемъ Королевича Московская и Польская Держава будутъ навѣки единою къ ихъ обоюдному счастію, и что никогда первая не признаетъ Сигизмунда Царемъ; грозилъ новою, жестокою, необозримою въ бѣдствіяхъ войною. Считая Гетмана пристрастнымъ къ своему дѣлу и жаднымъ къ личной славѣ, Сигизмундъ не вѣрилъ ему; твердилъ, что занятіе Смоленска необходимо для блага Республики и для его Королевской чести; наконецъ велѣлъ самому Жолкѣвскому склонять Пословъ Московскихъ къ уступчивости миролюбивой.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ Гетманъ долженъ былъ исполнить Королевскую волю; но, властвуя надъ собою, въ переговорахъ съ Филаретомъ и Голицынымъ казался убѣжденнымъ въ ея справедливости, и требовалъ отъ нихъ Смо-

ленска единственно въ залогъ временный, для безопаснаго сообщенія войска Сигизмундова съ Литвою. «Вы боялись» — сказалъ онъ — «впу-«стить насъ и въ Москву; а впустивъ, радовались! «Не упорствуйте, или договоръ, заключенный «мною съ вами, столь благонамѣренный, столь «благословенный для обѣихъ Державъ, уничто-«жится неминуемо. Король думаетъ, что не взять «Смоленска есть для него безчестіе; возметъ си-«лою, и только изъ уваженія къ моему ходатай-«ству медлитъ: сѣкира лежитъ у корня!» Не хотѣли дать времени Посламъ описаться съ Москвою, говоря: «не Москва указываетъ Королю, «а Король Москвѣ» (646); требовали неукоснительнаго рѣшенія. Въ сихъ обстоятельствахъ Филаретъ и Князь Голицынъ совѣтовались съ чиновниками и Дворянами Посольскими; желали знать мнѣніе и *Смоленскихъ* Дѣтей Боярскихъ, которые пріѣхали съ ними, усердно служивъ Шуйскому до его низверженія. Всѣ отвѣтствовали: «Не «вводить въ Смоленскъ ни единаго Ляха. Если «Король дерзнетъ лить кровь, то она будетъ на «немъ, вѣроломномъ; имъ, не вами священной «договоръ рушится.» Дѣти Боярскіе примолвили: «Наши матери и жены въ Смоленскѣ: пусть тамъ «гибнутъ; но города вѣрнаго не отдавайте Ля-«хамъ. И знайте, что вы не можете отдать его: «защитники Смоленскіе не послушаются васъ, «какъ измѣнниковъ» (647). Съ твердостію отказавъ Панамъ, Филаретъ и Голицынъ еще *слезно* заклинали ихъ не испровергать дѣла Гетманова

и быть навѣки братьями Россіянъ; но тщетно! 21 Ноября Ляхи, новымъ подкопомъ взорвавъ Грановитую башню и часть городской стѣны, съ Нѣмцами и Козаками устремились къ Смоленской крѣпости; приступали три раза и были славно отражены Шеинымъ, въ глазахъ Сигизмунда, Гетмана и нашихъ Пословъ! . . . Еще переговоры длились, хотя и безполезно. Послы Россійскіе жили въ тѣсномъ заключеніи: имъ не дозволяли писать въ Смоленскъ; мѣшали сношеніямъ ихъ съ Москвою и съ другими городами, такъ, что они долгое время не имѣли никакихъ вѣстей, никакихъ предписаній отъ Думы Боярской (648), слыша единственно отъ Пановъ, что Шведы воюютъ Россію, и Самозванецъ усиливается въ Калугѣ, ожидая къ себѣ Крымцевъ и Турковъ въ сподвижники; что Король Датскій готовится взять Архангельскъ; что всѣ возстаютъ, всѣ идутъ на Россію; что она гибнетъ, и можетъ быть спасена только великодушнымъ Сигизмундомъ.

Неудачные приступы къ Смоленску.

Россія дѣйствительно гибла, и могла быть спасена только Богомъ и собственною добродѣтелію! Столица, безъ осады, безъ приступа взятая иноплеменниками, *казалась* нечувствительною къ своему уничиженію и стыду. Бояре сидѣли въ Думѣ и писали указы, но слушаясь Госѣвскаго, который, уже зная Сигизмундову волю

отвергнуть договоръ Гетмановъ, и предвидя слѣдствія, употреблялъ всѣ нужныя мѣры для своей безопасности: высылалъ Стрѣльцевъ изъ Москвы, чтобы уменьшить въ ней число людей ратныхъ; велѣлъ истребить всѣ рогатки на улицахъ (649); запретилъ жителямъ носить оружіе, толпиться на площадяхъ, выходить ночью изъ домовъ, и вездѣ усилилъ стражу (650). Выгнали Дворянъ и богатѣйшихъ купцевъ изъ Китая и Бѣлаго города за валъ Деревяннаго, чтобы въ ихъ домахъ помѣстить Нѣмцевъ и Ляховъ. Однакожь благоразумныя предписанія Гетмановы исполнялись строго: не касались ни чести, ни собственности жителей, ни святыни церквей; наглость унимали и наказывали безъ милосердія. Одинъ Ляхъ выстрѣлилъ въ икону Богоматери, другой обезчестилъ дѣвицу: ихъ судили, и перваго сожгли, а втораго высѣкли кнутомъ (651). Еще тишина царствовала, и Москвитяне пировали съ Ляхами, скрывая взаимное опасеніе и непріязнь, называясь братьями *и нося камень за пазухою*, какъ говоритъ Историкъ-очевидецъ (652). Ляхи не вѣрили терпѣнію Россіянъ, а Россіяне доброму намѣренію Ляховъ, видя ихъ беззаконное господство въ столицѣ, угодное только немногимъ знатнымъ крамольникамъ: Салтыкову, Рубцу-Мосальскому и другимъ Тушинскимъ злодѣямъ, которые хотя и предлагали иноплеменнику условія благовидныя для нашей свободы, но вмѣсто Владислава готовы были отдать

Россію и Сигизмунду безъ всякихъ условій, чтобы подъ его державою спастися отъ праведной казни. Сильные мечемъ Ляховъ, они законодательствовали въ робкой Думѣ, утверждая Князя Мстиславскаго и другихъ Бояръ слабыхъ въ надеждѣ, что Сигизмундъ дастъ имъ сына въ Цари, не взирая на свою медленность и требованія несправедливыя. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Дума знала, что наши Послы живутъ у Короля въ неволѣ; знала о приступѣ Ляховъ къ Смоленску, и все еще ждала Владислава (663)! Долго молчавъ, Король написалъ къ ней, что онъ не предастъ Россіи въ жертву злодѣю Калужскому и гнуснымъ его сообщникамъ (664): долженъ искоренить ихъ, смирить мятежный Смоленскъ — и тогда возвратится въ Литву, чтобы на Сеймѣ, въ присутствіи нашихъ Пословъ, утвердить договоръ Московскій. Между тѣмъ Король *отъ собственнаго имени* давалъ указы Думѣ о вознагражденіи Бояръ и сановниковъ, къ нему усердныхъ: Салтыковыхъ, Мосальскаго, Хворостинина, Мещерскаго, Долгорукаго, Молчанова, Печатника Грамотина и другихъ, разоренныхъ Шуйскимъ (665); жаловалъ чины и мѣста, земли и деньги; однимъ словомъ, уже дѣйствовалъ какъ Властелинъ Россіи, не имѣя ни тѣни права, — и Дума уважала его волю, какъ

Самовластіе Сигизмунда.

будто бы нераздѣльную съ волею Царя малолѣтнаго ([656])! И люди знатные ѣздили изъ Москвы въ станъ Королевскій, просить милостей, равно беззаконныхъ и срамныхъ ([657])! . . . . Уже народъ, менѣе Думы терпѣливый, изъявлялъ досаду, не видя Владислава, и Бояре, опасаясь мятежа, заклинали Сигизмунда удовлетворить сему нетерпѣнію безъ отлагательства и безъ Сейма: о Владиславѣ не было слуха, а Король заботился единственно о взятіи Смоленска!

Въ такомъ положеніи могла ли столица съ ея мнимымъ Правительствомъ быть главою и душею Государства? Все волновалось въ неустройствѣ, безъ связи въ частяхъ цѣлаго, безъ единства въ движеніяхъ. Областные жители, присягнувъ Королевичу, съ неудовольствіемъ слышали о господствѣ Ляховъ въ столицѣ, съ негодованіемъ видѣли ихъ чиновниковъ, разосланныхъ Гетманомъ и Госѣвскимъ для собранія дани на жалованье Королевскому войску ([658]). Вездѣ кричали: «Мы присягали Владиславу, а не Гетману и не Госѣвскому!» Жалобы еще удвоились отъ неистовства Ляховъ, которые вели себя благоразумно въ одной Москвѣ: презирая договоръ, они не только не выходили изъ нашихъ городовъ, не только самовольствовали въ нихъ и грабили, но и жгли, му-

Нетерпѣніе народа.

чили, убивали Россіянъ (659). Гдѣ нѣтъ защиты отъ Правительства, тамъ нѣтъ къ нему и повиновенія. Новогородцы затворили ворота, и долго не хотѣли впустить Боярина Ивана Салтыкова, извѣстнаго друга Гетманова, присланнаго къ нимъ Думою съ дружинами Стрѣльцевъ, чтобы выгнать Шведовъ изъ сѣверной Россіи: ибо союзникъ Делагарди, послѣ несчастной Клушинской битвы отступая къ Финляндскимъ границамъ, уже дѣйствовалъ какъ непріятель; занялъ Ладогу, осадилъ Кексгольмъ, и съ горстію воиновъ мыслилъ отнять Царство у Владислава, самъ собою, безъ вѣдома Карлова, торжественно предлагая одного изъ Шведскихъ Принцевъ намъ въ Государи (660). Давъ клятву Новогородцамъ не вводить къ нимъ ни одного Ляха, Салтыковъ убѣдилъ ихъ, какъ подданныхъ Владиславовыхъ, содѣйствовать ему въ изгнаніи Шведовъ и въ усмиреніи мятежниковъ: вытѣснилъ первыхъ изъ Ладоги, но не могъ выгнать изъ Россіи, — ни смирить Пскова, гдѣ еще царствовало имя Лжедимитрія, и гдѣ злодѣйствовалъ Лисовскій (661), торгуя добычею разбоевъ и святотатства, пируя съ жителями какъ съ братьями и грабя ихъ какъ непріятель (662). Великія Луки, занятыя его сподвижникомъ, измѣнникомъ Просовецкимъ, Яма, Иваньгородъ, Копорье, Орѣшекъ также

Непріятельскія дѣйствія Делагарди.

Злодѣйства Лисовскаго.

упорствовали въ вѣрности къ Самозванцу, отъ ненависти къ Ляхамъ. Сія ненависть произвела тогда еще новую, разительную измѣну. Знаменитая именемъ Царства, Казань, въ счастливѣйшие дни Тушинскаго злодѣя бывъ вѣрною Москвѣ (663), вдругъ пристала къ нему, уже почти всѣми отверженному и презрѣнному! Ея чернь и граждане, свѣдавъ о вступленіи Гетмана въ столицу, возмутились; объявили, что лучше хотятъ служить Калужскому *Царику*, нежели зловѣрной Литвѣ, и цѣловали крестъ Лжедимитрію, слѣдуя внушенію лазутчиковъ и слугъ его, которые были имъ тогда посланы въ Астрахань и находились въ Казани (664). Воевода, славный любимецъ Іоанновъ, Бѣльскій, уговаривалъ народъ не присягать ни Владиславу, ни Лжедимитрію, а *будущему* Вѣнценосцу Московскому, безъ имени; стыдилъ, заклиналъ — и былъ жертвою яростной черни, подстрекаемой Дьякомъ Шульгинымъ: Бѣльскаго схватили, кинули съ высокой башни и растерзали — того, кто служилъ шести Царямъ, не служа ни отечеству, ни добродѣтели; лукавствовалъ, измѣнялъ.... и погибъ въ лучшій часъ своей государственной жизни, какъ страдалецъ за достоинство народа Россійскаго (665)! Другой Воевода Казанскій, Бояринъ Морозовъ, и люди чиновные не дерзнули противиться

Измѣна Казани.

осажденнымъ гражданамъ, и вмѣстѣ съ ними писали къ жителямъ сѣверныхъ областей, что Москва сдѣлалась Литвою, а Калуга столицею отечества; что имя Димитрія должно соединить всѣхъ истинныхъ Россіянъ для возстановленія Государства и Церкви ([666]). Но Казанцы присягнули уже тѣни!

Никѣмъ не тревожимый въ Калугѣ и до времени нужный Сигизмунду какъ пугалище для Москвы, Самозванецъ, имѣя тысячь пять Козаковъ, Татаръ и Россіянъ, еще грозилъ и Москвѣ и Сигизмунду, мучилъ Ляховъ, захватываемыхъ его шайками въ разъѣздахъ ([667]), и говорилъ: «Христіане мнѣ измѣнили: и такъ «обращусь къ Магометанамъ; съ ними завоюю «Россію, или не оставлю въ ней камня на кам«нѣ: доколѣ я живъ, ей не знать покоя.» Онъ думалъ, какъ пишутъ, удалиться въ Астрахань, призвать къ себѣ всѣхъ Донцевъ и Ногаевъ, основать тамъ новую Державу и заключить братскій союзъ съ Турками! Между тѣмъ веселился, безумствовалъ, и хвалился дружбою Магометанъ, то ласкалъ, то казнилъ ихъ, на свою гибель. Судьба его рѣшилась незапно. Ханъ или Царь Касимовскій, Уразъ-Мигметъ, во время Лжедимитріева бѣгства изъ Тушина не присталъ ни къ Ляхамъ, ни къ Россіянамъ, и съ новымъ усердіемъ явился къ нему въ Калугѣ; но сынъ Ханскій донесъ, что отецъ его мыслитъ тайно уѣхать въ Москву, — и Лжедимитрій, безъ всякаго изслѣдованія, велѣлъ палачамъ своимъ,

Михайлу Бутурлину и Михневу, умертвить несчастнаго Уразъ-Магмета ([668]) и кинуть въ Оку; а Князя Ногайскаго, Петра Араслана Урусова, хотѣвшаго мстить сыну-клеветнику, посадилъ въ темницу. Чрезъ нѣсколько дней освобожденный и снова ласкаемый Самозванцемъ, Арасланъ, уже пылалъ злобою непримиримою, и выѣхавъ съ нимъ на охоту (Декабря 11), въ мѣстѣ уединенномъ прострѣлилъ его насквозь пулею, сказавъ: «я научу тебя топить Ха«новъ и сажать Мурзъ въ темницу,» отсѣкъ ему голову, и съ Ногаями ушелъ въ Тавриду, прославивъ себя злодѣйскимъ истребленіемъ злодѣя, который едва не овладѣлъ обширнѣйшимъ Царствомъ въ мірѣ, къ стыду Россіи не имѣвъ ничего, кромѣ подлой души и безумной дерзости.

Смерть Самозванца.

Съ вѣстію о семъ убійствѣ прискакалъ въ Калугу шутъ Лжедимитріевъ, Кошелевъ, бывъ свидѣтелемъ онаго. Сдѣлалось страшное смятеніе. Ударили въ набатъ. Марина отчаянная, полунагая, ночью съ зажженнымъ факеломъ бѣгала изъ улицы въ улицу, требуя мести ([669]) — и къ утру не осталось ни единаго Татарина живаго въ Калугѣ: ихъ всѣхъ, хотя и невинныхъ въ Араслановомъ дѣлѣ, безжалостно умертвили Козаки и граждане. Обезглавленный трупъ Лжедимитріевъ съ честію предали землѣ въ Соборной церкви ([670]), и Марина,

въ отчаяніи не теряя ни ума, ни властолюбія, немедленно объявила себя беременною; немедленно и родила . . . сына, торжественно крещеннаго и названнаго Царевичемъ Іоанномъ, къ живѣйшему удовольствію народа. Готовился новый обманъ; но Россіяне чиновные, которые еще находились между послѣдними клевретами Самозванца: Князь Дмитрій Трубецкій, Черкасскій (671), Бутурлинъ, Микулинъ и другіе, уже не хотѣли служить ни срамной вдовѣ двухъ обманщиковъ, ни ея сыну, дѣйствительному или мнимому; цѣловали крестъ Государю законному, тому, кто волею Божіею и всенародною утвердится на Московскомъ престолѣ (672); дали знать о семъ Думѣ Боярской; овладѣли Калугою и взяли Марину подъ стражу (673).

Новый обманъ.

Россія, казалось, ждала только сего происшествія, чтобы единодушнымъ движеніемъ явить себя еще не мертвою для чувствъ благородныхъ: любви къ отечеству и къ независимости государственной. Что можетъ народъ, въ крайности уничиженія, безъ вождей смѣлыхъ и рѣшительныхъ? Два мужа, избранные Провидѣніемъ начать великое дѣло . . . . и быть жертвою онаго, бодрствовали за Россію: одинъ старецъ ветхій, но адамантъ Церкви и Государства — Патріархъ Ермогенъ; другой, крѣпкій мышцею и духомъ, стремитель-

Начальники возстанія народнаго.

ный на пути закона и беззаконія — Ляпуновъ Рязанскій. Первому надлежало увѣнчать свою добродѣтель: второму примириться съ добродѣтелію. Ляпуновъ враждовалъ, Ермогенъ усердствовалъ несчастному Шуйскому: новыя бѣдствія отечества согласили ихъ. Оба, уступивъ силѣ, признали Владислава, но съ условіемъ — и не безмолвствовали, когда, нарушая договоръ, Гетманъ овладѣлъ столицею. Сигизмундъ давалъ указы отъ своего имени и громилъ Смоленскъ, а Ляхи злодѣйствовали въ мнимомъ Владиславовомъ Царствѣ (674). Ляпуновъ зналъ все, что дѣлалось въ Королевскомъ станѣ, гдѣ находился его братъ, въ числѣ Дворянъ, съ Филаретомъ и Голицынымъ. Сей человѣкъ дерзкій и лукавый — извѣстный Захарія, одинъ изъ главныхъ виновниковъ Василіева низверженія, въ личинѣ измѣнника пировалъ съ Вельможными Панами, грубо смѣялся надъ Послами, винилъ ихъ въ упрямствѣ (675), но обманывалъ Ляховъ: наблюдалъ, вывѣдывалъ, и тайно сносился съ братомъ, какъ ревностный противникъ Владиславова царствованія (676). Такъ и нѣкоторые изъ Пословъ, свѣтскіе и духовные, лицемѣрно изъявляли доброжелательство къ Сигизмунду и были милостиво уволены имъ въ Москву, обѣщая содѣйствовать въ ней его видамъ: Думный Дворянинъ Сукинъ, Дьякъ Васильевъ, Архимандритъ Евфимій и Келарь Аврамій (677); но возвратились единственно для того, чтобы огласить въ столицѣ и въ Россіи вѣроломство Гетма-

ново или Сигизмундово. — Уже Ермогенъ въ искреннихъ бесѣдахъ съ людьми надежными, Ляпуновъ въ перепискѣ съ Духовенствомъ и чиновниками областей, убѣждалъ ихъ не терпѣть насилія иноплеменниковъ. Убѣжденія дѣйствовали, негодованіе возрастало — и какъ скоро услышали Москвитяне о смерти Лжедимитрія, страшилища для ихъ воображенія, то, радуясь и славя Бога (678), вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединиться *душами и головами* для изгнанія Ляховъ. Тщетно Сигизмундъ — уже знавъ, вѣроятно, о гибели Самозванца, и лишась предлога оставаться въ Россіи, будто бы для его истребленія — писалъ (отъ 13 Декабря) къ Боярамъ, что «Владиславъ скоро будетъ въ «Москву, а войско Королевское идетъ противъ «Калужскаго злодѣя» (679): Россія уже не хотѣла Владислава! Дума, въ своемъ отвѣтѣ, благодарила Сигизмунда за милость, требуя однакожь скорости, и прибавляя, что Россіяне уже не могутъ терпѣть сиротства, *будучи стадомъ безъ пастыря или великимъ звѣремъ безъ главы* (680); но Патріархъ, удостовѣренный въ единомысліи добрыхъ гражданъ, объявилъ торжественно, что Владиславу не царствовать, *если не крестится въ нашу вѣру* и не вышлетъ всѣхъ Ляховъ изъ Державы Московской (681). Ермогенъ сказалъ: столица и Государство повторили. Уже не довольствовались ропотомъ. Москва, подъ саблею Ляховъ, еще не двигалась, ожидая часа; но въ предѣлахъ сосѣдственныхъ блеснули мечи

и копья: начали вооружаться. Городъ сносился съ городомъ; писали и наказывали другъ къ другу словесно, что пришло время стать за Вѣру и Государство. Особенное дѣйствіе имѣли двѣ грамоты, всюду разосланныя изъ Москвы: одна къ ея жителямъ отъ *Уѣздныхъ* Смолянъ, другая отъ Москвитянъ ко всѣмъ Россіянамъ. Смоляне писали: «Обольщенные Королемъ, мы «ему не противились. Что же видимъ? гибель душевную и тѣлесную. Святыя церкви разорены; ближніе наши въ могилѣ «или въ узахъ. Хотите ли такой же доли? «Вы ждете Владислава, и служите Ляхамъ, «угождая извергамъ, Салтыкову и Андронову; но Польша и Литва не уступятъ «своего будущаго Вѣнценосца вамъ, ослабленнымъ измѣнами ([682]). Нѣтъ, Король и «Сеймъ, долго думавъ, рѣшились взять «Россію безъ условій, вывести ея лучшихъ «гражданъ и господствовать въ ней надъ «развалинами. Возстаньте, доколѣ вы еще «вмѣстѣ и не въ узахъ; подвигните и другія области, да спасутся души и Царство! «Знаете, что дѣлается въ Смоленскѣ: тамъ «горсть вѣрныхъ стоитъ неуклонно подъ «щитомъ Богоматери и разитъ сонмы иноплеменниковъ!» Москвитяне писали къ братьямъ во всѣ города ([683]): «Не слухомъ «слышимъ, а глазами видимъ бѣдствіе «неизглаголанное. Заклинаемъ васъ име-

Грамоты Смолянъ и Москвитянъ.

«семъ Судіи живыхъ и мертвыхъ: воз«станьте и къ намъ спѣшите! Здѣсь корень «Царства, здѣсь знамя отечества, здѣсь «Богоматерь изображенная Евангелистомъ «Лукою; здѣсь свѣтильники и хранители «Церкви, Митрополиты Петръ, Алексій, «Іона! Извѣстны виновники ужаса, преда«тели студные: къ счастію, ихъ мало; не «многіе идутъ во слѣдъ Салтыкову и Ан«дронову — а за насъ Богъ, и всѣ добрые «съ нами, хотя и не явно до времени: Свя«тѣйшій Патріархъ Ермогенъ, прямый учи«тель, прямый наставникъ, и всѣ Христіане «истинные! Дадите ли насъ въ плѣнъ и въ «Латинство?» — Кромѣ Рязани, Владиміръ, Суздаль, Нижній, Романовъ, Ярославль, Кострома, Вологда ополчились усердно, для избавленія Москвы отъ Ляховъ, *по мысли Ляпунова и благословенію Ермогена* (684).

Слабость Московской Думы.

Что же сдѣлало такъ называемое Правительство, Боярская Дума, свѣдавъ о семъ движеніи, признакѣ души и жизни въ Государствѣ истерзанномъ? . . . Донесло Сигизмунду на Ляпунова, какъ на мятежника, требуя казни его брата и единомышленника, Захаріи; велѣло Посламъ, Филарету и Голицыну, уважать Сигизмундову волю и ѣхать въ Литву къ Владиславу, если такъ будетъ угодно Королю; велѣло Шеину впустить Ляховъ въ Смоленскъ; выслало даже

войско съ Княземъ Иваномъ Куракинымъ для усмиренія мнимаго бунта въ Владимірѣ (685). Но Филаретъ и Голицынъ уже все знали и благопріятствовали великому начинанію Ляпунова; замѣтили, что грамота Боярская не скрѣплена Патріархомъ, и не хотѣли повиноваться (686); дали тайно знать и Смоленскому Воеводѣ, чтобы онъ не исполнялъ указа Думы, — и доблій Шеинъ отвѣтствовалъ Королевскимъ Панамъ: «исполните прежде договоръ Гетмановъ;» длилъ время въ сношеніяхъ съ ними, и ждалъ избавленія, готовый и на славную гибель. Съ другой стороны войско союзныхъ городовъ близъ Владиміра встрѣтило и разбило Куракина (687). Симъ междоусобнымъ кровопролитіемъ рушилась государственная власть Думы, оттолѣ признаваемая единственно невольною Москвою. Ляпуновъ, остановивъ всѣ доходы казенные и не велѣвъ пускать хлѣба въ столицу, всенародно объявилъ Вельможъ Синклита богоотступниками, преданными *славѣ міра и враждебному Западу, не пастырями, а губителями Христіанскаго стада* (688). Таковы дѣйствительно были Салтыковъ и клевреты его; не таковы Мстиславскій и другіе, единственно запутанные въ ихъ сѣтяхъ, единственно слабодушные, и съ любовію къ отечеству безъ умѣнія избрать для него лучшее въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ: страшась народныхъ мятежей болѣе, нежели государственнаго уничиженія, они думали спасти Россію Владиславомъ, вѣрили Гетману, вѣрили Сигиз-

мунду — не вѣрили только добродѣтели своего народа, и заслужили его презрѣніе, уступивъ добрую славу тремъ изъ мужей Думныхъ, Князьямъ Андрею Голицыну, Воротынскому и Засѣкину, которые не таили своего единомыслія съ Ермогеномъ, обличали предательство или заблужденіе другихъ Бояръ, и были отданы подъ стражу въ видѣ крамольниковъ (689).

Уже Москвитяне, слыша о ревностномъ возстаніи городовъ, перемѣнились въ обхожденіи съ Ляхами: бывъ долго смиренны, начали оказывать неуступчивость, строптивость, духъ враждебный и сварливый (690), какъ было предъ гибелію Разстриги. Кричали на улицахъ: «мы по глупости выбрали Ляха въ Цари, однакожь «не съ тѣмъ, чтобы итти въ неволю къ «Ляхамъ; время раздѣлаться съ ними» (691). Въ грубыхъ насмѣшкахъ давали имъ прозваніе *Хохловъ*, а купцы за все требовали съ нихъ вдвое. Уже начинались ссоры и драки. Госѣвскій требовалъ отъ своихъ благоразумія, терпѣнія и неусыпности. Они бодрствовали день и ночь, не снимая съ себя доспѣховъ, ни сѣделъ съ коней (692); ежедневно, три и четыре раза, били тревогу; имѣли вездѣ лазутчиковъ; осматривали на заставахъ возы съ дровами, сѣномъ, хлѣбомъ, и находили въ нихъ иногда скрытое оружіе (693). Высылали кон-

Ссоры съ Поляками.

ныя дружины на дороги, перехватили тайное письмо изъ Москвы къ областнымъ жителямъ, и свѣдали, что они въ заговорѣ съ ними, и что Патріархъ есть Глава его; что Москвитяне надѣются не оставить ни одного Ляха живаго, какъ скоро увидятъ войско избавителей подъ своими стѣнами ([694]). Не взирая на то, Госѣвскій еще не смѣлъ употребить средствъ жестокихъ, ни обезоружить Стрѣльцевъ и гражданъ, ни свергнуть Патріарха; довольствовался угрозами, сказавъ Ермогену, что святость сана не есть право быть возмутителемъ ([695]). Болѣе наглости оказали злодѣи Россійскіе. Михайло Салтыковъ требовалъ, чтобы Ермогенъ не велѣлъ ополчаться Ляпунову. «Не велю» — отвѣтствовалъ Патріархъ — «если увижу крещеннаго Владислава въ Москвѣ и Ляховъ выходящихъ изъ «Россіи; велю, если не будетъ того, и разрѣшаю «всѣхъ отъ данной Королевичу присяги» ([696]). Салтыковъ въ бѣшенствѣ выхватилъ ножъ: Ермогенъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ громогласно: «Сіе знаменіе противъ «ножа твоего, да взыдетъ вѣчная клятва на «главу измѣнника» ([697])! и взглянувъ на печальнаго Мстиславскаго, примолвилъ тихо: «Твое «начало: ты долженъ первый умереть за Вѣру «и Государство; а если плѣнишься кознями Са«танинскими, то Богъ истребитъ корень твой на «землѣ живыхъ — и самъ умрешь какою смер«тію?» *Предсказаніе исполнилось*, говоритъ Лѣтописецъ ([698]): ибо Мстиславскій никакъ не

хотѣлъ одобрить народнаго возстанія, и писалъ отъ имени Синклита грамоту за грамотою къ Королю, что обстоятельства ужасны и время дорого; что одна столица еще не измѣняетъ Владиславу, а Держава въ безначаліи готова раздѣлиться; что Ивангородъ и Псковъ, обольщенные Генераломъ Делагарди, желаютъ имѣть Царемъ Шведскаго Принца; что Астрахань и Казань, гдѣ господствуетъ злочестіе Магометово, умышляютъ предаться Шаху Аббасу; что области низовыя, степныя, восточныя и сѣверныя до пустынь Сибирскихъ возмущены Ляпуновымъ; но что немедленное прибытіе Королевича еще можетъ все исправить, спасти Россію и честь Королевскую (699). Измѣнники же, Салтыковъ и Андроновъ, звали въ Москву не Владислава, а самого Короля съ войскомъ (700), отвѣтствуя ему за успѣхъ, то есть, за порабощеніе Россіи обманомъ и насиліемъ.

Но Сигизмундъ, вопреки настоянію Бояръ и даже многихъ Польскихъ Сенаторовъ (701), вопреки собственному обѣту, не думалъ отправить сына въ Москву; не думалъ и самъ итти къ ней съ войскомъ, какъ предлагали ему наши измѣнники; сильно, упорно хотѣлъ одного: взять Смоленскъ — и ничего не дѣлалъ; писалъ только указы Синклиту уже вмѣстѣ отъ себя и Владислава, именуя его однакожь не Царемъ, а просто Королевичемъ (702); увѣрялъ Бояръ и всю Россію, что желаетъ ея мира и счастія, умиленный нашими бѣдствіями, и будучи ревностнымъ за-

ступникомъ Греческаго Православія; желаетъ соединить ее съ Республикою узами любви и блага общаго, подъ нераздѣльнымъ Державствомъ своего рода (703); что виною всего зла есть упрямство Шеина и Князя Василія Голицына, не хотящихъ ни Владислава, ни тишины; что до усмиренія Смоленска не льзя предпріять ничего рѣшительнаго для успокоенія Государства. Между тѣмъ, какъ бы уже спокойно властвуя надъ Россіею, Сигизмундъ непрестанно извѣщалъ Думу о своихъ милостяхъ: производилъ Дворянъ въ Стольники и Бояре, раздавалъ имѣнія, вершилъ дѣла старыя, предписывалъ казнѣ платить долги купцамъ иноземнымъ (704) еще за Іоанна, въ то время, когда указы его были уже ничтожны для Россіи; когда города одинъ за другимъ возставали на Ляховъ; когда и жители Смоленской области стерегли, истребляли ихъ въ разъѣздахъ, тревожа нападеніями и въ станѣ, откуда многіе Россіяне, дотолѣ служивъ Королю, уходили служить отечеству: такъ Иванъ Никитичь Салтыковъ, пожалованный въ Бояре Сигизмундомъ, мнимый доброхотъ его, мнимый противникъ Ермогена, Филарета и Голицына, съ цѣлою дружиною ушелъ къ Ляпунову (705). Напрасно Госѣвскій ждалъ вспоможенія отъ Короля: видя необходимость дѣйствовать только собственными силами, онъ выслалъ шайки Днѣпровскихъ Козаковъ и Московскаго измѣнника, Исая Сунбулова, воевать мѣста Рязанскія. Ляпуновъ, имѣя еще мало рати, вы-

гналъ толпы непріятельскія изъ Пронска, но чрезъ нѣсколько дней былъ осажденъ ими въ семъ городѣ, и спасенъ Княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ, уже ревностнымъ его сподвижникомъ: обративъ ихъ въ бѣгство, и скоро разбивъ на-голову у Зарайска, доблій Князь Дмитрій избавилъ вмѣстѣ и Ляпунова отъ плѣна и землю Рязанскую отъ грабежа; блеснулъ новымъ лучемъ славы, и съ чистою душею приставъ къ великому дѣлу, далъ ему новую силу... Козаки бѣжали въ Украйну, предвидя несгоду злодѣйства, а Сунбуловъ въ Москву съ худою вѣстію для измѣнниковъ и Ляховъ, устрашаемыхъ и возстаніемъ областей и ножами Москвитянъ. Но Госѣвскій хвалился презрѣніемъ къ Россіянамъ: надѣялся управиться съ боязливою Москвою, вопреки неблагоразумію Короля соблюсти ее какъ важное завоеваніе для Республики и съ малымъ числомъ удалыхъ воиновъ побѣдить многолюдную сволочь.

Составъ ополченія за Россію.

Рать Ляпунова и другихъ областныхъ начальниковъ была дѣйствительно странною смѣсію людей воинскихъ и мирныхъ гражданъ съ бродягами и хищниками, коими въ сіи бѣдственныя времена кипѣла Россія, и которые искали единственно добычи подъ знаменами силы, законной или беззаконной: грабивъ прежде съ Ляхами, они шли тогда на Ляховъ, чтобы также

ступникомъ Греческаго ... и способство-
соединить ее съ Респ... ...евскій, б...
блага общаго, под... ...Лисов...
ствомъ своего род... ...упр...
есть упрямство П...
цына, не хотящ...
что до усмирен... ...у.
ничего рѣши... ...ямъ
ства. Между ...енія! Всь
ствуя надъ ...умножить число.
извѣщалъ ...агрія Трубецкаго, Ата-
дилъ Дв... ...ю остальную дружину Тру-
имѣнія ...о сіи, долго упорные матеж-
казнѣ ...воспламенились усердіемъ къ госу-
еще ...и чести, отвергнули указъ Москов-
бы... ...бояръ, не давъ клятвы въ вѣрности къ
о... ...Владиславу, и выгнали изъ Калуги Посла ихъ,
Князя Никиту Трубецкаго (708). Звали и безстыд-
наго Сапѣгу, который, не хотѣвъ удалиться въ
Сѣверскую землю (709), писалъ изъ Перемышля
къ Калужанамъ, что онъ служитъ не Королю,
не Королевичу, а вольности, — не слушаетъ
Бояръ, убѣждающихъ его итти на Ляпунова, и
готовъ стоять за независимость Россіи (710).
Чего надлежало ждать и въ святомъ предпріятіи
отъ такого несчастнаго состава? не единства, а
раздора и безпорядка. Но кто вѣрилъ таинствен-
ной силѣ добра, могъ чаять успѣха благословен-
наго, видя, сколь многіе, и сколь ревностно
шли умирать за отечество сирое (711), а кинувъ

семейства ... ; а Москвитяне,
...али уст... ...дывали его до
...ехъ ... Но взаимная
...ті ... Госѣвскому
...бдамъ Рос-
...ъ? неиз-
...ъ доса-
...ій ... ...телей,
...ъ Кост... ...ними
...вля, Князь К... ...ебя
...нами, Дѣтьми Бояр... ...я
...данами, земледѣльцами, ...
...ами (712); были на пути встрѣча...
съ хлѣбомъ и солью, иконами и кре...
усердными кликами и пальбою; шли бод...
тихо — и сія, вѣроятно невольная, немину...
по обстоятельствамъ медленность имѣла для Мо-
сквы ужасное слѣдствіе.

Въ то время, когда ея граждане съ нетерпѣ-
ніемъ ждали избавителей, Бояре, исполняя волю
Госѣвскаго, въ послѣдній разъ заклинали Ермо-
гена удалить бурю, спасти Россію отъ междоу-
собія и Москву отъ крайняго бѣдствія: писать
къ Ляпунову и сподвижникамъ его, чтобы они
шли назадъ и распустили войско. *Ты далъ имъ
оружіе въ руки*, говорилъ Салтыковъ: *ты мо-
жешь и смирить ихъ.* «Все смирится» — отвѣт-
ствовалъ Патріархъ — «когда ты, измѣнникъ,
«съ своею Литвою исчезнешь; но въ царствен-
«номъ градѣ видя ваше злое господство, въ свя-
«тыхъ храмахъ Кремлевскихъ оглашаясь Ла-

грабить, и болѣе мѣшать, нежели способствовать добру. Такъ Атаманъ Просовецкій, бывъ клевретомъ и ставъ непріятелемъ Лисовскаго, имѣвъ даже, близъ Пскова, кровопролитную съ нимъ битву, какъ разбойникъ съ разбойникомъ (706), вдругъ явился въ Суздалѣ какъ честный слуга Россіи, привелъ къ Ляпунову тысячь шесть Козаковъ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ Воеводъ народнаго ополченія! Всѣхъ звали въ союзъ, чтобы только умножить число людей. Приняли Князя Дмитрія Трубецкаго, Атамана Заруцкаго и всю остальную дружину Тушинскую (707): ибо сіи, долго упорные мятежники вдругъ воспламенились усердіемъ къ государственной чести, отвергнули указъ Московскихъ Бояръ, не давъ клятвы въ вѣрности къ Владиславу, и выгнали изъ Калуги Посла ихъ, Князя Никиту Трубецкаго (708). Звали и безстыднаго Сацѣгу, который, не хотѣвъ удалиться въ Сѣверскую землю (709), писалъ изъ Перемышля къ Калужанамъ, что онъ служитъ не Королю, не Королевичу, а вольности, — не слушаетъ Бояръ, убѣждающихъ его итти на Ляпунова, и готовъ стоять за независимость Россіи (710). Чего надлежало ждать и въ святомъ предпріятіи отъ такого несчастнаго состава? не единства, а раздора и безпорядка. Но кто вѣрилъ таинственной силѣ добра, могъ чаять успѣха благословеннаго, видя, сколь многіе, и сколь ревностно шли умирать за отечество сирое (711), кинувъ

домы и семейства. Раздоръ и безпорядокъ долженствовали уступить великодушію! . . . . .

Около трехъ мѣсяцевъ готовились — и наконецъ (въ Мартѣ) выступили къ Москвѣ: Ляпуновъ изъ Рязани, Князь Дмитрій Трубецкій изъ Калуги, Заруцкій изъ Тулы, Князь Литвиновъ-Мосальскій и Артемій Измайловъ изъ Владиміра, Просовецкій изъ Суздаля, Князь Ѳедоръ Волконскій изъ Костромы, Иванъ Волынскій изъ Ярославля, Князь Козловскій изъ Романова, съ Дворянами, Дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами, гражданами, земледѣльцами, Татарами и Козаками (712); были на пути встрѣчаемы жителями съ хлѣбомъ и солью, иконами и крестами, съ усердными кликами и пальбою; шли бодро, но тихо — и сія, вѣроятно невольная, неминуемая по обстоятельствамъ медленность имѣла для Москвы ужасное слѣдствіе.

Въ то время, когда ея граждане съ нетерпѣніемъ ждали избавителей, Бояре, исполняя волю Госѣвскаго, въ послѣдній разъ заклинали Ермогена удалить бурю, спасти Россію отъ междоусобія и Москву отъ крайняго бѣдствія: писать къ Ляпунову и сподвижникамъ его, чтобы они шли назадъ и распустили войско. *Ты далъ имъ оружіе въ руки*, говорилъ Салтыковъ: *ты можешь и смирить ихъ.* «Все смирится» — отвѣтствовалъ Патріархъ — «когда ты, измѣнникъ, «съ своею Литвою исчезнешь; но въ царственномъ градѣ видя ваше злое господство, въ святыхъ храмахъ Кремлевскихъ оглашаясь Ла-

«тинскимъ пѣніемъ,» (ибо Ляхи въ домѣ Годунова устроили себѣ божницу) «благословляю «достойныхъ Вождей Христіанскихъ утолить «печаль отечества и Церкви.» Дерзнули наконецъ приставить воинскую стражу къ непреклонному Іерарху; не пускали къ нему ни міранъ, ни Духовенства; обходились съ нимъ то жестоко и безчинно, то съ уваженіемъ, опасаясь народа ([713]). Въ Недѣлю Ваій велѣли или дозволили Ермогену священнодѣйствовать и взяли мѣры для обузданія жителей, которые въ сей день обыкновенно стекались изъ всѣхъ частей города и ближнихъ селеній въ Китай и Кремль, быть зрителями великолѣпнаго обряда церковнаго ([714]). Ляхи и Нѣмцы, пѣхота и всадники, заняли Красную площадь съ обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. Но улицы были пусты! Патріархъ ѣхалъ между уединенными рядами иновѣрныхъ воиновъ; узду его осляти держалъ, вмѣсто Царя, Князь Гундуровъ ([715]), за коимъ шло нѣсколько Бояръ и сановниковъ, унылыхъ, мрачныхъ видомъ. Граждане не выходили изъ домовъ, воображая, что Ляхи умышляютъ незапное кровопролитіе и будутъ стрѣлять въ толпы народа безоружнаго ([716]). День прошелъ мирно; также и слѣдующій. Госѣвскій имѣя только 7000 воиновъ ([717]) противъ двухъ или трехъ сотъ тысячь жителей, не хотѣлъ кровопролитія ([718]): ни Москвитяне. Первый, слыша, что Ляпуновъ и Заруцкій уже не далеко, мыслилъ итти къ нимъ на встрѣчу и

разбить ихъ отдѣльно (719); а Москвитяне, готовые къ возстанію, откладывали его до появленія избавителей (720). Но взаимная злоба вспыхнула, не давъ ни Госѣвскому выступить изъ Москвы, ни Воеводамъ Россійскимъ спасти ее. Кто началъ? неизвѣстно (721); но вѣроятнѣе, Ляхи, съ досадою терпѣвъ насмѣшки, грубости жителей, и думая, что лучше управиться съ ними заблаговременно, нежели поставить себя между ихъ тайно-остримыми ножами и войскомъ городовъ союзныхъ (722), — наконецъ удовлетворяя своему алчному корыстолюбію разграбленіемъ богатой столицы. Такъ началось и свершилось ея бѣдствіе ужасное:

Кровопролитіе въ столицѣ.

19 Марта, во Вторникъ Страстной недѣли, въ часъ Обѣдни, услышали въ Китаѣ-городѣ тревогу, вопль и стукъ оружія. Госѣвскій прискакалъ изъ Кремля: увидѣлъ кровопролитіе между Ляхами и Россіянами, хотѣлъ остановить, не могъ, и далъ волю первымъ, которые дѣйствовали наступательно, рѣзали купцевъ и грабили лавки (723); вломились въ домъ къ Бoярину вѣрному, Князю Андрею Голицыну, и безчеловѣчно умертвили его. Жители Китая искали спасенія въ Бѣломъ городѣ и за Москвою-рѣкою: конные Ляхи гнали, топтали, рубили ихъ; но въ Тверскихъ воротахъ были удержаны Стрѣльцами. Еще

сильнѣйшая битва закипѣла на Срѣтенкѣ: тамъ явился витязь знаменитый, отряженный ли впередъ Ляпуновымъ, или собственною ревностію приведенный одушевить Москву: Князь Дмитрій Пожарскій. Онъ кликнулъ доблихъ, устроилъ дружины, снялъ пушки съ башенъ, и встрѣтилъ Ляховъ ядрами и пулями, отбилъ и втопталъ въ Китай. Иванъ Бутурлинъ въ Яузскихъ воротахъ и Колтовскій за Москвою-рѣкою также стали противъ нихъ съ воинами и народомъ. Бились еще въ улицахъ Тверской, Никитской и Чертольской, на Арбатѣ и Знаменкѣ (724). Госѣвскій подкрѣплялъ своихъ; но число Россіянъ несравненно болѣе умножалось: при звукѣ набата старые и малые, вооруженные дреекольемъ и топорами, бѣжали въ пылъ сѣчи; изъ оконъ и съ кровель разили непріятеля камнями и чурбанами (725); преграждали улицы столами, лавками, дровами: стрѣляли изъ-за нихъ и двигали сіе укрѣпленіе впередъ, гдѣ Ляхи отступали. Уже Москвитяне вездѣ имѣли верхъ, когда приспѣлъ изъ Кремля съ Нѣмцами Капитанъ Маржеретъ (726), вѣрный слуга Годунова и Разстриги, изгнанный Шуйскимъ и принятый Гетманомъ въ Королевскую службу: торгуя вѣрностію и жизнію, сей честный наемникъ ободрилъ Ляховъ неустрашимостію, и нѣкогда ливъ кровь свою за Россіянъ, жадно облился ихъ кровію. Битва снова сдѣлалась упорною; многолюдство однакожь преодолѣвало, и Москвитяне тѣснили непріятеля къ Кремлю, его послѣдней оградѣ и

надеждѣ. Тутъ, въ часъ рѣшительный, услышали голосъ: «огня! огня!» и первый вспыхнулъ въ Бѣломъ городѣ домъ Михайла Салтыкова, зажженный собственною рукою хозяина (727): гнусный измѣнникъ уже не могъ имѣть жилища въ столицѣ отечества, имъ преданнаго иноплеменнику! Зажгли и въ другихъ мѣстахъ: сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, въ лице Москвитянамъ, съ густымъ дымомъ, несноснымъ жаромъ, въ улицахъ тѣсныхъ. Многіе кинулись тушить, спасать домы; битва ослабѣла, и ночь прекратила ее, къ счастію изнуреннаго непріятеля, который удержался въ Китаѣ-городѣ, опираясь на Кремль. Тамъ все затихло; но другія части Москвы представляли шумное смятеніе. Бѣлый-городъ пылалъ; набатъ гремѣлъ безъ умолку; жители съ воплемъ гасили огонь, или бѣгали, искали, кликали женъ и дѣтей, забытыхъ въ часы жаркаго боя. Послѣ такого дня, и предвидя такой же, никто не думалъ успокоиться.

Пожаръ Москвы.

Ляхи въ пустыхъ домахъ Китая-города, среди труповъ, отдыхали; а въ Кремлѣ, при свѣтѣ зарева, бодрствовали и разсуждали Вожди ихъ, что дѣлать? Тамъ еще находилось мнимое Правительство Россійское съ знатнѣйшими сановниками, воинскими и гражданскими: ужасаясь мысли желать побѣды иноплеменникамъ, дымя-

щимся кровію Москвитянъ, но малодушно боясь и мести своего народа, или не вѣря успѣху возстанія, Мстиславскій и другіе легкоумные Вельможи, упорные въ вѣрности къ Владиславу, были въ изумленіи и бездѣйствіи: тѣмъ ревностнѣе дѣйствовали измѣнники ожесточенные: прервавъ навѣки связь съ отечествомъ, заслуживъ его ненависть и клятву церковную, пылая адскою злобою и жаждою губительства, они сидѣли въ сей ночной Думѣ Ляховъ (728) и совѣтовали имъ разрушить Москву для ихъ спасенія. Госѣвскій принялъ совѣтъ — и въ слѣдующее утро 2000 Нѣмцевъ съ отрядомъ коннымъ вышли изъ Кремля и Китая въ Бѣлый городъ и къ Москвѣ-рѣкѣ, зажгли въ разныхъ мѣстахъ домы, церкви, монастыри, и гнали народъ изъ улицы въ улицу не столько оружіемъ, сколько пламенемъ. Въ сей самый часъ прискакали къ стѣнамъ уже пылающаго Деревяннаго города, отъ Ляпунова Воевода Иванъ Плещеевъ, изъ Можайска Королевскій Полковникъ Струсъ, каждый для вспоможенія своимъ, оба съ легкими дружинами, равными въ силахъ, не въ мужествѣ. Ляхи напали: Россіяне обратили тылъ — и Вождь первыхъ, кликнувъ: «за мною, храбрые!» сквозь дымъ и трескъ деревянныхъ падающихъ стѣнъ вринулся въ городъ, гдѣ жители, осыпаемые искрами и головнями,

Прибытіе Струса.

задыхаясь отъ жара и дыма, уже не хотѣли сражаться за пепелище: бѣжали во всѣ стороны, на коняхъ и пѣшіе ([729]), не съ богатствомъ, а только съ семействами. Нѣсколько сотъ тысячъ людей вдругъ разсыпалось по дорогамъ къ Лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ, Тулѣ; шли и безъ дорогъ, вязли въ снѣгу, еще глубокомъ; цѣпенѣли отъ сильнаго, холоднаго вѣтра ([730]); смотрѣли на горящую Москву и вопили, думая, что съ нею исчезаетъ и Россія! Нѣкоторые засѣли въ крѣпкой Симоновской Обители, ждать избавителей. Но оставленная народомъ и войскомъ въ жертву огню и Ляхамъ, Москва еще имѣла ратоборца: Князь Дмитрій Пожарскій еще стоялъ твердо въ облакахъ дыма, между Срѣтенкою и Мясницкою, въ укрѣпленіи, имъ сдѣланномъ; бился съ Ляхами, и долго не давалъ имъ жечь за каменною городскою стѣною; не берегъ себя отъ пуль и мечей, изнемогъ отъ ранъ и палъ на землю ([731]). Вѣрные ему до конца не многіе сподвижники взяли и спасли будущаго спасителя Россіи: отвезли въ Лавру.... До самой ночи уже безпрепятственно губивъ огнемъ столицу, Ляхи съ гордостію побѣдителей возвратились въ Китай и Кремль, любоваться зрѣлищемъ, ими произведеннымъ: бурнымъ пламеннымъ моремъ, которое, разливаясь вокругъ ихъ, *обѣщало* имъ *безопасность*.

Подвиги Пожарскаго.

какъ они думали, не заботясь о дальнѣйшихъ, вѣковыхъ слѣдствіяхъ такого дѣла, и презирая мѣсть Россіянъ?

Москва пустая горѣла двое сутокъ. Гдѣ угасалъ огонь, тамъ Ляхи, выѣзжая изъ Китая, снова зажигали, въ Бѣломъ-городѣ, въ Деревянномъ и въ предмѣстіяхъ. Наконецъ вездѣ утухло пламя, ибо все сдѣлалось пепломъ, среди коего возвышались только черныя стѣны, церкви и погреба каменные. Сія громада золы, въ окружности на двадцать верстъ или болѣе, курилась еще нѣсколько дней, такъ что Ляхи въ Китаѣ и Кремлѣ, дыша смрадомъ, жили какъ въ туманѣ; но ликовали: грабили казну Царскую; взяли всю утварь нашихъ древнихъ Вѣнценосцевъ, ихъ короны, жезлы, сосуды, одежды богатыя, чтобы послать къ Сигизмунду, или употребить вмѣсто денегъ на жалованье войску (737); сносили добычу, найденную въ Гостиномъ дворѣ, въ жилищахъ купцевъ и людей знатныхъ (738); сдирали съ иконъ оклады; дѣлили на равныя части золото, серебро, жемчугъ, камни и ткани драгоцѣнныя, съ презрѣніемъ кидая мѣдь, олово, холсты, сукна; рядились въ бархаты и штофы; пили изъ бочекъ Венгерское и Мальвазію. Изобиловали всѣмъ роскошнымъ, не имѣя только нужнаго: хлѣба! Бражничали, играли въ зернь и въ карты, распутствовали, и

Неистовства Поляковъ въ Москвѣ.

пьяные рѣзали другъ друга (734)! . . . А Россіяне, ихъ клёвреты гнусные или невольники малодушные, праздновали въ Кремлѣ Свѣтлое Воскресеніе и молились за Царя Владислава, съ Іерархомъ достойнымъ такой паствы: Игнатіемъ, угодникомъ Разстригинымъ, коего вывели изъ Чудовской Обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ Инокомъ, и снова назвали Патріархомъ, свергнувъ и заключивъ Ермогена на Кирилловскомъ подворьѣ (735). Сей мужъ безсмертный, одинъ среди враговъ неистовыхъ и Россіянъ презрительныхъ — между памятниками нашей славы, въ оградѣ священной для вѣковъ могилами Димитрія Донскаго, Іоанна III, Михаила Шуйскаго — въ темной келліи сіялъ добродѣтелію какъ лучезарное свѣтило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ немъ жизнь и ревность къ великому дѣлу!

Заключеніе Ермогена.

ГЛАВА V.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

Г. 1611—1612.

Слѣдствія сожженія Москвы. Поляки осаждены. Твердость Ермогена. Избраніе главныхъ Военачальниковъ. Дѣйствія Сапѣги. Приступъ къ Китаю-городу. Послы Московскіе отправлены въ Литву. Взятіе Смоленска. Шуйскіе въ Варшавѣ. Умыселъ Заруцкаго и Марины. Уставная грамота. Виды Ляпунова. Дѣла съ Шведами. Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди. Договоръ Шведовъ съ Новымгородомъ. Мятежъ въ войскѣ Генерала Делагарди. Убіеніе Ляпунова. Послѣдствія. Состоянія Россіи . . . .

Г. 1611. Слѣдствія сожженія Москвы.

Вѣсть о бѣдствіи Москвы, распространивъ ужасъ, дала новую силу народному движенію. Ревностные Иноки Лавры, едва услышавъ, что дѣлается въ столицѣ [736], послали къ ней всѣхъ ратныхъ людей монастырскихъ, написали умилительныя грамоты къ областнымъ Воеводамъ и заклинали ихъ угасить ея дымящійся пепелъ кровію измѣнниковъ и Ляховъ [737]. Воеводы уже не медлили и шли впередъ, на каждомъ шагу встрѣчая толпы бѣгущихъ

Москвитянъ, которые, съ воплемъ о мести, примыкали къ войску, поручая женъ и дѣтей своихъ великодушію народа. 25 Марта Ляхи увидѣли, на Владимірской дорогѣ, легкій отрядъ Россіянъ, Козаковъ Атамана Просовецкаго; напали — и возвратились, хвалясь побѣдою (738). Въ слѣдующій день пришелъ Ляпуновъ отъ Коломны, Заруцкій отъ Тулы; соединились съ другими Воеводами близъ Обители Угрѣшской, и 28 Марта двинулись къ пепелищу Московскому. Непріятель, встрѣтивъ ихъ за Яузскими воротами, скоро отступилъ къ Китаю и Кремлю; гдѣ Россіяне, числомъ не менѣе ста тысячь (739), но безъ устройства и взаимной довѣренности, осадили шесть или семь тысячь храбрецовъ иноземныхъ, исполненныхъ къ нимъ презрѣнія. Ляпуновъ сталъ на берегахъ Яузы, Князь Димитрій Трубецкой съ Атаманомъ Заруцкимъ противъ Воронцовскаго поля; Ярославское и Костромское ополченіе у воротъ Покровскихъ, Измайловъ у Срѣтенскихъ, Князь Литвиновъ-Мосальскій у Тверскихъ, внутри обожженныхъ стѣнъ Бѣлаго города. Тутъ прибылъ къ войску Келарь Аврамій съ святою водою отъ Лавры, оживить сердца ревностію, укрѣпить мужествомъ (740). Тутъ, на завоеванныхъ кучахъ пепла водрузивъ знамена, воины и Воеводы съ торжественными обрядами дали клятву не

[illegible] осаждены.

чтить ни Владислава Царемъ, ни Бояръ Московскихъ Правителями, служить Церкви и Государству до избранія Государя новаго, не крамольствовать ни дѣломъ, ни словомъ, — блюсти законъ, тишину и братство, ненавидѣть единственно враговъ отечества, злодѣевъ, измѣнниковъ, и сражаться съ ними усердно (741).

Битвы начались. Дѣлая вылазки, осажденные дивились несмѣтности Россіянъ и еще болѣе умнымъ распоряженіямъ ихъ Вождей (742) — то есть, Ляпунова, который въ битвѣ 6 Апрѣля стяжалъ имя *львообразнаго* Стратига (743): его звучнымъ голосомъ и примѣромъ одушевляемые, Россіяне кидались пѣшіе на всадниковъ, рѣзались человѣкъ съ человѣкомъ, и втѣснивъ непріятеля въ крѣпость, ночью заняли берегъ Москвы-рѣки и Неглинной. Ляхи тщетно хотѣли выгнать ихъ оттуда; нападали конные и пѣшіе, имѣли выгоды и невыгоды въ ежедневныхъ схваткахъ, но видѣли уменьшеніе только своихъ: во многолюдствѣ осаждающихъ уронъ былъ незамѣтенъ. Россіяне надѣялись на время: Ляхи страшились времени, скудные людьми и хлѣбомъ. Госѣвскій желалъ прекратить безполезныя вылазки, но сражался иногда невольно, для спасенія кормовщиковъ, высылаемыхъ имъ тайно, ночью, въ окрестныя деревни (744); сражался и для того, чтобы имѣть плѣнниковъ для размѣна. Извѣстивъ Короля о сожженіи Москвы и приступѣ Россіянъ къ ея пепелищу, онъ требовалъ скораго вспоможенія, ободрялъ това-

рицей, совѣтовался съ гнуснымъ Салтыковымъ — и еще испыталъ силу души Ермогеновой. Къ старцу ветхому, изнуренному добровольнымъ постомъ и тѣснымъ заключеніемъ, приходили наши измѣнники и самъ Госѣвскій съ увѣщаніями и съ угрозами: хотѣли, чтобы онъ велѣлъ Ляпунову и сподвижникамъ его удалиться. Отвѣтъ Ермогеновъ былъ тотъ же: «пусть удалятся «Ляхи!» Грозили ему злою смертію: старецъ указывалъ имъ на небо, говоря: «боюся Единаго, тамъ живущаго» (748)! Невидимый для добрыхъ Россіянъ, великій Іерархъ сообщался съ ними молитвою; слышалъ звукъ битвъ за свободу отечества, и тайно, изъ глубины сердца, пылающаго неугасимымъ огнемъ добродѣтели, слалъ благословеніе вѣрнымъ подвижникамъ!

Твердость Ермогена.

Къ несчастію, между сими подвижниками господствовало несогласіе: Воеводы не слушались другъ друга; и ратныя дѣйствія безъ общей цѣли, единства и связи, не могли имѣть и важнаго успѣха (749). Рѣшились торжественно избрать Начальника, и вмѣсто одного выбрали трехъ: вѣрные Ляпунова и новые мятежники Тушинскіе Князя Дмитрія Трубецкаго, грабители Козаки Атамана Заруцкаго, чтобы такимъ зловѣщимъ выборомъ утвердить мнимый союзъ Россіянъ добрыхъ съ из-

Избраніе главныхъ Военачальниковъ.

мѣнниками и разбойниками, коихъ находилось множество въ войскѣ. Трубецкій, сверхъ знатности, имѣлъ по крайней мѣрѣ умъ Стратига [747] и нѣкоторыя, еще благородныя свойства, усердствуя оказать себя достойнымъ высокаго сана: Заруцкій же, вмѣстѣ съ нимъ выслуживъ Боярство въ Тушинѣ [748], имѣлъ одну смѣлую предпріимчивость для удовлетворенія своимъ гнуснымъ страстямъ, не зная ничего святаго, ни Бога, ни отечества. Сіи ратные Тріумвиры сдѣлались и государственными: ибо войско представляло Россію. Они писали указы въ города, требуя запасовъ и денегъ еще болѣе, нежели людей: города повиновались, *многолѣтствовали въ церквахъ благовѣрнымъ Князьямъ и Боярамъ* [749], а въ своихъ донесеніяхъ били *челомъ Синклиту Великаго Россійскаго Государства*, и давали, что могли. Казань, стыдясь своего заблужденія [750], снова присоединилась къ отечеству, цѣловала крестъ быть *въ любви, въ единодушіи со всею землею* и выслала дружины къ Москвѣ; области Низовыя и Поморскія также [751]. Пришли и Смоленскіе Уѣздные Дворяне и Дѣти Боярскіе, бѣжавъ отъ Сигизмунда [752]. Ляхи гнались за ними, и многихъ изъ нихъ умертвили, какъ измѣнниковъ: остальные тѣмъ ревностнѣе желали участвовать въ народномъ подвигѣ Россіянъ [753]. При-

шелъ и Сапѣга съ своими шайками и занялъ Поклонную гору, объявляя себя другомъ Россіи. Ему не вѣрили; предложенія его выслушали, но отвергнули (784). Атаманъ разбойниковъ, осыпанный пепломъ нашихъ городовъ, утученный нашею кровію, хотѣлъ, какъ пишутъ, вѣнца Мономахова: вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ милліоновъ, предлагая свои услуги. Не обольстивъ Россіянъ, Сапѣга ударилъ на часть ихъ стана противъ Лужниковъ; отбитый, напалъ съ другой стороны, близъ Тверскихъ воротъ: не могъ одолѣть многолюдства, и, по совѣту Гонсѣвскаго, взявъ отъ него 1500 Ляховъ въ сподвижники и Князя Григорія Ромодановскаго въ путеводители, удалился къ Переславлю, чтобы грабить внутри Россіи и тревожить осаждающихъ. Вслѣдъ за нимъ Ляпуновъ отрядилъ нѣсколько легкихъ дружинъ: Сапѣга разбилъ ихъ въ Александровской слободѣ, осадилъ Переславль, жегъ, злодѣйствовалъ, гдѣ могъ — и Россіяне Московскаго стана, видя за собою дымъ пылающихъ селеній, вдругъ услышали въ Китаѣ и Кремлѣ необыкновенный шумъ, громкія восклицанія, звонъ колоколовъ, стрѣльбу изъ пушекъ и ружей (785): ждали вылазки, но узнали, что Ляхи только веселились и праздновали счастливую вѣсть о скоромъ прибытіи къ нимъ Гетмана съ

Дѣйствія Сапѣги.

сильнымъ войскомъ — вѣсть еще несправедливую, которая однакожъ рѣшила Ляпунова и товарищей его не медлить. Они изготовились въ тишинѣ, и за часъ до разсвѣта (22 Маія) приступивъ къ Китаю-городу [736], взяли одну башню, гдѣ находилось 400 Ляховъ. Мѣсто было важно: Россіяне могли оттуда громить пушками внутренность Китая. Госѣвскій избралъ смѣлыхъ, и велѣлъ имъ, чего бы то ни стоило, вырвать сію башню изъ рукъ непріятеля: съ обнаженными саблями, подъ картечею, Ляхи шли къ ней узкою стѣною, человѣкъ за человѣкомъ; кинулись на пушки, рубили, выгнали Россіянъ, и мужественно отбили всѣ ихъ новые приступы [737]. Въ другихъ мѣстахъ Ляпуновъ, вездѣ первый, и Трубецкій имѣли болѣе успѣха: очистили весь Бѣлый-городъ, взяли укрѣпленія на Козьемъ болотѣ, башни Никитскую, Алексѣевскую, ворота Тресвятскія, Чертольскія, Арбатскія [738], вездѣ послѣ жаркаго кровопролитія. Чрезъ пять дней сдался имъ и Дѣвичій монастырь съ двумя ротами Ляховъ и пятью стами Нѣмцевъ [739]. Въ то же время Россіяне сдѣлали укрѣпленія за Москвою-рѣкою, стрѣляли изъ нихъ въ Кремль и препятствовали сообщенію осажденныхъ съ Сигизмундомъ, отъ коего Госѣвскій, стѣсненный, изнуряе-

Приступъ къ Китаю-городу.

мый, съ малымъ числомъ людей и безъ хлѣба, ждалъ избавленія.

Но Король все еще думалъ только о Смоленскѣ. Донесеніе Госѣвскаго о сожженіи Москвы и наступательномъ дѣйствіи многочисленнаго Россійскаго войска, полученное Сигизмундомъ ([760]) вмѣстѣ съ трофеями (или съ частію разграбленной Ляхами утвари и казны Царской), не перемѣнило его мыслей. Паны въ новой бесѣдѣ съ Филаретомъ и Голицынымъ (8 Апрѣля), жалѣя о несчастіи столицы, слѣдствіи *ея мятежнаго духа* ([761]), спрашивали ихъ мнѣнія о лучшемъ способѣ *изгладить зло*. Съ слезами отвѣтствовалъ Митрополитъ: «Уже не знаемъ! Вы легко могли предупредить сіе зло; исправить едва ли можете.» Послы соглашались однакожь писать къ Ермогену, Боярамъ и войску объ унятіи кровопролитія, *если* Сигизмундъ обяжется немедленно выступить изъ Россіи: чего онъ никакъ не хотѣлъ, упорно требуя Смоленска ([762]), и въ гнѣвѣ велѣлъ имъ, наконецъ, готовиться къ ссылкѣ въ Литву. «Ни ссылки, ни Литвы не боимся,» сказалъ умный Дьякъ Луговскій; «но дѣлами насилія достигнете ли желаемаго?» Угроза совершилась: вопреки всему священному для Государей и народовъ, взяли Пословъ... еще мало: ограбили ихъ какъ въ темномъ лѣсу или въ вертепѣ разбой-

Послы Московскіе отправлены въ Литву.

никовъ; отдали воинамъ, повезли въ ладіяхъ къ Кіеву; безчестили, срамили мужей виновныхъ только въ добродѣтели, въ ревности ко благу отечества и къ исполненію государственныхъ условій (763)! . . . Одинъ изъ Ляховъ еще стыдился за Короля, Республику и самого себя: Жолкѣвскій. Сигизмундъ предлагалъ ему главное начальство въ Москвѣ и въ Россіи. «Поздно!» отвѣтствовалъ Гетманъ, и съ негодованіемъ удалился въ свои маетности (764), мимо коихъ везли Филарета и Голицына: онъ присылалъ къ нимъ, въ знакъ уваженія и ласки, спросить о здоровьѣ. Знаменитые страдальцы написали къ Жолкѣвскому: «Вспомни крестное «цѣлованіе; вспомни душу! Въ чемъ клялся ты «Московскому Государству? и что дѣлается? «Есть Богъ и вѣчное правосудіе» (765)!

Не страшась сего правосудія, Король въ письмахъ къ Боярамъ Московскимъ хвалился своею милостію къ Россіи, благодарилъ за ихъ вѣрность и непричастіе къ бунту Ермогена и Ляпунова (766), обѣщалъ скорое усмиреніе всѣхъ мятежей, а Госѣвскому скорое избавленіе, дозволяя ему употреблять на жалованье войску не только сокровища Царскія (767), но и все имѣніе богатыхъ Москвитянъ, — и возобновилъ приступы къ Смоленску (768), снова неудачные. Шеинъ, воины его и граждане оказывали болѣе, нежели храбрость: истинное геройство, безбоязненность неизмѣнную, хладнокровную, нечувствительность къ ужасу и страданію, рѣ-

пительность терпѣть до конца, умереть, а не сдаться. Уже двадцать мѣсяцевъ продолжалась осада; запасы, силы, все истощилось, кромѣ великодушія; все сносили, безмолвно, не жалуясь, въ тишинѣ и въ повиновеніи, львы для враговъ, агнцы для начальниковъ. Осталась едва пятая доля защитниковъ, не столько отъ ядеръ, пуль и сабель непріятельскихъ, сколько отъ трудовъ и болѣзней; смертоносная цынга, произведенная недостаткомъ въ соли и въ уксусѣ (769), довершила бѣдствіе — но еще сражались! Еще Ляки имѣли нужду въ злодѣйской измѣнѣ, чтобы овладѣть городомъ: бѣглецъ Смоленскій, Андрей Дедишинъ (770), указалъ имъ слабое мѣсто крѣпости: новую стѣну, дѣланную въ осень наскоро и не прочно. Сію стѣну безпрестанною пальбою обрушили! — и въ полночь (3 Іюня) Ляки вломились въ крѣпость, тутъ и въ другихъ мѣстахъ, оставленныхъ малочисленными Россіянами для защиты пролома. Бились долго въ развалинахъ, на стѣнахъ, въ улицахъ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ и святомъ пѣніи въ церквахъ, гдѣ жены и старцы молились. Ляки, вездѣ одолѣвая, стремились къ главному храму Богоматери, гдѣ заперлися многіе изъ гражданъ и купцевъ съ ихъ семействами, богатствомъ и пороховою казною. Уже не было спасенія: Россіяне

Взятіе Смоленска.

зажгли порохъ и взлетѣли на воздухъ, съ дѣтьми, имѣніемъ — и славою! Отъ страшнаго взрыва, грома и треска непріятель оцѣпенѣлъ, забывъ на время свою побѣду, и съ равнымъ ужасомъ видя весь городъ въ огнѣ, въ который жители бросали все, что имѣли драгоцѣннаго, и сами съ женами бросались, чтобы оставить непріятелю только пепелъ, а любезному отечеству примѣръ добродѣтели. На улицахъ и площадяхъ лежали груды тѣлъ сожженныхъ. Смоленскъ явился новымъ Сагунтомъ (771), и не Польша, но Россія могла торжествовать сей день, великій въ ея лѣтописяхъ (772).

Еще одинъ воинъ стоялъ на высокой башнѣ съ мечемъ окровавленнымъ и противился Ляхамъ: доблій Шеинъ. Онъ хотѣлъ смерти; но предъ нимъ плакали жена, юная дочь, сынъ малолѣтный (773): тронутый ихъ слезами, Шеинъ объявилъ, что сдается Вождю Ляховъ — и сдался Потоцкому. Вѣрить ли Лѣтописцу, что сего Героя оковали цѣпями въ станѣ Королевскомъ и пытали, довѣдываясь о казнѣ Смоленской, будто бы имъ сокрытой (774)? Король взялъ къ себѣ его сына; жену и дочь отдалъ Льву Сапѣгѣ; самого Шеина послалъ въ Литву узникомъ. — Плѣнниками были еще Архіепископъ Сергій, Воевода Князь Горчаковъ и 300 или 400 Дѣтей Боярскихъ (775). Во время осады изгибло въ городѣ, какъ увѣряютъ, не менѣе семидесяти тысячь людей; она дорого стоила и Ляхамъ: едва третья доля Королевской рати

осталась въ живыхъ, огнемъ лишенная добычи, а съ нею и ревности къ дальнѣйшимъ подвигамъ, такъ, что слушая торжественное благодареніе Сигизмундово за ея великое дѣло, и новые щедрые обѣты его, воины смѣялись, столько разъ манимые наградами и столько разъ обманутые. Но Сигизмундъ восхищался своимъ блестящимъ успѣхомъ (776); далъ Потоцкому грамоту на Староство Каменецкое, три дни угощалъ сподвижниковъ, велѣлъ изобразить на медаляхъ завоеваніе Смоленска, и съ гордостію извѣстилъ о томъ Бояръ Московскихъ, которые отвѣтствовали, что сѣтуя о гибели единокровныхъ братьевъ, радуются его побѣдѣ надъ непослушными и славятъ Бога (777)! . . . Торжество еще разительнѣйшее ожидало Сигизмунда, но уже не въ Россіи.

Историки Польскіе, строго осуждая его неблагоразуміе въ семъ случаѣ, пишутъ, что если бы онъ, взявъ Смоленскъ, немедленно устремился къ Москвѣ, то войско осаждающихъ, видя съ одной стороны наступленіе Короля, съ другой смѣлаго витязя Сапѣгу, а предъ собою неодолимаго Госѣвскаго, разсѣялось бы въ ужасѣ какъ стадо овецъ; что Король вошелъ бы побѣдителемъ въ Москву, съ Думою Боярскою умирилъ бы Государство, или давъ ему Владислава, или присоединивъ оное къ Республикѣ, и возвратился бы въ Варшаву завоевателемъ не одного Смоленска, но цѣлой Державы Россійской (778). Заключеніе едва ли справедливое:

ибо тысячь пять усталыхъ воиновъ, съ Королемъ мало уважаемымъ Ляхами и ненавидимымъ Россіянами, не сдѣлали бы, вѣроятно, болѣе того, что сдѣлалъ послѣ новый его Военачальникъ, какъ увидимъ: не премѣнило бы судьбы, назначенной Провидѣніемъ для Россіи!

Сей Военачальникъ, Гетманъ Литовскій, Ходкѣвичь, знаменитый опытностію и мужествомъ, дотолѣ дѣйствовавъ съ успѣхомъ противъ Шведовъ, былъ вызванъ изъ Ливоніи, чтобы итти съ войскомъ къ Москвѣ, вмѣсто Сигизмунда, который нетерпѣливо желалъ успокоиться на лаврахъ, и немедленно уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ Сенатъ и народъ съ веселіемъ привѣтствовали въ немъ Героя. Но блестящее торжество для него и Республики совершилось въ день достопамятный, когда Жолкѣвскій явился въ столицѣ съ своимъ Державнымъ плѣнникомъ, несчастнымъ Шуйскимъ. Сіе зрѣлище, данное тщеславіемъ тщеславію, надмевало Ляховъ отъ Монарха до послѣдняго шляхтича, и было, какъ они думали, несомнительнымъ знакомъ ихъ уже рѣшеннаго первенства надъ нами, концемъ долговременнаго боренія между двумя великими народами Славянскими. Утромъ (19 Октября), при несмѣтномъ стеченіи любопытныхъ, Гетманъ ѣхалъ Краковскимъ предмѣстіемъ ко дворцу, съ дружиною

Шуйскій въ Варшавѣ.

благородныхъ всадниковъ, съ Вельможами Коронными и Литовскими, въ шестидесяти каретахъ ([779]); за ними, въ открытой богатой колесницѣ, на шести бѣлыхъ аргамакахъ, Василій, въ парчевой одеждѣ и въ черной лисьей шапкѣ, съ двумя братьями, Князьями Шуйскими, и съ Капитаномъ Гвардіи; далѣе Шеинъ, Архіепископъ Сергій и другіе Смоленскіе плѣнники въ особенныхъ каретахъ ([780]). Король ждалъ ихъ во дворцѣ, сидя на тронѣ, окруженный Сенаторами и чиновниками, въ глубокой тишинѣ. Гетманъ ввелъ Царя-невольника и представилъ Сигизмунду. Лице Василія изображало печаль, безъ стыда и робости: онъ держалъ шапку въ рукѣ, и легкимъ наклоненіемъ головы привѣтствовалъ Сигизмунда. Всѣ взоры были устремлены на сверженнаго Монарха, съ живѣйшимъ любопытствомъ и наслажденіемъ: мысль о превратностяхъ рока и жалость къ злосчастію не мѣшала восторгу Ляховъ. Продолжалось молчаніе; Василій также внимательно смотрѣлъ на лица Вельможъ Польскихъ, какъ бы искалъ знакомыхъ между ими, и нашелъ: отца Маринина, имъ спасеннаго отъ ужасной смерти, и въ сію минуту счастливаго его бѣдствіемъ ([781])!... Наконецъ Гетманъ прервалъ безмолвіе высокопарною рѣчью, не весьма искреннею и скромною: «дивился въ ней разительнымъ перемѣнамъ въ «судьбѣ Государствъ и счастію Сигизмунда; хва«лилъ его мужество и твердость въ обстоятель«ствахъ трудныхъ; славилъ завоеваніе Смолен-

«ска и Москвы; указывалъ на Царя, преемника «великихъ Самодержцевъ, еще недавно ужас«ныхъ для Республики и всѣхъ Государей со«сѣдственныхъ, *даже* Султана и *почти* цѣлаго «міра; указывалъ и на Дмитрія Шуйскаго, Пред«водителя *ста-осьмидесяти тысячь* воиновъ «*храбрыхъ*; исчислялъ *Царства*, Княженія, об«ласти, народы и богатство, коими владѣли сіи «плѣнники, всего лишенные умомъ Сигизмун«довымъ, взятые, повергаемые къ ногамъ Ко«ролевскимъ . . . Тутъ (*пишутъ Ляхи*) Василій, «кланяясь Сигизмунду, опустилъ правую руку «до земли и приложилъ себѣ къ устамъ: Дми«трій Шуйскій ударилъ челомъ въ землю, а «Князь Иванъ три раза, и заливаясь слезами. «Гетманъ поручалъ ихъ Сигизмундову велико«душію; доказывалъ Исторіею, что и самые зна«менитѣйшіе Вѣнценосцы не могутъ назваться «счастливыми до конца своей жизни, и ходатай«ствовалъ за несчастныхъ.»

Великодушіе Сигизмунда состояло въ обузданіи мстительныхъ друзей Воеводы Сендомирскаго, которые пылали нетерпѣніемъ сказать торжественно Василію, что «онъ не Царь, а зло«дѣй, и недостоинъ милосердія, измѣнивъ Ди«митрію, упоивъ стогны Московскія кровію «благородныхъ Ляховъ, обезчестивъ Пословъ «Королевскихъ, вѣнчанную Марину, ея Вель«можнаго отца, и въ бѣдствіи, въ неволѣ дерзая «быть *гордымъ*, *упрямымъ* (782), какъ бы въ по«смѣяніе надъ судьбою:» упрекъ достохвальный

для Царя злополучнаго и несогласный съ извѣстіемъ о мнимомъ уничиженіи его предъ Королемъ (783)! — Насытивъ глаза и сердце зрѣлищемъ лестнымъ для народнаго самолюбія, послали Василія въ Гостинскій зàмокъ, близъ Варшавы, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (12 Сентября 1612) кончилъ жизнь бѣдственную, но не безславную; гдѣ умерли и его братья, менѣе твердые въ уничиженіи и въ неволѣ (784). Чтобы увѣковѣчить свое торжество, Сигизмундъ воздвигнулъ мраморный памятникъ надъ могилою Василія и Князя Дмитрія въ Варшавѣ, въ предмѣстіи Краковскомъ, въ новой часовнѣ у церкви Креста Господня, съ слѣдующею надписью: «Во славу Царя Царей, «одержавъ побѣду въ Клушинѣ, занявъ Москву, «возвративъ Смоленскъ Республикѣ, плѣнивъ «Великаго Князя Московскаго, Василія, съ бра«томъ его, Княземъ Дмитріемъ, Главнымъ Вое«водою Россійскимъ, Король Сигизмундъ, по «ихъ смерти, велѣлъ здѣсь честно схоронить «тѣла ихъ, не забывая общей судьбы человѣ«ческой, и въ доказательство, что во дни его «царствованія не лишались погребенія и враги, «Вѣнценосцы беззаконные» (785)! — Во времена лучшія для Россіи, въ государствованіе Михаила, Польша должна была отдать ей кости Шуйскихъ; во времена еще славнѣйшія, въ государствованіе Петра Великаго, отдала сему ревностному заступнику Августа II и другой памятникъ нашей незгоды: картину взятія Смо-

ленска и Василіева позора въ неволѣ, писанную искуснымъ художникомъ Долабеллою ([786]). Рукою мугущества стерты знаменія слабости!

Еще имѣя нѣкоторый стыдъ, Король не явилъ Филарета, Голицына и Мезецкаго въ видѣ плѣнниковъ въ Варшавѣ: ихъ, вмѣстѣ съ Шеинымъ, томили въ неволѣ девять лѣтъ, славныхъ особенно для Филаретовой добродѣтели: ибо не только Литовскіе единовѣрцы наши, но и Вельможи Польскіе, дивясь его твердости, разуму, великодушію, оказывали искреннее къ нему уваженіе. Онъ дожилъ, къ счастію, до свободы; дожилъ и знаменитый Шеинъ, къ несчастію своему и къ горести Россіи ([787])! . . .

Между тѣмъ, не взирая на паденіе Смоленска, на торжество Сигизмундово и важныя приготовленія Гетмана Ходкѣвича, Воеводы Московскаго стана имѣли бы время и способъ одолѣть упорную защиту Госѣвскаго, если бы они дѣйствовали съ единодушною ревностію; но съ Ляпуновымъ и Трубецкимъ сидѣлъ въ совѣтѣ, начальствовалъ въ битвахъ, дѣлилъ власть государственную и воинскую . . . злодѣй, коего умыселъ гнусный уже не былъ тайною. Атаманъ Заруцкій, сильный числомъ и дерзостію своихъ Козаковъ-разбойниковъ, алчный, ненасытный въ любостяжа-

Умыселъ Заруцкаго и Марины.

ніи, пользуясь смутными обстоятельствами, не только хваталъ все, что могъ, цѣлые города и волости себѣ въ добычу ([788]) — не только давалъ Козакамъ опустошать селенія, жить грабежемъ, какъ бы въ землѣ непріятельской, и плавалъ съ ними въ изобиліи, когда другіе воины едва не умирали съ голоду въ станѣ: но мыслилъ схватить и Царство! Марина была въ рукахъ его: тщетно писавъ изъ Калуги жалобныя грамоты къ Сапѣгѣ ([789]), чтобы онъ спасъ ея честь и жизнь отъ свирѣпыхъ Россіянъ, сія безстыдная кинулась въ объятія Козака, съ условіемъ, чтобы Заруцкій возвелъ на престолъ Лжедимитріева сына-младенца и, въ качествѣ Правителя, властвовалъ съ *нею!* Что нелѣпое и безумное могло казаться тогда несбыточнымъ въ Россіи? Лицемѣрно приставъ къ Трубецкому и Ляпунову — взявъ подъ надзоръ Марину, переведенную въ Коломну — имѣя дружелюбныя сношенія и съ Госѣвскимъ ([790]), обманывая Россіянъ и Ляховъ, Заруцкій умножалъ свои шайки прелестію добычи, искалъ единомышленниковъ, въ пользу Лжецаревича Іоанна, между людьми чиновными, и находилъ ([791]), но еще не довольно для успѣха вѣроятнаго. Ковъ огласился — и Ляпуновъ предпріялъ, одинъ, безъ слабаго Трубецкаго, если не вдругъ обличить злодѣя въ Атаманѣ многолюдныхъ шаекъ, то обуздать его беззаконія, которыя давали ему силу.

Ляпуновъ сдѣлалъ, что всѣ Дворяне, Дѣти Боярскіе, люди служивые написали челобитную

къ Тріумвирамъ о собраніи Думы Земской, требуя уставовъ для благоустройства и казни для преступниковъ ([792]). Къ досадѣ Заруцкаго и даже Трубецкаго, сія Дума составилась изъ Выборныхъ войска, чтобы дѣйствовать именемъ отечества и Чиновъ Государственныхъ, хотя и безъ знатнаго Духовенства, безъ мужей Синклита. Она утвердила власть Тріумвировъ ([793]), но предписала имъ правила; уставила: «1) Взять «помѣстья у людей сильныхъ, которые за«владѣли ими въ мятежныя времена безъ «земскаго приговора, раздать скуднымъ «Дѣтямъ Боярскимъ или употребить до«ходы оныхъ на содержаніе войска; взять «также все данное именемъ Владислава или «Сигизмунда, *сверхъ старыхъ окладовъ*, «Боярамъ и Дворянамъ, оставшимся въ «Москвѣ съ Литвою; взять помѣстья у «всѣхъ худыхъ Россіянъ, нехотящихъ въ «годину чрезвычайныхъ опасностей ѣхать «на службу отечества или самовольно уѣз«жающихъ изъ Московскаго стана; взять «въ казну всѣ доходы питейные и тамо«женные, беззаконно присвоенные себѣ «нѣкоторыми *Воеводами*» (вѣроятно Заруцкимъ). «2) Снова учредить Вѣдомство По«мѣстное, Казенное и Дворцовое для сбо«ровъ хлѣбныхъ и денежныхъ. 3) Урав«нять, землями и жалованьемъ, всѣхъ са«новниковъ *безъ разбора, гдѣ кто слу-*

Уставная грамота.

«*жилъ*: въ Москвѣ ли, *въ Тушинѣ* или *въ Калугѣ*, смотря по ихъ достоинству и чину. 4) Не «касаться имѣнія добрыхъ Россіянъ, убитыхъ «или плѣненныхъ Литвою, но отдать его ихъ «семействамъ или соблюсти до возвращенія «плѣнниковъ; не касаться также имѣнія цер«квей, монастырей и Патріаршаго; не касаться «ничего, даннаго Царемъ Василіемъ въ награду «*сподвижникамъ Князя Михаила Скопина-Шуй«скаго* и другимъ воинамъ за вѣрную службу. «5) Назначить жалованье и доходы сановникамъ «и Дѣтямъ Боярскимъ, коихъ помѣстья заняты «или опустошены Литвою, и которые стоятъ «нынѣ *со всею землею* противъ измѣнниковъ и «враговъ. 6) Для посылокъ въ города употреб«лять единственно Дворянъ раненныхъ и неспо«собныхъ къ бою, а всѣмъ здоровымъ возвра«титься къ знаменамъ. 7) Кто нынѣ умретъ за «отечество, или будетъ изувѣченъ въ битвахъ, «тѣхъ имена да внесутся въ Розрядныя Книги, «вмѣстѣ съ неложнымъ описаніемъ всѣхъ дѣлъ «знаменитыхъ, на память вѣкамъ. 8) Атама«намъ и Козакамъ строго запретить всякіе разъ«ѣзды и насилія; а *для кормовъ* посылать только «*Дворянъ добрыхъ* съ Дѣтьми Боярскими. Кто же «изъ людей воинскихъ дерзнетъ грабить въ се«леніяхъ и на дорогахъ, тѣхъ казнить безъ «милосердія: для чего возстановится старый «Московскій *Приказъ Разбойный* или Земскій. «9) Управлять войскомъ и землею тремъ из«браннымъ Властителямъ, но *не казнить никого*

«*смертію и не ссылать безъ торжествен*-
«*наго земскаго приговора*, безъ суда и вины
«законной; кто же убьетъ человѣка само-
«вольно, того лишить жизни, какъ злодѣя.
«10) А если избранные Властители не бу-
«дутъ радѣть всёдушно о благѣ земли и
«слѣдовать уставленнымъ здѣсь правиламъ,
«или Воеводы не будутъ слушаться ихъ
«безпрекословно: то мы вольны *всею зем*-
«*лею* перемѣнить Властителей и Воеводъ,
«и выбрать иныхъ, способныхъ къ бою и
«дѣлу земскому.»

Сію важную, уставную грамоту, ознаменованную духомъ умѣренности, любви къ общему государственному благу и снисхожденія къ несчастнымъ обстоятельствамъ времени, подписали Тріумвиры (Ляпуновъ вмѣсто Заруцкаго, вѣроятно безграмотнаго), три Дьяка, Окольничій Артемій Измайловъ, Князь Иванъ Голицынъ, Вельяминовъ, Иванъ Шереметевъ и множество людей безчиновныхъ отъ имени *двадцати-пяти* городовъ и войска [794]. Дали и старались исполнить законъ; возстановили хотя тѣнь Правительства, бездушнаго въ Самодержавіи безъ Самодержца. Но Ляпуновъ уже занимался и главнымъ дѣломъ: вопросомъ, гдѣ искать *лучшаго* Царя для одушевленія Россіи? Уже, перемѣнивъ мысли [795], онъ думалъ, подобно Мстиславскому и другимъ, что сей

Виды Ляпунова.

лучшій Царь долженъ быть иноземецъ Державнаго племени, безъ связей наслѣдственныхъ и личныхъ, родственниковъ и клевретовъ, враговъ и завистниковъ между подданными. Недоставало времени обозрѣть всѣ Державы Христіанскія, искать далеко, сноситься долго: ближайшее казалось и выгоднѣйшимъ, обѣщая намъ, вмѣсто вражды, миръ и союзъ. Ляхи насъ обманули: мы еще могли испытать Шведовъ, менѣе противныхъ Россійскому народу. Ненависть къ Ляхамъ кипѣла во всѣхъ сердцахъ: ненависть къ Шведамъ была только историческимъ воспоминаніемъ Новогородскимъ — и даже Новгородъ, какъ увѣряютъ, мыслилъ въ случаѣ крайности поддаться скорѣе Шведамъ, нежели Сигизмунду ([798]). Что предлагалъ Делагарди самъ собою, того уже ревностно хотѣлъ Карлъ IX: дать намъ сына въ Цари; уполномочилъ Вождя своего для всѣхъ важныхъ договоровъ съ Россіею, и писалъ къ ея Чинамъ Государственнымъ, что Сигизмундъ, будучи орудіемъ Iезуитовъ или Папы, желаетъ властвовать надъ нею единственно для искорененія Греческой Вѣры; что Король Испанскій въ заговорѣ съ ними и намѣренъ занять Архангельскъ или гавань Св. Николая; но что Россія въ тѣсномъ союзѣ съ Швеціею можетъ презирать и Ляховъ и Папу и Короля Испанскаго ([799]). Россія видѣла Шведовъ въ Клушинѣ! Могла однакожь извинять ихъ невѣрность невѣрностію своихъ, и помнила, что они съ незабвеннымъ Княземъ Михайломъ

освободили Москву. Ляпуновъ рѣшился вступить въ переговоры съ Генераломъ Делагарди.

Дѣла съ Шведами.

Желая утвердить вѣчную дружбу съ нами, Шведы въ сіе время продолжали безсовѣстную войну свою въ древнихъ областяхъ Новогородскихъ, и тщетно хотѣвъ взять Орѣшекъ (798), взяли наконецъ Кексгольмъ, гдѣ изъ трехъ тысячь Россіянъ, истребленныхъ битвами и цынгою, оставалось только сто человѣкъ, вышедшихъ свободно, съ имѣніемъ и знаменами: ибо непріятель еще страшился ихъ отчаянія, свѣдавъ, что они готовы взорвать крѣпость и взлетѣть съ нею на воздухъ! Дикія скалы Корельскія прославились великодушіемъ защитниковъ, достойныхъ сравненія съ Героями Лавры и Смоленска! Къ сожалѣнію, Новогородцы не имѣли такого духа, и хваляся ненавистію къ одному врагу, къ Ляхамъ, какъ бы безпечно видѣли завоеванія другаго: уже Делагарди стоялъ на берегахъ Волхова! Бояринъ Иванъ Салтыковъ, начальствуя въ Новѣгородѣ, внутренно благопріятствовалъ, можетъ быть, Сигизмунду (799): по крайней мѣрѣ дѣйствовалъ усердно противъ Шведовъ; но его уже не было. Свѣдавъ, что онъ намѣренъ итти съ войскомъ къ Москвѣ, Новогородцы встревожились; не вѣрили сыну злодѣя и ревнителю Владиславова

царствованія, опасаясь въ немъ готоваго сподвижника Ляховъ; призвали Салтыкова изъ Ладожскаго стана, удостовѣрили крестнымъ обѣтомъ въ личной безопасности — и посадили на колъ, возбужденные къ дѣлу столь гнусному злымъ Дьякомъ Самсоновымъ (800)! Издыхая въ мукахъ, злосчастный клялся въ своей невинности; говорилъ: «не знаю отца, знаю только «отечество, и буду вездѣ рѣзаться съ Ляхами»... Жертва беззаконія человѣческаго и правосудія Небеснаго: ибо сей юный, умный Бояринъ въ день Клушинской битвы усерднѣе другихъ измѣнниковъ способствовалъ торжеству Ляховъ и сраму Россіянъ (801)! . . . На мѣсто Салтыкова Ляпуновъ прислалъ Воеводу Бутурлина, а въ слѣдъ за нимъ и Князя Троекурова, Думнаго Дворянина Собакина, Дьяка Васильева, чтобы немедленно условиться во всемъ съ Генераломъ Делагарди, который съ пятью тысячами воиновъ находился уже близъ Хутынской Обители (802). Переговоры началися въ его станѣ. «Судьба Россіи» — сказалъ ему Бутурлинъ — «не терпитъ Вѣнценосца отечественнаго: два бѣдственныя избранія доказали, что «подданному нельзя быть у насъ Царемъ благословеннымъ» (803). Ляпуновъ хотѣлъ мира, союза съ Шведами и Принца ихъ, юнаго Филиппа, въ Государи; а Делагарди прежде всего хотѣлъ денегъ и крѣпостей въ залогъ нашей искренности: требовалъ Орѣшка, Ладоги, Ямы, Копорья, Иваня-города, Гдова (804). «Лучше

«умереть на своей землѣ, нежели искать спасенія такими уступками,» отвѣтствовали Россійскіе Сановники, и заключили только перемиріе, чтобы описаться съ Ляпуновымъ. Наученный обманомъ Сигизмунда, сей Властитель не думалъ дѣлиться Россіею съ Шведами; соглашался однакожь впустить ихъ въ Невскую крѣпость и выдать имъ нѣсколько тысячь рублей изъ казны Новогородской, если они поспѣшатъ къ Москвѣ, чтобы вмѣстѣ съ вѣрными Россіянами очистить ея престолъ отъ тѣни Владиславовой — для Филиппа. Все зависѣло отъ Делагарди, какъ прежде отъ Сигизмунда, — и Делагарди сдѣлалъ тоже, что Сигизмундъ: предпочелъ городъ Державѣ! . . . Если бы онъ неукоснительно присоединился къ нашему войску подъ столицею, чтобы усилить Ляпунова, раздѣлить съ нимъ славу успѣха, истребить Госѣвскаго и Сапѣгу, отразить Ходкѣвича, возстановить Россію: то вѣнецъ Мономаховъ, исторгнутый изъ рукъ Литовскихъ, возвратился бы, вѣроятно, потомству Варяжскому, и братъ Густава Адольфа или самъ Адольфъ, въ освобожденной Москвѣ законно избранный, законно утвержденный на престолѣ Великою Думою Земскою, включилъ бы Россію въ систему Державъ, которыя, чрезъ нѣсколько лѣтъ, Вестфальскимъ миромъ основали равновѣсіе Европы до времени новѣйшихъ!

Но Делагарди, снискавъ личную пріязнь Бутурлина, бывшаго Гетманова плѣнника и ревностнаго

конашнестника Ляховъ, вздумалъ, по тайному совѣту сего легкомысленнаго Воеводы, какъ пишутъ (805) — захватить древнюю столицу Рюрикову, чтобы возвратить ее Московскому Царю-Шведу, или удержать какъ важное пріобрѣтеніе для Швеціи. Срокъ перемирія минулъ, и Делагарди, жалуясь, что Новогородцы не даютъ ему денегъ, изъявляютъ расположеніе непріятельское, укрѣпляются, жгутъ деревянныя зданія близъ вала, ставятъ пушки на стѣнахъ и башняхъ (806), приближился къ Колмову монастырю, устроилъ войско для нападенія, тайно высматривалъ мѣста и дружелюбно угощалъ пословъ Ляпунова. Бутурлинъ съ нимъ не разлучался, праздную въ его станѣ. Другіе Воеводы также безпечно пили въ Новѣгородѣ; не берегли ни стѣнъ, ни башенъ; жители ссорились съ людьми ратными; купцы возили товары къ Шведамъ. Ночью съ 15 на 16 Іюля (807) Делагардія, объявивъ своимъ чиновникамъ, что *враждебный* Новгородъ, *великій* именемъ, славный богатствомъ, не страшный силами, долженъ быть ихъ легкою добычею и важнымъ залогомъ, съ помощію одного слуги измѣнника, Ивана Швала, незапно вломился въ западную часть города, въ Чудинцовскія ворота. Всѣ спали: обыватели и стража. Шведы рѣзали безоружныхъ. Скоро раздался вопль изъ конца

Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди.

въ конецъ, но не для битвы: кидались отъ ужаса въ рѣку, спасались въ крѣпость, бѣжали въ поле и въ лѣса (808); а Бутурлинъ Московскою дорогою съ Дѣтьми Боярскими и Стрѣльцами, имѣвъ однакожь время выграбить лавки и домы знатнѣйшихъ купцевъ. Сражалась только горсть людей подъ начальствомъ Головы Стрѣлецкаго, Василія Гаютина, Атамана Шарова, Дьяковъ Голенищева и Орлова; не хотѣла сдаться и легла на мѣстѣ. Еще одинъ домъ на Торговой Сторонѣ казался неодолимою твердынею: Шведы приступали и не могли взять его. Тамъ мужествовалъ Протоіерей Софійскаго храма, Аммосъ, съ своими друзьями, въ глазахъ Митрополита Исидора, который на стѣнахъ крѣпости пѣлъ молебны, и видя такую доблесть, издали давалъ ему благословеніе крестомъ и рукою, снявъ съ него какую-то эпитимію церковную. Шведы сожгли наконецъ и домъ и хозяина, послѣдняго славнаго Новогородца въ Исторіи (809)! Уже не находя сопротивленія, они искали добычи; но пламя объяло вдругъ нѣсколько улицъ, и Воевода Бояринъ Князь Никита Одоевскій, будучи въ крѣпости съ Митрополитомъ, немногими Дѣтьми Боярскими и народомъ малодушнымъ, предложилъ Генералу Делагарди мирныя условія.

Договоръ Шве-

Заключили, 17 Іюля (810), слѣдующій договоръ, отъ имени Карла IX и Новагорода,

съ вѣдома Бояръ и народа Московскаго, утверждая всякую статью крестнымъ цѣлованіемъ за себя и *потомство:*

ловъ съ Новымъ-городомъ.

1) Быть вѣчному миру между обѣими Державами, на основаніи *Теузинскаго* (811) договора. Мы, Новогородцы, отвергнувъ Короля Сигизмунда и наслѣдниковъ его, Литву и Ляховъ вѣроломныхъ, признаемъ своимъ защитникомъ и покровителемъ Короля Шведскаго, съ тѣмъ, чтобы Россіи и Швеціи вмѣстѣ противиться сему врагу общему, и не мириться одной безъ другой.

2) Да будетъ Царемъ и Великимъ Княземъ Владимірскимъ и Московскимъ сынъ Короля Шведскаго, Густавъ Адольфъ или Филиппъ. Новгородъ цѣлуетъ ему крестъ въ вѣрности, и до его прибытія обязывается слушать военачальника Іакова Делагарди во всемъ, что касается до чести упомянутаго сына Королевскаго и до государственнаго, общаго блага; вмѣстѣ съ нимъ, Іаковомъ, утвердить въ вѣрности къ Королевичу всѣ города своего Княжества, оборонять ихъ и не жалѣть для того самой жизни. Мы, Исидоръ Митрополитъ, Воевода Князь Одоевскій и всѣ иные сановники, клянемся ему, Іакову, быть искренними въ совѣтѣ и ревностными на дѣлѣ; немедленно сообщать все, что узнаемъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ Россіи; безъ его вѣдома не замышлять

ничего важнаго, особенно вреднаго для Шведовъ, но предостерегать и хранить ихъ во всѣхъ случаяхъ; также объявить добросовѣстно всѣ приходы казенные, наличныя деньги и запасы, чтобы удовольствовать войско, снабдить крѣпости всѣмъ нужнымъ для ихъ безопасности и тѣмъ успѣшнѣе смирить непослушныхъ Королевичу и великому Новугороду.

3) Взаимно и мы, Іаковъ Делагарди и всѣ Шведскіе сановники, клянемся, что *если* Княжество Новогородское и Государство Московское признаютъ Короля Шведскаго и наслѣдниковъ его своими покровителями, заключивъ союзъ, противъ Ляховъ, на вышеозначенныхъ условіяхъ: то Король дастъ имъ сына своего, Густава или Филиппа, въ Цари, какъ скоро они единодушно, торжественнымъ посольствомъ, изъявятъ Его Величеству свое желаніе; а я, Делагарди, именемъ моего Государя обѣщаю Новугороду и Россіи, что ихъ древняя Греческая Вѣра и Богослуженіе останутся свободны и невредимы, храмы и монастыри цѣлы, Духовенство въ чести и въ уваженіи, имѣніе Святительское и Церковное неприкосновенно.

4) Области Новогородскаго Княжества и другія, которыя захотятъ также имѣть Государя моего покровителемъ, а сына его Царемъ, не будутъ присоединены къ Швеціи, но останутся Россійскими, исключая Кексгольмъ съ Уѣздомъ; а что Россія должна за наемъ Шведскаго войска, о томъ Король, давъ ей сына въ Цари и сми-

ривъ всѣ мятежи ея, съ Боярами и народомъ сдѣлаетъ расчетъ и постановленіе особенное.

5) Безъ вѣдома и согласія Россійскаго Правительства не вывозитъ въ Швецію ни денегъ, ни воинскихъ снарядовъ, и не сманивать Россіянъ въ Шведскую землю, но жить имъ спокойно на своихъ древнихъ правахъ, какъ было отъ времени Рюрика до Ѳеодора Іоанновича.

6) Въ судахъ, вмѣстѣ съ Россійскими сановниками должно засѣдать такое же число и Шведскихъ для наблюденія общей справедливости. Преступниковъ, Шведовъ и Россіянъ, наказывать строго; не укрывать ни тѣхъ, ни другихъ, и въ силу Теузинскаго договора, выдавать обидчиковъ истцамъ.

7) Бояре, чиновники, Дворянство и люди воинскіе сохраняютъ отчины, жалованье, помѣстья и права свои; могутъ заслужить и новыя, усердіемъ и вѣрностію.

8) Будутъ награждаемы и достойные Шведы, за ихъ службу въ Россіи, имѣніемъ, жалованьемъ, землями, но единственно съ согласія Вельможъ Россійскихъ, и не касаясь собственности церковной, монастырской и частной.

9) Утверждается свобода торговли между обѣими Державами.

10) Козакамъ Дерптскимъ, Ямскимъ и другимъ изъ Шведскихъ владѣній открытъ путь въ Россію и назадъ [812], какъ было уставлено до Борисова царствованія.

11) Крѣпостные люди, или холопи, какъ

издревле ведется, принадлежатъ Господамъ, и не могутъ искать вольности.

12) Плѣнники, Россійскіе и Шведскіе, освобождаются.

13) Сіи условія тверды и ненарушимы какъ для Новагорода, такъ и для всей Московской Державы, если она признаетъ Государя Шведскаго покровителемъ, а Королевича Густава или Филиппа Царемъ. О всемъ дальнѣйшемъ, что будетъ нужно, Король условится съ Россіею по воцареніи его сына.

14) Между тѣмъ, ожидая новыхъ повелѣній отъ Государя моего, я, Делагарди, введу въ Новгородъ столько воиновъ, сколько нужно для его безопасности; остальную же рать употреблю, или для смиренія непослушныхъ, или для защиты вѣрныхъ областныхъ жителей; а Княжествомъ Новогородскимъ, съ помощію Божіею, Митрополита Исидора, Воеводы Князя Одоевскаго и товарищей его, буду править радѣтельно и добросовѣстно, охраняя гражданъ и строгостію удерживая воиновъ отъ всякаго насилія.

15) Жители обязаны Шведскому войску давать жалованье и припасы, чтобы оно тѣмъ ревностнѣе содѣйствовало общему благу.

16) Боярамъ и ратнымъ людямъ не дозволяется, безъ моего вѣдома, ни выѣзжать, ни вывозить своего имѣнія изъ города ([813]).

17) Сіи взаимныя условія ненарушимы для Новагорода, и въ такомъ случаѣ, если бы,

сверхъ чаянія, Государство Московское не приняло оныхъ: въ удостовѣреніе чего мы, Воевода Іаковъ Делагарди, Полковники и Сотники Шведской рати, даемъ клятву, утвержденную нашими печатями и рукоприкладствомъ.

18) И мы, Исидоръ Митрополитъ съ Духовенствомъ, Бояре, Чиновники, купцы и всякаго званія люди Новогородскіе, также клянемся, въ вѣрномъ исполненіи договора, нашему покровителю, Его Величеству Карлу IX и сыну его, будущему Государю нашему, хотя бы, сверхъ чаянія, Московское Царство и не приняло сего договора.

О Вѣрѣ избираемаго не сказано ни слова: Делагарди безъ сомнѣнія успокоилъ Новогородцевъ, какъ Жолкѣвскій Москвитянъ, единственно надеждою, что Королевичь исполнитъ ихъ желаніе и будетъ сыномъ нашей Церкви. Въ крайности обстоятельствъ молчала и ревность къ Православію! Думали только спастися отъ государственной гибели, хотя и съ соблазномъ, хотя и съ опасностію для Вѣры.

Шведы, вступивъ въ крѣпость, нашли въ ней множество пушекъ (814), но мало воинскихъ и съѣстныхъ припасовъ и только 500 рублей въ казнѣ, такъ, что Делагарди, мысливъ обогатиться несмѣтными богатствами Новогородскими, долженъ былъ требовать денегъ отъ Короля: ибо войско его нетерпѣ-

Мятежъ въ войскѣ Генерала Делагарди. лиио хотѣло жалованья, волновалось, бунтовало, и цѣлыя дружины съ распущенными знаменами бѣжали въ Финляндію (815).

Къ счастію Шведовъ, Новогородцы оставались зрителями ихъ мятежа, и дали Генералу Делагарди время усмирить его, вѣрно исполняя договоръ, утвержденный и присягою всѣхъ Дворянъ, всѣхъ людей ратныхъ, которые ушли съ Бутурлинымъ, но возвратились изъ Бронницъ. Самъ же Бутурлинъ, если не измѣнникъ, то безумецъ, живъ нѣсколько дней въ Бронницахъ, чтобы дождаться тамъ своихъ пожитковъ изъ Новагорода, имъ злодѣйски ограбленнаго, спѣшилъ въ станъ Московскій, вмѣстѣ съ Делагардіевымъ чиновникомъ, Георгомъ Бромме, извѣстить нашихъ Воеводъ, что Шведы, взявъ Новгородъ какъ непріятели, готовы какъ друзья стоять за Россію противъ Ляховъ.

Убіеніе Ляпунова. Послѣдствія. Но станъ Московскій представлялся уже не Россіею вооруженною, а мятежнымъ скопищемъ людей буйныхъ, между коими честь и добродѣтель въ слезахъ и въ отчаяніи укрывались! — Одинъ Россіянинъ былъ душею всего, и палъ, казалось, на гробъ отечества. Врагамъ иноплеменнымъ ненавистный, еще ненавистнѣйшій измѣнникамъ и злодѣямъ Россійскимъ, тотъ, на кого Атаманъ разбойниковъ, въ личинѣ

государственнаго Властителя, извергъ Заруцкій, скрежеталъ зубами — Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ ножами ([816]). Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, онъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, смиренія Михаилова; зналъ цѣну себѣ и другимъ; снисходилъ рѣдко, презиралъ явно; жилъ въ избѣ, какъ во дворцѣ недоступномъ, и самые знатные чиновники, самые раболѣпные уставали въ ожиданіи его выхода, какъ бы Царскаго ([817]). Хищники, имъ унимаемые, пылали злобою и замышляли убійство, въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ непріятелямъ сего величаваго мужа. Первое покушеніе обратилось ему въ славу ([818]); 20 Козаковъ, кинутыхъ Воеводою Плещеевымъ въ рѣку за разбой близъ Угрѣшской Обители, были спасены ихъ товарищами и приведены въ станъ Московскій. Сдѣлался мятежъ: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервененіе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ въ порывѣ негодованія сѣлъ на коня и выѣхалъ на Рязанскую дорогу, чтобы удалиться отъ недостойныхъ сподвижниковъ. Козаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули тронуть: напротивъ того убѣждали остаться съ ними. Онъ ночевалъ въ Никитскомъ укрѣпленіи, гдѣ въ слѣдующій день явилось все войско: кричало, требовало, слезно молило именемъ Россіи, чтобы ея главный поборникъ не жертвовалъ ею своему гнѣву. Ляпуновъ смягчился, или одумался: занялъ

прежнее мѣсто въ станѣ и въ совѣтѣ, одолѣвъ враговъ, или только углубивъ ненависть къ себѣ въ ихъ сердцѣ. Мятежъ утихъ; возникъ гнусный ковъ, съ участіемъ и внѣшняго непріятеля. Имѣя тайную связь съ Атаманомъ-Тріумвиромъ, Госѣвскій изъ Кремля подалъ ему руку на гибель человѣка, для обоихъ страшнаго: вмѣстѣ умыслили и написали именемъ Ляпунова указъ къ городскимъ Воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ Козаковъ въ одинъ день и часъ (819). Сію подложную, будто бы отнятую у гонца бумагу представилъ товарищамъ Атаманъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ: онъ медлилъ; наконецъ увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сборища Козаковъ; выслушалъ обвиненія; увидѣлъ грамоту и печать; сказалъ: «писано не мною, «а врагами Россіи;» свидѣтельствовался Богомъ; говорилъ съ твердостію; смыкалъ уста и буйныхъ; не усовѣстилъ единственно злодѣевъ: его убили, и только одинъ Россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между имъ и ножами: ибо любилъ отечество; не хотѣлъ пережить такого убійства, и великодушно пріялъ смерть отъ извергов (820): жертва единственная, но драгоцѣнная, въ честь Герою своего времени, Главѣ возстанія, животворцу государственному, коего великая тѣнь, уже примиренная съ закономъ,

является лучезарно въ преданіяхъ Исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ быть, безъ Христіанскаго погребенія, и служило пищею вранамъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ, или малодушнымъ, и къ жалости потомства!

Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ защитить мужа силы, достойнаго Стратига и Властителя, войско пришло въ неописанное смятеніе; надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали (821); грабительства и смертоубійства возобновились, не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые Козаки, расхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести, и вездѣ распространили отчаяніе; лучшіе, благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ Ляхами (822)... Въ сіе время явился Сапѣга отъ Переславля, а Госѣвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно, и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлый городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкою. Россіяне вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному непріятелю и монастырь Дѣвичій (823). Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. Хотя Россія еще видѣла знамена свои на пеплѣ столицы, но чего могла ждать отъ войска, коего срамными Главами оставались Тушинскій

Лжебояринъ и злодѣй, сообщникъ Марины, вмѣстѣ съ измѣнниками, Атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями?

Состояніе Россіи.

И что была тогда Россія? Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей Ногайскихъ и Крымскихъ: пепелищемъ кровавымъ, пустынею; вся юго-западная, отъ Десны до Оки, въ рукахъ Ляховъ, которые, по убіеніи Лжедимитрія въ Калугѣ, взяли, разорили вѣрные ему города: Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ и другіе (324); Астрахань, гнѣздо мелкихъ Самозванцевъ (325), какъ бы отдѣлилась отъ Россіи, и думала существовать въ видѣ особеннаго Царства, не слушаясь ни Думы Боярской, ни Воеводъ Московскаго стана; Шведы, схвативъ Новгородъ, убѣжденіями и силою присвоивали себѣ наши сѣверо-западныя владѣнія, гдѣ господствовало безначаліе,— гдѣ явился еще новый, третій или четвертый Лжедимитрій (326), достойный предшественниковъ, чтобы прибавить новый стыдъ къ стыду Россіянъ современныхъ и новыми гнусностями обременить Исторію, — и гдѣ еще держался Лисовскій съ своими злодѣйскими шайками. Высланный наконецъ жителями изъ Пскова и не впущенный въ крѣпкій Иваньгородъ, онъ взялъ Вороночь, Красный, Заволочье;

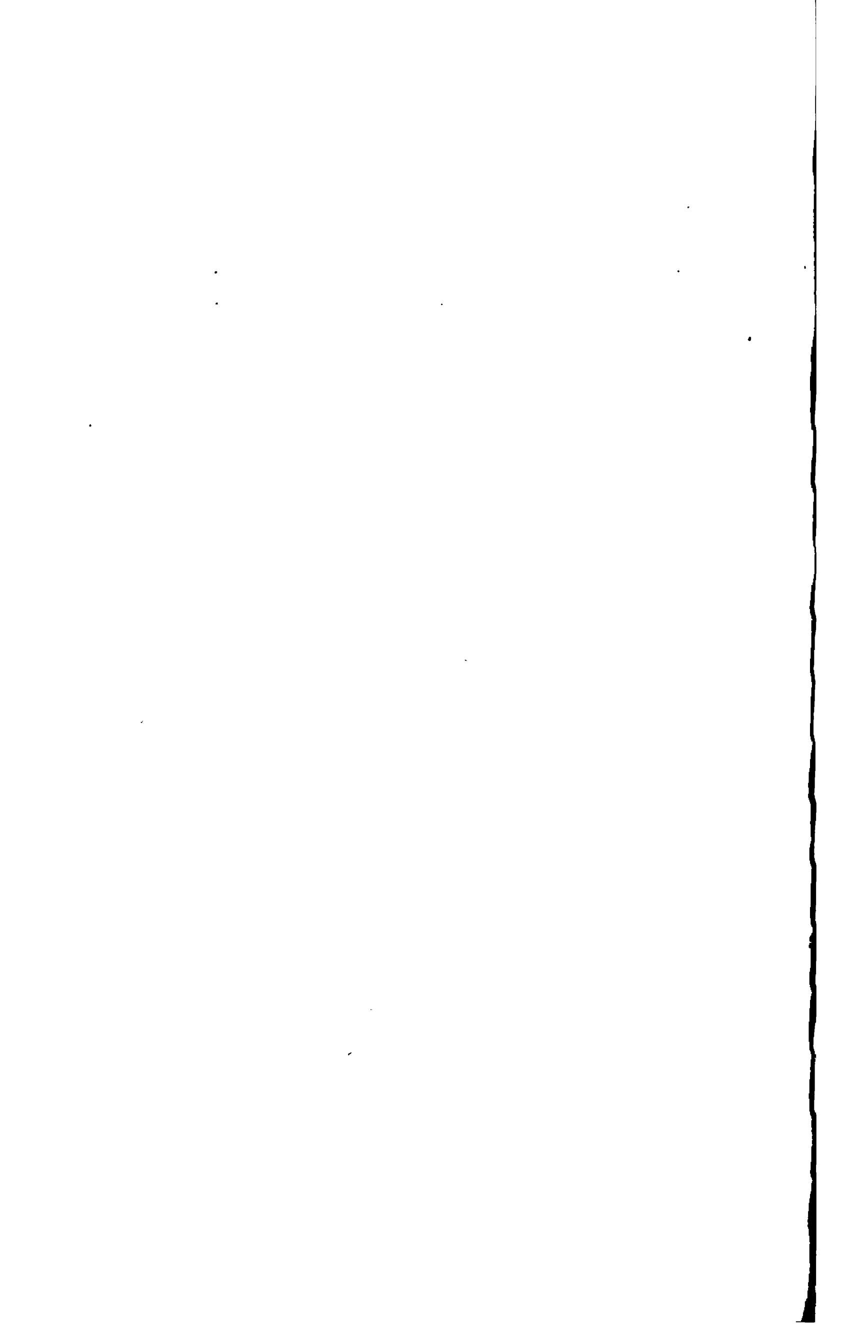
нападалъ на малочисленные отряды Шведовъ; грабилъ, гдѣ и кого могъ ([827]). Тихвинъ, Ладога сдалися Генералу Делагарди на условіяхъ Новогородскихъ ([828]); Орѣшекъ не сдавался. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ XII тому

ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

I. Перечень происшествій, собственноручно выписанныхъ Исторіографомъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ, коими онъ пользовался для сочиненія XII Тома.

II. О Древней и Новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ (отрывокъ изъ рукописи Исторіографа).

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 8 Мая 1853 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

I.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРОИСШЕСТВІЙ,

обственноручно выписанныхъ Исторіографомъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ, коими онъ пользовался для сочиненія XII тома.

ИЗЪЯСНЕНІЕ СОКРАЩЕНІЙ.

Грамоты.	Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣл М. 1813—1826.
Договоры.	Та же книга.
Д.	Димитрій или Лжедимитрій.
Ермолаевъ.	Выписки сообщенныя Исторіографу Ермолаевымъ изъ Сборника, хранящагос въ Императорской Публичной Библіотекѣ.
Ж.	Жолкѣвскій.
Журналы.	«Rzeczy Polskich za Dymitra opisani и «Dyariusz Posłow.»
Камен.	Дипломатическое собраніе Бантыша-Каменскаго.
Латух.	Латухинская Степенная Книга
Львовъ.	Львовскій Лѣтописецъ.
Л.	Лѣтописецъ.
л.	листъ.
Н. Л. / Ник.	Никоновскій Лѣтописецъ.
об.	На оборотѣ.
Румянц.	Румянцовская рукопись.
Rzeczy. / Rz.	Rzeczy Polskich za Dymitra opisanie.
Уваровъ.	Хронографъ принадлежавшій Уваров
Ф.	Рукопись Патріарха Филарета.
Ш.	Шуйскій.

ВАРІАНТЪ

КЪ СТРАНИЦАМЪ 318 и 319.

Нѣкоторыя изъ послѣднихъ страницъ XII тома найдены въ подлинной рукописи покойнаго Исторіографа въ двухъ видахъ. Издатели сего тома въ 1829 году выбрали изъ обоихъ варіантовъ полнѣйшій Предлагаемъ и другой, для любопытныхъ Читателей, считая долгомъ, замѣтить, что начало его слѣдуетъ немедленно за словами страницы 318: *дожилъ и знаменитый Шеинъ, къ несчастію своему и къ горести Россіи* (78)!....

Сія неволя тяжкая въ землѣ враждебной сколь была завидна въ сравненіи съ жребіемъ тѣхъ Россіянъ, которые, еще дерзая именоваться Боярами, Правителями Государственными, служили тогда Ляху Госѣвскому или злодѣю Салтыкову, и въ смятеніи ума писали изъ Кремля къ Сигизмунду, что они поздравляютъ его съ одолѣніемъ бунтовщиковъ Смоленскихъ и воздаютъ за то хвалу Богу!

Если въ осажденномъ Кремлѣ недостойные Россіяне могли искренно или притворно, хотя и не менѣе гнусно радоваться: то сердце въ осаждающихъ упало, когда свѣдали о гибели Смоленска, а скоро и другаго знаменитаго, дотолѣ вѣрнаго города, гдѣ самая ненависть къ Ляхамъ дала выгоду иному врагу нашему, столь же хищному. Бояринъ Иванъ Салтыковъ, начальствуя въ Новѣгородѣ, мирволилъ, можетъ быть, Сигизмунду: по крайней мѣрѣ дѣйствовалъ усердно противъ Шведовъ, и выгнавъ ихъ изъ Ладоги, хотѣлъ освободить Кексгольмъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ ими тѣснимый; но узнавъ о происшедшемъ въ Москвѣ, немедленно выступилъ туда съ войскомъ изъ Ладоги: съ какимъ намѣреніемъ, неизвѣстно. Сынъ злодѣя и ревнитель Владиславова царствованія могъ ли вселять довѣренность? Желая дѣйствовать за одно со всѣми Россіянами для избавленія столицы отъ Ляховъ, Новогородцы подозрѣвали Ивана Салтыкова въ единомысліи съ отцемъ и звали къ себѣ, давъ ему клятву въ личной для него безопасности. Салтыковъ явился — и былъ вѣроломно преданъ ужасной пыткѣ; клялся въ невинности; говорилъ: «не знаю отца; знаю только отечество и буду рѣзаться съ Ляхами.» Возбуждаемые Дьякомъ Самсоновымъ, Новогородцы посадили сего несчастнаго, юнаго Боярина на колъ, — и Тріумвиры Московскаго стана, довольные ихъ ревностію, на его мѣсто прислали къ нимъ знатнаго Сановника Василія Бутурлина, кото-

рый, бывъ плѣнникомъ Гетмана Жолкѣвскаго, хвалился омерзѣніемъ къ Лякамъ, а не любовію къ чести и свободѣ Государственной; судилъ по себѣ о другихъ Россіянахъ, не ждалъ ничего добраго отъ своихъ, и лично зная Делагарди, тайно изъявилъ ему готовность содѣйствовать видамъ Шведской политики. Въ сіе время Шведы безъ успѣха приступали къ Орѣшку, но взяли наконецъ Кексгольмъ, гдѣ изъ трехъ тысячь Россіянъ, истребленныхъ битвою и цынгою, оставалось только 100 человѣкъ, вышедшихъ свободно съ имѣніемъ и съ оружіемъ: ибо непріятель еще страшился ихъ отчаянія, свѣдавъ, что они готовы взорвать крѣпость и взлетѣть съ нею на воздухъ! Къ несчастію Новогородцы не имѣли такого духа. Делагарди, увѣренный въ Бутурлинѣ, съ пятью тысячами Шведовъ приблизился къ Хутынскому монастырю, объявляя вездѣ письмо Карла IX къ Государственнымъ Чинамъ о намѣреніи Короля Испанскаго завоевать пристань Св. Николая, или Архангельскъ, если мы не соединимся съ Шведами, заплативъ имъ всѣ деньги по договору Мансфельдову и Выборгскому: Новогородцы увѣряли Делагарди въ дружелюбіи, въ готовности возобновить союзъ съ Шведами, но требовали, чтобы онъ удалился къ границѣ ждать тамъ отвѣта Воеводъ Московскаго стана на предложенія Карловы, и между тѣмъ, пославъ ихъ къ Тріумвирамъ, взяли мѣры, хотя исподоволь, для своей защиты: ибо Делагарди не хотѣлъ отступить, тайно сносясь

съ Бутурлинымъ. Еще Новогородцы вѣрили Шведамъ: вѣрилъ имъ и Ляпуновъ, коего мысль и дѣло въ семъ случаѣ изъяснились обстоятельствами важными.

КОНЕЦЪ XII ТОМА.

ЦАРСТВОВАНІЕ

ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

Capax imperii nisi imperasset.

Г. 1606—1610.

Никон. 76.

Родъ — Клятва — Грамоты —

Никон. Журнал.

Патріарх. — Ссылка Власьева — Игнатія заключаютъ —

Грамоты о томъ. Н. Л. 79. Никон.

Мощи Іюня 3. Разсылаютъ Поляковъ — Посольство въ Литву — Измѣны *) городовъ

Н. Л. 79.

— Осада Ельца — Моръ въ Новѣгородѣ — Петрушка —

80.

Бунтъ крестьянъ и холопей.

---

*) Хронограф. : Сѣвера боится мести, и къ Полякамъ. — Царь къ миру уговаривать Митроп. Пафнутія.

Іовъ ослѣпъ : разрѣшаетъ народъ (Ермолаевъ?) Петрушка : Иваномъ Ивановичемъ — холопъ Свіяжск. головы Стрѣлецкаго Григорія Елагина.

Грамоты 300.

1) Присяга Царю.
2) отъ Бояръ.
3) отъ Царя.
4) отъ Маѳы.

Іюня 2.

5) Царя о подробностяхъ.

(Палицынъ).

6) Маѳы о мощахъ къ жителямъ Ельца.

1) родъ
2) клятва
3) грамоты
4) мощи

} Коронація? не 24? Патріархъ?

Матеріалы :

Журналы 2.
Беръ —
Паерле —
Де-Ту —
Филаретъ,
Никон.,
Морозов.,
Аврамій.,
Латух.,
Хронографы.
Псков. Лѣт.

2 Іюня RZECZY 67.

21 Мая Марину къ Мнишку, который обходился съ нею etc. 101. — См. Нѣмцев.

Жолферовъ.

Выслали Поляковъ къ границѣ : Rzeczy 67.

6 Іюня (Н. С.) Послы съ боярами во дворцѣ. 103 об. (пышность исчезла ; какъ похороны).

Рѣчь : «мы объ немъ не можемъ жалѣть.» — 76. Rz.

Коронація 1 Іюня (въ Воскресенье) Rzeczy 67 и 119 об.

2 — тѣло Димитріево въ Москву (въ другомъ 123 об.)

9 Іюня. Мнишекъ у Бояръ. 67 : вещи присланы къ Маринѣ.

78 : Наши послы въ Литву 22 Іюня. 25 Іюня смятеніе въ Москвѣ 79.

79 : Сослали Аѳан. Власьева : къ нему въ домъ воеводу и Марину (домъ Борисовъ горитъ 83) см. другой журналъ 111.

— Бояре властнѣе Царя.

Іюля 1 слухъ, что Дим. живъ — слухъ о пораженіи. 82.

80) 1 Авг. Мятежъ : шлютъ войско на мятежниковъ.

80) Вишнев. etc. въ Кострому — другіе въ Ростовъ, Тверь. 81.

81) Царь къ Троицѣ.

82) Мнишекъ въ Ярославль.

84) Сосланъ въ Сибирь Бояринъ Ив. Томалчинъ.

86 : 17 Авг. вѣсть, что 5000 у Ельца побито — 96 еще побито. — еще 97—98 Побѣда. — 107. — Смятеніе 108 и 109—111 клятва Ш. побѣдить — 114, 117. — 112 въ желѣзы Мединковъ.

въ Окт. 1607. Письмо Харлескаго о второмъ Димитріи, въ Нѣмцевич. переводѣ 23, въ оригиналѣ 302.

Повѣсть о разореніи Московскаго Государства.

№ 95.

л. 7. Атаманы : Истома Пашковъ, сынъ Боярскій, и Ивашко Болотниковъ, человѣкъ Телятевскаго. Прилагаются къ Петрушкѣ холопи.

См. Дѣла Польск.

Кто второй Димитрій? Веревкинъ.

Между тѣмъ Шуйскій подъ Тулою.

л. 8. Тушинскій казнитъ Самозванцевъ (N B Грамота къ его войску отъ бояръ см. въ Румянцевѣ.)

1½ года осаждаютъ Троицу.

Приходитъ К. М. Шуйскій — воръ бѣжитъ. Михаилъ умеръ. Шведы бѣгутъ.

Панъ Жолкѣвскій приходитъ къ Москвѣ.

Шуйскаго Монаха ссылаютъ въ Іосифовъ Монастырь. Тутъ и гл. Салтыковъ о Владиславѣ.

Впускають Поляковъ въ Москву: Посольство къ Королю.

л. 9. Отвозятъ Шуйскаго.

Воръ отъ Москвы къ Калугѣ, и тамъ убитъ.

Трубецкой, Ляпуновъ.

Общій постъ въ Россіи.

Третій Димитрій въ Иванѣ городѣ, и во Псковѣ: см. Псков. Лѣтоп.

Войско подъ Москвою крестъ ему цѣлуетъ; но Троица нѣтъ. Казнь вору.

Лучшаго Воеводу, Ляпунова, убиваютъ мятежники; лучшіе люди разъѣхались.

л. 10. Заруцкій съ Мариною и съ ея сыномъ бѣжитъ отъ Москвы; пойманъ и казненъ съ Мариною.

Беръ.

1606.

Король: «не вступаюсь за убіенныхъ; но если ихъ ближніе за нихъ захотятъ мстить, то не помѣшаю. Подарки возвращаю.» Послы и другіе Поляки свободны.

л. 74. об. выгоняетъ Докторовъ; но Васмара Лейбъ-Медикомъ.

Умерщвленіе младенца въ Угличѣ.

75. Князь Григ. Шаховской, похитивъ, во время убіенія Д., золотую Госуд. печать, съ двумя Поляками бѣжитъ въ Путивль: тамъ собираются Козаки; избираютъ въ вожди

Истому Пашкова, — до Ельца все ему покорно.

77. въ Авг. къ Ельцу Царское войско; бьютъ его.

78. Перевозятъ тѣло Борисово: тутъ Ксенія.

79. Истома въ Коломнѣ и на Котлахъ; многіе бѣгутъ изъ Москвы.

— Болотниковъ (изъ Венеціи) къ Истомѣ съ войскомъ: видѣлся съ Дим. у Воеводши Сендомирской.

См. Ник. Лѣт. 83.

80. Истома передается къ Шуйскому: переговоры съ Болотниковымъ. Требуютъ мнимаго Д., но онъ остался въ Польшѣ. (81.)

Ш. бьетъ Болотникова — и осаждаетъ его въ Калугѣ отъ 30 Дек. до 3 Мая 1607.

1607.

82. Шаховской призвалъ Петрушку и съ нимъ въ Тулу.

— Шведъ предлагаетъ помощь: отвержена.

83. Д. Фидлеръ берется отравить Болотникова; обманываетъ — и сосланъ въ Сибирь.

84. Петрушка бьетъ Москвитянъ.

— въ Іюнѣ Царь осаждаетъ Тулу.

85. Изъ Тулы посылаютъ въ Польшу требовать Димитрія: — является школьный учитель съ Поляками.

87. Онъ въ Стародубѣ (NB. Письмо Поляка въ Нѣмцевичѣ. 23).

Simonis.

89. Тула сдается въ дѐнь Симона и Іуды.

— Судьба Болотникова и Петрушки.

См. Никон. Лѣт. 91.

90. Шаховской на свободѣ. 50 Нѣмцевъ въ Сибирь.

— Калуга не сдается: Козаки обманываютъ Царя.

1608.

Къ Димитрію многіе Поляки; идетъ къ Брянску. См. Никон. Лѣт. 92.

92. Измѣны Нѣмца.

93. Раздаетъ помѣстья (Ник. Лѣт. 80).

— Измѣна Нѣмцевъ.

94. Сраженіе Ружинскаго съ Москвитянами (Никон. Лѣт. 95).

95. 1 Іюня Димитрій подъ Москвой.

— въ Тушинѣ отъ 29 Іюня до 29-го Дек. 1609.—

96. Посылаютъ Марину въ Польшу: Д. беретъ ихъ, разбивъ провожатыхъ.

— Волшебства Шуйскаго. Мосальскій къ Д., и объявляетъ, что онъ воръ. 97.

97. Сконина къ Шведамъ. } У Д. 100 т.

— Сапѣга осаждаетъ Троицу. } воиновъ.

98. Переславль сдается. Филаретъ. — Ростовъ, Ярославль.

99. Кострома, Галичь, Вологда.

1609. (годъ ужаснѣйшій!)

100. Сигизмундъ къ Смоленску съ 20 т. (осаждалъ около двухъ лѣтъ, до 13 Іюня 1611): славная оборона; съ обѣихъ сторонъ погибло 80,000.

11 Іюля Ф.

101. об. Разореніе отъ Крымцевъ.

Возсталъ Ляпуновъ, будто и противъ Д. и Шуйскаго и Поляковъ.

— Отпали отъ Д. Вологда, Галичъ, Кострома, Романовъ, Ярославль, Суздаль, Молога etc. Возстаніе крестьянъ.

103. Въ Генв. 1609 Скопинъ и Де-ла-Гарди въ Новгородъ съ 3000 — Осада Новагорода — Поляки бѣгутъ.

Титулъ Д. —

104—105. Скопинъ къ Москвѣ — Лисовскій во Псковѣ послѣ передачи Д—ва войска къ Королю.

105. об. Сигизмундово посольство въ лагерь къ Д. въ Дек. 1609.

106. Бѣгство Димитрія въ Калугу : строгость къ Нѣмцамъ : Беръ etc.

1610.

109. Убіеніе Скотницкаго.

110. Марина въ Калугу.

— Салтыковъ къ Королю.

— Скопинъ и Де-ла-Гарди въ Москву.

111. Умореніе Скопина.

— Переговоры Поляковъ съ Д.

113. Шведы разбиты и Русскіе.

114. Д. хочетъ топить Нѣмцевъ : Беръ.

120. Бунтъ противъ Шуйскаго трехъ Бояръ, Ляпунова, Молчанова, Рѣзецкаго.

121. Владислава избираютъ : посольство къ Королю.

123. Д. къ Москвѣ.

Поляки въ Москвѣ.

124. 11 Дек. Убіеніе Димитрія.

125. Марина родитъ сына. — См. о сынѣ въ бумагахъ Малиновскаго.

— Шуйскаго въ Польшу.

1611.

127. Всѣ города Димитріевы къ Москвѣ.

130. Рѣзанье къ Москвѣ.

136. Заключеніе Патріарха.

137. Поляковъ осаждаетъ въ Кремлѣ Ляпуновъ.

Паерле.

1606.

62. 4 Іюня Послы должны къ рукѣ Царя; но мятежъ въ народѣ и стрѣльцахъ. — Мощи Димитрія.

63. 5 Іюня. Одинъ Госѣвскій у Дм. Шуйскаго; 6-го съ Боярами видѣлись; рѣчи, какъ въ Журналѣ.

78 об. Слухъ: убитъ вмѣсто Д. его драбантъ изъ Праги.

1607.

20 Марта наши Послы назадъ въ Москву отъ Короля.

88 на об. 25 Сентябр. комета въ Москвѣ.
90 об. 10 Ноября Шуйскій изъ-подъ Тулы въѣзжаетъ въ Москву съ 2000 всадниками; народъ ему на встрѣчу; Царь въ каретѣ на бѣлыхъ коняхъ, выходитъ и идетъ за образами въ Кремль. 12 Н. къ Троицѣ; 17 возвратился въ Москву.
92. Представленіе Пословъ Польскихъ.

Каменскій.

Имѣніе Марины 382.
Послы наши сказываютъ, что К. Телятевскій, Гр. Шаховскій, Мосальскій и Болотниковъ пристали къ Самозванцу Петру. 388.
Шуйскій женился 17 Генваря 1608 на дочери Буйнос. Ростов. Екатеринѣ: ей въ Царицахъ дали имя Маріи и у нихъ дочь Царевна Анастасія. 391.
392. Перемиріе съ Польшею на 3 года: въ слѣдствіе того Мнишка отпустили: см. условія и о Маринѣ, о возвратѣ имѣнія.
394. Вторый Д. у Вишневецкаго и Ружинскаго.
397. Нарушеніе договора Послами: ѣдутъ къ нему. (№ 30, л. 98.)
398. Письма Марины къ отцу, Папѣ etc.
Настояніе Мнишка объявить намъ войну.
402. Король объявляетъ намъ войну.
Дѣла важныя.

(Палицынъ).

Зло, но и добро:
Поведеніе Духовенства.
Прекрасная заря славы
Пожарскаго.

Въ Исторіи о Междоцарствіи, л. 35 на об.: «въ лѣто 7133, въ Іюлѣ, преставися Царица Елена, дочь Боярина К. Петра Ив. Буйносова-Ростовскаго.» — 36 об. Царица Ив. Вас., Дарья Ив. Колтовская умерла около 7136. Жена Царевича Ив. Ив. (л. 35) умерла около 7132.

См. грамоту Англ. къ Іакову, чтобы Англія взяла Россію.

Никон. Лѣт.

1606.

Присяга Царя. — Ему присяга. — (1 Іюня. Іовъ сведенъ по Хронографу.) Вѣнчаніе. — Посвященіе Патріарха. (Ключарев. (при Полякахъ снова Патріархъ)) — Заключеніе Игнатія въ Чудовѣ. — Разсылка Поляковъ: (въ Персію, Цесарю, Шведы.) наши Послы въ Литву. — Царь мститъ многимъ людямъ. — Бунтъ въ Украйнѣ отъ Шаховскаго — Пренесеніе мощей Димитрія. — Грамоты Царскія во всѣ города о Димитріи. — Войско въ (въ Авг.) Украйну и къ Ельцу безъ успѣ-

Дѣла л. 9, 123, 126 об., 127.

(См. Бера 75, 77, 79. Дѣла Польскія № 26, л. 253 и Камен. 388).

(См. Бера).

ха. — Моръ въ Новѣгородѣ. — Воръ Петрушка. (См. Хронографъ Уварова объ Астрахани и Петрушкѣ, о бунтѣ, о Ляпуновѣ и проч.)

Беръ: перевозъ тѣла Борисова и Ксеніи (78).

(Послѣ Сент.)

Бунтъ крестьянъ и людей Боярскихъ подъ начальствомъ Болотникова (Беръ 79 об.): Воеводы отъ Ельца идутъ. У Царя не много людей въ Москвѣ.

Хронограф. Ключарев. о Шуйскомъ: Царь безъ денегъ и людей храбрыхъ есть безкрылый орелъ.

Бунтъ Рязани, Тулы, Коширы: къ Путивлю. Избираютъ Пашкова и соединяются съ Болотниковымъ; идутъ къ Москвѣ; берутъ Коломну. — Бунтъ Астрахани; туда войско; цынга. — Мордва и крестьяне осаждаютъ Нижній. — Смоляне славно идутъ на помощь Москвы; раскаяніе нѣкоторыхъ городовъ и Рязани. — Скопинъ бьетъ Болотникова. — Пашковъ передается Царю (Беръ 80). — Болотниковъ осажденъ въ Калугѣ.

См. Уварова Хронографъ.

См. Уварова. (Ляпуновъ по Уварову пожалованъ въ Думные Бояре).

См. Уварова: тутъ Князь Телятевскій.

1607.

Посылка Бояръ съ войскомъ противъ разныхъ городовъ. Осада Калуги. — Прокофій Ляпу-

Вездѣ см. Уварова.

новъ въ Переславлѣ. Въ Тулѣ осаждаютъ К. Андрея Телятевскаго, который бьетъ Царское войско. — К. Вас. Мосальскій съ ворами побиты близъ Калуги: воры подрывались порохомъ.

Иванъ по Уварову 536.

85

См. Бера и Шаховскомъ и Петрѣ.

85 казнитъ

Петрушка въ Путивль, бьетъ вездѣ Воеводъ, мучительство (пишетъ къ Королю: Дѣла Польск. № 26, л. 253); войско его изъ Тулы въ Калугу, и бьютъ нашихъ — наши бѣгутъ отъ Калуги. Подъ Козельскимъ бьютъ воровъ: Воевода Измайловъ въ Мещовскъ.

86

Царь къ Тулѣ (въ Іюнѣ). Бьютъ воровъ подъ Коширою храбро. — Царь беретъ Алексинъ: бьютъ воровъ на Воронеѣ. — Осада Тулы. — Измѣна Князей Урусовыхъ.

87

(тутъ Ляпуновъ по Уварову).

Уваровъ.

Явленіе Димитрія въ Стародубѣ. (Дѣла, л. 186 об., 197, 199, 200, 213, 215, 293: Заболоцкой, и бородавка на лицѣ). — Д. къ Тулѣ: Царь беретъ ее въ день Симона и Іуды: судьба Петрушки, Шаховскаго и Бо-

28 Окт. Беръ.

Повѣсть о разореніи, л. 7.

Письмо о Лжедим. въ Нѣмцевичѣ. Характеръ сего вора въ Нарушев.

Беръ л. 85 и об. 91, 92, 93. (См.

лотникова (см. и Бера 89 об., 90 и на об.)

Уварова: 1 Окт.)

1608.

Д. бѣжитъ на Сѣверу — къ нему Ляхи. Воръ къ Брянску, гдѣ голодъ. Къ вору Козаки и привели къ нему Царевича Өедьку: его казнилъ.

Уваровъ 541 об.: Свадьба Царя (см. Каменск.) и посылка войска съ Дм. Шуйскимъ.

Брянскъ запасенъ. Храбрость нашихъ; битвы. Но Воеводы отходятъ къ Карачеву. Воръ впередъ, и зимуетъ въ Орлѣ. Къ вору Панъ Ружинскій (см. Бера 94).

544 об. Ляпуновъ раненъ.

95 въ Псков. Лѣт.

Бракъ Царя (NB гдѣ о его разслабленіи?). Бояре къ Болхову и къ Орлу. Битва съ Ружинскимъ (Беръ 94); теряютъ пушки etc. Болховъ сдается.

Увар. 545.

96

Дѣти Боярскіе къ Москвѣ. Скопинъ противъ вора. Умыселъ трехъ Бояръ и наказаніе (см. Журнал.)

97

См. Львов. 220, 221, 223.

Уваровъ.

Воръ къ Москвѣ — и въ Тушинѣ (Уваровъ 545: Царь противъ него).

Беръ (95) 29 Іюня.

Ружинскій требуетъ отъ Царя свободы Пословъ: — въ расплохъ Литва бьетъ наше вой-

ихъ имена.

(Тутъ измѣны въ Москвѣ по Ув. 548).

См. Нѣмцев. 98
ско. Лисовскій бьетъ Захар. Ляпунова подъ Зарайскимъ;
Увар. 549
беретъ Коломну. Наши бьютъ его на Москвѣ-рѣкѣ. 99.

Осады Троицы по Ув. 548 об.

Отпускаютъ Пословъ и Сендомирскаго въ Литву. Заговоръ нашихъ измѣнниковъ съ Госѣвскимъ. Марина съ отцемъ
100
къ вору.

Ув. 549.

(въ 1609 г.)
по Увар. 548
Скопинъ въ Новгородъ нанимать
об. 550.
войско (Шведы 10000). Его лѣта и Де-ла-Гарди въ Видекиндѣ. 1, 2.

См. Бера.

Сапѣга и битва — наши расхо-
101
дятся по домамъ.

См. Ув. 550.

101
Цѣлованіе креста въ Москвѣ. — Измѣны.

Царь вступаетъ въ Москву.

Осада Троицы (102). Измѣна
103
Суздаля.

Измѣна Переславля: доблесть Филаретова въ Ростовѣ; везутъ его въ Тушино.

Берутъ Шую. Измѣна городовъ (см. Бера); бьютъ Литву подъ Коломною. *Пожарскій* бьетъ
106
ее тамъ же.

Въ Уваров. битвы подъ Москвою до Троицы-1609, л. 550.

Скопинъ: бѣжитъ въ Орѣшекъ,

гдѣ Мих. Салтыковъ пакостник. Измѣна Пскова. Скопинъ опять въ Новгородъ и собираетъ войско. Воры туда изъ Тушина. Убиваютъ Татищева по наговору въ измѣнѣ 108. Литва уходитъ.

Мордва и воры къ Нижнему: бьютъ ихъ, и вѣшаютъ вора Вяземскаго. Шереметевъ очищаетъ многіе города и идетъ къ Москвѣ. Нижегородцы бьютъ воровъ.

Вологда, Устюгъ обращаются; но нашихъ бьютъ. 111.

Бунтъ противъ Царя. 111; въ немъ одинъ К. Василій Голицынъ. Твердость Патріарха и Царя. Человѣкъ 300 бѣгутъ въ Тушино.

Осада Коломны.

Казнь Боярина Колычева.

Дороговизна въ Москвѣ; бѣгутъ 112 въ Тушино — нѣкоторые изъ Тушина и говорятъ, что воръ; народъ удерживается: хорошія вѣсти изъ Новагорода. 113

Бьемъ Бобовскаго подъ Москвою. Шереметевъ идетъ къ Москвѣ. Владиміръ обращается: уби- 114 ваютъ Воеводу измѣнника.

Бьемъ Литву подъ Москвою.

Шереметевъ въ Нижнемъ, ратуя 115, 116 счастливо; беретъ Муромъ, Касимовъ.

На Троицынъ день.

117 Царевичи въ Астрахани: ихъ вѣшаютъ въ Тушинѣ. Не вѣдаютъ Тушинскаго: знаетъ Церковный Кругъ.

1609 (см. Бера 103).

Нѣмцы въ Новгородъ въ Генварѣ (см. Договоры).

118 Битвы съ измѣнниками Псковскими — бьютъ Литву у Торопца.

119 Битва у Торопца (см. Филарета). Походъ Скопина къ Москвѣ: 120 битвы.

121 Города казну Скопину. 122 Битвы: бьютъ насъ у Суздаля. Беремъ Переславль.

Дороговизна въ Москвѣ, и опять 123 на Царя: смиряются, свѣдавъ о Скопинѣ.

Подъ Слободою бьемъ Литву.

См. Бера 101

Ляпуновъ поздравляетъ Скопина на Царство, браня Царя: Скопинъ деретъ грамоты, но отпускаетъ вручителей: отселѣ злоба Царя на Скопина.

124
Сходъ войска у Скопина. Ув. 551.
125
Худо въ Москвѣ. Измѣна въ Красномъ селѣ.
Жгутъ Деревянный городъ, но бьютъ Литву. Сшибка у Николы.
126
Пожарской бьетъ Литву. Еще
127
сшибка у Можайска.
Неудача Скопина на Суздаль.
Салтыковъ въ Тушинѣ и къ Ко-
127 и 128
ролю о Владиславѣ: бѣжитъ воръ въ Калугу (см. Бера): шумъ въ его лагерѣ.

1610.

Марина въ Калугу.
Осада Троицы.
Скопинъ бьетъ Сапѣгу. 130.
Бѣгство изъ Тушина; освобож-
131
деніе Филарета.
Входъ въ Москву Скопина 131. Ув. 551. об.
Смерть его. 132 (о характерѣ его Ключаревъ и Видекиндъ).

Войско не любитъ Дм. Шуйскаго за гордость: См. Ключарев. и Палицына.

Войско наше къ Смоленску. Ув 552.
См. Бера. 401
Ляпуновъ возстаетъ 133 за Скопина. Пожарскій не пристаетъ къ нему.
Бьютъ нашихъ и Нѣмцевъ. 135. Ув. 552 об. и 553 об.

Убіеніе Ив. Годунова.

Князь Василій Голицынъ съ Ляпуновымъ. 135.

Арзамасъ 559.

Воръ къ Москвѣ изъ Калуги. Крымцы намъ въ помощь, дерутся и уходятъ назадъ. 136.

Ув. 353 об.

Змѣевъ въ Пафнутьевѣ: храбрость Волконскаго. Воръ беретъ монастырь.

Пожарской въ Зарайскѣ вѣренъ.

Измѣна Коломны. 137.

Чудеса по Ключареву: совѣты съ Тушинскими.

Въ Іюлѣ 1610 бунтъ противъ Царя — ссылаются съ ворами Тушинскими — сводятъ въ свой домъ. Числа см. въ Ключаревѣ.

Владѣютъ Бояре 129 и ссылаются съ Тушинскими, чтобы поимали вора: тѣ смѣются. Постригаютъ Шуйскаго (см. Филарета). См. Увар. 555 и Ключарева.

Въ Ключаревѣ бунтъ, брань, сопьяница, блудникъ Шуйскій: оправданіе, твердость Царя въ Февралѣ; бѣгутъ къ Тушинскому.

Ув. 534, совѣтъ: даютъ ему удѣлъ.

См. также Львова 220 etc. Ядро Р. И. 325, 326. Палицынъ. 189).

ПРОДОЛЖЕНІЕ НИКОН. ЛѢТ. ПОСЛѢ ШУЙСКАГО.

Лѣтопись о мятежахъ.

1610.

Смоляне изъ Москвы къ Жолкѣвскому 140.

141

Гетманъ Ж. къ Москвѣ. Ермогенъ съ условіемъ. Салтыковъ и Молчановы требуютъ благословенія у Патріарха.

143

Посольство наше къ Королю.

144

Впускаютъ Литву въ городъ. Воръ бѣжитъ въ Калугу.

145

Литва, Колязин., Луки. Посылаютъ изъ Москвы Ив. Салтыкова съ войскомъ въ Новгородъ.

Ссылаютъ Шуйскаго въ Іосифовъ монастырь, жену его въ Суздаль (у нихъ дочь).

Наши Послы у Короля: Шеинъ.

147

Гетманъ съ Царемъ къ Королю.

149

Убіеніе вора въ Калугѣ: Увар. 558.

150

Убіеніе Бѣльскаго въ Казани.

151

Утѣсненіе Москвитянъ: Ляпуновъ. Собраніе войска.

По Увар. Келарь Аврам. Имена всѣхъ Пословъ: ихъ дѣла. Ув. 555: кто владѣютъ въ Москвѣ? Авраміи уѣхалъ въ Москву. 557.

Письма Ермогеновы къ городамъ. 557.

Сношеніе съ Калугою. Увар. 558.

1611.

152
Бояре и Патріархъ: гнусный Салтыковъ.

154
Утѣсненіе нашихъ Пословъ.

Дѣйствія Ляпунова: Пожарскій.

Въ Ключаревѣ характеръ Ермогена.

156
Партіарх. подъ стражею.

Никто нейдетъ за вербою.

Поляки начинаютъ убійства.

Ув. 558 об., Ляпуновъ 559.

Войско наше къ Москвѣ. 159.

Ув. 558 и 559: Трубецкій и Заруцкій изъ Калуги.

Сводятъ Ермогена: на его мѣсто опять Игнатія. 160.

559 воровство Козаковъ подъ Москвою: Ляпуновъ 560.

Берутъ подъ стражу нашихъ Пословъ подъ Смоленскимъ.

Изъ лѣтописи о мятежахъ.

227. Измѣнники убѣждаютъ Ермогена писать къ городамъ.

227. Убіеніе Ив. Салтыкова въ Новѣгородѣ.

228. Воеводы изъ-подъ Москвы посылаютъ оберегать Новгородъ.

229. Король велитъ бить Смоленскихъ Дворянъ.

— Взятіе Смоленска.

231. Битвы Сапѣги подъ Москвою.

231. Идетъ къ Переславлю.
233. Воеводы наши берутъ Бѣлгородъ.
— Посылаютъ въ Новгородъ выбирать Шведск. Принца.
— Убіеніе Ляпунова.
236. Приносятъ образъ изъ Казани.
237. Даютъ Смолянамъ земли въ Арзамасѣ.

Уваровъ 560, 561 об. въ Іюлѣ приходятъ подъ Москву Казанцы etc., берутъ Дѣвичій.
563. Трубецкій и Козаки цѣловали крестъ вору Псковскому, Матюшкѣ Дьякону Заяузскому. Шереметева на колъ посадили.
564. Сковали вора и привезли подъ Москву. Шведы взяли Новгородъ въ 1608 г.

(См. Уваров. 562, выгнали ихъ оттуда; призваны въ Нижній къ Минину): тутъ вся исторія Пожарскаго: о ворѣ Псковскомъ.
237. Взятіе Новагорода Шведами... цѣлуютъ крестъ Королевичу.
240. Лай Козаковъ. Разъѣзжаются изъ-подъ Москвы.
241. Сапѣга къ Москвѣ.
— Черкасы берутъ Козельскъ.
— Гетманъ подъ Москву; битва. Идетъ зимовать въ Рогачевъ.
242. О Сидоркѣ, ворѣ Псковскомъ.

Увар. 565 на об. берутъ Кремль: Михаилъ избранъ.

243. Тайный постъ; видѣніе.
245. Бьютъ Черкасъ.
— Шведы берутъ Ивангородъ, Яму etc.
246. Пожарскій и Мининъ: вся исторія.
250. Смерть Ермогена.

300. Шведы о своемъ Принцѣ: имъ прямой отказъ.
301 etc. Избраніе Михаила.

Палицынъ.

Царь посылаетъ Митрополита Крутицкаго уговаривать Сѣверянъ, 30.

Ежегодно грабятъ Татары и Черкасы.

Лжедимитрій есть сынъ Поповскій, Матвѣй Веревкинъ, 31.

Пируютъ за столомъ; а тамъ одни (изъ Москвы) идутъ въ палаты къ Царю, а другіе ѣдутъ въ Тушино.

Перебѣжчики, *перелеты.*

злѣе

Русскіе хуже Поляковъ 32: *расписать* это звѣрство.

Измѣны, подлость Тушинскихъ.

Насилія женъ, 34, 45, 46.

35. И въ битвахъ прельщаютъ другъ друга.

36. Царемъ играли какъ дѣтищемъ: отъ одного къ другому.

37. Считается за стыдъ доносить на измѣнниковъ; но казнитъ Царь и невинныхъ.

40. Измѣна Князя Петра Уруса, женатаго на вдовѣ А. Шуйскаго.

Касимовскій Царь къ вору.

Оскверненіе святыни, и 47.

42. Бѣгство, пожары ночью вмѣсто луны.

43. Звѣри вырываютъ хлѣбъ изъ ямъ; измѣнники все истребляютъ. (Доброе поведеніе Духовенства).
44. Ругательство надъ Филаретомъ и Епископами.
50. Гдѣ? гдѣ?
52. Палицынъ въ Москвѣ во время осады.
55. Одни Поморскіе города вѣрны (и 56).
— Какъ проходятъ въ Москву.
57. Заслуги Лавры (59, 60).
58. Посольства Царя въ Англію, Данію.
61. Начало осады 23 Сент. 1608.
63. Воеводы осадные.
61. Вылазка.
62. Выжигаютъ селенія вокругъ.
— Литва строитъ станъ и остроги.
63. Устроеніе осады въ монастырѣ.
65. Цѣлованіе креста.
66. Грамоты.
72. Приступы, туры, валъ.
73. Стрѣльба Окт. 3.
76. Покаяніе.
77. Подкопы и пиръ Сапѣги.
78. Приступы.
83. Вылазка и плѣнъ.
85, 86. Паны, число войска.
Раненыхъ тяжело постригаютъ.
88 — 91. Узнали, гдѣ подкопъ.
94. 500 Козаковъ на Донъ.
95. Ворота въ ровъ.
95. Рветъ ноги и руки у Старцевъ.

97. Ядра въ церковь.
98. Сбиваютъ славную пушку.
100. Вылазка; ясакъ *Сергій;* находятъ подкопъ, зажигаютъ, умираютъ.
101. Умираетъ за брата измѣнника.
104. Ноября 9; отнимаютъ батареи.
На Красной горѣ батареи Литовскія и на Волкушѣ и въ Терентьевск. рощѣ.
106, 107. 8 пищалей; цѣлый день драка. Число убитыхъ (108). Литовцевъ 1500. Вѣсть къ Царю 109.
109. Хитрость Сапѣги тщетная.
110. Вылазки: имена тутъ Старцевъ. 111.
113. Герой Суета даточной. Имена Героевъ.
114. Раненъ Лисовскій. 115. Убитъ Горской.
116. За дровами. 127.
116. Измѣна казначея.
121. Измѣнники воду отнять. 122. — Еще измѣна 123.
123. Литва отступаетъ въ таборы.
124. Вылазки свободныя.
129. Моръ; 17, цынга.
130, 132. Умерло 297 иноковъ, иныхъ 500: всѣхъ 2125 (134), смрадъ 133.
134. Престаютъ вылазки.
— Литва съ деревьевъ смотрятъ въ монастырь, зовутъ.
135. Посольство къ Василію, Келарь напрасно.
136. 60 Козаковъ и порохъ.
— Казнь плѣнныхъ.
140. Панамъ даютъ меду; обманы.

141. Трубачь въ дружбѣ съ Воеводою.
142. Панъ нѣмой къ намъ.
144. Открываютъ измѣну трубача.
145. *Охрабряетъ* чудотворецъ.
146. Витязь Ананія ранитъ Лисовскаго.
147. Еще витязи. — 7 Мая.
148. Освященіе храма; болѣзнь минуетъ.
149. Приступы 27 Мая (прежде негодные сдѣлались храбрецами).
154. Вѣсть о Скопинѣ и Шереметевѣ. 156.
155. Поляки встрепенулись; готовятся къ битвѣ.
156. Михайло Салтыковъ и Грамотинъ измѣнники, обманываютъ: будто сдался и Скопинъ и Шереметевъ.
157. Не вѣрятъ. 158 Пришелъ отъ Скопина.
— Насмѣшка Зборовскаго: *лукошко*.
158. Приступъ Іюля 31 (??)
— Въ обители не болѣе *двухъ сотъ*.
160. Бѣгутъ Литва.
161. За дрова бьютъ. 162.
— Отчаяніе въ монастырѣ.
168. *Паки* идутъ противъ Скопина. Августа? Іюля 5 (??)
170. Надъ ними побѣда: опять къ Троицѣ, и еще битвы 171.
171. Узнавъ отъ перебѣжчика, Троицкіе вылазку.
172. Награбленныя стада у Троицы 15 Авг.
173. Къ Скопину о помощи: приходитъ Жеребцовъ.
174. Сколько еще хлѣба?
175. Іоасафъ *простъ*.

175. Когда ушелъ Сапѣга?
179. Генв. 12 ($16^{9}/_{10}$?)
177. До Жеребцова *просто* дрались, да было *лучше*, безъ Нѣмецкой *мудрости* 178.
178. 4 Генв. Волуевъ отъ Скопина съ 500: битва съ Сапѣгою: бѣжитъ, бросая богатство.
180. Изъ Троицы со Св. водою въ Москву.
168. Скопина битва.
173, 179. Побѣгъ Сапѣги.
188. Корыстолюбіе купцевъ Московскихъ въ закупкѣ хлѣба.
189. Укоризны Царю несчастіемъ.
— Собраніе народа въ Москвѣ: Патріархъ, Царь.
191. Троицкій дешевый хлѣбъ: 2 рубли четверть.
197. Какіе Государи и сколько занимали денегъ у Троицы! Годуновъ, Гришка, Шуйскій.
200. Берутъ сосуды у Троицы.
201. Навѣты Царю на Скопина.
203. Смерть Скопина *сомнительна.*
204. Воины не любятъ Дмитрія Шуйскаго за его гордость.
205. Царь призываетъ Крымцевъ: ихъ грабежи.
206. Переговоры Москвитянъ съ Тушинскими, чтобы свести Шуйскаго и погубить Лжед.
— Постриженіе Царя. Ермогенъ противъ.
208. Условіе Владиславова избранія.
— Послы къ Королю.
210. Впускаютъ Поляковъ въ Москву для чего?
— Везутъ Шуйскаго къ Королю.
211. Худо Посламъ у Короля.

253. Кто сперва избираетъ?
254. *Ни одного* противорѣчія.
259. *14 Марта названъ Царемъ.*
268. Владиславъ: въ Смоленскъ къ Сигизмунду всѣ наши воры.

Г. 1618 въ Сент.

270. Къ Троицѣ: Левъ Сапѣга присылаетъ въ Лавру образъ Св. Николая Можайскаго.
277. Въ Дек. миръ въ Деулинѣ.

Дѣла Польскія.

№ 26.

1606.

Л. 9. Вѣнчаніе 1-го Іюня.

Поляковъ разослать. Пословъ держать въ Москвѣ на Посольскомъ Дворѣ.

13-го Іюня. Посылаетъ въ Литву К. Григ. Констант. Волконскаго и Дьяка Андрея Иванова (10): сказать, что Гришка съ Поляками точно хотѣли побить Святителей, Бояръ, etc. (18).

18. Кто посланы въ Угличь?

Погребли подлѣ отца.

100. Воръ Власьевъ.

125. Послы къ Рудольфу.

126. об. Ромодановскаго къ Шаху.

127. Швед. Посланникъ къ Москвѣ.

173. Возвратился К. Волконской 13 Февраля 1607.

182. Пословъ нашихъ: «матерны лаяли, измѣнники называли,» грязью метали. «Короля не слушаютъ» (на об.)

Еще, какъ и прежде, велѣли Волконскому узнать, какъ Польша съ Австріею, Турціею, Крымомъ.

Въ Крымск. дѣлахъ:

Царь: не имѣлъ времени думать объ васъ.

186 об.

197 об. 200, 213, 215. Димитрій живъ: въ Сендомирѣ, у жены Воеводы: и бородавка на лицѣ. (Авг. 12).

У него (288) К. Вас. Мосальскій (188 об.) или онъ на Москвѣ.

187 об. «Взяли изъ хоромъ, убили: тутъ была Марина.»

— Мих. Молчановъ бѣжалъ: жилъ у Д. для чернокнижья.

188. Молч. кнутомъ битъ.

197 об. Слухъ, что кто-то изъ Годуновыхъ на престолѣ.

223. Пословъ не сажаютъ: Король въ черномъ платьѣ.

253. Петръ на Сѣверѣ: шлетъ Пословъ къ Королю.

Пріѣзжаютъ въ Польшу Русскіе, ищутъ, спрашиваютъ Димитрія.

338.
321.
293.
лице
199 об.
215.

255 об. Густавъ проситъ войска на Ливонію.

287. Угроза: «если вы отпустите нашихъ изъ Москвы, то Дмитряшки и Петрушки не будетъ; а если нѣтъ, то наши имъ будутъ помогать.»

299. О Петрушкѣ: «мои сестры были при родахъ Ирины.»

319. Побѣда надъ Сѣверянами подъ Москвою.

325. Крымцы воюютъ Польшу.

№ 27.

42 об. Ц. Шуйскій въ ссылкѣ съ Цесаремъ, Англіею, Даніею, Шахомъ.

49. Дьякъ Думный Посольскій Василій Телепневъ.

174. Послы хотѣли и Пословъ и Сендомирскаго для договора.

Въ перемирн. грамотѣ: «которые Польскіе и Литов. люди, и Князь Романъ Ружинской и Вишневецкой и иные, вторгнулись въ нашу землю, и Королю промышляти, чтобы тѣ люди вернулись (и Лисовской).

Дѣла Шведскія.

№ 8.

л. 16 об. Нашъ Воевода пишетъ къ Шведскому (20 Февр. 1607), что мы еще не думали посы-

лать Пословъ на съѣздъ, и вашихъ сборовъ не боимся.

л. 17. Шведы пособлять готовы.

18 об. (См. еще 56) : не хотимъ помощи.

19. Въ Новѣгородѣ моръ.

52. Грамота Царя къ Арцы-Карлу, Свейскаго Королевства владѣтельному и вотчинному Князю.

52 об. Первый гонецъ Данило Юртъ ; второй Берндъ Ниманъ.

59. *Королемъ* писать.

62. Пріемъ гонца.

№ 9.

г. 1609. Договоръ о вспоможеніи : уступаемъ Корелу и Ливонію. Даютъ 5000 человѣкъ и болѣе. Л. 5 об.

14 об. 43 об. и 49 : 100 тысячь ефимковъ на мѣсяцъ.

Псковскій Лѣтописецъ.

27. Скопинъ въ залогъ Шведамъ Корелу, Кексгольмъ.

об. Даютъ отраву Скопину отъ зависти.

28. Шведы назадъ къ Новугороду и требуютъ найма.

— Берутъ города, Корелу, Яму etc.

30 об. въ 1611 г. Ходкѣвичь осаждаетъ Печерскій м.

33 об. Шведы тоже осаждаютъ.
36 об. Царь Шуйскій: «поятъ жену, и начатъ ясти и пити и веселитися, а о брани не бреже.» Воины расходятся.
37. Шуйскій истощаетъ казну, беретъ сосуды церковные.
Междоусобіе страшное, сынъ на отца etc.
об. Скопинъ нанялъ 12 тысячь.
38 об. Зависть на Скопина невиннаго.
39 об. Жена Дм. Шуйскаго дала ему отраву, Христина, дочь Скуратова.
40 Бьютъ Дм. Шуйскаго и Шведовъ.
об. Шведы владѣютъ Новымгородомъ 6 лѣтъ: грабежъ.
— Псковъ отложился; Казань бунтуетъ, хочетъ быть снова Царствомъ.
41. Упреки Шуйскому. Его ненавидятъ больше Бояре. Ермогенъ противъ его враговъ: «развѣ нельзя вамъ избрать изъ своихъ? *Нѣтъ, его не слушаютъ воины.*
Свергаютъ Шуйскаго.
42. Упреки Короля Русскимъ измѣнникамъ: «повѣрю ли вамъ сына?»
об. Жолкѣвскій обезоруживаетъ Москву.
43. Умыселъ Поляковъ: рѣзанье.
44 об. Король къ Можайску—и не успѣлъ. Ходкѣвичь. Мининъ.
46. Хотятъ Шведскаго на Царство.
49. Избраніе Михаила.
об. Мать правитъ Царствомъ.
50, Условіе не казнить Бояръ,

об. Крадутъ Бояре доходы.
— Безпорядки.
Нашествіе Шведовъ: миръ съ Поляками.
52 об. Царь сперва на Хлоповой женится; ссылаютъ ее.
53. Начинаетъ Филаретъ всѣмъ править. Сватовства въ чужихъ земляхъ.
54. Въ угодность матери не женится на Хлоповой (злодѣйство и ссылка Салтыковыхъ предъ тѣмъ). На *Долгорукой*.
77. Мятежъ Псковскій. Смутныя грамоты въ Псковъ отъ Тушинскаго, въ Авг. умеръ Геннадій отъ скорби.
об. Мятежъ, въ пользу вора.
78 об. Сажаютъ на колья добрыхъ гражданъ. Давятъ Шереметева.
79 об. Злодѣйства.
82. Вѣче. 200 человѣкъ погибло.
об. Пришелъ воръ Матюшка.
83. Бой съ Новогородцами: ихъ только 300.
84. Лисовской въ Псковѣ: пьянство Литвы. Происшествія.
87 об. Г. 1611 на Св. Недѣлѣ. Роздьяконъ Матюшка назвался Димитріемъ: будто ушелъ изъ Калуги — въ Іюлѣ къ Пскову.
89. Псковъ его призываетъ въ Цари.
об. Берутъ и везутъ его къ Москвѣ.

Псковскій Лѣтописецъ.

Гдѣ загнуто.

353. 1605. Чудеса передъ бѣдами.
354. Начало разврата въ Псковѣ.
об. 1606. Навѣтъ Василія на Псковичь.
и Хозина.
355 об. Клевета семи купцевъ на своихъ.
356. Мудрая грамота Лжедим. къ Псков. Преклоняются или недоумѣваютъ.
800
357. 1607. Плѣнныхъ Сѣверянъ Василій въ Псковъ.
об. Пригороды къ Димитрію.
358. Междоусобіе.
— Грабежъ Шереметева и Грамотина.
359 об. 1609. Главный виновникъ бунта Плещеевъ: цѣлуютъ крестъ Димитрію. Сѣверянъ выпускаютъ.
360. Пріѣзжаютъ Воевода и Дьякъ. Новогородцы и Нѣмцы къ Пскову.
362. Злодѣйства въ Псковѣ.
363. Казнь Хозина.
Духовенство, Бояре, гости.
364. Лучшіе люди за Василія; мелкіе, Стрѣльцы, Козаки.
— Торжество Василіевыхъ друзей.
365. При Салтыковѣ Новогородцы къ Пскову.
366. Лучшіе бѣжали въ Новгородъ, въ Печерскій монастырь.

об. Просовецкій Волуева побилъ. Волуевъ отъ Короля, выжегъ Луки.

367. 23 Марта явился воръ (1611 г.) Люди Ходкѣвича подъ Печерою 10 Марта; онъ самъ 17 Марта, стоялъ 6 недѣль и 2 дни, разбилъ стѣны, 7 приступовъ, и пошелъ къ Москвѣ.

об. Лисовскій грабитъ Печеры, но не взялъ; съ нимъ 2000 Литвы и Нѣмцевъ.

— Козаки изъ Пскова къ вору.

368. Псковъ безъ Воеводъ, одинъ Дьякъ. Послы ихъ отъ Ляпунова въ Іюлѣ.

— 8 и 16 Іюля воръ къ Пскову.

об. Авг. 24 воръ отъ Пскова; Лисовскій Красной взялъ.

— Шведы и Новогородцы къ Пскову, вышибаютъ ворота: См. Видек.

— Воеводы въ Псковѣ отъ Заруцкаго и Трубецкаго.

— Воръ въ Псковѣ Дек. 4: въ другой (Лѣтописи) выше 89.

369. Будто 47 т. Литвы къ Себежу.

— Апр. 11 Ив. Плещеевъ изъ-подъ Москвы въ Псковъ обознавать.

— Лисовскій взялъ Заволочье.

— 18 Мая воръ ушелъ изъ Пскова; 20 его схватили и привели въ Псковъ.

— Іюля 1 повезли къ Москвѣ.

— Лисовскій нападалъ на провожатыхъ.

об. Цѣна хлѣбу въ Псковѣ.

370. Шведы взяли Яму, Копорье, и наконецъ

Новгородъ, гдѣ мерли съ голоду, и тамъ было много казны, пушекъ и пороху. — Избраніе Михаила; а Лисовскій еще тамъ.

Грамоты Ермолаева.

Два видѣнія, въ началѣ Шуйскаго.

№ 23 и 24. Г. 1606.

г. 1606. Грамота Филарета Ноября 29, 1606. Тверскій Епископъ побѣждаетъ воровъ. Раскаяніе городовъ — Вѣрность Смоленска, Вязмы etc. въ Ноябрѣ — Велитъ Патріархъ Ермогенъ торжественно молиться, поучать народъ...

Тогда воры стояли уже подъ Москвою въ Коломенскомъ и велятъ холопямъ побивать господъ.

Воры суть бѣглые холопи въ *скверной* Сѣверѣ: соединясь съ Козаками, пришли въ Рязанскую землю. — Клятвы Москвитянъ: слово *шпыни*. Противъ нихъ Тверскій Ѳеоктистъ. Тверитяне къ Москвѣ. 16.

Колычевъ очистилъ Волокъ 15 об.

Прокофій Ляпуновъ въ числѣ кающихся. 16 об. изъ Коломенскаго.

Ноябрѣ

Приступъ воровъ въ Сент. къ Москов. Слободамъ 19—20.

Въ Дек. (25 об. 26, 27).

Пашкова взяли: пѣть молебны по 3 дни.

г. 1607. Зовъ Патріарха къ Царю вести ослятю и у него обѣдать.

Февр. 2. Удумали послать по Іова для разрѣшенія

14 Февр. Пріѣхалъ: 16 совѣтъ. Упреки Іова: «вы мнѣ не вѣрили.» Іова со слезами просятъ: прощаетъ шестой части земли, еже есть Россія.

№ 30. Пошелъ Царь на воровъ 21 Мая.

№ 31. 5 Іюня битва А. Голицына съ ворами на рѣчкѣ Восмѣ близъ Коширы: на голову ихъ бьетъ и беретъ...

№ 32. 10 Окт. Тульскіе сидѣльцы, К. А. Телятевскій, Шаховскій, Болотниковъ сдались Царю и крестъ цѣловали и выдали Петрушку.

г. 1610. № 34. Шуйскій по просьбѣ Бояръ сходитъ съ престола.

Тогда: Король у Смоленска, Жолкѣвскій въ Можайскѣ, воръ въ Коломенскомъ.

Присягаютъ всѣ противъ вора подъ властію Бояръ.

№ 35. Первые о Владиславѣ Ив. Мих. Салтыковъ, Волуевъ.

Первое условіе между Королемъ и Мих. Салтыковымъ Авг. 30.

У вора К. Алексѣй Сицкій, Александръ Нагой, Гр. Сунбуловъ, Ѳ. Плещеевъ, К. Засѣкинъ.

Договоръ съ Владиславомъ.

Тоже какъ у Шуйскаго : не конфисковать имѣнія, не казнить безъ Боярскаго приговора.

г. 1611. Апр. Грам. Ляпунова.

Ермогенъ : второй Златоустъ. Тоже : твердый адамантъ.

г. 1612. № 37. Письмо Пожарскаго etc. къ городамъ о спасеніи : тутъ о происках Марины въ Коломнѣ.

№ 38. 7 Апрѣл. 1612 ; изъ Ярославля отъ Пожарскаго же къ городамъ.

Съ злымъ намѣреніемъ убиваютъ Ляпунова.

Гнусныя дѣла Заруцкаго.

Трубецкій и Заруцкій пишутъ къ Пожарскому, чтобы имъ не выбирать Царя безъ всей земли, но цѣловали крестъ вору Сидорку.

Призываютъ Депутатовъ.

NB См. рукоприкладчиковъ (Мининъ не зналъ грамотѣ).

Іюнь. Грамоты Новогородцевъ о Швед. Принцѣ : они выбирали его только себѣ въ Государи.

№ 41. Грамота Де-ла-Гарди къ Пожарскому.

№ 43. Присланъ отъ Короля Жидовинъ Богдашко (второй Самозван.)

Прислали Бутурлина изъ-подъ Москвы для договора о Шведскомъ Принцѣ.

Договоръ Новогородцевъ съ Де-ла-Гарди о любомъ сынѣ изъ двухъ Шведскаго.

Карлъ Шведскій умеръ : Густавъ Адольфъ.

Предложеніе Новогородцамъ.

Пожарскій : «мы готовы , если Королевичь приметъ нашу Вѣру.»

Рукопись Филаретова.

Вѣнчаніе 1 Іюня въ Воскресенье. Кого за тѣломъ Димитрія?

Патріархъ уже избранъ , когда привозятъ мощи Димитрія въ Москву.

7. Зборовскій и Шаховскій идутъ къ Старицѣ.

7 об. Скопинъ съ Шведами. Подъ Тверью бой,

8. (Осада Смоленска).

11. Царь подъ Тулою.

16. Совѣтъ Ермогена : Царь самъ идетъ съ войскомъ противъ Д.

18. На Поляковъ идутъ подъ Троицу : бьютъ ; одни бѣгутъ къ Королю , другіе въ Калугу къ Самозванцу.

об. Смерть Скопина : его свойства. См. и Видекинда.

19. Приходъ Филарета въ Москву Марта 14. См. выше, л. 8 на об.

— Салтыковъ къ Королю : его смерть и судъ.

об. Шведы и Русскіе побиты съ Дм. Шуйскимъ.

20 об. Жолкѣвскій и Д. къ Москвѣ.

21. Сводятъ Шуйскаго съ трона 18 Іюля.

22. Плачь жены его.
— Берутъ Шуйскаго : см. л. 28.
23. Поляки уже въ Кремлѣ : это къ л. 28 на об.
24. Совѣтъ Ермогена съ Боярами: взять ли Владислава? Авг. 3.
об. Цѣлуютъ крестъ.
25. Д. бѣжитъ въ Калугу.
— Посольство къ Королю.
27. Король отъ себя М. Салтыкова въ Москву.
— Патріархъ противъ него (см. о Ермогенѣ выписку у меня въ портфёлѣ).
об. Салтыковъ дѣлаетъ, что впускаютъ Гетмана въ Москву 21 Сент. 1610.
— Жолкѣвскій уѣзжаетъ; оставляетъ Госѣвскаго.
— Насилія Поляковъ до Марта.
28. Изъ Чудова берутъ Царя Василія съ братьями.
— Народъ прибѣгаетъ къ Патріарху. Обѣды у Поляковъ.
29. Убиваютъ кого-то не въ Москвѣ (Ляпунова?)
— Ермогенъ пишетъ въ города противъ Поляковъ.
— Пишетъ къ Прокофью Ляпунову.
30. Съ Госѣвскимъ пришелъ купецъ Ѳ. Андроновъ.
об. Ермогена подъ стражу.
31. Расхищеніе, слѣдствіе плѣненія Москвы, 19 Марта 1611.
об. Сокровища посылаютъ къ Королю. Злодѣйства Салтыкова и Андроникова.
32 об. Обломали раку Василія.

33. 26 Мая Король взялъ Смоленскъ. Іюня 16 Де-ла-Гарди взялъ Новгородъ.

Ляпуновъ, Трубецкій, Волуевъ, Заруцкій къ Москвѣ.

1 Апрѣля. Битва : храбрость Ляпунова.

35. Заруцкій научаетъ Козаковъ убить Ляпунова.

Осада.

37. Выжигаютъ Китай-городъ.

38. Заруцкій врагъ Пожарскаго.

— 17 Генв. 1612 (по Ист. Междоцарствія 17 Февр.) умеръ Ермогенъ : задохся.

Король подъ Волокомъ.

Окт. 22. Берутъ Китай.

39. Воевода Туренинъ съ Кузьмою Авг. 21.

40. Сраженіе съ Ходкѣвичемъ. Сдается Кремль.

43. Что терпѣли Поляки въ осадѣ.

об. Остатки Царскихъ сокровищъ. Окт. 22.

44. Король во свояси.

об. Измѣнники увозятъ образъ Николая въ Литву.

45. Избранъ Михаилъ.

Моя Архив. рукописная Исторія о Междоцарствіи.

Ожесточеніе. — Походъ.

4 об. Пожарскій согласенъ взять Швед. Принца Филиппа.

5. Негодяи Казанцы.
Смятеніе въ Ярославлѣ, усмиренное Митрополитомъ Ростовскимъ.
7 об. Бѣгство Заруцкаго.
Берутъ Москву: доблести Пожарскаго.
13. Король тогда предлагаетъ намъ сына.
об. Нѣмцы въ Архангельскъ на помощь: ихъ уже не надобно.
Заруцкій беретъ Марину съ сыномъ.
14 об. Многіе вельможи хотятъ быть Царемъ.
16. Михаилъ на Престолѣ 18 Апр. 1613.
19 об. Заруцкаго на колъ. Ѳед. Андронова и Маринина сына повѣсили; Марина умерла въ Москвѣ.

Собран. Гос. Грам.

Мстиславскій *Конюшій и Слуга*, Грамоты 463.
Донесенія Пословъ нашихъ къ Боярамъ, Грамоты 468.
NB Согласенъ Король 478—504, 521.
NB Возстаніе Ляпунова 213, 216.
540. Патріархъ 518. Грамоты 489: 499. Патріархъ. См. о происшествіяхъ Новогородскихъ грамоты 452 отъ 17 Ноября отъ Ив. Салтыкова.
См. Каменск. о Салтыковѣ.
Генвар. 1611 Казань цѣлуетъ крестъ Димитрію 490: картина Москвы.

Еще 494. Патріархъ.

497. 518.

Въ Генварѣ Грамота Москвитянъ ко всѣмъ Рос. о возстаніи 496.

Ляпуновъ въ Нижній. Февр.

Сапѣга къ Калужскому 508, 509.

Король къ Сапѣгѣ 543. Март. Бояре къ Королю и Шеину: «сдайся!»

Будто Пословъ къ сыну, а не въ неволю 522.

Апр. 2. На какихъ условіяхъ Король хочетъ занять Смоленскъ: 526.

Отвѣтъ Шеина 531.

536. 540. Король о кровопролитіи Московскомъ.

549. О взятіи Смоленска 13 Іюня.

550. Ссылка Филарета и Голицыныхъ съ Шеинымъ и 573.

К. Куракинъ за Владислава побитъ у Владиміра. Грамоты 513.

Бояре: «пошлите нашихъ Пословъ къ Владиславу; Смоленскъ, сдайся. Королю цѣловать» 517.

Голицынъ и Филаретъ не хотятъ ѣхать къ Владиславу 522.

Астрахань, Казань, Черемиса etc. хотятъ къ Персидскому Шаху.

Псковъ etc. къ Шведамъ.

NB Письмо къ Іакову Англ. о подданствѣ Россіи.

497. Отобрали Дьякова у Патріарха.

498. Ему повольнѣе.

Не слушаютъ указовъ Сигизмунда, ни Думы; денегъ не посылаютъ.

525. Въ Мартѣ Грамота Короля къ Патріарху о Послахъ его въ Москву послѣ сожженія.

535. Злодѣйства Сапѣги.

537. Клятва отстать отъ Владислава.

552. Ив. Мих. Салтыкова на колъ. Іюль.

553. Договоръ Новогородцевъ о признаваніи Шведскаго Королевича Царемъ.

564. Ногаи противъ Поляковъ съ нами.

567. Ермогенъ : «не присягать Маринкину сыну.» (Его смерть 599, у Каменскаго 429 ; 17 Февраля 1612.)

568. Убіеніе Ляпунова поборателя.

NB Безпрестанно Король и сынъ его жалуютъ помѣстьями и деньгами своихъ усердныхъ : т. е. велятъ Боярамъ.

570. Король Ходкѣвича къ Москвѣ, а самъ въ Варшаву Авг. 26, и Пословъ нашихъ туда же, если имъ вѣрите.

577. Отъ Троицы ко всѣмъ : спѣшить къ Москвѣ къ Трубецкому. Въ Окт.

580. Бояре ко всѣмъ о вѣрности къ Владиславу.

NB Грамоты Пожарскаго къ Россіи и къ нему Де-ла-Гарди.

598. Избрать ли Королевича Карла Филиппа? 601.

599. О кончинѣ Ермогена.

604. О Маржеретѣ.

608. Король обѣщаетъ сына, извиняясь въ медленности его болѣзнію въ Сент. 1612.

Доп. къ Дѣяніямъ Петра Великаго Т. II.

139. Честность Луговскаго.
144. Имена уѣхавшихъ.
146. Насмѣшки Захарія Ляпунова.
147. Города присягнувшіе Королю и Королевичу.
160. Вѣсть Посламъ о убіеніи Самозванца.
163. *Адамъ* Жолкѣвскій, племянникъ.
167. Жалоба на Бояръ Голицына.
173. Не Послы, а воры.
174. З. Ляпуновъ.
179. О Смоленскѣ, 187.
190. Ив. Салтыковъ.
197. Заруцкій высѣкъ Тулу. Переговоры о Смоленскѣ.
198. Орелъ и Болховъ принадлежали Лжедимитрію и пристали къ Москвѣ, а Ляхами за то опустошены.
201. Кондиціи Смоленска.
202. Послы подъ стражу 25 Марта.
218. Михаилъ въ Москвѣ. Сокровища древнія.
224. Ив. Салтык. къ Посламъ.
230. Если бы Король прибылъ, «то зла бы не случилось.»
231. «Что же дѣлать?»
236. Пословъ въ Литву 13 Апр.
252. Войско цѣлуетъ крестъ Лжед., Маринѣ и сыну его.
259. Новгородъ.

II.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РУКОПИСИ:

О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССІИ

ВЪ ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ И ГРАЖДАНСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Карамзинъ желалъ въ заключеніе XII тома окинуть взглядомъ слѣдующія времена Исторіи Россійской до нашихъ дней. Судьба не дозволила ему исполнить сего намѣренія. Но гораздо прежде того онъ, по совѣту Великой Княгини Екатерины Павловны, сочинилъ для Императора Александра статью о Древней и Новой Россіи, остававшуюся въ совершенной неизвѣстности до 1837 года, когда отрывокъ ея въ первый разъ явился въ *Современникѣ* Пушкина. Мы сочли не излишнимъ помѣстить сію замѣчательную піесу здѣсь, полагая, что, будучи произведеніемъ того же незабвеннаго нашего Исторіографа, не легко измѣнявшаго свой взглядъ на событія, взглядъ вѣрный, основанный на зрѣлыхъ соображеніяхъ, она должна принести особенное удовольствіе Читателямъ, тогда какъ вниманіе ихъ прерывается въ семъ Томѣ на самомъ любопытномъ мѣстѣ, и они, съ трудомъ оставляя книгу, доставившую имъ столько наслажденія, конечно желали бы еще услышать хотя нѣсколько словъ отъ Автора, предъ ними незапно умолкшаго.

Нѣсть льсти въ языцѣ моемъ.
Псал. 138.

Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее; одно другимъ, такъ сказать, дополняется и въ связи представляется мыслямъ яснѣе.

Отъ моря Каспійскаго до Балтійскаго, отъ Чернаго до Ледовитаго, за тысячу лѣтъ предъ симъ жили народы кочевые, звѣроловные и земледѣльческіе, среди обширныхъ пустынь, извѣстныхъ Грекамъ и Римлянамъ болѣе по сказкамъ баснословія, нежели по вѣрнымъ описаніямъ очевидцевъ. Провидѣнію угодно было составить изъ сихъ разнородныхъ племенъ обширнѣйшее Государство въ мірѣ.

Римъ, нѣкогда сильный доблестью, ослабѣлъ въ нѣгѣ и палъ, сокрушенный мышцею варваровъ сѣверныхъ. Началось новое твореніе: явились новые народы, новые нравы, и Европа воспріяла новый образъ, донынѣ ею сохранен-

ный въ главныхъ чертахъ ея бытія политическаго. Однимъ словомъ, на развалинахъ владычества Римскаго основалось въ Европѣ владычество народовъ Германскихъ.

Въ сію новую общую систему вошла и Россія. Скандинавія, гнѣздо Витязей безпокойныхъ — officina gentium, vagina nationum — дала нашему отечеству первыхъ Государей, добровольно принятыхъ Славянскими и Чудскими племенами, обитавшими на берегахъ Ильменя, Бѣлаозера и рѣки Великой: «Идите» — сказали имъ Чудь и Славяне, наскучивъ своими внутренними междоусобіями — «идите княжить и властвовать надъ нами. Земля наша обильна и велика, но порядка въ ней не видимъ.» Сіе случилось въ 862 году, а въ концѣ X вѣка Европейская Россія была уже не менѣе нынѣшней: то есть, во сто лѣтъ она достигла отъ колыбели до величія рѣдкаго. Въ 964 году Россіяне, какъ наемники Грековъ, сражались въ Сициліи съ Аравитянами, а послѣ въ окрестностяхъ Вавилона.

Что произвело феноменъ столь удивительный въ Исторіи? Пылкая романическая страсть нашихъ первыхъ Князей къ завоеваніямъ и Единовластіе, ими основанное на развалинахъ множества слабыхъ, несогласныхъ Державъ народныхъ, изъ коихъ составилась Россія. Рюрикъ, Олегъ, Святославъ, Владиміръ, не давали образумиться гражданамъ въ быстромъ теченіи побѣдъ, въ непрестанномъ шумѣ воинскихъ сва-

новъ, платя имъ славою и добычею за утрату прежней вольности бѣдной и мятежной.

Въ XI вѣкѣ Государство Россійское могло, какъ бодрый, пылкій юноша, обѣщать себѣ долголѣтіе и славную дѣятельность. Монархи его въ твердой рукѣ своей держали судьбы милліоновъ; озаренные блескомъ побѣдъ, окруженные воинственною, благородною дружиною, казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановеніемъ воздвигали рать и движеніемъ перста указывали ей путь къ Воспору Ѳракійскому или къ горамъ Карпатскимъ. Въ счастливомъ отдохновеніи мира, Государь пировалъ съ Вельможами и народомъ, какъ отецъ среди семейства многочисленнаго. Пустыни украсились городами; города избранными жителями: свирѣпость дикихъ нравовъ смягчилась Вѣрою Христіанскою: на берегахъ Днѣпра и Волхова явились искусства Византійскія. Ярославъ далъ народу свитокъ законовъ гражданскихъ, простыхъ и мудрыхъ, согласныхъ съ древними Нѣмецкими. Однимъ словомъ, Россія не только была обширнымъ, но въ сравненіи съ другими и самымъ образованнымъ Государствомъ.

Къ несчастію, она въ сей бодрой юности не предохранила себя отъ государственной общей язвы тогдашняго времени, которую народы Германскіе сообщили Европѣ: говорю о Системѣ Удѣльной. Счастіе и характеръ Владиміра, счастіе и характеръ Ярослава могли только отсро-

чить паденіе Державы, основанной Единовластіемъ на завоеваніяхъ. Россія раздѣлилась.

Вмѣстѣ съ причиною ея могущества, столь необходимаго для благоденствія, исчезло и могущество и благоденствіе народа. Открылось жалкое междоусобіе малодушныхъ Князей, которые, забывъ славу, пользу отечества, рѣзали другъ друга и губили народъ, чтобы прибавить какой нибудь ничтожный городокъ къ своему Удѣлу. Греція, Венгрія, Польша отдохнули: зрѣлище нашего внутренняго бѣдствія служило имъ поручительствомъ въ ихъ безопасности. Дотолѣ боялись Россіянъ: начали презирать ихъ. Тщетно нѣкоторые Князья великодушные — Мономахъ, Василько — говорили именемъ отечества на торжественныхъ съѣздахъ; тщетно другіе — Боголюбскій, Всеволодъ III — старались присвоить себѣ единовластіе: покушенія были слабы, не дружны, и Россія, въ теченіе двухъ вѣковъ терзала собственныя нѣдра, пила слезы и кровь собственную.

Открылось и другое зло, не менѣе гибельное. Народъ утратилъ почтеніе къ Князьямъ: Владѣтель Торопца или Гомеля могъ ли казаться ему столь важнымъ смертнымъ, какъ Монархъ всей Россіи? Народъ охладѣлъ въ усердіи къ Князьямъ, видя, что они для ничтожныхъ личныхъ выгодъ жертвуютъ его кровью, и равнодушно смотрѣлъ на паденіе ихъ троновъ, готовый всегда взять сторону счастливѣйшаго, или

измѣнить ему вмѣстѣ съ счастіемъ, а Князья, уже не имѣя ни довѣренности, ни любви къ народу, старались только умножать свою дружину воинскую: позволили ей тѣснить мирныхъ жителей сельскихъ и купцевъ, сами обирали ихъ, чтобъ имѣть болѣе денегъ въ казнѣ на всякой случай, и сею политикою утративъ нравственное достоинство Государей, сдѣлались подобны судіямъ-лихоимцамъ, или Тиранамъ, а не законнымъ властителямъ. И такъ съ ослабленіемъ государственнаго могущества ослабѣла и внутренняя связь подданства съ властію.

Въ такихъ обстоятельствахъ удивительно ли, что варвары покорили наше отечество? Удивительнѣе, что оно еще столь долго могло умирать по частямъ и въ сердцѣ, сохраняя видъ и дѣйствія жизни Государственной или независимость, изъясняемую одною слабостью нашихъ сосѣдовъ. На степяхъ Донскихъ и Волжскихъ кочевали Орды Азіатскія, способныя только къ разбоямъ. Польша сама издыхала въ междоусобіяхъ. Короли Венгерскіе желали, но не могли никогда утвердить свое господство за горами Карпатскими, и Галиція, нѣсколько разъ отходивъ отъ Россіи, снова къ ней присоединялась. Орденъ Меченосцевъ едва держался въ Ливоніи. Но когда воинственный народъ, образованный побѣдами Хана Монгольскаго, овладѣвъ Китаемъ, частію Сибири и Тибетомъ, устремился на Россію, она могла имѣть только славу великодушной гибели. Смѣлые, но безразсудные Князья

нами съ горстью людей выходили въ поле умирать Героями: Батый, предводительствуя полумилліономъ, топталъ ихъ трупы и въ нѣсколько мѣсяцевъ сокрушилъ Государство. Въ искусствѣ воинскомъ предки наши не уступали ни какому народу, ибо четыре вѣка гремѣли оружіемъ внѣ и внутри отечества; но слабые раздѣленіемъ силъ, не согласные даже и въ общемъ бѣдствіи, удовольствовались вѣнцами мучениковъ, пріявъ оные въ неравныхъ битвахъ и въ защитѣ городовъ бренныхъ.

Земля Русская, упоенная кровію, усыпанная пепломъ, сдѣлалась жилищемъ рабовъ Ханскихъ, а Государи ея трепетали Баскаковъ. Сего не довольно. Въ окружностяхъ Двины и Нѣмана, среди густыхъ лѣсовъ, жилъ народъ бѣдный, дикій, и болѣе 200 лѣтъ платилъ скудную дань Россіянамъ. Утѣсняемый ими, также Прусскими и Ливонскими Нѣмцами, онъ выучился искусству воинскому, и предводимый нѣкоторыми отважными витязями, въ стройномъ ополченіи выступилъ изъ лѣсовъ на ѳеатръ міра, не только возстановилъ свою независимость, но, пріявъ образъ народа гражданскаго, основавъ Державу сильную, захватилъ и лучшую половину Россіи; т. е. сѣверная осталась данницею Моголовъ, а южная вся отошла къ *Литвѣ* по самую Калугу и рѣку Угру. Владиміръ, Суздаль, Тверь, назывались *Улусами Ханскими*; Кіевъ, Черниговъ, Мценскъ, Смоленскъ — городами Литовскими. Первые хранили по крайней мѣрѣ свои

нравы; вторые заимствовали и самые обычаи чуждые. Казалось, что Россія погибла на вѣки.

Сдѣлалось чудо. Городокъ, едва извѣстный до XIV вѣка отъ презрѣнія къ его маловажности, долго именуемый селомъ Кучковымъ, возвысилъ главу и спасъ отечество. Да будетъ честь и слава Москвѣ! Въ ея стѣнахъ родилась, созрѣла мысль возстановить Единовластіе въ истерзанной Россіи, и хитрый Іоаннъ Калита, заслуживъ имя *Собрателя земли Русской*, есть первоначальникъ ея славнаго воскресенія, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ міра. Надлежало, чтобы его преемники въ теченіе вѣка слѣдовали одной системѣ съ удивительнымъ постоянствомъ и твердостію, системѣ, наилучшей по всѣмъ обстоятельствамъ, и которая состояла въ томъ, чтобы употребить самихъ Хановъ въ орудіе нашей свободы. Снискавъ особенную милость Узбека, и вмѣстѣ съ нею достоинства Великаго Князя, Калита первый убѣдилъ Хана не посылать собственныхъ чиновниковъ за данью въ города наши, а принимать ее въ Ордѣ отъ Бояръ Княжескихъ, ибо Татарскіе Вельможи, окруженные воинами, ѣздили въ Россію болѣе для наглыхъ грабительствъ, нежели для собранія Ханской дани. Никто не смѣлъ встрѣтиться съ ними: какъ скоро они являлись, земледѣльцы бѣжали отъ плуга, купцы отъ товаровъ, граждане отъ домовъ своихъ. Все ожило, когда сіи хищники перестали ужасать народъ своимъ присутствіемъ: села, города успокоились, торговая

пробудилась не только внутренняя, но и внѣшняя, народъ и казна обогатились, дань Ханская уже не тяготила ихъ. Вторымъ важнымъ замысломъ Калиты было присоединеніе частныхъ Удѣловъ къ Великому Княжеству. Усыпляемые ласками Властителей Московскихъ, Ханы съ дѣтскою невинностію дарили имъ цѣлыя области и подчиняли другихъ Князей Россійскихъ, до самаго того времени, какъ сила, воспитанная хитростію, довершила мечемъ дѣло нашего освобожденія.

Глубокомысленная Политика Князей Московскихъ не удовольствовалась собраніемъ частей въ цѣлое: надлежало еще связать ихъ твердо, и Единовластіе усилить Самодержавіемъ. Что началось при Іоаннѣ I или Калитѣ, то совершилось при Іоаннѣ III: столица Ханская на берегу Ахтубы, гдѣ столько лѣтъ потомки Рюриковы преклоняли колѣна, исчезла на вѣки, сокрушенная местью Россіянъ. Новгородъ, Псковъ, Рязань, Тверь, присоединились къ Москвѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древнія югозападныя Княженія потомковъ Владиміровыхъ еще оставались въ рукахъ Польши; за то Россія, новая, возрожденная, во время Іоанна IV пріобрѣла три Царства: Казанское, Астраханское и неизмѣримое Сибирское, дотолѣ неизвѣстное Европѣ.

Сіе великое твореніе Князей Московскихъ было произведено не личнымъ ихъ геройствомъ,

ибо, кромѣ Донскаго, никто изъ нихъ не славился онымъ, но единственно умною политическою системою, согласно съ обстоятельствами времени. Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластія, а спаслась мудрымъ Самодержавіемъ.

Во глубинѣ Сѣвера возвысивъ главу свою между Азіатскими и Европейскими Царствами, она представляла въ своемъ гражданскомъ образѣ черты сихъ обѣихъ частей міра: смѣсь древнихъ Восточныхъ нравовъ, принесенныхъ Славянами въ Европу и подновленныхъ, такъ сказать, нашею долговременною связью съ Моголами, — Византійскихъ, заимствованныхъ Россіянами вмѣстѣ съ Христіанскою Вѣрою, и нѣкоторыхъ Германскихъ, сообщенныхъ имъ Варягами. Сіи послѣднія черты, свойственныя народу мужественному, вольному, еще были замѣтны въ обыкновеніи судебныхъ поединковъ, въ утѣхахъ рыцарскихъ и въ духѣ мѣстничества, основаннаго на родовомъ славолюбіи. Заключеніе женскаго пола и строгое холопство оставались признакомъ древнихъ Азіатскихъ обычаевъ. Дворъ Царскій уподоблялся Византійскому. Іоаннъ III, зять одного изъ Палеологовъ, хотѣлъ какъ бы возстановить у насъ Грецію, соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ ея церковныхъ и придворныхъ: окружилъ себя Римскими орлами и принималъ иноземныхъ Пословъ въ *Золотой Палатѣ*, которая напоминала *Юстиніанову*. Такая смѣсь въ нравахъ, произ-

веденная случаями, обстоятельствами, казалась намъ природною, и Россіяне любили оную, какъ свою народную собственность.

Хотя двувѣковое иго Ханское не благопріятствовало успѣхамъ гражданскихъ искуствъ и разума въ нашемъ отечествѣ, однакожь Москва и Новгородъ пользовались важными открытіями тогдашнихъ временъ: бумага, порохъ, книгопечатаніе, сдѣлались у насъ извѣстны весьма скоро по ихъ изобрѣтеніи. Библіотеки Царская и Митрополитская, наполненныя рукописями Греческими, могли быть предметомъ зависти для иныхъ Европейцевъ. Въ Италіи возродилось зодчество. Москва въ XV вѣкѣ уже имѣла знаменитыхъ Архитекторовъ, призванныхъ изъ Рима, великолѣпныя церкви и Грановитую Палату; иконописцы, рѣзчики, золотари обогащаясь въ нашей столицѣ. Законодательство молчало во время рабства: Іоаннъ III издалъ новые гражданскіе уставы, Іоаннъ IV полное уложеніе, коего главная отмѣна отъ Ярославовыхъ законовъ состоитъ въ введеніи *торговой казни*, неизвѣстной древнимъ Россіянамъ. Сей же Іоаннъ IV устроилъ земское войско, какого у насъ дотолѣ не бывало: многочисленное, всегда готовое и раздѣленное на полки областные.

Европа устремила глаза на Россію: Государи, Папы, Республики вступили съ нею въ дружелюбныя сношенія, одни для выгодъ купечества, иные въ надеждѣ обратить ея силы къ обузданію ужасной Турецкой Имперіи, Польши, Швеціи,

Даже изъ самой глубины Индостана, съ береговъ Гангеса, въ XVI вѣкѣ пріѣзжали Послы въ Москву, и мысль сдѣлать Россію путемъ Индѣйской торговли, была тогда общею. Политическая система Государей Московскихъ заслуживала удивленіе своею мудростію, имѣя цѣлію одно благоденствіе народа: они воевали только по необходимости, всегда готовые къ миру; уклоняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ Европы, болѣе пріятнаго для суетности Монарховъ, нежели полезнаго для Государства, и возстановивъ Россію въ умѣренномъ, такъ сказать, величіи, не алкали завоеваній, невѣрныхъ или опасныхъ, желая сохранять, а не пріобрѣтать.

Внутри Самодержавіе укоренилось. Никто, кромѣ Государя, не могъ ни судить, ни жаловать: всякая власть была изліяніемъ Монаршей, и знаменитѣйшее въ Россіи титло уже было не княжеское, не Боярское, но титло *Слуги Царева*. Народъ, избавленный Князьями Московскими отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ Вѣчахъ и Сановникахъ; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ. Одни Бояре, столь нѣкогда величавые въ удѣльныхъ господствахъ, роптали на строгость Самодержавія; но бѣгство или казнь ихъ свидѣтельствовали твердость онаго. Наконецъ Царь сдѣлался для всѣхъ Россіянъ земнымъ Богомъ.

Тщетно Іоаннъ IV, бывъ до 35 лѣтъ Госу-

царемъ добрымъ, и по какому-то адскому вдохновенію возлюбивъ кровь, лилъ оную безъ вины и сѣкъ головы людей, славнѣйшихъ добродѣтелями; Бояре и народъ, во глубинѣ души своей, не дерзая что либо замыслить противъ Вѣнценосца, только смиренно молили Господа, да смягчитъ ярость Цареву, сію казнь за грѣхи ихъ! Кромѣ злодѣевъ, ознаменованныхъ въ Исторіи названіемъ *Опришнины*, всѣ люди знаменитые богатствомъ, или саномъ, ежедневно готовились къ смерти и не предпринимали ничего для спасенія жизни своей! Время и расположеніе умовъ достопамятное! Нигдѣ и никогда грозное самовластіе не предлагало столь жестокихъ искушеній для народной добродѣтели, для вѣрности или повиновенія, но сія добродѣтель даже не усомнилась въ выборѣ между гибелью и сопротивленіемъ.

Злодѣяніе, въ тайнѣ умышленное, но открытое Исторіею, пресѣкло родъ Іоанновъ: Годуновъ, Татаринъ происхожденіемъ, Кромвель умомъ, воцарился со всѣми правами Монарха законнаго и съ тою же системою Единовластія неприкосновеннаго. Сей несчастный, сраженный тѣнію убитаго имъ Царевича, среди великихъ усилій человѣческой мудрости, и въ сіяніи добродѣтелей наружныхъ, погибъ какъ жертва властолюбія неумѣреннаго, беззаконнаго, въ примѣръ вѣкамъ и народамъ. Годуновъ, тревожимый совѣстію, хотѣлъ заглушить ея священныя укоризны дѣйствіями кротости и смягчалъ

Самодержавіе въ рукахъ своихъ: кровь не лилась на лобномъ мѣстѣ; ссылка, заточеніе, невольное постриженіе въ Монахи, были единственнымъ наказаніемъ Бояръ виновныхъ или подозрѣваемыхъ въ злыхъ умыслахъ. Но Годуновъ не имѣлъ выгоды быть любимымъ, ни уважаемымъ, какъ прежніе Монархи наслѣдственные. Бояре, нѣкогда стоявъ съ нимъ на одной ступени, ему завидовали; народъ помнилъ его слугою придворнымъ. Нравственное могущество Царское ослабѣло въ семъ избранномъ Вѣнценосцѣ.

Не многіе изъ Государей бывали столь усердно привѣтствуемы народомъ, какъ Лжедимитрій въ день своего торжественнаго въѣзда въ Москву: разсказы о его мнимомъ, чудесномъ спасеніи, память ужасныхъ естественныхъ бѣдъ Годунова времени и надежда, что Небо, возвративъ Престолъ Владимірову потомству, возвратитъ благоденствіе Россіи, влекли сердца въ срѣтеніе юному любимцу счастія.

Но Лжедимитрій былъ тайный Католикъ и нескромность его обнаружила сію тайну. Онъ имѣлъ нѣкоторыя достоинства и добродушіе, но голову романическую, и на самомъ тронѣ характеръ бродяги; любилъ иноземцевъ до пристрастія, и не зная Исторіи своихъ мнимыхъ предковъ, вѣдалъ малѣйшія обстоятельства жизни Генриха IV, Короля Французскаго, имъ обожаемаго. Наши Монархическія учрежденія XV и XVI вѣка приняли иной образъ: мало-

численная Дума Боярская, служивъ прежде единственно Царскимъ Совѣтомъ, обратилась въ шумный сонмъ ста Правителей мірскихъ и Духовныхъ, коимъ безпечный и лѣнивый Димитрій ввѣрилъ внутреннія дѣла государственныя, оставляя для себя внѣшнюю политику; иногда являлся тамъ и спорилъ съ Боярами къ общему удивленію: ибо Россіяне дотолѣ не знали, какъ подданный могъ торжественно противорѣчить Монарху. Веселая обходительность его вообще преступила границы благоразумія и величественной скромности. Сего мало. Димитрій явно презиралъ Русскіе обычаи и Вѣру: пировалъ, когда народъ постился; забавлялъ свою невѣсту пляскою скомороховъ въ монастырѣ Вознесенскомъ; хотѣлъ угощать Бояръ яствами гнусными для ихъ суевѣрія; окружилъ себя не только иноземною стражею, но и шайкою Іезуитовъ; говорилъ о соединеніи Церквей и хвалилъ Латинскую. Россіяне перестали уважать его, наконецъ возненавидѣли, и соглася́сь, что истинный сынъ Іоанновъ не могъ бы попирать ногами святыню своихъ предковъ, возложили руку на Самозванца.

Сіе происшествіе имѣло ужасныя слѣдствія для Россіи; могло бы имѣть еще и гибельнѣйшія. Самовольныя управы народа бываютъ для гражданскихъ обществъ вреднѣе личныхъ несправедливостей или заблужденій Государя. Мудрость цѣлыхъ вѣковъ нужна для утвержденія власти: одинъ часъ народнаго изступле-

нія разрушаетъ основу ея, которая есть уваженіе нравственное къ сану Властителей. Москвитяне истерзали того, кому недавно присягали въ вѣрности: горе его преемнику и народу.

Отрасль древнихъ Князей Суздальскихъ и племени Мономахова, Василій Шуйскій, угодникъ Царя Бориса, осужденный на казнь и помилованный Лжедимитріемъ, свергнувъ неосторожнаго Самозванца, въ награду за то пріялъ окровавленный его скипетръ отъ Думы Боярской и торжественно измѣнилъ Самодержавію, присягнувъ безъ ея согласія не казнить ни кого, не отнимать имѣній и не объявлять войны. Еще имѣя въ свѣжей памяти ужасныя изступленія Іоанновы, сыновья отцевъ, невинно убіенныхъ имъ, предпочли свою безопасность государственной и легкомысленно стѣснили дотолѣ не ограниченную власть Монаршую, коей Россія была обязана спасеніемъ и величіемъ. Уступчивость Шуйскаго и самолюбіе Бояръ кажутся равнымъ преступленіемъ въ глазахъ потомства, ибо первый также думалъ болѣе о себѣ, нежели о Государствѣ, и плѣняясь мыслію быть Царемъ, хотя и съ ограниченными правами, дерзнулъ на явную для Царства опасность.

Случилось, чему необходимо надлежало случиться. Бояре видѣли въ Полумонархѣ дѣло рукъ своихъ и хотѣли, такъ сказать, продолжать оное, болѣе и болѣе стѣсняя власть его. Поздно очнулся Шуйскій и тщетно хотѣлъ по-

рывами великодушія утвердить колеблемость трона. Воскресли древнія смуты Боярскія, и народъ, волнуемый на площади наемниками нѣкоторыхъ коварныхъ Вельможъ, толпами стремился ко Дворцу Кремлевскому предписывать законы Государю. Шуйскій изъявлялъ твердость: «Возьмите вѣнецъ Мономаховъ, возложенный вами на главу мою, или повинуйтесь мнѣ,» — говорилъ онъ Москвитянамъ. Народъ смирялся, и вновь мятежничалъ, въ самое то время, когда Самозванцы, прельщенные успѣхомъ перваго, одинъ за другимъ на Москву возставали. Шуйскій палъ, сверженный не сими бродягами, а Вельможами недостойными, и палъ съ величіемъ, возсѣвъ на тронъ съ малодушіемъ. Въ мантіи инока, преданный злодѣями въ руки чужеземцамъ, онъ жалѣлъ болѣе о Россіи, нежели о коронѣ, съ истинно Царскою гордостію отвѣтствовалъ на коварныя требованія Сигизмундовы, и внѣ отечества, заключенный въ темницу, умеръ государственнымъ мученикомъ.

Не долго многоглавая гидра Аристократіи владычествовала въ Россіи. Никто изъ Бояръ не имѣлъ рѣшительнаго перевѣса; спорили и мѣшали другъ другу въ дѣйствіяхъ власти. Увидѣли необходимость имѣть Царя, и боясь избрать единоземца, что бы родъ его не занялъ всѣхъ степеней трона, предложили вѣнецъ сыну нашего врага, Сигизмунда, который, пользуясь мятежами Россіи, силился овладѣть ея запад-

ными странами. Но вмѣстѣ съ Царствомъ предложили ему условія: хотѣли обезпечить Вѣру и власть Боярскую. Еще договоръ не совершился, когда Поляки, благопріятствуемые внутренними измѣнниками, вступили въ Москву и прежде времени начали торжествовать именемъ Владислава. Шведы взяли Новгородъ; Самозванцы, Козаки, свирѣпствовали въ другихъ областяхъ нашихъ. Правительство рушилось, Государство гибло.

Исторія назвала Минина и Пожарскаго спасителями отечества: отдадимъ справедливость ихъ усердію, не менѣе и гражданамъ, которые въ сіе рѣшительное время дѣйствовали съ удивительнымъ единодушіемъ. Вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ, и ненависть къ чужеземной власти, произвели общее, славное возстаніе народа подъ знаменами нѣкоторыхъ вѣрныхъ отечеству Бояръ. Москва освободилась.

Но Россія не имѣла Царя и еще бѣдствовала отъ хищныхъ иноплеменниковъ; изъ всѣхъ городовъ съѣхались въ Москву избранные знаменитѣйшіе люди, и въ храмѣ Успенія, вмѣстѣ съ Пастырями Церкви и Боярами, рѣшили судьбу отечества. Никогда народъ не дѣйствовалъ торжественнѣе и свободнѣе; никогда не имѣлъ побужденій святѣйшихъ; всѣ хотѣли одного — цѣлости, блага Россіи. Не блистало вокругъ оружіе; не было ни угрозъ, ни подкупа, ни противорѣчій, ни сомнѣнія. Избрали юношу, почти

отрока, удаленнаго отъ свѣта; почти силою извлекли его изъ объятій устрашенной матери-инокини, и возвели на Престолъ, орошенный кровію Лжедимитрія и слезами Шуйскаго. Сей прекрасный, невинный юноша казался агнцемъ и жертвою; трепеталъ и плакалъ. Не имѣя подлѣ себя ни единаго сильнаго родственника, чуждый Боярамъ Верховнымъ, гордымъ, властолюбивымъ, онъ видѣлъ въ нихъ не подданныхъ, а будущихъ своихъ тирановъ, и къ счастію Россіи ошибся. Бѣдствія мятежной Аристократіи просвѣтили гражданъ и самихъ Аристократовъ: тѣ и другіе единогласно, единодушно наименовали Михаила Самодержцемъ, Монаркомъ неограниченнымъ; тѣ и другіе, воспламененные любовію къ отечеству, взывали только: *Богъ и Государь!* — написали хартію, и положили оную на Престолъ. Сія грамота, внушенная мудростію опытовъ, утвержденная волею и Бояръ и народа, есть священнѣйшая изъ всѣхъ государственныхъ хартій. Князья Московскіе учредили Самодержавіе, отечество даровало оное Романовымъ.

Самое личное избраніе Михаила доказывало искреннее намѣреніе утвердить Единовластіе. Древніе Княжескіе роды безъ сомнѣнія имѣли гораздо болѣе права на корону, нежели сынъ племянника Іоанновой супруги, коего неизвѣстные предки выѣхали изъ Пруссіи; но Царь, избранный изъ сихъ потомковъ Мономаховыхъ или Олеговыхъ, имѣя множество знатныхъ

родственниковъ, легко могъ бы дать имъ власть аристократическую, и тѣмъ ослабить Самодержавіе. Предпочли юношу, почти безроднаго; но сей юноша, свойственникъ Царскій, имѣлъ отца мудраго, крѣпкаго духомъ, непреклоннаго въ совѣтахъ, который долженствовалъ служить ему пѣстуномъ на тронѣ, и внушать правила твердой власти. Такъ строгій характеръ Филарета, не смягченный принужденною монашескою жизнію, болѣе родства его съ Θеодоромъ Іоанновичемъ способствовалъ къ избранію Михаила.

Исполнилось намѣреніе сихъ незабвенныхъ мужей, которые въ чистой рукѣ держали тогда урну судьбы нашей, обуздывая собственныя и чуждыя страсти. Дуга небеснаго мира возсіяла надъ трономъ Россійскимъ. Отечество подъ сѣнію Самодержавія успокоилось, извергнувъ чужеземныхъ хищниковъ изъ нѣдръ своихъ; возвеличилось пріобрѣтеніями и вновь образовалось въ гражданскомъ порядкѣ, творя, обновляя и дѣлая только необходимое, согласное съ понятіями народными, и ближайшее къ существующему. Дума Боярская осталась на древнемъ основаніи, т. е. Совѣтомъ Царей во всѣхъ дѣлахъ важныхъ, политическихъ, гражданскихъ, казенныхъ. Прежде Монархъ радилъ Государство чрезъ своихъ Намѣстниковъ или Воеводъ; недовольные ими прибѣгали къ нему: онъ судилъ дѣло съ Боярами. Сія *восточная простота* уже не отвѣтствовала государственному возрасту Россіи, и множество дѣлъ тре-

бовало болѣе посредниковъ между Царемъ и народомъ. Учредились въ Москвѣ Приказы, которые вѣдали дѣла всѣхъ городовъ и судили намѣстниковъ. Но еще судъ не имѣлъ Устава полнаго: ибо Іоанновъ оставлялъ много на совѣсть или произволъ судящаго. Увѣренный въ важности таковаго дѣла, Царь Алексій Михайловичь назначилъ для онаго мужей думныхъ, и повелѣлъ имъ вмѣстѣ съ выборными всѣхъ городовъ, всѣхъ состояній, исправить Судебникъ; дополнить его законами Греческими, намъ давно извѣстными, новѣйшими Указами Царей и необходимыми прибавленіями на случаи, которые уже встрѣчаются въ судахъ, но еще не рѣшены закономъ яснымъ. Россія получила *Уложеніе*, скрѣпленное Патріархомъ, всѣми значительными Духовными, мірскими чиновниками и выборными городскими. Оно, послѣ хартіи Михаилова избранія, есть донынѣ важнѣйшій государственный завѣтъ нашего отечества.

Вообще царствованіе Романовыхъ, Михаила, Алексія, Θеодора, способствовало сближенію Россіянъ съ Европою какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ нравахъ, отъ частыхъ государственныхъ сношеній съ ея Дворами, отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ, но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ

старымъ навыкомъ, въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи: ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XIV вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія. Мы заимствовали, но какъ бы *нехотя*, примѣняя все къ нашему, и новое соединяя съ старымъ.

Явился Петръ. Въ его дѣтскія лѣта самовольство Вельможъ, наглость Стрѣльцевъ и властолюбіе Софіи напоминали Россіи несчастныя времена смутъ Боярскихъ; но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою схватилъ кормило Государства; онъ сквозь бурю и волны устремился къ своей цѣли: достигъ и все перемѣнилось.

Сею цѣлію было не только новое величіе Россіи, но и *совершенное* присвоеніе обычаевъ Европейскихъ.... Потомство воздало усердную хвалу сему безсмертному Государю, и личнымъ его достоинствамъ и славнымъ подвигамъ. Онъ имѣлъ великодушіе, проницаніе, волю непоколебимую, дѣятельность, неутомимость рѣдкую: исправилъ, умножилъ войско: одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искуснымъ и мужественнымъ; завоевалъ Ливонію, сотворилъ флотъ, основалъ гавани; издалъ многіе законы мудрые, привелъ въ лучшее состояніе торговлю,

рудокопни; завелъ мануфактуры, училища, Академію; наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы. Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ, забудемъ ли почти важнѣйшее для Самодержцевъ дарованіе употреблять людей по ихъ способностямъ? Полководцы, Министры, Законодатели не родятся въ такое, или такое царствованіе, но единственно избираются; чтобы избрать, надобно угадать; угадываютъ же людей только великіе люди — и слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ, въ Сенатѣ, въ кабинетѣ. Но мы, Россіяне, имѣя предъ глазами свою Исторію, подтвердимъ ли мнѣніе не свѣдущихъ иноземцевъ, и скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго? Забудемъ ли Князей Московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли Державу сильную и — что не менѣе важно — учредили твердое въ ней правленіе единовластное? Петръ нашелъ средства дѣлать великое. Князья Московскіе приготовляли оное.

Жизнь человѣческая кратка, а для утвержденія новыхъ обычаевъ требуется долговременность. Петръ ограничилъ свое преобразованіе Дворянствомъ. Дотолѣ, отъ сохи до Престола Россіяне сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ; со временъ Петровыхъ высшія степени отдѣлились отъ нижнихъ. Семействен-

мые нравы не укрылись отъ влiянiя Царской дѣятельности. Вельможи стали жить открытымъ домомъ; ихъ супруги и дочери вышли изъ непроницаемыхъ теремовъ своихъ; балы, ужины соединили одинъ полъ съ другимъ въ шумныхъ залахъ.

Но великiй мужъ какъ хорошее, такъ и худое дѣлаетъ на вѣки: сильною рукою данъ новое движенiе Россiи; мы уже не возвратимся къ старинѣ! . . . . Вторый Петръ Великiй могъ бы только въ 20 или 30 лѣтъ утвердить новый порядокъ вещей гораздо основательнѣе, нежели всѣ наслѣдники Перваго до самой Екатерины II. Не смотря на его чудесную дѣятельность, онъ многое оставилъ исполнять преемникамъ; но Меньшиковъ думалъ единственно о пользахъ своего личнаго властолюбiя; такъ же и Долгорукiе. Меньшиковъ замышлялъ открыть сыну своему путь къ трону; Долгорукiе и Голицыны хотѣли видѣть на Престолѣ слабую тѣнь Монарха и господствовать именемъ Верховнаго Совѣта. Замыслы дерзкiе и малодушные! Пигмеи спорили о наслѣдiи великана. Аристократiя, Олигархiя губили отечество, и въ то время, когда оно измѣнило нравы, утвержденные вѣками, потрясенные внутри новыми, важными перемѣнами, которыя, удаливъ въ обычаяхъ Дворянство отъ народа, ослабили власть Духовную, могла ли Россiя обойтись безъ Государя? Самодержавiе сдѣлалось необходимѣе прежняго для охраненiя порядка, и дочь Iоан-

нова, бывъ нѣсколько дней въ зависимости осьми Аристократовъ, восприяла отъ народа, Дворянъ и Духовенства власть неограниченную. Сія Государыня хотѣла правительствовать согласно съ мыслями Петра Великаго и спѣшила исправить многія упущенія, сдѣланныя съ его времени. Преобразованная Россія казалась тогда величественнымъ недостроеннымъ зданіемъ, уже ознаменованнымъ нѣкоторыми примѣтами близкаго разрушенія: часть судебная, воинская, внѣшняя политика находились въ упадкѣ. Остерманъ и Минихъ, одушевленные честолюбіемъ заслужить имя великихъ мужей въ ихъ второмъ отечествѣ, дѣйствовали неутомимо и съ успѣхомъ блестящимъ; первый возвратилъ Россіи ея знаменитость въ Государственной системѣ Европейской, цѣль усилій Петровыхъ; Минихъ исправилъ, оживилъ воинскія учрежденія и давалъ намъ побѣды. Къ совершенной славѣ Аннина царствованія, не доставало третьяго мудраго дѣйствователя для законодательства и внутренняго гражданскаго образованія Россіянъ. Но злосчастная привязанность Анны къ любимцу бездушному, низкому, омрачила и жизнь и память ея въ Исторіи. Воскресла Тайная Канцелярія Преображенская съ пытками. И кого терзали? Враговъ ли Государыни? Никто изъ нихъ и мысленно не хотѣлъ ей зла; самые Долгорукіе виновны были только предъ отечествомъ, которое примирялось съ ними ихъ несчастіемъ. Биронъ, не-

достойный власти, думалъ утвердить ее въ рукахъ своихъ ужасами: самое легкое подозрѣніе, двусмысленное слово, даже молчаніе казалось ему иногда достаточною виною для казни или ссылки. Онъ безъ сомнѣнія имѣлъ непріятелей: добрые Россіяне могли ли видѣть равнодушно Курляндскаго Шляхтича почти на тронѣ? Но сіи Бироновы непріятели были истинными друзьями Престола и Анны.

Въ слѣдствіе двухъ заговоровъ, злобный Биронъ и добродушная Правительница утратили власть и свободу.

Россіяне хвалили царствованіе Елисаветы. Она изъявляла къ нимъ болѣе довѣренности, нежели къ Нѣмцамъ; возстановила власть Сената, отмѣнила смертную казнь. Вопреки своему человѣколюбію, Елисавета вмѣшалась въ войну кровопролитную и для насъ безполезную. Первымъ государственнымъ человѣкомъ сего времени былъ Канцлеръ Бестужевъ, умный и дѣятельный, но корыстолюбивый и пристрастный. Усыпленная нѣгою, Монархиня давала ему волю торговать политикою и силами Государства; наконецъ свергнула его. Счастіе, благопріятствуя мягкосердой Елисаветѣ въ ея правленіе, спасло Россію отъ тѣхъ чрезвычайныхъ золъ, коихъ не можетъ отвратить никакая мудрость человѣческая; но счастіе не могло спасти Государства отъ алчнаго корыстолюбія П. И. Шувалова. Ужасныя монополіи сего времени долго жили въ памяти народа, утѣсняемаго для вы-

роды частныхъ людей, и во вреду самой Казны. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ болѣе стойкостію воиновъ, нежели дарованіемъ военачальниковъ, Московскій Университетъ и Оды Ломоносова остаются красивѣйшими памятниками сего времени. Какъ при Аннѣ, такъ и при Елисаветѣ, Россія текла путемъ предписаннымъ ей рукою Петра, болѣе и болѣе удаляясь отъ своихъ древнихъ нравовъ и сообразуясь съ Европейскими. Замѣчались успѣхи свѣтскаго вкуса. Уже Дворъ нашъ блисталъ великолѣпіемъ. Въ одеждѣ, въ экипажахъ, въ услугѣ, Вельможи наши мѣрялись съ Парижемъ, Лондономъ, Вѣною.

Екатерина II была истинною преемницею величія Петрова и второю образовательницею новой Россіи. Главное дѣло сей незабвенной Монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчилась власть, не утративъ силы своей. Она ласкала такъ называемыхъ Философовъ XVIII вѣка, но хотѣла повелѣвать, какъ земной Богъ, и повелѣвала. Петръ имѣлъ нужду въ средствахъ жестокихъ; Екатерина могла обойтись безъ оныхъ, къ удовольствію своего нѣжнаго сердца, ибо не требовала отъ Россіянъ ничего противнаго ихъ совѣсти и гражданскимъ навыкамъ, стараясь единственно возвеличить данное ей Небомъ отечество, или славу свою побѣдами, законодательствомъ, просвѣщеніемъ. Ея душа гордая, благородная, боялась унизиться робкимъ подозрѣ-

віемъ, и страхи Тайной Канцеляріи исчезли. Съ ними вмѣстѣ исчезъ у насъ и духъ рабства.

Увѣренная въ своемъ величіи — твердая, непреклонная въ намѣреніяхъ объявленныхъ ею, будучи единственною душею всѣхъ государственныхъ движеній въ Россіи — не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ — безъ казни, безъ пытокъ, вліявъ въ сердца Министровъ, Полководцевъ, всѣхъ государственныхъ чиновниковъ живѣйшій страхъ сдѣлаться ей не угодными и пламенное усердіе заслуживать ея милость, Екатерина могла презирать легкомысленное злословіе и позволяла искренности говорить правду. Сей образъ мыслей, доказанный дѣлами 34 лѣтняго владычества, отличаетъ ея царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой Россійской Исторіи. Слѣдствіемъ были спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній, разума.

Возвысивъ нравственную цѣну человѣка въ своей Державѣ, она пересмотрѣла всѣ внутреннія части нашего зданія государственнаго, и не оставила ни единой безъ поправленія: Уставы Сената, Губерній, судебные, хозяйственные, военные, торговые усовершенствовались ею. Внѣшняя политика сего царствованія достойна особенной хвалы. Россія съ честію и славою занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ государственной Европейской системѣ. Воинствуя, мы разили. Петръ удивилъ Европу своими побѣдами; Екатерина пріучила ее къ нашимъ побѣ-

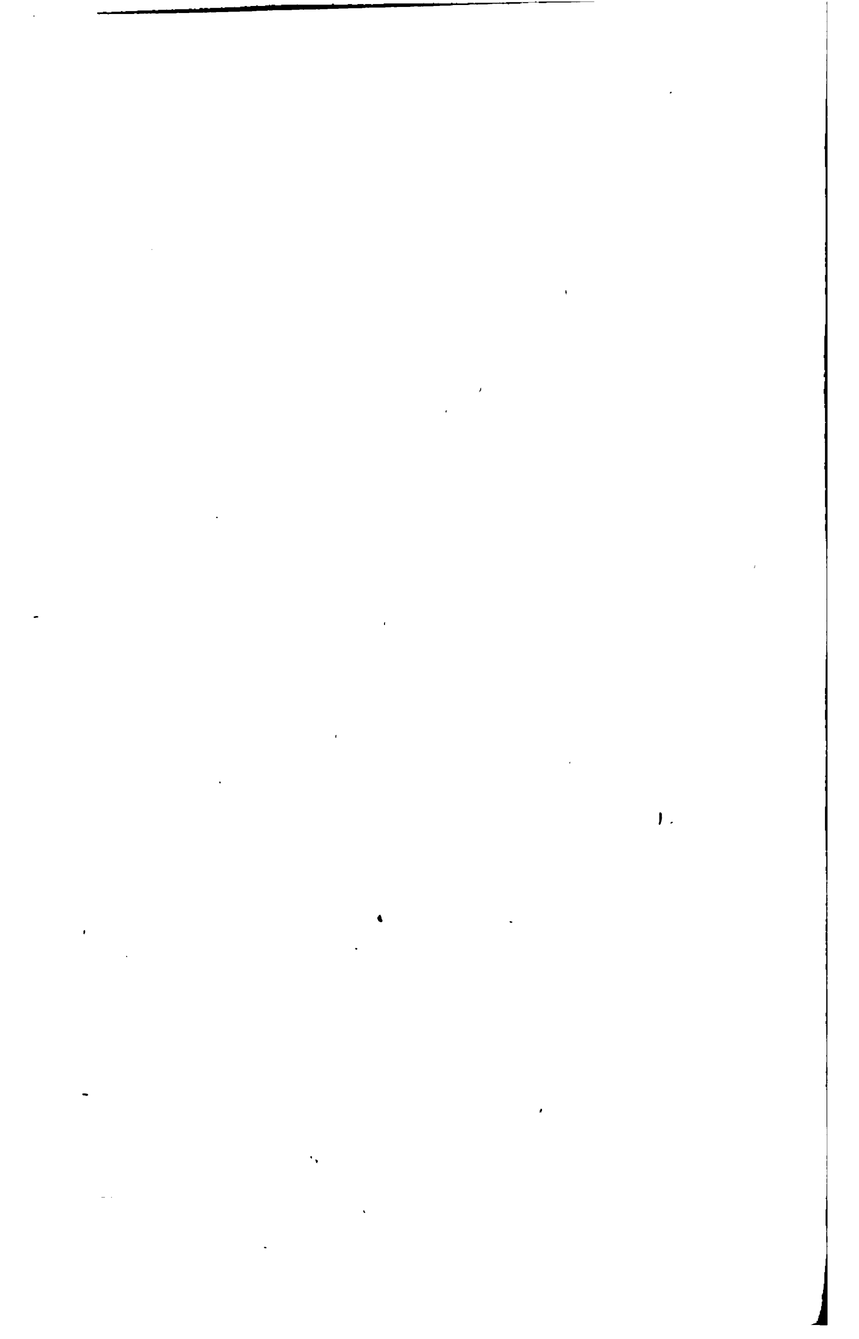
дамъ. Россіяне уже думали, что ничто въ мірѣ не можетъ одолѣть ихъ; заблужденіе славное для сей Великой Монархини! Она была женщина, но умѣла избирать Вождей такъ же, какъ Министровъ или Правителей Государственныхъ. Румянцевъ, Суворовъ, стали на ряду съ знаменитѣйшими Полководцами въ мірѣ; Князь Вяземскій заслужилъ имя достойнаго Министра, благоразумною государственною экономіею, храненіемъ порядка и цѣлости. Упрекнемъ ли Екатерину излишнимъ воинскимъ славолюбіемъ? Ея побѣды утвердили внѣшнюю безопасность Государства. Пусть иноземцы осуждаютъ раздѣлъ Польши: мы взяли свое. Правиломъ Монархини было не мѣшаться въ войны чуждыя и безполезныя для Россіи, но питать духъ ратный въ Имперіи, рожденной побѣдами.

Петръ III, желая угодить Дворянству, далъ ему свободу служить или не служить; умная Екатерина, не отмѣнивъ сего закона, отвратила его вредныя для Государства слѣдствія; соединила съ чинами новыя прелести или выгоды, вымышляя знаки отличій, и старалась поддерживать ихъ цѣну достоинствомъ людей, украшаемыхъ оными. Крестъ Св. Георгія не рождалъ, однакожь усиливалъ храбрость. Многіе служили, чтобы не лишиться мѣста и голоса въ Дворянскихъ Собраніяхъ; многіе, не смотря на успѣхи роскоши, любили чины и ленты гораздо болѣе корысти.

Сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Рос-

сіи, едва ли не всякой изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было одно изъ счастливѣйшихъ для Россіи; едва ли не всякой изъ насъ пожелалъ бы жить тогда.

1811 годъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ XII.

(1829 г.)

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

Г. 1606—1608.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВАСИЛІЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

Г. 1607—1609.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВАСИЛІЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

Г. 1608—1610.

ГЛАВА IV.

НИЗВЕРЖЕНІЕ ВАСИЛІЯ И МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

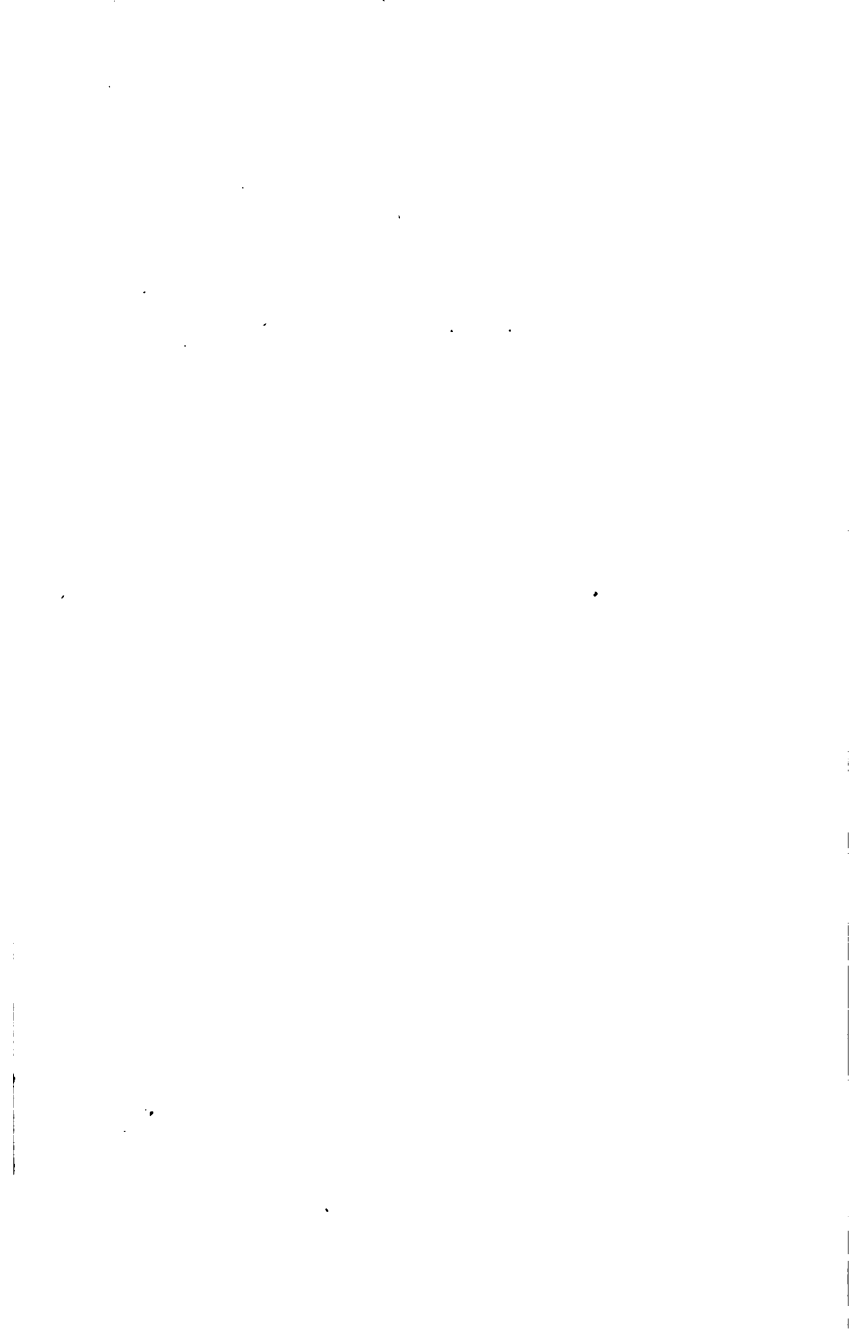
Г. 1610—1611.

ГЛАВА V.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

Г. 1611—1612.

Стр.

РОДОСЛОВНЫЯ
ВЛАДѢТЕЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ
РОССІЙСКИХЪ.

Здѣсь представлены не всѣ, но только важнѣйшія имена, для удобнаго обозрѣнія Княжескихъ поколѣній. Оставляю другому сочинить полныя росписи, коихъ матеріалы находятся въ сей Исторіи, или въ ея примѣчаніяхъ. Означаю или годъ смерти Князей (†), или тотъ, въ которомъ объ нихъ упоминается. — *Первая* роспись идетъ отъ XI вѣка до конца XII, также и *вторая; третья* отъ XI до половины XIII; *четвертая* отъ XII до XIII; *пятая* отъ XII до XV; *шестая* отъ XII до XIV; *седьмая* отъ XI до XIII; *осьмая* отъ XI до XV; *девятая* отъ половины XII до XVII вѣка.

Я

ИЛЬЯ. 1020. ВЛАДИМІРЪ. 1052. ИЗЯСЛАВЪ. См. № II. СВЯТОС См. №

РОСТИСЛАВЪ. † 1065.

РЮРИКЪ. † 1094. ВОЛОДАРЬ.

РОСТИСЛАВЪ. 1126. ВЛАДИМІРКО. † 1153. Дочь за сыномъ императора греческаго Алексія.

ІОАННЪ Берладникъ. 1144. ЯРОСЛАВЪ. † 1188.

РОСТИСЛАВЪ. ВЛАДИМІРЪ (женатъ на Болеславѣ, дочери Святослава Всеволодовича Черниговскаго). 1198. ОЛЕГЪ, сынъ наложницы.

Сынъ, женатъ на Θеодорѣ, дочери Романа Галицкаго).

ИЗЯСЛАВЪ,

МСТИСЛАВЪ. СВЯТОПОЛКЪ-МИХАИЛЪ. [...]КЪ.

РОСТИСЛАВЪ. 1093.

МСТИСЛАВЪ (отъ наложницы). 1099.

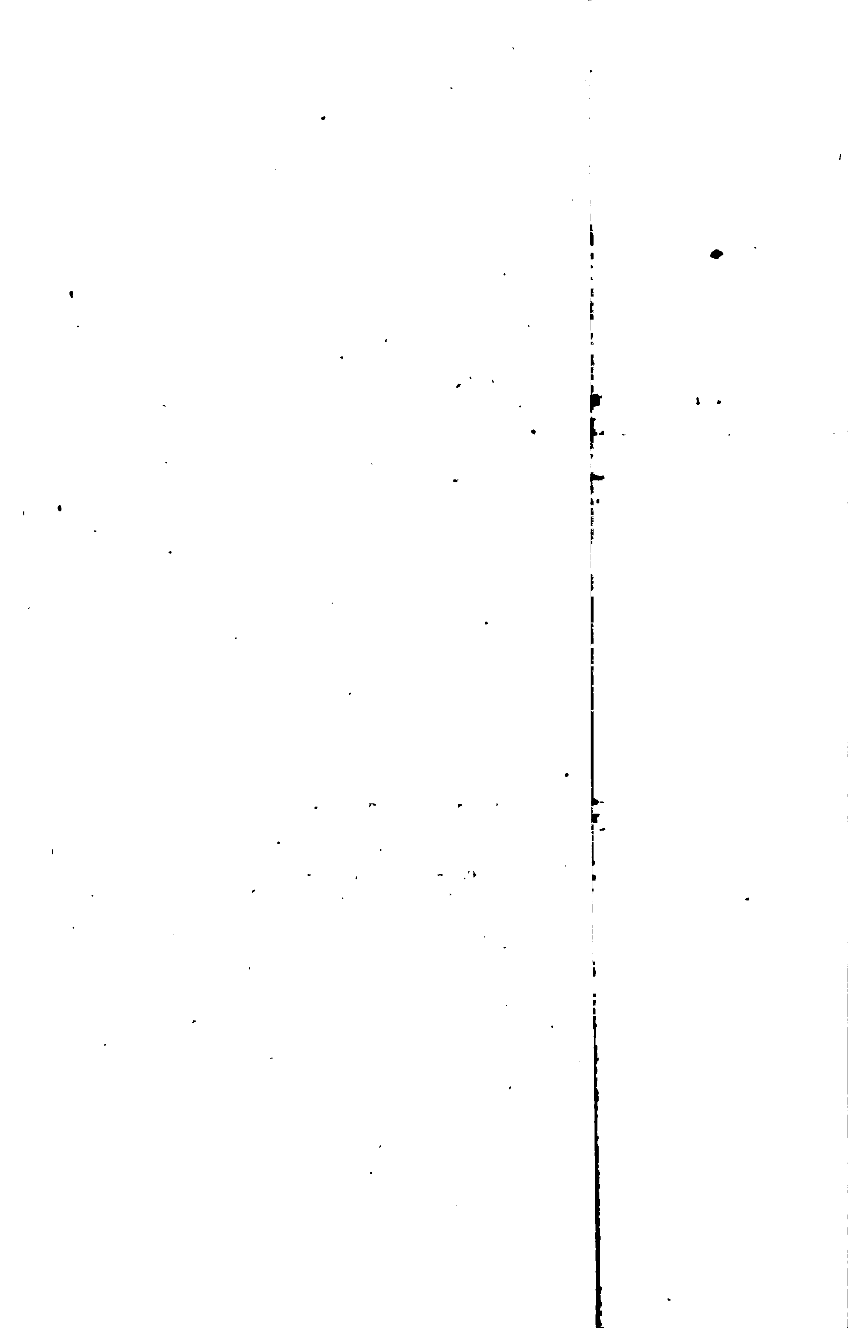
БРЯЧИСЛАВЪ. † 1127.

[...]ЧЕСЛАВЪ: † 1105.

ЯРОПОЛКЪ. 1190.

ИВАНЪ. 1166.

СВЯТОПОЛ[...] 1168.

ГЛѢБЪ.
† 1078.

ДАВИД

ИЗЯСЛАВЪ.
1161.

Дочь (за Глѣбомъ Георгіевичемъ, внукомъ Мономаха).
1154.

СВЯТОША.
1099—1106.

Дочь (за Всеволодомъ Мстиславичемъ, внукомъ Мономаха).

ВЛАДИМ
(ж. на дочери
лодка, внукѣ
маховой).
† 115

СВЯТОСЛ
(зять Боголю
† 116

ДИМІРЪ.
1201.

ОЛЕГЪ-
ПАВЕЛЪ.
1176.

ГЛѢБЪ.
1185—1205.

ЕВФИМІЯ
(за Царевичемъ Греческимъ Алексіемъ, сыномъ Исаакія).
1194.

МСТИСЛАВЪ.
1239.

ВЛАДИМ
(зять Михаи
дальскаго).
1176—1

ДОЧ
(за Киръ-Ми
Рязанскимъ).

РО
(зять
Венге

БЕ

МСТИСЛАВЪ-ѲЕОДОР
Великій.
(Первая его супруга Христина, дочь Шведскаго Короля Инга Стенкильсона).
† 1132.

ВСЕВОЛОДЪ-ГАВРІИЛЪ
(ж. на дочери Святоши).
† 1138.

ІОАННЪ.
† 1128.

ВЛАДИМІРЪ.
1136.

ВЕРХУСЛАВА
(за Княземъ Польскимъ).

ИЗЯСЛАВЪ.
† 1154.

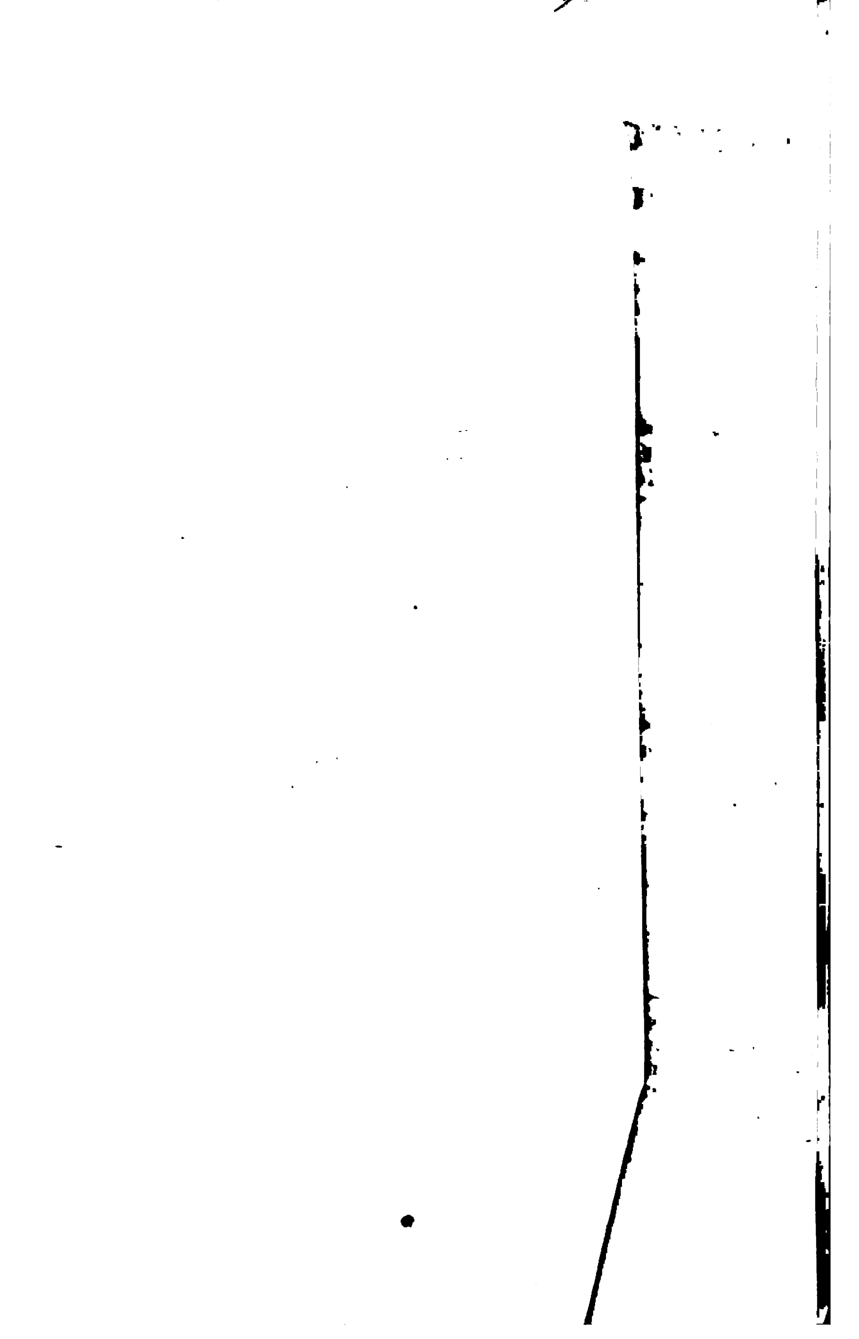
МСТИСЛАВЪ.
См. № VI.

ЯРОСЛАВЪ.

МСТИСЛАВЪ
Нѣмый.
1184.

ИВАНЪ.
1227.

РОСТИСЛАВ'
† 1168.
См. № V.

РОСТИ

СВЯТОСЛАВЪ. РОМАНЪ.

МСТИСЛАВЪ-БОРИСЪ.

СВЯТОСЛАВЪ. ВСЕВОЛОДЪ.
† 1232.

ПРЕДСЛАВА. ЕВФРОСИНІЯ-ЕСМАРАГДЪ.

ІОАННЪ. ѲЕОДОРЪ.
1467.

ІОАННЪ.

ЯРОС

РОС
Р

РОМАНЪ (зять Святослава Всеволодовича Черниговск.).

ИГОРЬ. † 1194.

ИНГВАРЬ-КОЗМА.

ЮРІЙ.

ГЛ (зять вида ленс

РОМАНЪ. † 1237.

ЮРІЙ. † 1237.

ѲЕОДОРЪ. † 1237.

ІОАННЪ Постникъ. † 1237.

ОЛЕГЪ.

РОМАНЪ.

КОНСТАНТИНЪ.

ЯРОСЛАВЪ.

ІОАННЪ.

ІОАННЪ. Коротополъ. 1340.

ОЛЕГЪ. 1380.

ѲЕОДОРЪ.

РОДИСЛАВ

ІОАННЪ.

ВАСИЛІЙ.

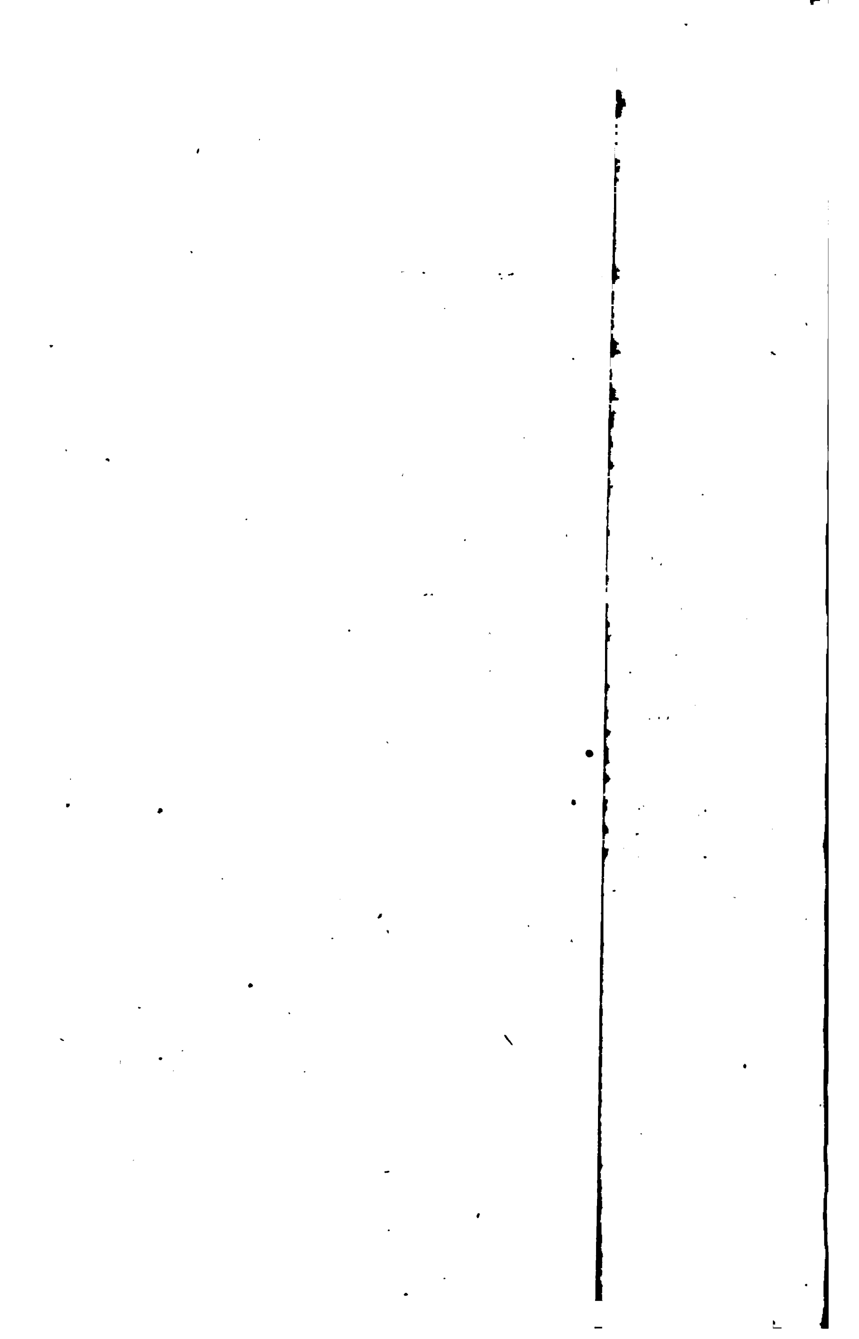
ІОАННЪ. 1467.

ѲЕОДОРЪ.

ІОАННЪ.

ИНГОРЬ

РОМАН

РОСТИСЛАВЪ. АНДРЕЙ Боголюбскій. ІОАНН

ЯРОПОЛКЪ. МСТИСЛАВЪ. РОМАНЪ. ВЛАДИМІРЪ.

СВЯТОСЛАВЪ.

КОНСТА
(Отъ него
Князья).

ѲЕОДОРЪ. АЛЕКСАНДР Невскій.

ВАСИЛІЙ. ДИМИТРІЙ. АН

ЮРІЙ. АЛЕКСАНДРЪ. БОРИСЪ

СИМЕОНЪ Гордый. ІОАННЪ II.

ДИМИТРІЙ Донскій. ІОАННЪ.

ДАНІИЛЪ. ВАСИЛІЙ. ЮРІЙ. АНДРЕЙ. ПЕТР

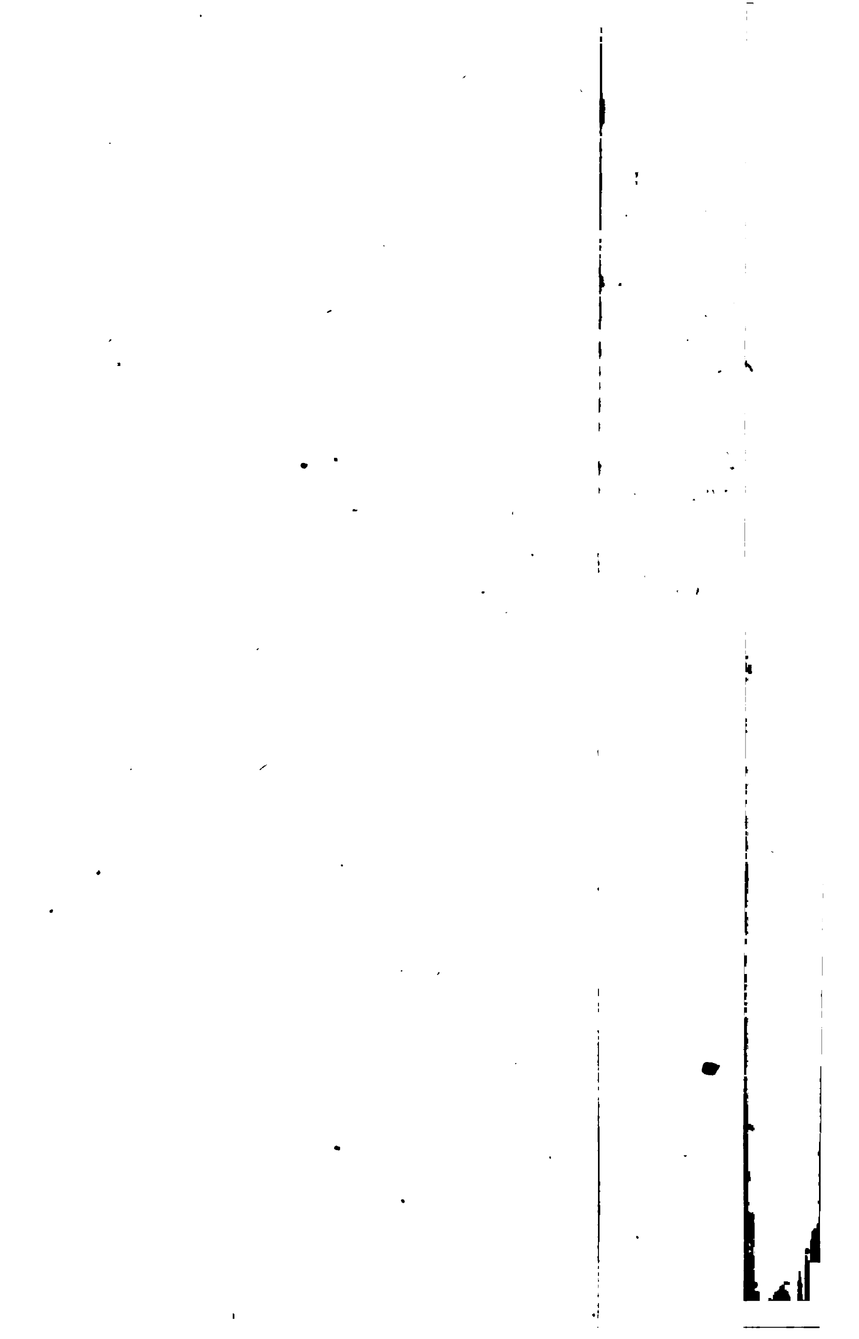
ІОАННЪ. ВАСИЛІЙ Темный.

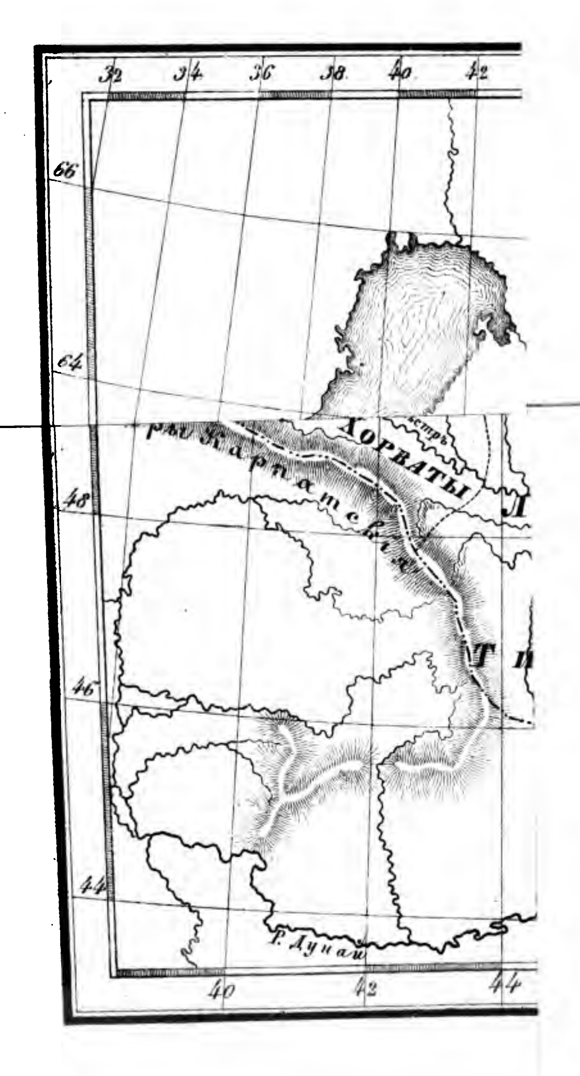
ЮРІЙ. ІОАННЪ III Великій. ЮРІЙ. АНДРЕЙ. БОРИ

ІОАННЪ. ВАСИЛІЙ. ЮРІЙ. ДИМИТРІЙ. СИМЕ

ДИМИТРІЙ. ІОАННЪ IV Грозный. ЮРІЙ.

ДИМИТРІЙ. ІОАННЪ. ѲЕОДОРЪ Царь. Св. ДИМИТРІЙ.

32
34
36
38
40
42
66
64
48
46
44
ХОРВАТЫ
ры Карпатскія
Р. Дунай
40
42
44

